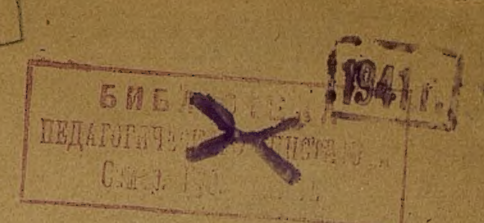
196768
91(47)+[92:9]
Л14
МАЙ 1984



ЭРИКЪ ЛАКСМАНЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ, ПУТЕШЕСТВІЯ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ПЕРЕПИСКА.

4458
92
1948 г.

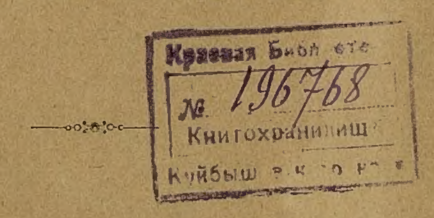
ВИЛЬГЕЛЬМА ЛАГУСА.

Съ шведскаго перевелъ Э. ПАЛАНДЕРЪ.

См. примѣч. 758.

СЪ ДВУМЯ КАРТАМИ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1890.

196768

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петерб[illegible]

[illegible]къ *А. Штраухъ.*

196768

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие“ порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ“ НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского. „Записки Института ЛЕНИНА“ т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

1948 г.

Извѣстный финляндскій ученый, заслуженный профессоръ и бывшій ректоръ Александровскаго университета въ Финляндіи, Вильгельмъ Лагусъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ изученію по источникамъ жизни и дѣятельности своего соотечественника Эрика Лаксмана, занимающаго почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашей Академіи Наукъ. Результаты этихъ разысканій изложены на шведскомъ языкѣ въ обширной біографіи, появившейся въ Гельсингфорсѣ въ концѣ 1880 года.

Академія не могла не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ предпринятому г. Лагусомъ труду и, сообщая ему матеріалы изъ своего архива, вмѣстѣ съ тѣмъ охотно вступила, по его просьбѣ, въ офиціальныя сношенія съ начальствующими въ Сибири лицами для полученія изъ тамошнихъ архивовъ свѣдѣній о Лаксманѣ, дѣятельность котораго происходила главнымъ образомъ въ этой странѣ. Обильнымъ источникомъ послужили г. Лагусу и шведскіе архивы, откуда ему доставлено было множество писемъ Лаксмана къ естествоиспытателямъ Швеціи. По выходѣ въ свѣтъ его біографіи въ подлинникѣ, напечатана была въ академическомъ изданіи (см. Сборникъ 2-го Отдѣленія, т. XXIX) обширная статья академика Я. К. Грота объ этомъ сочиненіи. Она оканчивалась слѣдующими строками: «Біографія Лаксмана, уже по одному содержанію своему, какъ біографія лица, дѣйствовавшаго въ Россіи и для Россіи и принадлежавшаго нашей Академіи Наукъ, заслуживаетъ быть переведенною на русскій

языкъ. Русскіе читатели съ благодарностью оцѣнили бы заслугу писателя, возстановившаго для потомства симпатичный образъ иноплеменнаго ученаго, который, переселившись въ Россію, горячо полюбилъ ее и задачею своей жизни поставилъ служеніе новому своему отечеству изученіемъ его и распространеніемъ познаній о его естественныхъ богатствахъ».

Русскимъ переводомъ сочиненія г. Лагуса занялся лекторъ Тавастгусской гимназіи г. Паландеръ. Академія Наукъ съ удовольствіемъ приняла на себя изданіе этого труда, при чемъ наблюденіе за печатаніемъ поручено было Я. К. Гроту, просмотръ же технической части — двумъ членамъ Физико-математическаго Отдѣленія, А. В. Гадолину и К. И. Максимовичу, которымъ и сообщались корректурные листы книги, по мѣрѣ ихъ выхода изъ типографіи. Въ отношеніи къ внѣшней сторонѣ перевода, сдѣланнаго не природнымъ русскимъ и представлявшаго большія трудности, нельзя было конечно требовать безукоризненной чистоты языка. Дѣятельное участіе въ окончательной отдѣлкѣ слога принималъ бывшій профессоръ Гельсингфорсскаго университета С. И. Барановскій, которымъ составленъ и приложенный въ концѣ книги указатель. При всемъ стараніи сдѣлать изложеніе текста вполнѣ удовлетворительнымъ, это не всегда удавалось, но, несмотря на встрѣчающіяся мѣстами шероховатости, люди, интересующіеся исторіею науки въ Россіи, безъ сомнѣнія не откажутъ въ признаніи заслуги переводчика и пользы настоящаго изданія.

Май, 1890.

I.

Введеніе.

Имя Лаксмана часто упоминается съ похвалою какъ современными ему, такъ и болѣе поздними писателями почти по всѣмъ областямъ естествовѣдѣнія — ботаниками, зоологами, минералогами, химиками и метеорологами; но мы не имѣемъ связнаго, болѣе полнаго описанія жизни и дѣятельности его. Все, что̀ до насъ дошло о немъ, ограничивается сообщеніями, занимающими не болѣе нѣсколькихъ строкъ или много страницы; этимъ мы обязаны Бюшингу[1]), І. Хр. Гроту[2]), Леммериху[3]), Бернульи[4]), Мейзелю[5]), Ротермунду[6]), Георги[7]), И. А. Эйлеру[8]), Спасскому[9]), Евгенію[10]), Розенгане[11]), Визельгрену[12]), Йельту[13]), Бергу[14]), Поггендорфу[15]), Мейеру[16]) и другимъ составителямъ библіографическихъ указателей и энциклопедическихъ словарей. Въ этихъ скудныхъ сообщеніяхъ одни нерѣдко шли по ошибочнымъ слѣдамъ другихъ или же прибавляли новыя ошибки, вслѣдствіе чего самыя послѣднія свѣдѣнія и сдѣлались самыми ненадежными[17]). Извѣстія о Лаксманѣ, встрѣчающіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени, вообще болѣе вѣрны, но имѣютъ совершенно случайный характеръ.

Такимъ образомъ сохранившіяся въ печати воспоминанія о Лаксманѣ не соотвѣтствуютъ заслугамъ изслѣдователя, которому по многимъ вопросамъ принадлежитъ первый починъ и коего внѣшнія обстоятельства были необыкновенно перемѣнчивы и странны. Этимъ объясняются два особенныя затрудненія при составленіи его біографіи. Съ одной стороны подробности первой половины его жизни, имѣвшей огромное вліяніе на всю

1

судьбу его, должны быть почерпаемы въ малоизвѣстной Финляндіи, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію и воспитанію: бо̀льшая же часть послѣднихъ лѣтъ его протекла въ другой, отдаленной и суровой странѣ, — въ Сибири, гдѣ онъ нашелъ и свою могилу. Къ этому, съ другой стороны, слѣдуетъ прибавить, что отличительное направленіе дѣятельности его, вызванное рано развившеюся въ немъ любовью къ природѣ во всемъ ея разнообразіи, не позволяло ему заключиться въ тѣсные предѣлы одной области знаній; онъ никогда не сосредоточивалъ умственныхъ силъ своихъ на какомъ-нибудь обширномъ капитальномъ трудѣ, который могъ-бы возбуждать въ потомствѣ болѣе сильное желаніе познакомиться съ его личностью. Подобно многимъ другимъ знаменитымъ ученымъ [18]) не охотно предаваясь работѣ систематическаго изложенія, онъ довольствовался отмѣтками въ краткихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, или эскизами всего новаго, имъ видѣннаго и испытаннаго, или же излагалъ свои наблюденія въ дружескихъ письмахъ къ многочисленнымъ корреспондентамъ и друзьямъ, съ которыми обмѣнивался находками.

Слѣдствіемъ этого было то, что произведенія пера его приходится отыскивать въ далеко разбросанныхъ мѣстахъ и собирать главнымъ образомъ изъ газетъ и брошюръ, которыя навѣрно ни въ одной библіотекѣ не отыщутся всѣ; притомъ труды его интересуютъ лишь немногихъ ученыхъ и обыкновенно не содержатъ ни малѣйшаго намека на самого автора. Можетъ статься, наконецъ, для желавшихъ узнать о немъ болѣе и то служило помѣхою, что онъ часто писалъ на мало извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ языкахъ, шведскомъ и русскомъ.

При упомянутыхъ обстоятельствахъ этотъ многосторонній спеціалистъ, этотъ «acutissimus observator», какъ называли его Палласъ, Риттеръ и др., остался бы еще болѣе забытымъ и неизвѣстнымъ, еслибъ онъ около десяти лѣтъ не состоялъ ординарнымъ членомъ одного изъ центровъ европейской учености, Петербургской Академіи Наукъ, хотя,—прибавимъ тутъ же,— этотъ періодъ не даетъ ему единственнаго или главнаго права на прочное воспоминаніе.

Руководясь участіемъ, всегда питаемымъ къ заслуженному и знаменитому соотечественнику и по возможности ознакомившись

съ тѣмъ, что̀ было опубликовано о Лаксманѣ или сообщено имъ самимъ, я попытался изъ этого матеріала составить цѣлое. Однакожъ пробѣлы и противорѣчія въ собранномъ матеріалѣ оказались слишкомъ важными, чтобы начертить правдивую и удовлетворительную картину его жизни. Я не могъ довольствоваться невѣрными, на скорую руку набросанными, въ формѣ реестровъ работами прежнихъ біографовъ, не могъ остановиться и на множествѣ вновь пріобрѣтенныхъ вѣрныхъ фактовъ: факты служатъ не проявленіемъ жизни, а скорѣе свидѣтельствомъ прошедшаго, изъ нихъ мы только узнаемъ, что они случились, не извѣстно однакожъ почему. Оставалось изслѣдовать ихъ настоящее достоинство и значеніе, ихъ происхожденіе и связь, ихъ внѣшнія и внутреннія условія; оставалось то, что̀ было главною задачею біографіи, какою я представлялъ ее себѣ.

Продолжительные поиски и весьма обширная переписка мало по малу доставляли мнѣ изъ разныхъ собраній рукописей въ Финляндіи, Швеціи, въ Петербургѣ и Сибири драгоцѣнныя пособія для моей цѣли. Въ особенности благопріятно было открытіе, что гораздо большее число собственноручныхъ писемъ Лаксмана, нежели я смѣлъ надѣяться, избѣгли уничтоженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ удалось мнѣ получить не мало неизвѣстныхъ до того писемъ, написанныхъ современниками Лаксмана, иногда къ нему самому, затрогивающихъ то, что̀ его интересовало, или заключающихъ въ себѣ мнѣнія и свѣдѣнія объ его предпріятіяхъ. Разные офиціальные документы, протоколы и служебные отчеты были сверхъ того предоставлены въ мое распоряженіе.

На основаніи этихъ-то вкратцѣ упомянутыхъ, какъ рукописныхъ такъ и печатныхъ матеріаловъ, при собираніи которыхъ я пользовался обязательною помощію многихъ лицъ *),

*) Въ этомъ отношеніи считаю пріятнымъ долгомъ особенно упомянуть о гг. академикахъ Я. К. Гротѣ и А. А. Шифнерѣ въ С.-Петербургѣ, ходатайству которыхъ я обязанъ тѣмъ, что во время пребыванія моего въ сѣверной столицѣ не только многіе архивы и библіотеки были мнѣ доступны, но также и великимъ преимуществомъ, что съ разрѣшенія тамошней Академіи Наукъ я могъ пользоваться дома у себя многими дорогими книгами и документами. Съ рѣдкою услужливостью и г. библіотекарь И. А. Альстрандъ въ Стокгольмѣ высылалъ мнѣ богатый матеріалъ изъ собранія рукописей шведской Академіи наукъ и изъ другихъ рукописныхъ коллекцій. Къ сожалѣнію, два весьма важныя дополненія къ собраннымъ мною матеріаламъ дошли до

и составилась предлагаемая біографія Лаксмана. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ или другой болѣе или менѣе важный пунктъ въ ней окажется недостаточно выясненнымъ; но во всякомъ случаѣ описываемое нами лицо теперь почти ни на минуту своей подвижной и тревожной жизни не остается вполнѣ сокрытымъ отъ нашего взора. Мы можемъ слѣдить за ходомъ судьбы его, можемъ обозрѣвать жизнь его отъ колыбели до могилы, можемъ заглянуть въ душу его, узнать его намѣренія и надежды, какъ осуществившіяся, такъ и обманутыя, часто выраженныя его собственными словами; судъ нашъ о немъ можетъ опираться на свидѣтельство людей близкихъ къ нему и къ его дѣятельности.

Будетъ ли читатель признателенъ мнѣ за новое знакомство, которое я намѣренъ доставить ему? Я убѣжденъ въ томъ, насколько это касается самаго человѣка; ибо, говоря предварительно о немъ, онъ мнѣ кажется такимъ, что каждый пожелаетъ расширить свое знаніе людей изученіемъ этого вполнѣ самостоятельнаго характера, этой личности, будто выхваченной изъ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, онъ испыталъ и совершилъ столь многое, вступилъ на такіе новые пути, сорвалъ покрывало со столькихъ предметовъ и истинъ въ природѣ, обогатилъ музеи и коллекціи такими цѣнными вкладами, подавалъ съ такою готовностью руку помощи лучшимъ мужамъ своего времени, отъ Линнея до Палласа, и на своемъ собственномъ служебномъ поприщѣ встрѣчалъ столь необыкновенныя превратности; наконецъ обладалъ такою здоровою, прямою и энергичною, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромною и покорною душою, что отъ него нельзя не поучиться и не взять его въ примѣръ.

Пусть онъ, съ точки зрѣнія распредѣленія труда въ наше время, при исключительномъ правѣ, присвоенномъ разнымъ изслѣдователямъ на каждую отдѣльную былинку, простиралъ любознательность свою на слишкомъ многія области, чтобы сдѣлаться первенствующимъ на одномъ изъ нихъ. Допустимъ, что въ немъ

меня уже по отпечатаніи большей части текста біографіи. Я разумѣю: 1) записку, присланную мнѣ внукомъ Эрика Лаксмана, русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лиссабонѣ А. А. Лаксманомъ, и 2) письма нашего ученаго къ архіепископу Меннандеру. Свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ этихъ двухъ источниковъ, читатель найдетъ въ особой главѣ, помѣщенной въ концѣ настоящаго труда.

мы не находимъ въ точномъ смыслѣ теоретика, еще менѣе дрессированнаго по правиламъ искусства при свѣтѣ ночной лампы кабинетнаго ученаго. Допустимъ также, что экономическая теорія полезности, единственная теорія, имѣвшая нѣчто привлекательное для его практическаго ума, покажется намъ довольно старомодною. Такъ пусть-же насладятся контрастами! И читатель пусть радуется, что живетъ въ такое время, когда все понимается гораздо лучше, и проститъ благосклонно главный недостатокъ Лаксмана, если это можно назвать недостаткомъ,— его кроткую дѣтскую простоту, которая отъ зрѣлища прекрасной и мудрой цѣлесообразности природы направила его на путь науки, не такъ, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ (хотя часто не достигая цѣли) — отъ науки идемъ къ природѣ. Природныхъ поэтовъ мы иногда находимъ и въ ученомъ мірѣ: Лаксманъ былъ именно такимъ поэтомъ. Закончивъ трудъ жизни грустною одинокою смертью, онъ своимъ неустаннымъ самоотверженіемъ примиритъ съ собою и самаго строгаго критика.

Но съ другой стороны, мое изложеніе этого богатаго, многообъемлющаго предмета несомнѣнно встрѣтитъ много важныхъ возраженій. Болѣе всего меня безпокоитъ масса разнородныхъ спеціальностей, которыя необходимо будетъ совмѣстить, ибо онѣ легко производятъ утомленіе, особенно если будетъ сдѣланъ какой нибудь промахъ при группировкѣ ихъ. Тѣмъ не менѣе составленный мною планъ не позволитъ мнѣ самовольно убавлять ихъ или по произволу облегчать грузъ, даже жертвуя выгодой черезъ то сдѣлать разсказъ заманчивѣе или сообщить ему бóльшую наглядность. Такъ какъ я вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился включать въ самый текстъ болѣе подробныя и преимущественно буквальныя цитаты изъ писемъ Лаксмана, да изъ сочиненій, большею частью рѣдкихъ — меня все-таки затрудняетъ пестрое содержаніе этихъ актовъ и обязываетъ приложить къ нимъ необходимыя пояснительныя примѣчанія. Біографъ, и въ особенности описывающій такого завзятаго любителя дѣйствительности и энтузіаста частностей, какимъ былъ Лаксманъ, не располагаетъ свободою автора мемуаровъ оставлять вопросы неисчерпанными и неизслѣдованными, а принужденъ, хоть нехотя, разрѣшать ихъ по всѣмъ пунктамъ.

Съ этимъ сопряжено другое затрудненіе. Если біографія обязана оказать лицу полное вниманіе, то она должна не только придать его стремленіямъ жизнь и движеніе, но, идя впередъ съ жизнью и движеніемъ, отмѣчать то, что̀ отъ него осталось существующимъ въ результатахъ; она должна, вмѣстѣ съ исторіею, отыскать и занять точку зрѣнія прошедшаго времени; а вслѣдъ за тѣмъ должна критически стать на точку зрѣнія современности; она должна заботиться о томъ, чтобы изображаемое лицо являлось не только жившимъ, но и живущимъ еще теперь съ нами. Эта двойная задача требуетъ тѣмъ болѣе вниманія, чѣмъ многостороннѣе, чѣмъ спеціальнѣе и чѣмъ менѣе замѣтна была работа отдѣльной личности. Хотя я не спеціалистъ въ тѣхъ разнородныхъ областяхъ, о которыхъ мнѣ придется говорить, но не могу, изъ опасенія кое-гдѣ впасть въ ошибку, небрежно относиться къ тому, что̀ признаю долгомъ своимъ, — долгомъ, который въ настоящемъ случаѣ становится еще обязательнѣе вслѣдствіе равнодушія самого Лаксмана къ достиженію первенства при жизни или славы въ потомствѣ.

Связующею основою для множества мелкихъ и пестрыхъ частностей постараюсь представлять читателю болѣе обширный видъ, картину времени или описаніе мѣстностей, — сожалѣя однако, что это лишь изрѣдка можно будетъ дѣлать словами самого Лаксмана. Въ какихъ-бы разнообразныхъ обстоятельствахъ онъ ни находился, какъ бы ни были многоразличны земли, которыя посѣщалъ этотъ континентальный Одиссей, въ его письмахъ и прочихъ сочиненіяхъ встрѣчаются лишь весьма рѣдко общія обозрѣнія и характеристики. Послѣ того, какъ Шлёцеръ употребилъ во зло нѣкоторыя изъ его откровенныхъ юношескихъ сообщеній [19]), онъ, кажется, наложилъ на себя строгую осторожность въ своей перепискѣ, и мало по малу (послѣ того, какъ въ началѣ его авторской дѣятельности Палласъ, Фалькъ и Георги въ объемистыхъ сочиненіяхъ воспользовались его примѣромъ) потерялъ охоту публиковать что-либо, кромѣ того, что̀ непосредственно въ данный моментъ находилось передъ его глазами, какъ наблюдателя, или подъ его рукою, какъ собирателя. Обо всемъ прочемъ, лежавшемъ у него на пути, гдѣ, какъ онъ полагалъ, починъ не принадлежалъ ему одному, онъ съ какимъ-то прене-

бреженіемъ умалчивалъ, такъ что лишь изъ сообщенія о мѣстѣ наблюденія какого либо цвѣтка, насѣкомаго, минерала или о стояніи барометра, можно заключить, что онъ находился въ томъ или другомъ пунктѣ. Ему не приходило на мысль, что легко доступное и всѣмъ извѣстное сегодня, будетъ завтра или спустя нѣсколько лѣтъ, а тѣмъ болѣе черезъ столѣтіе, видно лишь при помощи зрительной трубы изслѣдованія. Упущенное имъ біографъ его лишь тогда имѣетъ право или обязанность дополнить, когда вѣрность общаго впечатлѣнія можетъ отъ того зависѣть.

Свойство самого предмета усиливаетъ опасеніе автора, что изложеніе его будетъ неровно, и такимъ образомъ не совсѣмъ удовлетворительно. Фактическое содержаніе матеріала входитъ то въ сферу вседневной жизни, то въ область строгой науки; при обработкѣ его, выписки изъ собственныхъ сочиненій Лаксмана постоянно связывали меня, и я чувствую, что иное требовало бы болѣе полной передѣлки, чтобъ быть умѣстнымъ въ біографіи. Поэтому я предвижу невозможность достигнуть той стройности изложенія, при которой ходъ жизни, событій и дѣйствій являлись бы въ естественной между собою связи. Всего болѣе боюсь, что мѣста, гдѣ должны быть повѣрены самые источники и сличены несложныя между собою свѣдѣнія, будутъ отзываться нѣкоторою изысканностью и сухостью ученаго изслѣдованія. Простой эпическій характеръ разсказа при этомъ неминуемо пропадаетъ. Но чтобы на сколько возможно спасти единство цѣлаго, я въ такихъ случаяхъ и вообще въ продолженіе всего изложенія, намѣренъ прибѣгать къ помощи примѣчаній, устраняя изъ текста такія подробности, которыя могли бы показаться читателю излишними. Вѣрность изображенія въ цѣломъ и въ частностяхъ, правда и безпристрастіе картины будутъ первою и послѣднею моею цѣлью; лишь при этихъ условіяхъ я могу ожидать снисхожденія къ недостаткамъ этого труда.

II.

Время отъ 1737 до 1762 года.

Рожденіе Лаксмана въ Нейшлотѣ. Несчастія родительскаго дома. Посѣщеніе школы въ Рантасальми, гимназіи въ Борго и Абовскаго университета. Посвящается въ священники и дѣлается помощникомъ пастора.

Эрикъ Лаксманъ [20]) родился въ маленькомъ городкѣ [21]) при Нейшлотской крѣпости, 27-го іюля 1737 года [22]), слѣдовательно въ то время, когда эта часть Финляндіи еще была подвластна Швеціи. Откуда происходилъ родъ его, составлялъ ли онъ отрасль соименнаго рода, извѣстнаго уже въ XIV столѣтіи, во время царствованія Эрика Померанскаго, — это неизвѣстно. Отецъ Густавъ Лаксманъ состоялъ мѣщаниномъ и купцомъ города Нейшлота; онъ утонулъ въ 1756 г. [23]), оставивъ вдову свою Елену Фабриціусъ [24]), скончавшуюся въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1775 г. [25]), и девять человѣкъ непристроенныхъ дѣтей, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Потомки семейства, оставшіеся на родинѣ, впослѣдствіи перешли, кажется, въ крестьянское сословіе [27]).

Дѣтство и молодость Эрика Лаксмана прошли при злополучныхъ и тяжкихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Война, необдуманно начатая Швеціею, жестоко опустошала его родину и особенно мѣстность около Нейшлота. Крѣпость, куда спасались толпы людей изъ окрестностей, въ августѣ 1742 г. принуждена была сдаться, и всѣмъ нашедшимъ тамъ убѣжище было дозволено выйти вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, при распущенныхъ знаменахъ и барабанномъ боѣ, но увы! для того только, чтобы направить печальные шаги свои къ истоптаннымъ полямъ, къ разоренньмъ домамъ и дворамъ. Вскорѣ послѣ того заключенъ былъ миръ, оторвавшій ихъ на вѣки отъ родной Швеціи. Жестокая участь постигла множество частныхъ лицъ, такъ напр. мѣстный пасторъ, Павелъ Крогіусъ [28]), видѣвшій муки и разореніе прихожанъ своихъ, принужденъ былъ со своимъ большимъ семействомъ обратиться въ бѣгство, переполненное страданій. Судя по этому, а также по разоренному состоянію, въ которое

страна эта была повергнута на долгое время, вслѣдствіе тяжкихъ контрибуцій въ пользу друзей и недруговъ, надо предполагать, что и родителямъ Лаксмана досталась тяжкая доля въ этихъ общихъ несчастіяхъ, такъ какъ извѣстно, что они послѣ того жили въ большой нуждѣ.

Осталось однакожъ одно утѣшеніе и облегченіе въ несчастіи, именно: побѣдившая императрица, предлагавшая Финляндіи еще во время войны, замѣчательнымъ манифестомъ, самостоятельность отдѣльнаго государства, оставила своимъ новымъ подданнымъ ихъ старинные законы и общественныя учрежденія, чѣмъ были спасены ихъ лучшее имущество, ихъ надежда на будущность: духовная, умственная связь съ остальною Финляндіей, остававшейся еще 65 лѣтъ подъ державою Швеціи. Эта часть Финляндіи съ готовностью раздѣляла все что могла со своими въ политическомъ отношеніи разлученными сынами: попрежнему принимая ихъ въ свои учебныя заведенія и присутственныя мѣста.

Съ давнихъ временъ въ Нейшлотѣ существовало училище, которое въ то время однакожъ, вслѣдствіе многолѣтней войны и безпечности своего начальника I. Бушмана, находилось въ бѣдственномъ состояніи. Можно полагать, что Лаксманъ, отецъ котораго занималъ какую-то хозяйственную должность при училищѣ [29]), началъ обученіе свое въ немъ; оттуда онъ поступилъ въ учрежденное въ 1748 г. тривіальное училище въ Рантасальми, въ шведской части Финляндіи. Это училище, по многимъ причинамъ, какъ-то за неимѣніемъ постояннаго помѣщенія, вслѣдствіе трудности для учителей и воспитанниковъ на мѣстѣ находить квартиры [30]) и пр., мало по малу пришло въ упадокъ; но въ первое десятилѣтіе своего существованія, когда ректорами его были сперва Б. Крокъ, а потомъ Н. Агандеръ, оно еще пользовалось общимъ довѣріемъ и было посѣщаемо многими молодыми людьми изъ окрестныхъ приходовъ, преимущественно изъ прихода Йоккасъ. Назовемъ нѣкоторыхъ товарищей Лаксмана по этому училищу: Абр. и П. Р. Фабриціусы, вѣроятно состоявшіе въ родствѣ съ нимъ по матери; изъ нихъ послѣдній умеръ областнымъ судьею, въ глубокой старости, въ 1819 г.; К. Г. Веманъ, впослѣдствіи первый доцентъ финскаго языка

при Абовскомъ университетѣ; М. І. Алопеусъ, бывшій епископомъ, — родственникъ Лаксмана.

По окончаніи школьнаго курса, Лаксманъ обучался въ Боргоской гимназіи, перенесенной изъ Выборга, послѣ того какъ русскіе овладѣли этимъ городомъ. По матрикулу этой гимназіи, Лаксманъ вступилъ въ нее 15-го марта 1755 года, т. е. въ тотъ же день, когда и вышеупомянутые Фабриціусы поступили туда; а по другой запискѣ [32]) временемъ вступленія названъ 1753 годъ. Благопріятной случайностью для него можно считать то, что онъ здѣсь встрѣтился съ прежнимъ учителемъ своимъ по школѣ—съ Б. Крокомъ, обладавшимъ обширными познаніями; онъ былъ лекторомъ греческаго и еврейскаго языковъ въ гимназіи. Также и другіе опытные и усердные учителя, богословъ П. Бонсдорфъ, лекторъ элоквенціи, впослѣдствіи епископъ П. Крогіусъ (сынъ Нейшлотскаго пастора) и другіе содѣйствовали въ то время доброй славѣ гимназіи. По понятіямъ нашего времени обученіе не было очень обширно и имѣло цѣлію не столько сообщеніе извѣстныхъ спеціальныхъ познаній, сколько и даже болѣе сообщеніе свѣдѣній, считавшихся нужными для общаго и преимущественно для богословскаго образованія. Направленіе къ полезности, проявлявшееся въ продолженіе всего т. н. періода свободы въ шведской исторіи, и придавшее ему своеобразный отпечатокъ, не могло не оказывать своего вліянія на отрасли общественной жизни, что почувствовалось также и въ преподаваніи элементарныхъ свѣдѣній. Хотя естественныя науки занимали менѣе половины времени того учителя, который преподавалъ также математику и логику, но къ нимъ относились внимательно. Съ 1750 г. гимназія имѣла весьма хорошія минералогическія, ботаническія и зоологическія коллекціи [32a]). Представителемъ этихъ наукъ при гимназіи былъ магистръ, впослѣдствіи докторъ богословія І. Боргстремъ, бывшій передъ тѣмъ доцентомъ экономіи и естественныхъ наукъ въ Абовскомъ университетѣ послѣ Кальма, и вполнѣ воспитанный въ духѣ этого своего знаменитаго предшественника. Хотя самъ онъ, по мнѣнію Портана, имѣлъ лишь посредственныя познанія въ предметѣ своего преподаванія, но умѣлъ возбуждать особенный интересъ къ нему

въ ученикахъ своихъ, между которыми главное мѣсто впослѣдствіи занимали Лаксманъ и Калоніусъ [34]).

О гимназической жизни и занятіяхъ перваго изъ этихъ воспитанниковъ гимназіи, написано послѣднимъ уже въ то время, когда они оба были извѣстными учеными. Калоніусъ [35]) пишетъ: «Лаксманъ пробылъ въ гимназіи болѣе четырехъ лѣтъ, изучалъ начала ботаники подъ руководствомъ тогдашняго лектора математики Боргстрема, и уже тогда оказывалъ особенныя способности къ естественнымъ наукамъ тою истинною ревностью, съ которою онъ собиралъ всѣ растенія, находящіяся въ той мѣстности. Будучи въ крайней нуждѣ, онъ не получалъ почти никакой помощи и отъ родителей своихъ, которые сами были совершенно бѣдны. Но болѣе зажиточные изъ его товарищей оказывали ему значительную матеріальную поддержку, отчасти и майоръ Лэвингъ (знаменитый финляндскій партизанъ во время войнъ съ Россіею), дальній родственникъ Лаксмана» [36]). Согласно съ этимъ пишетъ Портáнъ [37]), который былъ только двумя годами моложе его: «многіе изъ находящихся здѣсь (въ г. Або) товарищей Лаксмана по гимназіи, разсказывали мнѣ, что онъ на столько былъ угнетенъ бѣдностью своею въ Борго, что даже не имѣлъ квартиры, а проживалъ у товарищей своихъ; но его любовь къ естественнымъ наукамъ обнаруживалась уже въ весьма сильной степени».

По окончаніи гимназическаго курса въ сентябрѣ 1757 г. и получивъ, какъ значится въ матрикулѣ, «testimonium quod bonae indolis juveni debetur», Лаксманъ 8-го числа слѣдующаго октября мѣсяца былъ записанъ въ студенты Абовскаго университета и зачисленъ въ Выборгское отдѣленіе, въ которое тогда поступало большинство студентовъ, прибывавшихъ съ русской стороны Финляндіи. Совершенная бѣдность однакожъ не дозволила ему оставаться здѣсь долѣе нѣсколькихъ недѣль; кромѣ товарищей по гимназіи тутъ не было у него рѣшительно никакихъ знакомыхъ; также нѣтъ и намека на то, чтобы онъ впослѣдствіи возвращался въ Або или отправлялся въ другой какой либо университетъ. Должно слѣдовательно считать ошибкою показаніе, будто онъ пріобрѣлъ степень магистра [38]). Но изъ отношеній его къ ученику Линнея П. Кальму и къ П. А. Гадду

видно, что онъ во время своего кратковременнаго пребыванія въ Або не пропустилъ случая познакомиться съ этими учеными, изъ которыхъ старшій сталъ извѣстенъ своими ботаническими поѣздками, между прочимъ въ Украйну и въ Америку, а младшій — какъ химикъ и инспекторъ селитряныхъ заводовъ; оба прославились особеннымъ рвеніемъ къ акклиматизированію заграничныхъ, преимущественно американскихъ и сибирскихъ растеній, и другими опытами по части естественной исторіи. Хорошею славою, какъ ботаникъ и минералогъ, пользовался также ученый преемникъ Спэринга, медикъ І. Лехе, оказавшій большія услуги университетскому музею. Вообще въ то время экономическія ученыя занятія процвѣтали при нашемъ университетѣ, чему въ особенности содѣйствовали оба бывшіе профессора физики, епископы и проканцлеры І. Бровалліусъ и К. Ф. Меннандеръ.

Всѣ послѣдующіе ученые труды Лаксмана остались вѣрны тому направленію, какое было указано примѣромъ, наставленіемъ и многочисленными сочиненіями этихъ учителей, тѣмъ болѣе, что въ нихъ находилось только продолженіе направленія, избраннаго имъ уже въ гимназіи. Въ рѣчи, сказанной имъ впослѣдствіи на нѣмецкомъ языкѣ, онъ говоритъ: «Знаніе природы заключаетъ въ себѣ всѣ предметы, служащіе для удовлетворенія нашихъ жизненныхъ потребностей, удобствъ, красоты и роскоши. Эта наука занимается всѣмъ, что̀ наша земля производитъ. Я постоянно любилъ ее и не пропускалъ случая углубляться въ нее... Такія думы очень рано сдѣлали меня любителемъ естествознанія. Часто читая о пользѣ того или другого предмета, я скорбѣлъ, что не могъ воспользоваться хвалимымъ предметомъ, не зная наглядно того, чему читалъ похвалы. Тогда я началъ напрягать всѣ мои молодыя силы и не остановился, пока не пріобрѣлъ способности узнавать, да съ описаніями и книгами сравнивать всѣ предметы, какіе мнѣ встрѣчались на поляхъ, въ лѣсахъ, на горахъ, въ садахъ и ямахъ».

Сперва намъ придется слѣдить за нимъ на поприщѣ совсѣмъ иного рода, нежели то, на которомъ онъ сдѣлался такъ извѣстенъ. Подобно многимъ бѣднымъ молодымъ людямъ, онъ избралъ, не по внутренней склонности, а чтобъ скорѣе зарабатывать хлѣбъ

свой, духовное званіе, для чего и пройденный имъ приготовительный учебный курсъ былъ въ нѣкоторой мѣрѣ достаточнымъ. При этомъ главнымъ образомъ онъ направилъ свои виды на старую Финляндію, какъ называлась часть ея, подвластная Россіи; туда влекли его рожденіе, родина и родственныя связи, а можетъ быть и надежда скорѣе получить мѣсто, потому что вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ съ начала столѣтія, большое число пасторовъ переселилось въ западныя части края; а потому въ восточной Финляндіи приходы съ величайшимъ трудомъ пріискивали себѣ пастырей, чему содѣйствовалъ и упадокъ тамъ учебнаго вѣдомства [40]).

Кажется, будто долго не знали, какъ быть съ новою, неожиданно завоеванною страною. Послѣ 1721 и 1743 годовъ были въ Выборгѣ и Фридрихсгамѣ учреждены консисторіи, которымъ, между прочимъ, было повелѣно посвящать молодыхъ людей въ священники; но откуда брать такихъ, когда ученики единственнаго болѣе полнаго учебнаго заведенія, т. е. Выборгскаго каѳедральнаго училища, не были подготовлены для такой должности? Впрочемъ, невозможно было достигнуть никакой прочности и никакого согласія въ этихъ учрежденіяхъ, такъ какъ они иногда и по различнымъ вопросамъ были подчинены главному вѣдѣнію то Святѣйшаго Синода, то мѣшавшейся во всѣ дѣла Юстицъ-Коллегіи, то Правительствующаго Сената. Хотя еще и не дошло до того, какъ случилось въ 1770 году, когда бѣдный деревенскій капелланъ въ Каккисѣ, къ особенному удовольствію своего начальства, въ убогомъ домѣ своемъ открылъ частную академію для сообщенія важнѣйшихъ свѣдѣній, нужныхъ пасторамъ, но уже оказывались весьма большія затрудненія къ снабженію приходовъ пастырями, и охотно принимали всѣхъ, кто могъ предъявить свидѣтельства о пройденномъ имъ хоть немного болѣе полномъ курсѣ.

Хотя обѣ консисторіи старой Финляндіи имѣли обязанность посвящать желающихъ въ санъ священника, Лаксманъ, согласно положительному заявленію Калоніуса, ни одною изъ нихъ не былъ посвященъ, а производство его въ санъ пастора произошло въ С.-Петербургѣ [41]). Не смотря на всѣ старанія, не удалось ни разъяснить причину того, ни годъ, когда это случи-

лось, ни приходъ, гдѣ онъ служилъ. Только то кажется вѣрнымъ, что онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ до 1762 г. былъ помощникомъ сельскаго пастора въ восточной Финляндіи, или, можетъ быть, въ Ингерманландіи [42]). До самаго послѣдняго времени, когда произошло значительное улучшеніе, положеніе такихъ пасторскихъ адъюнктовъ или помощниковъ было самое скромное. Обязанности Лаксмана состояли не только въ отправленіи дѣлъ службы, а также въ обученіи дѣтей своего начальника. За всѣ труды свои онъ получалъ только 24 рубля годичнаго жалованья, однимъ рублемъ меньше, чѣмъ работникъ въ домѣ. Говорятъ, что отъ усердныхъ занятій его здоровье начало страдать, что̀ и послужило причиною къ слѣдующему его шагу.

III.

Время отъ 1762 до 1764 года.

Лаксманъ добивается мѣста полкового священника въ С.-Петербургѣ. Его знакомство съ Бюшингомъ. Состоитъ учителемъ въ Петропавловскомъ училищѣ. Получаетъ мѣсто пастора въ Барнаулѣ. Ученыя побужденія. Получаетъ извѣстность какъ ботаникъ.

Оставляя трудныя и недоходныя занятія на родинѣ, Лаксманъ отправился въ С.-Петербургъ, чтобы тамъ поустроиться. Такъ какъ онъ былъ свѣдущъ въ финскомъ языкѣ, то надѣялся получить мѣсто полкового пастора при финнахъ въ т. н. Голштинскихъ войскахъ, которыхъ въ кратковременное царствованіе Петра III, отъ января до іюля 1762 г., вербовали для того, чтобы противъ Даніи подкрѣпить притязанія Голштейнъ-Готторпскаго дома на Шлезвигъ. Смерть императора разомъ уничтожила надежды Лаксмана. Но онъ не унывалъ и старался на другомъ поприщѣ въ огромной столицѣ попытать счастья.

Извѣстный педагогъ и географъ докторъ Бюшингъ, получившій за годъ передъ тѣмъ мѣсто пастора при нѣмецкой церкви Св. Петра и Павла въ С.-Петербургѣ, теперь былъ занятъ учрежденіемъ при ней училища, которое и было открыто 1-го октября

1762 г., подъ названіемъ: «Allergnädigst privilegirte Schule der Sprachen, Künste und Wissenschaften». Находясь подъ покровительствомъ графа Миниха и другихъ доброжелателей, оно вошло въ такую славу, что число воспитанниковъ уже въ первомъ полугодіи доходило почти до 300. Лаксманъ домогался при немъ мѣста учителя. Безъ затрудненій онъ достигъ своей цѣли, потому что Бюшингъ, вѣроятно познакомившійся съ нимъ черезъ пастора Екатерининскаго шведскаго прихода І. Губерга или пастора финскаго прихода Св. Маріи У. Г. Крогіуса, тотчасъ возымѣлъ о немъ весьма хорошее мнѣніе. Даже его весьма еще недостаточное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ шло преподаваніе, не послужило препятствіемъ къ его опредѣленію. Предметы имъ преподаваемые были: естественная исторія и ботаника, по которымъ онъ составлялъ записки, а Бюшингъ самъ бралъ на себя трудъ исправлять въ нихъ погрѣшности противъ языка.

Другое, не менѣе важное довѣріе было оказано Лаксману тѣмъ, что Бюшингъ выбралъ его въ гувернеры, или «Hofmeister'ы» [45]) соединеннаго съ училищемъ пансіона и воспитательнаго заведенія, куда принимались сыновья только изъ лучшихъ семействъ. Уже въ качествѣ учителя онъ имѣлъ, кромѣ нѣкотораго денежнаго вознагражденія, столъ и отдѣльную комнату, а въ качествѣ гувернера участвовалъ въ полученіи подарковъ, даваемыхъ болѣе зажиточными родителями сверхъ установленной годовой платы. Ежели онъ хоть въ нѣкоторой мѣрѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ, подробно изложеннымъ Бюшингомъ въ спеціальномъ сочиненіи [46]) о званіи, имъ избранномъ, то это много говоритъ въ его пользу.

Въ продолженіе двухлѣтней службы при этихъ заведеніяхъ, Лаксманъ вошелъ со многими въ дружбу и былъ удостоенъ публично заявленнаго отзыва начальника, что онъ «съ благочестіемъ и опытностью исполнялъ обязанности свои, чѣмъ и заслужилъ уваженіе всѣхъ» [47]). Отсюда онъ былъ назначенъ и произведенъ, безъ сомнѣнія по ходатайству Бюшинга, пасторомъ лютеранскаго нѣмецкаго прихода Колывань-Воскресенскихъ рудниковъ въ Сибири, съ главною станціею въ Барнаулѣ. Опредѣленіе къ этой должности зависѣло въ то время отъ Кабинета Ея Вели-

чества и преимущественно отъ его начальника, тайнаго совѣтника Олсуфьева.

Любовь Лаксмана къ наукамъ, не смотря на его усиленную дѣятельность, не остывала, а напротивъ получала бо̀льшую силу, чему преимущественно способствовало живительное пребываніе въ домѣ Бюшинга и его умной супруги, а также знакомство со многими даровитыми молодыми людьми, его ровесниками, съ которыми онъ былъ въ короткихъ отношеніяхъ. Важная литературная дѣятельность самого Бюшинга служила тому прямымъ примѣромъ, такъ какъ онъ отъ имени училища основалъ особенный журналъ, въ изданіи котораго для поощренія принимались къ участію также и младшіе учителя.

Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ выдавался въ особенности I. Бекманъ, такъ извѣстный въ послѣдствіи сочинитель по предметамъ технологіи, торговли и агрикультуры, работы котораго проложили новую дорогу, подведеніемъ этихъ предметовъ подъ теорію естественныхъ наукъ. Симпатія, соединявшая его съ Лаксманомъ въ продолженіе всей жизни, легко объяснима согласіемъ въ направленіи ихъ, которое, будучи пробуждено дѣятельностію Линнея, имѣвшею огромное вліяніе, было распространено его учениками въ Швеціи и Финляндіи, между прочимъ и Бекманомъ, на слѣдующій годъ послѣ отъѣзда Лаксмана отправившимся за море, въ собственную европейскую аудиторію царя цвѣтовъ.

Съ другимъ изъ своихъ сослуживцевъ, финляндцемъ К. I. Мелартомъ, учившимся въ Гёттингенскомъ университетѣ, и потому извѣстнымъ Бюшингу, Лаксманъ состоялъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, болѣе вслѣдствіе общаго ихъ отечества, нежели сходства во взглядахъ.

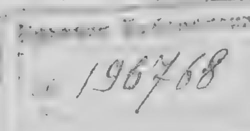
Но онъ не могъ не испытать поучительнаго вліянія столько же свѣдущаго, какъ и несчастнаго естествоиспытателя, шведа У. П. Фалька. Вся жизнь его была цѣпью неисполнившихся надеждъ; послѣ безуспѣшныхъ попытокъ получить мѣсто при экспедиціи, отправленной изъ Даніи подъ начальствомъ финляндца Форсколя и нѣмца Нибура въ Аравію, въ 1763 г., Фалькъ прибылъ съ рекомендаціею отъ Линнея въ С.-Петербургъ, для завѣдыванія коллекціями лейбъ-медика Крузе. Его познанія от-

96744

крыли ему через нѣкоторое время дорогу на каѳедру ботаники при медицинской коллегіи, послѣ того какъ онъ отказался отъ такого же предложенія, сдѣланнаго ему Академіею Наукъ [50]), на счетъ которой онъ однакожъ въ послѣдствіи совершалъ свои путешествія. Заслуги Фалька, съ которымъ Лаксманъ встрѣчался и въ С.-Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, были всегда по достоинству цѣнимы этимъ послѣднимъ; а Георги, который вмѣстѣ съ Фалькомъ учился въ шведскихъ университетахъ, былъ его помощникомъ въ путешествіяхъ и издавалъ его сочиненія, Лаксманъ считалъ вѣроломнѣйшимъ врагомъ Фалька; основательно ли — не беремся рѣшить.

Между молодыми петербургскими учеными изъ круга знакомыхъ Лаксмана упомянемъ еще объ историкѣ А. Л. Шлёцерѣ. Подобно Георги, онъ занимался науками въ Швеціи, а потомъ, годомъ ранѣе Лаксмана, опредѣлился въ С.-Петербургѣ, сперва частнымъ помощникомъ академика Мюллера, а потомъ членомъ Академіи Наукъ. Его безпощадное обращеніе съ Бюшингомъ, училище котораго онъ безыменно оклеветалъ въ Berliner Wochenblatt 1764 г., а также съ Мюллеромъ, другомъ Бюшинга, не препятствовало Лаксману во время путешествія своего вести съ нимъ весьма поучительную переписку, которою однакожъ, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, Шлёцеръ воспользовался не совсѣмъ добросовѣстно.

Вообще духъ времени и главнымъ образомъ стремленія, сосредоточившіяся въ С.-Петербургской Академіи Наукъ, были такого рода, что на любителя природы со способностями и подготовкою Лаксмана должны были производить рѣшительное вліяніе. Естествознанію въ обширнѣйшемъ смыслѣ оказывалось покровительство не только съ теоретической, но также съ практической и патріотической точки зрѣнія, какъ важнѣйшему средству для процвѣтанія государства. Въ особенности азіатскія владѣнія Россіи были предметомъ неусыпнѣйшаго вниманія со стороны правительства и ученыхъ. За первыми экспедиціями въ Сибирь съ ученою цѣлью, предпринятыми Мессершмидтомъ въ 1720 г., — чтобы не начать перечня болѣе старымъ его современникомъ, шведомъ Тоббертомъ (въ дворянствѣ Штраленбергомъ) — и Берингомъ въ 1728 г., послѣдовала новая


1967/68

экспедиція Беринга и Де-Лиля и одновременно предпринятыя экспедиціи І. Г. Гмелина, Мюллера и Крашенинникова съ 1733 по 1743 годъ, Штеллера отъ 1739—1746 и Фишера 1739—1747 г., а также обсерваторами прохожденія Венеры Шаппомъ и Румовскимъ въ 1761 г. Собранный такимъ образомъ естественно-историческій, этнографическій, географическій и историческій матеріалъ, хотя отчасти и былъ переработанъ, главнымъ образомъ въ описаніи путешествія и въ Flora sibirica [52]) Гмелина, а также въ періодическихъ изданіяхъ Мюллера, но, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ не утолялъ, а напротивъ только еще болѣе возбуждалъ любознательность, обращая взгляды въ большей мѣрѣ на ту область, о которой до того времени за границею слыхали только какъ о мѣстѣ, куда прежними правительствами ссылались нелюбимые ими государственные люди.

Лаксманъ, только что намѣревавшійся предпринять поѣздку въ Сибирь, и черезъ связи Бюшинга съ Мюллеромъ получившій доступъ къ академическимъ и другимъ коллекціямъ, имѣлъ слѣдовательно удобный случай познакомиться съ потребностями изслѣдованія. Если ему при этомъ, согласно его собственному увѣренію, и не оказывалось такого предупрежденія, на какое онъ разсчитывалъ, то онъ однакожъ получилъ ясное понятіе о пробѣлахъ, которые оставалось пополнить.

Итакъ, совершенно частная его поѣздка нѣкоторымъ образомъ послужила предвѣстіемъ и поощреніемъ къ большимъ экспедиціямъ, которыя нѣсколько лѣтъ спустя были снаряжаемы правительствомъ.

Что Академія уже возлагала хорошія надежды на него, явствуетъ изъ рѣшенія конференціи отъ 19-го января 1764 года, которымъ, по представленію Мюллера, «Академія избрала Лаксмана своимъ корреспондентомъ» [54]). Впослѣдствіи онъ за то получалъ по 100 рублей годичнаго жалованья. Такое выгодное мнѣніе объ этомъ молодомъ человѣкѣ основывалось однакожъ не только на благосклонномъ ходатайствѣ Мюллера, но также и на томъ, что̀ онъ самъ сдѣлалъ.

Именно до отъѣзда своего Лаксманъ представилъ Академіи списокъ растеній, собранныхъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга,

между которыми было много совсѣмъ новыхъ, или не вошедшихъ въ *Flora ingrica* (Petropoli 1761) лейбъ-медика Д. де-Гортера, основывавшуюся главнымъ образомъ на болѣе старыхъ показаніяхъ Крашенинникова. Лаксманомъ впервые въ той мѣстности замѣченныя травы были *Adoxa Moschatellina*, *Monotropa Hypopitys*, *Saxifraga Hirculus* у Ораніенбаума и Шлиссельбурга, *Fumaria bulbosa*, *Lobelia Dortmanni* въ Невѣ, *Ophrys cordata et paludosa*, *Ophioglossum vulgatum*, *Osmunda regalis* въ приходѣ Лембала, *Riccia fluitans*, *Orobanche*, *Bifolium minimum*. Какъ съ нимъ впослѣдствіи часто случалось, такъ и это его сочиненіе сдѣлалось впервые извѣстнымъ, безъ его вѣдома, изданное другимъ лицомъ; по указанію Бекмана, Гортеръ, при возобновленномъ посѣщеніи Петербурга, присоединилъ его въ видѣ *Appendix ad Floram ingricam, Petropoli 24 julii 1764.* Тогда Лаксманъ находился уже далеко, но тѣмъ болѣе его радовало, что маленькій трудъ его понравился незнакомому ученому [55]).

IV.

1764 годъ.

Женитьба Лаксмана. Поѣздка въ Сибирь. О Колыванскихъ рудникахъ и Барнаульскомъ приходѣ. Письмо отъ Линнея.

Лаксманъ не одинъ отправился въ отдаленную страну, въ которой онъ обязался оставаться цѣлыхъ 5 лѣтъ. За нѣсколько дней [56]) передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ тамъ женился на дѣвицѣ Кристинѣ-Маргаритѣ Руннепбергъ, старшей дочери полковника Густава Руннеберга, Петро-Павловскаго прихода. Они были обвѣнчаны Бюшингомъ; его благословенія и пожеланія имъ счастья возбудили въ сердцахъ молодыхъ супруговъ надежду на счастливую будущность. Провидѣніе однакожъ рѣшило, чтобы они оба, — она ранѣе, даже до истеченія двухъ счастливыхъ годовъ, онъ позднѣе, послѣ самыхъ необыкновенныхъ приключеній, — нашли послѣдній пріютъ въ землѣ Си-

бири. Кажется, что Лаксманъ тогда уже взялъ къ себѣ бѣдную старушку, мать свою, и что она сопровождала его въ далекомъ странствіи. Вѣроятно, они пустились въ дорогу 19-го или 20-го января, тотчасъ по полученіи вышепомянутаго отзыва Академіи.

Января 25-го новобрачные прибыли въ Москву, гдѣ отдыхали до конца мѣсяца. Лаксманъ пишетъ 31-го января, что его дневникъ тогда еще не заключалъ ничего замѣчательнаго, «потому что болѣе важныя вещи — присовокупляетъ онъ — или стоятъ выше моего кругозора, или ихъ не было между Москвою и Петербургомъ». Чрезвычайно интересно было однакожъ письмо, отправленное имъ въ тотъ же день Линнею въ Упсалу, судя по отвѣту, какъ мы послѣ увидимъ, послѣдовавшему на него [60]).

О продолженіи пути мы никакихъ подробностей не имѣемъ, кромѣ того, что онъ старался быть какъ можно болѣе внимательнымъ. «Скорая ѣзда, время года и мои дорожные товарищи, говоритъ онъ [61]), много мѣшали моимъ наблюденіямъ. Однакожъ вездѣ, гдѣ я ни проѣзжалъ, я записывалъ обычаи жителей, земляные слои на правомъ берегу Волги и тому подобное. Эти наблюденія я сберегу и въ будущемъ, если Богу угодно будетъ, на возвратномъ пути дополню ихъ». Въ мѣсто назначенія своего Барнаулъ онъ прибылъ 15-го марта 1764 г., проѣхавъ такимъ образомъ въ два мѣсяца 4,500 верстъ отъ Петербурга.

Барнаулъ, лежащій при впаденіи рѣчки того же имени въ Обь, былъ уже довольно значительнымъ городомъ, хотя прошло лишь немного болѣе 30 лѣтъ съ основанія его въ безлюдной пустынѣ, недалеко отъ южной границы извѣстной Барабинской степи. Его происхожденіе совпадаетъ съ развитіемъ горнаго дѣла. Слѣды древнихъ Чудскихъ копей въ Колыванскихъ горахъ побудили, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, кузнеца Демидова, начальника рода, сдѣлавшагося вскорѣ такъ богатымъ и знатнымъ, перевезти туда съ Урала часть своихъ рабочихъ, число которыхъ постоянно увеличивалось новыми переселенцами, между которыми были и нѣмцы; такому возрастанію народонаселенія содѣйствовало то, что Колыванскіе и смежный Воскресенскій серебряный рудники оказались прибыльными и открывались золотые пріиски. Повсюду въ этой богатой рудою странѣ возникали деревни, въ томъ числѣ и Барнаулъ. Казна,

выкупивши демидовскіе рудники и поставивъ ихъ подъ верховный присмотръ Императорскаго Кабинета, перевела сюда ихъ мѣстное управленіе, горную канцелярію, главный заводъ и другія учрежденія. Прежняя деревня превратилась въ красивый городокъ, съ прямыми, широкими улицами, имѣвшій около 1,000 домовъ, 3 церкви, 1 госпиталь, 1 аптеку и прочія зданія, нужныя для администраціи. Плавильный заводъ доставлялъ каждый годъ болѣе 400 пудовъ чистаго серебра и отъ 11 до 15 пудовъ золота [62]). Горнымъ совѣтникомъ Кристіани былъ построенъ въ самомъ городѣ стеклянный заводъ.

Число нѣмцевъ въ продолженіе времени до того возросло на различныхъ добычахъ, что правительство въ 1751 г. для удовлетворенія ихъ религіозныхъ потребностей назначило евангелическо-лютеранскаго пастора, имѣвшаго главную станцію въ Барнаулѣ. Эту должность, съ которою была сопряжена обязанность, для занимающаго ее обучать языкамъ и приготовительнымъ свѣдѣніямъ въ горномъ дѣлѣ [63]), занималъ сперва саксонецъ Лэйбе, которому однакожъ до того полюбилась металлургія, что онъ, покинувъ духовное званіе, занялъ мѣсто главнаго бергмейстера въ Барнаулѣ [64]). Его мѣсто въ должности пастора занялъ Лаксманъ, чтобы впослѣдствіи, подобно ему, сдѣлаться рудокопомъ.

Жалованье нѣмецкаго пастора составляло 400 рублей. Кромѣ того, какъ уже нами упомянуто, Лаксманъ получалъ отъ Академіи по 100 рублей въ годъ; слѣдовательно, по тамошней цѣнѣ денегъ, онъ могъ хорошо жить своими доходами. Въ Барнаулѣ платили за сажень дровъ только по 10 копѣекъ, за пудъ сала по 50 коп., за содержаніе лошади и экипажа даже менѣе 12 руб. въ годъ [65]), и т. д. Но съ другой стороны его служба была очень тягостна, такъ какъ прихожане его, хотя числомъ не болѣе 50 человѣкъ, были разбросаны по многимъ мѣстамъ или заводамъ, изъ которыхъ иные находились на разстояніи 200 верстъ и даже болѣе отъ города, именно въ Колывани, Змѣиногорскѣ, Верхнемъ Сузунѣ, въ Ново-Павловскѣ, и даже при желѣзной копи, близъ того мѣста, гдѣ Ирба впадаетъ въ Енисей, куда разстояніе по рѣкамъ превышало 1,500 верстъ. Для посѣщенія всѣхъ этихъ мѣстностей пасторъ долженъ былъ проѣзжать

1,535 верстъ въ одинъ конецъ, да столько же обратно, отчасти въ лодкѣ, отчасти верхомъ[66]). Духовное состояніе его паствы было самое неутѣшительное. Пьянство глубоко вкоренилось между заводскими рабочими; воспитаніе дѣтей было совершенно упущено; во многихъ мѣстахъ жители уже забыли родной нѣмецкій языкъ и въ замѣнъ того говорили ломаннымъ русскимъ языкомъ[67]). Нѣмцы, поселившіеся въ городахъ и служившіе при горной канцеляріи, аптекѣ, войскахъ и т. д., были, конечно, болѣе образованы, съ виду по крайней мѣрѣ. Обширное поприще дѣятельности представлялось бы для ревностнаго и исполненнаго христіанскимъ духомъ апостола вѣры въ этомъ затаенномъ углу міра, но, къ сожалѣнію, мы скоро увидимъ, что новый пастырь весьма мало сдѣлалъ на мѣстѣ, ввѣренномъ его отвѣтственности.

Не столько извиненіемъ, какъ объясненіемъ малыхъ успѣховъ Лаксмана по его пасторской должности, избранной имъ только по внѣшнимъ побужденіямъ, являются поглощавшіе всѣ прочіе интересы труды его на томъ поприщѣ, къ которому стремились его наклонности уже съ первыхъ лѣтъ молодости. Его изложеніе полно жизни, теплоты и радости, когда мысль и перо его заняты предметами по части естественной исторіи или физическихъ наукъ. Духъ времени, поощренія друзей и покровителей, его собственныя наклонности и подготовка, даже поощреніе къ изслѣдованію, предлагаемое ближайшею обстановкою его, заманчивою уже и потому, что еще ни одинъ испытатель природы не обращалъ на нее вниманія, — словомъ, все побуждало его къ неусыпному прилежанію. Особенно должно было живительно подѣйствовать на него письмо великаго Линнея, радостно полученное имъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Барнаулъ. Какъ важный документъ въ біографіи Лаксмана, служившій нѣкоторымъ образомъ инструкціею для его дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заключавшій въ себѣ самый компетентный отчетъ о томъ, на сколько знали Сибирь въ то время, служитъ слѣдующее письмо Линнея; хотя оно уже прежде появилось въ печати, но слѣдуетъ воспроизвести его здѣсь, тѣмъ болѣе, что сочиненіе, гдѣ оно приводится[68]), уже довольно рѣдко. Линней пишетъ изъ Упсалы 12-го марта 1764 г.:

«Съ несказаннымъ удовольствіемъ я получилъ сегодня письмо ваше отъ 31-го января, изъ котораго вижу, что Провидѣніе и

судьба заставили Васъ отправиться въ такія мѣста, куда еще почти никто не попадалъ съ открытыми глазами. Да ниспошлетъ Всевышній на васъ благодать свою, чтобъ вы могли видѣть чудеса его и открывать ихъ міру. Сочиненія Мессершмидта, Штеллера, Гмелина, Гербера и Гейнцельмана есть у меня въ рукописяхъ. Изъ сибирскихъ растеній у меня едва сотня живыхъ въ саду. Никакія другія растенія такъ хорошо не растутъ въ нашихъ садахъ, какъ эти. Англичане и французы посредствомъ многихъ и рѣдкихъ деревъ и растеній, привозимыхъ ими изъ Сѣверной Америки, превращаютъ сады и замки свои въ рай; но у насъ эти сѣверо-американскія растенія не принимаются такъ хорошо и рѣдко достигаютъ зрѣлости. А сибирскія придали бы садамъ нашимъ новое великолѣпіе; и вы, государь мой, можете украсить отечество наше и сдѣлаться безсмертнымъ въ потомствѣ, если будете высылать мнѣ сѣмена травъ, растущихъ въ Сибири въ дикомъ состояніи. Болѣе всего я желалъ бы *Actaea cimicifuga* съ 4 пестиками, а потомъ *Hyoscyamus physaloides*, *Hypecoon erectum*, *Fumaria spectabilis*, *Trollius asiaticus*, многіе сорты растущихъ тамъ *Spiraea*, маленькія *Ulmus frutex* и другія изъ этихъ прекрасныхъ растеній, еще не попавшихъ въ европейскій садъ. Каждое изъ нихъ было бы драгоцѣннымъ украшеніемъ. Насѣкомыхъ наполучалъ я со всего свѣта, и еще недавно была мнѣ прислана коллекція ихъ съ мыса Доброй Надежды. Но ни одинъ естествоиспытатель еще не знаетъ ни одного изъ сибирскихъ. Безконечно обяжете меня собираніемъ для меня травяныхъ сѣмянъ, да насѣкомыхъ. Можете адресовать письма прямо въ Королевское Ученое Общество въ Упсалѣ, потому что я самъ вскрываю всѣ письма, назначенныя для Общества. Въ «Петербургскомъ музеѣ», напечатанномъ in-8^0, я вижу несмѣтное количество маленькихъ птичекъ и рыбъ изъ Сибири; но Богъ знаетъ, что̀ это такое, потому что имена такъ чужды, что по нимъ толку не добьешься[69]). Въ склянкѣ спирту могутъ быть сохранены многія маленькія птицы и рыбы. Изготовьте для самого себя маленькій гербарій растеній, находимыхъ вами въ Сибири. Если что-нибудь покажется вамъ неизвѣстнымъ, то пришлите его въ письмѣ съ отмѣченнымъ нумеромъ ко мнѣ. Я потомъ буду отвѣчать на каждый нумеръ отдѣльно и напишу вамъ, что̀ оно такое,

и что донынѣ извѣстно о немъ. Между *Spiraeae* растетъ въ Сибири одинъ низкій сортъ *Frutex foliis pinnatis*, которую я чрезвычайно желалъ бы получить съ сѣменами. *Spiraea salicifolia* повсемѣстна; всѣ другія по красивымъ, бѣлымъ цвѣтамъ своимъ были бы особенно хороши для изгородей нашихъ садовъ. Господинъ Карамышевъ издаетъ теперь подъ моимъ руководствомъ диссертацію, обнимающую всѣ до сего времени извѣстныя сибирскія растенія. Какъ только она будетъ готова, я вамъ вышлю ее. Если вы будете такъ добры и станете высылать мнѣ сибирскія сѣмена, то не выбирайте лишь виднѣйшія растенія, а берите также и изъ самыхъ жалкихъ и некрасивыхъ, потому что эти именно бываютъ часто самыми рѣдкими, никѣмъ не замѣченныя — по своей малости [71]). Если доживу до осени, то издамъ опять *Systema naturae*. Тогда увидите, какъ громадно возросло число животныхъ. Дай вамъ Всевышній охоту и силы, чтобы наблюдать и собирать, да сохраните вашу дружбу ко мнѣ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего перваго письма изъ Колывани».

V.

Время отъ 1764 по 1768 годъ.

Въ Барнаулѣ. Его старанія по части естественной исторіи, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ личныхъ отношеній. Разведеніе растеній, собираніе сѣмянъ. Метеорологія. Коллекціи сибирской фауны преимущественно энтомологической. Горныя науки, минералогія, химія.

Къ сообщенному письму Линнея можно примѣнить изреченіе римлянъ «Calcaria sponte currenti addidit». И эта энергія Лаксмана была тѣмъ болѣе похвальна, что онъ былъ не только вполнѣ изолированъ, но и встрѣчалъ много препятствій. Барнаулъ былъ не Александрія. Добрые сибиряки мало понимали горное дѣло, но умѣли зашибать деньгу, жить хорошо и приготовлять пуншъ [72]), а къ идеальнымъ предметамъ у нихъ не было никакой охоты. Новый гость былъ радушно и учтиво принятъ своими

прихожанами изъ образованныхъ классовъ, а также начальникомъ Колыванскаго горнаго округа, генераломъ Порошинымъ [74]), который въ молодости своей самъ посѣщалъ шведскіе заводы [75]). Но вскорѣ всѣ къ нему охладѣли. Наукѣ и людямъ, ею занимающимся, было во всей Сибири со стороны властей и т. н. образованныхъ людей оказываемо нѣкоторое содѣйствіе лишь по высочайшему повелѣнію изъ С.-Петербурга, а потому и естественно, что съ неуваженіемъ смотрѣли на этого «новичка — homo novus», незначительнаго пастора, который не могъ предъявить никакого офиціальнаго разрѣшенія для своихъ странныхъ затѣй. Только экспедиціи, совершаемыя на счетъ правительства, да и тѣ едва обращали на себя нѣкоторое вниманіе и внушали уваженіе. Кромѣ того, какъ само правительство въ то время считало въ государственномъ отношеніи политическимъ скрывать мѣры свои къ изслѣдованію отдаленныхъ владѣній [76]), то не было ничего удивительнаго въ томъ, что мѣстныя правленія слѣдовали примѣру его, и скрытничали передъ незванными обсерваторами и чуждались всякой неофиціальной любознательности.

Возможно и то, что Лаксманъ въ похвальномъ усердіи къ тому, что̀ ставилъ выше всего, былъ немного неостороженъ въ поступкахъ и словахъ своихъ. По крайней мѣрѣ, письма его [77]) весьма открыто говорятъ о начальникахъ, едва умѣвшихъ читать и писать, объ офицерахъ и чиновникахъ, расположенныхъ къ увеселеніямъ и собраніямъ, но способныхъ только вести горные журналы и счеты, а презиравшихъ и химію и горныя науки, «какъ что-то неприличное» [78]), о врачахъ, охотнѣе занимавшихся мѣновою торговлею часами на ирбитской ярмаркѣ, нежели медициною, физикою, и т. п. Нельзя даже и ожидать, чтобы тѣ, о комъ были такіе отзывы, захотѣли оказывать вспомоществованіе интересамъ, совершенно расходившимся съ ихъ собственными взглядами и привычками. Къ счастію для Лаксмана, министръ Императорскаго Кабинета въ С.-Петербургѣ Олсуфьевъ [79]) былъ хорошаго мнѣнія объ немъ, и Лаксманъ самъ признается, что безъ этого покровителя всѣ его желанія остались бы безплодными.

Поставленный такими обстоятельствами въ необходимость довольствоваться самимъ собою, да тѣмъ участіемъ къ его стрем-

леніямъ, которое онъ успѣлъ возбудить у немногихъ, — именно онъ называетъ дивизіоннаго врача Тиле, аптекаря Брандта и горнаго механика Ползунова, — Лаксманъ, согласно тому, устроилъ и всю свою жизнь въ Барнаулѣ. Его девизомъ было: «nulla dies sine linea»; та глава естественной исторіи Плинія (II, 46), въ которой говорится объ изслѣдователяхъ, открывшихъ для знанія неизвѣстныя до того времени поприща, кажется, болѣе всего ему нравилась. Онъ приводитъ изъ нея слова: «non erant majora praemia in multos dispersa fortunae magnitudine, et ista plures sine praemio alio quam posteros juvandi eruerunt», — мысль, часто повторявшаяся въ его собственныхъ сочиненіяхъ и поступкахъ. Не прочь истратить на излюбленный имъ предметъ всѣ усилія и средства, онъ охотно пожертвовалъ бы на него и большія суммы, еслибъ состояніе его то дозволяло [81]). Ни одной служебной поѣздки не было предпринято, которая вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлалась бы экскурсіей по части естественной исторіи. Онъ завелъ своихъ собственныхъ лошадей, чтобы отправляться съ одного мѣста на другое, какъ можно болѣе независимо [82]). Маленькое пасторское зданіе въ Барнаулѣ, гдѣ также и семейное счастье процвѣтало, сдѣлалось, такимъ образомъ, очагомъ, съ котораго многія искры понеслись въ современную науку.

Подобно тому, какъ Линней въ Упсалѣ и Гаддъ въ Або, и онъ возлѣ жилища своего устроилъ садъ, чтобы хорошенько слѣдить за развитіемъ насаженныхъ растеній и собирать сѣмена, разсылаемыя потомъ въ письмахъ къ друзьямъ своимъ по Европѣ [83]). Даже правительство считало его разсадникъ достойнымъ поощренія и подарило на это казенную землю [84]). Чувствуется пріятно и весело, когда онъ разсказываетъ, какъ онъ однажды сидѣлъ въ новой своей плантаціи возлѣ молодой жены и ѣлъ дыни именно въ то время, когда почта пріѣхала съ милыми письмами съ Запада [85]), или же какъ взглядъ его отдыхалъ, то на найденныхъ и разсаженныхъ имъ, передъ тѣмъ неизвѣстныхъ *Veronica pinnata* и *Ornithogalum uniflorum*, — которыя и Линней поспѣшилъ внести въ новыя изданія Mantissa plantarum [86]), и Systema naturae, — или на оскоминной, но полезной *Actaea cimicifuga*, изъ которой потомъ Линней, когда полученныя имъ отъ Лаксмана сѣмена превратились въ цвѣты, составилъ осо-

бенный родъ [87]); то на красивомъ *Trollius asiaticus* [88]), и на другихъ заказанныхъ Линнеемъ до того неизвѣстныхъ травахъ, или же когда онъ описываетъ опыты свои по акклиматизаціи европейскихъ цвѣтовъ и плодовыхъ деревьевъ [89]). Корреспондентамъ своимъ онъ оказывалъ услуги высылкою не только отдѣльныхъ рѣдкихъ сѣмянъ и растеній, напримѣръ: *Scabiosa veronica*, *Primula farinosa*, *Chenopodium aristatum* и др., но также цѣлыхъ гербаріевъ [90]). Такимъ образомъ получались дорогія дополненія не только къ тѣмъ сибирскимъ растеніямъ, доходившимъ до 351 и описаннымъ въ диссертаціи Карамышева [91]), но также и къ большому сочиненію Гмелина. Часть этихъ дополненій была впослѣдствіи издана самимъ Лаксманомъ.

Для производства метеорологическихъ наблюденій, въ пользѣ которыхъ ни одинъ ученикъ Кальма не могъ сомнѣваться, были приняты надлежащія мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, по желанію Гмелина [93]), частными лицами и казенною канцеляріею въ Сибири они уже производились, а также и Румовскій и Исленьевъ словомъ и примѣромъ побуждали къ тому [94]). Никто однакожъ въ этомъ отношеніи не превзошелъ Лаксмана въ настойчивости. Онъ поставилъ флагъ [95]) такимъ образомъ, что даже изъ кабинета своего могъ замѣчать перемѣны вѣтра. Для измѣренія повышенія и паденія воды въ рѣкѣ Оби были изготовлены различные снаряды [96]). Собственноручно онъ весьма искусно изготовлялъ барометры и термометры, — первые по англійской скалѣ, послѣдніе по скаламъ Де-Лиля и Реомюра, и раздавалъ ихъ такъ щедро, что могъ утверждать, что ни одинъ городъ въ Сибири имъ не былъ забытъ [97]). Часто онъ имѣлъ причину жаловаться на своихъ гиперборейскихъ помощниковъ, только украшавшихъ стѣны своихъ комнатъ этими инструментами; но были и такіе, которые лучше понимали его безкорыстныя старанія. Такъ, Hannöverisches Magazin за іюнь 1765 г. опубликовалъ образчикъ наблюденій Барнаульскаго пастора надъ состояніемъ погоды, славя точность наблюденія. Въ скоромъ времени, въ Нерчинскѣ, аптекарь Саметъ, а въ Иркутскѣ городской врачъ Ваксмутъ сдѣлались ревностными наблюдателями [99]). Не только во время поѣздки Палласа по Сибири, но еще за нѣсколько десятилѣтій до нашего времени, лаксманскіе инструменты тамъ цѣнились высоко [100]).

Съ одинаковымъ успѣхомъ Лаксманъ занимался прочими отраслями естественныхъ наукъ. Фауна[101]) сибирская, еще менѣе извѣстная, нежели тамошняя флора, многимъ обязана ему. Въ его домѣ образовался цѣлый музей млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ, щедро имъ раздаваемыхъ[102]). Не собирая только на удачу, онъ изучалъ каждую спеціальность съ величайшею любовью. Такимъ образомъ онъ уже въ первый годъ, по пріѣздѣ въ Барнаулъ, былъ въ состояніи указать на ошибки прежнихъ изслѣдователей, какъ напримѣръ относительно *Sciuri*[103]) въ естественной исторіи Галлена и въ Comment. Acad. Petrop. V, tab. 9, а также описать новооткрытыхъ животныхъ, напримѣръ: землеройку *Mus myospalax*[104]) и лилипута между млекопитающими *Sorex pygmaeus*[105]) «cauda nulla», принятаго Линнеемъ съ его описаніемъ, но переименованнаго въ *minutus*. Не удовлетворенный одними характеристическими показаніями, Лаксманъ держался того мнѣнія, что хозяйство животныхъ «очевидно составляетъ главное въ зоологіи». Вотъ чѣмъ объясняется его стараніе доставать себѣ живые экземпляры, которыхъ онъ кормилъ, пока было нужно или возможно.

Иногда, конечно, случалось, что онъ дѣлалъ слишкомъ раннее сообщеніе друзьямъ своимъ, алчущимъ новинокъ; но какъ скоро онъ замѣчалъ свою ошибку, это мучило его, какъ тяжкій упрекъ. Въ доказательство приводимъ то, что онъ пишетъ о вышепомянутомъ *Mus Myospalax*[106]). Впервые онъ замѣтилъ это животное лѣтомъ 1764 г. близъ Панюшевой деревни, находящейся у рѣки Алея, въ сотнѣ верстъ отъ Барнаула. Оно лежало мертвымъ на землѣ, уже распухшимъ; онъ однакожъ замѣтилъ, что оно было неизвѣстно. Даже очень немногіе изъ тамошняго населенія знали его по наглядкѣ, хотя слыхали, что всѣ эти безчисленные песчаные бугорки въ Колыванскомъ округѣ и въ Барабинской степи, а также и въ другихъ мѣстахъ, происходили отъ «земляной медвѣдки». Въ письмѣ отъ 17-го числа слѣдующаго ноября онъ писалъ одному изъ знакомыхъ своихъ: «Myospalax capite brevi, non rostrato, plantis non calcaneatis», и присовокупилъ нѣкоторыя подробности о вредѣ, имъ причиняемомъ дорогамъ, полямъ и лугамъ и т. д. Потомъ онъ не раньше какъ въ 1768 г. имѣлъ случай разсматривать это животное, когда

ему удалось поймать нѣкоторыхъ, «лежавшихъ подъ палящимъ солнцемъ въ цвѣтистыхъ долинахъ у Змѣиногорскаго серебрянаго рудника». Онъ ихъ держалъ у себя на квартирѣ, пока они были живы, и лучше разузналъ образъ ихъ жизни. Теперь многое оказалось иначе, нежели онъ прежде заявилъ; «Myospalax palmis maximis, cauda brevi, oculis admodum parvis», и что «премудрость Создателя избрала это животное для весьма важныхъ услугъ въ хозяйствѣ природы», «ибо—продолжаетъ онъ— они взрыхляютъ жесткую въ иномъ случаѣ землю и способствуютъ такимъ образомъ plantae annuae; слѣдовательно, они пашутъ... Безъ ихъ норъ ни одна маленькая птичка, вслѣдствіе многихъ породъ ястребовъ, не могла бы свить себѣ гнѣзда, ни высидѣть птенцовъ. Никогда (прибавляетъ онъ) въ Сибири я не видалъ какой-либо planta annua, кромѣ какъ на взрытыхъ бугоркахъ... ни одного птичьяго гнѣзда, кромѣ ихъ норокъ».

Заслуги Лаксмана, по изслѣдованію насѣкомыхъ, какъ Линней уже предчувствовалъ, сдѣлались значительными. Уже въ первыхъ мѣсяцахъ матеріалъ накопился въ такомъ изобиліи подъ руками его, что онъ рѣшился издать сибирскую энтомологію, и это въ то самое время, когда Шапъ д'Отрошъ увѣрялъ, что онъ въ Сибири не замѣчалъ ни одного насѣкомаго, какого не нашлось бы во Франціи! [107]). Эта работа очень его интересовала въ продолженіе многихъ лѣтъ [108]). Случайности, о которыхъ ниже будетъ сказано, мѣшали исполненію. Не смотря на то, у него нельзя отнять чести, что въ этомъ изслѣдованіи онъ предшествовалъ всѣмъ другимъ, даже нѣсколькими годами раньше, чѣмъ Мочульскій [109]) показываетъ. И онъ сдѣлалъ это при непріятностяхъ, которыя могли бы утомить характеръ менѣе энергичный.

Даже скорое приращеніе матеріала подавало поводъ къ неожиданнымъ огорченіямъ, такъ какъ въ Барнаулѣ оказался недостатокъ въ ящикахъ для его сбереженія. Все собранное, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе перваго года, надо было разстилать на многихъ большихъ столахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаться порчи отъ пыли и моли [110]). Самъ владѣлецъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ. Къ бѣдѣ его получили переводъ Рабенеровой сатиры надъ энтомологомъ и его личинкою, которая съ легко понятнымъ

намекомъ сдѣлалась общимъ предметомъ разговора во всемъ городѣ. Затронутый[111]) ею, Лаксманъ говоритъ о томъ въ нѣсколько дурномъ расположеніи духа: «хотя я мало забочусь о болтовнѣ, но сознаюсь, что досадно, когда личинка умираетъ подъ руками того, кому уходъ за нею стоилъ много труда»; а въ другомъ мѣстѣ: «однакожъ я утѣшаюсь дружбою, которою я пользуюсь со стороны всѣхъ благоразумныхъ». Сколько ихъ было, онъ забылъ сказать. Чудакъ! Отчего не принялъ онъ обычаевъ по мѣсту? Было же ясно, что чувствительные нервы сибиряковъ должны были раздражаться отъ одного слуха объ его основательныхъ изслѣдованіяхъ[112]) щупальцевъ жуковъ, объ ихневмонахъ, тентредонахъ и подобныхъ бездѣлицахъ, а еще болѣе, когда они видѣли или слышали, что онъ держалъ, напримѣръ, двухъ таракановъ (не зная даже ихъ почтеннаго названія) въ заперти подъ стекломъ, заботясь объ нихъ и кормя ихъ, чтобы впослѣдствіи между учеными завести споръ о Blatta daurica[113]), о видѣ, обычаяхъ и ея страшной способности распложенія. Можетъ быть, эта непріятная тварь, тогда еще рѣдкость въ Россійскомъ государствѣ, впервые привезенная изъ болѣе теплыхъ странъ къ Иртышу его превосходительствомъ**, осталась бы таковою на всегда, еслибъ онъ не надѣлалъ такого шуму объ ней.

Но ученые смотрѣли на всѣ эти вещи по своему, на зло антипатіямъ барнаульцевъ. Линней, который еще во II-мъ изданіи Systema naturae не зналъ ни одного сибирскаго насѣкомаго, уже въ слѣдующемъ[114]), вышедшемъ во время перваго путешествія Лаксмана, могъ подъ его именемъ назвать, по крайней мѣрѣ, двухъ: *Gryllus sibiricus* и *Conops petiolata*, послѣ чего любопытные взгляды энтомологовъ обратились туда. Лаксманъ уже въ 1767 г., послѣ предыдущихъ посылокъ къ частнымъ лицамъ, отправилъ двѣ коллекціи насѣкомыхъ въ С.-Петербургъ, изъ нихъ въ каждой было по 358 нумеровъ, назначая одну для Академіи, другую для начальника Императорскаго Кабинета. Извиняясь[115]), онъ называетъ ихъ только маленькимъ предвѣстникомъ, въ знакъ того, что не былъ бездѣятеленъ. Онъ описываетъ насѣкомыхъ, съ просьбою, однакожъ, чтобы никто прежде его не опубликовалъ ихъ, потому что, говоритъ онъ, они мнѣ стоили довольно много труда, пота и мукъ. Года два спустя, онъ имѣлъ случай

опубликовать десятка два изъ нихъ, — первое сочиненіе по этому предмету, вышедшее въ Россіи [116]).

Наконецъ оставалось еще двойное поприще для его неусыпной любознательности — физико-химическое. Мѣстность, гдѣ онъ теперь находился, побуждала его къ тому различнымъ образомъ. Онъ нашелъ вскорѣ, что описаніе колыванскихъ рудниковъ Гмелина не было во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно и рѣшился самъ издать болѣе подробное [117]). Первыя основанія заводской и горной науки онъ пріобрѣлъ подъ руководствомъ опытнаго инженера Ивана Ползунова, того самаго, который, по мнѣнію Ледебура, построилъ первую паровую машину въ Россіи [118]). Съ каждымъ днемъ все болѣе интересуясь минералогіею, онъ началъ собирать руду наперерывъ съ тѣми, которые доставляли ее пудами для Ломоносова въ С.-Петербургъ. Не безъ удовольствія говоритъ онъ [119]): «Мои штуфы такъ хороши, какъ ихъ можно ожидать только отъ знатока; я бралъ ихъ на мѣстѣ, имѣю маркшейдекарты всѣхъ заводовъ и могу указать слой». И это не было пустое хвастовство [120]). Также извлекалъ онъ пользу изъ того, что именно въ этихъ годахъ для Сибири былъ учрежденъ особенный монетный дворъ въ Нижнемъ Сузунѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ свѣдѣнія въ относящихся сюда предметахъ и впослѣдствіи, какъ увидимъ, приложилъ ихъ къ дѣлу.

Теоретическія познанія свои изъ химіи Лаксманъ, главнымъ образомъ, черпалъ изъ сочиненій шведа И. Г. Валлеріуса [122]), которыя онъ жадно читалъ, и флогистическаго взгляда котораго онъ еще придерживался послѣ открытія Лавуазье. Въ этомъ, а также и во всемъ другомъ, онъ старался болѣе на основаніи опыта, нежели умозрѣнія, споспѣшествовать наукѣ. Техническая сторона химіи преимущественно его интересовала. Въ лабораторіи друга своего, аптекаря Брандта, выучившись нужнымъ пріемамъ, какъ мы видимъ, онъ занимался анализомъ минераловъ, опредѣленіемъ кислотъ и солей, приготовленіемъ фосфора [123]) и т. д. Одновременно и стеклянный заводъ [124]) города привлекалъ интересъ его. Тамъ производилось и простое, и довольно хорошее хрустальное стекло; для перваго брали песокъ съ песчанаго поля, который отмучивался въ пропорціи $2^1/_2$ частей на 1 часть поташа; для послѣдняго же употребляли бѣлый кварцъ изъ Ко-

лыванскихъ горъ. Тутъ собственно ему пришла мысль о реформѣ въ способѣ приготовленія стекла, а 20 лѣтъ спустя, онъ съ такою славою осуществилъ ее.

Изъ его химическихъ опытовъ, *одинъ* имѣлъ даже важное вліяніе на ближайшую будущность его, именно тотъ, который касался производства соли изъ степныхъ озеръ отъ Омска къ обширнымъ степямъ Барабинскимъ, вдоль рѣкъ Иртыша и Барнаула до рѣки Алея. Вопросъ этотъ и до него не былъ въ пренебреженіи: самъ онъ разсказываетъ [125]), что въ казенной аптекѣ, находившейся подъ вѣденіемъ Брандта, изготовлялась сибирская горькая соль, и отправлялась въ Россію. Но опыты Лаксмана оживили интересъ къ этому предмету, важному для народнаго хозяйства; а составленное имъ мнѣніе о немъ сдѣлалось даже предметомъ обсужденія въ С.-Петербургскомъ Сенатѣ.

VI.

Продолженіе времени съ 1764 по 1766 годъ.

Поѣздки изъ Барнаула. Томскъ, Ирбинскъ, Бійскъ, Колывань, Змѣиногорскъ, рѣки Уба, Улба, Алей, Чарышъ, Ануй, Усть-Каменогорскъ. Иркутскъ. Переписка съ П. І. Бергіусомъ. Растеніе ревень.

Въ ближайшей связи съ обширными изученіями и изслѣдованіями Лаксмана находились тѣ поѣздки, какія онъ предпринималъ изъ Барнаула въ пятилѣтіе службы его тамъ. Мы уже упоминали о томъ, что собственно пасторскія обязанности его требовали обширныхъ служебныхъ разъѣздовъ; любовь къ природѣ, въ явленіяхъ которой онъ дивился «мудрости Творца», увеличивала длину дороги, но уменьшала ея затруднительность. Нельзя только не пожалѣть, что онъ оставилъ такія неполныя свѣдѣнія о своихъ разъѣздахъ, въ противоположность тѣмъ щедро вспомоществованнымъ академикамъ, которые нѣсколько лѣтъ послѣ него объѣзжали Сибирь и оставили толстѣйшіе томы описанія своихъ болѣе или менѣе важныхъ подвиговъ, весьма часто исполненныхъ по его слѣдамъ.

Въ теченіе перваго лѣта онъ, кажется, предпринималъ лишь небольшія экскурсіи, которыя, однакожъ, были награждены находками [127]), между прочимъ, насѣкомыхъ *Gryllus sibiricus*, *Ichneumon gigas* и *Conops petiolata*, и миловиднаго цвѣтка *Veronica pinnata;* но онъ готовился къ бо́льшимъ поѣздкамъ. Для этого онъ завелъ своихъ собственныхъ лошадей и наводилъ справки у лицъ, посѣщавшихъ мѣстности, куда онъ намѣренъ былъ отправляться [128]). Послѣ этихъ приготовленій, удалый пасторъ, какъ мы замѣчаемъ, ежегодно расширяетъ кругъ служебныхъ поѣздокъ своихъ. То появляется онъ, вѣроятно, на пути къ лютеранамъ Ирбинскаго рудника, далеко на сѣверѣ около Томска и рѣки Чулыма, гдѣ онъ нашелъ слой каменнаго угля [129]); то посѣщаетъ на востокѣ селитряныя пещеры, близъ крѣпости Бійска на рѣкахъ Біѣ и Камѣ; то направляется къ крайнему пограничному мѣсту на югѣ Сибири, къ крѣпости Устькаменогорскъ.

На дорогѣ къ только-что помянутому мѣсту находится въ 230 верстахъ отъ Барнаула «пріятный Колывань» (рудникъ) у подножія Синей Сопки, а въ 35 верстахъ оттуда, къ ю.-з. представлялись «серебристыя высоты и цвѣточныя долины» Змѣиногорска или Шлангенберга,—мѣстности, въ которыя онъ часто приводитъ насъ [130]). Отсюда онъ обогащалъ гербарій друзей своихъ прекрасными растеніями: отсюда привезъ онъ *роговую руду* [131]), содержащую въ себѣ много серебра; въ этихъ краяхъ онъ поймалъ своего *Myospalax*. Еще далѣе къ югу онъ достигъ горной возвышенности, съ одного склона которой бѣгутъ Уба и Ульба, двѣ рѣки, не бывшія отмѣченными на картѣ, и вливаются въ Иртышъ, а съ другой стороны Алей, Чарышъ и Ануй направляются къ Оби [132]). Слѣдуя, вѣроятно, по линіи, укрѣпленной шанцами для защиты отъ набѣговъ киргизскихъ ордъ, онъ достигъ крайняго предѣла Сибири въ Устькаменогорскѣ, при впаденіи Ульбы въ Иртышъ. Разстояніе этого мѣста отъ Барнаула [133]) составляетъ болѣе 500 верстъ. Заключалась ли вся польза для него отъ этой затруднительной поѣздки, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того повторенной помощникомъ Палласа, только въ находкѣ новой породы паука, *Aranea singoriensis*, о которой онъ говоритъ [134]), что нашелъ ее лишь рѣдкою у Змѣиногорска, за то въ изобиліи въ земляномъ валу

крѣпости? Это невѣроятно уже по той причинѣ, что онъ имѣлъ болѣе старыя записки доктора Тиле[135]) объ этой мѣстности, а также потому, что Устькаменогорскъ до послѣдняго времени считался главною станціею по естествознанію въ Сибири. Однакожъ, источники молчатъ объ этомъ.

Болѣе подробныя, хотя отнюдь не полныя, свѣдѣнія мы имѣемъ о той, еще болѣе продолжительной поѣздкѣ съ научною цѣлью, которую Лаксманъ совершалъ въ сопровожденіи молодой супруги своей съ начала лѣта 1766 г. до начала 1767 г. Онъ дошелъ до крайнихъ точекъ прикосновенія Сибири съ Монголіею и Китаемъ, къ югу отъ Кяхты, къ востоку отъ Нерчинско-аргунскихъ рудниковъ, слѣдовательно почти 3,000 верстъ отъ Барнаула, въ тѣ страны, гдѣ мы, 14 лѣтъ спустя, встрѣчаемъ его живущимъ и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе знакомымъ съ мѣстностью, нежели какой-нибудь ученый прежде или послѣ него. Его супруга во время этой поѣздки поспѣшила къ цѣли еще болѣе отдаленной, къ концу земного своего странствованія.

Мы находимъ молодую чету сперва въ Иркутскѣ (около 1,500 верстъ отъ Барнаула), куда они пріѣхали въ концѣ мая 1766 г. Этотъ городъ Лаксманъ выбралъ тѣмъ охотнѣе мѣстомъ стоянки до продолженія поѣздки и расширенія ея во всѣ стороны, что Иркутскъ, за два года передъ тѣмъ возведенный въ достоинство губернскаго города, получилъ въ генералѣ Фрауэндорфѣ начальника, горячо преданнаго наукамъ; да кромѣ того, тамъ находилось пробирная палатка и недавно учрежденная казенная соловарня — два учрежденія, имѣвшія необыкновенный интересъ для него[136]). Послѣ необходимыхъ приготовленій онъ устремился далѣе. Прежде, нежели мы послѣдуемъ за нимъ, кажется умѣстнымъ сообщить письмо изъ Иркутска профессору П. I. Бергіусу, въ Стокгольмъ: этотъ документъ сообщаетъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о его ближайшихъ намѣреніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ начало переписки, затѣмъ два десятилѣтія усердно продолжавшейся между обоими этими ботаниками.

Помянутый Бергіусъ, одинаково уважаемый какъ человѣкъ, врачъ, патріотъ и ученый, постепенно выбранный въ члены главныхъ академій и ученыхъ обществъ, какъ-то: въ Сток-

гольмѣ, Петербургѣ [137]), Берлинѣ, Филадельфіи и др., находился со старшимъ братомъ своимъ Бенгтомъ, съ которымъ онъ имѣлъ общее помѣщеніе и хозяйство, въ самыхъ обширныхъ литературныхъ сношеніяхъ, соревнуя въ томъ даже съ самимъ Линнеемъ, Варгентиномъ, Йэрвелемъ. Причина, побудившая Лаксмана обратиться къ нему, выясняется изъ вышепомянутаго письма, содержаніе котораго таково [138]): «Иркутскъ, 2-го іюня 1766 г. Высокоблагородный и пресловутый господинъ профессоръ! Никогда не имѣвъ счастія быть лично знакомъ съ вами, и теперь не имѣя ничего такого, о чемъ бы стоило писать изъ такой отдаленной мѣстности къ такому знаменитому человѣку, я не могу воздержаться, чтобъ этими строками не засвидѣтельствовать вамъ почтеніе. Іоганъ Бекманъ — лучшій другъ мой; съ нимъ я проводилъ пріятнѣйшимъ образомъ время свое при Петро-Павловскомъ училищѣ, въ С.-Петербургѣ; черезъ годъ послѣ того, какъ я поѣхалъ на Востокъ, онъ отправился на Западъ, гдѣ имѣлъ счастье познакомиться и быть почитаемымъ знаменитѣйшими мужами Швеціи. Дня два тому назадъ [139]) я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ не можетъ нахвалиться тою благосклонностію, какую вамъ угодно было оказать ему. Онъ ободряетъ меня принять участіе въ его исполненномъ благодарности сердечномъ настроеніи; да еслибъ онъ того даже и не написалъ, то я все-таки счелъ бы своею обязанностію выразить вамъ мою почтительнѣйшую благодарность. Какъ незначительный знакъ великаго и сердечнаго уваженія моего къ вамъ имѣю честь представить нѣсколько сѣмянъ настоящаго ревеня. Онъ растетъ на китайской границѣ между истоками Иркута и Бѣлой, на Тункинскихъ [140]) альпахъ, и долженъ засѣваться въ сыромъ черноземѣ у источниковъ, протекающихъ къ югу. Препровождается еще и *Actaea cimicifuga*, которую можно сѣять въ какую угодно землю. Прошу васъ также принять при семъ маленькія травы: *Cortusa Gmelini*, *Gentiana aquatica*, *Rhododendron dauricum*, пока сѣмена ихъ здѣсь успѣютъ созрѣть. По возвращеніи моемъ въ будущую осень изъ болѣе продолжительнаго путешествія по китайской границѣ отъ Селенгинска до большого озера Косогола [141]), до Култукскихъ и Тункинскихъ альповъ, я намѣренъ опять писать вамъ. Если вамъ угодно будетъ почтить меня письмомъ вашимъ,

то прошу послать его мнѣ въ конвертѣ на имя господъ Фалька и Шлецера въ С.-Петербургѣ или его превосходительства господина генералъ-маіора, иркутскаго губернатора, Карла фонъ-Фрауендорфа à Irkutsk въ Сибири. Пребываю и т. д.»

Упомянемъ сперва объ отдѣльномъ пунктѣ въ только-что приведенномъ письмѣ. Вопросъ о ревенѣ, объ этомъ, какъ выражается Риттеръ, «цѣлебнѣйшемъ изъ всѣхъ растеній», которое уже издавна служило одною изъ важнѣйшихъ побудительныхъ причинъ азіатской всемірной торговли, еще въ продолженіе всего XVIII столѣтія былъ облеченъ въ таинственный мракъ, который правительства, торговые и ученые люди съ одинаковою ревностію старались разсѣять. Опытъ началъ все яснѣе доказывать, что изъ насаженныхъ во многихъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ садахъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Стокгольмѣ и т. д. *species rhei* ни одна не была настоящая; знали теперь, что драгоцѣнный корень этотъ собственно составлялъ контрабанду, вывозъ котораго Небесная Имперія запретила всѣмъ подвластнымъ ей народамъ, хотя и не съ полнымъ успѣхомъ; нашли, что товаръ, вывезенный англійскими кораблями изъ Кантона, не могъ соперничать съ доставленнымъ русскими сухимъ путемъ. Думали, что преимущество послѣдняго состоитъ, можетъ быть, въ болѣе тщательной сортировкѣ, тѣмъ болѣе, что было извѣстно, что русское правительство въ Кяхтѣ, куда приходили караваны, имѣло присяжныхъ пробирщиковъ подъ вѣденіемъ т. н. ревеннаго аптекаря. Надлежало разыскать растеніе съ корнемъ и собрать сѣмена его. Многіе думали, что оно могло быть найдено въ Сибири; такъ и Лаксманъ.

Его интересъ къ этому дѣлу, кромѣ болѣе общей причины, имѣлъ также и спеціальную. Вышепомянутый Брандтъ въ 1765 г. былъ назначенъ ревеннымъ аптекаремъ въ Кяхтѣ, и, главнымъ образомъ, по его-то побужденію Лаксманъ предпринялъ эту свою поѣздку [142]. Сверхъ того экспедиція, состоявшая изъ 26 человѣкъ, два лѣта сряду подъ начальствомъ городского хирурга Ваксмана разыскивала это рѣдкое растеніе, по приказанію губернатора Фрауендорфа. Дѣйствительно, нашли ревень въ большомъ множествѣ въ мѣстности, заключающейся отъ Ангары и Байкала до Саянскихъ горъ и рѣки Іи [143], —

пространство, соотвѣтствующее упомянутому въ письмѣ Лаксмана. Однакожъ ошибались, думая, что собранный здѣсь ревень былъ настоящій.

Хотя Лаксману, такимъ образомъ, ни теперь, ни впослѣдствіи не удалось рѣшить этой задачи, какъ ни часто онъ къ ней возвращался, однакожъ сѣмена, высланныя имъ Бергіусу, имѣли свою маленькую исторію, уже въ этой связи заслуживающую нѣсколькихъ словъ, такъ какъ мы въ ней встрѣчаемъ имена многихъ изъ главнѣйшихъ ботаниковъ Сѣвера. Сѣмена, въ первый разъ высланныя, хоть и не принялись, но повели къ дальнѣйшему обмѣну мыслей и къ продолженію опытовъ. Въ отвѣтномъ письмѣ, полученномъ Лаксманомъ уже по оставленіи имъ Иркутска, которое мы въ примѣчаніи[144]) подробно сообщаемъ для охарактеризованія начатой корреспонденціи, Бергіусъ говоритъ: «Часто вспоминаю учтивое наставленіе, которое вамъ угодно было сообщить мнѣ о ревенномъ растеніи. Такъ какъ ревенныя сѣмена не принялись, хотя я съ большою заботливостію ухаживалъ за ними, то прошу васъ покорнѣйше уложить для меня полный экземпляръ этого растенія, чтобъ я могъ вполнѣ познакомиться съ видомъ настоящаго ревеня. Между ботаниками въ Европѣ существуетъ споръ о томъ, какой ревень настоящій: *Rheum palmatum* или *compactum?* никто, кромѣ васъ, не можетъ рѣшить этого спора. Не угодно ли будетъ вамъ, господинъ магистръ, при томъ же случаѣ наставить меня о настоящемъ способѣ разведенія, приготовленія и сушки ревеня, а также приложить историческія свѣдѣнія, какія вамъ извѣстны о русской торговлѣ ревенемъ, чѣмъ окажете мнѣ, а главнымъ образомъ отечеству и ученому міру, дѣйствительную услугу. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ сѣмянъ, если вы изволите еще разъ выслать ихъ, сверхъ чаянія, и взойдутъ».

Надежды Бергіуса на то, что̀ Лаксманъ могъ сдѣлать по этому дѣлу, были такъ велики, что онъ одновременно писалъ о томъ и своимъ корреспондентамъ, и тѣмъ, кто былъ въ перепискѣ съ Лаксманомъ, прося ихъ ходатайства передъ нимъ. Въ особенности онъ обращался къ Гадду, который, по крайней мѣрѣ, съ 1764 г.[145]) занимался опытами надъ ревенными сѣменами и корнями, полученными отъ Гортера въ Петербургѣ и отъ

другихъ. Въ письмахъ Гадда къ Бергіусу, изъ коихъ нѣкоторыя уцѣлѣли, весьма часто идутъ разсужденія объ этомъ предметѣ. Къ періоду, относящемуся сюда, принадлежатъ главнымъ образомъ письма его отъ 2-го и 27-го сентября 1768 г. Изъ перваго мы сообщаемъ выписку ниже; въ послѣднемъ онъ увѣряетъ, что «отослалъ письмо къ Лаксману и поручилъ просьбу вашу, г. профессоръ, наилучшимъ образомъ его попеченію, такъ что не сомнѣваюсь въ хорошемъ успѣхѣ». По тому же дѣлу онъ обратился и къ Бекману, находившемуся въ Гэттингенѣ; но онъ только могъ сообщить 13-го іюня 1768 г.: «Gaudeo, quod a Laxmano epistolam accepisti, ego vero post abitum meum e Suecia nullam ab isto accepi; neque scio, quomodo ei possim epistolam mittere. Scripsit mihi amicus quidam eum jussu Imperatricis in Sibiria peregrinari, sed plura nescio, quod male me habet».

Окончательное сообщеніе самого Лаксмана Бергіусу по этому предмету заключается въ слѣдующемъ письмѣ [146]), которое, хотя написано лишь 17-го іюля 1769 г. уже изъ Петербурга, но по содержанію своему относится къ его иркутской поѣздкѣ, теперь служащей предметомъ нашего изложенія. Онъ пишетъ: « . . . . Г. профессору Гадду я послалъ тѣхъ же сѣмянъ, которыя были высланы и вамъ, и полагаю, что это *Rheum compactum*. Я не нахожу никакого различія между тѣми, которыя растутъ здѣсь въ садахъ, и тѣми, которыя нашелъ на сибирскихъ альпахъ. Ту шероховатость, которая находится на листьяхъ, нельзя назвать *scabrum quid*, но *coriaceum*, потому что листья эти похожи на лицевую сторону кордуанскаго сафьяна или замши. *Species rheorum difficillime limitibus circumscribuntur, et forte natura vix eos posuit*. Ревень, вывозимый изъ Россіи, тотъ же самый, что̀ изъ Китая привозится въ Россію, и въ Кяхтѣ осматривается и очищается аптекаремъ Брандтомъ. Однажды греческій купецъ Мануйла [147]) за 10,000 рублей досталъ нѣсколько фунтовъ сѣмянъ китайскаго rheum и послалъ ихъ Сенату; изъ тѣхъ сѣмянъ и выросъ *Rheum palmatum* у господина надворнаго совѣтника Моделя въ его собственномъ саду. Но дѣти Мануйлы ходятъ и просятъ милостыню, потому что ему не уплатили суммы имъ истраченной на сѣмена. Полагаю,

что въ Иркутскѣ теперь ревеня не собираютъ. Въ 1766 г., по указанію одного крестьянина, было собрано нѣсколько пудовъ, надъ которыми дѣлались опыты при всѣхъ госпиталяхъ, при чемъ пришли къ тому убѣжденію, что дѣйствіе его не хуже настоящаго китайскаго rhei. Изъ этихъ сѣмянъ, собранныхъ тамъ на мѣстѣ, я и послалъ вамъ, г. профессоръ. Полагаю, что rheum лишь въ отечествѣ своемъ достигаетъ полной силы: замѣчаю то же самое и на многихъ другихъ растеніяхъ, какъ напр. *Cimicifuga:* оно здѣсь такъ измѣнено, что его никакъ нельзя принять за одно и то же растеніе, въ особенности вонючаго запаха въ немъ вовсе нѣтъ».

Результаты опытовъ, произведенныхъ такимъ образомъ, оказались только отрицательными. Вездѣ согласились, что Линней въ своей Materia medica ошибочно помѣстилъ *Rheum undulatum* какъ настоящій, но тѣмъ не менѣе не нашли мѣста, гдѣ его слѣдовало искать. Никто не подозрѣвалъ, что еще потребуется два человѣческихъ вѣка для достиженія цѣли, что многія надежды возникнутъ и опять угаснутъ, пока она будетъ достигнута. Лаксманъ самъ еще на старости лѣтъ былъ свидѣтелемъ новыхъ стараній [148]) отыскать въ Сибири родину этого дорогого предмета торговли, этого всемірнаго растенія.

VII.

Годы 1766 и 1767.

Продолженіе поѣздки. Байкалъ. Селенгинскъ. Тангутскій языкъ. Монгольское богослуженіе. Озеро Косоголъ. Култукъ. Кяхта; жена Лаксмана умираетъ. Нерчинскъ. Ильинскій острогъ. Истоки Турки; ихъ карта.

Планъ, набросанный Лаксманомъ въ письмѣ отъ 2-го іюня 1766 г. о продолженіи путешествія, т. е. отъ Селенгинска вдоль китайской границы направиться къ озеру Косоголу и къ горамъ около Култука и Тункина, въ дѣйствительности былъ значительно расширенъ. Въ слѣдующемъ году онъ именно пишетъ

Шлэцеру[149]), что былъ въ Стрѣтенскомъ острогѣ къ востоку отъ Нерчинска, а въ зоологической статьѣ[150]), немного позже составленной, говоритъ, что «не упустивъ ничего, относящагося къ естественной исторіи», онъ пробылъ лѣтомъ 1766 г. въ Дауріи около Байкала, Селенги, Чикоя и Джиды, а осенью въ рудникахъ у Шилки или Аргуни, притока Амура, и сверхъ того посѣтилъ Кяхту. Чтобы помѣстить въ маршрутѣ всѣ эти мѣста, которыя прежде только частію были посѣщены Мессершмидтомъ и Гмелиномъ, надо полагать, что онъ изъ Иркутска отправился въ Селенгинскъ и какъ бы радіусами изъ этого центра предпринималъ экскурсіи.

Въ то время, когда еще и не думали о построенной впослѣдствіи сухопутной кругобайкальской дорогѣ, по юго-западному берегу Байкала, дорога шла поперекъ черезъ озеро, а по южной сторонѣ его черезъ Верхнеудинскъ, берегомъ рѣки Селенги до города, названнаго ея именемъ. Уже на пути туда Лаксману удалось обогатить науку многими новонайденными естественными предметами[151]); между ними упоминаются насѣкомыя: *Gryllus dauricus «apterus»*, котораго Китайцы ѣдятъ; *Gryllus sibiricus*, около Барнаула рѣдокъ, а около Иркутска и вдоль Селенги повсемѣстенъ; *Attelabus ircutensis* у Байкала и *Attelabus dauricus* у Селенги, и растенія: *Robinia spinosissima*, встрѣчаемая только у *Селенги* и найденная цвѣтущею въ іюнѣ; служащее украшеніемъ *Polygonum sibiricum*, собранное въ іюлѣ въ изобиліи въ долинахъ горы Убукунъ между Удинскомъ и Селенгинскомъ, и *Trifolium dauricum*, также цвѣтущее въ іюлѣ въ еловыхъ лѣсахъ у Селенги. Слѣдовательно начало было очень хорошо.

Отрывочныя замѣтки о поѣздкѣ къ западу весьма неожиданно касаются не предметовъ изъ области естественныхъ наукъ, а этнографическихъ и лингвистическихъ вопросовъ. Поднимаясь вверхъ по истокамъ Джиды, впадающей въ Селенгу, Лаксманъ во многихъ мѣстахъ на высокихъ скалахъ у берега замѣчалъ особеннаго рода письмена. Спрашиваемы были объ этомъ сосѣдніе монгольскіе буддійскіе жрецы или ламы. Потомъ онъ обратился и къ Шлёцеру[152]). «Извѣстенъ ли тангутскій (= тибетскій) языкъ въ Европѣ?» спрашиваетъ онъ его въ упомяну-

томъ уже письмѣ и присовокупляетъ: «Господинъ Мюллеръ въ комментаріяхъ [153]) вашей академіи что-то писалъ объ этомъ, но чтó такое—я уже забылъ, а здѣсь въ пустынѣ не у кого спросить совѣта. Не смотря на то, я постарался во время проѣзда моего черезъ селенгинскія мѣстности записать кое-что объ этомъ языкѣ въ мой дневникъ, — лишь нѣкоторыя маленькія орѳографическія замѣтки, которыя представляю вашей благосклонности. Я сдѣлалъ ихъ въ досужіе часы, къ тому на монгольской степи, въ юртахъ; филологъ сдѣлалъ бы что нибудь гораздо лучшее». Дальнѣйшее можно прочитать въ письмѣ, которое напечатано вмѣстѣ съ весьма лестною замѣткою [154]) Шлёцера о сочинителѣ. Въ той же мѣстности Лаксманъ собиралъ свѣдѣнія, помѣщенныя имъ въ «Описаніи мунгальскаго богослуженія»; однако это сочиненіе вмѣстѣ съ цѣлою работою [155]), въ которую оно вошло, осталось библіографическою загадкою. Также неизвѣстно, доходилъ ли Лаксманъ до Косогола и посѣтилъ ли онъ уже во время этой поѣздки замѣчательный Култукъ. Если онъ былъ тамъ, то какъ понять, что ни Палласъ, ни Георги не заѣзжали туда? Вѣрно то, что 20 лѣтъ спустя [156]), Лаксманъ сдѣлался тѣмъ, кому обязаны были драгоцѣннѣйшими матеріалами къ познанію той мѣстности.

Менѣе подробно, нежели было бы желательно, говоритъ онъ о своей поѣздкѣ изъ Селенгинска на югъ, къ важному торговому и пограничному городу Кяхтѣ. Изъ сочиненія [157]), которое онъ по возвращеніи въ Барнаулъ послалъ въ Вольное Экономическое Общество въ С.-Петербургѣ, однакожъ видно, что его практическій духъ былъ тутъ занятъ мыслями о томъ, какъ бы отвратить дѣйствіе чрезвычайно обильныхъ сыпучихъ песковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ. Онъ говоритъ, что уже и прежде размышлялъ о подобныхъ неудобствахъ, напр. у Сестрорѣцка въ Ингерманландіи. Онъ полагаетъ, подобно Линнею [158]), что слѣдовало бы посѣять травы, связывающія песокъ. Такими онъ рекомендуетъ въ особенности *Sophora lupinoides*, которую онъ въ Сибири однакожъ нашелъ только около Селенги, отъ китайской границы до Удинска и Ильинскаго острога, а ближе къ Байкалу лишь рѣдко у Половинной заставы; потомъ *Polygonum frutescens*, встрѣчающееся какъ у Селенги, такъ и у

Иртыша, и какъ онъ полагаетъ, разведенное и въ саду Академіи Наукъ, и наконецъ у Гмелина хорошо нарисованную *Ephedra monastachya*.

Пребываніе въ Кяхтѣ оставило ему горькое воспоминаніе на всю жизнь. Его молодая супруга, сопровождавшая его въ эту отдаленную страну, надѣясь, вѣроятно, увидѣть дорогихъ знакомыхъ изъ Барнаула, семейство аптекаря Брандта, не вынесла трудностей дороги. Она скончалась здѣсь. Тѣло ея было перенесено въ Селенгинскъ, отстоящій на 90 верстъ къ сѣверу, гдѣ и было похоронено скорбящимъ супругомъ[159]). Послѣ $2\frac{1}{2}$ годичнаго супружества она при смерти своей была матерью двухъ маленькихъ сыновей, которыхъ родители оставили въ Барнаулѣ, вѣроятно, подъ присмотромъ бабушки. Нѣкоторыя подробности о жизни этихъ малютокъ, такъ рано лишившихся матери, встрѣчаются ниже.

Глубоко пораженный этою горькою потерею, Лаксманъ отправился въ долгій путь свой къ востоку, къ аргунскимъ рудникамъ, гдѣ онъ провелъ часть осени. Совершенное отсутствіе какихъ-либо его извѣстій объ этой части его путешествія объясняется грустнымъ душевнымъ настроеніемъ. Знаемъ только, что онъ въ горахъ около Амура собралъ знаменитый *Rhododendron*[160]), уже извѣстный со временъ Гмелина. Вѣроятно онъ слѣдовалъ по тому же пути, по которому прослѣдовали прежде него Гмелинъ, а послѣ него Палласъ, т. е. по теченію Чикоя и Шилки. Всѣ его свѣдѣнія о Нерчинской области принадлежатъ ко времени гораздо позднѣйшему[161]).

Когда онъ теперь возвратился къ Байкалу, было уже начало октября. Море, какъ называютъ окрестные жители съ глубокимъ уваженіемъ это огромное, прихотливое пространство воды, только въ исключительныхъ случаяхъ дозволяетъ переѣздъ въ это время года. Лаксманъ принужденъ былъ ожидать, пока озеро покроется льдомъ, что̀ обыкновенно длится до самаго новаго года. Между тѣмъ онъ проживалъ въ Ильинскомъ острогѣ или въ Большой Заимкѣ, въ мѣстечкѣ къ сѣверу отъ Удинска у Селенги, населенномъ русскими и бурятами. Это невольное замедленіе послужило поводомъ къ посѣщенію горячихъ источниковъ близъ Усть-Турки. Разсказъ Лакс-

мана составляетъ первое по времени сочиненіе о томъ, вышедшее въ свѣтъ, и заслуживаетъ быть прочтено наравнѣ съ сочиненіемъ Георги[162]), составленнымъ нѣсколькими годами позже. Этотъ, считающійся преимущественнымъ географомъ прибайкалскихъ странъ, завернулъ лишь со стороны озера къ этимъ источникамъ и даже не упоминаетъ о своемъ предшественникѣ, который однакоже сухимъ путемъ и черезъ многія неизвѣстныя мѣстности дошелъ до этого мѣста.

Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Шлёцеру сказано: «Въ архивѣ Академіи вѣроятно найдется описаніе[163]) теплыхъ купаленъ у Байкала, недалеко отъ Усть-Турки. Я также былъ тамъ, изслѣдовалъ воду и отмѣтилъ положеніе источниковъ на картѣ, которую вмѣстѣ съ этимъ препровождаю къ вамъ. Въ октябрѣ 1766 года я уже не могъ отважиться ѣхать по бурному Байкалу, а былъ принужденъ до новаго года, когда только Байкалъ начинаетъ замерзать, оставаться въ Ильинскомъ острогѣ или въ Большой Заимкѣ. Здѣсь я услышалъ разсказы о цѣлебной силѣ нѣкоторыхъ теплыхъ источниковъ, около 150 верстъ ниже, близъ устья ручья Турки. Я видѣлъ также людей, получившихъ тамъ исцѣленіе отъ тяжкихъ болѣзней, между прочимъ женщину, страдавшую сифилисомъ. Разсказывали о чрезвычайной теплотѣ воды. Это побудило меня, не смотря на позднее время года, отправиться туда верхомъ.

«12-го октября я выѣхалъ изъ Большой Заимки; черезъ 12 верстъ я перемѣнилъ лошадей въ Итацинскомъ острогѣ, переѣхалъ черезъ ручей Кома̀ и вдоль Итанцы проѣхалъ 16 верстъ до Икурлыка, гдѣ переночевалъ. 13-го числа проѣхалъ я вдоль Итанцы и Ангира 30 верстъ до Нестерова, откуда лошади были взяты до купаленъ. Еще въ тотъ же вечеръ я отправился далѣе, по самой скверной дорогѣ, ведущей черезъ маленькіе ручейки, болота и каменистые лѣса къ Хаинской или Медвѣдевому зимовью, 35 верстъ. Это зимовье лежитъ при впаденіи Хаина въ Кику. Здѣсь былъ мнѣ дурной ночлегъ у одного стараго, глухого отшельника, постоянно проживающаго тамъ и занимающагося ловлею дикихъ козъ. 14-го я проѣхалъ сперва 10 верстъ по вязкимъ болотамъ, на половину замерзшимъ, до озера Котакила[164]). Вдоль озера мы ѣхали верстъ 20 до сѣ-

вернаго конца его, гдѣ находится большой островъ съ зимовьемъ и часовнею, принадлежащими, также какъ и рыбная ловля по всему озеру, Троицкому монастырю. Эти 20 верстъ тянутся все по лѣсамъ, да по густымъ кустарникамъ *Rhododendron dauricum,* который рвалъ наше платье и царапалъ наши лица, а потомъ черезъ ручьи, глубокія топи и крутыя горы. Отъ озера было всего двѣ версты до Байкала. Вдоль берега его мы проѣхали 12 верстъ и прибыли въ Усть-Турку, гдѣ я переночевалъ у рыбаковъ въ ихъ зимовьѣ, довольно чистомъ на видъ. Потолокъ былъ будто изъ лощенаго чернаго дерева, и никакихъ закоптѣлыхъ полосъ не было подъ нимъ, какъ на моемъ прежнемъ ночлегѣ въ Хапиской. Я похвалилъ рыбаковъ за это, но они отшучивались, увѣряя, что изба еще никогда не была выметена, и что чистота происходитъ лишь отъ лиственницы, которая не мараетъ стѣнъ и потолка, подобно ели, соснѣ и березѣ.

«15-го я проѣхалъ еще 12 верстъ вдоль Байкала, по самой плохой дорогѣ, до теплыхъ купаленъ. Онѣ находятся въ двухъ верстахъ отъ озера, въ частомъ ельникѣ, на низменной и болотистой равнинѣ. Ручей беретъ начало свое изъ 3-хъ источниковъ, лежащихъ вблизи одинъ отъ другого и бьющихъ съ такимъ стремленіемъ, что я никогда еще ничего подобнаго не видалъ по силѣ, обилію воды. Къ ручью, образовавшемуся изъ этихъ 3-хъ источниковъ, на 20-й сажени внизъ по теченію, присоединяется выходящій изъ середины его 4-ый, а еще ниже на 21 саженъ 5-ый источникъ, также изъ середины ручья. У каждаго изъ этихъ послѣднихъ источниковъ находится купальный ящикъ, похожій на крестьянскіе хлѣвы въ Швеціи. Въ эти ящики впускается горячая вода спереди, а теплая съ обоихъ боковъ, чтобы умѣрить горячесть воды. Температура во всѣхъ пяти источникахъ была 60 градусовъ выше 0 по Реомюрову ртутному термометру. Вода пахла почти какъ сырое мясо и содержала въ себѣ множество натра, окристаллизовавшагося у берега, на подобіе короткихъ волосинокъ. Никакихъ слѣдовъ купороса я не могъ найти въ водѣ, хотя и дѣлалъ разные опыты. Я далъ одному ведру этой воды испариться надъ медленнымъ огнемъ и получилъ около унціи горькой соли, но вкусомъ гораздо слабѣе обыкновенной. Сырое мясо дикаго козла, которое я часа два продержалъ въ

горячей водѣ, хоть снаружи и казалось свареньімъ, но внутри было сыро и кроваво. При питьѣ тоже замѣтно присутствіе горькой соли, но цвѣтъ воды весьма прозраченъ.

«Говорятъ, что зимою мѣстность эта видна очень далеко, вслѣдствіе поднимающихся паровъ; да и при мнѣ теплота оказывала своеобразныя дѣйствія. Всѣ болота и ручейки, даже устье рѣки Турки, были замерзшими и на столько крѣпко, что ледъ почти держалъ всадника; а вокругъ источниковъ, у береговъ рѣки, растительность находилась 15-го октября въ весеннемъ блескѣ. Разные роды *Ranunculus*, *Sisymbrium Nasturtium aquaticum*, *Epilobium* и *Myosotis* были въ полномъ цвѣту, а другія травы по крайней мѣрѣ противились холоду.

«Далѣе внизъ по ручью находился опять горячій источникъ, съ теплотою въ 42 градуса по тому же термометру. Прежде и здѣсь былъ купальный ящикъ, который однакожъ уже сгнилъ. Недалеко отсюда вытекалъ 7-й источникъ [165]) съ теплотою въ 20 градусовъ. Тамъ и сямъ по берегамъ журчали также и холодные источники съ чистою, свѣжею водою, безъ всякаго вкуса горькой соли. Подобно тому, какъ теплота содѣйствовала цвѣтамъ, также и насѣкомыя преуспѣвали отъ нея. Мошки, мухи, козявки и пауки летали, ползали и прыгали здѣсь тогда будто лѣтомъ.

«Надъ 4-мъ и 5-мъ источниками находился продолговатый четырехугольный столъ, стороны котораго были исписаны тангутскими письменами. Онъ весь былъ обвѣшенъ овечьими *ossa scapulae* и китайскими лентами, похожими на тѣ, какія ламы носятъ на своихъ палкахъ. Разныя *ossa scapulae* висѣли также на тонкихъ ниточкахъ изъ лошадиныхъ волосъ на окружающихъ деревахъ. Всѣ эти кости, также какъ и тѣ вокругъ столовъ, были исписаны съ одной стороны мунгальскимъ, съ другой тангутскимъ шрифтомъ. Это дѣлаютъ буряты, пользующіеся болѣе другихъ купаньемъ, такъ что въ продолженіе цѣлаго лѣта здѣсь можно встрѣтить ихъ по нѣскольку сотъ вмѣстѣ. Какъ жертву они въ источникъ бросаютъ деньги, которыя промышленные люди вылавливаютъ. Также и солдаты, бывшіе со мною, вынули для себя по нѣскольку монетъ двадцатикопеечныхъ. Вокругъ источниковъ, особенно около трехъ первыхъ, было поставлено нѣ-

сколько палокъ съ маленькими значками изъ синей китайки (бумажной матеріи изъ Китая), исписанными по-тангутски. Говорятъ, что всѣ эти письмена, а также и тѣ на костяхъ и столахъ изображаютъ только молитвы, большею частью обращенныя къ подземнымъ духамъ, потому что буряты вѣруютъ, что горячія воды вытекаютъ изъ ада. Лѣнивымъ сибирскимъ женщинамъ было бы хорошо жить здѣсь: имъ бы не было надобности кипятить воду надъ огнемъ, потому что получили бы ее всегда горячею изъ источниковъ». Такъ пишетъ Лаксманъ.

Можетъ быть, не безинтересно, съ этимъ путевымъ очеркомъ изъ того времени, когда вся страна еще покоилась въ дремотѣ природнаго состоянія, сопоставить описаніе, составленное Риттеромъ о той же мѣстности. «Въ новѣйшее время—говоритъ онъ [166])—губернаторъ Трескинъ трудами ссыльныхъ выстроилъ прекрасное шоссе отъ Удинска къ Байкалу, къ горячимъ сѣрнымъ водамъ у ручья Турки, длиною около 20 географич. миль. Дорога тянется вдоль рѣки Итанцы [167]), направо отъ Селенги, черезъ роскошный, дикоромантическій, лѣсистый и горный ландшафтъ, мимо озеръ, ядовитыя испаренія которыхъ, какъ слышно, уже стоили жизни многимъ рабочимъ. Также слышно, что водяныя птицы умираютъ здѣсь, за исключеніемъ лебедей, стаи которыхъ оживляютъ озеро. Возлѣ дороги учреждены колоніи для преступниковъ и раскольниковъ. Ручей Турка, окруженный прекраснымъ амфитеатромъ горъ и лѣсовъ, многими посѣщается и представляетъ въ мартѣ и апрѣлѣ, когда Кяхтинская ярмарка окончена, прелестное мѣсто пребыванія; тогда весь богатый и знатный свѣтъ, состоящій изъ чиновниковъ и купцевъ съ китайской границы, изъ Иркутска и Дауріи, спѣшитъ сюда со своими семействами, наполняя купальныя зданія, всѣ дома и лачужки. Ванны употребляются противъ почти всѣхъ хроническихъ и ревматическихъ недуговъ». Въ богатой литературѣ, составившейся объ нихъ, Лаксманъ почти никогда не упоминается, а между тѣмъ онъ былъ первымъ, кто здѣсь проложилъ путь наукѣ.

И другой починъ его относится къ тому же времени. Какъ мы уже знаемъ, онъ отмѣтилъ на картѣ источники и послалъ свой эскизъ Шлэцеру,—не посылая въ то же время и къ Линнею, какъ говорится въ одномъ сочиненіи [168]), часто сообщающемъ

невѣрные факты. Безъ сомнѣнія, онъ замѣтилъ, какъ невѣрны были болѣе старыя изображенія [169]) окрестностей Байкала. Состояло ли это его дѣйствіе въ какой-нибудь связи со съемкою озера, исполненною по приказанію губернатора Фрауендорфа [170]), именно въ этомъ 1766 году? Другой губернаторъ, Бриль приказалъ боцману Пушкареву въ 1772 и 1773 годахъ исполнить работу, послужившую основаніемъ для все еще очень неполной «Neue Carte des Baikal-Sees» Георги.

VIII.

1767 — 1768 годъ.

Возвращеніе въ Барнаулъ. Новыя поѣздки. Восхожденіе на Алтай. Начинаетъ обработываніе коллекцій. Сочиненіе «Neue Mittel и т. д.» Сужденіе объ немъ какъ о пасторѣ. Разлука съ Сибирью.

Изъ этого обширнаго путешествія для открытій Лаксманъ возвратился въ Барнаулъ въ началѣ 1767 г. Ему не было досуга отдыхать. Онъ не только опять занялся своими учеными трудами, но искалъ еще новыхъ поприщъ дѣятельности для своего пытливаго ума.

Уже въ слѣдующее лѣто онъ совершаетъ новыя поѣздки въ Колывань и Змѣиногорскъ (Шлангенбергъ), да еще и далѣе. Довольно отважная мысль руководила имъ. Онъ не довольствовался восхожденіемъ на «наружное укрѣпленіе» Алтая, т. е. на гору Синюю Сопку [171]), находящуюся внутри русской крѣпостной линіи, а пытался дойти до вершинъ, до области снѣговъ. Немного лѣтъ передъ тѣмъ (1761) этотъ край, отъ рыскавшихъ по немъ калмыковъ, былъ такъ небезопасенъ, что для изслѣдованія его былъ назначенъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Петрова [172]). Городской хирургъ Кизингъ слѣдовалъ съ нимъ въ качествѣ испытателя природы и возвратился съ нѣкоторыми коллекціями [173]). Но тогда не пошли далеко въ горы. Не безъ причины потому считаютъ Лаксмана первымъ, кто изъ

чисто-научной цѣли отважился на такое небезопасное странствованіе [174]).

Хотя онъ по привычкѣ своей опять скупится на слова, но можно изъ разныхъ отдѣльныхъ свѣдѣній понять, что онъ, на сколько то было возможно, слѣдовалъ по стопамъ помянутаго отряда; слѣдовательно, по достиженіи пограничной русской крѣпости Тигерятской, онъ шелъ въ направленіи притоковъ Чарыша-Тигеряка и Ины. Подробнѣйшее сообщеніе его по этому дѣлу заключается въ письмѣ къ Шлэцеру, слѣдующаго содержанія [175]): «Нѣчто диковинное долженъ я вамъ сообщить изъ моихъ наблюденій надъ состояніемъ погоды, чтó случилось со мною 22-го іюня сего года (1767). Въ упомянутый и въ послѣдующій за тѣмъ день я находился на той горѣ Алтайскаго хребта, которая называется Малымъ Алтаемъ [176]). Здѣсь я поставилъ нѣсколько барометровъ и нашелъ, что ртуть не поднималась выше 23 лондонскихъ дюймовъ $+ \frac{8}{100}$ въ трубѣ. Было 3 часа пополудни. Въ томъ же часу ртуть въ Барнаулѣ стояла 29 дюймовъ $+ \frac{4}{10} + \frac{8}{100}$, а въ Змѣиногорскѣ 28 дюймовъ $+ \frac{1}{10} + \frac{5}{100}$. Развѣ это не доказательство значительной вышины?» По свидѣтельству Риттера [177]), измѣреніе Алтая Лаксманомъ занимало по времени первое мѣсто, а также относительно точности оно весьма замѣчательно.

Какъ и слѣдовало ожидать, его коллекціи во время экскурсіи въ эту чрезвычайно интересную мѣстность не были безуспѣшны. Въ своемъ травникѣ [178]) онъ имѣлъ отсюда *Rhodiola rosea*, которую онъ прежде нашелъ въ горахъ Байкала, *Rhamnus alpinus*, *Daphne altaica*, *Polygala vulgaris*, *Astragalus Laxmanni* и др., хотя уже извѣстныя, но рѣдкія растенія, а кромѣ того множество совсѣмъ новыхъ видовъ. Онъ самъ впослѣдствіи между новонайденными альпійскими растеніями описалъ [179]): красивую *Spiraea altaiensis*, собранную на подошвѣ горы между Иною и Бѣлою, недалеко отъ Тигерятской крѣпости, *Gentiana grandiflora* съ высочайшихъ вершинъ, *Sibbaldia altaica* и *Ornithogalum altaicum* въ горныхъ ущельяхъ, *Ranunculus altaicus* на мшаринахъ снѣжныхъ горъ; далѣе *Dracocephalum altaiense* и *Ornithogalum uniflorum*, также найденныя на Синей Сопкѣ, изъ которыхъ послѣднее было разводимо въ его саду, и *Polygonum*

sibiricum, также привезенное имъ съ собою изъ Дауріи. Между новыми насѣкомыми изъ той же мѣстности онъ называетъ [180]) лишь *Leptura altaiensis* въ зонтичныхъ растеніяхъ у подошвы горы и *Myrmeleon kolyvanense*, встрѣчающееся также на Синей Сопкѣ близъ Чакирскаго рудника; *Ichneumon gigas* находился и здѣсь, какъ и въ Барнаулѣ, по рѣдко. — При возобновленной поѣздкѣ въ 1768 году въ Змѣиногорскъ, онъ наконецъ имѣлъ удовольствіе поймать живого *Myospalax.*

Вмѣстѣ съ постоянными поѣздками и прочими изслѣдованіями Лаксмана расширялась и его дѣятельность какъ сочинителя. Незамѣтно онъ втягивался въ авторскую дѣятельность, хотя она никогда не была его главнымъ занятіемъ. Изъ искреннихъ сообщеній о любимыхъ имъ предметахъ друзьямъ его дѣтства и знакомымъ, онъ весьма скоро былъ вовлеченъ въ обширную ученую переписку. Уже въ тѣ годы, когда онъ былъ пасторомъ въ Барнаулѣ, онъ переписывался, по крайней мѣрѣ, съ слѣдующими лицами, изъ которыхъ большинство пользовалось общею извѣстностію: съ І. Бекманомъ въ Петербургѣ, въ Швеціи и наконецъ въ Геттингенѣ, съ Линнеемъ въ Упсалѣ, съ Бергіусомъ въ Стокгольмѣ, съ Гаддомъ въ Або, съ Бюшингомъ, Фалькомъ и Шлецеромъ въ Петербургѣ; сверхъ того съ аптекаремъ Брандтомъ въ Кяхтѣ и съ нѣкоторыми другими сибирскими естествоиспытателями. Изъ получаемыхъ отвѣтовъ, а иногда и изъ присылаемыхъ ему новыхъ сочиненій изъ Европы онъ могъ заключить, что ожидались наилучшіе результаты отъ его предпріятій. И онъ не пропускалъ случая съ возами, отходившими изъ Барнаула ежегодно съ кладью серебра, посылать своимъ корреспондентамъ свѣдѣнія и естественные предметы изъ всѣхъ царствъ природы.

Онъ еще не имѣлъ случая описывать свои разнообразныя коллекціи, но прилежно записывалъ. Подробнѣйшій отчетъ о его предпріятіяхъ въ это время можно читать въ длинномъ письмѣ его къ Шлецеру отъ 26-го декабря 1767 г., уже выше нѣсколько разъ нами упомянутомъ; имъ онъ, очевидно, хотѣлъ между прочимъ дать отчетъ и Петербургской Академіи Наукъ за пособіе, имъ отъ нея получаемое. Того же числа онъ отправилъ въ Петербургское Вольное Экономическое Общество неболь-

шое изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «Neue Mittel zur Befestigung des Flugsandes»[181]), опубликованное въ слѣдующемъ году въ изданіяхъ Общества на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Всѣ эти похвальныя старанія, еще до отъѣзда его изъ Сибири, сдѣлали его извѣстнымъ и въ Петербургѣ и за границею.

Но онъ также и въ другомъ смыслѣ и съ другой стороны привлекъ по крайней мѣрѣ вниманіе къ себѣ. Многія мѣста въ его письмахъ ясно показываютъ, что ему на дѣлѣ пришлось доказать старое правило, что самый безкорыстный трудъ на чужомъ полѣ легко навлекаетъ недовѣрчивость со стороны всѣхъ тѣхъ, интересы которыхъ мимо или дѣйствительно имъ затрогиваются. Барнаульцы отнюдь не стояли выше такихъ внушеній человѣческой мелочности. Сверхъ того, общій духъ времени былъ пропитанъ щепетильностью, которая, по крайней мѣрѣ, въ научныхъ вопросахъ должна показаться неожиданною. Корреспонденты Лаксмана, касательно нѣкоторыхъ предметовъ, не осмѣливались даже называть его имени. «Русскіе», пишетъ[182]) Гаддъ Бергіусу 2-го сентября 1768 г., «чрезвычайно ревнивы относительно сѣмянъ и корней ревеня, почему и настоятельнѣйше прошу не объявлять имени друга, мнѣ ихъ приславшаго, потому что это, навѣрно, будетъ ему поставлено въ большую вину». Гаддъ продолжаетъ: «Въ письмѣ, которое я въ этомъ году получилъ отъ него изъ Барнаула, онъ пишетъ: «знаю, что многіе изъ друзей моихъ удивляются моему поведенію и въ особенности тому, что я такъ рѣдко пишу и высылаю произведенія природы. Одни считаютъ меня неспособнымъ, другіе же лѣнивымъ; но послѣдніе весьма ошибаются, и тѣ и другіе могутъ довольствоваться слѣдующимъ отвѣтомъ: я долженъ быть какъ тотъ, кто ничего не ищетъ и не открываетъ рта». Въ заключеніе Гаддъ сообщаетъ: «Письмо, полученное мною въ этомъ году, было также распечатано въ русской канцеляріи, и между прочими сѣменами оказались вынутыми сѣмена *Cymbaria daurica*» . . . . Прибавимъ, что подобнымъ же образомъ и Бекманъ[183]) лишился многихъ произведеній природы, высланныхъ ему Лаксманомъ.

Что пасторъ въ Барнаулѣ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ задававшими тонъ въ мѣстномъ обществѣ, мы легко можемъ понять изъ многихъ его выраженій и сужденій. Въ са-

момъ дѣлѣ, онъ вскорѣ своимъ лихорадочно-безпокойнымъ рвеніемъ къ изслѣдованіямъ возбудилъ изумленіе, доходившее до осмѣянія, которое не замедлило превратиться въ сомнѣніе объ его намѣреніяхъ, и пробуждало негодованіе съ обѣихъ сторонъ. Да онъ и самъ давалъ поводъ къ порицаніямъ тѣмъ, что онъ, какъ кажется, исправлялъ свои настоящія обязанности по должности пастора лишь мимоходомъ. Читающему его письма какъ-то странно видѣть, что онъ постоянно занятъ всевозможнымъ, и не встрѣчать ни слова, указывающаго на его заботы о прихожанахъ, ввѣренныхъ его попеченію. Впрочемъ можетъ быть, еслибъ сохранились его письма къ Бюшингу, къ этому благочестивому и сердечному покровителю его успѣховъ, то въ нихъ мы бы увидѣли хотя искру того болѣе серьезнаго интереса и того чувства долга, которыхъ мы теперь, къ сожалѣнію нашему, не замѣчаемъ. Это возможно, хоть и едва ли вѣроятно.

Изъ прихода, подлежавшаго тогда попеченію Лаксмана, на сколько по разспросамъ удалось намъ узнать [184]), было одинаково невозможно получить болѣе утѣшительныя свѣдѣнія, какъ и съ другихъ сторонъ. Евангелическо-лютеранскія церковныя книги въ Барнаулѣ начинаются только съ 1769 г., слѣдовательно, съ года послѣ его отъѣзда. Ужъ и это не служитъ ему рекомендаціей. Нельзя извинять его тѣмъ, что такія книги не были составлены его предшественникомъ, первымъ пасторомъ прихода. Примѣру послѣдняго онъ не долженъ былъ слѣдовать, тѣмъ болѣе, что онъ уже на родинѣ своей зналъ, что требуется для хорошаго исправленія должности пастора. Сверхъ того, онъ безъ сомнѣнія еще во время своего пребыванія въ Барнаулѣ имѣлъ случай читать порицаніе, высказанное Бюшингомъ въ сочиненіи, изданномъ 1767 г. [185]), именно объ упомянутомъ его предшественникѣ, въ то время находившемся тамъ въ должности оберъ-бергмейстера, о саксонцѣ Лэйбе. Мы не беремся судить о томъ, было ли порицаніе слишкомъ строго, но съ другой стороны Бюшингъ выражаетъ такія теплыя надежды на его преемника, что съ горестью видимъ ихъ обманутыми.

Положительно то, что когда Бюшингъ [186]) послѣ 22 лѣтъ опять упоминаетъ о молодости бывшаго своего друга, то выражается о немъ уже холоднѣе; а Лэйбе уже въ 1770 г., хотя

и косвенно получилъ нѣкоторое удовлетвореніе тѣмъ, что Палласъ и Denkъ въ своихъ подробныхъ путевыхъ запискахъ[187]) изъ Барнаула чрезвычайно хвалятъ его, какъ человѣка и изслѣдователя, но совсѣмъ умалчиваютъ о Лаксманѣ, незадолго передъ тѣмъ оставившемъ ту мѣстность, или упоминаютъ о немъ лишь язвительно. Какую память послѣдній оставилъ по себѣ въ той мѣстности, о томъ можно судить по краткой замѣткѣ о жизни, написанной послѣ его смерти на заглавномъ листѣ барнаульской церковной книги, гдѣ сказано, что при отъѣздѣ своемъ онъ заявилъ, что приходъ слишкомъ малъ, такъ что въ будущемъ не нуждается въ пасторѣ. Это мнѣніе, ежели оно дѣйствительно принадлежитъ, а не только приписано ему, доказываетъ, какъ мало онъ самъ былъ пасторомъ, хотя другой церковный мужъ перетолковалъ это необдуманное выраженіе въ слишкомъ строгомъ смыслѣ[188]). Во всякомъ случаѣ выраженіе это для прихода не повлекло за собою никакихъ непріятностей: уже въ 1769 г. мѣсто пастора тамъ опять было занято, и въ наше время въ Барнаулѣ находится самостоятельный лютеранскій приходъ.

Тѣ пять лѣтъ, которыя Лаксманъ обязывался служить у своихъ полуодичалыхъ единовѣрцевъ при сибирскихъ рудникахъ, окончились съ 1768-мъ годомъ[189]); его самого ожидали другое призваніе и дѣятельность, болѣе согласная съ его наклонностями.

IX.

1769 годъ.

Возвратный путь. Жительство въ Москвѣ, гдѣ между прочимъ встрѣчается съ Фалькомъ. Пріѣздъ въ Петербургъ. Личныя и ученыя отношенія. Вольное Экономическое Общество; выбирается въ члены его. Переписка. Поѣздка въ Финляндію.

Уже до окончательнаго срока своей службы, въ ноябрѣ или въ первыхъ числахъ декабря 1768 г., Лаксманъ вѣроятно выѣхалъ изъ Барнаула. Раньше половины слѣдующаго января мѣсяца онъ успѣлъ пріѣхать въ Москву, за 3800 верстъ.

Объ этомъ заявляетъ намъ очень спеціальное свидѣтельство, какъ видно изъ слѣдующей метрической выписки [190]) евангелическо-лютеранской церкви Св. Михаила въ Москвѣ: «1769 г. января 11-го родился сынъ у пастора Георга Лаксмана и былъ нареченъ 12-го числа: Антонъ Эрикъ; воспріемниками были: докторъ Кюнзе, профессоръ Фалькъ, полковница Ганъ и пасторша Гёльтергофъ». Изъ этого явствуетъ также, что онъ по смерти своей первой супруги, о чемъ мы выше упомянули, вступилъ въ другой бракъ, вѣроятно въ Барнаулѣ весною 1768 года. Имя жены его неизвѣстно.

Обстоятельства, при которыхъ онъ теперь путешествовалъ, не были благопріятны для поспѣшнаго путешествія; равно и время года не было удобно для изслѣдованій по естественной исторіи. Были ли имъ предприняты изслѣдованія окрестностей Волги, которыя онъ, отправляясь въ Сибирь, предполагалъ сдѣлать на обратномъ оттуда пути, не можетъ быть опредѣлено, потому что только то несомнѣнно, что все имъ изданное на счетъ геогнозіи этой могучей рѣки относится къ позднѣйшему времени [191]). Пребываніе въ Москвѣ сдѣлалось однакожъ весьма поучительнымъ для него. Сюда переселился не только Мюллеръ въ 1765 г., но и Фалькъ, стоявшій во главѣ т. н. оренбургской экспедиціи, находился тогда здѣсь. Послѣдній говоритъ [192]), что изъ путниковъ петербургской академіи также Ловицъ, Лепехинъ, Крафтъ, Гюлденстедтъ и Иноходцевъ около этого времени гостили въ древней столицѣ Россіи. Можетъ быть, Лаксманъ уже тогда познакомился, по крайней мѣрѣ, съ однимъ или другимъ изъ этихъ ученыхъ, въ товарищи которыхъ онъ недолго послѣ того былъ избранъ.

Въ особенности встрѣча съ Фалькомъ была для него пріятна и живительна. Какъ у земляковъ, у нихъ было много личныхъ общихъ интересовъ, какъ у изслѣдователей — еще болѣе, такъ какъ Фалькъ стремился въ тѣ самые края, гдѣ Лаксманъ такъ долго жилъ. Письмо отъ послѣдняго содержитъ кое-что объ этой встрѣчѣ, заслуживающее быть здѣсь упомянутымъ. «Фальку», писалъ онъ Бергіусу въ слѣдующемъ іюлѣ [193]), «никто не долженъ удивляться, потому что, какъ онъ поступилъ съ вами, г. профессоръ, такъ онъ поступаетъ и со всѣми людьми.

Онъ и я лучшіе друзья въ свѣтѣ, но ни за что я не попросилъ бы его о чемъ бы то ни было; когда онъ надѣется увидѣть или получить что нибудь, то онъ здоровъ и веселъ; но какъ только получитъ желаемое, дѣлается больнымъ, скучнымъ и желчнымъ. И этотъ житейскій пріемъ выгоденъ тѣмъ, что избавляетъ отъ всякой уплаты. Думаю, вы сами почувствовали бы состраданіе къ больному человѣку. Когда я нынѣшней зимою встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ, онъ лежалъ больнымъ взаперти; но какъ скоро увидѣлъ меня, сдѣлался здоровъ, и его здоровье продолжалось, пока онъ не просмотрѣлъ всѣ мои коллекціи, выбравъ изъ нихъ для себя лучшіе экземпляры». Писавшій это письмо не могъ предчувствовать, что онъ въ Москвѣ навсегда разстался съ меланхолическимъ другомъ, къ которому онъ теперь, какъ и всегда, выражалъ такое истинное участіе.

Любопытство Фалька могло послужить Лаксману предвѣстіемъ того, что ему должно быть оказано въ Петербургѣ, гдѣ онъ рѣшился временно поселиться, въ надеждѣ на будущее. Его возвращеніе въ столицу совпало съ началомъ періода великихъ научныхъ экспедицій царствованія императрицы Екатерины. Неважный пасторъ, вслѣдствіе своихъ смѣло исполненныхъ дальнихъ поѣздокъ, вслѣдствіе богатыхъ своихъ коллекцій, вслѣдствіе многостороннихъ познаній, имъ обнаруживаемыхъ, и вслѣдствіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ онъ уже состоялъ ко многимъ извѣстнѣйшимъ ученымъ, сдѣлался вскорѣ лицемъ совсѣмъ во вкусѣ времени.

Хотя онъ былъ столь же бѣденъ, какъ и непритязателенъ, но не долженъ былъ чувствовать себя чужимъ въ этомъ большомъ городѣ. Изъ его прежнихъ доброжелателей и друзей, конечно, многіе переселились: Бюшингъ и Бекманъ въ Германію, Мюллеръ въ Москву; съ Фалькомъ онъ недавно разстался вдали; Шлецеръ получилъ отпускъ въ Геттингенъ и уже болѣе не возвращался. Но кое-кто оставался еще, а съ другими онъ знакомился мало по малу. Вліятельный Олсуфьевъ продолжалъ свою благосклонность къ нему; у шведскаго посланника, барона Риббинга, и у свиты его онъ былъ пріятнымъ гостемъ. Онъ имѣлъ довольно знакомыхъ въ шведскомъ, финскомъ и нѣмецкомъ приходахъ, съ которыми онъ состоялъ въ близкомъ общеніи.

Недавно также и землякъ его, впослѣдствіи знаменитый Лексе́ль, получилъ мѣсто при петербургской Академіи Наукъ. Самъ Лаксманъ, въ качествѣ корреспондента ея, состоялъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ этому ученому учрежденію, хотя ему и не снилось, что выборъ его въ члены ея былъ такъ близокъ. Нѣкоторыя ученыя отношенія однакожъ, во время его отсутствія, развились въ благопріятномъ для него направленіи и нѣкоторыми окольными путями довели его до этого отличія.

Уже за годъ до отъѣзда Лаксмана въ Сибирь, императрица, по приказанію которой на полѣ между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ была учреждена экономическая сельско-хозяйственная школа, имѣла намѣреніе при Академіи Наукъ открыть особое отдѣленіе для агрономіи. Изъ этого, правда, вслѣдствіе противодѣйствія, тонко оказаннаго ей гофъ-библіотекаремъ Таубертомъ, ничего не вышло, но вмѣсто того въ 1765 г. образовалось болѣе частное т. н. Вольное Экономическое Общество въ Петербургѣ [104]), одно изъ старѣйшихъ во всей Европѣ съ этою цѣлью. Между его 15 основателями именуется также и профессоръ Фалькъ. Графъ, впослѣдствіи знаменитый имперскій князь Григ. Орловъ сдѣлался главою учрежденія и предоставилъ дворецъ свой для собраній. Высшее дворянство, Воронцовы, Строгановы, Олсуфьевы и др. поспѣшили записаться въ немъ, жертвовали деньги для премій и т. д. Такимъ образомъ Общество съ перваго начала заслужило уваженіе и пріобрѣло ту жизненность, которая до нашего времени безпрестанно продолжалась, проявляясь въ дѣльныхъ трудахъ [105]) и въ оживленной предпріимчивости на пользу государства.

Въ этомъ Обществѣ министръ, управлявшій Кабинетомъ, Олсуфьевъ былъ въ 1769 г. президентомъ. Лаксманъ явился къ нему, главному начальнику Колыванскаго горнаго округа, чтобы доложить о своемъ возвращеніи. При этомъ ли случаѣ онъ заявилъ что-либо о ненадобности пастора въ Барнаулѣ? Не знаемъ; и всякому слуху не желаемъ вѣрить. Во всякомъ случаѣ Олсуфьевъ дѣйствовалъ въ иномъ направленіи. Но онъ могъ составить не иное, какъ только очень выгодное мнѣніе о представившемся ему пасторѣ естествоиспытателѣ, напоминавшемъ о себѣ богатою, въ своемъ родѣ первою коллекціею насѣкомыхъ,

подаренною имъ Кабинету, своимъ недавно въ актахъ Общества опубликованнымъ сочиненіемъ о связывающихъ песокъ травахъ, и другими тому подобными стараніями. Отвѣтомъ на его представленіе было письмо, пригласившее его въ члены Общества, въ которое покуда, кромѣ основателей, было принято только 28 человѣкъ. Другіе знаки благоволенія послѣдовали.

Поощреніе, такимъ образомъ оказанное Лаксману, въ его настоящемъ положеніи казалось тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что Общество въ первые годы своего существованія находилось въ болѣе короткихъ отношеніяхъ къ Академіи [196]), изъ членовъ которой оно преимущественно образовалось и главнымъ цѣлямъ которой, производившимся въ то время большимъ экспедиціямъ, оно ревностно содѣйствовало. Что Лаксманъ уже тогда, и можетъ быть именно черезъ Олсуфьева, котораго онъ называетъ своимъ меценатомъ, и который навѣрно желалъ не оставить его безъ куска хлѣба, получилъ намекъ на то, что надежды его на будущность въ служеніи наукамъ были лучше нежели въ служеніи церкви,—это дѣлается весьма вѣроятнымъ, между прочимъ потому, что онъ въ то время ревностнѣе чѣмъ когда-либо прежде или позже, даже съ ревностію спецсеминанта, старается подтверждать документами заслуги свои на авторскомъ поприщѣ, и не дѣлаетъ ни одного шага для успѣха своего на духовномъ поприщѣ. Надъ «Секуляризаціею» его, о которой говоритъ Калоніусъ, уже работали.

Однакожъ, прежде чѣмъ мы обратимся къ обозрѣнію многихъ сочиненій послѣ вступленія Лаксмана въ мартѣ мѣсяцѣ 1769 года въ Экономическое Общество, имъ сообщенныхъ этому Обществу или инымъ образомъ опубликованныхъ, намъ кажется умѣстнымъ помѣстить нѣкоторыя изъ его дружескихъ частныхъ писемъ. Жизненнѣе всякаго описанія они изображаютъ передъ глазами нашими самого человѣка, съ его стремленіями, печалями и надеждами, какъ въ мелочахъ, такъ и въ важномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они намъ представляютъ нѣсколько опорныхъ точекъ для обсужденія нѣкоторыхъ болѣе общихъ ученыхъ положеній и обстоятельствъ въ этомъ году, сдѣлавшемся для всей будущности его такъ важнымъ.

Онъ пишетъ изъ Петербурга 13-го апрѣля 1769 г. П. I. Бер-

гіусу въ Стокгольмъ: «Многоуважаемый господинъ профессоръ. Письмо ваше имѣлъ я честь получить въ Москвѣ, и Plantas capenses [197]) я нашелъ здѣсь въ Петербургѣ, за которыя изъявляю покорнѣйшую мою благодарность. Какъ вы почтили меня дружбою своею во время пребыванія моего въ Сибири, то я увѣренъ, что и здѣсь буду пользоваться этимъ счастіемъ. Однакожъ мнѣ, вѣроятно, не долго придется оставаться здѣсь: Провидѣніе, какъ кажется, назначило меня для путешествій и странствованій. Академія Наукъ, въ прошлое лѣто снарядившая 5 физическихъ экспедицій, желаетъ назначить меня въ 6-ую. И я, для котораго лучше быть вдали, чѣмъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, выбралъ Сибирь моимъ предметомъ, такъ какъ раньше не былъ въ состояніи сдѣлать то, чего желалъ, а скорѣе только то, что могъ.—Присылаю при семъ же для васъ нѣсколько сѣмянъ. Думая, что всѣ сѣмена извѣстныхъ сибирскихъ растеній уже находятся въ саду академіи, я собралъ лишь болѣе рѣдкія, и слѣдовательно глубоко ошибся. Однакожъ я совершенно невиненъ: я горѣлъ желаніемъ узнать, чѣмъ бы я могъ услужить, однакожъ я говорилъ глухимъ ушамъ и навлекъ на себя кучу презрѣнія и ненависти. Теперь желали бы, чтобъ я привезъ побольше.—Какъ только успѣю пересмотрѣть свой гербарій и окажется надежный случай, буду имѣть честь поднести вамъ все, что могу доставить. Какъ по ботаникѣ, такъ и по минералогіи я собралъ много дублетовъ, которые предоставляю друзьямъ своимъ. — Въ королевскую академію наукъ я пошлю *Hirundo daurica*, рисованную съ натуры и вполнѣ описанную [198]). Изрядную коллекцію минераловъ я поднесу ей [199]), какъ скоро представится къ тому удобный случай. Я уже говорилъ объ этомъ съ шведскимъ посланникомъ, и онъ обѣщалъ увѣдомить меня о томъ. Пишетъ ли Валлеріусъ [200]) что-нибудь? Сколько вышло его химіи, и почемъ она продается? А также послѣднее изданіе Generum plantarum и Systema naturae Линнея? Gener. pl. я желалъ бы получить 2 раза, а прочія, также и Filii Decades и Museum Reginae Ulricae, 1 разъ. Еслибъ я зналъ цѣну, то немедленно выслалъ бы деньги или препроводилъ бы ихъ по назначенію. Старыя книги свои я оставилъ въ Сибири. — Знаете ли вы минералога, интересующагося хорошими и наглядными си-

бирскими штуфами? Я имѣю ихъ столь хорошаго качества, какъ можно ожидать ихъ отъ знатока [201]), я бралъ ихъ на мѣстѣ, имѣю маркшейдекарты всѣхъ заводовъ и могу указать слой. Если кто пожелаетъ мѣнять и дать мнѣ шведскія породы мѣди, серебряныя руды, кобальтъ, никкель, свинецъ и въ особенности горныя породы и т. д., то я на промѣнъ дамъ ⊙☽♀♄ серебряный блескъ, бѣлую серебряную руду, блеклую руду, соляныя породы, и все это такого качества, что оно богато и красиво. Если такой найдется, такъ прошу меня увѣдомить. Остаюсь и т. д.»

Немного спустя послѣ того, столько же объяснительное письмо нижеслѣдующее къ тому же лицу представляетъ намъ развитіе его судьбы. Петербургъ, 2-го іюня 1769 г.: «Высокоблагородный и знаменитый господинъ профессоръ, благосклонный мой доброжелатель. Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь получить благосклонное письмо ваше. Радуюсь, что сѣмена счастливо прибыли. Теперь я занятъ просмотромъ коллекцій моихъ, и имѣю чрезвычайно мало досуга: здѣсь люди очень нетерпѣливы и хотятъ тотчасъ выводить наружу, какъ скоро что-либо получается. Еслибъ я добровольно не доискивался, то многое могло бы оставаться въ неизвѣстности очень долгое время. — Послѣ моего прибытія сюда, я издалъ «Abhandlung von dem Verhalten der Salze in Wärme und Kälte zum Vortheil des Salzwesens in Sibirien», — разсужденіе, въ которомъ встрѣчается довольно много новаго по части химіи и экономіи. Я работалъ нѣсколько лѣтъ сряду надъ этими опытами, которыхъ главная цѣль показать, какъ растворы соли относятся къ холоду. Я представилъ его Ея Императорскому Величеству; оно было весьма благосклонно принято и передано на разсмотрѣніе Сената. Теперь оно уже переведено на русскій языкъ, и я ожидаю награды [202]). Вольное Экономическое Общество приняло меня, безъ моего вѣдома, въ члены свои. Это также увеличило работу мою. Я доставилъ имъ нѣсколько статей [203]), какъ-то: «Die beste Art Waldung zu säen auf den sibirischen Steppen», «Die Kenntniss einheimischer Naturalien», «Von den Vorzügen des Brennholzes» и т. д. — Всѣ наблюденія, сдѣланныя мною въ Сибири, я печатаю подъ названіемъ «Sibirische Nebenstunden». Первая часть только что печатается. Въ нее входятъ: 1) Beschreibung der Silbererze, als

eine Probe einer russischen Mineralogie», — минералоги-то изумятся при этомъ; 2) «*Mus subterraneus*»; 3) «*Sorex minutus*»; 4) «*Spiraea altaiensis*»; 5) «Beschreibung des mungalischen Gottesdienstes». Все съ гравюрами. Таковы же будутъ и остальныя части [204]). Относительно петербургскихъ комментарій я узнаю цѣну и черезъ книгопродавца Вейдбрехта вышлю ихъ вамъ; онъ взялся доставить мнѣ шведскіе.—Благодарю васъ, господинъ профессоръ, за благосклонное распоряженіе относительно королевской шведской академіи. Я весьма недостоинъ такой чести, и это ни къ чему другому не послужило, какъ къ затемнѣнію прекраснаго блеска другихъ. Я никогда даже такого умысла не имѣлъ, и еслибъ у меня не было никакого другого недуга, кромѣ славолюбія, то я былъ бы довольно здоровъ.—Еще не могу сказать, останусь ли здѣсь или уѣду. Для меня это все равно. — Если будетъ у меня время, перешлю партію минераловъ для обмѣна. Остаюсь и т. д.»

Наконецъ мы имѣемъ письмо, отправленное Лаксманомъ 17-го іюля изъ Петербурга къ тому же Бергіусу, за исключеніемъ уже упомянутыхъ изъ него выписокъ, слѣдующаго содержанія: «Достославный господинъ профессоръ, милостивый государь. Сейчасъ я имѣлъ честь распечатать ваше уважаемое письмо изъ Стокгольма отъ 14-го іюля 1769 г. За многую благосклонность [205]), которою вамъ угодно надѣлять меня, я тѣмъ болѣе благодаренъ, что вижу, какъ заслуги мои не велики.—Я не хотѣлъ затруднять васъ своею маленькою закупкою книгъ, тѣмъ болѣе, что доставка отсюда до Стокгольма такъ ненадежна, а потому я медлилъ отвѣтомъ. Если уже досадно для человѣка, имѣющаго хорошіе доходы, потерять что-нибудь, то во сколько болѣе для бѣднаго путешественника, борющагося съ тяжелымъ временемъ? Такъ какъ однакожъ вамъ угодно напомнить мнѣ о томъ, то покорнѣйше прошу васъ имѣть благоволеніе и выслать мнѣ требуемыя книги, за исключеніемъ Gener. plant., которую я здѣсь купилъ. Если онѣ будутъ адресованы на имя купца Гультéна, я получу ихъ. Послѣдніе 6 томовъ прежнихъ Acta acad. petrop. я при первомъ случаѣ возьму изъ академіи и перешлю ихъ вамъ. *Фальку* . . . . экземпляры (см. стр. 53 и 54). Г. проф. Гадду . . . . совсѣмъ выдохлась (см. стр. 39). Находится ли

Spiraea pinnata въ живомъ состояніи у васъ? если нѣтъ, то я вышлю горшечекъ. При этомъ слѣдуетъ нѣсколько сѣмянъ *Hyoscyami physaloidis*. Свидѣтельствуя вамъ свое нижайшее почтеніе, пребываю и т. д.»

Нѣсколько дней послѣ этого письма, т. е. къ исходу лѣта 1769 г. или, какъ онъ самъ выражается [206]), «когда большая часть растеній уже отцвѣла», Лаксманъ, до того весьма занятый, улучилъ досужное время для посѣщенія родины своей, въ продолженіе многихъ лѣтъ имъ не видѣнной. Съ этою поѣздкою онъ соединилъ экскурсію въ окрестности рѣки *Свири*, соединяющей *Ладогу* съ *Онегою* въ *Олонецкой* губерніи. Объ этой экскурсіи, предпринятой въ цѣляхъ Вольнаго Экономическаго Общества, мы имѣемъ нижеизложенный отчетъ его. Что же касается окончательной цѣли его поѣздки, то мы находимся въ полномъ недоумѣніи: «рукописныя путевыя замѣтки изъ Финляндіи», «гдѣ онъ часто бывалъ», которыя часто цитируются болѣе молодымъ современнымъ авторомъ [207]) изъ его литературнаго наслѣдства, къ сожалѣнію, кажется, пропали (ср. однакожъ примѣч. на стр. 4).

Только на тотъ единичный, неважный фактъ намъ удалось напасть со времени посѣщенія имъ Финляндіи, что онъ тамъ пріобрѣлъ новаго корреспондента, именно тогдашняго ректора школы въ Ловисѣ, впослѣдствіи доктора богословія и пастора въ Иденсальми, Іогана Лагуса, о которомъ читатель далѣе узнаетъ подробнѣе [208]). Можетъ быть, знакомство было сдѣлано на родинѣ Лаксмана, въ Нейшлотѣ, вблизи котораго Лагусъ иногда гащивалъ у сводпаго брата своего, пастора въ приходѣ Леппевирта, и въ такомъ случаѣ ранѣе 24-го августа, т. е. до окончанія каникулярнаго времени. Изъ одного намека [209]) можно бы заключить, что Лаксманъ еще въ началѣ 1770 г. находился въ этой поѣздкѣ, но это было бы совсѣмъ ошибочно: онъ, по крайней мѣрѣ, 16-го декабря уже былъ въ Петербургѣ, какъ видно изъ его собственнаго прошенія, о которомъ рѣчь въ будущей главѣ.

X.

1769 годъ, продолженіе.

Необыкновенная плодовитость. «Вступительная рѣчь въ Экономическомъ Обществѣ». «Die beste Art Waldung zu säen». «Beschreibung von Olonez». «Vom Verhalten der Salze». «Описаніе Hirundo daurica или горной ласточки». «Sibirische Nebenstunden». «Sibirische Briefe». Дѣлается членомъ академіи наукъ въ Стокгольмѣ. Виды. Надежды.

Нетерпѣніе, съ которымъ петербургскіе ученые ожидали ознакомленія съ сибирскими «рѣдкостями» Лаксмана, о чемъ говорится въ одномъ изъ только что приведенныхъ писемъ его, чувствовалось тогда не менѣе и имъ самимъ. Какъ естествознаніе ожидало многихъ плодовъ отъ его трудолюбія, такъ и онъ самъ, «борясь съ тяжелымъ временемъ», соединялъ съ этимъ лучшія надежды на свое производство и на личныя выгоды.

Многія изъ свѣдѣній и предметовъ, сообщенныхъ имъ корреспондентамъ своимъ, были уже ими во время его отсутствія объявлены, чтó и содѣйствовало его извѣстности и дома и за границею. Такъ о немъ упоминали Бекманъ, Линней, Палласъ, а въ скоромъ времени также и Шлецеръ. Все это было бы чрезвычайно пріятно, еслибъ соблюдена была необходимая точность при рефератахъ, но такъ не всегда было; вѣдь даже самъ Линней приписалъ ему невѣрное свѣдѣніе о *Sorex pygmaeus*[210]). Но онъ и самъ помнилъ, что иногда въ своихъ поспѣшно набросанныхъ письмахъ, вовсе не назначенныхъ для гласности, имъ были дѣлаемы ошибки. Мы уже упоминали объ одной. Наконецъ еще многія изъ его открытій и изслѣдованій подвергались риску въ скоромъ времени устарѣть, такъ какъ теперь нѣкоторые ученые были отправлены для изслѣдованія всего государства во всѣхъ направленіяхъ.

Съ другой стороны онъ сознавалъ, что будущность его главнымъ образомъ зависѣла отъ того, какимъ образомъ онъ теперь предстанетъ предъ ученымъ свѣтомъ. Надежды на его способности отнюдь не были незначительны, его собственныя письма свидѣтельствуютъ о томъ, да и высшее ученое учрежденіе изъявило расположеніе воспользоваться ими. Выборъ въ члены

общеизвѣстнаго Вольнаго Экономическаго Общества казался ему не менѣе лестнымъ. Но чтобы отъ надеждъ перейти къ дѣйствительности, оставался еще одинъ шагъ, — именно шагъ заслуги. Онъ долженъ былъ стараться сдѣлать этотъ шагъ. Тутъ намъ представляется удобный случай познакомиться съ его способностію къ работѣ.

Всѣ эти причины вмѣстѣ подстрекали его къ болѣе усиленной литературной дѣятельности, чѣмъ когда либо въ слѣдующіе годы. На довѣріе, ему оказанное Экономическимъ Обществомъ, онъ старался отвѣчать, выславъ въ журналъ его за 1769 г. не менѣе трехъ статей, а можетъ быть и больше [211]). Первою была его «Вступительная рѣчь» [212]), сказанная въ мартѣ или апрѣлѣ. Во всякой строкѣ мы узнаемъ ревностнаго и практически настроеннаго друга природы. Онъ развиваетъ въ особенности необходимость для земледѣльца имѣть познанія изъ естественной исторіи. Объясняя, какимъ образомъ онъ самъ съ дѣтства [213]) дошелъ до этой науки, онъ порицаетъ, что хозяйственныя сочиненія очень часто составлены вовсе не научно. Онъ упоминаетъ объ обыкновенной запутанности терминологіи, называющей часто одинъ и тотъ же предметъ двумя различными названіями и на оборотъ. Перенесемся въ область ботаники. Разсмотримъ полезную травку *Звѣробой;* подъ этимъ названіемъ разумѣютъ около Байкала Линнееву *Swertia rotata*, а около Томска *Menyanthe trifolia*, около Колывани *Polypodium vulgare*, около Москвы *Hypericum perforatum;* а по увѣреніямъ странствующихъ коноваловъ, 12 разныхъ видовъ носятъ это названіе. Также *Куриная слѣпота* около Петербурга и Москвы *Lamium purpureum*, а около Тобольска и Оренбурга *Cornus alba*. Подъ *Стародубкою* въ одномъ мѣстѣ подразумѣваютъ *Gentiana campestris*, въ другомъ же — въ медицинѣ лошади столь извѣстное *Adonis apennina*. Напротивъ того, *Valeriana officinalis* называется то *Балдырьянъ*, то *Маунъ*, то *Земляной ладонъ*, послѣднее названіе лучше другихъ. Весьма важно было бы, чтобы всѣ ученые домогались единства, котораго можно достигнуть если держаться принятаго въ коренныхъ русскихъ областяхъ. Теперь напр. есть люди, которые, не зная, что *Gnaphalium dioicum* имѣетъ хорошее названіе *Горлянка*, называютъ эту траву *Кошачьи*

Лапки, хотя это лишь переводъ со шведскаго *Kattfötter;* многіе ученые даже не знаютъ, что собираемая крестьянами, около Илимска и рѣки Лены, *Келикейка* есть *Pyrola uniflora*, въ Селенгинской области высоко цѣнимая *Колючка* = *Saxifraga bronchialis*, и т. д. Для устраненія подобныхъ неудобствъ, которыя однакожъ въ только что возникающей экономической литературѣ Россіи еще не успѣли сдѣлаться такъ обременительными, какъ замѣчается въ другихъ странахъ, слѣдовало бы, говоритъ онъ, «составить книгу на мѣстномъ языкѣ страны, въ которой всѣ полезныя естественныя произведенія были бы описаны, и я (прибавляетъ онъ) употреблю всѣ силы свои для доставленія отечеству этого подарка» [214]). Положительный успѣхъ пріобрѣло бы предпріятіе, «если бы помѣщики, большею частью возвращающіеся къ пріятной сельской жизни, посвятивъ лучшіе годы свои государственной службѣ, въ молодости своей усвоивали себѣ хорошія познанія; такимъ образомъ они въ значительной мѣрѣ содѣйствовали бы распространенію и поднятію сельскаго хозяйства и естествознанія, и доставили бы себѣ дѣйствительное и невинное наслажденіе; ученіемъ и примѣромъ своимъ они подѣйствовали бы на подчиненныхъ своихъ». «Я могу», увѣряетъ онъ наконецъ, «по убѣжденію сказать, что подобная забава заключаетъ въ себѣ много сладости и пріятности, и могла бы даже быть предпочитаема самымъ наряднымъ танцамъ и подражанію новѣйшимъ французскимъ модамъ».

Во второй статьѣ, также на нѣмецкомъ языкѣ, вошедшей въ книжку за май-августъ, излагается проектъ, въ которомъ онъ обратилъ вниманіе на вредныя послѣдствія отъ уничтоженія лѣсовъ въ Колывани и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, или «Die beste Art Waldung zu säen auf den sibirischen Steppen» [215]). Популярнымъ языкомъ описываются способъ и результаты опытовъ, имъ самимъ сдѣланныхъ надъ сѣменами ели, сосны, липы, дикой вишни и сибирскаго персиковаго дерева. Нужно замѣтить, что въ выраженіи его: посѣялъ третью изъ упомянутыхъ здѣсь породъ не только въ Сибири, а также въ Ингерманландіи, Финляндіи и Швеціи, подъ послѣднимъ названіемъ онъ, вѣроятно, подразумѣваетъ шведскую часть Финляндіи, можетъ быть мѣстности около Борго или Або, гдѣ Лерхе, Кальмъ и Гаддъ

много потрудились надъ разведеніемъ деревьевъ; потому что собственно въ Швеціи онъ никогда не бывалъ. Интересъ свой къ этому предмету онъ еще болѣе доказалъ тѣмъ, что, по прошествіи 5 лѣтъ снова, и съ расширенною опытностію, издалъ сочиненіе о томъ же [216]).

Третья статья, названная «Kurze ökonomische Beschreibung der Statthalterschaft Olonez», или подъ болѣе спеціальнымъ заглавіемъ, «Ökonomische Antworten, betreffend den Ackerbau in den Gegenden um den Swir-fluss und südlichen Olonez» [217]), составляетъ плодъ поѣздки, совершенной имъ осенью 1769 г., о чемъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ. Ближайшимъ поводомъ къ составленію его служила уже при учрежденіи общества, въ видѣ вопросовъ по параграфамъ Клингстедтомъ составленная, инструкція [218]) для собиранія свѣдѣній о всѣхъ русскихъ областяхъ. Маленькое сочиненіе Лаксмана, много напоминающее о столь излюбленныхъ въ прошломъ столѣтіи въ Швеціи и Финляндіи описаніяхъ приходовъ, очень дѣльно, тѣмъ болѣе, что оно было первое вышедшее въ свѣтъ объ этомъ важномъ для столицы сосѣдственномъ намѣстничествѣ [219]). Качество почвы, особенности погостовъ и волостей, способы обработыванія земли, употребляемыя при этомъ орудія (повсюду простой финскій плугъ), осушка болотъ, приготовленныхъ палою подъ пашню, безсмысленное пожиганіе лѣса [220]), засѣваемые хлѣба и сажаемые овощи (картофель еще не былъ извѣстенъ), приготовленіе масла финскимъ способомъ, рыболовство и ѣзда въ лодкахъ по рѣкамъ и по Онегѣ, кораблестроеніе въ Лодейномъ полѣ [221]), обычаи и образъ жизни жителей, неохота мужчинъ сбывать что либо на родинѣ, и происшедшій отсюда деморализирующій уходъ на заработки въ С.-Петербургъ, всеобщность пьянства даже между молодыми мальчиками, жизнь въ кабакахъ, поѣздки на ярмарки, корыстолюбіе старостъ, — все это изображается бойкимъ перомъ внимательнаго наблюдателя. — Какъ Лаксманъ 10 лѣтъ позднѣе странствовалъ по тѣмъ же краямъ, то можно полагать, что олонецкіе минералы и растенія въ его коллекціяхъ были собраны главнымъ образомъ лишь тогда, а не теперь, въ это, какъ онъ самъ говоритъ, для того неудобное время года.

О четвертомъ экономическо-химическомъ или химико-техническомъ сочиненіи его отъ того же времени, подъ заглавіемъ: «Abhandlung von dem Verhalten der Salze in Wärme und Kälte, zum Vortheil des Salzwesens in Sibirien», о которомъ мы узнали изъ письма его отъ 2-го іюня 1769 г., что оно имъ «издано»,— къ сожалѣнію далѣе ничего неизвѣстно. Я сказалъ: къ сожалѣнію, главнымъ образомъ, во вниманіи той важности, какую онъ самъ очевидно придавалъ этому сочиненію, которое даже было удостоено чести быть представленнымъ императрицѣ и сенату. Можетъ быть, онъ несвойственно употребилъ слово «издалъ»? Можетъ быть, это было лишь мнѣніе, представленное на разсмотрѣніе начальства? А можетъ быть, и вѣроятно даже, въ сопряженныхъ съ нимъ опытахъ находилось сѣмя къ такому открытію о минеральныхъ соляхъ, каковое одно въ будущности и навсегда должно было придавать имени его добрую славу. Слова въ письмѣ: «я ожидаю награды» получили бы тогда пророческое значеніе въ другомъ смыслѣ, нежели то матеріальное, которое, безъ сомнѣнія, онъ этому слову придавалъ. Какъ бы то ни было, сочиненіе исчезло въ неизвѣстности, и объ немъ, какъ кажется, даже ничего не зналъ одинъ изъ его прежнихъ сотоварищей, послѣ него занимавшійся такими же изслѣдованіями [222]).

Занятый этими стараніями на пользу проявляющейся экономической литературы, Лаксманъ въ то же время не замедлилъ дѣломъ и дѣятельностію помянуть и ту страну, которая была источникомъ его образованія. Вмѣстѣ съ минералами, о которыхъ гласятъ письма его, онъ послалъ въ Шведскую академію наукъ сочиненіе, достойное быть прочитаннымъ: «Описаніе *Hirundo daurica* или *горной ласточки* [223])». Уже 13-го апрѣля 1769, или того же числа, отъ котораго было письмо къ Бергіусу, онъ написалъ секретарю академіи, знаменитому Варгентину: «Имѣя честь быть шведскаго происхожденія, я счелъ своею обязанностію представить королевской академіи эту неизвѣстную птицу». Случившійся прежде съ его стороны недосмотръ по этому предмету, а можетъ быть опасеніе, чтобы другой не предупредилъ его, какъ кажется, тревожили его и понудили составить сочиненіе въ такое время, когда онъ былъ заваленъ работою.

Тамъ именно сказано во вступленіи: «Я видѣлъ птицу нѣсколько лѣтъ сряду въ Змѣиногорскѣ и у Колыванскаго завода, около Устькаменогорской крѣпости и на скалахъ Алтайскихъ горъ; эти мѣстности по настоящему относятся къ Сингоріи, опустошенною нѣсколько лѣтъ тому назадъ китайцами, почему я и назвалъ ее *Hirundo singoriensis* и послалъ нѣсколько экземпляровъ въ Петербургскую академію наукъ, однакожъ безъ описанія. Такъ какъ, при возвращеніи моемъ, я ее увидѣлъ въ петербургскомъ кабинетѣ рѣдкостей и нашелъ, что Мессершмидтъ назвалъ ее *Hirundo saxatilis daurica* [224]), то пусть это имя останется за нею...... такъ какъ и профессоръ Палласъ называетъ ее не иначе въ своихъ Spicilegiis zoologicis, которыя въ нынѣшнемъ году печатаются въ Берлинѣ, то не хочу быть упрямымъ и оставаться при старомъ имени, потому что не желаю навязывать естествоиспытателямъ новаго слова, чѣмъ они уже безконечно мучатся..... Видѣвши ее in loco naturali, я не только могу описать видъ ея, но также весь ея бытъ, что́, безъ сомнѣнія, главное въ зоологіи».

Что́ тутъ сказано о Палласѣ, который, во время отсутствія Лаксмана въ 1767 г., сдѣлался академикомъ въ С.-Петербургѣ, но уже въ іюнѣ 1768 г. отправился въ многолѣтнюю свою экспедицію и, слѣдовательно, не могъ еще быть лично извѣстенъ последнему, основывается лишь на слухахъ. Приведенныя подробности вовсе не касаются до *Hirundo daurica*, хотя Палласъ въ другомъ сочиненіи [225]) и употребляетъ упомянутое названіе мѣстности и присвоиваетъ Мессершмидту честь перваго ознакомленія съ птицею, не зная даже о Лаксманѣ. Достовѣрно однакожъ, что Линней, имѣвшій рукопись Мессершмидта, не придавалъ его сообщенію никакого значенія. За то не нужно быть орнитологомъ, чтобы отважиться на утвержденіе, что болѣе подробной, сердечной и живой, такъ сказать, біографіи, чѣмъ написанная Лаксманомъ объ его любимой ласточкѣ, рѣдко гдѣ можно читать, хотя бы изображеніе, помѣщенное при описаніи ея въ актахъ шведской академіи въ іюльской книжкѣ помянутаго года и было плохо, какъ о томъ отзывается Палласъ въ своей зоографіи гораздо позднѣе. Какъ трудъ Лаксмана былъ оцѣненъ въ Швеціи, это вскорѣ оказалось: скромный пасторъ былъ избранъ

въ члены Стокгольмской академіи, получившей общую извѣстность именами Линнея и другихъ знаменитыхъ людей. Именно на это оказаніе ему чести онъ конфузно намекаетъ въ письмахъ своихъ отъ 2-го іюня и 17-го іюля того же года.

Библіографическая загадка. Уже въ вышеприведенномъ письмѣ отъ 2-го іюня Лаксманъ упоминаетъ о трудѣ, которымъ онъ былъ занятъ, подъ названіемъ «Sibirische Nebenstunden», и излагая содержаніе перваго его тома, онъ говоритъ о немъ, что онъ находится въ печати. Въ одномъ изъ его сочиненій [226]), также упоминаемомъ въ этомъ письмѣ и напечатанномъ двумя мѣсяцами позже, опять приводится этотъ трудъ. Тутъ слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что эти сообщенія въ главныхъ чертахъ были преждевременны. Въ архивѣ Петербургской академіи находятся именно документы [227]), содержащіе: 1) прошеніе отъ 16-го декабря 1769 г., которымъ Лаксманъ проситъ академію напечатать и издать съ гравюрами его «Sibirische Nebenstunden», первый томъ которыхъ обнимаетъ статьи: a) «Geognostisch-mineralogische Beschreibung der Kolyvanischen Bergwerke», b) «Beschreibung der Burätеn», c) «Geschichte der *Cimicifuga*», d) Beschreibung des *Sorex minutus*», e) «Beschreibung des *Mus myospalax*», и f) «Beschreibung einer unbekannten Pflanze», при чемъ онъ самъ обязывается читать корректуру; 2) согласіе академической коммиссіи отъ 18-го декабря на печатаніе изданія въ 600 экземплярахъ на простой и 6 экз. на тонкой бумагѣ въ большую осьмушку; 3) предписаніе о томъ же фактору типографіи отъ 21-го декабря 1769 года.

Далѣе, въ перепискѣ между друзьями Лаксмана находится письмо отъ 28-го марта 1770 г., въ которомъ, на основаніи *собственнаго* его сообщенія, говорится, что директоръ академіи, графъ Орловъ «дозволилъ ему посвятить и лично передать Ея Императорскому Величеству первый томъ его «Sibirische Nebenstunden», готовившійся къ Пасхѣ, который будетъ переведенъ также и на русскій языкъ [228]). Наконецъ, одинъ изъ товарищей Лаксмана, въ сочиненіи [229]), изданномъ въ 1797 году, ссылается, между источниками о Сибири, на его «Sibirische Nebenstunden», какъ напечатанныя in-8^0. Не смотря на все это, теперь невозможно было найти ни одного экземпляра этого сочи-

ненія. Вопросъ этотъ дѣлается еще болѣе запутаннымъ отъ слѣдующаго:

Въ то время, когда Лаксманъ находился въ помянутой поѣздкѣ своей въ Финляндію, въ Петербургѣ вышла маленькая книжечка подъ заглавіемъ: «M. Erich Laxmanns, Predigers bey der deutschen Gemeine zu Barnaul auf den Kolyvanischen Bergwerken in Sibirien, Sibirische Briefe, herausgegeben von A. L. Schlözer, Russ. Kaiserl. Professor der Historie». Göttingen und Gotha 1769, 8°, pag. 108. Письма Лаксмана изъ Сибири къ Шлёцеру и Бекману, а также письмо Линнея къ нему самому, были здѣсь собраны и издателями (Бекманъ также принималъ участіе въ изданіи) снабжены учеными примѣчаніями и чрезвычайно лестной «Zuschrift an den Verfasser»[230]), съ выставленнымъ числомъ: Гёттингенъ, 1-го марта 1769 г. Такъ какъ мы выше уже приводили многія цитаты и выписки изъ этого собранія, то болѣе подробное упоминаніе о содержаніи и направленіи его дѣлается излишнимъ.

Менѣе пріятный сюрпризъ едва ли бы могъ быть сдѣланъ возвратившемуся въ Петербургъ Лаксману, чѣмъ наткнуться тамъ на своего собственнаго двойника. Домогаясь опредѣленія своего къ мѣсту, и будучи занятъ редакціею изслѣдованій своихъ, онъ считалъ себя поставленнымъ въ самое затруднительное положеніе, когда увидѣлъ въ печати свои, на скорую руку написанныя, частныя сообщенія, которыя онъ только-что хотѣлъ разработать и передѣлать, а также и свои, весьма часто очень неосторожныя, сужденія о лицахъ и вещахъ. Стоитъ только вспомнить, что это случилось именно въ то время, когда недавно изданное аббатомъ Шаппомъ «Voyage en Sibérie», вслѣдствіе нѣкоторыхъ превратныхъ обличеній, возбудило глубочайшее раздраженіе самой императрицы. Легко представить себѣ безпокойство Лаксмана. Спустя цѣлый годъ послѣ этой продѣлки его друзей, и когда онъ уже счастливо избѣгнулъ ея опасныхъ послѣдствій, мы видимъ первый отзывъ его самого[231]) объ немъ — досаду на то, что «въ Гёттингенѣ свирѣпствуетъ страсть печатать». Онъ даже, какъ сообщаетъ одинъ путешественникъ[232]), въ 1777 году посѣтившій его, уничтожилъ досадное сочиненіе, потому что онъ другу своему писалъ очень откровенно, но только ему, а не для

публики, письма же были напечатаны «безъ его вѣдома и воли». Послѣ того другой составитель литературныхъ каталоговъ распространилъ мнѣніе, что «Sibirische Briefe» Лаксмана «рѣдки потому, что онъ отобралъ всѣ экземпляры, какіе только могъ, такъ какъ они были изданы безъ его воли».

Поправка къ послѣднесказанному кажется необходимою. Какъ ни положительно извѣстіе объ отобраніи сочиненія «Sibirische Briefe», нужно однакожъ предполагать тутъ смѣшеніе съ «Sibirische Nebenstunden». Вѣрно то, что первое сочиненіе въ извѣстныхъ кругахъ, а именно въ Барнаулѣ[233]), произвело сильное негодованіе, а также что Лаксманъ сокрушался о томъ. Но какъ безуспѣшно было стараніе уничтожить это изданіе, видно изъ его быстраго распространенія въ Германіи и въ другихъ мѣстахъ. Въ дѣйствительности оно не составляетъ рѣдкости предъ прочими изданіями сочиненій Лаксмана. За то, кажется, невозможно отыскать хоть бы одинъ экземпляръ «Sibirische Nebenstunden», даже не находимъ ни одного объ нихъ объявленія книжной торговли. Повидимому, сочинитель постепенно обработалъ въ разныхъ статьяхъ [234]) почти всѣ предметы, составлявшіе содержаніе сочиненія «Sibirische Nebenstunden». Какое же заключеніе можно вывести изъ этого, если не то, что это было именно то сочиненіе, которое уже при первомъ появленіи было имъ прекращено, и вѣроятно потому, что онъ увидѣлъ себя предупрежденнымъ Шлёцеровскимъ изданіемъ?

Впрочемъ, если исключить неудовольствіе Барнаульцевъ, то, сколько извѣстно, для Лаксмана не послѣдовало никакой дѣйствительной невзгоды отъ самовластнаго распоряженія его друга. Напротивъ, сочиненіе вызвало въ скоромъ времени нѣсколько благосклонныхъ рецензій[235]). Единогласно признавали, что Лаксманъ во многихъ отношеніяхъ проложилъ новую дорогу. «Этотъ человѣкъ — говоритъ уже первый рецензентъ 13-го іюля 1769 г. — заслуживаетъ тѣмъ бо́льшую благодарность, чѣмъ достовѣрнѣе большинство сообщенныхъ имъ до сего свѣдѣній и чѣмъ недостаточнѣе были естественно-историческія свѣдѣнія о сибирскихъ краяхъ. Онъ распространяется по всѣмъ областямъ естественной исторіи, и изъ теперь изданнаго образца уже можно предвидѣть, что отъ него можно ожидать еще много важныхъ

открытій». Рецензентъ проходитъ каждое письмо отдѣльно, причемъ насъ поражаетъ неожиданное изреченіе, что нами приведенное выше письмо Линнея къ Лаксману «не интересно». Упомянувъ о зоологическихъ и ботаническихъ новостяхъ и о восхожденіи на Алтай, онъ продолжаетъ: «Онъ утѣшаетъ насъ надеждою на сибирскую энтомологію, которая навѣрно будетъ заключать много новаго, потому что насѣкомыя Сибири еще такъ мало извѣстны. Объ описаніи рудниковъ Гмелиномъ онъ говоритъ, что оно не совсѣмъ точно, и обѣщаетъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Господинъ Лаксманъ обѣщаетъ многое, просимъ его сдержать свое слово».

Какъ мы уже замѣтили, литературная дѣятельность, выказанная Лаксманомъ въ 1769 году, которая такъ мало согласовалась съ его склонностями, отнюдь не была слѣдствіемъ достигнутаго болѣе выгоднаго положенія, а вызывалась желаніемъ достигнуть его. Будущность Лаксмана еще на столько была не обезпечена, что въ настоящій день онъ едва зналъ, что̀ принесетъ ему слѣдующій, хотя и могъ надѣяться, что послѣ услугъ, имъ оказанныхъ Императорскому Кабинету, не будетъ оставленъ безъ куска хлѣба. Неизвѣстность заключалась преимущественно въ томъ, что онъ уже не имѣлъ охоты къ пасторской дѣятельности. А потому онъ долженъ былъ показать, къ чему иному онъ годится.

Покровители его, вѣрно оцѣнивая его способности, нѣсколько времени намѣревались опять отправить его въ путешествія по порученію академіи. Онъ и самъ былъ не прочь отъ этого, особенно потому, что самъ желалъ посѣтить Сибирь, чтобы пополнить то, что̀ онъ принужденъ былъ отложить по недостатку средствъ, а можетъ быть и вслѣдствіе зависти, о которой мы уже знаемъ изъ его писемъ. Страннымъ кажется однакожъ, что, какъ онъ самъ сообщаетъ [236]), желали поставить его главою 6-й ученой экспедиціи, которую хотѣли снарядить сверхъ 5-ти уже отправленныхъ, хотя было бы гораздо проще сдѣлать его участникомъ экспедиціи Фалька или Палласа. Но весь этотъ планъ по неизвѣстнымъ причинамъ разстроился, или хоть и исполнился, но гораздо позднѣе и совсѣмъ въ иномъ видѣ. За то доброжелатели его, основываясь на изданныхъ имъ въ такое

короткое время ученыхъ разсужденіяхъ, нашли другой способъ сдѣлать его познанія полезными для всеобщаго блага и для науки. Разсказъ объ этомъ удобнѣе всего помѣстить въ отдѣльной главѣ.

XI.

Дигрессія.

Взглядъ на Петербургскую Академію наукъ, спеціально въ отношеніи къ шведскимъ и финскимъ сосѣдямъ Россіи до времени и во время Лаксмана.

При Петербургской Академіи наукъ, со времени прибытія Лаксмана въ Россію, и особенно во время пребыванія его въ Сибири, произошли важныя событія, имѣвшія вліяніе на все ея будущее состояніе. По смерти Петра I очень замѣтно было, что не стало того творческаго генія, который передъ изумленными взорами Европы, на земляхъ прежней Скиѳіи, изъ ничего, какъ бы волшебствомъ, создалъ прекраснѣйшіе залоги побѣдъ и завоеваній и въ области мысли. Нѣкоторое время, конечно, все продолжалось, какъ бы отъ толчка его могучей воли и вслѣдствіе уваженія, питаемаго къ нему послѣдующими правительствами. Основанная имъ академія не только продолжала жить, но пріобрѣла право считаться достойною сестрою старшихъ академій въ Парижѣ и Берлинѣ. Но жизнь ея была лишь жизнью комнатнаго растенія, и почетъ — лишь отблескомъ русскаго золота, которымъ оплачивалась заграничная слава академиковъ.

Уже съ начала царствованія Елисаветы постоянно обнаруживаются новыя явленія, свидѣтельствующія о сказанномъ. Безпристрастный судья могъ бы полагать, что главною причиною шатанья и за симъ упадка академіи слѣдуетъ признать постоянныя перемѣны президентовъ ея въ продолженіе первыхъ двухъ десятилѣтій, зависѣвшія отъ перемѣнъ придворныхъ, еслибъ, во время послѣдовавшаго за тѣмъ многолѣтняго предсѣдательства Разумовскаго (1746—1798) неурядица не превзошла всѣхъ границъ; или что причиной упадка были ославленныя

интриги въ ославленной «командѣ» или «канцлеріатѣ», какъ называлась управляющая власть академіи, еслибъ онѣ не были такъ смѣшны и грубы; или же, наконецъ, властолюбивое своекорыстіе иностранцевъ, жалобы на которое вошли въ моду, еслибъ мѣра справедливости, заключающаяся безъ сомнѣнія въ этомъ обвиненіи, не была во сто кратъ превзойдена мѣрою оскорбительной дерзости въ поведеніи самихъ патріотовъ [237]).

Все это значительно служило къ ухудшенію зла, однакожъ главная причина крылась еще глубже. Именно идея, воодушевлявшая Петра при основаніи творенія его, была забыта, или можетъ быть никогда не была хорошенько понята. Цѣль ея, именно благо и дѣйствительную славу отечества, каждый думалъ что понимаетъ; но ни у кого изъ нихъ для достиженія ея не было ни охоты ни силы, чтобы стоять выше національныхъ или даже личныхъ предразсудковъ. Патріотизму недоставало гуманности, а вслѣдствіе того и одушевленія. Еслибъ иностранцы, какъ хотѣли доказать коренные жители, только добивались золота и чиновъ русскихъ, то отчего же они, по окончаніи контрактнаго времени, такъ рѣдко возвращались въ академію, а лучшіе изъ нихъ почти никогда; отчего уже въ первые годы такъ многіе выбыли изъ академіи [238])? Отчего Эйлеръ, Гмелинъ, Д. Бернульи, Крафтъ и многіе другіе оставались тамъ вдали, не смотря на предлагаемыя имъ увеличенныя жалованья, пенсіи, аренды и др.? Отвѣтъ очень простъ: имъ плохо жилось, въ научномъ отношеніи, при академіи въ городѣ Петра. Академія при этомъ теряла болѣе всего, и оставалась бѣдною, съ полнымъ кошелькомъ своимъ.

«Штелинъ — сказалъ Петръ III въ одинъ изъ немногихъ дней своего царствованія—Штелинъ, я очень хорошо знаю, что въ академію вкрались многіе безпорядки и злоупотребленія; ты видишь, что я еще ежедневно занятъ важнѣйшими дѣлами, но когда у меня будетъ свободное время, то займусь академіей и приведу ее въ лучшій порядокъ» [239]). Можно сомнѣваться въ томъ, удалось ли бы несчастному монарху, съ его извѣстными заграничными симпатіями, исполнить задуманную реформу, еслибъ онъ даже и пожилъ дольше. Однакожъ въ скоромъ времени виды на будущее стали свѣтлѣе.

По восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II съ благо-

роднѣйшимъ рвеніемъ принялась за дѣло науки и образованія. Избѣгая, или скорѣе примиряя противопоставленныя другъ другу односторонности двухъ прежнихъ царствованій, она, отъ полнаго сердца и яснаго пониманія, подарила туземному свою любовь, иностранному свое уваженіе. Слѣдствія этой политики сердца и ума, политики Петра I, оказались и въ его ученомъ учрежденіи; частные интересы, угрожавшіе уже расторженіемъ цѣлаго, постепенно опять соединялись и облагороживались истинно универсальною, патріотически гуманною основною идеею, одушевлявшею учредителя. Ломоносовъ былъ почтенъ и награжденъ вожделѣннымъ званіемъ статскаго совѣтника, тогда еще рѣдкимъ при академіи; Шлёцеръ, наперекоръ стараніямъ вліятельныхъ своихъ ненавистниковъ, получилъ штатное мѣсто въ академіи; одинъ изъ его противниковъ, Мюллеръ (другой былъ Ломоносовъ), былъ возведенъ въ государственные исторіографы и переведенъ на доходное мѣсто въ Москву, съ обязательствомъ лишь въ случаѣ надобности словомъ и дѣломъ помогать академіи; наконецъ склонили (1766) къ возвращенію въ академію [240]) и непоколебимаго до того времени Эйлера, одно имя котораго могло придать блескъ учрежденію, еслибъ даже множество товарищей и не сгруппировалось охотно вокругъ этого старца, почитаемаго государями и учеными. Итакъ въ академіи опять появились новыя рабочія силы и новая охота къ работѣ.

Одинаково рѣшительны были реформы, принятыя Екатериною въ администраціи этого обширнаго заведенія, состоявшаго изъ самыхъ разнообразныхъ началъ. Наравнѣ съ президентомъ гетманомъ Разумовскимъ, добычею наушниковъ былъ назначенъ директоромъ графъ Владимиръ Орловъ [241]). Онъ былъ еще совершенно молодъ, младшій изъ 5 братьевъ Орловыхъ, но, подобно старшему брату, временщикъ двора, хотя и самовластный, но горячо преданный наукѣ. Его первою служебною мѣрою было исполненіе указа объ упраздненіи обезславленнаго канцеляріата, вмѣсто котораго учреждена была правительствующая «коммиссія», состоявшая изъ директора въ качествѣ предсѣдателя и 5 членовъ: оба Эйлера, отецъ Леонардъ и сынъ Іог. Альбрехтъ, Леманъ, Котельниковъ и Румовскій. Выборъ оказался хорошимъ.

Эти реформы не обошлись безъ неудовольствія на Орлова: прежде вліятельный Таубертъ теперь былъ поставленъ въ тѣни. Но съ другой стороны не было недостатка и въ хвалителяхъ его управленія, независимо отъ гостепріимной его трапезы[242]), открываемой черезъ каждыя двѣ недѣли академикамъ. Фишеръ посвятилъ ему свою исторію Сибири, Палласъ свою спицилегію, Гюльденстедтъ въ честь его назвалъ его именемъ новый видъ растенія *Orlovia*, Гмелинъ и др. украшали предисловія сочиненій своихъ его хвалою. И за исключеніемъ преувеличеній въ выраженіяхъ, остается многое для заслуженной хвалы его. Такъ приготовленныя съ 1767 года и одновременно предпринятыя въ 1768—1774 годахъ 5 большихъ экспедицій, сверхъ многихъ менѣе важныхъ поѣздокъ, были совершены академиками подъ его покровительствомъ. И эти щедро оплаченныя предпріятія еще въ большей мѣрѣ, нежели прежнія во время царствованія Анны[243]), возбуждали общее вниманіе всѣхъ образованныхъ людей, и сообщили безсмертную славу покровительствованному Екатериною учрежденію Петра.

Когда финляндецъ обозрѣваетъ исторію Петербургской академіи за помянутое время, т. е. почти за первое полустолѣтіе ея существованія, то ему непремѣнно представится вопросъ: отчего за все это время въ корпораціи, комплектовавшейся со всего ученаго свѣта, онъ не встрѣчаетъ ни одного имени изъ своихъ земляковъ, хотя Абоскій университетъ уже въ 1740 году праздновалъ свой столѣтній юбилей? Указываетъ ли это на скудность ученаго образованія у ближайшихъ западныхъ сосѣдей Россіи, или слѣдуетъ объяснить это иначе? Послѣднее вѣрнѣе.

«Уже въ XVII столѣтіи—вѣрно говоритъ одинъ иностранный писатель[244])—старая и знаменитая, королевою Христиною учрежденная Выборгская гимназія распространила шведскую культуру далеко за границы Финляндіи до Невы и Ингерманландіи». Ему слѣдовало бы только вмѣсто Выборгской гимназіи, или вмѣстѣ съ нею, назвать университетъ страны, образовавшійся изъ еще болѣе древней Абоской гимназіи, а также онъ не долженъ былъ бы ограничиться мѣстностью около Невы. Что нынѣшнія Остзейскія провинціи, лежащія къ югу отъ Финскаго залива, лучшими проявленіями своего умственнаго и общественнаго развитія были

обязаны Швеціи, объ этомъ не упоминается; писанное вышло изъ-подъ пера нѣмца.

Но отъ орлинаго взора Петра не могло ускользнуть, даже въ самомъ разгарѣ войны, что онъ можетъ многому научиться отъ своихъ непріятелей, что даже плѣнниками, взятыми изъ войскъ Карла XII, разбросанными всюду по царству его, будутъ разсѣяны многія сѣмена цивилизаціи. Они и въ самомъ дѣлѣ были первыми основателями первыхъ свѣтскихъ воспитательныхъ заведеній въ Россіи. Вѣдь съ высочайшаго разрѣшенія царя уже въ 1703 г. шведскій полковой пасторъ Э. Глюкъ открылъ въ Москвѣ «schola illustris»[245]), въ которой преподавался и шведскій языкъ и гдѣ получилъ свое образованіе первый президентъ С.-Петербургской академіи, знаменитый лейбъ-медикъ Блументростъ. Болѣе извѣстно училище въ Тобольскѣ, въ Сибири, учрежденіемъ котораго и попеченіемъ объ немъ оказали незабвенныя заслуги двое другихъ военно-плѣнныхъ: Таббертъ, во дворянствѣ Штраленбергъ, и тогдашній полковой пробстъ, а въ послѣдствіи профессоръ богословія при Абоскомъ университетѣ, Гавр. Лаурсусъ[246]). Также извѣстно, что лѣтописи уральскаго и сибирскаго горнаго дѣла похвально относятся о свѣдѣніяхъ многихъ изъ шведскихъ плѣнниковъ.

Для такихъ предметовъ Петръ обладалъ проницательнымъ взглядомъ. Замѣчательны новыя свѣдѣнія, сообщаемыя исторіографомъ С.-Петербургской академіи, П. Пекарскимъ[247]), слишкомъ рано скончавшимся, оставившимъ трудъ свой недоконченнымъ. Онъ сообщаетъ о голштинцѣ Г. Фикѣ, который въ 1715 г. исполнялъ въ Стокгольмѣ разныя тайныя порученія Петра, что онъ черезъ три года послѣ того представилъ царю мнѣніе о шведскихъ коллегіяхъ, какъ объ образцахъ, которымъ Россія должна бы подражать, и о средствахъ къ достиженію этой цѣли. На запискѣ Фика Петръ написалъ многознаменательныя слова: «учредить академію!»

Характеристиченъ и поучителенъ, какъ выясняющій взглядъ Петра на это дѣло, слѣдующій анекдотъ, которымъ Пекарскій начинаетъ обширный трудъ свой: «Въ 1724 году, по порученію Петра Великаго, Татищевъ[248]) отправлялся въ Швецію, и лейбъ-медикъ Блументростъ при этомъ просилъ его узнавать, не

будетъ ли въ Швеціи ученыхъ, которыхъ можно было бы пригласить оттуда во вновь открывавшуюся въ Петербургѣ академію наукъ: «Напрасно ищете сѣмянъ, возразилъ Татищевъ, когда земля, на которую сѣять, не приготовлена». Императоръ, замѣтивъ разговоръ и узнавъ о чемъ у нихъ идетъ рѣчь, отвѣтилъ Татищеву такою притчею: «Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно зачалъ, по согласію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привесть не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили». Въ этой притчѣ Петра заключается уподобительно исторія академіи. Основатель не былъ виноватъ въ томъ, что впослѣдствіи иногда, такъ сказать, слишкомъ далеко искали того, что̀ было близко: онъ только однимъ годомъ пережилъ свое начинаніе, умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до той поры, когда могъ бы увидѣть свою мельницу въ полномъ ходу.

Въ продолженіе слѣдующихъ десятилѣтій политическія обстоятельства были совсѣмъ неблагопріятны для той канализаціи, о которой говорилъ Петръ. Голицынскій замыселъ, въ началѣ царствованія Анны, имѣлъ главною цѣлью, по примѣру начавшагося въ Швеціи времени свободы, ограничить царскую власть. Послѣ того, какъ вышеупомянутый Фикъ, бывшій уже вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи, сдѣлавшійся распространителемъ новыхъ идей, и называвшій уже Россію «сестрою Швеціи и Польши», былъ высланъ въ Сибирь, правительствующіе въ С.-Петербургѣ сдѣлались весьма осторожны ко всему, что̀ вошло или могло войти съ шведской стороны, тѣмъ болѣе, что властвующая тамъ партія была партія шляпъ, именно тѣхъ, интриги которыхъ Елисавета разъ на всегда, хотя безуспѣшно, пыталась пресѣчь извѣстнымъ манифестомъ о самостоятельности Финляндіи.

Этою недовѣрчивостью между многими другими международными научными обстоятельствами, объясняется та особенность, что въ то время, когда Швеція имѣла Линнея, а Финляндія знаменитыхъ апостоловъ его ученія Бровалліуса [249]) и Меннан-

дера, богатая Петербургская академія должна была довольствоваться въ области ботаники слѣпо реакціонернымъ Зигесбекомъ, а послѣ него, хотя впрочемъ и съ обширными познаніями, но чуждымъ новому направленію наукъ Крашенинниковымъ. Изъ Финляндіи или нѣмецкихъ областей Швеціи вызваны только два академика: Г. Мэрлингъ[250]), бывшій адъюнктъ Боргоской гимназіи, и Г. В. Рихманъ[251]), смерть котораго въ служеніи наукѣ (въ 1753 году онъ былъ убитъ громомъ) Ломоносовъ описалъ краснорѣчиво. Надобно однакожъ сознаться, что была и причина къ осторожности[252]).

Но уже во время восшествія на престолъ Екатерины II, направленіе замѣтно перемѣняется какъ на шведской сторонѣ, гдѣ шапки, политикою которыхъ служило согласіе съ могучимъ сосѣдомъ на востокѣ, овладѣли правленіемъ, такъ и въ Россіи, которая съ удивленіемъ увидѣла, какъ скоро все то было исцѣлено миромъ, что́ война уничтожила, какъ древній университетъ въ Або, вслѣдствіе войны два раза закрытый, два раза съ возобновленнымъ рвеніемъ опять всталъ на ноги. Теперь одно за другимъ были отправляемы приглашенія изъ Петербурга учителямъ финляндскаго университета, чего нельзя считать только случайностію.

Рядъ начинается съ П. Кальма, знаменитаго ученика Линнея, друга Веніамина Франклина, извѣстнаго своими путешествіями по Украйнѣ и въ особенности по Сѣверной Америкѣ. Приглашеніе послѣдовало въ концѣ 1763 года[253]) и по полученіи отказа оно было повторено въ мартѣ 1764 года, при чемъ обѣщали, въ числѣ другихъ преимуществъ, гораздо большее жалованье, т. е. 1000 рублей, что́ было гораздо выше первоначальнаго оклада содержанія, получаемаго въ то время академиками въ Петербургѣ. Мѣсто, назначенное для него, было преимущественно по ботаникѣ; эта наука, по смерти Крашенинникова, была при академіи въ упадкѣ. А какъ императрица въ это именно время занималась планомъ устроить при академіи отдѣленіе для агрикультуры[254]), то вѣроятно, при приглашеніи Кальма также имѣлось въ виду и его отмѣнно экономическое направленіе дѣятельности, и съ этой точки зрѣнія онъ, безъ сомнѣнія, служилъ бы хорошимъ пріобрѣтеніемъ для Россіи. Замѣчательно, что это

именно обстоятельство въ немъ самомъ и послужило тайною причиною, по его мнѣнію, предписываемою патріотизмомъ, отвергнуть предложеніе и на сей разъ [255]). Не лучшій успѣхъ имѣло приглашеніе академіею шведа І. П. Фалька [256]), который принялъ однакожъ мѣсто ботаника при медицинской коллегіи.

Около этого времени (1765 г.) смерть отняла Ломоносова у науки. Не довольствуясь Леманомъ, академія также желала пріобрѣсти перваго химика Абоскаго университета, П. А. Гадда, слава котораго уже упрочилась, но онъ послѣдовалъ примѣру Кальма. Когда однакожъ и Леманъ скончался въ 1767 году, приглашеніе было повторено. Но и на этотъ разъ не послѣдовало желаемаго результата [257]). Эта для цѣли академіи такъ важная наука должна была, до времени и въ ожиданіи предмета настоящей біографіи, оставаться безъ представителя при академіи.

Лучшій успѣхъ имѣли немного спустя въ другомъ мѣстѣ, у другого финна. На родинѣ и въ Швеціи доцентъ математики І. А. Лексѐль [258]) считался уже талантомъ, очень много обѣщавшимъ. Возвращеніе Эйлера въ С.-Петербургъ пробудило въ этомъ молодомъ человѣкѣ желаніе сдѣлаться извѣстнымъ европейскому свѣтилу. Слѣдствіемъ представленной ему статьи было предложеніе автору ея, въ августѣ 1768 г., мѣста астрономическаго обсерватора при академіи, которое имъ и было принято. Нѣсколько лѣтъ спустя, произведенный въ профессора академіи, онъ сдѣлался однимъ изъ отличнѣйшихъ членовъ ея.

Не много раньше Лексѐля землякъ его, къ приключеніямъ жизни котораго мы теперь возвратимся, былъ вызванъ въ ординарные члены Петербургской академіи наукъ, и слѣдовательно былъ первымъ финномъ, удостоившимся такого повышенія.

XII.

1770 годъ.

Лаксманъ, членъ Академіи наукъ въ Петербургѣ. Сопровождаетъ графа Орлова въ путешествіи въ юго-восточную Россію, въ Воронежъ, къ Дону, Волгѣ и въ Царицынъ. Сарептскій цѣлебный колодезь. Новыя насѣкомыя. Связи и переписка со Швеціею и Финляндіею.

Въ слѣдующемъ году послѣ отъѣзда только что упомянутыхъ ученыхъ экспедицій, Лаксманъ, возвращаясь съ одной изъ областей, избранныхъ для изслѣдованія, прибылъ въ Петербургъ. Слѣдовательно, легко понятно, что коллекціи, привезенныя имъ съ собою, возбудили вниманіе не только со стороны ученыхъ при академіи наукъ, корреспондентомъ которой онъ состоялъ, но также и со стороны Орлова, и что наконецъ, какъ уже упомянуто, намѣревались дать ему случай вновь предпринять путешествіе. Судя по той ревности, съ какою онъ, въ ожиданіи развитія судьбы своей, старался документироваться, опредѣленіе его въ академію, казалось, должно было увѣнчаться хорошимъ успѣхомъ. По понятіямъ того времени, экономія состояла въ ближайшей связи съ естественными науками, или была скорѣе главною изъ нихъ. Лаксманъ, воспитанный въ духѣ Кальма, не могъ думать иначе.

Къ его счастію, императрица и временщики двора ея думали одинаковымъ образомъ [259]). Упомянутыя выше работы и сообщенія его въ Экономическомъ Обществѣ тѣмъ болѣе были благосклонно оцѣнены, что Орловъ на слѣдующій годъ, послѣ Олсуфьева, былъ предсѣдателемъ Общества, которое все еще находилось въ близкихъ отношеніяхъ къ академіи. Итакъ случилось, что при ней была учреждена каѳедра для такого любимаго предмета преподаванія. Лаксманъ сдѣлался его первымъ и единственнымъ представителемъ. Едва произведенный единогласно и самымъ лестнымъ образомъ [260]) въ ординарные академики, онъ получилъ 600 рублей жалованья и казенную квартиру въ домѣ возлѣ ботаническаго сада академіи, при чемъ химическая лабораторія была поставлена подъ его надзоръ, и лаборантъ ея (въ то время Клепке) въ его распоряженіе [261]).

По справкамъ, извлеченнымъ изъ оффиціальныхъ документовъ, Лаксманъ получилъ назначеніе 26-го февраля 1770 года — сказано однакожъ, то профессоромъ экономіи и химіи, то одной только экономіи съ исправленіемъ, впрочемъ, должности по химіи [262]). Другіе источники предъявляютъ еще и другія разногласія, какъ относительно времени, такъ и относительно предметовъ его занятій. Подъ русскою редакціею его отчета о поѣздкѣ въ Олонецъ [263]), сообщеннаго въ сентябрьской-декабрьской книжкахъ Экономическаго Общества 1769 г., и напечатаннаго, согласно заглавному листу, въ томъ же году, онъ самъ подписывается «профессоръ химіи», а между тѣмъ другіе современные писатели [264]) называютъ его то профессоромъ химіи и экономіи, то также профессоромъ минералогіи и агрикультуры. Вѣроятно настоящею должностью его была экономія, а химія только на время, чтобы пополнить пробѣлъ, появившійся при академіи по причинѣ смерти Ломоносова и Лемана, и отказа Гадда. Что же касается до годового числа 1769, то оно по настоящему относится къ году представленія сочиненія, хотя невѣрно принимается за годъ печатанія, который, безъ сомнѣнія, былъ 1770.

Итакъ, Лаксманъ теперь исправлялъ обѣ тѣ должности, которыми въ Або тогда же завѣдывали учителя его Кальмъ и Гаддъ, которыхъ не удалось добыть для академіи; барнаульскій пасторъ, согласно изреченію Калоніуса, «былъ такъ сказать секуляризованъ, т. е. переведенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское». Рожденный естествоиспытателемъ, онъ превратною судьбою былъ брошенъ на другое служебное поприще. Наконецъ, когда онъ достигъ 33-лѣтняго возраста, и былъ въ полной зрѣлости, ему удалось и оффиціально заниматься своимъ настоящимъ предметомъ. Соотвѣтствовалъ ли онъ вообще и какимъ образомъ тѣмъ требованіямъ, которыя наше время и уже его собственное время возлагали на академика, усматривается изъ слѣдующаго. Прежде всего мы однакожъ напомнимъ, что сама должность его, будучи и по свойству и по объему скорѣе произвольною совокупностію всѣхъ естественныхъ наукъ, чѣмъ отдѣльнымъ выраженіемъ одной изъ нихъ, не могла способствовать концентраціи у занимавшаго ее, отъ которой кромѣ того непреодолимо оттягивали его какъ практическое и обращенное ко всему внѣшнему

рвеніе къ собиранію, такъ и его ко всему открытый взглядъ изслѣдователя.

Не успѣвъ еще свыкнуться съ новою своею должностію, Лаксманъ получилъ многія доказательства особеннаго благоволенія со стороны ближайшаго его начальника. Уже въ слѣдующемъ мартѣ мѣсяцѣ одинъ изъ его корреспондентовъ на родинѣ зналъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, что директоръ академіи хотѣлъ представить самой императрицѣ одно изъ его сочиненій, о которомъ выше было упомянуто; кромѣ того онъ пригласилъ Лаксмана къ себѣ въ спутники на время поѣздки въ имѣнія свои по Волгѣ. Далѣе къ веснѣ этотъ планъ путешествія былъ расширенъ. Кромѣ Лаксмана еще два другіе академика: ботаникъ Гэртнеръ[265]) и астрономъ Косицкій приглашены сопровождать Орлова.

Планъ путешествія немедленно же былъ приведенъ въ исполненіе. Путь былъ направленъ черезъ Москву въ Воронежъ, а оттуда по Дону внизъ къ мѣстности около Сарепты и Царицына[266]) на Волгѣ, послѣ чего обратный путь былъ сдѣланъ черезъ колоніи около Саратова, черезъ Симбирскъ и опять черезъ Москву. Послѣ слишкомъ четырехмѣсячнаго отсутствія, путешественники, какъ кажется, прибыли въ Петербургъ въ сентябрѣ. Эта поѣздка была предпринята вѣроятно не съ исключительно ученою цѣлію, тѣмъ болѣе, что слѣдовали по горячимъ слѣдамъ многихъ опытныхъ изслѣдователей, какъ-то І. Р. Форстера, спеціально изслѣдовавшаго недавно учрежденныя колоніи Моравскихъ братьевъ въ Саратовской губерніи, Гюльденстедта, Гмелина младшаго, Фалька, Палласа и Лепехина. Трое послѣднихъ лишь за годъ передъ тѣмъ съ Новодѣвичьяго села у Волги, вблизи Ставрополя, объѣхали имѣнія[267]) Орлова.

Можетъ быть, при этомъ случаѣ графъ перевезъ туда свою драгоцѣнную коллекцію минераловъ[268]), при чемъ содѣйствіе Лаксмана, безъ сомнѣнія, должно было принести большую пользу. Онъ взялъ также съ собою для химическаго изслѣдованія образцы воды изъ открытаго въ томъ же году цѣлебнаго колодца у Сарепты, къ которому послѣ того аристократія стремилась въ большомъ числѣ; его анализъ, самый первый, и мнѣ неизвѣстный, разошелся будто съ анализами, сдѣланными немного позже

Эбомомъ (не финнъ ли и лаборантъ его?) и Георги[269]). Впрочемъ, онъ привезъ въ добычу неизвѣстныхъ до того времени насѣкомыхъ *Scarabaeus bimaculatus*[270]), *Lucanus apterus*, *Cerambyx equestris* и *Leptura veronica*, которыхъ тотчасъ по возвращеніи описалъ и велѣлъ изобразить, вмѣстѣ съ другими, привезенными изъ Сибири, въ сочиненіи «Novae insectorum species»[271]), первое сочиненіе, опубликованное академіею по энтомологіи Россіи[272]).

Назначеніе Лаксмана чрезвычайно интересовало его финскихъ и шведскихъ друзей, которые между собою часто переписываются объ его личности и предпріятіяхъ. Ректоръ I. Лагусъ[273]) въ Ловисѣ, первый получившій извѣстіе о повышеніи Лаксмана, поспѣшилъ обрадовать имъ Бергіуса въ Стокгольмѣ. Въ письмѣ отъ 28-го марта 1770 г., между прочимъ, можно читать касательно послѣдней поѣздки: «Графъ Орловъ, президентъ академіи, какъ слышно, намѣренъ взять съ собою естествоиспытателя въ предполагаемую поѣздку свою въ имѣнія свои. Неизвѣстно кто, Лаксманъ или ботаникъ Гэртнеръ, будетъ сопровождать его. Этого Орлова зовутъ Владиміромъ Григорьевичемъ, и Лаксманъ очень хвалитъ его. Онъ, говорятъ, разрѣшилъ Лаксману посвятить и лично поднести Ея Императорскому Величеству первую часть «Sibirische Nebenstunden»[274]), которая будетъ готова къ Пасхѣ и будетъ переведена на русскій языкъ». Слѣдующее письмо отъ 5-го мая того же года заключаетъ главнымъ образомъ: «Не помню, упомянулъ ли я въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что проф. Лаксманъ вмѣстѣ съ графомъ Орловымъ, президентомъ академіи и братомъ знаменитаго Орлова, съ коллежскимъ совѣтникомъ Козицкимъ и профессоромъ ботаники Гэртнеромъ намѣрены отправиться черезъ Москву въ Воронежъ, по Дону къ Черному морю[275]), а потомъ вверхъ по царицынской линіи до Волги, затѣмъ черезъ колоніи до Симбирска, а оттуда обратно. Эта поѣздка будетъ продолжаться 4 мѣсяца, хотя сомнѣваются, могутъ ли они съ открытыми глазами объѣхать всю эту мѣстность»[276]).

Также и участіе Линнея не измѣнило себѣ. Онъ пишетъ 1-го іюня 1770 г. къ Варгентину въ Стокгольмъ: «Господинъ Лаксманъ не сдѣлался членомъ; хорошо однакожъ, что онъ сдѣлался профессоромъ или ординарнымъ членомъ петербургской

академіи»; — эти строки относятся къ предложенію Линнея, по неизвѣстнымъ причинамъ оставшемуся въ меньшинствѣ, объ избраніи Лаксмана въ члены академіи наукъ въ Упсалѣ. Къ нему же пишетъ Лексель[277]) изъ Петербурга $\frac{10}{21}$ іюня того же года, между прочими академическими новостями . . . «Лаксманъ получилъ теперь мѣсто профессора при академіи, но по какому предмету еще не рѣшено окончательно; теперь онъ съ графомъ нашимъ находится въ поѣздкѣ внизъ по рѣкѣ Волгѣ, и проф. Гэртнеръ также сопровождаетъ графа». А Гаддъ изъ Або, нѣсколько дней позже, 19-го іюня пишетъ: «Господамъ Бергіусъ буду писать съ первой почтой и вышлю имъ диссертацію объ изготовленіи стали, также извѣщу и о Лаксманѣ, отъ котораго получилъ письмо незадолго передъ Троицею; онъ опять уѣхалъ на $\frac{1}{2}$ года въ новое путешествіе по естествознанію»; и тотъ же Гаддъ 4-го іюля сообщаетъ П. І. Бергіусу: «Отъ Лаксмана я мѣсяцъ тому назадъ получилъ письмо; онъ опять на годъ отправился въ путешествіе по части естественныхъ наукъ [278]); теперь, послѣ отказа моего отъ принятія каѳедры по химіи [279]), онъ получилъ ее въ Петербургѣ, и изъ переписки его могу заключить, что онъ хорошій собиратель и по минералогіи; а металлургію онъ изучилъ при сибирскихъ рудникахъ».

Съ своей стороны и Лаксманъ не замедлилъ сообщить о себѣ. Изъ многихъ писемъ, какъ можно доказать, написанныхъ имъ въ первый его академическій годъ [280]), мнѣ удалось найти только одно. За то оно довольно подробно и живо описываетъ разныя, какъ общія, такъ и до него лично касающіяся обстоятельства. Адресованное къ Бергіусу въ Стокгольмъ, оно содержитъ слѣдующее [281]):

«С.-Петербургъ, 9-го октября 1770 г. Многоуважаемый господинъ профессоръ! Уже вы имѣете достаточную причину подумать о большинствѣ петербуржцевъ, что они такъ же неисполнительны, какъ добрый нашъ Фалькъ [282]): нѣсколько вашихъ пріятныхъ писемъ остались безъ моего отвѣта. Это случилось во-первыхъ потому, что я вмѣстѣ съ своимъ письмомъ хотѣлъ выслать вамъ нѣсколько растеній, давно обѣщанныхъ, и которыя желалъ отослать по возможности скоро. Во-вторыхъ, письмо, отправленное мною вмѣстѣ съ приложенными 12 томами Novi commentarii

acad. petrop., я получилъ вмѣстѣ съ книгами обратно, послѣ того, какъ они пролежали болѣе ½ года на биржѣ. Этимъ комментаріямъ пришлось бы пролежать здѣсь и до будущаго лѣта, еслибъ случившееся несчастіе, да изданный королевскій рескриптъ о повальныхъ болѣзняхъ не побудили шкипера, теперь везущаго ихъ, возвратиться назадъ. Отходя въ первый разъ, онъ ихъ не взялъ, а теперь, выѣзжая вторично, онъ взялъ, и то лишь благодаря ходатайству господина Чёрнинга [283]). Признаюсь, я не видалъ болѣе надменныхъ и неуслужливыхъ людей, какъ шведскіе корабельщики и купцы. Въ-третьихъ, нѣкоторыя изъ вашихъ писемъ, а также письма отъ многихъ хорошихъ моихъ знакомыхъ пропали въ то время, когда я въ нынѣшнемъ году [284]) путешествовалъ съ директоромъ нашей академіи, графомъ Орловымъ, почти по всей южной Россіи; слуги, получившіе приказаніе отъ графа смотрѣть за всѣми поступающими письмами, вѣроятно порвали мои письма и такимъ образомъ облегчили свой трудъ.

«Нѣтъ ничего болѣе затруднительнаго, какъ посылка чего-либо изъ Петербурга, потому что безпорядокъ при таможнѣ невыносимый. Книги стоятъ 26 рублей 50 копеекъ съ таможенною очисткою, не считая перевоза. Прошу васъ заплатить господину Салвіусу. Я не получилъ болѣе одного экземпляра Museum reginae и Decades Linnaei fil. и далъ ихъ профессору Гэртнеру, такъ что у меня самого ихъ нѣтъ. Мнѣ кажется, что я выписывалъ ихъ 2 экземпляра [285]); если они отправлены, то здѣсь въ Петербургѣ при таможнѣ ихъ украли. Еслибъ я могъ получить ихъ и Валлеріуса [286]) Chemia metallurgica и подобныя болѣе новыя сочиненія Валлеріуса, то это было бы мнѣ очень пріятно; черезъ господина Чёрнинга я заплачу господину Сальвіусу, и буду продолжать высылку Nov. comm. XIII и XIV томовъ, изъ которыхъ послѣдній состоитъ изъ 2 частей. Здѣсь въ Петербургѣ во всемъ распоряжаются довольно плохо.

«Я писалъ [287]) объ обмѣнѣ минераловъ съ кѣмъ-нибудь изъ шведскихъ минералоговъ; хотя дѣло подвигается довольно туго, однакожъ я не перемѣнилъ намѣренія, а собираю постоянно съ такою цѣлію. При семъ препровождаю *Spiraea pinnata*, одинъ экземпляръ для васъ и одинъ для господина архіатра фонъ Линнея. Надѣюсь, что они будутъ приняты. Также прилагаю нѣ-

сколько луковицъ и сѣмянъ хорошенькихъ *Гедизарумовъ* и *Астрагаловъ*. Новый родъ *Rindera*, названный по имени городского физика, доктора Риндера въ Москвѣ, былъ найденъ Фалькомъ[288]) и названъ Палласомъ. Это *Cynoglosso* affinis seminibus tantum alatis. Зимою я написалъ къ господину архіатеру Беку[289]), поблагодарилъ за Димсдаля[290]) и обѣщалъ ему травъ. Нашъ докторъ Мелле[291]) сказалъ, что Бекъ желаетъ получать сѣмена. Не знаю, будетъ ли тѣмъ ему оказана услуга, потому что нашему Мелле не всегда можно вѣрить . . . Если такъ, что господинъ Бекъ желаетъ получать травы, то я вложу дублеты въ тотъ гербарій, который намѣренъ вамъ выслать, и который при первой санной дорогѣ отправлю къ господину Лагусу[292]).

«Обстоятельства очевидно не благопріятствовали этому доброму человѣку. Молодой мальчикъ сдѣлался лекторомъ только потому, что можетъ дѣлать вычисленія, нѣсколько бо́льшія, нежели какъ то нужно для гимназій. Но Лагусъ обладаетъ обширною начитанностію и можетъ годиться на многое. Въ Швеціи также иногда случаются довольно странныя вещи. Вѣдь каждый знаетъ, что Валленіусъ написалъ разсужденіе Алопеуса (моего любезнѣйшаго двоюроднаго брата). Боргоская консисторія не въ состояніи испытать хорошаго математика и. т. д. У него вѣроятно нѣтъ хорошаго друга, который бы заступился за него въ Стокгольмѣ.

«Можно ли получить шведскія медали, вычеканенныя изъ мѣди на королевскомъ монетномъ дворѣ? Въ замѣнъ ихъ я доставилъ бы всѣ русскія медали, вычеканенныя изъ ♀, если получу шведскія, и желалъ бы я имѣть ихъ въ дублетахъ. Также я вышлю русскія два раза или въ дублетахъ. Если тамъ при монетномъ дворѣ найдется желающій вступить въ такой обмѣнъ, то я при первомъ случаѣ вышлю наши медали, и прошу Васъ, господинъ профессоръ, увѣдомить меня о томъ, чтобъ я могъ списаться съ желающимъ обмѣна.

«Въ королевскую шведскую академію наукъ препровождаю[293]) описаніе и чертежъ, а также и чучело самого животнаго *Землеройки*, *Mus myospalax* palmis palmarumque unguibus maximis. Это животное—сильнѣйшій копальщикъ, встрѣчающійся въ свѣтѣ, и занимаетъ середину между Mures и Talpas. Въ моихъ Sibi-

rische Briefe дурацкое описаніе о немъ, которое слѣдуетъ приписать господину Бекману. Намѣреніе мое было увѣдомить его о существованіи этого животнаго, которое я нашелъ мертвымъ и вспухшимъ, но не дать ему гласности; и всѣ пустячныя эти письма напечатаны безъ моего вѣдома. Неудивительно потому, что болѣзнь печатанія свирѣпствуетъ въ неслыханной мѣрѣ въ Гёттингенѣ. — Прошу извиненія, что заставилъ васъ ждать такъ долго моего письма. Поручаю себя дружбѣ вашей и пребываю» и т. д.

XIII.

Годъ 1771.

Непріятности при академіи. Переписка. Новые планы путешествія. Дѣятеленъ въ Экономическомъ Обществѣ; получаетъ серебряную медаль его. Сообщаетъ Обществу: «Свѣдѣніе о хорошихъ квасцахъ и т. д.» и «О русскомъ малорослом миндальномъ деревѣ» (Amygdalus nana), и академіи: «Novae plantarum species» и «Koelreuteria novum plantarum genus». Членъ общества: Societas suecana pro fide et christianismo, въ Стокгольмѣ.

Сколько вслѣдствіе трудолюбія Лаксмана, столько же и вслѣдствіе оживленныхъ надеждъ, съ которыми привѣтствовали его возвращеніе въ Петербургъ, все ему удавалось. Теперь онъ занималъ обезпеченное и почетное положеніе, а также имѣлъ лучшій случай, нежели когда-либо могъ думать, спокойно предаваться любимымъ своимъ занятіямъ. Тѣмъ не менѣе симптомы неудовольствія не замедлили появиться въ душѣ его.

Уже 1771 годъ начался при менѣе счастливыхъ предвѣстіяхъ для его будущаго благополучія. Онъ жалуется теперь на болѣзненность, страданіе прежде ему неизвѣстное, безъ сомнѣнія причиненное менѣе дѣятельнымъ образомъ жизни и комнатными работами, къ которымъ онъ былъ осужденъ въ туманной атмосферѣ столицы. Спустя слишкомъ два десятилѣтія послѣ того, онъ съ отвращеніемъ говорилъ [294]) о воспоминаніяхъ изъ того времени, считая себя счастливымъ, что можетъ опять дышать вольнымъ

и свѣжимъ воздухомъ сибирскихъ альповъ. Тѣлесное нездоровье сдѣлало его только болѣе чувствительнымъ ко всѣмъ болѣе или менѣе важнымъ непріятностямъ, которыя, подобно остаткамъ болѣе дурнаго, смутнаго періода, часто тяготѣли надъ строго управляемыми петербургскими академиками того времени.

Обращая вниманіе на послѣдующую судьбу его, мы не можемъ считать маловажными тѣ сѣмена къ неудовольствію, которыя уже пускали въ немъ ростки, хотя, правда, требовалось бы болѣе тщательное изслѣдованіе обширныхъ протоколовъ академіи, чтобы положительно опредѣлить, кто тутъ именно былъ сѣятелемъ. Отъ него самого я нашелъ лишь скрытный намекъ по этому вопросу. Это слѣдующая выписка изъ одного письма его отъ 1-го апрѣля 1771 г., въ копіи сокращенная получателемъ его, Бергіусомъ. Лаксманъ пишетъ: «Всю зиму я хворалъ. Притомъ разныя непріятныя обстоятельства волновали меня такъ, что я долго не писалъ писемъ. Я очень хандрю....» Далѣе присовокупляется по другимъ предметамъ: «Благодарю васъ за обѣщаніе препроводить сочиненія Валлеріуса и проч. Травы мои, назначенныя для васъ, уже отложены и ждутъ перваго судна. При семъ препровождаю нѣсколько сѣмянъ *Rindera*, новаго рода между *Asperifolii*, найденнаго впервые докторомъ Риндеромъ[295]) и за то такъ прозваннаго Палласомъ. Гмелинъ составилъ родъ «*Lepechina*» въ честь адъюнкта Лепехина; но я не знаю, что̀ это такое. Гдѣ проведу наступающее лѣто, о томъ увѣдомлю васъ по первой почтѣ. Можетъ быть, поѣздка моя будетъ довольно полезна для естественной исторіи[296]). *Валлеріуса* Chemia physica я также желалъ бы имѣть. Пребываю» и т. д.

Совокупно съ намеками въ этомъ письмѣ Лаксмана и въ видѣ комментарія къ нимъ, не излишне привести нѣкоторыя сообщенія изъ переписки друзей его между собою. Такъ пишетъ упомянутый уже Чёрнингъ Варгентину 24-го іюня (5-го іюля) 1771 г.: .... «Лаксманъ обѣщаетъ при первомъ досугѣ переслать минералы, онъ до сихъ поръ былъ постоянно занятъ приведеніемъ въ порядокъ и возобновленіемъ почти всего, что̀ изъ публичныхъ предметовъ относится къ его профессіи и что̀ прежде бывало здѣсь обыкновенно попрятано, попорчено и запущено, какъ часто случается, когда что-либо общественное посте-

пенно переходитъ черезъ много рукъ безъ достаточнаго надзора со стороны начальства». Три дня спустя, т. е. 8-го іюля 1771 г., Лексель пишетъ къ нему же: «Я напомнилъ проф. Лаксману объ его упущеніи; онъ говоритъ, что давно имѣлъ намѣреніе представить академіи статью и потому не писалъ; теперь оно едва-ли сбудется, такъ какъ онъ согласился ѣхать въ Молдавію для учрежденія тамъ монетнаго двора; минералы адресованы на имя королевскаго секретаря Дункана, который именно въ то время скончался, такъ что они вѣроятно еще лежатъ въ Абборфорсѣ».

Вотъ еще нѣсколько подробностей о посылкахъ и планахъ путешествія. 1771 г. 29-го іюля (9-го августа) Чёрнингъ опять пишетъ Варгентину: «Благодарю за письмо, вслѣдствіе котораго при первомъ случаѣ намѣренъ предупредить господина Лаксмана относительно книгъ, высланныхъ ему проф. Бергіусомъ. Г. Лаксманъ, по моему ходатайству, съ шведскимъ шкиперомъ Герм. Лундбергомъ, . . . послалъ Бергіусу изъ Петербурга по экземпляру нѣсколькихъ ученыхъ вещей и маленькое деревцо, и все это для большей надежности и меньшей задержки въ таможнѣ отправлено по адресу г. резидента Стахіева. Впрочемъ, проф. Лаксманъ въ скоромъ времени намѣренъ отправиться въ Молдавію по экспедиціи, ему тамъ ввѣренной, окончательное разрѣшеніе которой теперь зависитъ лишь отъ высочайшаго согласія». Лексель 1771 $\frac{21}{10}$ пишетъ: «Проф. Лаксманъ сказалъ мнѣ, что онъ для архіатра Линнея и проф. Бергіуса отложилъ кучу травъ, которыя вѣроятно пошлетъ черезъ шкипера Бьёркваля. Еще ничего не слышно о поѣздкѣ его въ Бендеры».

Что касается до вышепомянутыхъ Лаксманомъ «непріятныхъ обстоятельствъ», навѣрно не ошибемся, если подъ ними будемъ понимать нѣкоторыя рѣшенія академіи, состоявшіяся противъ его желанія. Первое, кольнувшее честолюбіе его, было то, что онъ, хотя былъ и ревностный собиратель и знатокъ растеній, которому наука уже была обязана разными открытіями, а сверхъ того и квартировалъ въ домѣ возлѣ ботаническаго сада академіи, однакожъ долженъ былъ видѣть префектуру надъ садомъ, съ минованіемъ его самого, предоставленною анатому академіи[297]). Этотъ, согласно отзыву безпристрастнаго свидѣтеля,

хотя и былъ «знающій дѣло свое человѣкъ, но за то не особенный ботаникъ», почему и «садовникъ хозяйничаетъ въ немъ (въ саду) по своему произволу». Причиною будто служилъ недостатокъ «довѣрія» къ Лаксману, — тѣмъ болѣе причины для него чувствовать себя оскорбленнымъ.

Хотя мы узнаемъ свѣдѣнія эти лишь изъ письма Лекселя въ концѣ слѣдующаго года [298]), но такъ какъ Лаксманъ, какъ ниже увидимъ, тогда находился въ путешествіи, то отсюда ясно, что помянутое оскорбленіе постигло его уже прежде, чѣмъ онъ высказался передъ Бергіусомъ. Еслибъ нужны были еще другія объясненія, то можно указать на то обстоятельство, что послѣдніе двое главнымъ образомъ бесѣдовали другъ съ другомъ по вопросамъ, касающимся ботаники, а сверхъ того и на хвалу, которую Лаксманъ въ сочиненной въ этомъ году статьѣ присвоиваетъ послѣднему давно выбывшему префекту сада [299]), которая, при извѣстныхъ намъ постороннихъ обстоятельствахъ, слышится какъ будто нѣмое порицаніе его собственнаго болѣе покровительствованнаго компетитора. По истеченіи трехлѣтія, когда наконецъ рѣшились поставить садъ подъ надзоръ дѣйствительнаго спеціалиста, было гораздо менѣе причины, нежели теперь, выбрать для того Лаксмана, тѣмъ болѣе, что тогда между возвратившимися изъ ученыхъ экспедицій ботаниками находился и коренной русскій, упомянутый уже въ письмѣ къ Бергіусу Лепехинъ, который впослѣдствіи, въ продолженіе многолѣтняго управленія, нисколько не оправдалъ довѣрія, на него возложеннаго [300]).

Но и по другому дѣлу въ скоромъ времени со стороны академической комиссіи замѣтна была, такъ сказать, нѣкоторая непріязненность къ Лаксману. Подробности вопроса о поѣздкѣ, на которую не только онъ самъ намекаетъ въ концѣ письма своего къ Бергіусу, но также указываютъ и письма нѣкоторыхъ изъ друзей его, заключаются въ слѣдующемъ. Незадолго передъ тѣмъ его побудили исполнить въ Молдавіи то порученіе, о которомъ мы увидимъ подробности въ слѣдующей главѣ. Онъ просилъ потому: 1) отпуска на одинъ годъ съ сохраненіемъ жалованья и 2) чтобы подъ его руководствомъ была снаряжена экспедиція по части естественной исторіи. Резолюціей, послѣдовавшей нако-

нецъ 17-го іюня [301]), академія согласилась на первую его просьбу, но отказала въ послѣдней, мотивируя отказъ свой отчасти недостаткомъ въ деньгахъ и способныхъ помощниковъ въ экспедиціи, отчасти тогдашними политическими и военными столкновеніями съ Турціею; притомъ на Лаксмана возложена была обязанность прежде отъѣзда своего подать въ коммиссію подробную опись вещамъ, принадлежащимъ лабораторіи. И въ этомъ могло заключаться огорченіе. Планъ поѣздки его хотя и не былъ разстроенъ, однакожъ надо было отложить ее.

Литературную дѣятельность свою Лаксманъ въ этомъ году (1771) раздѣлилъ между экономическимъ обществомъ и академіею поровну въ томъ отношеніи, что въ оба эти учрежденія представилъ по двѣ статьи. Первая, помѣщенная въ XVII части Трудовъ общества, подъ заглавіемъ «Свѣдѣніе о хорошихъ квасцахъ и содѣ или растительной соли изъ Оренбургской губерніи» [302]), заключаетъ маленькое изслѣдованіе помянутыхъ предметовъ, образцы которыхъ Палласъ выслалъ изъ путешествія своего. Другая статья въ мартовской книжкѣ того же изданія, составляющей XVIII часть его, гласитъ «О русскомъ малорословъ миндальномъ деревѣ (*Amygdalus nana L.*) и о приготовленномъ изъ него маслѣ» [303]). Именно во время послѣдней своей поѣздки онъ имѣлъ случай въ мѣстности около Саратова и Симбирска познакомиться съ помянутымъ растеніемъ, произрастающимъ тамъ въ большомъ изобиліи, которое какъ сорная трава приноситъ земледѣльцу большой убытокъ, но плодъ котораго, такъ называемый *Калмыцкій орѣхъ*, даетъ довольно вкусное масло. Одновременно и Палласъ обратилъ вниманіе на экономическую пользу этого растенія. Рвеніе Лаксмана къ цѣлямъ общества было награждено въ этомъ году серебряною медалью [304]).

Гораздо важнѣе въ ученомъ отношеніи обѣ статьи, представленныя академіи: «Novae plantarum species» [305]) и «*Koelreuteria* novum plantarum genus» [306]). Обѣ составляютъ старательныя, рисунками украшенныя описанія прежде неизвѣстныхъ растеній. Сверхъ того онѣ отличаются точнымъ объявленіемъ мѣста нахожденія, — въ чемъ прежніе ботаники академіи оказывали большую оплошность [307]). Было бы излишне упомянуть, что онѣ составлены по системѣ Линнея, еслибъ въ сочиненіяхъ академіи

она была уже окончательно примѣняема [308]). Первое изъ этихъ сочиненій, представленное 20-го іюня 1771 г., уже выше нѣсколько разъ упомянуто по случаю вошедшихъ въ него новинокъ [309]).

Поводомъ къ сочиненію другой статьи служилъ довольно рѣдкій въ сѣверномъ садоводствѣ счастливый случай. Уже болѣе 20 лѣтъ въ оранжереяхъ петербургскаго ботаническаго сада разводили особенное многолѣтнее растеніе, однакожъ одинаково долго напрасно ждали развитія у него цвѣтовъ и плодовъ. Наконецъ настали жары въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1771 г., жары такіе, что, по разсказу Лаксмана, даже тропическія растенія, между прочимъ *Arachis hypogaea*, которыя онъ возращалъ въ частной своей теплицѣ, не только богато цвѣли, но еще дали зрѣлыя сѣмена. Тогда и неизвѣстная красавица академической оранжереи показалась въ красивѣйшемъ своемъ нарядѣ, при чемъ Лаксманъ нашелъ, «nec sine delectatione perquam eximia», что тутъ передъ нимъ находился, какъ уже догадывались, новый родъ растенія, котораго первую представительницу онъ назвалъ *Koelreuteria paniculata* [310]), — «ut viro et de re herbaria et de horto nostro botanico optime merito qualecunque signum existimationis meae darem».

Пожизненная хроника Лаксмана за 1771 г. упоминаетъ далѣе, что онъ въ сентябрѣ былъ избранъ въ основанное лишь за 6 мѣсяцевъ общество Societas suecana pro fide christianismo, въ учрежденіе, котораго тихая, исполненная любви работа принесла такіе обильные плоды по священному дѣлу религіи и христіанскаго воспитанія дѣтей. Такъ какъ, согласно отчету въ день столѣтняго юбилея общества, въ первыя времена членство въ немъ считалось «почетомъ, уважаемымъ какъ въ странѣ, такъ и внѣ оной» [311]), то выборъ его не могъ зависѣть отъ случайныхъ обстоятельствъ, а слѣдуетъ скорѣе полагать, что при выборѣ его были приняты въ уваженіе его уже возрастающая извѣстность, равно и его національность, перемѣнчивость его судьбы и пережитыя имъ приключенія, преимущественно въ званіи евангелическаго пастора въ отдаленныхъ странахъ, какъ между христіанскими и другими вѣроисповѣданіями, такъ и между язычниками. Въ какой мѣрѣ онъ исполнилъ правила общества, въ то

время еще возлагавшія на заграничныхъ членовъ своихъ обязанность, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, давать письменный отчетъ о церковныхъ дѣлахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они проживали и пр., должно остаться не разъясненнымъ: хорошо написанный «Столѣтній Памятный листъ» о дѣятельности общества (1871) не заключаетъ свѣдѣній такого спеціальнаго рода. Во всякомъ случаѣ, еслибъ это оказалось нужнымъ, то его состояніе членомъ этого общества можетъ служить доказательствомъ, что его земляки не смотрѣли на такъ называемую «секуляризацію» (переходъ изъ духовнаго званія въ свѣтское) тѣмъ же взглядомъ, какъ помянутый уже нѣмецкій іерархъ, видѣвшій въ томъ пятно на его религіозности.

XIV.

Годы 1772 — 1773.

Поѣздка къ Черному морю, въ Бессарабію и Молдавію. Ея двойная цѣль и неудача въ главномъ отношеніи. Переписка. Ученыя предпріятія. Описаніе животнаго Mus myospalax. «Descriptio plantarum sibiricarum, continuatio». «Practische Anweisung vom Aussäen der Wälder» etc.

Планы о путешествіи, занимавшіе Лаксмана уже весною 1771 г., были въ слѣдующемъ году осуществлены. Исполненіе предпріятія побѣдило многія сомнѣнія. Чтобы проѣхать пространство отъ Петербурга до Чернаго моря и Дуная, тогда — сто лѣтъ тому назадъ — нужно было по крайней мѣрѣ столько же недѣль, сколько теперь дней, и путь притомъ былъ сопряженъ съ несравненно бо́льшими затрудненіями. Опасность значительно увеличивалась именно въ этомъ году, по случаю большой турецкой войны. Хотя послѣ успѣха русскаго оружія въ 1770 г., какъ на сушѣ у рѣки Прута подъ начальствомъ Румянцова, такъ и на морѣ въ Чесменскомъ заливѣ подъ предводительствомъ Алексѣя Орлова, брата директора академіи, непріятель принужденъ былъ шагъ за шагомъ отступать изъ всей Бессарабіи и Молдавіи, однакожъ провинціи эти находились въ состояніи, свидѣтельствовавшемъ о справедливости стариннаго изреченія «inter

arma silent leges». Сверхъ того, какъ между жителями, такъ и въ арміи побѣдителей безпощадно свирѣпствовала страшная азіатская чума. Подобныя обстоятельства не слишкомъ привлекали къ увеселительной поѣздкѣ. Чтó же именно притягивало туда взгляды и шаги Лаксмана?

Мы знаемъ его пламенную страсть къ «Wanderschaft», какъ онъ самъ выразился. Многія обстоятельства подливали масла въ огонь. Тогда служилъ тамъ въ качествѣ военнаго врача, вѣроятно уже съ дѣтства ему знакомый землякъ, товарищъ по промоціи Лекселю, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ по своему сочиненію о чумѣ, Г. Оррéусъ [312]). Двое ученыхъ изъ С.-Петербурга, академикъ Крафтъ и капитанъ Исленьевъ, были посланы въ Молдавію для производства астрономическихъ измѣреній [313]). Только-что вышедшее, хотя еще и не полное описаніе Кантемира, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Штелина [314]), обратили вниманіе на эти земли, еще вполнѣ неизвѣстныя тогдашней Европѣ. Возбужденное любопытство, съ которымъ слѣдили за событіями на берегахъ Дуная, и надежда на новыя жатвы по части естественной исторіи изъ этой terra incognita должны были сильно вліять на такого человѣка, какимъ былъ Лаксманъ.

Но имъ руководила еще и совершенно спеціальная причина, сродная съ «auri sacra fames», и это въ двоякомъ смыслѣ. Онъ хотѣлъ научить и себя и другихъ не тому, какъ дѣлать золото,— на тогдашнихъ русскихъ мастеровъ по этой части мы ниже услышимъ его совершенное негодованіе, — но все-таки тутъ было что-то на то похожее. Ему была подана надежда на богатую наживу уже упомянутымъ предложеніемъ генерала артиллеріи Мелиссино [315]), именно въ качествѣ директора устроить въ Молдавіи особенный монетный дворъ и завѣдывать имъ.

Въ нумизматическихъ коллекціяхъ между болѣе рѣдкими вещами показываются мѣдныя или металлическія монеты [316]), вычеканенныя во время русско-турецкой войны 1771—1774 гг. Онѣ имѣютъ надпись: *Mon(eta) Mold(avskaja) i Volosk(aja)*; на обратной сторонѣ виденъ двойной щитъ съ короною (двухъ княжествъ) и годъ; на лицевой—внутри квадрата русскими буквами, на нѣкоторыхъ экземплярахъ «2 пара» и подъ этимъ «3 копѣйки», на другой «1 пара 3 деньги»; иногда на этихъ парахъ находится

русскій государственный орелъ. Онѣ были чеканены лишь для надобностей войска и вращались только въ областяхъ, имъ занимаемыхъ. Матеріаломъ служили отнятыя у турокъ пушки, переплавка которыхъ предоставлена полуофиціально, получастно желавшимъ взять ее спекулянтамъ.

Первый, въ комъ пробудилась мысль объ этомъ дѣлѣ, былъ богатый еврей, подрядчикъ Вольфъ изъ Петербурга [317]), которому послѣ разныхъ обходовъ удалось въ Хотинѣ привести въ дѣйствіе монетный дворъ (1770). Другая, такъ называемая монетная мельница въ большомъ объемѣ была устроена барономъ Гартенбергомъ [318]), котораго польское имя было Садогурскій, въ мѣстѣ, прозванномъ по немъ Садогурою близъ Яссъ, главнаго города Молдавіи. Съ этими главными лицами помянутый генералъ Мелиссино и греческій купецъ Папаніелопуло [319]) вступили въ товарищество по сему предпріятію. Двое послѣднихъ вели переговоры съ Лаксманомъ.

Вспоминая о практическомъ направленіи образованія и ученыхъ занятій Лаксмана, мы вовсе не удивляемся склонности его участвовать въ столь же необыкновенномъ, какъ вѣроятно и прибыльномъ предпріятіи. Ему не могли быть неизвѣстны опыты, сдѣланные также и въ Швеціи [320]) во время войны, для чеканки монеты изъ бронзовыхъ пушекъ. Нужную для того спеціальную подготовку, какъ мы видѣли, онъ уже получилъ въ Сузунѣ, въ мѣстѣ чеканки не менѣе необыкновенной «Сибирской монеты», а можетъ быть еще и раньше при монетномъ дворѣ въ Сестрорѣцкѣ, до занятія имъ мѣста въ Барнаулѣ. Эти хлопоты однакожъ не имѣли ничего общаго съ высшими учеными цѣлями, а потому должно признать отказъ, имъ полученный по сему дѣлу отъ академіи, вполнѣ основательнымъ. Было очень достаточно, что за обѣщаніе его о соблюденіи также интересовъ естественныхъ наукъ, ему былъ данъ отпускъ на одинъ годъ съ сохраненіемъ всего жалованья, ибо главная цѣль его во всякомъ случаѣ была и оставалась частною спекуляціею [321]).

Замѣчательно то безмолвіе, которое Лаксманъ, въ сообщеніяхъ объ этой поѣздкѣ, хранитъ относительно ея настоящей цѣли. О томъ ни слова, ни при отъѣздѣ, ни при окончаніи поѣздки. Случайно сохранилось письмо, написанное имъ 28-го февраля,

непосредственно передъ отъѣздомъ, къ секретарю шведской академіи Варгентину, съ намѣреніемъ привести въ порядокъ ученыя дѣла свои на время отсутствія. Въ немъ сказано: «Прилагаю статью [322]), предназначенную для актовъ королевской академіи наукъ. Коллекція минераловъ, которую я обѣщалъ представить королевской академіи, готова; но наше роковое время, сдѣлавшее пути сообщенія такъ неудобными, было причиною тому, что она еще не отослана. Отсылка вѣроятно не случится раньше будущей зимы, послѣ возвращенія моего съ Чернаго моря, куда я отправлюсь сегодня въ 5 час. п. п-д. Увѣряю, что уваженіе, которое я питаю къ академіи, никогда не перемѣнится ни отъ жаровъ у Чернаго, ни отъ холодовъ у Бѣлаго моря. Искренній другъ мой, господинъ профессоръ Лексель и есть тотъ, къ кому письма для меня могутъ быть адресованы; у него же, въ ожиданіи оказіи, хранятся гербаріи — одинъ для господина фонъ Линнея и другой для господина Бергіуса. Пребываю» и т. д. И такъ, ни малѣйшаго намека на чеканку денегъ.

Одинаковую осторожность относительно этого пункта, хотя теперь съ большею причиною, замѣчаемъ и въ его отчетѣ, препровожденномъ около года спустя, т. е. 14-го февраля 1773 года, изъ Петербурга въ Або Гадду [323]), касающемся тогда только-что оконченной поѣздки. Тамъ сказано:

«Путешествіе свое вокругъ всей Молдавіи и Бессарабіи я совершилъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я познакомился съ страною, въ которой рѣдко попадаются другіе европейскіе народы, кромѣ грековъ; но въ сравненіи съ этою страною лучшіе наши края кажутся пасынками природы, а вслѣдствіе невѣжества жителей приходится назвать ее прекраснѣйшею пустынею, гдѣ человѣкъ даже и такой нерасторопный, какъ эти глупые и лѣнивые азіаты, все-таки можетъ жить привольнѣе, чѣмъ самый трудолюбивый земледѣлецъ у насъ».

Берегъ Чернаго моря очень небогатъ морскими продуктами. Изъ раковинъ тамъ находятся однѣ гребенки, *Sepia* *ὀκταπόδια*. *Кали* и нѣкоторыя другія изъ *Incompletis* занимаютъ вездѣ почти низменные берега, заплески и болотистыя, пропитанныя солью степи. Кромѣ Аккермана, почти нѣтъ деревьевъ во всей Бессарабіи. Бѣдные зайцы должны скрываться подъ

Papaver Rhoeas, *Belonis flos venti*, или подъ кучкою земли, которую набросали *Mus Schljapys* и *Talpa vulgaris*. Знаменитый Прутъ, кажется, природою поставленъ быть границей между Молдавіей и Бессарабіей, потому что на западъ отъ этой рѣки не такая голая степь, какъ бы назначенная для кочевниковъ, какъ на востокѣ, а безподобные луга перемежаются съ роскошнѣйшими цвѣтущими полями и прекраснѣйшими лѣсами, горами, высотами и долинами; а въ нѣдрахъ земли обиліе всякихъ металловъ и минераловъ, и притомъ превосходнѣйшія рѣки и рѣчки. Дорога отъ Аккермана до Бендеръ вдоль значительной рѣки Днѣстра походитъ на рай. Путь идетъ почти все черезъ виноградники да прелестнѣйшіе сады. За то дорога отъ Измаила до Киліи по Дунаю лишена всего прекраснаго; ничего не видно кромѣ голыхъ, низкихъ острововъ на огромной рѣкѣ, соперничествующей съ Обью и Волгою по величинѣ.

«Я жилъ очень умѣренно и въ продолженіе всего времени былъ избавленъ отъ болѣзней. Климатъ самъ по себѣ весьма здоровъ, и бóльшая часть опасныхъ болѣзней, свирѣпствующихъ здѣсь, происходятъ отъ небрежности и излишества ѣды, питья и пр., въ чемъ солдатъ во всемъ свѣтѣ не можетъ соблюдать умѣренности. Я имѣлъ также случай видѣть, какъ многіе отъ чумы шатались, и убѣдился въ томъ, что *bubones* или *tumores parotidum* были самые опасные и болѣе другихъ гибельны. Всевышній сохранилъ меня дивнымъ образомъ. Еслибъ я могъ выбрать мѣстожительство по своему вкусу, то сдѣлался бы жителемъ Аккермана, при устьѣ рѣки Днѣстра» [324]).

Если Лаксманъ, въ своей перепискѣ, свободно располагая содержаніемъ ея, не желалъ давать отчета о ближайшемъ поводѣ къ этому путешествію и о его результатахъ, то тѣмъ, чтó сообщаютъ другіе, легко объясняется это молчаніе. Мы находимъ нѣкоторое разъясненіе предыдущаго въ перепискѣ [325]) его друзей, во время его отсутствія. Лексель, нѣсколько дней послѣ отъѣзда его, пишетъ Варгентину: «Проф. Лаксманъ уѣхалъ 28-го (февр.) въ Бендеры; я не встрѣчался съ нимъ передъ отъѣздомъ, или вѣрнѣе, онъ не простился ни съ кѣмъ изъ друзей своихъ; онъ хотя и говорилъ о томъ, что хотѣлъ послать статью въ шведскую академію, а растенія архіатру фонъ Лин-

нею и Бергіусу, но вѣроятно забылъ это»[326]). И въ слѣдующемъ мѣсяцѣ 1772 $\frac{12}{4}$: «Здѣсь у насъ при академіи никакихъ перемѣнъ не случилось, кромѣ отъѣзда Лаксмана»; и опять 1772 $\frac{22}{6}$: «Въ письмѣ моемъ къ господину архіатеру фонъ Линнею я упомянулъ, будто проф. Лаксманъ не сдѣлалъ никакого распоряженія о пересылкѣ травъ; теперь же мнѣ надо исправить это сообщеніе, и покорнѣйше прошу васъ при первомъ случаѣ заявить господину архіатеру, что проф. Лаксманъ при отъѣздѣ своемъ передалъ травы своему лаборанту г. Гольмбергу[327]), и что я сдѣлаю распоряженіе объ отправкѣ ихъ отсюда на первомъ суднѣ; съ тѣмъ же случаемъ препроводится также и коллекція травъ для г. проф. Бергіуса». Къ нему же пишетъ Ф. Чёрнингъ, 1772 г. 28-го ноябр. (9-го дек.): «Въ нынѣшнюю зиму ожидаютъ возвращенія проф. Лаксмана изъ Молдавіи сюда въ городъ»; и опять же Лексель, 1772 г. 6-го дек. (ст. стил.?): «Ожидаютъ въ скоромъ времени возвращенія Лаксмана изъ поѣздки въ Молдавію, предпринятой для учрежденія тамъ монетнаго двора; сдѣлалъ ли онъ что-нибудь или нѣтъ, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ онъ самъ не пишетъ ни слова объ этомъ, а отъ другихъ я слыхалъ, что этого дѣла хозяинъ, греческій купецъ Папаніелопуло, заключилъ договоръ о своей долѣ въ пушкахъ съ барономъ Гартенбергомъ, уже съ годъ тому назадъ учредившимъ монетную въ Хотинѣ.

И по возвращеніи Лаксмана извѣстія не дѣлаются лучше. Шлёцеръ[328]) говоритъ коротко да ясно: «Herrn Laxmanns Reise nach der Moldau war umsonst». Ф. Чёрнингъ сообщаетъ Баргентину 1773 г. 23-го марта (3-го апрѣля): «Господинъ проф. Лаксманъ возвратился теперь изъ Молдавіи, гдѣ онъ болѣе былъ счастливъ по части естествоиспытанія, нежели по тому дѣлу, по которому онъ именно и отправился туда; природа вообще оказывается тароватѣе человѣка, и господинъ Лаксманъ, имѣвшій во время своей поѣздки дѣло съ тѣмъ и другимъ, удостовѣрился, что оно дѣйствительно такъ». Наконецъ и Портанъ[329]), въ упомянутомъ уже письмѣ къ Йервелю, сообщаетъ: «Изъ почтовой газеты извѣстно, что Лаксманъ былъ отправленъ въ Молдавію или Валахію, чтобы привести въ дѣйствіе и управлять монетнымъ дворомъ, который тамъ предполагалось основать,

при чемъ взятыя у турокъ пушки должны были служить матеріаломъ для чеканки изъ нихъ монеты; но потомъ все предпріятіе рушилось, можетъ-быть къ счастію Лаксмана, на этотъ разъ привлеченнаго къ дѣлу для него непривычному».

Показаніе, что поѣздка Лаксмана удалась гораздо лучше въ естествоиспытательномъ отношеніи, нежели въ промышленномъ, очень правдоподобно и можетъ быть подтверждено. Онъ былъ слишкомъ усерднымъ и неусыпнымъ изслѣдователемъ, чтобы въ этой столь разнообразной области, которую ему предоставлено было проѣхать, что-либо замѣчательное могло ускользнуть отъ его вниманія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его богатый гербарій и прочія коллекціи, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано ниже, заключали много сокровищъ также и изъ этой послѣдне посѣщенной области. И все-таки, кромѣ случайныхъ извѣстій изъ его писемъ, мы можемъ тутъ упомянуть лишь объ одномъ вновь найденномъ имъ растеніи, а именно *Gentiana bavarica* [330]), которое, судя по заявленію Палласа: «in montibus Carpathicis legit», было слѣдовательно найдено Лаксманомъ во время его только-что оконченнаго путешествія. Причину этой скудости въ сообщеніи относительно такого богатаго предмета, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать хорошему намѣренію издать болѣе полное сочиненіе о поѣздкѣ своей въ тѣ интересные, хотя еще мало извѣстные края [331]); но это намѣреніе, также какъ и многія другія въ его перемѣнчивой жизни, не было приведено въ исполненіе. Своимъ безпокойно пытливымъ умомъ постоянно привлекаемый все къ новымъ предметамъ, онъ часто не имѣлъ ни времени, ни охоты обработать то, что́ было имъ собрано.

Что́ Лаксманъ въ свое отсутствіе отъ академіи, продолжавшееся почти съ годъ, пропустилъ, то онъ, по возвращеніи своемъ, тѣмъ ревностнѣе старался наверстать. Прерванная въ то время ученая переписка опять была возобновлена, и разныя ученыя статьи вышли изъ-подъ пера его. Въ хронологическомъ порядкѣ первымъ помѣстимъ письмо, поучительное во многихъ отношеніяхъ, которое онъ уже 25-го января 1773 г. написалъ Бергіусу. Содержаніе его слѣдующее: «5-го числа сего мѣсяца [332]), я возвратился изъ Молдавіи и Бессарабіи, и имѣлъ честь застать и прочитать любезное письмо ваше отъ 3-го ноя-

бря 1772 г. Меня необыкновенно радуетъ, что сибирскія травы, которыя передъ отъѣздомъ моимъ велѣлъ отправить къ вамъ, благополучно дошли до васъ. Какъ только будетъ надежный случай, отправлю къ вамъ нѣкоторыя ботаническія мелочи, собранныя мною въ мѣстности около Чернаго моря, при чемъ приложу кучу соленыхъ травъ (*incompletae*), забытыхъ по небрежности коммиссіонера моего, и которыя я сегодня только-что замѣтилъ. При томъ же случаѣ пошлю въ королевскую академію наукъ партію русскихъ минераловъ, такъ давно уже обѣщанныхъ мною. Воспользуется ли академія моимъ *Myospalax?* До сего времени я не слыхалъ, чтобы оно вошло въ акты [333]).

«Счастье для васъ и для шведскихъ ученыхъ, что Его Величество милостивъ къ наукамъ! Немногія земли пользуются этимъ преимуществомъ, и во многихъ могущественныхъ государствахъ комедіанты и маленькіе художники на подобіе комедіантовъ [334]) уважаются болѣе, чѣмъ самые дѣйствительные ученые. Минералогическая коллекція покойнаго Тиласа [335]), какъ полагаю, весьма значительна и потому должна найти покупателей. Можетъ-быть, кто-либо изъ нашихъ знатныхъ минералоговъ захотѣлъ бы пріобрѣсти ее, еслибъ они увидѣли ея каталогъ.

«Г. профессоръ Фалькъ [336]) находится въ Казани и ожидается сюда весною. Лепехинъ недавно возвратился сюда изъ архангельскихъ краевъ и привезъ разныя морскія рѣдкости съ собою. Опасаются, что Гюльденстедтъ [337]) сдѣлается мучеником физики, потому что дикій народъ окружилъ его на кавказскихъ горахъ, и съ того времени еще не получено никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ.

«Будьте такъ добры, пришлите мнѣ Amoenitates acad. Линнея. Я затерялъ ихъ, такъ что у меня ничего нѣтъ, кромѣ 5-й части, и то безъ эстамповъ. Также прошу высылки и другихъ новѣйшихъ сочиненій по физикѣ, вышедшихъ въ Швеціи. Пріятнѣе всего было бы получить, если есть что́ изданное Валлеріусомъ [338]). Изъ Decades молодого Линнея у меня только 2, и табл. 13 недостаетъ; я очень бы желалъ получить все это. Извольте только приказать, и я съ удовольствіемъ послужу всѣмъ, что́ у насъ напечатано. Пребываю» и т. д.

Что касается далѣе до переписки Лаксмана въ этомъ году

(1773), то мы уже выше помѣстили его отчетъ о путешествіи, препровожденный въ февралѣ Гадду въ Або. Также онъ доставилъ позже весною, 11-го мая [339]), въ Стокгольмскую академію еще партію минераловъ изъ своихъ коллекцій, вмѣстѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

«С.-Петербургъ, 11-го мая 1773 г. Наконецъ-то имѣю честь представить королевской академіи наукъ маленькую коллекцію русскихъ минераловъ, такъ давно уже обѣщанную. Сознаюсь, я втайнѣ уже часто стыдился, что посылка такъ долго замедлилась; болѣе всего безпокоило меня то, что я далъ поводъ причислить меня къ большинству модныхъ людей нашего времени, которые обѣщаютъ много, да слова не держатъ. Реестръ мною сдѣланъ на нѣмецкомъ языкѣ, потому что по горной части я болѣе всего привыкъ къ нѣмецкимъ выраженіямъ. Ничего такъ не желаю, какъ заслужить благосклонность академіи наукъ, и увѣряю, что уваженіе, мною къ ней питаемое, никогда не прекратится. Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ» и т. д.

Есть довольно намековъ и на то, что онъ тогда же состоялъ въ сношеніяхъ и съ Линнеемъ, и не только черезъ посредничество другихъ, какъ мы часто видали, но и прямо. Когда именно великій царь цвѣтовъ въ своихъ «Собственноручныхъ [340]) запискахъ» говоритъ, что въ 1773 году получилъ «множество сѣмянъ отъ peregrinatores botanices Sibiriae, изъ которыхъ онъ учреждаетъ на дворѣ своемъ особенный hortus sibiricus, чтобы получать растенія для Швеціи, выдерживающія климатъ въ нашихъ садахъ», и далѣе: «Невѣроятно обширная корреспонденція доставила Линнею сѣмена изъ отдаленнѣйшихъ странъ, какъ-то изъ Сибири» и т. д., — то дѣлается весьма вѣроятнымъ, что когда его корреспонденція, оставшаяся слишкомъ долго неизданною, выйдетъ въ свѣтъ, то въ ней найдутся сообщенія и отъ Лаксмана и къ нему.

Какъ ни скупо было перо этого писателя, но у него остались еще разныя неизданныя вещи со времени барнаулскаго пятилѣтія. Очередь дошла сперва до «Описанія животнаго *землеройки, Mus myospalax*», которое, послѣ многихъ толковъ и разговоровъ о немъ, наконецъ было напечатано въ актахъ Стокгольмской академіи наукъ [341]), спустя 9 лѣтъ послѣ перваго на-

хожденія животнаго, и послѣ 5-лѣтней досады на сколько невѣрное, столько же и нескромное сообщеніе о томъ Бекмана. Запоздалость обнародованія нисколько не охладила теплоты описанія, что видно уже изъ выписокъ, которыя мы выше изъ него сдѣлали. Также и ближайшая затѣмъ статья «Descriptionum plantarum sibiricarum continuatio» составляетъ довольно запоздалое сообщеніе о цвѣтахъ, собранныхъ на Алтайскихъ и Даурскихъ горахъ. Это сочиненіе по содержанію, на которое выше въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было указано [342]), равно какъ и по методу и способу изложенія, близко подходитъ къ изданному двумя годами ранѣе «Novae plantarum species», и подобно ему вошло въ комментаріи Петербургской академіи [343]).

Доказательствомъ тому, что интересъ его къ Вольно-экономическому Обществу не охладѣлъ, служитъ изданное на нѣмецкомъ языкѣ: «Practische Anweisung vom Aussäen der Wälder in den nördlichen Gegenden des russischen Reichs» [344]), примыкающее къ прежде изданному имъ сочиненію по сродственному предмету. Въ промежутокъ времени онъ однакожъ очень расширилъ опытность свою по этому, въ то время очень модному и любимому вопросу. Опыты и предложенія касаются тутъ не только сибирскихъ степей и рудокопныхъ округовъ, лишенныхъ полезной красы своей, отчасти потому, что природа скудно ею надѣлила ихъ, отчасти потому, что люди уничтожили ее,—но затрогиваютъ вообще всѣ мѣстности сѣверной Россіи, примѣрно Ингерманландію и Украйну, гдѣ по десяткамъ верстъ не было видно ни лиственнаго, ни хвойнаго дерева. Онъ сознается, что изъ опытовъ, для которыхъ преимущественно употреблялись иноземныя сѣмена, выписываемыя иногда также изъ Пруссіи и Англіи, многіе не удались; но какъ гораздо большее число ихъ имѣло явный успѣхъ, то это должно бы побуждать къ продолженію въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Особо говорится о разведеніи каждаго рода деревьевъ, какъ-то: березъ, дубовъ, ясеней, липъ, орѣшниковъ и т. д., а въ особенности хвойныхъ деревьевъ, и отдѣльно о приготовленіи земли къ посѣву на ней деревьевъ. Весьма занимательное «Наставленіе» очень понравилось Обществу, принявшему въ слѣдующемъ году сочинителя его въ свои «члены очередные», — наименованіе, преимуществъ котораго передъ

званіемъ ординарнаго члена, которымъ Лаксманъ уже давно пользовался, я однакожъ не въ состояніи былъ узнать.

XV.

Годы 1774 и 1775.

Сотрудникъ въ журналѣ Бакмейстера. Отношеніе къ Георги. Принимаетъ бумаги Фалька; ихъ окончательная судьба. Обучаетъ химіи. Опять письмо къ Бергіусу. Растеніе Laxmannia fasciculata. Сочиненіе «Minera argenti cornea»; русскій переводъ его и полемика съ Сажемъ.

Мы уже часто видѣли, и впослѣдствіи еще больше убѣдимся въ особенной готовности Лаксмана изъ своихъ запасовъ обогащать коллекціи другихъ современныхъ естествоиспытателей, не смотря даже на то, что онъ, если судить по перепискѣ ихъ, не такъ-то часто получалъ обратные подарки. Равнымъ образомъ онъ всегда готовъ былъ оказывать, гдѣ требовалось, содѣйствіе и перомъ, потому-то мы находимъ его по крайней мѣрѣ по имени участвующимъ въ разныхъ совокупныхъ ученыхъ работахъ. Но въ этомъ является онъ не особенно сильнымъ.

Такъ, хотя онъ и считался между сотрудниками журнала, изданнаго библіотекаремъ Бакмейстеромъ, «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Litteratur in Russland», основаннаго въ 1772 г. и продолжавшагося до 1789 г., главнымъ образомъ сообщавшаго свѣдѣнія о Петербургской академіи,—однакожъ, весьма сомнительно, чтобъ онъ принималъ въ немъ какое-либо болѣе живое участіе. Статей, подписанныхъ его именемъ, нѣтъ, да и въ статьяхъ, напечатанныхъ безъ подписи сочинителя, не замѣтно его участія. Вообще господа академики, изъ которыхъ довольно большое число — Палласъ, Лексѐль, Мюллеръ и др.—сами записались сотрудниками, весьма мало прямо содѣйствовали этому заслуженному изданію, вышедшему въ числѣ одиннадцати томовъ [345]).

Болѣе извѣстна помощь имъ оказанная въ 1774 г. Георги, заботою о напечатаніи первой части его «Bemerkungen auf einer

Reise im russischen Reiche»[346]). Самъ авторъ до первыхъ чиселъ сентября помянутаго года оставался въ поѣздкѣ, предпринятой въ 1770 г. въ качествѣ помощника Фалька, вслѣдствіе доброжелательства этого послѣдняго къ нему; по возвращеніи Фалька въ январѣ 1772 г. изъ Томска домой, Георги продолжалъ эту поѣздку отчасти въ экспедиціи Палласа, отчасти на свою отвѣтственность, проѣхавъ черезъ всю Сибирь до границы Китая. Можно легко представить себѣ, что занятіе это для Лаксмана не было особенно пріятно, такъ какъ онъ долженъ былъ видѣть, что его собственныя сибирскія изслѣдованія, какъ по объему, такъ и по точности нерѣдко уступали этимъ сочиненіямъ, вовсе не упоминавшимъ о немъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сравненіе было бы весьма пояснительно, какъ напр. при описаніи горячихъ источниковъ рѣчки Турка[347]). Нельзя полагать, чтобъ Георги не зналъ по крайней мѣрѣ о Сибирскихъ письмахъ своего предшественника; но въ настоящее время, по примѣру Палласа, слава и вліяніе котораго съ каждымъ днемъ возрастали, онъ вѣроятно желалъ слѣдовать его примѣру и въ краснорѣчіи умалчиванія [348]).

Какъ бы то ни было, а только дружба между Лаксманомъ и Георги начала уже вслѣдствіе разныхъ дрязгъ разлаживаться, и со временемъ разладъ этотъ еще болѣе усилился. Можно бы подумать, что Лаксманъ былъ оскорбленъ примѣчаніями, которыя послѣдній дозволилъ себѣ приплести къ его сочиненію и которыя, кажется, единственною цѣлью имѣли доказать, что и издатель «былъ въ Аркадіи», еслибъ они въ самомъ дѣлѣ не были слишкомъ незначительны и невинны для того, чтобъ оскорбить даже самаго щекотливаго автора[349]). Главною причиною разлада было однакожъ очевидно другое: пятно на литературномъ и человѣческомъ характерѣ Георги. На это есть нѣкоторые намеки, дозволяющіе намъ взглянуть за завѣсу группированія партій въ академіи. Дѣло касалось литературнаго наслѣдства по недавно умершемъ Фалькѣ.

Лаксманъ, Лексель, самъ Фалькъ и др. питали сильныя подозрѣнія, что Георги впродолженіе нѣкотораго времени не совсѣмъ честно относился къ послѣднему. И дѣйствительно, оставляя безъ вниманія другія свидѣтельства, однѣ уже

похвалы, въ какихъ Георги послѣ смерти Фалька считалъ нужнымъ по временамъ[350]) разсыпаться о начальникѣ поѣздки и благодѣтелѣ своемъ, иногда походили на пластырь, наложенный на свою собственную нечистую совѣсть, — когда напр. онъ въ доказательство добраго сердца его разсказываетъ, что онъ даже дозволилъ ему обѣдать за своимъ столомъ! Какъ мы уже упомянули, Фалькъ, познакомившись уже въ Упсалѣ съ ученою подготовкою и энергіею бывшаго фармацевта, выхлопоталъ ему мѣсто при управляемой имъ экспедиціи, съ котораго онъ однакожъ неожиданно былъ перемѣщенъ въ помощники къ другому лицу, а между тѣмъ Фальку данъ былъ намекъ направиться домой.

31-го марта 1774 г. Фалькъ въ Казани окончилъ свои дни и свое мучительное странствованіе по Оренбургскимъ, Калмыцкимъ и Сибирскимъ степямъ. Можно было ожидать отъ его основательныхъ познаній и почти лихорадочной добросовѣстности по исполненію возложенныхъ на него обязанностей, что онъ, не смотря на самыя тяжкія душевныя и тѣлесныя страданія, обратитъ поѣздку свою въ пользу для науки. Доказательствомъ тому служатъ оставленныя имъ бумаги, гербаріи, энтомологическія коллекціи и пр.; и все это Георги[351]), случайно попавшій къ смертному одру его, послалъ въ Петербургъ. Помянутымъ наслѣдствомъ, уже разъ прошедшимъ черезъ руки прежняго товарища по поѣздкѣ, онъ, по возвращеніи своемъ, по словамъ Лекселя, намѣревался «позаимствоваться одинъ безъ вѣдома другихъ».

До возвращенія Георги осенью, академія уже передала Лаксману записки и пр. Фалька для обработки ихъ[352]). Тѣмъ не менѣе Георги, при посредничествѣ Палласа и младшаго Эйлера, едва не удалось возвратить себѣ это порученіе. Споръ о томъ былъ веденъ съ большою пылкостью, что́ видно изъ письма Лекселя, поясняющаго и другія, здѣсь упомянутыя обстоятельства; изъ него въ примѣчаніи[353]) приводится выписка. Лаксманъ остался при признанномъ за нимъ правѣ преимущества, но плохо оправдалъ довѣріе. Когда наконецъ, по истеченіи болѣе десяти лѣтъ, работа о путешествіи Фалька вышла въ свѣтъ, подъ заглавіемъ «Beiträge zur topographischen Kenntniss des russischen Reichs»[354]), то участіе Лаксмана, съ горестью мы сознаемся въ томъ, — одинъ стыдъ и срамъ.

Это посмертное сочиненіе и жизненный трудъ имъ поглощенный возбуждаютъ чувство, хотя и не одинаковое, но тѣмъ не менѣе сходное съ тѣмъ, какое вызывается воспоминаніемъ о Форсколѣ, о томъ Петрѣ Форсколѣ, съ которымъ Фалькъ, прежде чѣмъ превратная судьба кинула его въ Россію, желалъ раздѣлить опасности и славу путешествія, предпринимаемаго для открытій въ Аравіи[355]). Оба, въ отдаленныхъ странахъ, по тернистой стезѣ, твердыми шагами направились къ ранней могилѣ; оба стремились къ богатымъ жатвамъ, но оба были лишены удовольствія самимъ пожать, привести въ порядокъ добытое ими и примѣнить его на пользу. Разница однакожъ была большая: одинъ былъ надломленъ, другой увядалъ; трудъ одного навсегда былъ приведенъ подъ надежный кровъ благородною дружбою Нибура; труды другого бросались изъ рукъ въ руки, пока отъ нихъ не осталось ничего, кромѣ осколковъ.

Цѣлыхъ пять лѣтъ провозившись надъ наслѣдіемъ Фалька, Лаксманъ весь этотъ хаосъ передалъ Георги, которому нужно было другихъ пять лѣтъ, чтобы привести въ стройный видъ эти, и въ ихъ небрежномъ и печальномъ состояніи, все-таки цѣнные обломки монумента, рухнувшаго при самомъ его сооруженіи. Таковы бываютъ судьбы людей! Лаксмана, подобно какъ передъ нимъ Фалька, и передъ тѣмъ Форсколя, ожидала смерть въ отдаленной, пустынной странѣ, и главная, а можетъ-быть и лучшая часть его путевыхъ записокъ подверглась печальной участи — пропасть безъ вѣсти. И единственнымъ, сохранившимъ для насъ хоть маленькое извѣстіе о томъ, — былъ Георги!

Нѣкоторымъ извиненіемъ для Лаксмана въ оказанныхъ имъ, какъ теперь, такъ и въ будущемъ, оплошностяхъ по исполненію чисто научныхъ обязанностей, можетъ служить то, что онъ въ то же время былъ занятъ весьма обременительною педагогическою работою: именно на немъ лежала обязанность быть наставникомъ химіи въ соединенной съ академіею гимназіи. Какъ видно изъ письма Чёрнинга, упомянутаго выше (стр. 84), онъ принялъ лабораторію въ весьма плохомъ состояніи, но мало по малу привелъ ее въ порядокъ, такъ что не безъ увѣренности онъ могъ говорить о произведенныхъ въ ней опытахъ и о степени, до которой занятія по химіи имъ были доведены. Два его рапорта,

представленные имъ осенью 1774 г. академической комиссіи и сохранившіеся въ нѣмецкомъ подлинникѣ, поясняютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ то практически техническое направленіе, которое было принято и удержано благодаря его собственнымъ, относящимся сюда стараніямъ. Когда былъ возбужденъ вопросъ объ отправленіи въ заграничные университеты одного изъ его учениковъ (Ѳедора Моисѣенкова) для образованія изъ него рудокопа, то Лаксманъ, мнѣніе котораго было истребовано, въ нѣкоторыхъ пунктахъ не могъ согласиться; онъ писалъ 1774 $\frac{9}{9}$ между пр.: «Вслѣдствіе познаній по химіи, которыя Моисѣенковъ пріобрѣлъ у меня, онъ теперь въ состояніи безъ того руководства, насколько оно обыкновенно сообщается при заграничныхъ университетахъ, заниматься самостоятельно. Также не послужило бы къ особенной чести моей, еслибъ нашимъ студентамъ, для изученія химіи, нужно было еще ѣхать за границу. Честь имѣю увѣрить, что химія при университетахъ, въ особенности внѣ медицинскихъ занятій, изучается весьма поверхностно». Гораздо полезнѣе было бы пребываніе въ Хемницѣ и Фрейбергѣ, гдѣ находятся ученые люди, состоящіе одновременно при горномъ дѣлѣ и при горной академіи».

Получивъ предписаніе подробнѣе изложить свое мнѣніе, онъ 1774 $\frac{3}{10}$ составилъ слѣдующій, въ главныхъ чертахъ одобренный «Планъ для устройства металлургически-химическихъ занятій»: «Какъ прибытіе въ Фрейбергъ вѣроятно случится довольно рано въ эту зиму, то сначала можно заниматься: a) минералогіею, не только теоретически, но по возможности болѣе практически, посредствомъ осмотра и изслѣдованія всѣхъ породъ въ полной коллекціи штуфовъ; b) пробирнымъ искусствомъ или малымъ огнемъ, какъ въ финансовомъ, такъ и преимущественно въ химическомъ отношеніи, посредствомъ анализа составныхъ частей руды; c) плавильнымъ искусствомъ или большимъ огнемъ и заводскою обработкою руды, при чемъ должно быть обращаемо вниманіе на причины, почему именно дѣйствуютъ такъ, а не иначе. Другая половина года или лѣто назначается: a) на продолженіе занятій по практической минералогіи, съ постояннымъ упражненіемъ глаза; b) на практику и теорію маркшейдерскаго искусства или geometria subterranea; c) на

разсматриваніе заводскихъ зданій и мѣстъ нахожденія руды, занятій заводчиковъ въ большомъ видѣ, и d) на занятія подземною географіею, понятіе о внутреннемъ устройствѣ земли, о происхожденіи горъ и находящихся въ нихъ рудниковъ. Въ слѣдующую зиму: a) продолженіе занятій по пробирной и заводской наукѣ; b) горная и заводская физика и механика; c) солевая (halurgia) и камневая (lithurgia) коллегіи для изученія соляныхъ и земляныхъ породъ. Лѣтомъ: a) продолженное изученіе горнаго дѣла и маркшейдерскаго искусства; b) надземная географія рудниковъ, т. е. ознакомленіе съ минералогическими мѣстностями по внѣшнему виду и свойству, а также съ требованіями для устройства завода; c) рудокопная гидравлика. Въ третьемъ году зимою: a) гіалургическія коллегіи, для ознакомленія съ разными сортами стекла, эмали и фарфора; b) изучаются квасцовые, купоросные и сѣрные заводы; c) пріобрѣтаются познанія о работахъ по олову, приготовленію кобальта, плавленію висмута и пр., что въ Россіи еще не приготовлялось въ большомъ размѣрѣ.

«Лѣтомъ этого третьяго года должны производиться рудокопныя поѣздки. Таковыя, какъ представляющія случай для ознакомленія съ разными горными заводами, чрезвычайно полезны. Такимъ образомъ, можно ознакомиться съ жильными и обыкновенными минералами въ нашихъ горахъ, весьма важное свѣдѣніе, котораго многимъ и очень знаменитымъ людямъ, въ ущербъ наукѣ, недостаетъ. Можно узнать, какъ въ хорошо устроенныхъ горнозаводскихъ округахъ замѣчаемыя отличія бываютъ вызываемы необходимостью и свойствами мѣстности. Представится случай упражняться въ географіи минералогическихъ мѣстностей, при чемъ встрѣтится многое, прежде не замѣченное. Поѣздка можетъ простираться до богемскихъ и венгерскихъ рудныхъ горъ, а потомъ зиму и весь четвертый годъ надлежало бы проводить въ Хемницѣ. Здѣсь представился бы наилучшій случай для повторенія всей металлургіи и для ознакомленія съ монетною наукою». Этотъ общій планъ можетъ однакожъ быть измѣненъ по обстоятельствамъ во Фрейбергѣ. Прибавимъ тутъ же, что молодой путешественникъ всячески старался сдѣлать честь преподаванію Лаксмана и надеждамъ,

на него возложеннымъ. Потому онъ, при возвращеніи своемъ, получилъ мѣсто адъюнкта металлургіи при академіи, но спустя два года послѣ того, скончался въ 1781 году.

Между тѣмъ продолжалась переписка Лаксмана съ Швеціею, относительно современныхъ новостей науки. Вслѣдствіе происшествій, которыя будутъ изложены въ слѣдующей главѣ, находясь нѣкоторымъ образомъ въ положеніи обвиненнаго передъ своими друзьями, онъ, кажется, съ своей стороны сдѣлался нѣсколько осторожнѣе. Можетъ-быть однакожъ, что нижеслѣдующее письмо къ Бергіусу, которое въ спискѣ, нами употребляемомъ, начинается выключеніемъ, сдѣланнымъ получателемъ, также касалось того личнаго спорнаго вопроса. Впрочемъ, оно слѣдующаго содержанія:

«С.-Петербургъ, 1-го сентября 1774 г. Послѣ того, какъ баронъ Риббингъ[356]), весьма достопочтенный, не смотря на свои слабости, умеръ, мои сношенія съ Швеціею затруднились: не могу доставить даже объемистаго письма, не говоря уже о другихъ посылкахъ. Будетъ ли нынѣшній министръ такъ же любимъ, какъ былъ прежній? Для такихъ должностей нужны зрѣлые люди, по опыту знающіе, какъ суетно чванство и житье со дня на день, безъ думки о себѣ... Наши физическія экспедиціи кончились отчасти не счастливо. Добраго Фалька, въ ущербъ наукѣ, постигъ такой печальный конецъ! Его лаборантъ Георги, коварствомъ платившій ему за его честное сердце, былъ вѣроятно главною причиною его смерти. Гмелинъ[357]), на обратномъ пути изъ Персіи, былъ взятъ въ плѣнъ, въ мѣстности около Дербента, маленькимъ варварскимъ ханомъ, проживающимъ у подножья Кавказа, и судя по послѣднему слуху, въ мучительномъ плѣну онъ уже кончилъ дни свои. Еще мученикъ естествознанія.

«Онъ наименовалъ разные новые виды. *Rhamnus Paliurus* онъ называетъ *Lepechina*. Нѣкая *Laxmannia* растетъ въ нашемъ ботаническомъ саду и кажется особеннаго свойства. Она принадлежитъ къ долголѣтнимъ растеніямъ, цвѣтетъ обильно, но не хочетъ образовывать сѣмена. Наружный видъ растенія весьма подобенъ *Galiis*, и мы, пока не появились цвѣты, принимали его за родъ *Aparine*. Flores capitati terminantes caules prostratos, plurimos. Прилагаемый экземпляръ показываетъ все прочее.

Limbus corollae est 5 partitus, stellaris, planus, stylus longissimus. Посылаю при семъ нѣкоторыя изъ новѣйшихъ сѣменъ, которыя здѣсь можно было получить, и еслибъ имѣлъ удобный случай, то послалъ бы 2 и 3 часть Путешествія Гмелина [358]) и высушенныя травы. — Слѣдующія книги я желалъ бы получить, а именно: Больда — размышленія о страстяхъ Господнихъ и евангельскія размышленія; 1 часть о лучшей участи Маріи. Pontopidan'a: — Von der Bekehrung der Religionsspötter, 2 экземпляра; его же — Пастырскія посланія. Сочиненія, которыя издала Societas suecana pro fide et christianismo [359]), 2 экземпляра. Сдѣлайте одолженіе, распорядитесь о высылкѣ ихъ. Едва не позабылъ благодарить васъ за то, что познакомился съ господиномъ асессоромъ фонъ Энгестремомъ [360]). У меня изготовлены для него хорошенькія вещи, преимущественно колыванскія серебряные штуфы, самородное золото, красный †, шпатъ 5. Пребываю» и пр.

Лаксманъ не могъ безъ удовольствія упомянуть въ этомъ письмѣ о томъ уваженіи, какое оказалъ ему Гмелинъ, хотя онъ вѣроятно былъ ему лично незнакомъ [361]). Въ новомъ растеніи *Laxmannia*, sp. *fasciculata*, которое Гмелинъ въ 1771 г. нашелъ въ персидской провинціи Гиланѣ и со своимъ гербаріемъ представилъ академіи, онъ впервые увидѣлъ имя свое помѣщеннымъ въ ботаникѣ, какъ особый родъ растеній, — почтеніе, которое впослѣдствіи слишкомъ изобильно, и не съ особенною пользою для синонимики, должно было ему доставаться. Наравнѣ съ позднѣйшими по немъ названными видами, названіе это удержалось до 1818 г., когда Триніусъ [362]), при новомъ разборѣ ботаническаго наслѣдства Гмелина, хотя и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, призналъ его за одно съ *Crucianella*, sp. *stylosa*, изъ Rubiaceae, tribus Galieae.

Въ этомъ году (1774—75) Лаксманъ дебютировалъ также, въ качествѣ минералогическаго писателя, изслѣдованіемъ [363]), вошедшимъ въ акты академіи, о *роговомъ серебрѣ* «Minera *argenti cornea* chemice examinata et descripta». Изъ свѣдѣнія, что этотъ минералъ, прежде находимый только въ Саксоніи, и то весьма рѣдко, занималъ въ Змѣиногорскомъ рудникѣ вблизи Алтая, еще во время посѣщенія его Лаксманомъ, всю верхнюю часть горы, и

обыкновенно давалъ 70% серебра съ незначительною примѣсью сѣры, ясно его значеніе въ практическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Поэтому онъ полагаетъ, что минералъ, неизвѣстный до Кентмана (1765), многими минералогами былъ описанъ только по наслышкѣ, такъ какъ напр. никто изъ нихъ не указалъ на его особенный запахъ, который однакожъ постояненъ, и замѣчался одинаково ясно какъ въ маленькомъ кускѣ, привезенномъ 40 лѣтъ тому назадъ изъ Саксоніи въ Барнаулъ горнымъ совѣтникомъ Кристіани[364]), такъ и въ недавно выломанныхъ сибирскихъ штуфахъ.

Его теорія о степеняхъ развитія минерала рѣшительнѣйшимъ образомъ противна обыкновенному предположенію, что нѣкоторыя породы камней будто дѣлаютъ исключеніе изъ того закона природы, вслѣдствіе котораго все сотворенное подвергается постепенному разложенію и новообразованію существенныхъ частей своихъ. Онъ самъ въ стеклянномъ шкафѣ кабинета своего видѣлъ вывѣтриваніе красной золотой руды, а въ Змѣиногорскѣ онъ нашелъ, что коричневая, желтая, сѣрая и зеленая стекловатая руда означаютъ разные возрасты одного и того же вещества. *Незрѣлою стекловатою рудою* онъ желаетъ назвать ту, которая является еще довольно твердою, и съ примѣсью блейгланца и мѣднаго колчедана и пр. составляетъ густую массу. Вслѣдствіе однакожъ вліянія воздуха, воды и солей, части помаленьку растворяются, минералъ дѣлается скважистымъ, гибкимъ, блѣднымъ, и составляетъ именно то, чтó обыкновенно называютъ *стекловатою рудою*, а по мысли Лаксмана слѣдуетъ называть *зрѣлою стекловатою рудою*. Но впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій подвергаясь вліянію воды, она теряетъ свой блескъ, дѣлается прозрачною и принимаетъ характеристичный запахъ; это *перезрѣлая стекловатая руда*, или то, чтó собственно и подразумѣваютъ подъ *роговою рудою*. Уже по достиженіи этой послѣдней степени, прибавляетъ онъ, природа, кажется, начала едва замѣтное разложеніе оруденѣлой постоянной сѣры, чтó сопряжено съ нѣкоторымъ улетучиваніемъ металла и уменьшеніемъ его удѣльнаго вѣса. Наконецъ блѣдное и коричневатое тѣло теряетъ металлъ свой, отдѣляющійся притомъ въ самородномъ видѣ, взрыхляется, чернѣетъ и отдѣляетъ отъ себя черный продуктъ,

нѣкоторыми называемый *черною серебряною рудою,* другими *хрупкою стекловатою рудою.*

Посредствомъ химическихъ опытовъ, сдѣланныхъ и подробно описанныхъ Лаксманомъ, онъ полагаетъ вполнѣ доказаннымъ, что природная роговая руда, такъ же какъ и стекловатая руда (minera vitrea alba), составляетъ соединеніе серебра съ сѣрою. Этотъ результатъ рѣшительнѣйшимъ образомъ противопоставляется ученіямъ, провозглашеннымъ Кронстедтомъ, Леманомъ и Юсти, которые утверждаютъ, что оруденѣлая составная часть минерала состоитъ изъ соляной кислоты и, слѣдовательно, уподобляютъ ее искусственному роговому серебру.

Твердо убѣжденный въ точности своего изслѣдованія и въ важности его для горнаго дѣла имперіи, Лаксманъ въ слѣдующемъ году издалъ его на русскомъ языкѣ въ обработанномъ видѣ [365]). Сочиненіе посвящено отмѣнному протектору автора, часто уже упоминаемому Олсуфьеву, и содержитъ кромѣ того предисловіе, обращенное противъ весьма знаменитаго въ то время французскаго химика Сажа. Его вниманіе именно обращено было на то, что и Сажъ [366]) не только, наравнѣ со Швабомъ, полагалъ присутствіе соляной кислоты въ роговой рудѣ, но и во множествѣ другихъ минераловъ. Эту «опасную и обширную ересь» онъ потому и старается рѣшительнѣйшимъ образомъ и посредствомъ новыхъ опытовъ опровергнуть. Словомъ, лишь искусственное роговое серебро содержитъ въ себѣ то, что Сажъ непремѣнно хочетъ найти въ природной рудѣ.

Объ этомъ вопросѣ впослѣдствіи толковали часто, но онъ не былъ рѣшенъ по приведенному, весьма часто разбираемому до нашего времени предположенію Лаксмана [367]). Уже въ 1776 г. вышло сочиненіе Ломмера, доказывающее присутствіе соляной кислоты въ роговой рудѣ. Два года спустя, англійскій химикъ Вульфъ фактами подтвердилъ то же самое, однакожъ съ тѣмъ, что также и купоросная кислота находится въ этой рудѣ. Сажъ остался при своемъ мнѣніи, выраженномъ имъ во многихъ изъ слѣдующихъ его сочиненій. Клапротъ нашелъ: серебра 67,75, соляной кислоты 21, желѣза 6, глины 1,75, сѣрной кислоты 0,25, — слѣдовательно результатъ не слишкомъ расходящійся съ анализомъ Берцеліуса надъ двухлористымъ серебромъ

(роговымъ серебромъ): хлору 24,75, серебра 73,25. Гмелинъ упоминаетъ многократно о сочиненіи Лаксмана, не высказывая однакожъ своего мнѣнія о немъ.

Кобелль, называющій минералъ *Kerargyr* отъ κέρας, рогъ, и ἄργυρος, серебро, говоритъ, что изслѣдованія Лаксмана и вообще всѣ болѣе древнія неудовлетворительны. Уже Леонарди указываетъ, что Лаксманъ, который, какъ мы выше видѣли, хотѣлъ назвать минералъ свой «бѣлою стекловатою рудою», не могъ имѣть передъ собою дѣйствительной роговой руды, — «es war also gewiss kein ächtes Hornerz». Не произошло ли тутъ смѣшенія именъ въ томъ отношеніи, что Лаксманъ въ самомъ дѣлѣ анализировалъ такъ называемый нынѣ *Argentit*, составъ котораго, по Кобеллю, состоитъ изъ 13 сѣры съ 87 серебра?

XVI.

Эпизодъ изъ 1774 года.

Ссора съ Гольмбергомъ. Лаксманъ на дурномъ счету у финновъ и шведовъ въ Петербургѣ.

Лаксмана строго хулили за поведеніе его къ земляку Михаилу Гольмбергу. Сообщимъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія, отчасти для составленія понятія о частныхъ и общихъ отношеніяхъ, какъ въ тогдашней шведско-финской колоніи русской столицы, такъ и въ тамошней академіи, отчасти и потому, что Гольмбергъ, хотя лицо весьма незначительное, имѣлъ необыкновенную способность приводить людей въ движеніе для исполненія своихъ интересовъ, и наконецъ потому, что онъ послѣ разныхъ приключеній кончилъ дни свои экстраординарнымъ профессоромъ финляндскаго университета, но совсѣмъ не упоминается его лѣтописцемъ.

Жизнь его прежде была слѣдующая: родился въ г. Борго 1745 $\frac{4}{5}$, записанъ въ Абоскомъ университетѣ въ 1767 г., изучалъ тамъ химію и аптекарское искусство, состоялъ ученикомъ

въ аптекѣ въ гор. Ловизѣ, опредѣленъ въ помощники при лабораторіи съ содержаніемъ въ 60 талеровъ, получилъ 1771 $\frac{15}{3}$ свидѣтельство о поведеніи своемъ отъ вице-пастора Іохима Клеве, въ маѣ мѣсяцѣ того же года, и послѣ выдержаннаго экзамена, былъ произведенъ въ лаборанты Академіи наукъ въ Петербургѣ [368]).

Послѣднее производство онъ получилъ по предложенію недавно избраннаго профессора химіи при академіи Лаксмана. Оба финна однакожъ жили въ дурномъ согласіи. Лаксманъ, убѣдившись, что помощникъ его былъ нерадивъ и несвѣдущъ въ тѣхъ занятіяхъ, которыя главнымъ образомъ требовались, кромѣ того былъ равнодушенъ ко всѣмъ замѣчаніямъ, принужденъ былъ наконецъ заявить объ этомъ академической коммиссіи докладомъ отъ 30-го іюня 1774 г. въ довольно сильныхъ выраженіяхъ [369]). Резолюція коммиссіи отъ 7-го іюля гласитъ довольно лаконически, что Лаксманъ можетъ уволить Гольмберга отъ должности по уплатѣ ему жалованья, причитающагося за время службы.

Это краткое рѣшеніе, какъ кажется, поставило Лаксмана совершенно втупикъ. Онъ дѣйствительно 24-го іюля отрѣшилъ отъ должности лаборанта своего краткимъ объявленіемъ: «dass die Akademie nicht mehr brauchet sothane Stelle mit ihm zu besetzen», но два дня спустя, далъ ему довольно хорошій аттестатъ о свѣдѣніяхъ его. И то и другое возбудило большое неудовольствіе между прочими земляками Гольмберга въ Петербургѣ.

Гнѣвъ выразился въ открытомъ свидѣтельствѣ, выданномъ отрѣшенному отъ должности Гольмбергу Лекселемъ; оно сохранилось въ подлинникѣ. Содержаніе его слѣдующее: «Какъ господинъ Гольмбергъ отъ занимаемой имъ должности былъ отрѣшенъ, безъ выдачи ему отставки, то такой случай можетъ произвести не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе на тѣхъ, которые не имѣютъ случая хорошенько разузнать обстоятельства дѣла; потому я не могъ отказаться, по просьбѣ г. Гольмберга, выдать ему достовѣрное свидѣтельство о дѣйствительномъ ходѣ этого дѣла, насколько оно мнѣ извѣстно.

«Вслѣдствіе заявленія противъ г. Гольмберга въ коммиссію Академіи наукъ профессоромъ экономіи, г. Лаксманомъ, помя-

нутой академіи угодно было совсѣмъ уволить Гольмберга отъ занятій лаборанта при химической лабораторіи, не предоставивъ ему неотъемлемаго права дать объясненіе свое на заявленныя жалобы и обнаружить невинность свою, даже не увѣдомивъ его о томъ, что на него была подана жалоба. Такой поступокъ тѣмъ болѣе не можетъ основываться на законѣ справедливости, что г. Гольмбергъ былъ опредѣленъ на службу въ академіи съ согласія его превосходительства директора академіи, слѣдовательно, его нельзя было отрѣшить отъ должности безъ вѣдома и согласія помянутаго господина.

«Послѣ такого отрѣшенія г. Гольмберга отъ должности, академической коммиссіи не угодно было сообщить ему другого свидѣтельства, кромѣ того только, что академія болѣе не нуждается въ услугахъ его, нисколько не отзываясь о поведеніи его за то время, въ продолженіе котораго онъ состоялъ на службѣ при академіи. Кромѣ жалобъ, заявленныхъ проф. Лаксманомъ на Гольмберга, академической коммиссіи было хорошо извѣстно, что г. Гольмбергъ по службѣ при академіи оказывалъ преданность долгу, прилежаніе и похвальное поведеніе. Гольмбергу не было дано случая объясниться по поводу жалобъ Лаксмана, слѣдовательно на основаніи ихъ, какъ вполнѣ не доказанныхъ, Гольмбергъ и не могъ быть лишенъ довѣрія, которое на него до того времени возлагалось.

«Пока правда и справедливость на землѣ находятъ поддержку, нельзя оправдывать того, чтобъ невинному и честному человѣку придаваемо было такое значеніе, какое приписываютъ ему его жестокіе и своевольные начальники. С.-Петербургъ, $\frac{16}{27}$ августа 1774 г. Анд. I. Лексель».

Еще язвительнѣе выражается Ф. Чёрнингъ въ частномъ письмѣ къ Варгентину отъ 22-го августа 1774 г. Тамъ сказано:

«Обращеніе профессора Лаксмана съ Гольмбергомъ вамъ, господинъ секретарь и кавалеръ, вѣроятно извѣстно, и я долженъ сознаться, что оно не дѣлаетъ ему чести, какъ природному шведу, и тѣмъ болѣе какъ члену общества шведской академіи наукъ, извѣстнаго своимъ добродѣтельнымъ образомъ мыслей. Я считаю мерзкимъ сперва осрамить подчиненнаго своего,

а потомъ, при востребованіи о томъ отчета, выдать лучшій аттестатъ, тѣмъ болѣе, какъ извѣстно, что главною причиною ссоры было именно то, что Гольмбергъ былъ кровнымъ шведомъ на столько, на сколько Лаксманъ былъ русскимъ. Мнѣ не нужно упоминать о профессорѣ Лекселѣ, это имя само собою уже заключаетъ множество добрыхъ дѣлъ и великодушныхъ отзывовъ, которыми бѣдный Гольмбергъ, во время преслѣдованій Лаксмана, многократно утѣшался. Не думаю, чтобы профессоръ химіи въ Швеціи часто употреблялъ лабораторію свою для стирки бѣлья и ковки лошадей, но здѣсь это во время управленія Лаксманомъ, кажется, вошло въ моду. Съ сердцемъ, обливающимся кровью, пишу это, потому что никогда не думалъ, чтобы Лаксманъ сдѣлался недостойнымъ дружбы своихъ соотечественниковъ».

Какая бы ни была вина Лаксмана, однакожъ онъ, какъ видно главнымъ образомъ изъ аттестата, такъ сильно порицаемаго Чёрнингомъ и который сохранился въ подлинникѣ [370]), нисколько не хотѣлъ вредить будущности Гольмберга.

За то не подлежитъ сомнѣнію, что поведеніе Гольмберга давало основательныя причины къ неудовольствію, потому что иначе было бы непонятно, какимъ образомъ академическая коммиссія — сколько бы въ ней ни оставалось неограниченной власти съ извѣстнаго времени канцлеріята — могла распоряжаться подобнымъ образомъ въ то время, когда Леонардъ Эйлеръ былъ ея старшимъ членомъ. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что должность Гольмберга была временная. А что онъ именно теперь долженъ былъ оставить должность, такъ это произошло вѣроятно и отъ того, что на это мѣсто получили человѣка, уже прежде состоявшаго на службѣ при академіи. То былъ Бардапесъ, иллиріецъ изъ Молдавіи, знавшій много языковъ и естественныя науки, и сопровождавшій экспедицію Фалька, во время которой онъ исполнилъ много отважныхъ и даже самыхъ опасныхъ экскурсій. Онъ только-что возвратился, принося съ собою научную добычу поѣздки. Коммиссія не могла оставить его безъ награды, тѣмъ болѣе, что Лаксманъ, взявшійся обрабатывать бумаги и коллекціи Фалька, вѣроятно желалъ имѣть этого человѣка вблизи себя.

8*

Вѣрно то, что слова Лекселя и въ особенности горячаго Ф. Чёрнинга были преувеличены. Еще и теперь существуютъ многія доказательства того, что Гольмберга нигдѣ не считали важнымъ пріобрѣтеніемъ. Гаддъ, самъ Лексель и Портанъ не скупы на замѣчанія, направленныя противъ его характера и способностей, когда возникъ вопросъ объ опредѣленіи его къ мѣсту на родинѣ [371]). Да, первый даже намекаетъ на то, что «бѣглый аптекарскій подмастерье», во время пребыванія своего въ Петербургѣ, оказывалъ шведамъ услуги «политическими сплетнями», вѣроятно не мало дипломату Ф. Чёрнингу, такъ горячо восхвалившему патріотизмъ его въ сравненіи съ «русскимъ» Лаксманомъ. Не могло-ли это содѣйствовать его отрѣшенію отъ должности? Сверхъ того Гольмбергъ именно въ то время велъ переговоры о мѣстѣ аптекаря въ Свеаборгѣ, на которое Лексель горячо рекомендовалъ его. Какъ онъ, слѣдовательно, одною ногою уже стоялъ на шведской сторонѣ, то петербуржцы, вѣроятно, полагали, что онъ и другую могъ бы перенести туда, въ виду того, что академія въ немъ болѣе не нуждалась. Аттестація Лаксмана тѣмъ менѣе можетъ быть порицаема, что главною цѣлью ея, какъ кажется, было оказать помощь Гольмбергу для опредѣленія его на новое мѣсто. Но если такимъ образомъ Лаксманъ въ большей или меньшей мѣрѣ былъ причиною того несчастія, которое постигло его земляка, то можно видѣть роковое возмездіе въ томъ, что самъ онъ впослѣдствіи подвергся такому же несчастію быть исключеннымъ изъ академіи безъ разъясненія дѣла.

Замѣтимъ наконецъ, что обвиненія Ф. Чёрнинга, которыя имѣли цѣлью очернить Лаксмана предъ членами шведской академіи, не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ того, одинаково какъ и передъ тѣмъ, продолжается переписка его съ Варгентиномъ и Бергіусомъ. Онъ, вѣроятно, не преминулъ дать объясненіе о непріятностяхъ съ Гольмбергомъ. См. выше (стр. 108) наше предположеніе объ исключеніяхъ въ письмѣ его къ Бергіусу отъ 1774 $\frac{1}{9}$, т. е. около недѣли послѣ филиппики Ф. Чёрнинга и протеста Лекселя. Укажемъ наконецъ и на то, что часто упоминаемыя [372]) біографическія свѣдѣнія, сообщенныя Портаномъ и Калоніусомъ по просьбѣ Йервѣля относительно

Лаксмана, отмѣчены 1774 $\frac{30}{9}$, слѣдовательно почти одновременно съ тревогою въ петербургскомъ шведско-финскомъ лагерѣ, а между тѣмъ въ нихъ ни однимъ словомъ не упоминается о дѣлѣ Гольмберга.

Еще менѣе достойно вниманія свидѣтельство Ф. Чёрнинга объ образѣ управленія Лаксманомъ лабораторіею, потому что иначе было бы непостижимо, какимъ образомъ въ то же время онъ могъ быть награжденъ прибавкою жалованья въ 200 руб. Документы, помѣщенные въ предыдущей главѣ, гораздо вѣрнѣе свидѣтельствуютъ объ образѣ его занятій. Что же касается Гольмберга, то весьма вѣроятно, что онъ въ лабораторіи оказывалъ склонность заниматься разными пустячными вещами, потому что въ Або, какъ говорятъ, отъ молодыхъ дамъ онъ получилъ титулъ «одеколонь-профессора».

XVII.

1776 — 1778 года.

Долгая остановка въ дѣятельности Лаксмана, какъ сочинителя. Расширенная дѣятельность учителя и профессора. Обстоятельства при академіи; 50-лѣтній юбилей ея; посѣщеніе Густава III. Ученыя сношенія Лаксмана. Его естественный кабинетъ. Онъ оцѣняется за границею; новый видъ растенія Laxmania; награждается Густавомъ III; дѣлается членомъ ученыхъ обществъ въ Берлинѣ, Данцигѣ и Лундѣ. Повѣренный по топографіи Россіи.

Послѣ изданія упомянутаго уже сочиненія о роговой рудѣ, авторская дѣятельность Лаксмана прекратилась на цѣлое пятилѣтіе. Этотъ перерывъ, замѣчательный въ жизни академика, легко объясняется однакожъ увеличивавшимся съ теченіемъ времени отвращеніемъ его къ публичности, также его занятіями въ другихъ мѣстахъ, а можетъ быть, отчасти и тѣмъ, что его лабораторія, при наводненіи отъ разлива Невы въ 1777 г., была опорожнена[373]), а потомъ, вслѣдствіе недостатка средствъ для ея сообразнаго приведенія въ порядокъ, находилась въ совершеннѣйшемъ разстройствѣ. Говорилось, конечно, что онъ будто занятъ

приведеніемъ въ порядокъ ученаго наслѣдства Фалька и также описаніемъ поѣздки своей въ Молдавію; но отъ всего этого въ результатѣ[374]) получилось то же, что́ и отъ задуманной имъ Сибирской Энтомологіи и отъ его обѣщанія написать естественную исторію для Россіи — не упоминая уже о его другихъ неисполнившихся намѣреніяхъ.

За то гораздо болѣе охоты замѣтно въ немъ къ устному преподаванію, въ которомъ онъ уже въ первой молодости своей имѣлъ случай упражняться, сперва въ качествѣ домашняго учителя въ Финляндіи, потомъ въ пансіонѣ Бюшинга и въ приходскомъ училищѣ въ Барнаулѣ. Онъ въ это время, кромѣ помянутой должности при академической гимназіи, поступилъ на мѣсто учителя въ сухопутный кадетскій корпусъ[375]), въ казенное заведеніе, въ которомъ воспитывались мальчики съ шестилѣтняго возраста и приготовлялись въ офицеры. Жалованье было 300 рублей за 18 уроковъ въ недѣлю. Къ занятію мѣста въ этомъ учрежденіи побуждало его то обстоятельство, что между кадетами находилось двое его собственныхъ сыновей, которымъ онъ успѣлъ внушить любовь къ естественнымъ наукамъ, которую они впослѣдствіи и выказывали. Хотя и не вполнѣ извѣстно, но весьма вѣроятно, что онъ въ это же время давалъ уроки и въ благородномъ институтѣ для дѣвицъ[376]).

Кромѣ этихъ обязанностей, онъ, по крайней мѣрѣ съ 1777 года[377]), если не раньше, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ читалъ по два раза въ недѣлю популярныя лекціи по химіи и минералогіи. Иниціатива такихъ занятій принадлежала новому директору академіи, вначалѣ столь ревностному, но впослѣдствіи получившему въ лѣтописяхъ ея дурную славу, Сергѣю Герасимовичу Домашневу, который въ 1775 г. поступилъ на мѣсто Орлова, когда звѣзда сего послѣдняго а также и братьевъ его помрачилась при возраставшей милости двора къ Потемкину. Многіе академики, въ томъ числѣ и Лаксманъ, повиновались желанію своего начальника, хотя за этотъ добавочный трудъ не полагалось никакого вознагражденія. Лекціи продолжались года два, три, и, какъ говорятъ, были прилежно посѣщаемы аристократіею. Что лекціи Лаксмана поясняли́сь опытами, это можно заключить изъ того, что онъ ставитъ это себѣ столько же

въ заслугу, сколько порицаетъ упущеніе ихъ у одного позднѣйшаго лектора[378]).

Впрочемъ, въ продолженіе этихъ лѣтъ въ академіи, и преимущественно въ отдѣленіи по естествознанію, вслѣдствіе многихъ дѣйствовавшихъ одновременно внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, царствовало особенное оживленіе, въ сравненіи съ которымъ непроизводительность Лаксмана доставила ему прозваніе «лѣниваго сочинителя», которое впослѣдствіи часто повторялось.

Остававшиеся еще въ живыхъ члены большихъ экспедицій, которые возвратились въ 1774 и 75 годахъ, приводили типографскіе станки въ постоянное движеніе. Нѣкоторые, какъ-то Палласъ, Рычковъ, Лепехинъ и Георги, даже во время путешествій, начали изданіе дневниковъ и записокъ своихъ, а по возвращеніи домой, они или продолжали ихъ, или распоряжались о переводѣ работъ своихъ на русскій или иностранные языки. Гюльденстедтъ, этотъ трудолюбивый человѣкъ, пробывшій въ путешествіяхъ долѣе другихъ, будучи занятъ другими, попавшимися на долю его, порученіями, медлилъ опубликованіемъ своихъ изслѣдованій до тѣхъ поръ, пока слишкомъ ранняя смерть не поразила его и Палласъ сдѣлался издателемъ его трудовъ. Гмелинъ скончался въ мучительномъ плѣну, но при его кончинѣ I томъ его большого сочиненія уже былъ напечатанъ, а II и III томы уже находились въ печати; IV-й изданъ Палласомъ. Наконецъ Фалькъ — но его матеріалами занимался Лаксманъ, никогда не оканчивая ихъ.

Были и внѣшнія обстоятельства, особенно благопріятныя для академіи, которыя привлекали къ ней вниманіе всего ученаго и образованнаго общества и давали возможность знакомить это общество съ роскошными, только что пожатыми плодами дѣятельности академіи. Даже перемѣна директора была важна тѣмъ, что Домашневъ, человѣкъ очень дѣятельный и тщеславный, понималъ, что весь блескъ свой онъ долженъ заимствовать отъ славы той корпораціи, президентомъ которой онъ состоялъ. Два рѣдкія торжества были для того очень кстати: день пятидесятилѣтняго юбилея академіи въ 1776 г. и посѣщеніе Петербурга Густавомъ III въ 1777 г.

По поводу перваго случая множество туземныхъ и иностран-

ныхъ ученыхъ и сановниковъ, имена которыхъ мы тотчасъ услышимъ отъ Лаксмана, были избраны въ члены. Самое же торжество описано Лекселемъ [379]): «Вчера Императорская Академія наукъ отпраздновала свой 50-лѣтній юбилей... Торжество было открыто проф. Эйлеромъ, въ качествѣ секретаря, привѣтственною рѣчью; затѣмъ слѣдовала довольно подробная рѣчь директора на русскомъ языкѣ, потомъ лекція проф. Гюльденстедта объ улучшеніяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы относительно произведеній Россіи, на французскомъ языкѣ. Послѣ того была прочтена программа предложенной академіею задачи для соисканія награды; потомъ были провозглашены иностранные члены; затѣмъ проф. Румовскій читалъ программу сочиненія о русской географіи и, наконецъ, были названы недавно избранные почетные члены изъ Россіи, между которыми первымъ былъ его императорское высочество. Онъ присутствовалъ съ супругою, а императрица, по нездоровью, не могла прибыть. Проф. Эйлеръ при этомъ случаѣ отличился къ своей собственной чести и къ чести академіи. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что рѣчь нашего директора была краснорѣчива, но слишкомъ длинна и наскучила великому князю. Въ критикахъ относительно всего празднества, вѣроятно, не будетъ недостатка; но кто въ томъ виноватъ?» Прибавимъ, что торжественный день имѣлъ также болѣе существенныя послѣдствія, такъ какъ Мюллеръ въ память его сочинилъ исторію этого ученаго общества [380]), а кромѣ того прочитанная Румовскимъ, отъ имени Домашнева, программа была передана на обсужденіе особаго комитета. О работахъ его, въ которыхъ участвовалъ также и Лаксманъ, мы позже скажемъ нѣсколько словъ.

Черезъ полгода послѣ юбилея прибылъ въ Петербургъ [381]) Густавъ III подъ именемъ «графа Готландскаго». Его тутъ всячески чествовали, и онъ пробылъ цѣлый мѣсяцъ, съ 5-го іюня по 5-е іюля (ст. ст.) 1777 года. Цѣль этой такъ различно объясняемой поѣздки была конечно политическая, — между прочимъ примиреніе Екатерины II съ тѣмъ, что произошло въ 1772 году; но геніальный и остроумный монархъ не упустилъ случая ознакомиться и съ замѣчательностями императорской столицы. 23-го іюня онъ посѣтилъ Академію наукъ, имѣвшую экстренное

засѣданіе, на которое стеклись всѣ знаменитости и всѣ сановныя лица. Представленіе личнаго состава королю было сдѣлано директоромъ академіи. По установленному церемоніалу, первыми были представлены тѣ 4 члена ея, которые были также и членами шведской академіи наукъ; Лаксманъ и Лексель были между ними. Читали Домашневъ, Палласъ и Штэлинъ. Затѣмъ были обойдены разныя зданія и коллекціи академіи. Въ заключеніе королю оказана была особеннаго рода овація, именно: когда онъ въ типографіи остановился у одного печатнаго станка, въ тотъ же мигъ выпалъ оттуда листъ бумаги; король поднялъ его и увидѣлъ на немъ свой собственный портретъ съ напечатанными подъ нимъ стихами.

Какъ на знакъ того, что Густавъ остался вполнѣ доволенъ своимъ посѣщеніемъ ученаго учрежденія, можно указать не только на то, что онъ непосредственно пригласилъ всѣхъ членовъ академіи къ столу своему, при чемъ тремъ изъ нихъ велѣлъ дать шведскія золотыя медали въ память коронаціи и новаго образа правленія, но также и на то, что онъ пожаловалъ Домашневу орденъ Вазы, а по возвращеніи въ свое государство, еще разъ милостивымъ письмомъ изъ Дротнинггольма почтилъ академію, которая въ знакъ благодарности положила украсить присутственную залу свою поясным портретомъ плѣнительнаго государя. Къ сожалѣнію, и теперь, какъ это часто бываетъ между лицами, окружающими государей, явились сплетни, сообщеніе о которыхъ относимъ въ примѣчаніе [382]); кромѣ Домашнева, въ нихъ замѣшанъ былъ и Лаксманъ.

«Лѣнивый писатель» однакожъ нисколько не утомлялся служить академіи и наукѣ, хотя онъ дѣлалъ это по-своему. Его корреспонденція и коллекціи служатъ тому доказательствомъ. Къ этому періоду относятся сохранившіеся документы, болѣе или менѣе объяснительные, и въ томъ числѣ описаніе его частнаго музея. Займемся, во-первыхъ, письмами. Обращенныя къ ученымъ и охотникамъ до обмѣна книгъ и произведеній природы, находившимся въ Швеціи и Финляндіи, они объясняютъ разныя выше упомянутыя частныя подробности.

Такъ пишетъ онъ къ Варгентину: «С.-Петербургъ, 6-го октября 1776 г. Милостивый государь! Уже съ королевскимъ секретаремъ Ф. Чёрнингомъ я препроводилъ бы въ королев-

скую академію и къ вамъ, государь мой, эти 20 томовъ Novor. comment. acad. scient. Petrop. (1776, pro a. 1775), по назначенію здѣшней императорской академіи; но такъ какъ у него не оказалось мѣста для нихъ, то они препровождаются съ г. архиваріусомъ Горнборгомъ. Когда экземпляры были готовы и рѣшено было послать ихъ нашимъ иностраннымъ членамъ, то здѣсь въ то время не было шведскихъ кораблей. Я не могъ терпѣть, чтобы нѣмецъ или французъ читали ихъ прежде шведскихъ ученыхъ, и взялся доставить ихъ въ Швецію. Многія мои занятія, частью рукописями Фалька, частью собственными работами, а частью ежедневными уроками въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ по естественной исторіи и химіи, не оставили мнѣ времени къ составленію сочиненія для королевской академіи наукъ. Моего *Sorex minutus* при первомъ случаѣ буду имѣть честь выслать[383]). Пребываю и пр.».

Того же года, 30-го декабря, онъ обрадовалъ Бергіуса слѣдующимъ извѣстіемъ: «Уважаемый государь мой! Съ величайшимъ удовольствіемъ имѣю честь поздравить васъ, г. профессоръ, съ назначеніемъ въ члены[384]) Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ, что́ случилось вчера, или 29-го декабря 1776 г., во время юбилея, въ присутствіи ихъ императорскихъ высочествъ. Между 20-ю иностранными членами, теперь выбранными, находятся, кромѣ васъ, еще двое шведовъ, именно славный старикъ Валлеріусъ и господинъ Меландеръ въ Упсалѣ. Прочіе замѣчательнѣйшіе члены слѣдующіе: король Прусскій, почтившій академію весьма милостивымъ письмомъ, господинъ баронъ Галлеръ, графъ Бюффонъ, Добантонъ, Прингль, Бурманъ, Гледичъ, Маргграфъ, Лагранжъ, Борнъ, Месье, Тоалдо и пр. Между русскими почетными членами Его Императорское Высочество великій князь, графъ Румянцевъ Задунайскій, графъ Панинъ, князь Орловъ, князь Потемкинъ, князь Вяземскій, князь Щербатовъ, графъ Строгановъ, Петербургскій архіепископъ Гавріилъ и лейбъ-медикъ Роджерсонъ. Восемь дней тому назадъ, возвращаясь изъ академіи, баллотировавшей васъ въ члены, я засталъ желаемое письмо ваше отъ 17-го декабря[385]), наполненное прекрасными новостями. — *Plantae salsae* большею частью собраны покойнымъ

Фалькомъ. Весьма желаю получить медали Стокгольмской академіи наукъ, и прошу ихъ. — Сколькихъ томовъ петербургскихъ комментаріевъ вамъ недостаетъ? Полагаю, что еще разъ буду имѣть случай услужить вамъ ботаническими вещами. Въ непродолжительномъ времени[386]) я напишу подробнѣе о томъ. Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ» и пр.

Сношенія свои съ родиною онъ попрежнему велъ преимущественно черезъ Гадда, съ которымъ соединяло его сходство въ предметахъ изслѣдованія. Хотя переписка ихъ не дошла до насъ, однакожъ изъ отчетовъ, опубликованныхъ изъ нея Гаддомъ въ его сочиненіяхъ[387]), гдѣ онъ весьма часто и съ большою признательностью упоминаетъ о подаркахъ отъ Лаксмана, ясно можно видѣть, что въ этой перепискѣ главнымъ образомъ затрогивались ботаническіе и минералогическіе вопросы.

Въ эти годы онъ состоялъ, хоть и случайно, въ перепискѣ также съ Портаномъ, что́ видно изъ протоколовъ финляндскаго университета. Тамъ встрѣчается именно отъ 18-го марта 1777 г. параграфъ слѣдующаго содержанія: «Библіотекарь Портанъ заявилъ, что профессоръ химіи въ Петербургѣ Эрикъ Лаксманъ недавно выслалъ библіотекарю тунгузскій манускриптъ, доставшійся ему во время поѣздокъ его по азіатской части Русской имперіи, и что онъ полагаетъ употребить его лучше всего, предоставивъ храненіе его библіотекѣ Абоскаго университета. Затѣмъ библіотекарь предъявилъ манускриптъ этотъ на длинномъ, черномъ лоскутѣ бумаги въ 3 пальца шириною, исписанномъ бѣлыми тунгузскими письменами; профессоръ же Лаксманъ сообщаетъ, что онъ-де содержитъ одну изъ обыкновенныхъ молитвъ тунгузскихъ ламъ. Совѣтъ университета съ благодарностью принялъ эту присылку какъ выраженіе вниманія отъ проф. Лаксмана тому университету, гдѣ онъ нѣсколько времени обучался, и потому поручилъ библіотекарю письменно изъявить ему благодарность университетскаго совѣта». Въ тѣхъ же протоколахъ вскорѣ послѣ того, именно ноября 1777 г., выражена признательность университета Лекселю и Лаксману, которые «уже многократно изволили давать университету доказательства своего благосклоннаго вниманія». Это было по случаю подареннаго экземпляра ме-

дали юбилея Петербургской академіи, полученнаго неизвѣстно отъ котораго изъ этихъ двухъ знаменитыхъ земляковъ.

Посѣтимъ теперь музей Лаксмана, который уже съ давнихъ лѣтъ служилъ какъ бы средоточіемъ его ученой дѣятельности, всѣхъ его связей съ современною наукою и съ представителями ея. Мы можемъ посѣтить его въ сопровожденіи знаменитаго путешественника Ж. Бернульи[388]), который во время пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1777 г., между прочими замѣчательностями, описываетъ также «Die laxmannische Naturaliensammlung». Отчетъ, конечно, какъ и самъ авторъ сознается, весьма неполонъ, такъ какъ напр. зоологическій отдѣлъ музея съ насѣкомыми упоминается лишь мимоходомъ, а ботаническій отдѣлъ совсѣмъ не упоминается, — но какъ основанный на личномъ обозрѣніи, и за недостаткомъ болѣе подробныхъ описаній, онъ все-таки имѣетъ свою цѣну.

Бернульи разсказываетъ: «13-го августа утромъ я часа три пробылъ у господина профессора Лаксмана, который съ большою услужливостью и весьма наставительнымъ образомъ показалъ мнѣ бóльшую часть минералогическаго кабинета. Въ другое утро я разсматривалъ также его драгоцѣнную коллекцію раковинъ и прочихъ весьма рѣдкихъ произведеній природы. Я соединяю тутъ обѣ коллекціи, но долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразить сожалѣніе, что не сбылась надежда, поданная мнѣ господиномъ Лаксманомъ, на полученіе составленныхъ имъ самимъ свѣдѣній о замѣчательныхъ предметахъ его кабинета. Къ счастію, я самъ, при осмотрѣ, записалъ кое-что для памяти, не то—я могъ бы еще менѣе сообщить объ одной изъ прекраснѣйшихъ коллекцій въ Петербургѣ.

«Минералогическій отдѣлъ состоитъ не изъ однихъ сибирскихъ произведеній, хотя, конечно, господинъ Лаксманъ, во время своего пребыванія въ Барнаулѣ, имѣлъ случай запастись преимущественно изъ послѣднихъ отличными экземплярами, замѣчательно сгруппированными. Между золотыми штуфами изъ Колывани, серія т. н. *кубическихъ*, описанныхъ впервые аббатомъ Шаппомъ[389]), въ особенности поучительна. Самымъ нагляднымъ образомъ можно видѣть, какъ кубики, содержащіе колчеданъ, имѣютъ кварцеобразныя конкамераціи или діафрагмы, и

какъ они, когда колчеданъ вывѣтривается, образуютъ т. н. *пемзовые штуфы*; а потомъ, какъ эти постепенно опять наполняются твердымъ веществомъ.— Такая естественная операція происходитъ съ *мѣднымъ колчеданомъ* и съ *свинцовымъ блескомъ*, изъ котораго возникаетъ красивый красный *свинцовый шпатъ*, какъ это господинъ Лаксманъ доказываетъ такими же поучительными серіями; у него есть превосходные образцы краснаго свинцоваго шпата. Затѣмъ онъ показалъ мнѣ на *роговомъ камнѣ* процессъ *Luna cornua* или *Роговаго серебра*, о чемъ онъ подробно высказался въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ. Далѣе еще прекрасный столѣтній *золотой штуфъ* изъ Саксоніи, а также и другіе оттуда, какихъ болѣе не находятъ. — *Мѣдный шлакъ*, о которомъ какой-то чудакъ увѣрялъ, что можетъ выдѣлывать изъ него золото, и тѣмъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, порядочно нажился въ Петербургѣ.—Еще не описанная *цинковая обманка*.—Славный кусокъ *штихшпата*, и кромѣ того много другого.

«Кабинетъ раковинъ профессора Лаксмана не уступаетъ его минералогическому. Въ немъ находятся весьма красивыя и рѣдкія вещи: одинъ *Оберъ-адмиралъ*, 2 американскіе *Адмирала* и нѣкоторые другіе. Одна, сколько господину Лаксману извѣстно, еще не описанная свитокъ-улитка (voluta), бѣлая, а наверху и внизу имѣющая по двѣ полоски изъ черныхъ четвероугольниковъ. Одинъ *Неритъ*, цвѣтомъ и рисункомъ весьма сходный съ этимъ свиткомъ. Рѣдкій *Оранскій Флагъ*. Двѣ порядочныя *Улитковыя лѣстницы*, изъ которыхъ одна еще довольно хорошо сохранила свой природный цвѣтъ, что рѣдко приходится видѣть. Рѣдкій, и вѣроятно еще не описанный *Strombus*, съ длиннымъ, выходящимъ изъ отверстія кончикомъ. Большія *теребратулы*. Прекрасные черноустные *Семіалатры* и множество другихъ замѣчательныхъ предметовъ.

«Всѣ они красиво распредѣлены по мѣстамъ и, подобно штуфамъ, поставлены подъ хрустальными стеклами на подставкахъ. Всѣ насѣкомыя и птицы сохраняются подъ стекломъ въ видѣ развѣшенныхъ картинъ. И они достойны быть разсматриваемы продолжительнѣе, нежели это могъ сдѣлать я, и человѣкомъ болѣе свѣдущимъ».

Это сообщеніе даетъ намъ только общее и довольно поверх-

ностное понятіе о музеѣ Лаксмана и о его стараніяхъ вообще по естествознанію. Нѣкоторыя свѣдѣнія о части коллекцій, относящихся до фавны, были бы тѣмъ болѣе желательны, что онъ самъ, хотя спеціалистъ по энтомологіи, въ то же время оказывалъ такое усердіе и къ прочимъ отраслямъ зоологіи, что дома у себя держалъ живыхъ животныхъ, напр. въ эти годы ядовитаго *Coluber naia*, который, подъ его присмотромъ, сдѣлался вполнѣ ручнымъ [390]). Также оставляетъ насъ неудовлетвореннымъ и то обстоятельство, что не осталось никакихъ свѣдѣній о его гербаріѣ и о его заботахъ по садоводству: кромѣ писемъ его, часто затрогивающихъ эти предметы, видно изъ другихъ документовъ [391]), что онъ, единственно для удовлетворенія возникшаго уже съ молодыхъ лѣтъ рвенія къ занятіямъ по ботаникѣ, на Васильевскомъ островѣ нанялъ т. н. московскій архіепископскій домъ съ принадлежащимъ къ нему садовымъ мѣстомъ, которое до того времени обработывалось академіею, но которое она желала промѣнять на другое. Наконецъ, какъ намъ извѣстно, у него также была нумизматическая коллекція, но и объ ней Бернульи ничего не говоритъ.

Мы однакожъ основательно полагаемъ, что главная часть упомянутыхъ здѣсь коллекцій Лаксмана еще сохранилась. Когда онъ нѣсколько лѣтъ послѣ посѣщенія Бернульи выселился изъ Петербурга, то его ископаемыя и растенія были тамъ оставлены на храненіе, и наконецъ въ 1786 г., за 6000 рублей, куплены для Горнаго корпуса [392]). Первыя были присоединены къ минералогическому кабинету заведенія, послѣднія хранились въ его библіотекѣ. По слухамъ, гербарій еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія сохранялъ имя Лаксмана, когда былъ разсматриваемъ докторомъ Фуксомъ изъ Гёттингена, который получилъ изъ него драгоцѣнные матеріалы для описанія россійскихъ растеній.

Только что приведенное описаніе Бернульи, съ приложенной краткой біографіей [393]) Лаксмана, было не единственнымъ свидѣтельствомъ уваженія, какое оказывалось ему въ это трехлѣтіе. Уже въ 1776 г., вѣроятно вслѣдствіе повторенныхъ подарковъ его въ пользу шведскихъ публичныхъ учрежденій, Густавъ III пожаловалъ ему двѣ золотыя медали [394]), которыя король вно-

слѣдствіи, при посѣщеніи своемъ Петербурга, также далъ Лекселю и другимъ. Въ томъ же году онъ увидѣлъ имя свое въ большомъ ботаническомъ сочиненіи о путешествіи, изданномъ [395]) тогда спутниками Кука, обоими Форстерами, отцомъ и сыномъ, примѣненное къ отличному виду растенія *Laxmania* sp. *arborea* (естественнаго семейства *Ambrosiaceae*) и которое до нашего времени находилось только на островѣ Св. Елены. Одновременно также молодое, но полное жизни общество [396]) «Gesellschaft naturforschender Freunde» въ Берлинѣ приняло его въ свои члены, и съ участіемъ слѣдило за продолженіемъ обширнаго поприща его изслѣдованій. Онъ былъ также избранъ въ члены общества «Naturforschende Gesellschaft» въ Данцигѣ [397]) въ 1777 г., а 7 октября 1778 г. основаннаго Реціусомъ въ Лундѣ «Физіологическаго общества» [398]). Гаддъ въ Або съ этого времени неутомимо распространялся похвалами о заслугахъ, принесенныхъ Лаксманомъ посредствомъ богатыхъ посылокъ, то ботаническому саду университета, то плантаціи для иностранныхъ растеній [399]). Наконецъ и Бергіусъ посвятилъ изданную имъ въ 1778 г. большую Materia medica [399a]), между пр. «*Erico Laxman*, mineralogo illustri».

Въ ученыхъ кружкахъ Петербурга въ это время слава Лаксмана была въ своемъ зенитѣ, хотя и досадовали на то, что онъ ничего не публиковалъ. Онъ, кажется, очень интересовался задачею вышеупомянутаго академическаго комитета, хотя неизвѣстно, въ какой мѣрѣ участвовалъ въ предложеніяхъ, которыя были имъ по временамъ обнародуемы [400]). Починъ принадлежалъ его старому другу и доброжелателю, географу Бюшингу. При напоминаніи, во время встрѣчи въ Берлинѣ осенью 1776 г., о славѣ, которая можетъ достаться академіи въ Петербургѣ отъ изданія полнаго и подробнаго описанія русскаго государства, распорядительный Домашневъ не замедлилъ, какъ мы уже имѣли случай видѣть, къ юбилею академіи представить проектъ въ помянутомъ отношеніи.

Въ комитетъ, вслѣдствіе того назначенный подъ предсѣдательствомъ Домашнева, были избраны академики Румовскій, Палласъ, Гюльденстедтъ, Лаксманъ и Лепехинъ, адъюнкты Иноходцевъ и Георги, и академическіе учителя гимназіи, би-

бліотекарь Бакмейстеръ и Стриттеръ. Сверхъ того государственный исторіографъ Мюллеръ обѣщалъ свое совѣщательное содѣйствіе. Собранія, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, начались не ранѣе осени 1777 г., но съ того времени бывали почти каждую недѣлю. Программа часто была измѣняема, пока наконецъ не сошлись въ подробномъ мнѣніи, въ началѣ 1778 года представленномъ академіи, и подъ заглавіемъ «Prospectus d'une description générale topographique et physique de l'empire de Russie» оно вошло во 2-й томъ ея актовъ. Отдѣльныя части должны были обработываться отдѣльными членами, а потомъ распредѣляться по тремъ главнымъ группамъ: историческая подъ редакціею Стриттера, статистическая — Гюльденстедта, а физическая — Палласа.

Нельзя не считать весь обширный планъ преждевременнымъ: недостатокъ въ предуготовительныхъ трудахъ былъ очевиденъ. Изъ чего тогда еще состояла напр. географическая литература Россіи, которая однакожъ лучше всего была снабжена описаніями? — изъ нѣсколькихъ тощихъ описаній губерній, въ томъ числѣ и описанія Лаксманомъ Олонецкой губерніи, изъ начатой Бакмейстеромъ топографіи, изъ географическаго словаря Полунина и матеріала старѣйшихъ и новѣйшихъ академическихъ экспедицій, который Витенбахъ только что началъ собирать. Однакожъ центральныя части страны были еще весьма недостаточно изслѣдованы, астрономическихъ опредѣленій мѣстностей почти не было, и т. д. Мюллеръ начиналъ все болѣе сомнѣваться и совѣтовалъ отложить все предпріятіе, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нѣкоторыя изъ внутреннихъ провинцій не будутъ подробнѣе изслѣдованы. Съ его мнѣніемъ согласился и Бюшингъ [401]), наконецъ и вся академія. Однакожъ въ 1779 году, судя по экскурсіи, сдѣланной тогда Лаксманомъ и описанной въ слѣдующей главѣ, еще не вполнѣ отреклись отъ исполненія этого плана.

Мы должны однакожъ сознаться и прибавить, что въ цѣлости неодобренное предложеніе Домашнева принесло также свои полезные плоды тѣмъ, что оно непосредственно подало поводъ къ двумъ большимъ и очень просвѣтительнымъ сочиненіямъ, хотя и вышедшимъ частнымъ путемъ. Я разумѣю весьма похвальное,

во многихъ отношеніяхъ проложившее путь сочиненіе Палласа — «Nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung»[402]) и Георги богатое подробностями «Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des russischen Reichs, zur Übersicht bisheriger Kenntnisse von demselben»[403]). Намъ приходится упомянуть объ этихъ сочиненіяхъ, потому что въ первое входятъ разныя свѣдѣнія изъ изслѣдованій Лаксмана и также сужденія о нихъ, а второе, хотя по выраженію Бэра[404]) не болѣе какъ только компиляція, упоминается потому, что оно называетъ и перечисляетъ большую часть его коллекцій, и слѣдовательно они оба, каждое отъ себя, свидѣтельствуютъ о его содѣйствіи на томъ поприщѣ, къ которому относился Домашневскій комитетъ.

XVIII.

Годъ 1779.

Занятія при Академіи. Сношенія съ Кальмомъ, Гаддомъ, Бергіусомъ, Реціусомъ. Поѣздка къ Ильменю, къ истоку Волги, въ Москву, на Онегу, на Бѣлое море; описаніе въ «Kurzer Bericht» etc. и «Vorläufige Nachrichten von einigen Gebirgen» и т. д.

Лаксману и въ этомъ году ничего не пришлось издать, но онъ, не смотря на то, совсѣмъ не былъ бездѣятеленъ. Между тѣмъ какъ его педагогическая дѣятельность продолжалась, ему приходилось по временамъ заявлять свое мнѣніе о встрѣчавшихся при академіи научныхъ или практическихъ вопросахъ, которые не всегда были пріятнѣйшаго рода: примѣрно, когда весною 1779 г. онъ и комиссія были привлечены Домашневымъ къ отвѣтственности за вытекавшее хлѣбное вино изъ запасовъ лабораторіи,—мнѣніе по себѣ доказывающее, что химики академіи въ то время имѣли довольно затрудненій, не считая уже стремленія къ придиркамъ со стороны директора[405]). Главное время занимали однакожъ улучшеніе его коллекцій и происходившія отъ

того сношенія со многими. Въ особенности минералогія и геологія все болѣе дѣлаются его любимыми предметами. Судя по отзывамъ другихъ, онъ занимался этой спеціальностью въ большомъ объемѣ.

Во время совѣщаній помянутаго комитета и вѣроятно на основаніи проявившихся притомъ пробѣловъ въ топографіи Россіи, Лаксманъ рѣшался на болѣе подробное, преимущественно геогностическое изслѣдованіе внутреннихъ и сѣверныхъ частей государства. Какъ кажется, онъ по этому предмету предварительно испрашивалъ мнѣніе также стараго своего учителя Кальма въ Або, если судить по сообщенію, которое онъ 17 мая 1779 г. въ засѣданіи академіи сдѣлалъ изъ полученнаго отъ него письма[406]). Знаменитый путешественникъ и экономъ повѣствовалъ въ немъ о своихъ необыкновенно удачныхъ попыткахъ, подъ открытымъ небомъ въ Финляндіи выращивать привезенныя съ собою изъ сѣверной Америки растенія *Juglans alba*, *Prunus virginiana* и *Crataegus Crus galli*, а сверхъ того о наблюденіяхъ своихъ насчетъ желѣзныхъ рудниковъ въ мѣстности около Тулы, въ молодыхъ лѣтахъ имъ посѣщенныхъ во время путешествія въ Украйну. Когда намѣреніе Лаксмана было приведено къ окончанію, онъ привелъ въ порядокъ до поѣздки своей нѣкоторыя минералогическія посылки, назначенныя для Гадда въ Або, Бергіуса въ Стокгольмѣ и Реціуса въ Лундѣ; товарищемъ послѣдняго онъ недавно сдѣлался по тамошнему Физіографическому Обществу. Позднѣе весною онѣ отправлены Лекселемъ[407]).

Планъ путешествія, представленный Лаксманомъ академіи въ іюнѣ мѣсяцѣ, былъ одобренъ во всѣхъ отношеніяхъ, и секретарю поручено было на такомъ основаніи изготовить офиціальную инструкцію[408]). Послѣ посѣщенія истоковъ Ильменя и Волги, поѣздка должна была продолжаться до Онеги и Бѣлаго моря. Дѣйствительно, уже Леманъ въ 1767 г. изслѣдовалъ[409]) орiктографическія отношенія около Ильменя, но въ такое время года, когда снѣгъ и ледъ затрудняли наблюденія. Важнымъ казалось также продолжать изслѣдованія въ той мѣстности, откуда вытекаетъ Волга. Уже со времени Герберштейна и Кильбургера многіе, а также и недавно возвратившіеся члены академическихъ экспедицій[410]), обращали вниманіе на эту могучую

рѣку и на окрестности ея, но пока, и еще долго впередъ были въ неизвѣстности относительно, между прочимъ, ея истока. Еще менѣе была изслѣдована мѣстность вокругъ Онеги. Что касается наконецъ до пространства отъ Онеги къ Бѣлому морю и до береговъ его [411]), то, конечно, нуждались въ болѣе точномъ описаніи той мѣстности, чѣмъ то, которое ненадежнымъ Реновандемъ было издано въ 1768 году, тѣмъ болѣе, что Лепехинъ тогда еще не издалъ относящагося сюда отдѣла своего путеваго журнала; къ тому же онъ не былъ далѣе Двины и Архангельска, а Лаксманъ спеціально хотѣлъ прослѣдовать по водамъ, черезъ Вигъ впадающимъ въ море.

Хотя, конечно, можно было ожидать хорошихъ результатовъ отъ путешествія, сдѣланнаго по плану Лаксмана и совершоннаго съ его познаніями, но почти неожиданно случилось, что результаты эти только отчасти были опубликованы, и то не самимъ «лѣнивымъ писателемъ». Еслибъ это отъ него зависѣло, то, конечно, все бы такъ и осталось. Но когда онъ, около года послѣ возвращенія своего въ Петербургъ, опять переселился въ Сибирь, то Палласъ въ своихъ Nordische Beiträge [412]), подъ заглавіемъ «Kurzer Bericht von einer beinahe halbjährigen physikalischen Reise durch einige nordische Statthalterschaften des russischen Reichs», дозволилъ себѣ отпечатать представленный имъ академіи рапортъ о путешествіи, весьма вѣжливо въ примѣчаніи опасаясь, что въ противномъ случаѣ публика могла бы лишиться этихъ драгоцѣнныхъ извѣстій. Оттого и случалось часто, что, не замѣтивъ примѣчанія, приводили издателя какъ автора помянутаго сочиненія, которое, по своей области, несмотря на позднѣйшіе труды Озерецковскаго, Кампенгаузена, Севергина, Бергштрессера и Дашкова, еще нынѣ считается однимъ изъ главныхъ источниковъ. Только маленькій, относящійся сюда отрывокъ подъ названіемъ «Vorläufige Nachricht von einigen Gebirgen im europäischen Russland» былъ изданъ самимъ Лаксманомъ [413]). Рукописныя свѣдѣнія о произведеніяхъ природы, пріобрѣтенныхъ во время путешествія, находились кромѣ того въ его коллекціяхъ. Слѣдовательно, нѣтъ недостатка въ случайныхъ намекахъ, чтобы понять главную цѣль поѣздки, хотя задуманное описаніе ея подробностей и не осуществилось.

Снабженный всѣми инструментами, нужными для предполагаемыхъ изслѣдованій, Лаксманъ, въ сопровожденіи двухъ старшихъ своихъ сыновей, 17-го іюля послѣ обѣда отправился въ путь. Ближайшею цѣлью былъ Новгородъ, окрестности котораго обозрѣвались въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а потомъ путь продолжался, облегченный рекомендаціями намѣстника Ф. Сиверса, по Ильменю до юго-западнаго угла его. Мѣстность оказалась замѣчательною по солянымъ источникамъ у Мшаги и въ другихъ мѣстахъ, по заведеніямъ для обжиганія извести въ Сольцахъ у рѣки Шелони, по каменоломнямъ въ Коростинѣ и вообще по красивой природѣ своей. «Почва, пишетъ Лаксманъ, плодородна, значительные рѣки и ручьи, обширныя поля съ постепенно возвышающимися вершинами, прекраснѣйшіе лѣса со множествомъ дубоваго лѣса и миловидные луга очередуются постоянно, при чемъ поверхъ Сольцевъ ревущіе водопады украшаютъ видъ. Подобно тому, какъ въ южной Европѣ виноградное дерево возвышаетъ пріятность тѣнистыхъ рощей, здѣсь вездѣ вьется хмель около деревъ и кустарниковъ». Чума скота однакожъ ужасно свирѣпствовала въ этой мѣстности, и повсюду небрежно зарытыя тѣла животныхъ распространяли такую вонь, что оказалось почти невозможнымъ приближаться къ замѣчательнымъ дендритическимъ формаціямъ изъ известковаго мергеля у берега озера. Четыре дня были употреблены на разсмотрѣніе мѣстности около стараго, по солянымъ копямъ своимъ извѣстнаго города Старой-Русы, при впаденіи Полисты въ Ильмень, а потомъ 1-го августа путь былъ направленъ вверхъ противъ теченія Волги.

Переѣхали черезъ притоки Ильменя—Полисту и Ловать; прослѣдовали по берегу Полы до устья Явона. Здѣсь возвышаются огромныя разваливающіяся массы флецовыхъ породъ Валдая, тянущагося на югъ и востокъ отъ Ильменя, лукообразно отъ Сольцевъ почти до Тихвина, и образуютъ межевую линію тѣхъ водъ, которыя съ одной стороны текутъ внизъ къ Финскому заливу и къ Ладогѣ, а съ другой къ морямъ Каспійскому и Черному. У подошвы его вытекаютъ богатые соляные источники изъ-подъ известковаго и мергельнаго слоя, на которомъ лежатъ полукруглыми холмами песокъ, глина и гра-

нитные валуны. Между крутыми берегами несется Явонъ, судоходный на довольно большомъ пространствѣ, гдѣ съ уединеннаго холма Демьянова городища ежегодно отправляютъ болѣе 30 барокъ съ горшечнымъ товаромъ [414]). Вслѣдствіе интереса, представляемаго мѣстностью, употреблена цѣлая недѣля на поѣздку къ большому монастырю Нилова пу́стынь [415]), къ городку Осташкову и къ озеру Селигеру. Здѣсь были производимы метеорологическія и другія наблюденія до 13-го августа.

Отъ Осташкова повернули къ истокамъ Волги и по ея верхнему теченію проѣхали до Старицы, съ остановками во Ржевѣ-Владиміровѣ и въ Зубцовѣ. Физически замѣчательная природа, но совершенно иная, нежели въ окрестностяхъ Ильменя. Известковый флецъ, заключающій агаты, лежитъ здѣсь не глубоко и встрѣчается въ бо́льшемъ изобиліи. Прекрасныя окаменѣлости отъ сѣвернаго конца Селигера у Полонова замѣняютъ раковины; красивыя, многоцвѣтныя породы кремня, въ особенности около Вазузы [416]), замѣняютъ гранитъ между валунами и въ руслахъ рѣкъ; толща земли, зернистый песокъ, глина, трипель, мергель и др. указываютъ на періодъ болѣе древній, чѣмъ наводненіе, давшее вѣроятно Новгородской губерніи строеніе ея. „Земля хорошо обработана; многочисленныя имѣнія дворянъ украшаются прекрасными видами, парками, садами и красивыми постройками.

22-го августа покинули Волгу у Старицы, гдѣ кончается чрезвычайно высокій берегъ, состоящій изъ бѣлаго туфа [417]). Поперекъ начинающейся здѣсь низменной страны поворотили черезъ Ярропольцъ, Волоколамскъ и Воскресенскій монастырь къ Москвѣ. Известковый флецъ продолжается на этомъ пространствѣ волнообразными возвышеніями, пониженіями и склонами; почва плодоносна и напоминаетъ о Воронежѣ. Также и другое, менѣе пріятное знакомство Лаксману пришлось возобновить. «Я нашелъ, пишетъ онъ, маленькаго, дерзкаго, изъ Китая черезъ Сибирь ввезеннаго коричневатаго жука [418]) въ каждомъ домѣ, и кажется, онъ въ скоромъ времени сдѣлается народнымъ бѣдствіемъ». Доѣхавъ до Москвы, онъ оставался тамъ съ промежуточными экскурсіями, какъ по Тульской, такъ и по Коломенской дорогѣ, до 6-го сентября. На этомъ мѣстѣ оста-

новки и поворотномъ пунктѣ путешествія, онъ вспоминаетъ о пространствѣ имъ посѣщенномъ, говоря притомъ:

«Вся окрестность и вся горная высота, древними географами названная Алаунскими горами (Mons Alanus), весьма ясно оказывается произведеніемъ насильственныхъ наводненій [419]). Повсемѣстный здѣсь до изумленія известнякъ, составляющій какъ бы подпочву, тянется безпрерывно черезъ всю мѣстность; онъ не принадлежитъ къ древнимъ горнымъ породамъ, а составляетъ лишь туфъ, нанесенный моремъ, и обязанъ своимъ существованіемъ поломаннымъ и раздробленнымъ морскимъ продуктамъ. Ошибусь ли я очень, если представлю себѣ, что прекрасная низменная страна, составляющая Россію, Польшу и сѣверную Германію, раньше служила дномъ для части океана, для многихъ его заливовъ, или озеръ...., если стану увѣрять, что горный хребетъ Скандинавіи, на подобіе подковы, прежде былъ островомъ, и что океанъ волновался надъ всей Россіею до подошвы Урала, Кавказа и нѣмецкихъ горныхъ хребтовъ; если скажу: въ этомъ океанѣ были мели, отмели, невысокія скалы и плоскіе острова, и на нихъ яростныя волны выбрасывали добычу моря и переполняли этими отбросами высокій флецъ, тянущійся почти прямо отъ подошвы Карпатовъ до подошвы Урала и отъ юго-запада до сѣверо-востока черезъ всю Польшу и Россію, и такимъ образомъ отдѣлившій и образовавшій Черное и Каспійское моря и Аральское озеро, которыя до потопа Девкаліона составляли одну лишь водную массу? Наводненія, да морскія теченія именно и образовали высоты, давшія направленіе Днѣстру, Днѣпру и Дону къ Черному, Волгѣ къ Каспійскому, Сѣверной Двинѣ къ Бѣлому, многимъ валдайскимъ рѣкамъ, Западной Двинѣ и многимъ нѣмецкимъ рѣкамъ къ Балтійскому морю?»

Отъ Москвы отправились къ сѣверу, обратно черезъ Тверь, гдѣ были осмотрѣны каналы, соединяющіе Каспійское море съ Балтійскимъ, и были сдѣланы экскурсіи вокругъ Тверцы, въ минералогическомъ отношеніи весьма замѣчательнаго притока Волги, а потомъ направились черезъ Торжокъ и Вышній-Волочокъ. У этого города достигли рѣки Мсты, по которой отправились въ лодкѣ, а потомъ сухимъ путемъ до почтовой станціи Бѣлой, откуда рѣка въ западномъ теченіи поворачиваетъ къ

Ильменю. У Мсты известковый флецъ до Потерпельца оказался такого же свойства, какъ у Волги, и составляетъ часто русло рѣки; но кремнистые камни уже встрѣчались не такъ изобильно, а за то гранитъ почаще. Во флецѣ было много сѣрнаго колчедана, купороса и квасцовой земли, каменнаго угля[420]), желѣзной руды, свинцоваго блеска и прекрасныхъ образцовъ окаменѣлаго дерева. — По мнѣнію Лаксмана, вывѣтрившійся слой колчедана у Потерпельца прежде горѣлъ, отчего произошли углубленія, впослѣдствіи наполнявшіяся водою и сдѣлавшіяся маленькими, изобилующими рыбою, озерами. Огонь, вѣроятно, былъ очень силенъ, потому что желѣзистыя части колчедана совершенно разложились и расплавились отчасти въ рыхлый, отчасти въ твердый желѣзнякъ, не обнаруживая и слѣда явленій, встрѣчающихся у огнедышущихъ горъ. Напротивъ, все дно этихъ озеръ состоитъ изъ желѣзняка, изъ котораго можно бы получать порядочное желѣзо. Вообще состояніе почвы остается одинаковымъ отъ Мсты до Свири или почти до устья рѣки Онеги.

Изъ Бѣлаго (Бѣльскаго) Лаксманъ отправилъ сыновей своихъ съ коллекціями прямо въ С.-Петербургъ[421]). Самъ онъ поѣхалъ въ болѣе легкомъ экипажѣ, пріобрѣтенномъ уже въ Боровичахъ, по неслыханно неровной и каменистой почвѣ, въ Тихвинъ на Сяси, черезъ Свирь, Пашъ и Оять въ Олонецъ, послѣ чего онъ достигъ Шуи и Петрозаводска 4-го октября, слѣдовательно почти черезъ мѣсяцъ по оставленіи имъ Москвы. Пока дѣлались приготовленія къ поѣздкѣ по озеру Онегѣ, была изслѣдована окрестность около Петрозаводска. Протекающая черезъ городъ Лососинка[422]) хвалится за ея пригодность для учрежденія на ней чугунно-плавильныхъ заводовъ, какихъ тамъ тогда уже было три. Экскурсія, главнымъ образомъ предпринятая по водянымъ системамъ до мѣднаго завода Кончозерскаго[423]), стоявшаго въ бездѣйствіи по недостатку работниковъ, представляла удобный случай къ изученію интересныхъ горныхъ формацій и вмѣстѣ съ тѣмъ дала богатую добычу минераловъ изъ старыхъ рудниковъ.

Наконецъ 16-го октября утромъ все было готово для поѣздки по озеру Онегѣ. Объ этой поѣздкѣ мы съ бо́льшимъ

удовольствіемъ предоставляемъ разсказывать Лаксману собственными словами, такъ какъ онъ еще и теперь единственный повѣствователь относительно многихъ подробностей по описанію того края. «Я ѣхалъ, говоритъ онъ, по западному берегу Онеги до сѣвернаго конца озера. Весьма замѣчательно, что озеро въ большинствѣ мѣстъ имѣетъ бо́льшую глубину, нежели Бѣлое море: за большимъ островомъ Климентскимъ къ югу, оно почти вездѣ болѣе 80, и даже до 100 саженъ глубиною[424]). Древняя сѣверная горная гряда оканчивается на юго-востокѣ помянутымъ островомъ и состоитъ, отъ залива Пергубы (въ самомъ внутреннемъ концѣ озера), только изъ древняго черноватаго сланца съ примѣсью известняка, пересѣкаемаго многочисленными рудными жилами. Къ сѣверо-востоку эта древняя горная гряда продолжается черезъ озеро до Пельмы, и черезъ истоки верхняго Вига до устья рѣки Онеги, гдѣ она главнымъ образомъ состоитъ изъ серпентиноватыхъ скалъ, налегающихъ на гранитѣ. Трудно вообразить себѣ, какъ живописно красивы виды, начиная отъ острова Климентскаго[425]). Этотъ большой островъ, имѣющій около 30 верстъ въ длину, на которомъ находятся 33 деревни и 1,033 жителей мужескаго пола, лежитъ у южнаго конца архипелага изъ 200, большею частью маленькихъ острововъ, изъ которыхъ на 7 по счету оказалось 22 деревни съ 748 жителями мужескаго пола; чередуясь съ красивыми полями и лугами, видны здѣсь хвойные, березовые и густые липовые лѣса, крутыя горы, голые утесы и холмы. Черный, мелкозернистый, траповидный сланецъ, всѣхъ степеней твердости отъ яшмы до мѣлу, составляетъ пріятную противоположность бѣлому, мраморообразному известняку, который встрѣчается мѣстами, но преимущественно на Оленьемъ островѣ. Этотъ известнякъ перевозится черезъ озеро до Петрозаводска для зданій и плавильнаго завода.

«Эта же траповидная сланцовая гряда горъ содержитъ въ себѣ древнѣйшій и самый глубокій мѣдный рудникъ во всемъ Русскомъ государствѣ, именно Фоймагубскій[426]), который уже въ прошедшемъ столѣтіи простирался глубже 60 саженъ отвѣсно; въ немъ твердая сѣроватая мѣдная стекловатая руда, вырабатывалась по старому способу посредствомъ огня. Я

осматривалъ этотъ замѣчательный рудникъ 20-го октября и нашелъ его расположеннымъ въ романтичнѣйшей мѣстности, которая болѣе множества другихъ достойна кисти художника. Этотъ рудникъ, древнѣйшій во всемъ государствѣ, находится на вершинѣ одной изъ высочайшихъ горъ въ сѣверной цѣпи; вершина ея возвышается надъ поверхностью озера Онеги по крайней мѣрѣ на 60 саженъ. Эта скалистая гора на столько крута, что съ большимъ трудомъ и не безъ опасности можно взлѣзть на нее. Впрочемъ, окрестная мѣстность украшается множествомъ рыбныхъ озеръ, рѣчекъ, ручейковъ, водопадовъ, острововъ, лѣсовъ, долинъ и деревень. Видъ со скалы прелестенъ; къ востоку можно было обозрѣть два озера, именно заливъ Толва и само озеро Онега, а къ юго-востоку взоры тонутъ въ обширности этого озера. Старая мѣдиплавильня, отстоявшая на одну версту отъ рудника, теперь на столько неузнаваема, что едва мѣсто можно отыскать. Если судить по шлаку, кажущемуся слишкомъ красноватымъ, то плавка была нельзя сказать, что хороша. — Озеро въ этой мѣстности такъ обильно рыбою, что на одномъ островѣ Мягѣ во время осенняго мѣсяца ряпушку и сиговъ ловятъ пятьюстами неводовъ.

«Чтобы надлежащимъ образомъ осмотрѣть скалистыя, но прекрасныя мѣстности, я поѣхалъ верхомъ 21-го октября по Путкозеру до Шунги, значительнаго села, расположеннаго на островѣ, въ концѣ этого озера, имѣющаго въ длину болѣе двадцати верстъ. Тутъ древній черный сланецъ, занимающій все пространство отъ Климентова острова, во многихъ мѣстахъ мягокъ, какъ мѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ большею частью богатѣйшія мѣсторожденія купороса и квасцовъ. Это открытіе потому мнѣ было пріятно, что этимъ я доставляю мыслящимъ минералогамъ случай не всегда искать соли и каменнаго угля во флецовыхъ горахъ».

И поѣздку къ Бѣлому морю слѣдуетъ описать собственными словами Лаксмана. «Я отправился отъ устья рѣки Путки черезъ озеро Онегу, имѣющее здѣсь ширины верстъ 20, и присталъ къ берегу у Пигматки, въ гавани Раскольниковъ, живущихъ у рѣки Вига, въ мѣстности, называемой на картахъ то Тесмагою, то Тимагою. Здѣсь почва уже имѣетъ совер-

шенно иной видъ. Миловидность горъ, разнообразіе, вся тихая прелесть кончились вмѣстѣ съ западною окраиною озера. Песчаная, почти гладкая равнина, покрытая умѣреннымъ лѣсомъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ хвойныхъ деревьевъ, заключающая множество болотъ и озеръ, распространяется до рѣки Онеги. Гранитныя скалы встрѣчаются въ песчаной пустынѣ лишь въ видѣ валуновъ. Едва замѣтно текущія рѣки разливаютъ коричневую воду свою между низменными, топкими берегами; только у водопадовъ, возникающихъ у незамѣтныхъ уступовъ этой мѣстности, видны голыя серпентинныя скалы, единственная каменная порода среди дресвы. Эти большею частью величественные естественные каскады, низвергающіеся золотистою пѣною, кажется, и созданы Всеблагимъ Творцемъ для того, чтобы пріятнымъ разнообразіемъ украшать это, впрочемъ, такъ однообразное уединеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро путешественникъ заслышитъ ревъ водопада, то можетъ разсчитывать на прекрасные виды.

«Между Онегою и верхнею рѣкою Вигъ, раскольничья деревня Тихвинскій боръ или скитъ, въ которой находятся двѣ большія часовни на подобіе церквей, имѣетъ очень красивое мѣстоположеніе. Дома разсыпаны около трехъ вблизи другъ къ другу лежащихъ маленькихъ озеръ, между холмами и мысами. Быстро текущій ручей Стемена, соединяющій озера, обтекаетъ всю мѣстность, образуетъ множество ревущихъ водопадовъ и маленькихъ островковъ, какіе также находятся и на озерѣ, и придаетъ деревнѣ видъ китайскаго сада.

«Первый снѣгъ показался 21-го октября и шелъ весь слѣдующій день. Дорога сдѣлалась такою скользкою, что я едва въ сумерки доѣхалъ до главнаго мѣста раскольниковъ — Данилова скита[427]), на берегу рѣки Вигъ. Мѣстоположеніе не изъ привлекательныхъ. На низкой равнинѣ, у рѣки, саженъ 60 шириною, лежатъ двѣ деревни, окруженныя деревяннымъ заборомъ. Въ сѣверной живутъ около 300 мужчинъ, а въ южной, называемой скотнымъ дворомъ, около 500 женщинъ, которыя почти всѣ дѣвушки. Четыреугольный, густой еловый боръ, саженъ 50 шириною, отдѣляетъ одно село отъ другаго, а управляютъ ими немногіе лицемѣрно-человѣколюбивые старики совершенно по своему произволу.

«Въ слѣдующіе два дня (23-го и 24-го октября) я ѣхалъ отчасти въ лодкѣ, отчасти верхомъ внизъ по рѣкѣ [428]), которая, за исключеніемъ водопадовъ, вообще болѣе полуверсты шириною и походитъ на озеро. 25-го октября я отправился черезъ озеро Вигъ, имѣющее 60 верстъ длины, и вечеромъ доѣхалъ до замѣчательнаго Воицкаго золотого рудника [429]). Въ продолженіе дня озеро замерзло и надо было разламывать ледъ на пространствѣ болѣе шести верстъ»... Древняя горная порода, верхнія части которой обнажены водопадами верхняго Вига, и которая вѣроятно уже у рѣки Онеги значительно опустилась подъ слой соляныхъ источниковъ, еще не была замѣтна у Вигъ-озера; и почти 400 большихъ и меньшихъ острововъ состоятъ главнымъ образомъ изъ округленныхъ гранитныхъ валуновъ. Только у западнаго и юго-западнаго берега этого озера возвышаются траповыя и серпентинныя горы, образуя умѣренные рифы и горки. Имѣющій версты двѣ въ длину, и простирающійся съ сѣвера на югъ Воицкій мысъ, получившій свое названіе отъ перваго и величайшаго водопада, на нижней рѣкѣ Вигѣ, состоитъ изъ кварцеватаго гнейса, на которомъ наслоились серпентинъ и породы траповаго сланца, и перекрещивается множествомъ кварцевыхъ жилъ, идущихъ съ востока на западъ и падающихъ къ сѣверу наклонно, которыя почти всѣ такого же свойства, какъ и замѣчательная золотоносная жила, которая была открыта въ 1739 г. [430]) крестьяниномъ Тарасомъ Антоновымъ, и замѣчательна массивными и роскошными золотыми штуфами, изъ нея полученными. Снѣгъ нѣсколько препятствовалъ болѣе подробному изслѣдованію этой замѣчательной мѣстности. Позади текущей близко отъ рудника рѣки Вигъ, никогда не замерзающей и потому доставляющей весьма любимое мѣстопребываніе для водяныхъ птицъ, гора тянется параллельно съ вышеупомянутою, но покрывается серпентиномъ и траповыми слоями, въ которыхъ перекрещиваются безчисленныя рудныя жилы, а потому и не обѣщаетъ хорошаго рудокопства.

«30-го октября продолжалъ я поѣздку до Бѣлаго моря водою по нижнему теченію рѣки Вигъ, имѣя предъ глазами большею частью гору изъ серпентиновидной породы внизъ до быстраго водопада Палогорга [431]). Тутъ начинаетъ показываться гранитъ, но

онъ такой мелкозернистый, что нуженъ привычный глазъ, чтобъ отличить его отъ серпентинныхъ породъ. Мѣстности здѣсь гораздо красивѣе, нежели у верхней рѣки Вигъ, мѣстами даже довольно живописны. У деревни Вигъ-острова гранитъ уже весьма крупнозернистъ, особенно въ той мѣстности, гдѣ низвергается роскошный водопадъ Золотецъ, раздѣляющійся на три рукава. Имя это происходитъ отъ массивнаго гранитнаго блока, находящагося среди самаго западнаго и большого рукава рѣки, надъ которымъ золотоцвѣтная вода образуетъ высокую оранжевую пирамиду, на подобіе сахарной головы, въ честь которой падкій на золото полковникъ Масловъ предпринялъ весьма затруднительную поѣздку, потому что одинъ крестьянинъ разсказалъ ему, что камень этотъ состоитъ изъ чистаго золота. 1-го ноября окончилась моя пріятная поѣздка по Вигу, и вечеромъ достигнутъ былъ погостъ Сорока, расположенный на островѣ, образуемомъ рѣкою при впаденіи ея въ Бѣлое море».

Прежде чѣмъ будемъ слѣдовать далѣе за Лаксманомъ, прибавимъ тутъ маленькое дополненіе изъ его уже названныхъ нами «Vorläufige Nachrichten», для болѣе подробнаго объясненія минералогическихъ свѣдѣній при описаніи сдѣланнаго имъ переѣзда. Обнаруживающійся у Мсты известковый флецъ, говоритъ онъ, продолжается безъ замѣчательной перемѣны до рѣки Свири и почти до устья рѣки Онеги, гдѣ вытекаютъ богатыя соляныя источники Пегельская, Клечкова, Турчасовка, Владизнай и др. У нижней части рѣки Вигъ, вблизи могучаго водопада Маткошны, гранитъ только показывается, а нѣсколько далѣе онъ составляетъ единственную горную породу. Удовольствіе, послѣ многихъ лѣтъ опять имѣть случай осматривать первобытныя формаціи гранита, увѣряетъ онъ, сдѣлало для него ѣзду по этимъ дикимъ водамъ въ такое позднее время года, подъ 65-мъ градусомъ, весьма пріятною[432]). «Меня удивляетъ, восклицаетъ онъ, что великіе люди науки въ гранитѣ не нашли ничего стройнаго, а только одинъ безпорядокъ[433]). Я съ своей стороны полагаю, что нашелъ въ немъ и жилы, и прожилки. До сего еще никто глазами минералога не разсматривалъ ломней слюды, изъ которыхъ получается т. н. русское стекло. Воображали себѣ, что эта каменная порода является только въ запутанныхъ гнѣз-

дахъ, а между тѣмъ она является въ правильныхъ жилахъ, въ чемъ я имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться, какъ на Алтайскихъ снѣжныхъ горахъ, такъ и на скалахъ Бѣлаго моря».

У Бѣлаго моря Лаксманъ оставался отъ 1-го до 26-го ноября, какъ для изслѣдованія[434]) береговъ и находящихся при нихъ острововъ, такъ и въ ожиданіи санпаго пути. Въ заливѣ у Сороки осмотрѣна была ловля сельдей. Хотя рыба здѣсь гораздо мельче, нежели въ Кеми и Анзерскѣ (одномъ изъ острововъ Соловецкаго монастыря) и едва ли больше чѣмъ въ Балтійскомъ морѣ, но гораздо лучшаго качества, нежели кемская. Ловля производится, до замерзанія залива, маленькими неводами въ 15 саженъ окружностью; однакожъ она такъ обильна, что въ одну тоню наполняются отъ 15 до 25 лодокъ. Когда озеро покрыто льдомъ, всю зиму употребляются сѣти. Отъ Сороки 3—6 ноября сдѣлана была экскурсія въ Кемь, мимо рѣки Шуи, мыса Выгнаволокъ и Кималиша. Въ послѣднихъ мѣстахъ гранитъ часто встрѣчается начиненнымъ гранатами и красивымъ зеленымъ, шпатовиднымъ шёрломъ въ жилахъ чешуйчатой, черной слюды. Эта поѣздка едва не стоила жизни любопытному наблюдателю. Онъ самъ разсказываетъ о томъ: «5-го числа я имѣлъ несчастіе передъ устьемъ Шуи, около одной версты отъ берега, провалиться сквозь ледъ, такъ что съ большимъ лишь трудомъ спасся изъ воды[435]), имѣвшей глубину болѣе чѣмъ въ двѣ сажени, и въ четырехъ саженяхъ отъ моей лодки. По миновапіи опасности, я долженъ былъ, совершенно мокрый, провести болѣе двухъ часовъ на морозѣ, пока не дошелъ до скалы Павнаволокъ, въ 15-ти верстахъ оттуда. Здѣсь я велѣлъ затопить печку въ находящейся тамъ рыбачьей хаткѣ, и долженъ былъ ждать, пока густѣйшій дымъ не разошелся, и лишь потомъ былъ я въ состояніи вползти туда и высушить мое платье».

На слѣдующій день послѣ этого приключенія, достигли до значительнаго мѣстечка Кемь, расположеннаго у рѣки того же имени. Передъ деревнею, на островѣ среди рѣки, стоитъ старая, обветшалая деревянная крѣпость. Не доходя восьми верстъ до устья, посѣтили скалистый островъ Наумиха, у котораго ловятся большія сельди, и гдѣ прежде находилась сельдяная контора. По близости лежатъ острова Поповъ островъ и Кузава

съ хорошими гаванями даже для величайшихъ кораблей[436]). Не представлялось случая проникнуть дальше къ сѣверу, почему и была предпринята обратная поѣздка до Сороки, гдѣ Лаксманъ присталъ къ берегу 9-го ноября вечеромъ.

Уже на слѣдующій день сдѣлана была новая экскурсія, на этотъ разъ къ востоку. Не было однакожъ возможности отправиться дальше, чѣмъ до Сумскаго острога, расположеннаго по обѣимъ сторонамъ рѣки Сумы въ трехъ верстахъ выше ея устья. Въ этомъ мѣстѣ, состоящемъ изъ 200 домовъ, живетъ зимою архимандритъ Соловецкаго монастыря. Главная тамошняя особа, послѣ него, въ это же время года — соляной комиссаръ, имѣющій надзоръ за 44 мѣстными солеварнями, устроенными у берега рѣки, въ которыхъ неградированная морская вода, къ большому ущербу для маленькихъ, медленно растущихъ лѣсовъ, вывариваетcя въ довольно нечистую соль. При минералогическихъ изслѣдованіяхъ на островахъ Тунисѣ и Молчановѣ и на скалѣ Рислуда оказалась черная слюда жилами въ большихъ листахъ, прорѣзывающаяся изъ чистѣйшаго полеваго шпата, который составляетъ здѣсь главную составную часть гранита и могъ бы доставлять прекраснѣйшее петунце для фаянсоваго завода. Въ сланцовомъ камнѣ оказались кристаллическій, черный шерлъ и полевой шпатъ опаловаго цвѣта, чешуйчатаго, темносѣраго вида.

Въ ожиданіи санного пути, Лаксманъ оставался въ Сумскомъ острогѣ двѣ недѣли, или до 26-го ноября. Вмѣсто дороги, по которой онъ пріѣхалъ, для возвратнаго пути былъ выбранъ болѣе восточный путь, а именно черезъ Вопцъ, Вигозерскій, Телакину, По́вѣнецъ, Пергубу и Шунги до Петрозаводска[437]). Для собранія разныхъ необходимыхъ свѣдѣній, онъ оставался въ этомъ городѣ до 17-го декабря. За нѣсколько дней передъ Рождествомъ, онъ наконецъ былъ дома у себя въ С.-Петербургѣ.

XIX.

1780 годъ.

Коллекціи изъ послѣдней поѣздки. Сношенія съ Гаддомъ, Ґеленіусомъ, Алліони, Леске. Сочиненіе «Bemerkungen über das nordische Gebürge», изданное по поводу посѣщенія академіи императоромъ Іосифомъ II. Лаксманъ произведенъ въ горные совѣтники въ Нерчинскѣ. Отношенія его къ окружающимъ его при академіи, въ особенности къ Лекселю. Предложеніе, касающееся горнаго дѣла въ Нерчинскѣ.

По возвращеніи Лаксмана въ Петербургъ, его ожидало множество трудовъ. Первымъ дѣломъ онъ былъ обязанъ представить обычный докладъ академіи о поѣздкѣ, произведенной на ея счетъ. Содержаніе извѣстно изъ предыдущаго. Затѣмъ надлежало подробнѣе осмотрѣть привезенныя естественныя произведенія, опредѣлить ихъ и раздѣлить для музеевъ и тѣхъ многихъ, отъ кого онъ получалъ подобные предметы въ обмѣнъ. Подробности этого матеріала нигдѣ не исчислены, но изъ сопоставленія случайныхъ замѣчаній можно получить приблизительное понятіе по крайней мѣрѣ объ основной части его, т. е. минералогической. Свѣдѣнія объ этомъ сообщаетъ преимущественно Георги[438]), а потому нечего опасаться, чтобъ о Лаксманѣ было упоминаемо слишкомъ часто, или по поводу чего-либо такого, что́ уже прежде находилось въ петербургскихъ коллекціяхъ.

Между земляными и каменистыми породами, имъ собранными во время этой поѣздки, преимущественно въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ и потомъ имъ распредѣленными въ С.-Петербургѣ, упоминаются спеціально: *песчаный мергель, красный, рыхлый*, взятый у верхней Волги близъ Ржева-Владимирова; *кварцъ, зеленоватый, плывучій* и *темнобурый* изъ (олонецкихъ) карельскихъ горъ; *полевой шпатъ, свѣтлозеленый, ромбическій* въ гранитѣ у Онеги; *сталактитовая вакка*, колющаяся, съ желѣзными гранатами, во многихъ мѣстностяхъ олонецкихъ горъ и у Кеми; *серпентинъ*, черноватая горная порода и промытая руда въ олонецкихъ горахъ; *роговой сланецъ*, черноватый, твердый, часто съ примѣсью извести, большею

частью вмѣстѣ съ известнякомъ, горная порода, встрѣчающаяся во многихъ мѣстахъ олонецкихъ горъ и на Климентовомъ островѣ Онеги, а съ квасцами и купоросомъ на островѣ въ Путкозерѣ; *роговой камень* (Hornfels), темнозеленый изъ роговой обманки съ горнымъ льномъ и гранатами въ Олонцѣ у озера Сандала, и съ гнейсомъ да известнякомъ или слюдянымъ сланцомъ у Ладоги; *трапы* съ шёрломъ, кристаллическимъ полевымъ шпатомъ, кварцемъ, колчеданомъ и охрою, на островѣ Лишмѣ озера Сандала и во многихъ мѣстахъ олонецкихъ горъ, *пробирный камень* у Архангельска въ булыжникахъ, а въ олонецкихъ горахъ вмѣстѣ съ аспиднымъ камнемъ; *асбестъ*, коричневый, черноватый и темнозеленый, незрѣлый, въ олонецкихъ горахъ, въ траповой породѣ; *гранителло* или мелкозернистый гранитъ, со многими варіаціями зерна и цвѣта у Онеги, Вига и его водопада; *гранитъ* съ шёрломъ и гранатами, у Кеми и Бѣлаго моря; *полугранитъ* или простой гранитъ съ кварцемъ и слюдою—горная порода, встрѣчающаяся въ финляндскихъ горахъ и въ другихъ мѣстностяхъ; *гнейсъ*, крупнозернистая порода изъ кварца и черной слюды, граната и шёрла, въ олонецкихъ горахъ у Вига и у Бѣлаго моря; крупнолистоватая и мелколистоватая *желѣзная слюдка* съ роговымъ камнемъ, трапомъ, кварцемъ, полевымъ шпатомъ, известковымъ шпатомъ и желѣзнякомъ, въ окрестностяхъ Олонца, въ горахъ у Умбы, Войца, Пергубы, Узомскаго волока; *желѣзная слюдка* съ желѣзными гранатами въ финляндскихъ горахъ, съ асбестомъ у Умбы, съ мѣдною зеленью въ олонецкихъ горахъ; *купферникель* во многихъ рудникахъ олонецкихъ горъ, колчеданистый въ жилахъ этихъ горъ; известковые *кораллиты* разныхъ родовъ съ морскими продуктами, въ Волконскомъ лѣсу, у Ловати, у озера Селигера и у истоковъ Волги; агатизированные *кораллы* и другія морскія произведенія у Волги и Ржева-Владимірова, также и у Бѣлаго моря.

Изъ новыхъ пріобрѣтеній отправлены вскорѣ опять новые дары къ спеціалистамъ въ Финляндію и Швецію. Между прочими учеными заявленіями о томъ читаемъ въ письмѣ отъ Гадда изъ Або къ Варгентину въ Стокгольмъ 1780 $\frac{26}{1}$: «P. S. Почтеннѣйшій мой доброжелатель, обрадуйте меня, какъ можно скорѣе, извѣстіемъ, что ящики, высланные мнѣ проф. Лаксма-

номъ, находятся въ надежномъ храненіи. Онъ говоритъ, что въ уплату его давнихъ долговъ (нечетко написано: молодости?) онъ теперь выслалъ ко мнѣ ящикъ съ минералами, болѣе двухъ пудовъ вѣсомъ, при чемъ и Реціусу посланы тоже два ящика. Добрѣйшій другъ мой, вели же сохранить ихъ до весны, чтобъ ихъ не разграбили... Русскій министръ очень заботится объ улучшеніи хозяйства страны; эти варвары считаютъ естественную исторію въ высшей степени нужною. Лаксманъ получаетъ отъ императрицы ежегодно по 2,000 рублей, чтобы для естествознанія совершать поѣздки по государству; въ прошлое лѣто онъ былъ въ губерніяхъ: Архангельской, Новгородской, Псковской и Тверской. Если господинъ Тунбергъ будетъ издавать свою поѣздку въ Японію [439]), то Лаксманъ изъявляетъ готовность пріискать человѣка, который въ Петербургѣ постарался бы объ изданіи нѣмецкаго перевода, такъ чтобъ это описаніе поѣздки могло печататься на нѣмецкомъ языкѣ въ то же время, какъ и на шведскомъ.

Вообще, какъ и можно было ожидать, съ возрастающею славою Лаксмана распространялись все болѣе и его ученыя сношенія. На родинѣ своей онъ въ это время лишился многолѣтняго корреспондента: Кальмъ $\frac{5}{16}$-го ноября 1779 года скончался, — именно въ тотъ самый день, когда и жизнь Лаксмана самого была въ опасности на волнахъ Бѣлаго моря; но преемникъ Кальма по должности, Геленіусъ, не преминулъ занять мѣсто покойнаго и въ отношеніи къ Лаксману, который 30-го марта 1780 года уже имѣлъ случай доложить академіи [440]) о коллекціи сѣмянъ, полученной отъ свѣдущаго финскаго ботаника, и еще 16 лѣтъ послѣ того продолжались сношенія между ними. О другой коллекціи весьма рѣдкихъ сѣмянъ, поступившей къ нему и въ академію, упоминаетъ 1-го мая того же года г. Алліони въ Туринѣ [441]). Лишь нѣсколько мѣсяцевъ позже, именно въ августѣ, увеличились его сношенія съ Германіею: онъ, по просьбѣ Леске [442]), въ новый его журналъ «Leipziger Magazin zur Naturkunde» отправилъ свое вышеупомянутое сочиненіе «Vorläufige Nachrichten» и т. д.

Здѣсь было бы умѣстно упомянуть, въ какомъ отношеніи эти Nachrichten состояли къ сочиненію Лаксмана «Bemerkungen über

das nordische Gebürge in Vergleichung mit den übrigen Granit-Ketten». Очевидно, подобно вышеупомянутому сочиненію, предметъ былъ взятъ изъ только что оконченной поѣздки; но эти «Bemerkungen», сколько извѣстно, никогда напечатаны не были. Только то кажется достовѣрнымъ, что это было случайное сочиненіе въ болѣе легкомъ стилѣ. Однакожъ и по этому вопросу, равно какъ и по многимъ другимъ сочиненіямъ Лаксмана, существуетъ нѣкоторая неясность, по слѣдующимъ причинамъ:

Въ началѣ іюля 1780 года нѣмецкій императоръ Іосифъ II, путешествуя подъ именемъ графа фонъ-Фалькенштейна, посѣтилъ Петербургскую академію. Почти такъ же милостивый, какъ, тремя годами раньше, графъ Готландскій (Густавъ III), хотя менѣе терпѣливый, онъ, разумѣется, принялъ списокъ этихъ ученыхъ господъ, также и лично ему представленныхъ, но вмѣсто того, чтобы посѣтить ихъ засѣданіе, онъ велѣлъ представить себѣ только чтенія, показанныя въ программѣ; между этими также и Лаксмановы «Bemerkungen». Такъ извѣщается въ двухъ современныхъ и, кажется, достовѣрныхъ сообщеніяхъ [443]) объ этомъ императорскомъ посѣщеніи.

Разсказъ о томъ же въ собственныхъ актахъ академіи [444]) отличается тѣмъ, что въ нихъ говорится только о чтеніяхъ Гюльденстедта и Палласа, а не упоминается о Лаксманѣ. При этомъ замѣчательно, что въ прочемъ всѣ рефераты слово въ слово согласуются, хотя болѣе старые въ нѣкоторыхъ спеціальностяхъ подробнѣе. Загадка объясняется, если взять во вниманіе, что помянутые акты академіи вышли черезъ 4 года послѣ описаннаго случая. Потому вѣроятно считали излишнимъ упомянуть и о чтеніи, не вышедшемъ въ печати, подобно тѣмъ двумъ другимъ, тѣмъ болѣе, что авторъ уже давно переселился въ другое мѣсто. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ уже во время торжественнаго засѣданія, въ строгомъ смыслѣ слова, не принадлежалъ болѣе къ академіи: родъ жизни бывшаго деревенскаго пастора опять перемѣнился.

Въ официальныхъ актахъ [445]) значится, что Лаксманъ 29-го мая 1780 года получилъ предписаніе — вмѣстѣ съ выборгскимъ гарнизоннымъ маіоромъ И. Ф. Фюрстенбергомъ, въ качествѣ горнаго совѣтника, быть помощникомъ въ тотъ же день назна-

чейнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ, генералъ-маіора фонъ Бекельмана. Ему вмѣстѣ съ тѣмъ было пожаловано званіе надворнаго совѣтника, «чтобъ поощрить его рвеніе по службѣ». Слѣдуетъ обратить вниманіе на это, чтобы не считать его внезапное производство немилостію. Есть множество намековъ, изъ которыхъ можно бы заключить, что онъ не совсѣмъ добровольно покинулъ академію.

«Monsieur Laxman — пишетъ Палласъ въ началѣ слѣдующаго года [446]) Бергіусу — vient de partir pour la Sibérie,... il a fini assez mal avec l'académie et surtout avec le directeur. Il y avait là sans doute beaucoup d'ingratitude de sa part, et beaucoup de prétention de l'autre». Подробности неизвѣстны; кажется однакожъ весьма вѣроятнымъ, что Домашневъ, во время начала большой войны своей съ академіею, между прочимъ настаивалъ на продолженіи уже прежде упомянутыхъ даровыхъ лекцій, такъ какъ онѣ теперь прекратились, пока княгиня Дашкова, новый директоръ, въ 1784 году опять не устроила ихъ — за денежное вознагражденіе.

Впрочемъ, у Лаксмана было не мало причинъ къ неудовольствію своимъ положеніемъ въ Петербургѣ. Не упоминая о прежнихъ непріятностяхъ, онъ, 14 лѣтъ спустя, говоритъ еще съ неудовольствіемъ «о плохой академіи», въ особенности указывая на незначительныя суммы, отпускаемыя на изученіе химіи [447]). Досадно было и то, что главный предметъ, представителемъ котораго онъ по долгу званія состоялъ, совсѣмъ лишился почета. Въ продолженіе первыхъ годовъ службы его, пока связь между академіею и Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, къ которому также принадлежали и многіе изъ его товарищей по службѣ, еще была тѣснѣе, онъ, участвуя въ стремленіяхъ первой, могъ считаться приносящимъ пользу и для другого. Но теперь было уже не то. Считаемая прежде такъ полезною, но въ сущности только изъ разныхъ частей склеенная наука, называемая экономіею, въ то время нигдѣ не уважалась. Достаточнымъ доказательствомъ перемѣны мнѣній служитъ то обстоятельство, что академія, по оставленіи этой профессуры Лаксманомъ, первымъ ея экономомъ, болѣе не замѣстила мѣста его, а также въ Або смерть Кальма послужила сигналомъ реформъ

по его профессурѣ, окончившихся ея упраздненіемъ. Быть офиціально представителемъ такой апокрифической науки, должно было для самостоятельнаго человѣка сдѣлаться тягостнымъ, подобно тому, какъ находиться въ обществѣ, гдѣ никто васъ знать не хочетъ. Сверхъ того, настоящая сила Лаксмана состояла въ собираніи и наблюденіи; слава, доставшаяся ему, была главнымъ образомъ пріобрѣтена этимъ путемъ. Но и этотъ путь уже готовъ былъ закрыться, потому что, умно пользуясь своимъ вліяніемъ, Палласъ успѣлъ устроить такъ, что почти весь новый матеріалъ по естественной исторіи, высылаемый въ академію, прежде всего долженъ былъ переходить черезъ его руки, на что жаловались многіе изъ его товарищей по наукѣ.

И личныя отношенія Лаксмана были не такого рода, чтобы могли затруднять прощальную минуту. Его семейство хотя и было довольно многочисленно, — кромѣ второй жены его у него было въ живыхъ 7 подрастающихъ сыновей,— но нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ спокойно могъ оставить въ Петербургѣ, гдѣ они въ кадетскомъ корпусѣ пользовались безплатнымъ воспитаніемъ и обученіемъ, а старушки матери своей онъ лишился уже въ 1775 году. Что же касается болѣе близкихъ знакомствъ его молодости, то они большею частью уже давно разсѣялись. Съ нѣкоторыми изъ своихъ теперешнихъ товарищей онъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ, именно съ ботаникомъ Лепехинымъ, астрономомъ Иноходцевымъ, съ физикомъ И. А. Эйлеромъ и въ особенности съ Палласомъ; но сношенія съ ними, главнымъ образомъ ученыя, могли быть замѣнены перепискою, что впослѣдствіи въ самомъ дѣлѣ и случилось.

А между нимъ и тѣми двумя лицами, съ которыми онъ въ Петербургѣ постоянно имѣлъ дѣло, не было настоящей симпатіи, скорѣе наоборотъ. Это по крайней мѣрѣ касается одного изъ нихъ, самаго близкаго къ нему человѣка по службѣ, тогдашняго адъюнкта по химіи Георги, съ которымъ мы и впредь по временамъ будемъ встрѣчаться. Другой былъ Лексель, съ которымъ мы въ скоромъ времени разстанемся. Впрочемъ, весьма уважаемый по благородному своему характеру, онъ въ перепискѣ своей, въ чемъ мы уже нѣсколько разъ имѣли случай убѣдиться, довольно рѣзко выражается о своемъ землякѣ: то называетъ

его оплошнымъ по комиссіямъ, то недовѣрчивымъ, то онъ судитъ несправедливо (о Гольмбергѣ), то онъ распускаетъ сплетни (во время посѣщенія Петербурга Густавомъ III), и т. д. Заслужилъ ли Лаксманъ порицаніе, или не заслужилъ, къ чести его слѣдуетъ однако отнести то, что онъ, сколько извѣстно, никогда не платилъ своимъ порицателямъ тою же монетою, а неблагопріятные отзывы о немъ не оказали никакого вліянія на общихъ корреспондентовъ съ нимъ и съ Лекселемъ. Ясно лишь то, что подобная вражда (вѣроятно зародившаяся въ петербургскихъ шведско-финскихъ кружкахъ) должна была сдѣлать знакомство съ землякомъ и товарищемъ его по службѣ менѣе откровеннымъ, пріятнымъ и привлекательнымъ, нежели оно могло и долженствовало быть.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя удивляться, что Лаксманъ не чувствовалъ себя связаннымъ особенно крѣпкими узами ни съ академіею, ни со своей тогдашнею обстановкою. Вообще въ членахъ этого учрежденія, состоявшаго изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, замѣчалось весьма мало дружескаго духа или преданности цѣлому: они скорѣе считали себя гостями въ немъ на время, пока не откроется болѣе выгодное мѣсто. Лаксманъ, не дѣлавшій исключенія изъ этого, сознавалъ кромѣ того, что новая должность гораздо лучше согласовалась съ его практическимъ, обращеннымъ наружу стремленіемъ, нежели занимаемое имъ теперь мѣсто. Весьма вѣроятно также, что прежняя охота его къ «Wanderschaft» освѣжилась послѣднею поѣздкой. Другіе не такъ легко согласились бы поселиться въ отдаленной Сибири; но для него, проведшаго тамъ уже прежде весьма поучительное и пріятное пятилѣтіе, воспоминаніе о томъ могло лишь облегчать возвращеніе туда.

Однакожъ Лаксманъ еще весь этотъ годъ и часть слѣдующаго оставался въ Петербургѣ. Причинъ къ замедленію было много, хотя онъ императрицею былъ назначенъ уже 29-го мая, но предписаніе о томъ изъ сената въ горную коллегію и нерчинское горное управленіе было написано лишь 24-го августа. Этимъ объясняется, почему академія еще въ іюлѣ, во время посѣщенія императора Іосифа II, обратилась къ нему за вышеупомянутымъ чтеніемъ. Лишь 28-го августа въ актахъ академіи

онъ уже не называется болѣе «professeur», а «conseiller des mines» и отмѣчается затѣмъ между ея «associés externes» [448]).

Кромѣ того Лаксманъ считалъ своею обязанностію до отъѣзда обратить вниманіе правительства на нѣкоторыя невыгодныя обстоятельства въ нерчинскихъ рудникахъ, которыя онъ узналъ уже во время своего перваго посѣщенія тѣхъ мѣстъ, а теперь желалъ, чтобъ они были устранены. Съ этою цѣлью, представленный имъ докладъ члену императорскаго кабинета и сенатору, тайному совѣтнику Мих. Ѳедоровичу Соймонову [449]), заключалъ главнымъ образомъ:

а) Предложеніе реформы въ способѣ плавки; именно, писалъ онъ уже въ 1766 г., онъ обратилъ вниманіе на тѣ недостатки, съ которыми былъ сопряженъ старинный способъ по методѣ Агриколы, и впослѣдствіи повторенными опытами убѣдился, что многія руды, содержащія въ себѣ серебро, какъ-то свинцовый блескъ, свинцовая охра и др., гораздо легче и вдвое дешевле могутъ быть плавимы непосредственно пламенемъ въ отражательныхъ печахъ, нежели посредствомъ горящаго угля въ шахтныхъ печахъ, напрасно требующихъ очень много лѣсу, котораго рубка, возка, обугливаніе и пр. обходятся чрезвычайно дорого, не принимая въ расчетъ, что сверхъ того необходимы воздуходувныя машины съ дорого стоящимъ двигателемъ. b) Еще къ помянутому заводу нужно опредѣлить техниковъ спеціалистовъ: однихъ чтобы сооружать машины для выкачиванія воды изъ рудниковъ, другихъ для введенія правильнаго ухода за лѣсомъ, а также особыхъ для испытанія рудъ, для отыскиванія драгоцѣнныхъ камней, породъ мрамора и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ c) онъ просилъ вознагражденія за сдѣланныя имъ покупки инструментовъ и суконъ, — дерзновеніе, которое впослѣдствіи обошлось ему весьма дорого.

Подробно мотивированное мнѣніе Лаксмана, требовавшее въ особенности для уплаты новому персоналу значительной добавки къ заводскому окладу (около 3,000 рублей), не могло быть разрѣшено такъ скоро, какъ онъ полагалъ. Дѣло потребовало многихъ обходовъ. Новый начальникъ его Бёкельманъ, горная коллегія и сенатъ, всѣ были спрошены. До полученія окончательнаго рѣшенія, въ главныхъ пунктахъ отказывающаго, онъ уже выѣхалъ изъ Петербурга.

XX.

1781 годъ.

Лаксманъ переселяется въ Нерчинскъ, въ Восточной Сибири. Нѣчто о мѣстности и заводѣ. «Neueste Beschreibung der Nertschinskischen Berg- und Hüttenwerke» Лаксмана. Счастливыя гіалургическія изслѣдованія въ Шилкинскѣ. Ученые планы и предпріятія.

Лаксманъ выѣхалъ изъ Петербурга около половины января 1781 г. и прибылъ въ свое мѣсто назначенія, отдаленное верстъ на 7,300, въ началѣ мая [450]). При хорошемъ санномъ пути, это разстояніе почтою могло быть проѣхано въ 2 мѣсяца, но поѣздка Лаксмана замедлилась, между прочимъ, однимъ семейнымъ обстоятельствомъ. Именно вышелъ такой же случай, какъ и въ 1769 г. (см. стр. 53): жена его 25-го января въ Москвѣ разрѣшилась отъ бремени; въ этотъ разъ она родила дочь, которая, два дня спустя, была названа Маріею; свидѣтелями при крещеніи были: коллежскій асессоръ Стриттеръ, извѣстный сочинитель и академикъ, который тогда именно находился въ Москвѣ, и дѣвица Агнета Софія Рихтеръ, дочь пастора при тамошней церкви Св. Михаила [451]). Болѣе о поѣздкѣ ничего не упоминается. Мая 19-го числа Лаксманъ началъ исправленіе своихъ служебныхъ обязанностей въ Нерчинскѣ, или подписывалъ по крайней мѣрѣ съ этого дня бумаги горной канцеляріи.

Съ мыслію о Нерчинскѣ соединяется непремѣнно представленіе о дикой пустынѣ и о безднѣ человѣческаго бѣдствія. Уже во время Лаксмана это было такъ. Надо было отказаться отъ мечты, зародившейся вмѣстѣ съ появленіемъ русскихъ на Амурѣ, что дверь открыта «въ новый Ханаанъ и Сибирскій рай» [452]). Общее состояніе округа, относительно климата и всего отъ того зависящаго, представилось гораздо невыгоднѣе, нежели можно было ожидать отъ мѣстоположенія, соотвѣтствующаго градусамъ широты сѣверной Франціи. Царство животныхъ, не тревожимое близостью человѣческихъ жилищъ, представляло большое разнообразіе въ дикихъ лѣсахъ. Растительность въ своемъ природномъ видѣ являлась вполнѣ первобытною, но при этомъ

поражала странная зависимость ея не только отъ лѣта, хоть и жаркаго, но рано замѣняемаго морозами, а еще и отъ своеобразнаго качества почвы. Опытъ показывалъ, что только царство цвѣтовъ изъ года въ годъ блистало роскошью и обиліемъ красокъ, а дремучіе лѣса, пораженные топоромъ, лишь чрезвычайно медленно поправлялись, хозяйственныя же растенія разводились съ весьма ненадежнымъ успѣхомъ. Почти исключительно только въ сокровенной глуби горъ гнѣздится богатство этой окраины, но въ этихъ же горахъ встрѣчалось несчастіе съ преступленіемъ.

Городъ Нерчинскъ, расположенный при впаденіи Нерчи въ Шилку (Амуръ), сдѣлался извѣстенъ міру по разграничительному трактату съ Китаемъ въ 1689 году; имѣвшій тогда 2,000 ч. жителей, но чрезвычайно убого застроенный, онъ былъ нѣсколько времени главнымъ мѣстомъ особаго русскаго воеводства въ Забайкальѣ или Дауріи. Вотъ почему рудники въ этой мѣстности назывались вообще нерчинскими, хотя они давно уже не подчинялись воеводству, а получили свое особое управленіе. Хотя о нихъ знали уже въ 17-мъ столѣтіи, но они получили нѣкоторое значеніе только благодаря свѣдущимъ въ горномъ дѣлѣ шведскимъ плѣннымъ, которыхъ Петръ Великій перемѣстилъ сюда изъ Тобольска. Подъ руководствомъ заводскаго надзирателя Петра Дамеса († 1739), сколько извѣстно, родомъ шведа [453]), были построены настоящія плавильныя печи, съ механическимъ дутьемъ, заложены шахты и пр.

Царствованіе Екатерины II обѣщало, казалось, блестящее развитіе горному дѣлу Нерчинска, особенно въ то время (1763—1775), когда начальникомъ его былъ Суворовъ, отецъ знаменитаго. Рабочая сила, уже и прежде, но преимущественно по отмѣнѣ смертной казни (1769), набираемая изъ преступниковъ, дошла до 7,000 человѣкъ, размѣщенныхъ повсюду по горамъ въ 240 деревняхъ, при 50 большихъ и меньшихъ рудникахъ и при 6 значительныхъ заводахъ, имѣвшихъ нѣкоторые до 10 горновъ, гдѣ уже тогда въ годъ выплавляли болѣе 600 пудовъ серебра. Къ сожалѣнію, по отъѣздѣ Суворова все пришло въ безпорядокъ. Уже преемникъ его, статскій совѣтникъ Нарышкинъ, надѣлалъ столько служебныхъ провинностей, что

былъ посаженъ въ тюрьму. Затѣмъ пробовали то одного, то другого начальника. Въ 1780 г. дѣйствительно удалось найти свѣдущаго и ревностнаго начальника, надворнаго совѣтника Карамышева, учившагося въ Упсалѣ [454]) подъ руководствомъ Линнея и Валлеріуса, но онъ получилъ это мѣсто лишь на время и уже до истеченія года занялъ опять свою настоящую должность директора Иркутскаго банка. Мѣсто его въ Нерчинскѣ занялъ генералъ-маіоръ Бекельманъ, и ему именно въ ближайшіе помощники назначенъ былъ Лаксманъ.

Главное управленіе горнаго округа находилось въ старшемъ и главнѣйшемъ заводѣ, т. н. «Старомъ нерчинскомъ заводѣ», въ 248 верстахъ къ востоку отъ города Нерчинска, у Аргуни, притока Амура, близъ китайской границы. Здѣсь были расположены всѣ болѣе значительныя учрежденія, какъ-то: общая канцелярія, счетный и маркшейдерскій дворъ, пробирная съ лабораторіею, аптека, госпиталь, школа и военная гауптвахта. Управляющая всѣмъ власть сосредоточивалась въ канцеляріи, представлявшей отчеты свои горной коллегіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо въ Петербургскій сенатъ [455]). Дѣлами канцеляріи завѣдывалъ предсѣдатель или «главный командиръ» и двое горныхъ совѣтниковъ въ качествѣ засѣдателей, одинъ изъ нихъ всегда главный бергмейстеръ, а другой юристъ; прочіе подвластные чиновники были: бергмейстеръ, трое заводскихъ надзирателей, шестеро присяжныхъ и др. до 40 человѣкъ, кромѣ писарей. Въ качествѣ главнаго бергмейстера, Лаксманъ, по положенію [455a]), имѣлъ главный надзоръ за заводами и добываніемъ руды; по нѣкоторымъ источникамъ онъ получалъ 1,000, по другимъ 1,200 рублей жалованья.

Общее состояніе округа въ это время, послѣ частыхъ перемѣнъ начальниковъ, было въ крайне печальномъ видѣ. Многіе изобильныя шахты находились подъ водою; мѣхи, печи и другія постройки, не исключая даже жилища главнаго начальника, обветшали; рабочіе, не смотря на всѣ постановленія, изданныя для пользы ихъ, проживали въ крайней нищетѣ; въ управленіи злоупотребленія и хищенія случались сплошь и рядомъ; чиновники, хотя и получали двойное жалованье, противъ получаемаго въ прочихъ учрежденіяхъ страны, однакожъ отличались неимовѣрнымъ невѣже-

ствомъ и нерадѣніемъ. Приведемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Одинъ плавильщикъ, помнившій, что видѣлъ гдѣ-то, что подвергали обжиганію трудноплавкую руду, получилъ дозволеніе самъ сдѣлать опытъ. Ему дали 1000 пудовъ руды, пробы 4 золотниковъ серебра на пудъ. Сдѣлали обжиганіе. При взвѣшиваніи управлявшій заводомъ нашелъ, что оставалось лишь 800 пудовъ; слѣдовательно, заключалъ онъ, исчезли 800 золотниковъ серебра. На плавильщика были наложены оковы, а обжиганіе впредь было запрещено. При выдѣленіи серебра часто цѣлый золотникъ на пудъ оставался въ свинцѣ. Матеріалы, какъ напр. квасцы, купоросъ, селитра, были привозимы изъ Россіи. Никто даже указать не могъ, гдѣ добыть огнеупорную глину.

Указанныя здѣсь несообразности, равно какъ и многія другія, изложены подробнѣе всего въ сочиненіи, называемомъ «Neueste Beschreibung der Nertschinskischen Berg- und Hüttenwerke im östlichen Sibirien», которое, вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ нему «Verzeichniss aller im Nertschinskischen Hüttenbezirk beobachteten Berg- und Erzarten, ingleichen Mineralien», входитъ въ «N. nordische Beiträge» Палласа [456]). Сочинителемъ, очевидно, спеціалистомъ съ ученымъ образованіемъ, не могъ быть никто иной, кромѣ Карамышева или Лаксмана [457]). Приходится думать о первомъ, если, какъ говоритъ Палласъ, годомъ составленія сочиненія былъ 1780-й, потому что Лаксманъ тогда еще не былъ въ Сибири. Однакожъ, годъ этотъ оказывается не точнымъ, потому что въ самомъ текстѣ мы читаемъ, что Карамышевъ завѣдывалъ временно дѣлами, «пока въ 1781 году не пріѣхалъ нынѣшній начальникъ, генералъ Бекельманъ». Предположеніе, будто Карамышевъ, послѣ возвращенія своего въ Иркутскъ, составилъ сочиненіе, напр. въ видѣ отчета горной коллегіи въ Петербургѣ, оказывается неблагонадежнымъ, потому что онъ уже раньше въ докладѣ своемъ [453]) вѣско указалъ на сдѣланныя имъ улучшенія при заводахъ и даже обозначилъ возрастающее количество добытаго серебра въ 1780 году, о чемъ вовсе не упоминается въ томъ рапортѣ, въ которомъ говорится, что заводы находятся въ большомъ упадкѣ.

По свойству человѣческой природы, порицаніе выражаетъ скорѣе поступающій, нежели выбывающій чиновникъ. Также и

безыменность сочиненія объясняется легче, если принять, что оно написано Лаксманомъ, который уже раньше имѣлъ большія непріятности отъ своихъ откровенныхъ сужденій о положеніяхъ и обстоятельствахъ въ Сибири, а вмѣстѣ съ тѣмъ именно во время опубликованія его были на него объявлены жалобы по нарушенію обязанностей службы, отчего Палласу не совсѣмъ ловко было назвать его. Равно и родъ изложенія вовсе не противорѣчитъ довольно колкой критикѣ Лаксмана, а содержаніе сочиненія состоитъ изъ такихъ наблюденій, къ какимъ его настоящая должность давала самый лучшій случай. Касательно многихъ экономическихъ предметовъ, какъ-то: добыванія соли въ странѣ (которое пренебрегалось), скотоводства и промысловъ, вредности обработыванія земли посредствомъ пожогъ, касательно причинъ къ обѣднѣнію жителей, даже упоминаніе тараканов и другія подробности, подобны тѣмъ, какія часто выходили изъ-подъ его пера. Въ особенности кажется достойнымъ вниманія, что указанія на необходимость болѣе раціональнаго лѣсоводства и улучшенныхъ машинныхъ построекъ для удаленія воды изъ рудниковъ близко подходятъ къ упомянутому уже предложенію его, представленному до отъѣзда его на службу.

Только недостатокъ положительныхъ доказательствъ о написаніи Лаксманомъ этого, и по мнѣнію Риттера, весьма важнаго источника для исторіи нерчинскихъ рудниковъ, удержало насъ отъ сообщенія изъ него болѣе подробныхъ выписокъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что сочиненіе это находится въ нѣкоторой випословной связи съ послѣднеупомянутымъ предложеніемъ. Резолюція сената объ этомъ предложеніи была дана въ Петербургѣ 21-го января 1781 года и была получена въ нерчинской канцеляріи 12-го числа послѣдующаго апрѣля мѣсяца, слѣдовательно около мѣсяца до пріѣзда самого Лаксмана. Резолюція только въ одномъ пунктѣ вполнѣ согласовалась съ предложеніемъ, именно дозволялось дѣлать при плавкѣ руды опыты замѣны горящаго угля пламенемъ. Начальникъ Бекельманъ однакожъ долженъ былъ представить свое мнѣніе объ успѣхѣ этого способа, а также и примѣнимость всѣхъ прочихъ частей предложенія зависѣла отъ мнѣнія, которое онъ долженъ былъ представить. Подобная, весьма не поощрительная резолюція, полученная

имъ тотчасъ при вступленіи въ новую службу, болѣе чѣмъ что-либо другое, должна была побуждать его къ изданію на самомъ мѣстѣ помянутаго отчета о дѣйствительномъ состояніи и положительныхъ нуждахъ заводскаго дѣла.

Какъ бы то ни было, вышло ли это наставительное сочиненіе изъ-подъ пера Лаксмана или нѣтъ, во всякомъ случаѣ однакоже мы увѣрены въ томъ, что обыкновенная чиновническая обстановка ничуть не согласовалась съ его характеромъ. Мѣстность, гдѣ онъ теперь проживалъ, представляла слишкомъ обширное и поучительное поприще для естественнонаучныхъ изслѣдованій, а онъ не имѣлъ привычки довольствоваться лишь тѣмъ, что́ было у него подъ рукой. Нѣкоторыя части Дауріи были дѣйствительно уже и раньше, по крайней мѣрѣ проѣздомъ, изслѣдованы Мессершмидтомъ, Гмелинымъ старш., Палласомъ, Георги и имъ самимъ, но оставалось пополнить много пробѣловъ по части мѣстныхъ геологическихъ и минералогическихъ подробностей.

Потому новое назначеніе Лаксмана должно было въ высшей степени интересовать не только его самого, но и всѣхъ ученыхъ естествоиспытателей. Едва былъ онъ назначенъ, какъ вѣсть о томъ распространилась повсюду. Паллась поспѣшилъ увѣдомить о томъ Бергіуса, предлагая себя для комиссіонерства и обмѣновъ на мѣсто Лаксмана, и напередь обѣщая «много сѣмянъ» отъ его будущихъ сибирскихъ жатвъ [459]). Лексель, одновременно поѣхавшій за границу, сообщилъ о томъ другу юности Лаксмана, Бекману [460]) въ Гёттингенѣ, а этотъ предалъ публичности это радостное извѣстіе. Въ шведскихъ и нѣмецкихъ журналахъ [461]) извѣстіе объ этомъ получило даже еще то добавленіе, что Лаксманъ, между прочимъ, намѣревался изслѣдовать «начало и быстроту рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверное и Камчатское моря», — дополненіе довольно замѣчательное. Оно обнаруживаетъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ уже составилъ тотъ планъ, который въ послѣдствіи [462]) такъ сильно интересовалъ его, т. е. изслѣдованіе явленій природы во всей восточной Сибири до Ледовитаго моря, наконецъ даже черезъ Японію до западнаго берега материка Америки. Его жизнь съ этого времени сдѣлалась странствованіемъ къ этой великой окончательной цѣли, которой онъ отчасти и достигъ.

Никто не будетъ ждать, чтобы Лаксманъ на текущія канцелярскія дѣла употреблялъ больше времени, нежели было необходимо, такъ какъ надзоръ за округомъ, пространствомъ не менѣе 450 верстъ отъ сѣвера къ югу и около 500 верстъ отъ запада къ востоку, требовалъ постоянныхъ разъѣздовъ, которые сами по себѣ доставляли ему много удовольствія. Случайныя свѣдѣнія о мѣстахъ нахожденія различныхъ ископаемыхъ, доставленныхъ имъ въ разныя петербургскія коллекціи, достаточно доказываютъ, на какомъ обширномъ пространствѣ онъ вращался. Такъ показываютъ [463]), между прочимъ, что онъ принесъ *аквамарины* и *берилы* различной величины и доброты, найденные между валунами у Аргуни, Онона и Ингоды, на даурскихъ и монгольскихъ степяхъ у Витима, притока Лены, впослѣдствіи также и у Байкала; ногтеваго цвѣта *ониксъ* съ Яшмагоры у Аргуни; прекрасный *порфиръ*, разнаго цвѣта, съ береговъ Читы, притока Селенги, впослѣдствіи также съ Оки, впадающей въ Ангару; черную, стеклянную *свинцовую руду* съ известью и шпатовымъ гипсомъ съ мѣстности около города Нерчинска; твердый *сюрмяный блескъ* со стараго рудника Серентуй у Нерчинскаго завода; зеленоватую, очень твердую *мѣдную руду* съ Гумершевской шахты, — другія находки его удобнѣе упомянуть въ слѣдующей главѣ.

Охотнѣе всего онъ пребывалъ у Шилкинска. Этотъ плавильный заводъ, одинъ изъ новѣйшихъ, хотя и находился довольно далеко, или въ 313 верстахъ къ с.-з. отъ главнаго завода и въ 174 верстахъ къ востоку отъ города Нерчинска, но въ мѣстности, облагодѣтельствованной природою. Обильный запасъ руды въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ и легкость перевозки вдоль осѣненной дремучими лѣсами, весьма обильной рыбою рѣки Шилки, подавали этому заводу лучшія надежды на будущее. Къ тому же въ 1778 г. тамъ начали устройство стекляннаго завода, который однакожъ еще не былъ въ ходу. Лаксманъ съ большимъ рвеніемъ принялся за предпріятіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ спеціалистъ по этому дѣлу, хотя изслѣдованія его на этомъ поприщѣ затянулись на долгое время.

Мы помнимъ, что стеклянный заводъ въ Барнаулѣ уже въ 1764 г. возбудилъ его любознательность къ производству опы-

товъ надъ солью, получаемою изъ смежныхъ степныхъ озеръ. Послушаемъ его самого. «Едва Маргграфъ», говоритъ онъ въ сочиненіи[464]) послѣдняго года его жизни, «показалъ существованіе минеральной щелочной соли, едва Модель († 1775 г.) нашелъ ее въ охотскихъ, персидскихъ и сибирскихъ соляхъ, едва нѣкоторые минералоги начали вводить ее въ свои системы, какъ я почти одновременно посредствомъ многихъ опытовъ, сдѣланныхъ надъ дѣйствіемъ древеснаго угля, имѣлъ случай убѣдиться, что онъ состоитъ въ ближайшемъ сродствѣ съ купоросной кислотою; къ большому своему удовольствію я нашелъ, что крупный, истолченный или превращенный въ порошокъ древесный уголь[465]) отдѣляетъ купоросную кислоту отъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, произведенныхъ природою солей Сибири. Изъ всѣхъ новыхъ качествъ этой минеральной щелочной соли, очищенной отъ купоросной кислоты, добытой въ отдѣльномъ видѣ, достойна величайшаго вниманія ея способность образовать стекло.

«Это явленіе между прочимъ потому показалось мнѣ весьма важнымъ, что оно, во 1-хъ, составляетъ новую эпоху въ приготовленіи стекла, такъ какъ эта соль можетъ замѣнить поташъ и тѣмъ способствовать необходимому сбереженію лѣсовъ; во 2-хъ въ то время естествоиспытатели не хотѣли вѣрить, чтобы въ царствѣ ископаемомъ нашлось вещество, сходное со щелочной солью; и наконецъ въ 3-хъ — искуснѣйшіе химики, и въ особенности химики парижской академіи, принимаютъ за математическую истину, что всѣ соли, содержащія купоросную кислоту, будто не годны для производства стекла». Повторенные и подробно описанные опыты, сдѣланные съ матеріаломъ, полученнымъ изъ Барнаула, а также въ 1766 году въ Иркутскѣ, съ пріобрѣтеннымъ изъ Аргинска и Баргузинска у Байкала и изъ мѣстности около Селенгинска, способствовали усиленію его надеждъ на важность открытія. Несмотря на то, онъ въ продолженіи 18 лѣтъ (1764—1781) долженъ былъ говорить глухимъ ушамъ, его не хотѣли даже, говоритъ онъ, дослушать до конца, а только «зѣвали нетерпѣливо».

Теперь же его положеніе дозволяло ему въ обширномъ видѣ испытать практическое примѣненіе этой теоріи. Для плавки онъ велѣлъ привозить соль съ озера Чаганъ-нора, у русскихъ

Боловое озеро, къ востоку отъ Акши [466]), недалеко отъ Тарей-нора и монгольской границы. Онъ всегда съ выгодою употреблялъ этотъ матеріалъ вмѣсто поташа. До сего онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ двояко: а) 4 пуда минеральной соли были на 2 недѣли выставляемы для вывѣтриванія, и распавшись на мелкій порошокъ и потерявши половину своего вѣса, смѣшивались съ 4 фунтами толченаго угля, послѣ чего смѣсь эта перемѣшивалась въ раскаленной плавильной печи, пока выходили искры съ маленькимъ запахомъ сѣры; эта масса, смѣшанная съ 4 пудами песка и вновь прокаленная въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, давала зеленоватое, а когда всыпали толченый кварцъ, бѣлѣйшее стекло, прозрачное какъ вода. Или b) 2 пуда вывѣтрившейся соли смѣшивались съ 4 фунтами толченаго угля и 4 пудами прокаленнаго песка; эту смѣсь лопатками бросали въ раскаленную плавильную печь, и по истеченіи нѣсколькихъ часовъ вынималось вполнѣ непрозрачное стекло, похожее на японскій или китайскій лакъ.

Кристаллическая соль изъ Чаганъ-нора оказалась, подобно соли изъ деревни Птичьей, близъ Куртамышской слободы, у подошвы Урала, почти безъ кислоты, а потому она даже безъ примѣси угля могла быть употребляема на превращеніе кремнезема въ стекло. Новый способъ приготовленія снискалъ себѣ довѣріе и послѣдователей. Черезъ двѣнадцать лѣтъ по отъѣздѣ Лаксмана, комендантъ Власовъ въ Доронинскѣ въ письмѣ къ Палласу свидѣтельствуетъ [467]), что стекло Лаксмана было почти одинаково красиво и крѣпко, какъ и англійское; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія объ особенномъ натровомъ озерѣ, изъ котораго получался сырой матеріалъ. Даже и въ наше время еще Шилкинскій стеклянный заводъ работаетъ по способу приготовленія [468]), введенному Лаксманомъ, хотя имя его, кажется, уже забыто. Его собственные повторенные опыты, посредствомъ которыхъ открытіе его повліяло на производство стекла во всей Европѣ, мы опишемъ въ слѣдующей главѣ.

XXI.

Годы 1782 — 1783.

Лаксманъ, обвиненный въ проступкѣ по службѣ, вызывается въ Петербургъ и подвергается отвѣтственности; увольняется отъ службы. Возвращается въ мѣстность около Нерчинска. Получаетъ маленькую должность исправника. Научное; метеорологія; «Über das Gefrieren des Quecksilbers»; минералогія; зоологія; ботаника.

Едва началась дѣятельность Лаксмана въ качествѣ горнаго совѣтника, какъ она уже и прекратилась. Изъ часто упомянутыхъ нами нерчинскихъ актовъ видно, что онъ не болѣе какъ съ 19-го мая до конца 1781 года подписывалъ бумаги канцеляріи. Дѣло объясняется извѣстіемъ, которое было сообщено Портаномъ въ Або письмомъ отъ 24-го мая 1782 г. къ архіепископу Меннандеру въ Упсалѣ, слѣдующаго содержанія: «Изъ Петербурга мы получили непріятную вѣсть, что Лаксманъ, отправившійся въ Нерчинскъ въ качествѣ горнаго совѣтника при тамошнихъ заводахъ, начальникомъ этихъ заводовъ, генераломъ Бекельманомъ, былъ обвиняемъ въ сенатѣ въ проступкахъ по службѣ, послѣ чего сенатъ отрѣшилъ его отъ должности и призвалъ въ Петербургъ для отвѣта».

Дѣйствительно, это печальное извѣстіе было не пустымъ слухомъ, а тяжкою и прискорбною дѣйствительностію. Около года позднѣе, 25-го апрѣля 1783 года, Портанъ, очевидно весьма взволнованный несчастіемъ, постигшимъ его земляка, пишетъ опять тому же Меннандеру: «Участь Лаксмана непріятна; онъ проживаетъ еще, отрѣшенный отъ должности, въ маленькомъ городкѣ Сибири, между Иркутскомъ и Охотскомъ. Недавно онъ послалъ сыновей своихъ къ великому князю съ растеніями [469]), которыя были хорошо приняты. Увидимъ, будетъ ли возможно помочь ему и сдѣлать что-нибудь для спасенія его». И долго спустя, это происшествіе прозвучало въ шведской печати [470]) въ спутанномъ и неясномъ изложеніи.

Надобно считать весьма замѣчательнымъ, что, насколько возможно было изслѣдовать это дѣло, всѣ русскіе источники,

даже занимающіеся въ подробности исторіею Нерчинскихъ заводовъ, и притомъ упоминающіе о многихъ происшествіяхъ подобнаго рода, относительно этого случая соблюдають совершенное безмолвіе. И еще удивительнѣе совершенное отсутствіе всякихъ офиціальныхъ документовъ по этому дѣлу. Изъ запроса къ начальствующимъ именно дознано, что ни нерчинская канцелярія, ни даже главный архивъ Москвы, гдѣ хранятся акты русскаго сената и многихъ другихъ присутственныхъ мѣстъ съ прошлаго столѣтія, не заключаютъ въ себѣ ни одного документа относительно обвиненія Лаксмана, и что даже нѣтъ ни его имени, ни имени Бекельмана въ алфавитномъ реестрѣ петербургскаго сенатскаго архива. А всетаки обвиненіе составляетъ неоспоримый фактъ.

Чтó-жъ было виной бѣды? Благосклонно составленная для меня на мѣстѣ перечневая вѣдомость о дѣятельности Лаксмана въ Нерчинскѣ указываетъ на то, что, не смотря на свое рвеніе, онъ былъ не на хорошемъ счету у Бекельмана [471]). Зависть ли тому была причиною, или чтó другое? по сей послѣдній не велѣлъ даже приводить въ исполненіе [472]) вышеупомянутое предложеніе Лаксмана о пламенныхъ печахъ, хоть и высочайше разрѣшенное. А можетъ быть, что и заботы Бекельмана о поднятіи запущенныхъ заводовъ не сходились со слишкомъ ученымъ, по его мнѣнію, направленіемъ Лаксмана, спеціально относительно минералогіи? Нѣсколько лѣтъ спустя [473]), когда несчастіе уже счастливо миновало, Лаксманъ самъ себя насмѣшливо характеризуетъ, какъ человѣка, «который до безумія и мученичества влюбленъ въ камни». Или, можетъ быть, онъ относился нерадиво къ рубкѣ лѣсовъ при заводахъ? Это едва ли вѣроятно. Или не принадлежалъ ли онъ къ числу горныхъ чиновниковъ, злоупотреблявшихъ правомъ безплатной отправки писемъ? — въ подобныхъ дѣлахъ тогда не было недостатка [474]).

Безъ сомнѣнія, читатель скорѣе подумаетъ о какой-нибудь болѣе важной погрѣшности, напр. не показывали-ль нерчинскіе заводы въ томъ году, когда Лаксманъ состоялъ при нихъ, вообще какой-либо наклонности къ упадку? Первоначально отвѣтъ будетъ удовлетворителенъ, такъ какъ, согласно спискамъ [475]), производство въ 1781 году составляло: 1,597,273 пудовъ руды,

давшей 396 пудовъ бликоваго серебра, изъ котораго получено 366 пудовъ чистаго серебра, противъ круглыхъ среднихъ чиселъ за десятилѣтіе 1776 — 1785: руды 1,700,000, бликоваго серебра 402 п., чистаго серебра 368 п.; производство золота осталось нормальнымъ, т. е. немного болѣе 1 пуда. Но въ другомъ отношеніи расчетъ выходитъ гораздо невыгоднѣе.

Замѣтная убыль оказывается въ т. н. «чистой прибыли». Подъ нею подразумѣвается сумма, остающаяся за вычетомъ изъ годичнаго штата заводовъ въ 200,000 рублей всѣхъ издержекъ, рабочихъ платъ и пр. За помянутыя 10 лѣтъ она среднимъ числомъ была 109,316 рублей, а за 1781 годъ только 86,159 рублей[476]).

Тутъ мы, очевидно, находимся у самаго источника тѣхъ непріятностей, которыя постигли Лаксмана. Отчетъ о доходахъ и расходахъ заводовъ къ концу года долженъ былъ всегда отдаваться въ мѣстное управленіе, высылавшее его въ видѣ главнаго отчета съ т. н. серебрянымъ караваномъ въ С.-Петербургъ для ревизіи. Несомнѣнно, что отчетность изъ Нерчинска за 1781 г. возбудила величайшее вниманіе, привела въ движеніе даже самого прокурора и была причиною указа отъ 14-го декабря 1782 г., заключающаго подробныя правила, какимъ образомъ впредь должно избѣгать открытыхъ въ то время безпорядковъ[477]).

Объемистый актъ самъ по себѣ слышится будто обвиненіемъ, хотя имя виновнаго не названо. Изъ него слѣдуетъ упомянуть: 1) что по счетамъ монетнаго департамента нерчинскихъ заводовъ въ продолженіе года было уплачено 12,156 рублей $^{3}/_{4}$ коп. сверхъ штата; 2) что между расходами значится «сумма на одежду», о которой нѣтъ никакого разрѣшенія и не сообщено никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній; 3) что прочія издержки не довольно подробно показаны, какъ-то на содержаніе зданій и машинъ и т. д.; 4) не составлено смѣты о вѣроятной добычѣ лучшаго и средняго серебра, золота и другихъ металловъ, и пр.

Одна изъ этихъ цифръ, именно 2-ой отдѣлъ, даетъ намъ довольно положительный отвѣтъ на вопросъ нашъ. Припомнимъ, что Лаксманъ въ своемъ вышеупомянутомъ прошеніи, составленномъ до отъѣзда въ Сибирь, просилъ вознагражденія нѣ-

которыхъ расходовъ. Между прочимъ онъ объявилъ относительно извѣстнаго обстоятельства, что суконъ и пр. въ Нерчинскѣ нельзя получить и что онъ потому купилъ 25 мундировъ для горныхъ офицеровъ за 872 рубля, о возвратѣ которыхъ онъ и просилъ. Резолюціею отъ 21-го апрѣля 1781 года ему въ этомъ однакожъ было отказано [478]). Не смотря на то, онъ внесъ эту сумму въ счеты. Если въ нихъ, можетъ быть, оказались еще и другія несообразности или ошибки, то тѣмъ легче объяснить наказаніе, постигшее его, въ особенности если знаемъ, что начальникъ его [479]) къ нему не былъ благосклоненъ, и что въ подобныхъ случаяхъ всегда требуется какой-нибудь козелъ отпущенія.

Мы не имѣемъ никакого права подозрѣвать какую-либо дѣйствительную нечестность у Лаксмана. Вся его предыдущая и послѣдующая жизнь доказываетъ противное. За то мы можемъ предполагать, на основаніи постигшаго его приговора, что его отчеты были небрежны и неясны. Къ извиненію его скажемъ однакожъ, что все устройство горнаго дѣла въ то время было чрезвычайно неудовлетворительно и въ особенности отчетность очень запутана. Потому уже черезъ мѣсяцъ, по изданіи упомянутаго указа, рѣшено было,—всѣ заводы подчинить финансовому управленію намѣстниковъ, а горную коллегію упразднить [480]).

Въ сообщеніе Портана, во всемъ прочемъ вполнѣ достовѣрное, вкралась однакожъ та ошибка, что Лаксманъ по отрѣшеніи отъ должности будто переѣхалъ въ маленькій городокъ между Иркутскомъ и Охотскомъ. Вѣдь на всемъ этомъ пространствѣ въ 1000 верстъ слишкомъ, въ то время не было ни одного города или даже порядочной деревни, а кромѣ того онъ самъ 10 лѣтъ спустя [481]) разсказываетъ, что онъ тогда самъ въ первый разъ проѣхалъ тамъ. За то мѣстности, гдѣ по возвращеніи своемъ въ Сибирь онъ продолжалъ изслѣдованія, всѣ согласно указываютъ, что его мѣстопребываніе было гдѣ-нибудь въ томъ же округѣ, какъ и прежде. Но гдѣ именно? Одно изъ его собственныхъ писемъ съ начала 1783 года указываетъ на сосѣдство съ пустынею Гоби.

Въ самомъ внутреннемъ углу прямоугольника, образуемаго отъ Тарей-нора до Далай-нора, между которыми озерами проходитъ сѣверо-восточная граничная черта пустыни, путе-

шественникъ попадаетъ на крайнюю русскую сторожевую станцію у границы Монголіи. Чиндангъ-турукъ[482]), такъ ей имя, лежитъ на Ононъ-борсѣ, которая близко Нерчинска впадаетъ въ Шилку. Въ этомъ поселеніи было тогда около 60 домовъ, занимаемыхъ казаками, а въ двухъ верстахъ внизъ по рѣкѣ была казарма для надзирателей и рабочихъ, которые лѣтомъ для казны и нерчинскихъ магазиновъ занимались здѣсь добычею соли изъ ближнихъ озеръ. Путешественникъ, посѣщающій эту мѣстность лѣтомъ, восхищается роскошною растительностію. Повсюду въ рѣчныхъ долинахъ и на степи видны кочевые тунгузы съ ихъ юртами. Но если онъ пріѣдетъ сюда зимою, какъ напр. Кокренъ въ 1822 г., то все ему покажется иначе. Леденящіе вѣтры визжатъ по мерзлой почвѣ; вьюги и мятели прогнали тунгузовъ; многіе казаки ушли съ ними. Въ Чинданъ-турукѣ все холодно и пустынно.

Изъ того что́ Лаксманъ, какъ видно изъ послѣдующаго, жилъ здѣсь зимою 1782 — 1783 года, я заключаю, что онъ, по отрѣшеніи своемъ отъ должности, первоначально изъ милости получилъ какое-то мѣсто при обширныхъ соловарняхъ, при которыхъ иногда состояло свыше 700 рабочихъ, тѣмъ болѣе, что онъ съ давнишнихъ временъ былъ опытенъ въ соляномъ дѣлѣ. Для семейства своего онъ однакожъ нанялъ квартиру въ лежащемъ къ сѣверу городѣ Нерчинскѣ; тамъ онъ и самъ въ 1783 году получилъ мѣсто «исправника»[483]).

Этимъ неожиданнымъ назначеніемъ — въ нынѣшнемъ его положеніи вдвое желаннымъ по жалованью — Лаксманъ былъ обязанъ указу[484]), изданному въ мартѣ 1783 года о расширеніи областного правленія, при чемъ явилось затрудненіе въ замѣщеніи множества новоучрежденныхъ должностей. Между пр. въ каждомъ изъ 17 уѣздовъ намѣстничества учреждены были: 1) Уѣздный судъ для уголовныхъ дѣлъ, предсѣдателемъ котораго былъ «уѣздный судья»; 2) Земскій судъ для полицейскихъ дѣлъ, для введенія во владѣніе имуществомъ и для взыскныхъ дѣлъ. Предсѣдатель назывался «земскимъ капитаномъ» или «исправникомъ», избирался на три года и получалъ жалованья отъ 250 до 375 рублей; 3) Опекунскій совѣтъ, и 4) Уѣздная расправа, имѣвшая во главѣ своей расправника. Мѣсто, зани-

маемое нашимъ Лаксманомъ, сосредочившимъ въ себѣ званіе пастора, академика, горнаго и надворнаго совѣтника и исправника, соотвѣтствовало мѣсту ленсмана на родинѣ его. Можно полагать, что онъ исправлялъ эту должность удовлетворительно.

Вѣрно то, что его давнишняя любовь ко всему касающемуся естествовѣдѣнія нисколько не ослабѣла даже при самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ. Упомянемъ сперва о его замѣчательныхъ метеорологическихъ трудахъ, давшихъ новый толчокъ по этой части. Хотя онъ заявляетъ лишь о немногихъ болѣе замѣчательныхъ случаяхъ, которые онъ наблюдалъ въ Чиндапѣ отъ 3-го декабря 1782 до 2-го января 1783 года, но эти наблюденія не были единственными. Напротивъ, письмо, въ которомъ сообщается о нихъ, свидѣтельствуетъ о долговременной настойчивости въ этомъ дѣлѣ, а свѣдѣніе о соотвѣтственныхъ измѣреніяхъ температуры достаточно показываетъ, какъ раціонально занимался онъ этимъ изслѣдованіемъ.

Онъ пишетъ: «Я наблюдалъ четырьмя термометрами A, B, C, D, которые были сдѣланы мною самимъ, $\frac{7}{18}$ декабря 1782 г. въ 2 часа утра въ Чинданъ-тумкинѣ (читай: турукѣ), укрѣпленіи на Ононѣ, въ Дауріи, подъ 50° сѣв. широты; ртуть въ A и B понизилась до 210-го градуса по Де-Лилевой скалѣ; а въ C и D, которыхъ шаръ имѣетъ едва 3 лондонскія линіи въ діаметрѣ, она упала на 310 градусовъ въ трубкѣ, а въ шарѣ была по крайней мѣрѣ на 100 градусовъ пустота. Ртуть была похожа на листоватую амальгаму. Въ 9 часовъ она при 207 градусахъ опять была въ жидкомъ состояніи. Съ термометрами A и B, висѣвшими возлѣ C и D, никакой перемѣны не произошло. Въ тотъ же день термометръ мой въ городѣ Нерчинскѣ стоялъ на 220, а въ нерчинскомъ заводѣ на 215, безъ всякой перемѣны. $\frac{3}{14}$ декабря холодъ былъ одинаково суровъ, но я вывѣсилъ лишь A и B, которые въ 1765 г. при 225 и въ 1766 и 1768 годахъ при 254 градусахъ оставались безъ перемѣны[485]).— $\frac{20}{31}$ декабря замерзла ртуть въ C и D опять на 48 часовъ; 22 дек. (2 янв.) послѣ захожденія солнца она опять замерзла до 9 часовъ слѣдующаго дня. Термометры A и B показали 216, а C и D понизились на столько же, какъ и въ предыдущіе раза. Въ Верхъ-Вилуй (читай: Вилуйскомъ

острогѣ, на верхнемъ Мплуѣ (Вилуѣ!), впадающемъ въ Лену, горный присяжный Баннéръ[486]) наблюдалъ полученнымъ отъ меня термометромъ и замѣтилъ 7, 8 и 9-го ноября ст. ст. морозъ въ 231 градусъ, ртуть замерзла и оставалась въ такомъ видѣ два мѣсяца.

«Ртуть для этихъ термометровъ я купилъ незадолго до моего отъѣзда въ Даурію, въ императорской придворной аптекѣ въ Петербургѣ, гдѣ меня увѣряли, что она была очищена сюрмою. Я наполнилъ ею нѣсколько термометровъ и получаю такимъ образомъ часто замерзшую ртуть, состоящую будто изъ перистыхъ листьевъ, какъ скоро морозъ по термометру Де-Лиля доходитъ до 210 градусовъ. Что же касается A и B, которые наполнены ртутью, мною самимъ очищенною, то полагаю, что они, не замерзая, выдержатъ еще болѣе строгій морозъ, чѣмъ когда-либо замѣчено въ Сибири. Зима въ 1783 году не была достаточно холодна для того, чтобы ртуть въ C и D замерзла».

Эти опыты Лаксмана теперь, когда достовѣрно знаютъ точку замерзанія ртути, составляютъ конечно, лишь воспоминаніе изъ младенчества метеорологіи. Но какое вниманіе они возбудили тогда, можно заключить не только изъ того, что распоряженіемъ петербургскихъ ученыхъ вышесообщенное извѣстіе[487]) подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: «Über das Gefrieren des Quecksilbers, vom Hrn. Hofr. Laxman», безъ его вѣдома было напечатано въ главномъ химическомъ журналѣ того времени, но еще болѣе изъ опытовъ, которые академія и отдѣльные люди поспѣшили производить[488]). Точность наблюденій Лаксмана была единогласно восхваляема, а потому такое свидѣтельство даетъ намъ право винить за ошибки не его, а тогдашнюю степень развитія науки.

Мѣстность около Чиндана еще и кромѣ того вліяла возбудительно на него, какъ многосторонняго наблюдателя. По сосѣдству находилось, кромѣ обыкновенныхъ соляныхъ озеръ, уже упомянутый Чаганъ-норъ, натрій котораго онъ такъ успѣшно пустилъ въ ходъ при своемъ стеклянномъ производствѣ въ Шилкинскѣ. Лишь 20 верстъ оттуда, между Ононъ-борсою и параллельною ей рѣкою Тургою, лежитъ гора Адонъ-Чалонъ, извѣстная своими прекрасными видами и своимъ минеральнымъ богатствомъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ много драгоцѣнныхъ находокъ;

нѣкоторыя изъ нихъ особенно восхваляются. Такимъ образомъ онъ былъ первымъ [489]), который на мѣстѣ добылъ прекрасное, впослѣдствіи Палласомъ такъ подробно описанное, видоизмѣненіе *изумруда* или, по тогдашней терминологіи, зеленоватый *шерлъ;* его шестигранніе кристаллы, часто отъ 7 до 8 дюймовъ длиною и 1 дюймъ въ діаметрѣ, пересѣкаются другими чернаго цвѣта безъ малѣйшаго смѣшенія. Отсюда онъ также досталъ *горный хрусталь* съ аквамаринами, сдѣлавшійся красою Петербургскихъ коллекцій [490]). Также замѣчателенъ былъ родъ *оникса*, взятый изъ горнаго хребта Инлонъ у Тарей-нора съ бѣлыми и сѣрыми слоями [491]). Нѣкоторыя минералогическія находки, сдѣланныя въ этихъ или въ предыдущихъ годахъ, уже прежде упомянуты (стр. 157).

Относительно зоологіи въ Чиндантѣ была весьма замѣчательная рѣдкость. Тамъ содержали семерыхъ находящихся въ той странѣ особенно неукротимыхъ дикихъ лошадей, *Equus hemionus*, монгольскій *джигетей* (= длинноухъ). Тутъ онъ имѣлъ хорошій случай для наблюденій, о которыхъ онъ впослѣдствіи [492]) представилъ отчетъ академіи.

Лишь о ботаническихъ изслѣдованіяхъ его съ этого времени невозможно сообщить болѣе достовѣрныхъ подробностей: неизвѣстны ни время когда, ни мѣсто гдѣ найдены многія изъ растеній, взятыхъ «въ Дауріи» [493]), напр. *Convolvulus sibiricus*, *Azalea lapponica*, *Andromeda ericoides*, *Clematis Viticella* и др. Извѣстно только, что онъ не переставалъ заниматься этимъ своимъ любимымъ предметомъ. Къ тому же мы знаемъ изъ письма Портана, что надежду на улучшеніе печальной участи, постигшей его, Лаксманъ главнымъ образомъ основывалъ на дѣйствіи, какое произведетъ коллекція сѣмянъ, которую онъ послалъ со своими сыновьями въ Петербургъ для поднесенія Наслѣднику престола.

XXII.

1784 годъ.

Лаксманъ получаетъ помилованіе. Назначается минералогическимъ путешественникомъ при императорскомъ кабинетѣ. Поселяется въ Иркутскѣ. Тамошняя жизнь. Первая поѣздка въ Култукъ у Байкала. Мѣсто названное по имени Лаксмана. «Von Gängen in Granitbergen».

Послѣ двухлѣтнихъ испытаній, для Лаксмана опять настали болѣе счастливые дни. Многія причины содѣйствовали тому. Рѣшеніе объ отставленіи его отъ службы было, кажется, не единогласно, потому что только въ такихъ случаяхъ императрица на прошеніи, представленномъ въ ея кабинетъ, отмѣняла рѣшенія сената[494]). Согласно помянутому письму Портана, у Лаксмана не было недостатка во вліятельныхъ друзьяхъ. Есть основаніе полагать, что было и всемилостивѣйшее ходатайство великаго князя Павла: извѣстно, что его высочество особенно интересовался естественными науками, и дѣйствительно весьма милостиво принялъ приношеніе Лаксмана (ср. стр. 199).

Но и независимо отъ всего этого, отрѣшенный отъ должности Лаксманъ, по сложившимся обстоятельствамъ, сдѣлался для Кабинета весьма нужнымъ человѣкомъ. Его неудачный отчетъ ускорилъ реформу, которая и привела къ уничтоженію горной коллегіи (стр. 163). Горное дѣло государства, постепенно во всемъ поставленное подъ надзоръ третьяго отдѣленія императорскаго Кабинета, получило весьма заботливаго начальника въ лицѣ генерала Петра Александровича Соймонова. Между прочими обязанностями, упущенными прежнимъ управленіемъ, было также и отыскиваніе драгоцѣнныхъ породъ камней къ украшенію императорскаго дворца и пр. Можетъ быть, Лаксманъ именно для того въ своемъ часто приводимомъ предложеніи и указалъ на это обстоятельство, для котораго онъ даже предложилъ, чтобы штатъ нерчинской канцеляріи былъ увеличенъ особымъ ювелиромъ (сравн. стр. 150). Словомъ, попали на счастливую мысль воспользоваться для этой цѣли его собственными свѣдѣніями. И такъ онъ получилъ мѣсто минерало-

гическаго путешественника при императорскомъ Кабинетѣ, получая годичное жалованье въ 600 рублей, не считая, конечно, прогоновъ [495]).

Пока желѣзо было горячо, его друзья ковали еще болѣе. Случилось такъ благополучно, что нерасположенный къ нему директоръ академіи Домашневъ въ 1783 году былъ отрѣшенъ отъ должности; его преемницею была княгиня Дашкова, урожденная Воронцова. «Madame le président et directeur», хотя и была весьма скупа, однакожъ умна и предана наукамъ и въ особенности заинтересована минералогіею. Однажды, во время отъѣзда ея, общее собраніе академіи, въ маѣ 1784 года, представило Лаксмана замѣстителю ея сенатору Стрекалову къ полученію годовой пенсіи въ 200 рублей, часто назначаемой заслуженнымъ академикамъ. Процедура, конечно, могла показаться дикою, потому что подобныя дѣла подлежали почину самого директора президента, но Дашкова, при возвращеніи своемъ въ сентябрѣ, утвердила случившееся [496]).

Вообще видно, что прежніе товарищи по службѣ Лаксмана, какъ предъ высшею властью, такъ и предъ публикою хотѣли оправдать свое предстательство. Императрицѣ стоило только бросить нѣсколько бѣглыхъ взглядовъ на изданное Палласомъ подъ ея собственнымъ покровительствомъ большое и роскошное сочиненіе въ октябрѣ 1784 года: «Flora Rossica», и она уже во многихъ мѣстахъ предисловія встрѣчала имя Лаксмана, этого «egregius observator, qui floram sibiricam plurimis novis speciebus auxit et nunc Sibiriae redditus eodem, quo in scientiam naturalem semper ferebatur, indefesso studio augere pergit». Что его метеорологическое письмо отъ 1784 $\frac{18}{20}$ мая съ согласія академіи было пропечатано и сообщенныя въ немъ наблюденія, при разныхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ, были по достоинству оцѣнены, о томъ уже упомянуто.

Слѣдовательно Лаксманъ, при болѣе свѣтлыхъ видахъ на будущность, переселился въ Иркутскъ, гдѣ онъ оставался жить до конца своей жизни. Отъ проѣзжающихъ (Сиверсъ, см. ниже) мы узнаемъ, что онъ устроилъ свой домашній бытъ какъ можно пріятнѣе. По коллекціямъ и по прочему устройству посѣтители могли видѣть, что вошли въ домъ ревностнаго любителя природы.

Какъ прежде въ Барнаулѣ и потомъ въ Петербургѣ, было и тутъ обращено много вниманія на садъ съ оранжереями. Сибирскія и заграничныя растенія, посаженныя частью для красы, частью для изученія и акклиматизаціи, были наблюдаемы одно возлѣ другого; тутъ были и почти еще неизвѣстный въ тѣхъ странахъ картофель, и вишня, яблоня и персиковое дерево. Мѣстомъ жительства Лаксманъ избралъ самый пышный и оживленный городъ Сибири, но не для наслажденія, отдыха или покоя, а только для того, чтобъ имѣть удобную точку исхода для новыхъ научныхъ разъѣздовъ.

И дѣйствительно, мѣсто это для его обширныхъ плановъ было чрезвычайно удобно. Подобно оазису въ пустынѣ, лежащій близъ Байкала Иркутскъ [497]) привлекалъ къ себѣ торговые пути Азіи, вмѣстѣ съ ними и людей различнаго восточнаго и западнаго происхожденія, огромные капиталы и весьма оживленныя торговыя сношенія. Народонаселеніе и богатство города возрастали съ каждымъ годомъ: въ немъ уже было 20,000 жителей, 12 церквей, между которыми также и лютеранская, нѣсколько училищъ, одно для японцевъ, библіотека, кабинетъ рѣдкостей и театръ, не говоря уже о банкахъ, лечебницахъ и прочихъ обыкновенныхъ публичныхъ учрежденіяхъ. Вслѣдствіе чрезмѣрной роскоши уже называемый Сибирскимъ Петербургомъ, Иркутскъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ замѣчателенъ своимъ гостепріимствомъ; генералъ-губернаторъ Якоби, намѣстникъ Ламбъ и милліонеръ Медведевъ держали открытый столъ и давали еженедѣльно по очереди обѣды и балы.

Погруженный въ матеріальные интересы, Иркутскъ не чуждался и литературныхъ занятій. Представителями ихъ были, какъ показываютъ [498]), преимущественно многочисленные частные учителя, главнымъ образомъ изъ поляковъ, шведовъ, французовъ и іезуитовъ, которые встрѣчались во всѣхъ болѣе знатныхъ семействахъ. Здѣсь жили естествовѣдъ Карамышевъ и весьма начитанный графъ Мантейфель; здѣсь гащивали сплошь и рядомъ иностранные изслѣдователи: такъ напр. въ началѣ 1785 года французъ Патренъ, корреспондентъ Палласа, и монголистъ Йэригъ; потомъ въ 1786-мъ и въ послѣдующемъ году Биллингсъ со своею большою экспедиціею; въ 1787 г.

весьма оригинальный англичанинъ Ледъярдъ (посѣщавшій также и Финляндію), въ 1788 году Лессепсъ, потомъ Сиверсъ, и пр. Сверхъ того Иркутскъ былъ средоточіемъ тѣхъ поѣздокъ и открытій, которыя послужили началомъ русско-американской компаніи; ими въ то время руководилъ энергичный купецъ Шелиховъ[499]), основатель факторіи на Алеутскомъ островѣ Кадьякѣ и одинъ изъ первыхъ мореходцевъ (1783—1787) между Азіею и Америкою.

Цѣль Лаксмана была однакожъ далека отъ суеты и предѣловъ города. Онъ стремился вонъ. Экскурсія къ горной мѣстности около ю.-з. угла Байкала, впослѣдствіи такъ прославленной его многими изслѣдованіями и открытіями и называемой Култукъ, привлекала уже давно его вниманіе, и можетъ быть была тѣмъ болѣе соблазнительна, что и Палласъ, и Соколовъ, и Георги въ 1772 году оставили ее въ сторонѣ; Палласъ даже увѣрялъ[500]), что здѣсь нельзя было ожидать ни минералогическихъ ни ботаническихъ находокъ. Видѣлъ ли Лаксманъ мѣсто въ 1766 году? Вопросъ этотъ не разрѣшенъ (ср. стр. 41). Какъ бы то ни было, видѣлъ ли его глазъ значеніе этой страны или только предчувствіе говорило ему о немъ, но онъ не уставалъ, устроившись въ Иркутскѣ, по временамъ посѣщать эту страну и изслѣдовать ее. Даже преданіе сохраняетъ въ памяти его ревностные труды: еще въ наше время на берегу между устьями ручьевъ Слюдянки и Похабихи, то мѣсто, гдѣ онъ тогда жилъ, называется Лаксмана, — «чтобъ увѣковѣчить», говоритъ географъ Риттеръ[501]), «открывателя этой геогностической замѣчательности».

Первая вполнѣ извѣстная поѣздка Лаксмана въ ту мѣстность была предпринята около осени 1784 г. Согласно нижеприведенному письму его изъ этого путешествія, онъ, очевидно, на этотъ разъ намѣревался, какъ бы для вступленія, изучить орографическія отношенія по наружной сторонѣ озерного изгиба и страну оттуда къ югу. О самой поѣздкѣ и внѣшнихъ подробностяхъ онъ по обыкновенію своему говоритъ весьма мало или вовсе умалчиваетъ. Позднѣйшія описанія дозволяютъ однакожъ болѣе близкую оріентировку съ мѣстностью, въ которую мы теперь, а также и въ будущемъ часто будемъ сопровождать его.

Въ наше время отъ Иркутска ведетъ хорошее шоссе[502]) въ прямомъ юго-западномъ направленіи къ отдаленной лишь на 100 верстъ почтовой станціи и береговой деревнѣ Култукъ, гдѣ берутъ начало свое высокія горы и замѣчательная дорога, черезъ нихъ проложенная. Въ распоряженіи Лаксмана былъ лишь окольный путь гораздо длиннѣе, по двумъ сторонамъ треугольника, основаніе котораго составляетъ нынѣшнее шоссе. Первая треть этого разстоянія вела вдоль Ангары вверхъ, до того мѣста, гдѣ рѣка черезъ скалу вытекаетъ изъ Байкала. Говорятъ[503]), что взоръ, устремленный съ этой точки черезъ величественное «святое море», величайшее прѣсное озеро стараго свѣта, къ синѣющимъ на другомъ берегу высотамъ Забайкалья, поражается видомъ, который по красотѣ и величію соединяетъ въ себѣ все, что представляютъ Альпы, Кавказъ и Кордильеры. Желающій проникнуть въ горы, долженъ здѣсь рѣшиться или на морской переѣздъ въ западномъ направленіи, или на обходъ озера пѣшкомъ. Лаксманъ при разныхъ случаяхъ пользовался обоими способами путешествія, — на первый разъ, какъ кажется, послѣднимъ.

Первое впечатлѣніе, получаемое отъ природы на высотахъ Култука, если вѣрить Меглицкому[504]), печально поразительно. «Вообразите себѣ, говоритъ онъ, горную мѣстность, пересѣкаемую будто сѣтью дикихъ потоковъ и ручейковъ, покрытую почти непроходимымъ первобытнымъ лѣсомъ, въ тѣни котораго пышный кустарникъ разросся на повсюду распространенномъ моховомъ покрывалѣ, которое лишь на самыхъ крутыхъ береговыхъ скалахъ да на горныхъ вершинахъ уступаетъ мѣсто каменнымъ массамъ: вы легко увидите, что естествоиспытатель здѣсь долженъ бороться съ затрудненіями, преодолѣніе которыхъ по крайней мѣрѣ требуетъ настойчивости и рѣшительности. Напрасно онъ здѣсь осматривается, не увидитъ ли обнаженныхъ мѣстъ, могущихъ дать удовлетворительныя свѣдѣнія объ обоюдныхъ отношеніяхъ плутоническихъ скалистыхъ породъ, о подлинныхъ флянговыхъ линіяхъ аспидныхъ породъ; о рядахъ и лѣтахъ слоевъ. Приходится мучиться нѣсколько дней сряду, въ продолженіе которыхъ путешественникъ не видитъ ничего кромѣ лѣса, мха и каменныхъ заваловъ у водопадовъ».

Но онъ замѣчаетъ еще и что-то иное. Онъ видитъ въ этой лѣсной глуши жизнь животныхъ такую богатую и разнообразную, такую свободную и независимую, что она кажется сбереженною для тонкой наблюдательности и привлекательнаго пера Радде[505]). Онъ видитъ при восходѣ солнца ландшафты, о великолѣпной роскоши которыхъ даже Сельскій[506]) «въ невольномъ благоговѣніи и поклоненіи» не находилъ достаточно вдохновенныхъ выраженій. Но онъ можетъ также, если имѣетъ зоркій и спокойный глазъ Лаксмана, даже въ камняхъ скалъ и ущелій вычитать поучительную главу изъ великой книги творенія.

Сообщеніе Лаксмана[507]), изданное чужою рукою, получило умѣстное заглавіе: «Von Gängen in Granitgebirgen» и выражается такъ: «На южной сторонѣ западнаго конца Байкала, называемаго Култукомъ, проходитъ *гранитный хребетъ* сплошь до моря. Этотъ крутой мысъ, имѣющій до 50 саженей въ вышину, 800 саженей въ длину и еще гораздо болѣе въ ширину, состоитъ весь изъ молочнаго *кварца*, который рѣдко образуетъ цѣлыя горы. Затѣмъ встрѣчается мелкозернистый гранитъ, то кварце-слюдо-шпатовый, то только кварце-слюдистый гранитъ, и эта *гранитная смѣсь* прорѣзана жилообразно расположенными трещинами, — достопримѣчательность столь рѣдкая, что даже нѣкоторые орографы сомнѣваются въ ней.

«Саженяхъ въ 300 отъ кварцовой горы, выступаетъ много параллельныхъ жилъ, которыя у восточнаго склона къ ручью *Слюдяному* (т. е. къ *Слюдянкѣ*) простираются отъ запада къ востоку. Самая мощная изъ нихъ толщиною въ 4 сажени, а прочія потоньше и почти всѣ падаютъ отвѣсно. Южный, можно почти сказать, лежащій, зальбандъ состоитъ изъ черной, чешуйчатой *слюды*. Затѣмъ слѣдуетъ мелкозернистый, зеленоватый, хрупкій *кварцъ* со вкрапленными въ него зелеными слюдистыми кристаллами. Кварцъ занимаетъ $1/_3$ цѣлаго, и примыкаетъ къ сплошному полевому шпату, наполняющему сѣверную и бо̀льшую часть жилы, въ которой часто встрѣчаются призматическіе шерловые кристаллы.

«*Шерлъ* зеленъ, прозраченъ или мутенъ, четырехгранній или пирамидальный, и нѣкоторые кристаллы почти въ 5 футовъ длиною и 15 дюймовъ въ діаметрѣ; но они кубически расколоты,

почему и невозможно достать ихъ цѣльными. Также и слюдистые кристаллы часто включены въ полевомъ шпатѣ. Этотъ наконецъ покоится на кварцовомъ гранитѣ, въ которомъ встрѣчаются лишь немногіе слѣды шпата и слюды. Впрочемъ, жила по крутой юго-восточной сторонѣ горы видна до водяной поверхности Слюдянки, и полая вода въ мягкомъ, песчаномъ кварцѣ пробуравила пещеру въ 4 сажени глубиною и 2 сажени вышиною. Листовая, зеленоватая слюда проявляется, точно такъ же какъ сказано о шерлѣ, въ призматическихъ пирамидальныхъ кристаллахъ, имѣющихъ отъ 3 до 9 сторонъ.

«Естествоиспытатели склонны думать, что вся окрестность Байкала произведена дѣйствіемъ катастрофы; но у горы вокругъ западнаго конца озера, или Култука, все, мнѣ кажется, образовалось медленно. Вышеописанное сложеніе горы показываетъ какъ горныя породы расположились по законамъ сродства и по своей количественности. Кристаллы, можетъ быть, уже тогда получили грани и ребра, когда они въ твердомъ видѣ выдѣлились изъ жидкости».

Нѣкоторыя замѣчанія по поводу этого изложенія кажутся не лишними. Тогдашній петербургскій минералогъ Германъ, который лишь 4 года послѣ опубликованія письма Лаксмана, счелъ его достойнымъ быть снова отпечатаннымъ [508]), дѣлаетъ притомъ нѣсколько замѣчаній. Онъ указываетъ именно во-первыхъ на то, что кварцъ во многихъ мѣстахъ Урала сложился въ цѣлыя горы. Это однакожъ не наноситъ никакого ущерба сообщенію Лаксмана объ одинаковомъ явленіи на Култукскомъ мысу. Что же, во-вторыхъ, касается образованія гранитныхъ жилъ, то о томъ найдутся примѣры не только въ Уралѣ, а также и въ Алтаѣ. На самомъ же дѣлѣ это составляетъ подтвержденіе, но едва ли добавленіе къ сказанному Лаксманомъ: онъ выразился объ этомъ очень опредѣленно уже послѣ поѣздки своей къ Бѣлому морю, и ссылаясь именно на прежнія свои наблюденія въ Алтаѣ.

Болѣе важно безъ сравненія все то, что́ Лаксманъ вообще говоритъ о естественномъ образованіи всей Байкальской окрестности, хотя Германъ, что̀ довольно удивительно, не дѣлаетъ никакого замѣчанія противъ того. Нѣтъ именно сомнѣнія, что

тутъ идетъ полемика противъ Палласа и въ особенности противъ Георги[509]). И все-таки, не обративъ вниманія на сдѣланное возраженіе, развивали теорію послѣдняго почти до догмата, котораго м. пр. фонъ Гофъ, Риттеръ, Эрманъ[510]) и др. придерживаются. Тѣмъ болѣе чести для Лаксмана, что даже новѣйшія геогностическія изслѣдованія рѣшительно отрицаютъ внезапныя дѣйствія вулканическихъ изверженій въ образованіи озера и его окрестностей. Меглицкій, рѣшительнѣйшій противникъ стараго взгляда, вѣроятно независимо отъ своего предшественника, 70-ю годами болѣе ранняго (нигдѣ имъ не названнаго), вывелъ заключеніе что Байкалъ произошелъ постепеннымъ уменьшеніемъ огромнаго въ первобытныя времена альпійскаго озера: что́ Лаксманъ еще далѣе думалъ объ этомъ предметѣ, будетъ упомянуто ниже (до 1794 г.).

XXIII.

Еще 1784 годъ.

Продолженіе со взглядами на будущность. Лаксманъ учреждаетъ стеклянный заводъ въ Толцынскѣ. Его пайщикъ Александръ Андреевичъ Барановъ. Судьба завода. «Von Einführung des mineralischen Laugensalzes» и т. д. Новая эпоха для гіалургіи.

Этотъ годъ, бывшій началомъ поѣздокъ Лаксмана на Култукъ, далъ практическое заключеніе тѣмъ гіалургическимъ опытамъ, которыми онъ такъ ревностно занимался въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, наконецъ въ Шилкинскѣ. Объ этомъ говорится въ сочиненіи, имъ самимъ изданномъ[511]): «Наконецъ 1784 годъ сдѣлался рѣшительнымъ по введенію минеральной щелочной соли. Именно въ этомъ году я вмѣстѣ съ господиномъ Барановымъ учредилъ стеклянный заводъ у Талцынска на рѣкѣ Талцѣ, 40 верстъ выше Иркутска, недалеко отъ Ангары. Тамъ употребляется для плавки стекла изъ песка и

кварца лишь горькая и глауберова соль (по монгольски *гуджиръ*) изъ Анги, Баргузина и Селенгинска.

«Я чувствую себя, говоритъ онъ, очень счастливымъ и довольнымъ, что посредствомъ простыхъ опытовъ открылъ новую и важную эпоху въ искусствѣ плавки стекла, и не хочу пускаться въ какія либо ухищренія для изслѣдованія причинъ, произведшихъ такія важныя явленія. Такъ какъ мы въ состояніи лишь весьма мало проникать въ тайны природы, то предоставляю всѣ систематическія балагурства пламеннымъ и отважнымъ геніямъ, а самъ остаюсь послушнымъ сыномъ отцовъ химіи. Въ юности моей, вѣруя во флогистонъ, я имѣлъ счастіе для сбереженія лѣсовъ указать на ненадобность поташа при производствѣ стекла, а въ болѣе спокойномъ возрастѣ могу хладнокровно согласиться съ противниками флогистона въ томъ, что купоросная кислота, заключающаяся въ горькой соли, при участіи теплоты, соединяетъ свой жизненный газъ съ угольнымъ порошкомъ и такимъ образомъ отдѣляется отъ своего основнаго вещества».

Онъ объясняетъ первый изъ опытовъ, уже выше (стр. 159) описанныхъ, слѣдующимъ образомъ: «Я замѣтилъ притомъ, что природа дѣйствуетъ по удивительнымъ законамъ сродства; зажженное горючее вещество соединилось въ смѣси съ купоросною кислотой и образовало сѣрное произведеніе, при чемъ одна часть щелочной соли, освобожденная отъ кислоты, соединилась съ кремнеземомъ и обратила его въ стекло». О другомъ же опытѣ онъ говоритъ: «Мнѣ кажется, что быстрое накаливаніе въ тиглѣ выгнало соляную кислоту посредствомъ части флогистона, оставило однакожъ его величайшую и окрашивающую часть, для сообщенія стеклу совершеннѣйшей непрозрачности, необыкновенной плавкости и блестящей черноты».

Устарѣлая недостаточность теоріи не уменьшаетъ значенія самаго факта. Важная технологическая задача была рѣшена и полезный результатъ ея примѣненъ къ дѣлу. Заводъ доставилъ основателю своему, какъ ученое, такъ и матеріальное удовлетвореніе. Онъ часто находился тамъ, и въ письмахъ говоритъ о своемъ удовольствіи отъ «Талцынскихъ рощей».

Фабрика тѣмъ болѣе вознаграждала труды, что по офиціальнымъ документамъ [512]), генералъ-губернаторъ Якоби, въ

уваженіе пользы ея для страны, пожаловалъ владѣльцу ея довольно значительныя привилегіи: подъ постройки было отпущено пространство почти въ десять десятинъ казенной земли за плату по 70 копеекъ съ десятины, за 20 работниковъ и 300 десятинъ земли для поселенія и содержанія ихъ платилось по 25 рублей ежегодно съ лица; казенный налогъ взимался по 1 копейкѣ за разный стеклянный товаръ при продажной цѣнѣ отъ 10 до 20 копеекъ. Конечно, непріятности были неизбѣжны, главнымъ образомъ, вѣроятно, потому, что большинство рабочихъ состояло изъ сосланныхъ въ Сибирь преступниковъ, но Лаксманъ [513]) еще въ послѣдній годъ своей жизни сознавался: «Въ этой мрачной пустынѣ я, между многими безпокойными часами, провелъ также и пріятнѣйшіе, и научился познавать цѣну одинокой жизни; здѣсь заводъ мой почти 11 лѣтъ находился въ безпрерывной дѣятельности. Онъ единственный въ Иркутской, Якутской и Охотской областяхъ, которыя отсюда получаютъ изящныя стеклянныя издѣлія».

Много пользы и удовольствія при управленіи Талцынскомъ онъ имѣлъ отъ своего дѣятельнаго компаньона. Этотъ, еще вполнѣ неизвѣстный человѣкъ, былъ не кто иной, какъ Александръ Андреевичъ Барановъ, впослѣдствіи знаменитый основатель Ситхи (на «Барановскомъ» островѣ, между островами Св. Георгія). Многіе, въ томъ числѣ и одинъ [514]) талантливый финляндецъ (Гольмбергъ), писали объ этомъ необыкновенномъ купцѣ, героѣ и организаторѣ, но никто не затрогивалъ прежнихъ его отношеній къ Лаксману; настоящій его біографъ [515]) умалчиваетъ даже вовсе объ участіи Лаксмана въ возникновеніи Талцынскаго завода, приписывая это дѣло одному Баранову. Мнѣ, однакожъ, кажется, что слава человѣка похожа на цвѣтокъ безъ корня, пока никто не показалъ предыдущаго и послѣдующаго въ развитіи его жизни.

Барановъ поселился въ Иркутскѣ именно въ то время, когда Лаксманъ наиболѣе старался пустить въ ходъ свой заводъ. Бывши сначала купцомъ въ своемъ родномъ городкѣ Каргополѣ, въ Олонецкой губерніи, а потомъ въ Петербургѣ и Москвѣ, онъ, можетъ быть, уже давно былъ знакомъ съ Лаксманомъ. Въ Иркутскѣ онъ теперь сдѣлался соучастникомъ въ

стеклянномъ заводѣ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ на свой счетъ основалъ винокурню въ Якутскѣ, расширилъ свои торговыя сношенія черезъ Охотскъ и Гижигинскъ до Анадыря и дикихъ чукчей.

Барановъ, любознательный и понятливый, подъ вліяніемъ своего знаменитаго учителя, который былъ 10 годами старше его, весьма заинтересовался естественными науками и сталъ даже заниматься популярнымъ писательствомъ. Нѣкоторые изъ описанныхъ имъ опытовъ были, безъ сомнѣнія, Лаксманомъ сообщены въ Петербургъ В. экономическому Обществу, которое, чтобы отблагодарить его, 1787 г. выбрало его въ свои члены. Но послѣдовали еще болѣе сильныя побужденія. Такъ какъ именно въ эти годы [516]) прибыльныя сношенія съ Кадьякомъ и другими Алеутскими островами имѣли точку исхода въ Иркутскѣ, и въ то же время Биллингсъ приготовлялся къ крейсерству по водамъ между Азіею и Америкою, то Лаксманъ, конечно имѣвшій уже въ виду эти мѣста для изслѣдованія, часто разговаривалъ о подобныхъ предпріятіяхъ со смышленымъ товарищемъ своимъ, сношенія котораго уже обращались въ ту сторону. Въ подготовленную подобнымъ образомъ почву были посѣяны сѣмена новыхъ событій.

Барановъ въ 1789 году испыталъ большія несчастія. Чукчи разграбили его складъ на Анадырѣ и умертвили прислугу его; да и другія его предпріятія не имѣли успѣха. Будучи разоренъ, онъ принужденъ былъ принять уже раньше предложенное ему Шелиховымъ мѣсто фактора на Кадьякѣ. Онъ отплылъ туда изъ Охотска въ августѣ 1790 г., не предчувствуя даже, что навсегда покидаетъ берегъ Стараго свѣта, чтобы сдѣлаться передовымъ человѣкомъ на берегу Новаго († 1819).

При отъѣздѣ Барановъ продалъ все прочее свое имущество, но оставилъ за собою свою долю въ Талцынскомъ заводѣ. Слѣдовательно, онъ оставался въ сношеніяхъ съ Лаксманомъ. Это обстоятельство достойно замѣчанія. Въ наслѣдствѣ по немъ есть письма и записки; частью ихъ, такъ сказать, офиціальною, воспользовались біографъ его Хлѣбниковъ и исторіографъ русско-американской компаніи Тихменевъ. Навѣрно болѣе тщательное изслѣдованіе принесетъ въ свѣтъ также и переписку съ

его, можетъ быть, единственнымъ учителемъ, какимъ съ увѣренностію можемъ назвать Лаксмана.

Еще на послѣднемъ году своей жизни Лаксманъ въ одномъ сочиненіи[517]) нѣсколькими дружескими словами упоминаетъ о своемъ компаньонѣ, который, какъ говоритъ онъ, «съ 1790 г., находясь на берегахъ Америки и прилежащихъ островахъ, не упускаетъ дѣлать наблюденія, соотвѣтствующія похвальнымъ его познаніямъ». Это замѣчаніе свидѣтельствуетъ, что они сносились другъ съ другомъ не по однимъ дѣламъ, относившимся къ производству стекла. Извѣстно и изъ другого источника, что Барановъ тамъ въ новомъ кругу дѣятельности прилежно занимался чтеніемъ, собралъ маленькую библіотеку, и даже составилъ проектъ топографическаго описанія американскихъ владѣній[518]). Все это я считаю тѣмъ скорѣе слѣдствіемъ вліянія Лаксмана, что сей послѣдній никогда не покидалъ давнишняго намѣренія своего посѣтить Америку, и принималъ даже много мѣръ для приведенія въ дѣйствіе этого намѣренія.

Пока Лаксманъ находился въ живыхъ, дѣла въ Талцынскѣ шли весьма хорошо, что́ и неудивительно, если принять въ соображеніе, что напримѣръ въ 1789 году во всей Сибири не было болѣе 6 стеклянныхъ заводовъ[519]). Но въ письмѣ къ постороннему лицу отъ 1798 $\frac{3}{3}$ Барановъ[520]) жалуется на утраты: при отъѣздѣ своемъ въ Америку онъ состоялъ въ долгу по фабрикѣ на 4000 руб., но за то отпустилъ матеріалы, о которыхъ онъ однакожъ отъ наслѣдниковъ Лаксмана отчета не получалъ, а они только привели заводъ въ упадокъ.

Дѣло такъ и было. Въ иркутскомъ архивѣ хранится прошеніе[521]) отъ 1799 $\frac{20}{9}$, собственноручно подписанное вдовою покойнаго «Катериною Ивановною Лаксмановой» на имя тогдашняго военнаго губернатора Лецано объ увеличеніи рабочей силы при фабрикѣ, такъ какъ изъ ея подчиненныхъ 8 возвратились въ казну, а изъ остальныхъ 12 многіе уже были неспособны къ работѣ. Ея прошеніе уважено и затѣмъ при фабрикѣ состояло отъ 20 до 30 рабочихъ. Однакожъ необходимаго надзора не было, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ многихъ сыновей вдовы тамъ не остался. Вслѣдствіе того она въ 1813 году была принуждена продать заводъ иркутскому купцу Солда-

тову. Онъ присоединилъ къ нему фаянсовую фабрику, и дѣло поднялось. Въ 1824 году Талцынскъ опять упоминается въ письмѣ, которое было тамъ написано поэтичнымъ Мартосомъ [522]). Только заводъ уже имѣлъ опаснаго соперника въ большомъ казенномъ заведеніи на Тельмѣ [523]), тоже притокѣ Ангары, близъ Иркутска. Однакожъ и въ наше время еще существуетъ учрежденіе Лаксмана: между 4 стеклянными заводами, существующими въ одномъ Иркутскомъ уѣздѣ, Талцынскъ кажется тѣмъ самымъ, о которомъ Радде [524]), не упоминая имени его, говоритъ, что посѣтилъ его на берегу Байкала, недалеко отъ устья Ангары, къ востоку.

Лаксманъ полагалъ, какъ мы уже видѣли, что его способъ плавки стекла составлялъ эпоху въ стеклянномъ производствѣ. Согласно свидѣтельству другихъ, это мнѣніе не лишено основанія. Прошло однакожъ довольно много времени, пока онъ сдѣлался болѣе извѣстнымъ. Самыя раннія извѣстія относятся къ 1786 году, когда Лаксманъ при двухъ письмахъ, одно отъ $\frac{30}{9}$ въ петербургскую академію, другое отъ $\frac{8}{11}$ къ Палласу, препроводилъ образцы съ завода своего въ Талцынскѣ, послѣ чего оба эти авторитета подтвердили отличное качество образцовъ. Однакожъ не раньше 1789 и 1793 годовъ эти весьма коротенькія замѣтки были опубликованы [525]); послѣдняя свидѣтельствуетъ также о такихъ же опытахъ его въ Шилкинскѣ (см. стр. 159).

Лишь въ 1796 году вышло на нѣмецкомъ языкѣ часто нами упоминаемое сочиненіе «Von Einführung des mineralischen Laugensalzes anstatt der Potasche auf den Glasfabriken», съ дополненіемъ Палласа: «Eine Entdeckung von Hrn Hofrath Laxman», а въ 1798 передѣланное съ него русское изданіе [526]). Вслѣдствіе похвальнаго объявленія и отчета объ этомъ трудѣ, напечатаннаго въ 1799 году, когда Лаксмана уже давно не было въ живыхъ, въ Physikalisch-ökonomische Bibliothek друга юности его I. Бекмана (томъ XX), дѣло стало еще болѣе извѣстнымъ. Одновременно возникли однакожъ нѣкоторыя сомнѣнія. Такъ пишетъ Георги [527]), послѣ короткаго отчета о производствѣ стекла въ Талцынскѣ: «Полагаютъ однакожъ, что этотъ фабрикатъ не имѣетъ прочности обыкновеннаго стекла: на вольномъ воздухѣ онъ мало по малу дѣлается хруп-

кимъ и иногда лопается безъ всякой причины; это, вѣроятно, происходитъ отъ не вполнѣ удаленной купоросной кислоты, а еще болѣе отъ оставшейся поваренной соли». Прибавимъ, что это замѣчаніе было сдѣлано въ 1790 году самимъ Лаксманомъ, который, слѣдовательно, имѣлъ время улучшить свой способъ.

Новѣйшій отзывъ объ этомъ составленъ Кармаршемъ, въ Geschichte der Technologie [528]), гдѣ сказано: «Глауберова соль при плавкѣ стекла въ первый разъ упоминается въ описаніи Исполинскихъ горъ, изданномъ 1660 г. Кречмаромъ въ Виттенбергѣ; но Лаксманъ первый (въ 1764 и 1766 годахъ) дѣлалъ съ нею опыты въ большомъ размѣрѣ и даже (въ 1784 году) устроилъ стеклянный заводъ, гдѣ плавнемъ должна была служить исключительно глауберова соль.

«При опытахъ, сдѣланныхъ по способу Лаксмана въ Зенфтенбергѣ въ Саксоніи, въ концѣ XVIII столѣтія, при содѣйствіи Лампадіуса, появились, по крайней мѣрѣ въ началѣ, большія затрудненія. Въ 1798 г. венгерскій врачъ, Эстеррейхеръ, занимался тѣмъ же предметомъ и получилъ въ 1801 году отъ австрійскаго правительства привилегію на свой способъ приготовленія стекла глауберовою солью, который онъ практиковалъ до 1805 года на стеклянномъ заводѣ въ Эденбургѣ; способъ этотъ однакожъ при правительственной пробной плавкѣ, въ 1813 и 1815 годахъ, оказался не вполнѣ удовлетворительнымъ. Между тѣмъ съ 1803 года сдѣлано было много опытовъ на баварскихъ заводахъ способомъ, опубликованнымъ Лаксманомъ, безъ удовлетворительныхъ результатовъ; въ нихъ участвовалъ фонъ Бадеръ. Онъ же въ 1808 г. изобрѣлъ измѣненный способъ, которымъ въ 1811 году было произведено хорошее стекло въ большихъ размѣрахъ. Еще лучшимъ оказался способъ, заявленный Ф. Геленомъ въ 1809 г. и испробованный въ 1813 году.

«Съ этого времени употребленіе глауберовой соли вскорѣ распространилось по богемскимъ и другимъ стекляннымъ заводамъ, послѣ того какъ посредствомъ благоразумно произведенныхъ многочисленныхъ опытовъ на императорскомъ зеркальномъ заводѣ въ Нейгаузѣ, близъ Вѣны, разъяснены были главнѣйшія обстоятельства, обусловливающія успѣхъ дѣла. Въ Саксоніи Фикенчеръ въ Цвиккау изготовлялъ стекло при

помощи глауберовой соли съ 1815 года. Во Франціи Пажо Дешармъ еще раньше 1800 года сдѣлалъ нѣсколько опытовъ, которые однакожъ не были примѣнены къ дѣлу; въ 1810 году Легэ далъ рецепты для приготовленія стекла съ глауберовою солью, патентованные для стекляннаго завода въ С.-Гобенѣ; однакожъ только съ 1826 года употребленіе глауберовой соли получило болѣе общее распространеніе на французскихъ заводахъ». Можетъ быть, многіе изъ этихъ околичностей и повторенныхъ опытовъ могли бы быть избѣгнуты, еслибъ самъ Лаксманъ имѣлъ случай исполнить данное въ заключеніи его статьи обѣщаніе о болѣе подробномъ изложеніи вопроса. Вѣроятно, его способъ разбирается во многихъ техническихъ сочиненіяхъ, на которыя ссылается Кармаршъ, но которыя для меня остались недоступными.

XXIV.

Годы 1785 и 1786.

Сравнительно рѣдкое упоминаніе о Лаксманѣ его современниками. Смѣшанныя извѣстія по зоологіи, ботаникѣ, метеорологіи и минералогіи. *Sorex caecutiens.* Знакомство съ Линденау. Письмо къ Бергіусу. Экспедиція Биллингса (1785—94); Лаксманъ исключается изъ нея.

Можетъ показаться страннымъ, что въ то время, какъ Лаксманъ почти ежедневно расширялъ кругъ своихъ изслѣдованій, имя его постепенно все рѣже упоминалось, и какъ будто даже забывалось печатью. Причину тому слѣдуетъ искать, какъ въ увеличивающейся краткости его сообщеній, такъ, и даже еще болѣе, въ опоздалой публикаціи ихъ. Они появлялись обыкновенно въ актахъ петербургской академіи или въ Neue nordische Beiträge Палласа,—двухъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ первое отставало на 3 или 4 года, а второе на 5 или 6 лѣтъ отъ современности. Эти, при появленіи уже нисколько не свѣжія, сами по себѣ весьма скудныя сибирскія извѣстія, лишались еще и той притягательной силы, которою всегда обладаютъ новинки изъ

отдаленныхъ странъ, потому что издатели обыкновенно при печатаніи еще сокращали ихъ, и въ особенности тщательно исключали все, что́ касалось до личныхъ приключеній автора. Кромѣ того, весьма вѣроятно, что перо Лаксмана имѣло нѣкоторое участіе въ той рукописи для упомянутыхъ Beiträge, которая въ 1785 году безслѣдно исчезла, почему и Палласъ былъ принужденъ откладывать изданіе того тома[529]) до 1793 года.

Краткое обозрѣніе[530]) фактовъ, извѣстныхъ изъ рабочаго журнала Лаксмана въ настоящемъ двухлѣтіи, показываетъ, что онъ въ 1785 г.: a) въ январѣ при письмѣ къ Лепехину препроводилъ ящикъ съ корнями растеній для ботаническаго сада Академіи; b) 22 февраля къ Эйлеру — каталогъ со множествомъ морскихъ произведеній и новымъ видомъ *Sorex;* c) 26 апрѣля въ Академію — массу различныхъ сѣмянъ, собранныхъ въ лѣсныхъ долинахъ между Иркутскомъ и Байкаломъ; d) совершилъ изслѣдовательную поѣздку, о которой упомянуто въ e) нижеприведенномъ письмѣ отъ 15-го октября къ Бергіусу.

А въ 1786 году: a) 19-го января препроводилъ въ Академію «интересныя свѣдѣнія» о *Lapis lazuli* и наблюденія въ Якутскѣ надъ естественно-мерзлою ртутью, притомъ сѣмена для ботаническаго сада, нѣсколько полупрозрачныхъ волканическихъ ископаемыхъ и полученное отъ Линденау описаніе Амура и смежныхъ русскихъ пограничныхъ мѣстъ; b) 8-го и 12-го апрѣля — два письма къ Эйлеру, заключающія помянутыя уже прежде подробности изъ Чиндана о животномъ *джиггетаѣ* (стр. 167), а также весьма практическое наставленіе, какимъ образомъ слѣдуетъ укладывать растенія, чтобъ они не подвергались порчѣ при пересылкѣ; c) 5-го августа — нѣсколько писемъ къ Эйлеру и Палласу о новой поѣздкѣ на Култукскія горы, и наблюденія надъ затменіемъ солнца 19-го января н. ст. въ Охотскѣ, а равно и о показаніяхъ термометра за полугодіе отъ послѣдняго 15-го октября; d) 30-го декабря, — въ Академію съ образцами Талцынскаго стекла; e) 18-го ноября — къ Палласу, кромѣ образцовъ стекла, ниже (стр. 193) напечатанныя свѣдѣнія о Байкальской области.

Конечно, большинство этихъ весьма коротко и безъ всякаго личнаго рельефа отмѣченныхъ подробностей не было въ состоя-

нія возбудить особенное вниманіе, къ тому еще при раздробленіи этихъ свѣдѣній передъ публикою на долгій періодъ съ 1788—1793-й г. Къ тому же и матеріальная выгода отъ стараній этого ревностнаго изслѣдователя не была удовлетворительна. Палласъ оказывался весьма внимательнымъ, когда что́-нибудь затрогивало его самого; такъ онъ, напримѣръ, уже въ маѣ 1785 года могъ описать для своей Flora rossica (II, 56) въ императорскомъ саду цвѣтущую *Andromeda ericoides*, которая выросла изъ корней, взятыхъ у источниковъ Нерчи, высланныхъ Лаксманомъ въ началѣ года. А префекты академическихъ музеевъ, особенно ботаникъ Лепехинъ и зоологъ Озерецковскій, были виною многихъ упущеній[531]).

Два примѣра. Рупрехтъ[532]) жалуется на растрату вышеупомянутыхъ морскихъ рѣдкостей; мы прибавимъ, что онѣ, безъ сомнѣнія, были собраны въ мало изслѣдованной мѣстности около Охотска сыномъ Лаксмана Адамомъ, такъ какъ онъ самъ тогда еще тамъ не бывалъ. Та же участь постигла метеорологическій матеріалъ, собранный имъ съ большимъ трудомъ[533]). Пропалъ также типическій экземпляръ животнаго *Sorex*, пойманнаго имъ у Байкала. Оттого досадная путаница въ синонимикѣ! Хотя въ актахъ Академіи[534]) и находится небольшая статья о «*Sorex caecutiens*, auctore E. Laxmano, conventui exhibita die 12 maji 1785», но о самомъ животномъ зоографы не переставали спорить. Первоначально, кажется, даже принимали его за *Mus minutus*[535]); затѣмъ Палласъ, которому слѣдуютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ, наперекоръ положительному заявленію самого находчика, подводитъ его къ прежде имъ найденному у Барнаула *Sorex pygmaeus* (ср. стр. 28). Наконецъ подъ *caecutiens* полагали то *exilis* (Фишеръ), то *pumilus* (Брандтъ). Окончательное рѣшеніе, по неимѣнію на лицо спорнаго экземпляра, никогда не будетъ возможно.

Къ счастію, нѣкоторые въ біографическомъ отношеніи болѣе важные намеки, указанные въ спискѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что́ къ нимъ относится, дозволяютъ болѣе подробное и достовѣрное изслѣдованіе. Упомянемъ, во-первыхъ, объ отношеніяхъ Лаксмана къ Линдепау[536]). Собственно ветеринаръ, но называемый прапорщикомъ, онъ уже въ 1730-хъ годахъ въ качествѣ переводчика

сопровождалъ Мюллера, Штеллера и Фишера въ ихъ поѣздкахъ и затѣмъ остался въ Сибири. Живя недалеко отъ Иркутска, въ деревнѣ у Ангары, гдѣ онъ у ручья Осы купилъ маленькую хижинку, этотъ честный, но нѣсколько упрямый старичекъ съ трудомъ снискивалъ хлѣбъ свой ломкою селитры въ ущельяхъ около Балаганска. Лаксманъ, часто проѣзжавшій по этой странѣ, началъ питать такую дружбу къ этому многоопытному отшельнику, что предложилъ ему даровую квартиру и столъ у себя дома въ Иркутскѣ.

Но Линденау не захотѣлъ переселиться. Окруженный прекрасною природою — «Nichts kann reizender sein etc.», восклицаетъ даже сухой Фишеръ (II, 740), говоря объ Осѣ, — своими воспоминаніями и разными коллекціями, онъ находилъ, что хоть онъ и былъ бѣденъ, но всего у него вдоволь. Годы проходили и онъ жилъ довольнымъ на клочкѣ земли, сдѣлавшемся ему дорогимъ. Здѣсь постигла его наконецъ въ 1795 году печальная смерть. Онъ, 95-лѣтній, вмѣстѣ со своимъ жилищемъ, со всѣми бумагами и записками, сдѣлался добычею пламени. Но многіе совѣты и свѣдѣнія, многія полезныя указанія во время разъѣздовъ своихъ, младшій изслѣдователь получилъ отъ стараго прапорщика.

Свѣдѣніе о письмѣ къ Бергіусу навѣрно покажется читателю довольно неожиданнымъ, но оно само объясняетъ, чѣмъ оно было вызвано. При этомъ стоитъ замѣтить, что, хотя они, прежде такъ часто переписывавшіеся другъ съ другомъ, и не имѣли уже нѣсколько лѣтъ прямыхъ сношеній, но все-таки не забывали одинъ другого, потому что при переселеніи Лаксмана въ Сибирь, Палласъ [537]) вызвался быть посредникомъ между нимъ и стокгольмскими учеными. Слухъ о задуманномъ болѣе продолжительномъ путешествіи Лаксмана, вѣроятно этимъ посредникомъ впервые упомянутый, держался долго и упрочился. Такъ неудивительно, что Бергіусъ, этотъ ревностный ботаникъ, наконецъ отъ самого Лаксмана пожелалъ имѣть болѣе подробныя извѣстія. Къ сожалѣнію, письмо Бергіуса не отыскано, но отвѣтъ [538]) Лаксмана, во многихъ отношеніяхъ весьма поучительный, таковъ:

«Талцынскъ, 15-го октября. Весьма неожиданно, дней пять тому назадъ, я имѣлъ честь получить письмо ваше, г. профессоръ,

отъ 10-го марта 1784, при возвращеніи моемъ съ южнаго конца Байкальскаго озера. Весьма лестно для меня было видѣть себя незабытымъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Европы. Еслибъ мнѣ была дѣлаема почаще честь подобнаго дюсюрприза, то я имѣлъ бы, можетъ быть, достаточно слабости думать о моихъ талцынскихъ рощахъ то же, что остроумные греки о мѣстѣ сборища своего у Аѳинъ, а римляне о мѣстности у Путеоли.

«За благопожеланія на предстоящую мнѣ поѣздку къ Восточному океану имѣю честь покорнѣйше благодарить; приготовленія къ ней продолжались достаточно долго, и лишь теперь я начинаю успѣвать. Ѣду, однакожъ, какъ частное лицо, по собственному желанію и на собственный счетъ, и средства мои не позволяютъ мнѣ брать съ собою ученыхъ спутниковъ. Въ помощникахъ у меня однакожъ нѣтъ недостатка: у меня семеро сыновей[538a]), двое старшихъ, окончившіе курсъ наукъ и состоящіе поручиками въ императорской службѣ, и двое младшихъ, также получившіе въ наслѣдство охоту къ физическимъ наукамъ, сопровождаютъ меня. Старшіе уже въ 1778 и 1779 годахъ сопутствовали мнѣ къ Бѣлому морю[539]).

«Едва ли я проберусь такъ далеко, къ югу — до Красивыхъ островововъ; я намѣренъ ознакомиться съ *Курильскими* и *Алеутскими* островами, да съ американскимъ берегомъ до сѣверной испанской границы[540]). Чтобы проникнуть далѣе, нужно обладать бóльшими средствами, чѣмъ тѣ, которыми я располагаю. Величайшее удовольствіе доставитъ мнѣ поѣздка къ устью Амура и его южнѣйшему заливу, а также къ большому острову Сахалину[541]), находящемуся напротивъ устья.

«Альпійскія растенія надѣюсь найти на горахъ у истоковъ рѣки Уды. Растенія и морскіе продукты, вѣроятно, найдутся на южнѣйшихъ Курильскихъ и на Алеутскихъ островахъ. Растенія американскаго материка, вѣроятно, достаточно извѣстны, благодаря стараніямъ многихъ прилежныхъ ботаниковъ[542]).

«Не пресѣкся ли родъ Линнеевъ со смертью его сына? Я лишился въ отцѣ, а господинъ Палласъ въ сынѣ, хорошаго корреспондента. О смерти господина Варгентина я очень сожалѣлъ. Потерять одного изъ величайшихъ ученыхъ съ благо-

роднѣйшею душою, вотъ что́ достойно слезъ! Счастіе однакожъ для королевской академіи, что она получила Вилькена на мѣсто Варгентина»[543]).

Хотя, какъ послѣ будетъ показано, планъ поѣздки только отчасти былъ осуществленъ самимъ Лаксманомъ, но этотъ планъ и самъ по себѣ заслуживаетъ полнаго вниманія. Это именно, за нѣсколькими измѣненіями, тотъ самый планъ, который, будучи подготовленъ экспедиціею Миддендорфа, въ 1850 г. разбирался въ Русскомъ Географическомъ обществѣ[544]) и до окончанія десятилѣтія, подъ покровительствомъ, какъ этого общества, такъ и петербургскихъ Ботаническаго сада и Академіи наукъ, трудами различныхъ изслѣдователей, былъ приведенъ въ исполненіе. Развѣ это что-нибудь иное, чѣмъ подтвержденіе мысли Лаксмана, когда Радде заявляетъ, «что средній Амуръ составляетъ особую растительную область, отличную отъ прочей Сибири», или когда изслѣдованія Шренка и Максимовича выясняютъ то переходное положеніе, которое мѣстности около устья Амура, островъ Сахалинъ и страна вверхъ по Уду занимаютъ при переходѣ отъ континентальной области въ морскую? Такимъ образомъ созрѣваютъ, хотя и поздно, плоды науки изъ давно забытыхъ сѣмянъ[545]).

Другой въ этомъ мѣстѣ особенно замѣчательный моментъ въ письмѣ Лаксмана (замѣтку о его сыновьяхъ удобнѣе помѣстить немного далѣе) составляетъ положительное заявленіе, что предполагаемая поѣздка имѣла вполнѣ частный характеръ. Еслибъ вопросы Бергіуса уцѣлѣли, то, навѣрно, оказалось бы, что они касались поѣздки Биллингса и не будетъ ли Лаксманъ участвовать въ ней. Палласъ дѣйствительно былъ соединителемъ ученыхъ силъ для этого великаго предпріятія, важнѣйшаго событія въ Сибири въ продолженіе восьми лѣтъ; но у Бергіуса были свои причины, почему онъ теперь не обратился къ нему. Можетъ быть, онъ даже и сдѣлалъ это, но получилъ уклончивый отвѣтъ, — уклончивый, не столько потому, что экспедиція принадлежала къ такъ называемымъ тайнымъ[546]), а скорѣе потому, что Палласъ, какъ это ни кажется невѣроятнымъ, намѣревался отстранить отъ нея Лаксмана. Однакожъ слышно было, что и

Лаксманъ намѣревался отправиться почти въ тѣ же самыя мѣстности, какъ и Биллингсъ. Объ этомъ нѣсколько словъ.

Еще въ 1778 — 1779 г., знаменитый англійскій путешественникъ Коксъ, собирая въ С.-Петербургѣ матеріалы для своего труда[547]) о самыхъ давнихъ мореплаваніяхъ русскихъ между Азіею и Америкою, настаивалъ на томъ, что наука должна же наконецъ интересоваться этимъ вопросомъ. Лаксмана заняла, судя по тому, что мы уже знаемъ, весьма скоро та же самая мысль и уже болѣе не покидала его. Наконецъ и правительство обратило на то свое вниманіе. Императрица въ 1784 году отнеслась благосклонно къ предпріятію и дала надлежащія повелѣнія адмиралтейству. Начальникомъ всей экспедиціи былъ избранъ англичанинъ капитанъ Биллингсъ, который, какъ участникъ послѣдняго путешествія Кука, пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ. Чисто-научное снаряженіе было ввѣрено Палласу.

Въ началѣ 1785 года французъ Патренъ[548]), состоявшій шихтмейстеромъ въ Барнаулѣ, посѣтилъ Иркутскъ. Онъ представился въ качествѣ избраннаго естествоиспытателя экспедиціи съ инструкціей, составленной Палласомъ. Что Лаксманъ думалъ тогда — не знаемъ. Устраненіе его представляется вполнѣ непонятнымъ, если не полагать, что прежній служебный его проступокъ и, такъ сказать, положеніе обвиненнаго, въ которомъ онъ еще находился во время разсужденій въ Петербургѣ, повліяли на рѣшеніе властныхъ особъ. Онъ болѣе чѣмъ кто-либо заслуживалъ не быть при этомъ забытымъ.

Намѣреніе правительства было наконецъ формальнымъ образомъ вступить во владѣніе землею, замѣчаемой по слухамъ къ сѣверу отъ Колымы и Берингова пролива, а также Курилами и Алеутами съ побережьемъ американскаго материка, гдѣ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ поселилось нѣсколько рыболововъ, звѣролововъ и торговцевъ пушниной. Какіе новые государственные и торговые виды на будущность! Предѣлы государства должны были значительно раздвинуться и получиться противовѣсъ не только исключительному вліянію голландцевъ на Японію (Нангасаки), а также и сношеніямъ англичанъ съ Китаемъ (Кантонъ), отъ которыхъ кяхтинская караванная

торговля начинала страдать. Кромѣ того какія предвидѣлись завоеванія для науки! Лаксманъ уже давно мечталъ объ этомъ.

Приведеніе въ исполненіе рѣшенія однакожъ не подвинулось впередъ, пока заграничныя газеты въ іюлѣ 1785 года вдругъ не заявили, что французы, нежданные конкуренты, выслали эскадру подъ начальствомъ знаменитаго Ла-Перуза, для путешествія вокругъ свѣта и отысканія новыхъ торговыхъ путей. Теперь пришлось показать, кто первымъ поспѣетъ. Биллингсъ и его подначальные Сарычевъ, Галлъ и Берингъ (не внукъ ли открывшаго Беринговъ проливъ?) должны были на своихъ вѣрющихъ грамотахъ принести присягу въ молчаливости и были поспѣшно отправлены, снабженные обширнѣйшими кредитивами. Повелѣно было не щадить никакихъ издержекъ; жалованья, награжденія, обѣщаніе денежныхъ наградъ и чиновъ, если тотъ островъ, тотъ или другой мысъ будетъ достигнутъ, — все было по-царски, все обнаруживало, какія надежды возлагались на экспедицію. Она составляла съ начальствомъ и нижними чинами не менѣе какъ 130 или 140 человѣкъ. Въ качествѣ секретаря и репортера Биллингсъ взялъ съ собою своего земляка Зауера, описанія котораго вмѣстѣ съ путевымъ журналомъ Сарычева служили намъ теперь главными источниками [549]).

Вскорѣ послѣ того, когда пріѣхавшіе изъ Петербурга члены экспедиціи, къ которымъ мало по малу примыкали и другіе, немного занимавшіеся естественными науками, какъ-то: оба хирурга [550]) Робекъ и Алегретти, шихтмейстеръ Гаузе и англичанинъ I. Мэнъ, — 14-го февраля 1786 года прибыли въ Иркутскъ, новое оскорбленіе ожидало Лаксмана. По причинѣ слабаго здоровья, Патренъ, хотя ему и обѣщали чинъ асессора, уже въ Томскѣ отказался отъ возложеннаго на него порученія. Немедленно Лаксманъ вызвался занять его мѣсто. На его прошеніе послѣдовалъ со стороны Биллингса отказъ [551]), безъ объявленія причины. За то предусмотрительный начальникъ, двумя мѣсяцами позже, однимъ днемъ ранѣе отъѣзда изъ Иркутска, послалъ Зауера съ приглашеніемъ къ госпитальному врачу, доктору Мерку, сдѣлаться естествоиспытателемъ экспедиціи, на что этотъ и согласился, сознаваясь вмѣстѣ съ тѣмъ

чистосердечно, что не былъ спеціалистомъ. Прекрасное начало, которому соотвѣтствовало такое же продолженіе!

Лаксманъ съ своей стороны, въ продолженіе цѣлыхъ 8 лѣтъ дѣйствія экспедиціи (1786—1794), получилъ полное удовлетвореніе отъ Немезиды. Было ли то предзнаменованіемъ?—но только докторъ Меркъ, естествоиспытатель, вовсе не привыкшій къ трудамъ, почувствовалъ головокруженіе въ самомъ началѣ, при переѣздѣ черезъ небольшой быстрый горный ручей, упалъ съ лошади и бухъ въ воду! Онъ однакожъ всталъ и затѣмъ держался довольно хорошо, а со временемъ дѣйствительно наскоро набралъ нѣсколько естественныхъ предметовъ. А Биллингсъ, хоть впрочемъ большой любимецъ счастія, дѣлалъ одинъ промахъ за другимъ. Главною бѣдою была его осторожность, доходившая до трусости, почему онъ часто, и нерѣдко наперекоръ совѣтамъ болѣе подвижнаго Сарычева, боцмановъ и проводниковъ, пропускалъ надлежащее время.

Заслуги экспедиціи были слѣдующія. Теченіе рѣки Колымы было изслѣдовано довольно подробно; у ея устья построили судно [552]), названное «Палласомъ», и на немъ осмотрѣли часть берега Ледовитаго моря, но сочли болѣе надежнымъ поспѣшить обратно въ гавань. Еще два корабля, одинъ о двухъ, а другой о трехъ мачтахъ, были построены въ Охотскѣ; меньшій изъ нихъ, еще не дойдя до рейда, сѣлъ на мель, такъ что пришлось сжечь его, снявъ съ него желѣзо и снасти, для сооруженія еще одного гальота въ Камчатской гавани Петропавловскѣ.

Когда наконецъ въ 1790 году все было готово, чтобы отплыть въ море, получено было извѣстіе, что Швеція объявила войну Россіи и выслала фрегатъ Меркурій подъ начальствомъ капитана Кокса въ эти воды, для уничтоженія выгодной торговли мѣхами. Слѣдовательно причинъ довольно къ удвоенію осторожности! Итакъ отправлялись нѣсколько разъ взадъ и впередъ по слѣдамъ кораблей отважныхъ купцовъ Шелихова и Баранова [553]), мимо Уналашки, Кадьяка и другихъ Алеутовъ, посѣтили на мгновеніе даже берегъ Америки, но опасались пройти черезъ опасную цѣпь островов. Съ крейсеровокъ туда и сюда всегда обыкновенно возвращались къ русской сторонѣ. Одинъ разъ однакожъ достигли залива Св. Лаврентія въ Беринговомъ

проливѣ, и разсматривали его издали. Но когда Биллингсъ здѣсь скомандовалъ «руль на вѣтеръ, приготовьтесь къ возвращенію», тогда лопнуло терпѣніе даже его секретаря. «Being just entering upon the grand part of the undertaking, thus to abandon it, was the most unaccountable and unjustifiable of actions!» — восклицаетъ Зауеръ въ сердцахъ.

Биллингсъ однакожъ былъ не таковъ, чтобы подчиненныхъ своихъ или самого себя лишать какого-либо удовольствія. Зимы проживались въ гаваняхъ и приморскихъ мѣстахъ — въ Охотскѣ, Петропавловскѣ и Большерецкѣ; а Гижигинскъ, хотя и значился въ инструкціи, не былъ посѣщенъ, изъ опасенія чукчей, казавшихся безпокойными. Занимались также отважными поѣздками на саняхъ въ суровый Якутскъ и въ веселый Иркутскъ. Такъ протекли годы. Слишкомъ долго корабли не держались на морѣ, такъ имъ и не довелось видѣть ни эскадры Ла-Перуза, ни японскую миссіи Лаксмана младшаго [554]), — не говоря уже о шведскомъ военномъ фрегатѣ [555]).

Восемь лѣтъ экспедиціи прошли, прошло еще столько же времени, и появились наконецъ въ 1802 г. два сочиненія [556]): одно Сарычева на русскомъ языкѣ, заключающее главнымъ образомъ его собственный многословный дневникъ, другое Зауера на англійскомъ языкѣ, написанное вяло и съ неудовольствіемъ. Публика болѣе всего удивлялась щедрости императрицы и ея терпѣнію. Но, конечно, ученая добыча окажется болѣе богатою, чѣмъ мореходная! думала критика. Коллекціи были переданы Палласу, который дѣйствительно въ своей вышедшей десять лѣтъ спустя Zoographia rosso-asiatica часто цитируетъ Биллингса и Мерка, но навѣрно онъ болѣе чѣмъ кто-либо былъ недоволенъ сравнительно незначительными результатами экспедиціи [557]).

Послѣ полученнаго отказа Лаксманъ, кажется, рѣдко встрѣчался съ Биллингсомъ и его спутниками; Зауеръ упоминаетъ о немъ лишь мимоходомъ мѣстахъ въ двухъ [558]); Сарычевъ совсѣмъ о немъ умалчиваетъ; онъ самъ говоритъ лишь оффиціальнымъ слогомъ о немъ въ рапортѣ, нижепоказанномъ подъ 1793 годомъ. Что онъ однакожъ слѣдилъ за ихъ предпріятіями, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Во время экспедиціи, какъ ниже бу-

детъ показано, его второй сынъ получилъ занятія и порученія въ двухъ главныхъ мѣстахъ экспедиціи, а именно: сперва въ Гижигинскѣ, а потомъ въ Охотскѣ, откуда онъ отчасти даже объѣхалъ тѣ же воды, какъ и суда Биллингса, а сверхъ того онъ самъ во время своихъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ странствованій попалъ на слѣды господина Мерка и его товарищей.

Постигнутый подобнымъ же несчастіемъ, какъ прежде другъ его молодости励алькъ, быть устраненнымъ отъ путешествія для открытій, страстно имъ желаемаго, Лаксманъ, видя потомъ, какъ необдуманно оно было исполнено и какъ мало доставило, легко могъ утѣшиться. Онъ хотѣлъ, и это было его твердое, теперь еще болѣе укрѣпившееся намѣреніе, на собственный рискъ предпринять путешествіе для открытій, которое онъ уже давно имѣлъ въ виду и о которомъ онъ незадолго передъ тѣмъ заявилъ Бергіусу. А пока у него было довольно вопросовъ, ожидавшихъ рѣшенія и которые онъ рѣшилъ успѣшно.

XXV.

Годы 1786—1787.

Опять посѣщеніе Култука. Письмо о томъ. Работы, совершонныя тамъ по порученію импер. Кабинета. Лазурная комната въ Царскомъ Селѣ. О вновь открытыхъ минералахъ, въ особенности о *тремолитѣ*, *байкалитѣ* и *лазуревомъ камнѣ*. Дальнѣйшія изысканія по слѣдамъ Лаксмана.

Двѣ или три поѣздки Лаксмана въ 1784 и 1785 годахъ на Култукъ вполнѣ убѣдили его въ своеобразности страны въ геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ. Между прочимъ, онъ въ одну изъ этихъ поѣздокъ нашелъ прекрасный кристаллъ *шерла*, который, какъ мы увидимъ, въ концѣ концовъ попалъ во дворецъ великаго князя Павла, и «интересные» образцы *Lapis lazuli*, о которомъ упомянуто въ прежде сообщенномъ нами письмѣ въ Академію отъ 1786 $\frac{19}{1}$. Желали болѣе подробныхъ свѣдѣній, а потому онъ рѣшился, послѣ возобновленнаго

осенью того же года вторичнаго посѣщенія Култука, написать необыкновенно длинное для его пера письмо къ Палласу[559]), о которомъ послѣдній, а также и Риттеръ, съ большими похвалами упоминающій о немъ, объявляютъ, что оно привело къ изслѣдованію дѣйствительной terra incognita.

Письмо слѣдующаго содержанія: «Талцынскъ, 18-го ноября 1786 года. Плохое жилище мое до сихъ поръ мѣшало мнѣ написать разсказъ объ открытомъ мною *Lapis lazuli;* объ анализѣ даже нечего и упоминать. Благодаря моимъ четыремъ поѣздкамъ на южный берегъ Байкала или на Култукъ, я дошелъ до того, что довольно подробно изслѣдовалъ горы вдоль берега отъ Никольскаго до устья ручья Мурина. Крупнозернистый гранитъ, всѣхъ возможныхъ видовъ, составляетъ преобладающую горную породу. У Малаго Баранчука (въ 5 верстахъ) видны бѣлыя наслоенія известняка, который, однако вслѣдствіе рыхлаго и пористаго сложенія, не достоинъ названія мрамора. Гранитныя стѣны у Большого Баранчука гнейсовидны и разсѣчены на кубическіе куски (Желваковый сланецъ?).

«Толстой мысъ (25 в.) съ 3 ручьями Шумихами (26 в.) не представляетъ ничего иного кромѣ *Granito rosso*, *Granito minuto* и *Granitone* съ кварцовыми жилами. Передъ Половиннымъ крутая гранитная стѣна почти незамѣтно исчезаетъ и уступаетъ мѣсто весьма узкимъ бѣлымъ шпатово-зернистымъ мраморнымъ пластамъ. Имѣющій 1 версту въ длину, умѣренно высокій, лопатообразный Половинный мысъ (10 в.) состоитъ изъ разныхъ бѣлыхъ, сѣрыхъ, пестрыхъ, желтоватыхъ и съ прожилками сортовъ мрамора, со многими маленькими пустотами и пещерами. Цвѣтной болюсъ и желѣзная охра также попадаются, а гранитъ, носящій всѣ эти вещества, состоитъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ *Granito rosso*.

«Половинная губа (25 в.) представляетъ почти единственную безопасную и удобную пристань во всемъ Култукѣ. Здѣсь покатая гранитная плоскость переходитъ въ чрезвычайно крутые утесы со скалами, подобными развалинамъ, весьма дикими и зіяющими — которыя производятъ странное впечатлѣніе на естествоиспытателя въ то время какъ онъ, будучи близокъ къ крушенію, для спасенія своей жизни напрягая всѣ свои силы,

гребетъ противъ могущественныхъ волнъ [560]). На нѣкоторомъ разстояніи эти скалы, торчащія надъ водою, кажутся пирамидами, за что и получили названіе столбовые мыски. Кварцовый гранитъ, изъ котораго состоятъ эти столбы, цвѣтомъ почти темно-сѣрый отъ обильно находящейся въ немъ слюды. Отсюда до Шарбатая и Медвѣдицы (20 в.) сѣрокоричневыя гранитныя скалы принимаютъ болѣе неопредѣленный видъ, тянутся въ юго-западномъ направленіи мимо рѣки Иркутъ, удаленной верстъ на 15 и текущей параллельно съ Байкаломъ, отдѣляясь отъ него только посредствомъ низенькихъ холмиковъ, и наконецъ достигаютъ до истоковъ Китоя и т. д.

«По этой долинѣ вьется рѣчка Култучная, у которой лѣтъ 20 тому назадъ была построена деревня о 8-ми дворахъ [561]). Прибой волнъ образовалъ въ долинѣ много холмовъ и между ними множество озеръ, болотистыхъ низинъ и обильныхъ травою луговъ. Ручей Тала вытекаетъ въ этой долинѣ изъ противолежащей горы, которая многочисленными уступами подходитъ къ Байкалу и наконецъ вдается въ него весьма узкою, но имѣющею въ длину болѣе версты косою, состоящею изъ ряда какъ бы развалинъ сводовъ съ ущеліями.

«Въ высшей степени странная формація этихъ утесовъ [562]), при которыхъ выдры имѣютъ свое надежнѣйшее зимовье, обратила на себя вниманіе даже тунгузовъ, которые поэтому называютъ эти невысокія скалы Шаманскимъ камнемъ и употребляютъ ихъ для своего богослуженія (5 в.). Здѣсь, а также и на 5 верстъ впередъ, находятъ на песчаной коркѣ красивый, гранатистый песокъ и черный желѣзный блескъ, который притягивается магнитомъ. А гранитъ здѣсь все такой же, какъ и прежде, и отдѣляется отъ нихъ лишь полосою земли версты въ полторы, да еще отличается увеличеннымъ количествомъ кварца. Отъ Шаманскаго камня до устья Похабихи, слѣдовательно, ничего не видно, кромѣ гранита да кварцовыхъ жилъ.

«Но Слюдянка, устье которой находится только на 1 версту далѣе къ востоку и отдѣляется только узкимъ горнымъ кряжемъ, представляетъ множество отличій. Послѣ наноснаго пласта, протяженіемъ въ одну версту, возвышается горный кряжъ, который болѣе чѣмъ на 1 версту состоитъ преимущественно изъ

чистаго кварца. Затѣмъ слѣдуетъ гранитъ во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ. Послѣ $2\frac{1}{2}$ верстъ тамъ и сямъ показывается зеленоватая и коричневатая *слюда*[563]) очень большими окристаллизованными массами, которыя вмѣстѣ съ известковымъ зеленоватымъ *шерломъ* заключаются въ *известковомъ шпатѣ*. Нѣкоторые изъ этихъ шерловыхъ кристалловъ имѣютъ болѣе 2 аршинъ длины и болѣе $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ, прекраснѣйшаго берилловаго или изумруднаго цвѣта, съ прозрачностью. Жаль только, что они внутри растрескались и легко ломаются; даже если ихъ вынимаютъ довольно цѣльными, они потомъ, по высыханіи, распадаются на маленькіе кубическіе кусочки, похожіе на зеленое стекло. Прекрасный бѣлый мраморъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ, а въ соединительныхъ каменныхъ породахъ, гдѣ гранитъ примыкаетъ къ мрамору, проступаетъ *Lapis lazuli*.

«По всей рѣчкѣ (Слюдянкѣ), около 35 верстъ длиною, находятъ валуны этой синей горной породы вездѣ между наносами, и опять по мѣстамъ выступаютъ бѣлые мраморные утесы до той снѣжной вершины, съ которой свергается яростный ручей. У Слюдянки *Lapis lazuli* показываетъ удивительные переходы изъ самаго насыщеннаго темнаго ультрамарина въ цвѣтъ блѣдной сыворотки; мѣстами встрѣчаются камни фіолетово-синяго цвѣта, а еще гораздо чаще похожіе цвѣтомъ на талассинъ и селадонъ. То кварцъ, то полевой шпатъ смѣшаны съ зернами слюды и колчедана, то опять вкраплены известковыя частицы.

«Я, до безумія и до мученичества[564]) влюбленный въ камни и въ дикой Сибири совсѣмъ испортившій свой вкусъ, не въ состояніи судить о прекрасномъ. Потому осмѣливаюсь переслать цѣлую партію синихъ камней моихъ для представленія ихъ высшему приговору. Съ Слюдянкою прекращается *Lapis lazuli*.

«До прелестной, тѣнистой рощи у рѣчки Безыменной (20 в.), гранитные утесы украшаются бѣлыми и пестрыми мраморными насадками. Богатая наносная земля замѣняетъ иногда крутую гору. *Rhododendron chrysanthum* между кедрами (Zirbelfichten) почти единственное кустарное растеніе; новая *Dryas trifoliata* привела меня въ восхищеніе. Затѣмъ до Утульска (15 в.) и Мурина (25 в.) находятся только мраморныя глыбы, да поросшая кашкарою (*Rhod. chrysanthum*) широкая, плоская и

болотистая наносная земля. Если въ будущемъ мнѣ представится случай сдѣлать еще нѣсколько поѣздокъ, то мой старый глазъ, можетъ быть, откроетъ и еще нѣсколько подобныхъ незначительностей.

«Безъ политуры *Lapis lazuli* не особенно казистъ, особенно въ сухомъ видѣ. У Чикоя множество прекраснѣйшаго *порфира*, цѣлыя скалы [565]) состоятъ изъ него. — Также выше крѣпости Кударинска, у Шарагольской пограничной стражи, находится красивый бѣлый *гранитъ*, ничего въ себѣ не заключающій, кромѣ совсѣмъ чернаго *шерла* въ большихъ кристаллахъ, въ 1 вершокъ длиною и тонкихъ какъ иглы. У Лены находятъ прекрасные *Starrsteine*, черные съ бѣлыми кругами, или очками и бѣлые съ черными кругами, твердые какъ яшма, а находятся въ видѣ булыжника. У Байкала находятъ ихъ также бѣловатые съ черноватыми и коричневыми пятнами, величиною отъ горчичнаго зерна до горошины и способные къ принятію отличной политуры. И у Оки, отдѣляющей нынѣ Иркутскую область отъ Нижне-удинской, ломаютъ превосходный *порфиръ*. У Слюдянки получаются также прекрасные куски *красноватаго кварца*».

Это болѣе частное, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ для Академіи назначенное письмо, не было однакожъ единственнымъ отчетомъ, составленнымъ Лаксманомъ по этому дѣлу. Изъ того, чтó ниже будетъ сообщено, кажется скорѣе, что онъ увѣдомилъ, какъ другихъ частныхъ лицъ, такъ и горную коллегію и члена императорскаго Кабинета, генерала Соймонова, о своихъ минералогическихъ находкахъ. Этимъ объясняется, что хотя сообщеніе, сдѣланное Палласу, было напечатано только въ 1793 году, но счастливыя открытія Лаксмана уже лѣтъ за 5 или за 6 ранѣе сдѣлались общеизвѣстными и возбуждали большое вниманіе въ Петербургѣ.

Случилось еще такъ благопріятно для него, что съ началомъ 1787 г., имп. Кабинетъ [566]), въ службѣ котораго онъ находился, формально принялъ на себя все управленіе горнаго вѣдомства. Выбранному начальнику новой горной экспедиціи, упомянутому генералу Соймонову, который уже прежде въ 1786 году выхлопоталъ покупку правительствомъ минеральной коллекціи, оставленной Лаксманомъ въ Петербургѣ (ср. стр. 126), пред-

ставился опять случай оказывать благосклонность къ нему, а равно и рвеніе свое къ службѣ, докладомъ императрицѣ о нахожденіи въ ея собственномъ государствѣ, уже изстари при русскомъ дворѣ дорого цѣнимаго *Лазурнаго камня*[567]).

Вслѣдствіе доклада Соймонова, императрица повелѣла*) не только хранить образцы лазури при Кабинетѣ, но и ассигновать на первый случай три тысячи рублей изъ Кабинета на продолженіе изслѣдованій въ Култукѣ. Особый курьеръ съ деньгами былъ отправленъ въ Нерчинскую горную экспедицію, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, предписаніемъ отъ $1787\frac{14}{1}$, уполномочивалась поставить въ распоряженіе Лаксмана одного шихтмейстера или горнаго присяжнаго, штейгера, кузнеца и двухъ солдатъ. Всѣ эти лица должны были явиться къ нему въ Талцынскъ, «гдѣ онъ обыкновенно проживаетъ», для полученія его дальнѣйшихъ приказаній. Отъ Лаксмана зависѣло по своему усмотрѣнію нанять прочихъ рабочихъ. Необходимыя орудія и снасти должны были доставляться ему, а нужныя постройки сооружаться по его указанію. Иркутскому генералъ-губернатору Якоби предлагалось содѣйствовать его предпріятіямъ.

И въ скоромъ времени Лаксманъ ревностно принялся за дѣло. Уже 17-го числа слѣдующаго апрѣля, письмомъ въ Нерчинскую горную экспедицію, онъ довольно плохимъ русскимъ языкомъ выразилъ желаніе свое получить въ помощники бергмейстера Малафеева, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы прочая рабочая сила была выбрана изъ благонравныхъ и энергичныхъ людей. Въ концѣ мая экспедиція донесла, что съ ея стороны все было исполнено по высочайшему повелѣнію.

Изъ разныхъ рапортовъ и отзывовъ Малафеева, Лаксмана и Нерчинской экспедиціи видно, что настоящія работы въ

---

*) Сообщенныя здѣсь свѣдѣнія о первой правительствомъ предписанной и вообще о первой разработкѣ лазури въ Култукѣ, — также и многія интересныя свѣдѣнія о Талцынскомъ стеклянномъ заводѣ, о которыхъ мы уже упоминали, и о многихъ событіяхъ и отношеніяхъ въ Восточной Сибири, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, — взяты изъ офиціальныхъ актовъ архива Иркутскаго генералъ-губернатора, которые, по просьбѣ моей, благосклоннымъ предстательствомъ генералъ-губернатора Финляндіи, графа Николая Владимировича Адлерберга, были доставлены въ мое распоряженіе.

горахъ начались въ началѣ августа и были окончены въ декабрѣ мѣсяцѣ. Вѣроятно, лѣто прошло въ приготовительныхъ работахъ, куда входила, между прочимъ, и постройка домовъ, по которымъ затѣмъ и самая мѣстность была названа по имени «*Лаксмана*»[568]). Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, какъ оказывается, поиски лазури, главнымъ образомъ, происходили въ ближайшихъ окрестностяхъ.

Подъ руководствомъ Малафеева сперва въ августѣ мѣсяцѣ было изслѣдовано русло рѣки Слюдянки, начиная отъ устья вверхъ до истока. Затѣмъ перешли къ рѣчкѣ Похабихѣ, которую изслѣдовали по всему теченію. Потомъ 19-го декабря, все въ западномъ направленіи, отправились черезъ деревню Култукъ до рѣки Иркута и оттуда чрезъ Цагспнъ-Усинскіе гольцы до рѣки Китоя, — слѣдовательно черезъ горы кругомъ Тункина, гдѣ мы уже встрѣчали Лаксмана въ его молодости, занятаго поисками ревеня (см. стр. 35). Хотя въ рапортѣ о томъ и не упоминается, но кажется весьма сообразнымъ съ мѣстностію, что возвратный путь былъ сдѣланъ отъ Китоя прямо въ Иркутскъ.

Такъ закончилась первая изъ Култукскихъ экспедицій, весьма часто повторявшихся затѣмъ до нашего времени; предшествовавшія же поѣздки Лаксмана имѣли болѣе частный характеръ. Рабочая сила, которою онъ теперь располагалъ, состояла, кромѣ прибывшихъ изъ Нерчинска рудокоповъ, изъ 27 человѣкъ. Вся «партія» обошлась по счету въ 3,684 рубля 29½ коп. Добыча, по заявленію Лаксмана, состояла изъ 20 пудовъ минераловъ, которые нерчинскою горною экспедиціею, согласно донесенію ея отъ 1788 $\frac{4}{1}$, были отправлены въ императорскій Кабинетъ съ такъ называемымъ серебрянымъ караваномъ.

Случайное обстоятельство посодѣйствовало значительному увеличенію цѣнности находокъ и посылокъ Лаксмана. Именно въ этомъ году правительство весьма ревностно во всѣхъ частяхъ имперіи занималось[569]) отыскиваніемъ такихъ каменныхъ породъ, которыя могли бы употребляться при ремонтировкѣ, расширеніи и украшеніи императорскихъ дворцовъ въ Петербургѣ и въ его окрестностяхъ. Большая токарная и шлифовальная фабрика въ Петергофѣ работала почти исключительно для Двора; брали пре-

имущественно русскій и сибирскій матеріалъ для изготовленія паркета, мозаикъ, мебельной обшивки, вазъ и пр.

Екатерина болѣе всего заботилась о Царскосельскомъ дворцѣ, и не успокоилась, пока изъ него не вышло, по выраженію тогдашняго французскаго посланника, «un précieux bijou». Какъ было кстати, что въ 1787—1788 годахъ, когда тамъ устраивались императорскія ванны, прибыла въ Петербургъ фура съ синими камнями Лаксмана. Они немедленно были ошлифованы и употреблены для обшивки комнаты, и теперь называемой Лазурною, — достойной ровни покоямъ изъ яшмы, агата и мозаики [570]).

Не менѣе заинтересованы были минералоги и собиратели рѣдкостей новинками изъ Байкальскаго царства ископаемыхъ, прежде совершенно неизвѣстнаго. Каждый сколько-нибудь извѣстный музей спѣшилъ пріобрѣсти для себя штуфы тамъ находимыхъ минераловъ. Особенностями Култука называются [571]): *бѣлый плитовый мраморъ, бѣлый листовой и лучистый известковый шпатъ, твердый молочномутный кварцъ, бѣлый полевой шпатъ съ шерломъ и слюдою, синій и бѣлый благородный полевой шпатъ, зеленый кристаллическій шерлъ въ полевомъ шпатѣ, лучистый тремолитъ, оливковый* или *зеленоватый шерлъ, желваковая призматическая кристаллическая слюда, бѣлый лучистый зеолитъ съ полевымъ шпатомъ*, и пр. Въ болѣе старинныхъ каталогахъ сообщаются еще и другія названія, но онѣ кажутся намъ не заслуживающими упоминанія здѣсь.

Особеннаго вниманія тогдашнихъ химиковъ удостоивались нѣкоторыя изъ находокъ Лаксмана, при чемъ его собственныя опредѣленія не всегда бывали одобряемы, хотя иногда и неосновательно. Такъ онъ подарилъ штуфъ снѣжно-бѣлаго, блестяще-лучистаго излома Палласу, который передалъ его адъюнкту химіи при академіи Ловицу для болѣе подробнаго изслѣдованія. Анализъ показалъ родъ тальковаго *тремолита* [572]). Но Палласъ въ примѣчаніи сообщилъ, что Лаксманъ взялъ минералъ у шаманскаго камня и выдалъ его за *зеолитъ* безъ содержанія талька. Онъ ссылается на собственное письмо Лаксмана, выше уже напечатанное. Каждый, слѣдовательно, можетъ убѣдиться въ томъ, что ошибся составитель примѣчанія

по забывчивости, а не корреспондентъ его, не сказавшій ни слова объ этомъ. По этой-то причинѣ въ только что приведенной росписи лучистый зеолитъ помѣщенъ отдѣльно отъ лучистаго тремолита.

Оживленнѣе ведены были споры о другомъ ископаемомъ изъ Култука. Уже до отправленія вышеприведеннаго письма, Лаксманъ преподнесъ для коллекціи великаго князя Павла Петровича кристаллъ, похожій на аквамаринъ, необыкновенно большой, вѣсившій цѣлыхъ 15 фунтовъ, совершенно прозрачный, правильно шестисторонне пирамидальный, синевато-зеленаго цвѣта. Объ этомъ кристаллѣ Палласъ говоритъ [573]), что онъ часто «въ великокняжескомъ дворцѣ разсматривалъ его и восхищался имъ», пока самъ наконецъ не получилъ отъ Лаксмана нѣсколько кусковъ этого «удивительнаго и замѣчательнаго минерала», того самаго, который въ письмѣ Лаксмана и еще прежде названъ *шерломъ* (ср. стр. 173) берилловаго или изумруднаго цвѣта. Анализъ же, сдѣланный Ловичемъ, показалъ два различныя вещества: одно дѣйствительный *шерлъ*, другое, по составнымъ частямъ (глинозема 48, извести 44, кремнезема 5, желѣза 2) минералъ, похожій на *пренитъ*, родъ *стекловатаго шпата*. Одновременно и трое [574]) другихъ химиковъ занялись этимъ вопросомъ.

Ренованцъ, директоръ Горнаго училища, получившій въ его кабинетъ нѣсколько кусочковъ этого минерала, прозвалъ его *байкалитомъ*, а соединенную съ нимъ породу камня: — *байкалитною маткою*. Его описаніе въ химическомъ отношеніи очень неудовлетворительно и обозначаетъ составныя части только на удачу (известь, плавиковая кислота, кремнеземъ и квасцы), но содержитъ о проявленіи минерала извѣстія, которыя не могутъ быть заимствованы изъ письма Лаксмана къ Палласу, а скорѣе сопровождали посылку его въ Горное училище. Противъ Ренованца возсталъ весьма горячо адъюнктъ минералогіи при академіи Севергинъ: онъ признавалъ минералъ *роговою обманкою* и составъ его совершенно инымъ (кремнезема 44, талька 30, извести 20 и желѣзной окиси 6); впослѣдствіи онъ однакожъ перемѣнилъ свое мнѣніе. Между тѣмъ Стенбергъ сталъ на сторону Ренованцова *байкалита*, послѣ чего это названіе удержалось въ наукѣ нашихъ дней за однимъ видомъ пироксена. А *байкалит-*

ная матка Реновацца вѣроятно тотъ минералъ, который называется нынѣ *апатитомъ*.

Болѣе всего однакожъ занимались «синими камнями», которые Лаксманъ называлъ *лазурью*. Самое первое сообщеніе о нихъ, для заграничныхъ ученыхъ, сдѣлано знаменитымъ шведомъ Ферберомъ въ 1787 году, черезъ годъ по оставленіи имъ минералогической профессуры въ петербургской Академіи наукъ. Сообщенныя имъ одному берлинскому обществу, членомъ котораго состоялъ и Лаксманъ, «Nachrichten von der Lagerstätte des Lapis lazuli»[575]) заслуживаютъ тѣмъ болѣе быть здѣсь воспроизведенными, что въ нихъ входятъ нѣкоторыя сообщенія, очевидно вышедшія изъ-подъ пера находчика, хотя въ письмѣ къ Палласу о нихъ и не упоминается (можетъ быть изъ его уже на стр. 193 приведеннаго рапорта въ академію отъ 1796 $\frac{19}{1}$ г.).

Ферберъ пишетъ: «Г. надворный совѣтникъ Лаксманъ нашелъ въ гранитѣ слои *Lapis lazuli* въ Сибири, на южномъ берегу Байкала, обыкновенно называемомъ Култукъ. Вмѣстѣ съ лазурью въ слояхъ выступаютъ также полевой шпатъ и бѣлая, молочно-цвѣтная, можетъ быть зеолитовая каменная порода, равно какъ и сѣрный колчеданъ. Полевой шпатъ, говорятъ, съ отливами (schielend), и при поворачиваніи показываетъ цвѣта на подобіе лабрадорнаго камня, хотя и слабѣе. Г. Лаксманъ прислалъ г. Палласу цѣлый комъ, съ оставшимися на немъ слюдистыми зальбандами, и я имѣлъ случай видѣть этотъ комъ. Говорятъ, что нѣкоторые куски его, находящіеся у Лаксмана, вѣсятъ до 100 фунтовъ. Прежде не знали, что *Lapis lazuli* имѣется въ Сибири; бухарскій же получается изъ Китая. Также не было извѣстно въ какой горной породѣ встрѣчается *Lapis lazuli*».

Но и теперь всегда самоувѣренный Реновацъ нашелъ поводъ вмѣшаться въ дѣло. Уже 8-го іюля 1787 г. онъ послалъ образецъ минерала къ Брюкману въ Браушвейгъ съ объясненіемъ: «Вотъ это *Lapis lazuli* господина Лаксмана, который онъ въ этомъ году прислалъ сюда изъ Иркутска; находится онъ между гранитомъ и сланцовыми горами и собственно не иное что, какъ *синій полевой шпатъ*, хотя въ немъ часто встрѣчаются большія включенія колчедана». Брюкманъ опубликовалъ это

мнѣніе, сопровождаемое похвальнымъ отзывомъ, въ томъ же журналѣ[576]), гдѣ было напечатано и сообщеніе Фербера.

Мнѣнія раздѣлились за и противъ[577]). Германъ держался мнѣнія Лаксмана, также и Георги еще въ 1790 г.; а потомъ онъ отступился. Палласъ, опубликовавшій только въ 1793 году вышенапечатанное письмо Лаксмана, сознался, что дѣло въ немъ касалось дѣйствительнаго *Lapis lazuli*. Клапротъ анализировалъ минералъ (1795), не обозначая мѣстонахожденія его. Въ популярной минералогіи своей (1797) Эстнеръ не хочетъ подвести подъ одно сибирскую и бухарскую лазурь. Одинаково сомнительно выражается и Биндгеймъ 1799 г. За то Севергинъ въ 1798 г. сталъ прямо на сторону Лаксмана. Наконецъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, послѣ того какъ Цанне (1804) и мн. др. объявляли свои мнѣнія, сибирская лазурь была признана настоящею. Окончательно всякое сомнѣніе устранено статьею Н. Норденшельда: «Über Lazurstein und die mit demselben vorkommenden Mineralien»[578]), при составленіи котораго онъ имѣлъ предъ собою штуфъ «изъ мѣстности около Байкала», слѣдовательно, безъ сомнѣнія, изъ того же Култука, гдѣ землякъ его 80-ю годами ранѣе нашелъ этотъ камень.

Замѣчательно, что Лаксманъ никогда болѣе не упоминалъ о своемъ открытіи, даже и тогда, когда нужно было доказать подлинность облицовки комнаты въ Царскомъ Селѣ. А между тѣмъ онъ, уже въ 1787 году, когда начались сомнѣнія и впослѣдствіи, когда они увеличивались, по нѣскольку разъ посѣщалъ Петербургъ, какъ мы подробнѣе увидимъ изъ слѣдующей главы. Но мы знаемъ, что онъ былъ созданъ болѣе для дѣла, нежели для письма. Зачѣмъ онъ подъ конецъ жизни своей направилъ послѣдніе шаги на Бухару? Навѣрно это было, между прочимъ, для того, чтобы собственными глазами отыскать лазурь ея для сравненія съ култукскою. Онъ, слѣдовательно, не забывалъ, а только отлагалъ этотъ вопросъ.

Но еще удивительнѣе, что почти всѣ многократныя старанія отыскать настоящую родину этого драгоцѣннаго минерала, предпринятыя въ послѣднее время, какъ частными лицами, такъ и правительствомъ, не удались. Тамъ и сямъ находили куски его въ валунахъ рѣчекъ, преимущественно Слюдянки, и только

слабые слѣды его — въ твердыхъ утесахъ. Старыя мѣста были снова изслѣдованы, безъ особеннаго результата; новыя открывались, но одинаково безуспѣшно. И такъ мы замѣчаемъ здѣсь то же явленіе, какъ и въ нѣкоторыхъ сибирскихъ серебряныхъ рудникахъ, особенно въ нерчинскихъ, которыхъ прежнее богатое содержаніе теперь кажется истощеннымъ. Тѣмъ живѣе представляется въ памяти изобиліе перваго открытія.

Долго, кажется, никто и не думалъ попытаться итти по слѣдамъ Лаксмана. Можетъ быть, этому способствовали сообщенія Ренованца, Георги и др., даже еще Мальте-Бруна [578a]), въ очень распространенной географіи котораго говорится, что т. н. култукская лазурь была не иное что, какъ полевой шпатъ и облицовки въ Царскомъ Селѣ также. Только когда противуположное и болѣе вѣрное мнѣніе уже упрочилось, мы опять находимъ одного изслѣдователя въ Култукѣ, а именно доктора Мара изъ Австріи, который около 1815 года Горнымъ департаментомъ въ Петербургѣ былъ посланъ собирать для учебныхъ заведеній учебный матеріалъ изъ русскихъ минераловъ. Онъ заложилъ шахту въ крутой горѣ на берегу Слюдянки, но найденная имъ воображаемая лазурь, оказалась только главколитомъ [579]). Къ такому же отрицательному результату пришелъ немного позже на томъ же мѣстѣ и колыванскій рудокопъ Сибиряковъ [580]).

Сооруженіе уже вышеупомянутой (стр. 172) удобной и величественной кругобайкальской дороги, вокругъ ю.-з. залива Байкала, чрезвычайно облегчило поѣздки на Култукъ. Уже Алексѣй Мартосъ въ своемъ чувствительномъ письмѣ [581]), тамъ написанномъ въ 1823 году, много повѣствуетъ о романтической природѣ этой мѣстности, но вполнѣ отрицаетъ ея значеніе въ минералогическомъ отношеніи. Совершенно иначе судитъ Гессъ [582]), который въ 1827 году отъ теплыхъ водъ Турки, при которыхъ онъ состоялъ врачемъ, сдѣлалъ геогностическую поѣздку на Култукъ; но и онъ даже не упоминаетъ о лазури. Геологическія свѣдѣнія, двумя годами позднѣе въ Иркутскѣ собранныя Эрманомъ [583]), касательно этого минерала мало обѣщали. Но спустя еще два, три года мастерское описаніе Байкала, составленное Риттеромъ [584]), отдало полную спра-

ведливость какъ Култуку «этой геогностической достопримѣчательности», такъ и изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ тамъ Лаксманомъ и уже полузабытымъ.

Однакожъ и въ Россіи не теряли надежды найти гдѣ скрывается лазурь. Дерптскій ученый Геденстремъ[585]), уже въ 1808 г. поселившійся въ Сибири и знакомый съ сыновьями Лаксмана (см. ниже), напоминалъ въ двухъ сочиненіяхъ, первое отъ 1830 г., о многихъ минеральныхъ находкахъ, сдѣланныхъ этимъ изслѣдователемъ, преимущественно въ Култукѣ. Правительство выслало двухъ горныхъ инженеровъ, Хоринскаго и Злобина. Послѣдній дѣлалъ развѣдки осенью 1831 года у Байкала[586]). Онъ обозначаетъ высоты у притока Слюдянки, Улунтуя, мѣстомъ нахожденія «найденныхъ Лаксманомъ во второй половинѣ минувшаго столѣтія *байкалита* и *апатита*». Что касается до *Lapis lazuli*, то онъ говоритъ, что видѣлъ слѣды его въ камняхъ, какъ у Слюдянки, такъ и у Сухого ручья, у Талаха и у Малой Быстрой. Такъ какъ кромѣ того наводненія Слюдянки часто приносятъ лазурь съ глауколитомъ и чиполиномъ, то было бы важно, говоритъ онъ, знать, откуда послѣдній берется. Въ твердыхъ скалахъ его не находили. Задача, слѣдовательно, осталась неразрѣшенною. Купецъ Пиленковъ[587]) послѣ того, правда, добывалъ лазурь въ 1843 г. у Талаха, но работа была убыточна.

И Меглицкому не лучше посчастливилось; онъ около 1850 года геогностически изслѣдовалъ окрестности Байкала и составилъ о томъ хорошее сочиненіе[588]). Онъ пишетъ: «Въ долинѣ Улунтуя, впадающаго въ Слюдянку съ правой стороны, осматривалъ я мѣста нахожденія этихъ минераловъ въ известковомъ массивѣ, который является то обыкновеннымъ мраморомъ, то отъ вмѣшанныхъ въ него слюдяныхъ листочиковъ, чиполиномъ». Разрабатывать наполненные мусоромъ старые рудники было бы слишкомъ дорого. «Я могъ сдѣлать лишь то заключеніе, что слюдистый известнякъ не заключаетъ лазури, и что при изслѣдованіи чистаго известняка, лучше всего обратить главное вниманіе на трещины въ горной породѣ; ибо въ двухъ осмотрѣнныхъ рудникахъ я замѣтилъ появленіе минерала, именно въ точкѣ перекрещенія двухъ расходящихся трещинъ». Жители Кул-

тука, разсказываетъ онъ, какъ и другіе, часто находятъ въ Слюдянкѣ, послѣ сильнаго дождя и спада водъ, обломки этого минерала.

Наконецъ, вопросъ въ 1853 году получилъ оборотъ болѣе выгодный, благодаря посланному министерствомъ государственныхъ имуществъ энергичному геологу Пермыкину [589]). Ему обязаны открытіемъ многихъ въ окрестностяхъ Байкала прежде неизвѣстныхъ ископаемыхъ, — м. пр. хондродита и шпинели, — а также и подробнѣйшими свѣдѣніями о многихъ мѣстахъ нахожденія лазури. Съ величайшимъ успѣхомъ онъ работалъ у Малой Быстрой, 10 верстъ выше впаденія ея въ Иркутъ. Жаль только, что его многолѣтнія старанія увѣнчались не болѣе богатою добычею, какъ только тремя пудами «синяго камня» Лаксмана, и притомъ найденные куски оказались слишкомъ нечистыми и вывѣтрѣлыми, негодными для распиловки ихъ. О поискахъ его у самой Слюдянки мы не имѣемъ никакихъ подробностей. Но извѣстія, сообщенныя Верзиловымъ въ 1856 и Сельскимъ въ 1866 г. объ его розыскахъ, доказываютъ достаточно, что первый открыватель въ немъ получилъ достойнѣйшаго преемника въ интересной горной мѣстности Култука и «Лаксманы».

XXVI.

Годы 1787 — 1789.

Лаксманъ въ 1787 г. на пути въ Петербургъ; по какимъ дѣламъ? Переписка, главнымъ образомъ съ Палласомъ. «Planta novi generis alpina». Минералогическія извѣстія. Путешествія: въ Нерчинскъ и Ильдеканъ, къ Бирюсѣ, на Бѣлую.

Изъ косвенныхъ свѣдѣній [590]) можно заключать, что Лаксманъ часть 1787 года пробылъ въ Петербургѣ. Именно въ Трудахъ И. В. Экономическаго общества находится его нѣсколько позднее сообщеніе о разведеніи картофеля въ Сибири, гдѣ между прочимъ сказано, что сѣмена, которыя онъ «въ 1787 году привезъ въ Иркутскъ», дали хорошій урожай. Затѣмъ онъ письмомъ отъ

1791$\frac{7}{9}$ наводитъ справки о минералахъ, которые онъ «въ 1787 году сдалъ» частью у шведскаго посланника барона Нолькена, частью секретарю посольства Бергстедту, для пересылки первыхъ «великому королю Шведскому», послѣднихъ горному совѣтнику Энгестрему. Наконецъ Палласъ во 2-й части своей Flora rossica, вышедшей въ 1788 г., выражаетъ свое удовольствіе, что по тѣмъ экземплярамъ и по тѣмъ устнымъ объясненіямъ, какіе онъ лично получилъ отъ Лаксмана, теперь можетъ помѣстить растеніе *Viburnum dauricum* (*Cornus daurica* Лаксмана), вмѣсто *Lonicera mongolica*, невѣрно описаннаго въ 1-й части сочиненія (въ 1784 году).

Уже эти немногіе намеки достаточно показываютъ, что Лаксманъ при посѣщеніи престольнаго города не забывалъ своихъ извѣстныхъ интересовъ. Но что́ было главною цѣлью поѣздки? Такъ какъ источники молчатъ объ этомъ, то отвѣтъ можетъ быть данъ лишь по догадкамъ. Навѣрно, онъ проѣхалъ это порядочное разстояніе, взадъ и впередъ въ сложности болѣе 12,000 верстъ и съ тратою времени въ четыре мѣсяца, не для того только, чтобъ освѣжить давнія воспоминанія и связи. Можетъ быть, требовалась какая-нибудь окончательная сдѣлка относительно покупки его прежней минералогической коллекціи; вопросъ о томъ былъ поднятъ уже въ 1785 году, и въ 1786 послѣдовало разрѣшеніе правительства на эту покупку, но тогда Нартовъ со своею коллекціею предупредилъ его [591]). Можетъ быть, дѣло касалось его младшихъ сыновей, воспитанныхъ въ Петербургскомъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ [592]). Во всякомъ случаѣ, онъ не предпринималъ долгаго и дорогого путешествія, не имѣя офиціальнаго порученія, дававшаго право на «прогоны». И дѣйствительно, такое порученіе могло быть мотивировано нѣкоторыми дѣлами, относившимися къ его должности.

Выше было указано, какое вниманіе государыня обращала на лазурныя находки въ Байкальскихъ горахъ. Кабинетъ ея, и особенно начальникъ Горной экспедиціи, покровитель Лаксмана, генералъ Соймоновъ, имѣли слѣдовательно достаточно причинъ желать обсужденія, лично съ самимъ открывателемъ, высоко цѣнимыхъ синихъ камней, вѣроятно о ихъ нахожденіи, пересылкѣ, обработкѣ для Царскосельскаго дворца и т. д.

Если припомним еще, что первыя развѣдки, устроенныя въ большихъ размѣрахъ въ Култукѣ, производились съ осени 1787 года, то можно довольно точно опредѣлить время поѣздки Лаксмана. Документы, по которымъ дѣло здѣсь изложено, упоминаютъ о письмѣ его отъ $^{17}/_{4}$ изъ Иркутска и показываютъ, что онъ осенью опять находился тамъ и съ серебрянымъ караваномъ, отправившимся въ началѣ слѣдующаго года, представилъ въ Петербургъ собранную минералогическую добычу. Слѣдовательно, его собственное пребываніе тамъ было во время лѣта.

Еще одно предположеніе, не лишенное значенія. Въ упомянутое время въ Петербургѣ производились совѣщанія, чрезвычайно затрогивавшія Лаксмана. Правительство, не довольствуясь тѣмъ, что сухимъ путемъ отправило Биллингса слѣдить за эскадрою Ла-Перуза, хотѣло также посредствомъ экспедиціи вокругъ земного шара внимательнымъ окомъ наблюдать за своими владѣніями у отдаленныхъ морей, гдѣ англичане только что раскидывали сѣть коммерческихъ связей. «Казалось, наступила пора, говоритъ Форстеръ [593]), когда Америка должна была взаимностію потребностей сдѣлаться крѣпкою связью между Россіею, Японіею и Китаемъ». Въ особенности назначено было осмотрѣть берега Камчатки и мѣста къ югу отъ Охотска, а также часть сѣверо-западной Америки, которую Кукъ оставилъ неизслѣдованною. Иркутскій генералъ-губернаторъ Якоби получилъ приказаніе представить мнѣніе о средствахъ къ укрѣпленію могущества и вліянія Россіи въ тамошнихъ краяхъ. Уже въ апрѣлѣ 1787 г. капитанъ Муловскій, начальникъ экспедиціи, получилъ свою инструкцію. Онъ какъ разъ въ это время велъ переговоры объ ученыхъ помощникахъ; Форстеръ, бывшій спутникъ Кука и главный совѣтникъ Муловскаго, уже обѣщалъ отправиться.

Можно ли подумать, чтобъ Лаксманъ, столько лѣтъ заботившійся о путешествіи для изслѣдованій Восточнаго океана, — имѣвшій, какъ видно изъ слѣдующей главы, сына естествоиспытателя, служившаго близъ Камчатки и желавшаго отправиться съ Биллингсомъ, — можно ли подумать, чтобъ онъ, находясь тамъ, гдѣ о подобныхъ планахъ живо разсуждали, не принималъ какимъ-либо образомъ участія въ нихъ, хоть

тогда, если не раньше? Какъ бы то ни было, но все осталось попрежнему. Широко задуманные, но прежде мало извѣстные замыслы никогда не осуществились: сначала турецкая, а вскорѣ затѣмъ и шведская война помѣшали ихъ исполненію. Уже въ ноябрѣ 1787 года корабли Муловскаго, стоявшіе почти готовыми въ Кронштадтѣ, получили приказаніе разснаститься. Онъ самъ въ слѣдующемъ году былъ убитъ подъ Выборгомъ.

Что касается до Лаксмана, то мы видимъ, что по возвращеніи своемъ въ Сибирь и въ Иркутскъ, онъ въ послѣдующіе годы не только продолжалъ, но по внѣшнему объему и расширялъ свои изслѣдованія. Съ Академіею и ея членами (а вѣроятно также и съ другими учеными, хотя положительныхъ доказательствъ на то не имѣемъ) онъ переписывался довольно прилежно, прибавляя попрежнему посылки по части естественной исторіи. Бо́льшая часть его сообщеній, главнѣйше въ актахъ Академіи, да въ Beiträge Палласа, заносились только вкратцѣ, и то не всегда; такимъ образомъ утрачено многое въ біографическомъ отношеніи. Лишь нѣкоторыя письма остались въ полномъ видѣ; прочія постигла та же злая доля, какъ и множество упоминаемыхъ тамъ предметовъ: они затерялись [594]). Инвентарь за трехлѣтіе 1778—1790 таковъ:

Объявляется о посылкахъ въ ботаническій садъ Академіи [595]), какъ напр. $1788\frac{7}{1}$ черезъ Лепехина: 100 сортовъ разныхъ сѣмянъ; $1789\frac{5}{10}$: новое растеніе, о которомъ тотчасъ сообщимъ въ подробности; $1790\frac{20}{3}$ черезъ Эйлера: еще сѣмена растеній въ трехъ пакетахъ. Онъ сообщаетъ, или отъ себя, или отъ имени своего сына, то разныя метеорологическія наблюденія [596]), какъ-то $1788\frac{23}{2}$, $1789\frac{27}{3}$ и $\frac{12}{12}$, $1790\frac{18}{4}$, то геологическія или другія новости [597]), какъ-то $1788\frac{27}{12}$: письмомъ къ Палласу, ниже напечатаннымъ, нѣчто о горной мѣстности между Удо̀ю и Бирюсо̀ю, $1789\frac{7}{3}$ и $\frac{27}{3}$: весьма интересныя свѣдѣнія о волканическихъ явленіяхъ на Камчаткѣ и въ окрестностяхъ Охотска, съ образцами, $\frac{23}{5}$: планъ геогностической поѣздки внизъ по Ленѣ и Вилюю, исполненной въ слѣдующемъ году, $\frac{14}{7}$: посылка, заключающая «дорогіе штуфы», синій и красный *шпатъ*, зеленый *шерлъ* и *зеолитъ*, $\frac{24}{10}$: письмомъ къ Палласу о ниже описанной поѣздкѣ къ Бѣлой, $1790\frac{16}{1}$: свѣдѣнія объ ископаемомъ черепѣ

носорога, ниже нами приведенныя, $\frac{20}{3}$: карта Японіи, составленная уроженцемъ, и немного позднѣе: объ экскурсіяхъ сына его на Тайгоносъ, относящихся къ слѣдующей главѣ.

Утрата столь многихъ изъ вышепоименованныхъ сообщеній тѣмъ болѣе непріятна, что Лаксманъ уже давно ограничилъ свое сочинительство главнымъ образомъ такими короткими отчетами. Единственное извѣстіе изъ этого періода, имъ самимъ составленное для печати, это въ нѣсколько строкъ описаніе растенія подъ заглавіемъ: «Planta novi generis alpina, Parnassiae affinis», читанное въ засѣданіи академіи 5-го октября 1789 г., четырьмя годами позже напечатанное съ гравюрою въ Актахъ[593]). Частное письмо извѣщало, что находка была сдѣлана во время его минералогическихъ прогулокъ по высочайшимъ вершинамъ (восточной) Сибири; это извѣстіе, какъ оно ни мало опредѣлительно, заслуживало бы напечатанія въ самомъ сочиненіи. Это растеніе не то ли же самое, которое Тилезіусомъ и Ледебуромъ гораздо позднѣе (1815) описано, какъ новое подъ названіемъ *Parnassia ovata?*

Уже много лѣтъ однакожъ собственно минералогія, вмѣстѣ съ металлургіею и технической химіею, составляла средоточіе многосторонней дѣятельности Лаксмана. Для того онъ велъ весьма дѣятельную или даже безпокойную жизнь. Отъ домашняго очага съ его коллекціями и занятіями отвлекали его дорогой ему Тальцынскій заводъ и отдаленныя горныя мѣстности. Порученіе, въ геологическомъ отношеніи, или вѣрнѣе для отыскиванія благородныхъ породъ камней, объѣхать Сибирь и преимущественно Иркутскую губернію, — пространство, большее чѣмъ многія европейскія государства вмѣстѣ взятыя, простираясь отъ Енисея на западѣ, до океана на сѣверѣ и востокѣ, — порученіе это, при собственной его страстной охотою къ путешествіямъ, привело его на многія отдаленныя тропинки, по которымъ не хаживалъ ни прежде, ни послѣ него ни одинъ ученый. Его натура и пытливый умъ требовали постоянно новыхъ мѣстностей, новыхъ предметовъ. Нѣкоторые изъ его разъѣздовъ относятся уже къ этому періоду.

Култукъ, находящійся сравнительно довольно близко отъ Иркутска, кажется, не былъ посѣщаемъ Лаксманомъ по окон-

чаніи его послѣднихъ тамъ работъ. Офиціальные же источники[599]) показываютъ, что онъ для окончательнаго расчета за эти работы отправился немного ранѣе 19-го февраля 1788 года въ Нерчинскъ. Весьма вѣроятно, что онъ при этомъ случаѣ составилъ планъ того представленія, на которое послѣдовало рѣшеніе высшей инстанціи 11-го декабря 1789 г.; этотъ планъ въ нѣкоторой мѣрѣ характеризуетъ его стремленія и предпріимчивость.

Изъ горъ около Нерчинскаго завода получались не одни благородные металлы, хотя искали только ихъ. Недалеко отъ Аргуни и китайской границы добывалось и желѣзо, хотя только частными лицами для собственной надобности, и то самыми первобытными способами, тогда какъ давно учрежденный тамъ плавильный заводъ находился въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Это учрежденіе было даже вполнѣ забыто въ новомъ положеніи о горныхъ заводахъ. Поэтому генералъ-губернаторъ Якоби сдѣлалъ представленіе о томъ, чтобы вновь привести его въ дѣйствіе подъ наблюденіемъ Кабинета и подвѣдомственной ему горной экспедиціи Нерчинской.

Лаксманъ же, обстоятельно ознакомившійся съ мѣстностью еще въ то время, когда онъ былъ надворнымъ совѣтникомъ, предложилъ передать ему это учрежденіе, которое онъ хотѣлъ превратить въ заводъ для изготовленія купороснаго масла, тѣмъ болѣе, что т. н. Сѣрная гора у ручья Ильдекана могла доставлять отличнѣйшій и неизсякаемый матеріалъ. Въ Петербургѣ, куда оба проекта были представлены, генералъ Соймоновъ былъ довольно склоненъ къ предложенію Лаксмана, но сенатъ утвердилъ проектъ генералъ-губернатора, основанный на извѣстномъ фактѣ, что все желѣзо, нужное для губерніи тогда (а также и теперь), должно было привозиться съ Ирбинскаго завода на Енисеѣ[600]). Слѣдствіемъ этого было то, что до нашего времени у Ильдекана нѣтъ ни желѣзнаго завода, ни фабрики купороснаго масла.

До полученія отказа, Лаксманъ уже по другому направленію побывалъ далеко въ горахъ. Ходили слухи объ удивительной пещерѣ на верхнемъ теченіи Уды; онъ поѣхалъ туда. Его не пугало ни то, что былъ уже декабрь 1788 г., ни то, что кромѣ

пограничнаго комиссара Пестерева[601]), который нѣсколько лѣтъ ранѣе пробрался туда, только дикіе буряты да карагасы уклонялись такъ далеко въ сторону отъ почтовой дороги, ведущей изъ Иркутска въ Нижнеудинскъ. Тамъ не бывали ни Палласъ, ни Георги, ни-кто либо другой изъ академическихъ путешественниковъ, хотя уже въ ихъ время ходили слухи о диковинной странѣ. Выѣхавши изъ Иркутска, нужно сначала добраться до Нижнеудинска, тамъ повернуть на югъ вверхъ къ высотамъ между Удою и Бирюсою, впадающими въ Верхнюю Тунгузку, притокъ Енисея.

Риттеръ (1832 г.) описываетъ эту мѣстность какъ одну изъ страшнѣйшихъ и уединеннѣйшихъ во всей Сибири. Обстоятельства не перемѣнились даже послѣ того какъ въ концѣ 1830-хъ годовъ въ Бирюсѣ и въ притокахъ ея найденъ былъ въ изобиліи золотой песокъ. «Auri sacra fames» хотя и манитъ цѣлыя толпы удальцовъ попытать счастья въ тайгѣ, но мѣстность попрежнему непреодолимо ужасающая. Э. Гофманъ[602]), въ 1843 году, по порученію начальства ревизовавшій промывальни, говоритъ: «о дорогѣ туда и вспомнить страшно». Вверхъ и внизъ по горамъ вьется небольшая, часто едва примѣтная тропинка черезъ болота, гдѣ лошади обыкновенно вязнутъ по колѣни, да и на вершинахъ ѣзда не легче, какъ и по долинамъ. Напряженное движеніе изнуряетъ лошадей, да не менѣе утомительно и для ѣздоковъ. На второй и на третій день замолкаютъ веселыя пѣсни всадниковъ, не слышно ржанья коней, люди проклинаютъ дорогу, лошадямъ тяжело дышать. Не слышно ни пѣнья птицъ, ни даже карканья вороновъ въ дремучемъ лѣсу, только вѣтеръ шумитъ по вершинамъ деревьевъ. Впрочемъ, пусть Лаксманъ самъ разскажетъ объ этомъ.

Онъ пишетъ въ письмѣ изъ Иркутска 1788 $\frac{27}{12}$ Палласу[603]): «Послѣ затруднительной поѣздки въ продолженіе трехъ недѣль по округу карагасовъ, горной мѣстности между рѣками Удою и Бирюсою, я прибылъ опять сюда 24-го числа. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начальство города Нижнеудинска услышало о значительной пещерѣ при рѣкѣ Удѣ. Оттуда привозили сталактитъ, которымъ иркутскіе любители штуфовъ обогатили свои коллекціи. Много любопытнаго разсказывали о величинѣ

ся, но никто не зналъ даже ея имени. Потому я 2-го числа отправился отсюда въ Нижнеудинскъ, сѣлъ 6-го числа на коня, поѣхалъ вверхъ по Удѣ и послѣ 80-верстной поѣздки, достигъ 7-го числа до пещеры. Находится она въ крутомъ берегѣ Уды; карагасы же, говорящіе по-татарски почти такъ же, какъ и кангасы, называютъ ее Мукунъ. Цѣлыхъ 24 часа я занимался измѣреніемъ и описаніемъ ея, да собираніемъ сталактита.

«10-го числа я отправился верхомъ къ горнымъ ущельямъ у Гутара (Кутара), маленькаго ручья, впадающаго въ Бирюсу, чтобы осмотрѣть тамошнюю ломку *слюды*, гдѣ выламываются и прекрасные *шерловыя* колонны хризолитоваго цвѣта и черныя турмалиновой породы. По случаю ненастной погоды я только 17-го числа доѣхалъ до этихъ скалъ, поросшихъ кашкарою, однакожъ почти ничего не могъ сдѣлать по причинѣ глубокаго снѣгу; впрочемъ, я доволенъ и тѣмъ, что провѣрилъ слухи, а лѣтомъ поѣздка будетъ успѣшнѣе.

«18-го числа шелъ сильный дождь по всей мѣстности, даже въ самомъ Иркутскѣ и въ Орленской слободѣ на Ленѣ, въ 500 верстахъ отъ Иркутска; въ Нижнеудинскѣ растаялъ весь снѣгъ на крышахъ. (Въ этой Орленской слободѣ въ ту зиму, 15-го ноября, въ 8 часовъ утра была страшная непогода, которая разразилась однако только однимъ, чрезвычайно сильнымъ ударомъ грома). 19-го числа я нашелъ у Бирюсы порядочную аспидную гору съ прекрасными красноватыми жилами *известковаго шпата*, со вкрапленнымъ желѣзнымъ блескомъ; тамъ я заставлю поработать весною. 21-го я возвратился въ Нижнеудинскъ, а 24-го утромъ въ Иркутскъ. По утрамъ въ эти дни морозъ доходилъ до 218 градусовъ по Де-Лилю; сегодня Ангара покрылась льдомъ» [604]).

Что касается до работъ Лаксмана въ изслѣдованной странѣ, мы не имѣемъ никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, хотя очень вѣроятно, что онѣ открыли дорогу весьма выгодной разработкѣ мѣди на Удѣ и золотого песку въ руслѣ Бирюсы. Также неизвѣстно упомянутое въ письмѣ, однакожъ не помѣщенное въ немъ, описаніе настоящаго предмета поѣздки, т. е. пещеры Мукунъ. Но кажется достовѣрно, что эту достопримѣчательную природную пещеру не должно считать за одно съ другою басно-

словною пещерою, въ той же мѣстности, но только въ 18 верстахъ отъ Нижнеудинска, находящейся надъ Удою и извѣстною подъ названіемъ «Сибирскаго лабиринта» — баснословной по разсказамъ о ней[605]).

Что онъ мимоходомъ упоминаетъ о языкѣ карагасовъ, достойно замѣчанія не только потому, что кромѣ него никто, писавшій объ этомъ, не посѣщалъ самого народа, а главнымъ образомъ потому, что онъ желаетъ исправить мнѣніе своего корреспондента Палласа, будто они между собою говорятъ на какой-то смѣси самоѣдскаго съ татарскимъ. Лаксманъ, хотя не филологъ, однако правъ. Землякъ его Кастрéнъ[606]), по поводу того, что въ 1830 годахъ гражданскій губернаторъ Степановъ въ Енисейскѣ оспаривалъ мнѣніе Палласа, согласно инструкціи своей въ Нижнеудинскѣ, изучая языкъ карагасовъ, нашелъ, что помянутый народъ состоялъ изъ «настоящихъ турокъ», т. е. татаръ. Опять доказательство мѣткости наблюденій Лаксмана. Подъ названіемъ карагасовъ онъ, безъ сомнѣнія, подразумѣваетъ то же племя татарскаго происхожденія, которое Клапротъ въ Asia polyglotta называетъ камгатами или кангатами.

Программа Лаксмана на будущую весну и лѣто обнимала два различныя путешествія для изслѣдованія, а именно отчасти опять въ область, передъ тѣмъ имъ посѣщенную, отчасти внизъ по Ленѣ до Вилюя. Объ исполненіи первой поѣздки наши источники вовсе умалчиваютъ, если не считать добычею отъ нея «дорогіе штуфы», полученные академіею при письмѣ его отъ 1789 $\frac{14}{7}$ (см. выше стр. 208). Это тѣмъ вѣроятнѣе, что главнымъ образомъ тотъ же минералъ упоминается въ только что напечатанномъ сообщеніи отъ 1788 $\frac{27}{12}$. За то поѣздка на Вилюй, планъ которой сообщался письмомъ отъ 1789 $\frac{23}{5}$, по неизвѣстной причинѣ была отложена и приведена въ исполненіе лишь годомъ позже. Между тѣмъ онъ совершилъ еще третью, за 23 года ранѣе задуманную поѣздку, которая тогда не была совершена и предполагалась съ другою цѣлью, а именно для отысканія ревеннаго растенія.

Читатель припоминаетъ, что Лаксманъ въ первомъ письмѣ своемъ къ Бергіусу въ 1766 году заявилъ, что имѣлъ намѣреніе подняться на Култукскія и Тункинскія альпы,

пройдя черезъ истоки рѣкъ Иркута и Бѣлой, приблизиться къ китайской границѣ и къ озеру Косоголу. Мы видѣли, съ какимъ успѣхомъ онъ двадцать лѣтъ позже началъ изслѣдованія въ Култукѣ. Теперь же онъ приводитъ насъ къ водяной системѣ Бѣлой, область которой даже Пестеревъ не посѣщалъ, и которая потому не упоминается даже и географіею Риттера. Правда, что онъ по своему обыкновенію слишкомъ скупъ на слова, но тѣмъ не менѣе онъ тутъ все-таки первый ученый путеводитель и пролагатель пути.

Онъ пишетъ 1789 $\frac{24}{10}$ Палласу[607]): «Только третьяго дня возвратился я изъ горной поѣздки на р. Бѣлую. У Тайтурки, въ 82 верстахъ отъ Иркутска, я оставилъ московскую дорогу и проѣхалъ черезъ флёцовую гору, налѣво къ Бѣлому острогу, 30 верстъ, а оттуда вверхъ по Бѣлой до Усть-Ирета, ея притока съ восточной стороны. Здѣсь оканчивается огромный известковый флецъ, который отъ подошвы высокихъ горъ, вдоль границъ Монголіи, тянется къ Бѣлой, а еще ближе къ Иркуту, и отдѣляетъ воды Бѣлой отъ Оки и Ангары.

«Соляные источники у Ангары, болѣе чѣмъ двухсаженный каменноугольный флецъ у Черемховаго пада, гипсовый флецъ и пещеры около Балаганска и еще выше, наконецъ желѣзная руда у Бѣлаго острога, у Мотова, Кекурской и Гюмюльской, а равно и многочисленныя почки рогового камня и кремня (Feuerstein-Kalcedon), — вотъ произведенія этой известковой полосы. При устьѣ Ирета этотъ известковый флецъ остается на правомъ берегѣ, тамъ открывается низменная соляная степь, часто обитаемая бурятами, и по ней извилисто текутъ Иретъ и Голуметъ».

«У истоковъ Ирета, верстахъ въ 40 отъ его устья, вытекаетъ цѣлительный ключъ Арашанъ, достойный описанія. Голуметъ, питающійся многими болотами, озерами и степными ручьями и впадающій въ р. Иретъ въ 12 верстахъ отъ ея устья, беретъ свое начало въ высокихъ пограничныхъ горахъ. Надъ истоками Ирета, лежащими въ 5 верстахъ отъ истоковъ Бѣлой, опять возвышается известковая гора, но не такая отлогая, какъ вышеупомянутая, а съ крутыми уступами и значительными высотами, и прислоняется къ древнѣйшимъ горнымъ породамъ».

Письмо Лаксмана было уже давно забыто, когда въ наше время путешественники-спеціалисты—живописецъ Аткинсонъ, геологъ Пермыкинъ и ботаникъ Радде, направляясь къ еще такъ мало изслѣдованному Косоголу, коснулись мѣстъ выхода Бѣлой[608]. Они разсказываютъ много новаго, спеціально о долинѣ верхняго Иркута, гдѣ Радде[609] съ увлеченіемъ описываетъ «величаво разнообразное зрѣлище» въ тихую зимнюю ночь; и самый карандашъ въ моей рукѣ указываетъ мнѣ на свою родину у истоковъ Бѣлой, въ знаменитой фабрикѣ Алибера,— которой графитъ открытъ уже въ наше время, а не взоромъ Лаксмана. Тѣмъ не менѣе, изъ его дѣловитаго отчета многія тамъ имъ упомянутыя топографическія и геогностическія особенности могутъ быть включаемы въ науку нашего времени. Замѣтимъ, что иногда затруднительно бываетъ сводить различныя показанія; напр., тотъ ли самый имъ упомянутый цѣлебный источникъ Арашанъ называется въ болѣе подробномъ описаніи Радде — ручьемъ Ареханъ? Желательно было бы знать это, потому что если такъ, то можно бы изъ того навѣрно заключить, что онъ теперь вторично доѣзжалъ до Косогола, хотя о томъ въ письмѣ и не упоминается.

XXVII.

Добавленія къ 1789-му году.

Семейныя отношенія. Сыновья Лаксмана естествовѣды. Въ особенности сынъ Адамъ въ Гижигинскѣ его помощникъ и корреспондентъ. Его поѣздка на Тайгоносъ; находки мареканита и другихъ минераловъ.

Будучи, словомъ и дѣломъ, усерднымъ изслѣдователемъ чудесъ творенія, и ревнуя «открывать ихъ свѣту», согласно съ тѣмъ, какъ въ его молодости онъ былъ вызываемъ къ тому Линнеемъ, Лаксманъ также и въ болѣе тѣсномъ домашнемъ кругу постоянно старался поощрять охоту и расположеніе къ тому же. Изъ его 8 дѣтей, которыя въ то время и до смерти

его находились въ живыхъ (именно отъ перваго брака: сыновья Густавъ и Адамъ, родившіеся въ Барнаульскомъ пасторскомъ домѣ 1765—66 гг., отъ второго: сыновья Мартинъ, Аѳанасій, Іосифъ, Касьянъ и Константинъ, родившіеся въ Петербургѣ въ 1770—78 (?) годахъ, и дочь Марія, родившаяся въ Москвѣ въ 1781 году) — уже четверо старшихъ, воспитанники Петербургскаго кадетскаго корпуса, гдѣ воспитывались также и младшіе, наслѣдовали любовь къ наукѣ отца ихъ; они же пользовались отчасти его наставленіями.

Густавъ и Адамъ находились съ нимъ уже въ путешествіи въ 1779 г., и по переселеніи семейства въ Сибирь въ 1781 г., были отправлены въ 1783 г., незадолго до производства ихъ въ офицеры, для поднесенія великому князю Павлу, отъ имени отставленнаго тогда отъ службы отца ихъ, подарковъ, состоявшихъ изъ естественныхъ произведеній и не мало способствовавшихъ помилованію его. Въ письмѣ къ Бергіусу отъ 1785 г. мы читали о намѣреніи Лаксмана взять ихъ съ собою, вмѣстѣ съ Мартиномъ и Аѳанасіемъ, въ качествѣ «подручниковъ», въ предполагаемое большое путешествіе по Восточному океану. Но о продолженіи занятій по части физики мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія лишь касательно Адама въ перепискѣ его съ отцомъ; а Густавъ[610]), сдѣлавшись «засѣдателемъ», сперва въ 1785 г. низшаго, а затѣмъ въ 1794 г. высшаго уѣзднаго суда въ Иркутскѣ, не имѣлъ случая письменно обнаруживать свои ученыя занятія по тому же предмету. Братья ихъ были еще слишкомъ молоды, чтобъ оставить какіе бы то ни было слѣды своей дѣятельности.

Упомянутый Адамъ Лаксманъ, дальнѣйшія судьбы котораго были довольно замѣчательны, отмѣчался въ русскомъ государственномъ календарѣ по 1787 (86?) съ 95 года поручикомъ и «исправникомъ», слѣдовательно въ должности, равной той, какую отецъ его одно время занималъ въ Гижигинскѣ, тогда какъ тамъ же нѣкій Карлъ Лаксманъ былъ земскимъ кассиромъ въ чинѣ губернскаго секретаря. Какъ-то странно одновременно видѣть двухъ финновъ, изъ которыхъ одинъ былъ хоть на половину финнъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ на окраинѣ стараго свѣта: очевидно, Карлъ былъ однимъ изъ многихъ сыно-

вей нейшлотскаго мѣщанина Густава Лаксмана[611]), прибывшій въ эту отдаленную страну при содѣйствіи своего брата-академика и надворнаго совѣтника.

Въ самомъ дѣлѣ, Гижигинскъ былъ и отдаленный и маленькій городокъ, при впаденіи рѣки Гижиги въ сѣверо-западный заливъ Охотскаго моря, около котораго Камчатка соединяется съ материкомъ Азіи; до него отъ Петербурга 11,600, отъ Иркутска 5,500, отъ Якутска 2,800 и отъ Охотска 1,800 верстъ; въ немъ были только низкія лачужки, да, за исключеніемъ казачьяго отряда, около 500 человѣкъ жителей. Мѣсто это, однакожъ, не было лишено своего значенія, отчасти служа соединительнымъ пунктомъ сношеній съ Камчаткою и производя мѣновой торгъ по Анадыри, отчасти составляя центральный пунктъ управленія и торговли со смежными дикарями, коряками и чукчами, которые здѣсь на желѣзо, муку, табакъ и водку промѣнивали свою дорогую добычу, состоявшую главнымъ образомъ изъ китоваго уса и мѣховъ. Наконецъ естествоиспытатель въ этой мѣстности, которая передъ тѣмъ лишь мимоходомъ была посѣщена Штеллеромъ и Крашенинниковымъ, могъ найти много предметовъ для наблюденія.

Хорошо снабженный отцомъ своимъ для физическихъ изслѣдованій нужными инструментами, молодой исправникъ не замедлилъ воспользоваться ими. Многія изъ вышеприведенныхъ писемъ отца въ Петербургскую академію заключали въ себѣ сообщенія отъ сына. Изъ нихъ можемъ указать, по крайней мѣрѣ[612]), на письмо отъ $1788\frac{23}{2}$: съ наблюденіями градусника, отъ $1789\frac{7}{3}$ и $\frac{27}{3}$, съ «весьма интересными» свѣдѣніями о волканическихъ явленіяхъ на Камчаткѣ и въ окрестности Охотска, съ кускомъ лавы величайшаго вулкана упомянутаго полуострова и сверхъ того метеорологическія наблюденія; отъ $1789\frac{12}{12}$: опять метеорологическій матеріалъ и подробности о ловлѣ китовъ близъ Чейвытки (= ручья Чайбухи?) и о чукчахъ; отъ $1790\frac{18}{4}$: наблюденія температуры за вторую половину прошлаго года, а также отъ $1792\frac{8}{10}$: такія же наблюденія за время отъ 1-го ноября 1790 до 1-го ноября слѣдующаго года.

Изъ довольно подробной записки его мы можемъ также познакомиться съ нимъ, какъ писателемъ. Послѣ путешествія въ

1789 году на Тайгонос — полуостровъ, вдающійся въ сѣверный уголъ Охотскаго моря между губами Гижигинскою и Пенжинскою и вокругъ котораго живетъ главная масса коряковъ до предѣловъ Камчатки, онъ въ довольно длинномъ письмѣ къ отцу своему сообщилъ не только объ этомъ своемъ путешествіи, но также и о многихъ другихъ своихъ предпріятіяхъ. Письмо написано на русскомъ языкѣ (природный языкъ сына, хотя онъ зналъ и шведскій языкъ, какъ ниже будетъ показано), и въ нѣмецкомъ переводѣ отцомъ было сообщено Палласу [613]), въ Beiträge котораго оно помѣщено и содержитъ слѣдующее:

«Гижигинскъ, у Охотскаго моря, 10-го января 1790 г. Изъ присланныхъ сюда огородныхъ сѣмянъ [614]) только крессъ можетъ созрѣвать. Капуста никогда не кочанится. Корневые овощи удобнѣе всего. Полученныя отъ васъ сѣмена картофеля я посадилъ прошлымъ лѣтомъ и до будущей весны сберегаю клубни, достигшія величины въ горошину. — Относительно уракскихъ *Ониксовъ* могу сообщить, что они встрѣчаются у самаго Уратскаго плотбища [615]), въ умѣренно крутомъ горномъ хребтѣ, отвѣсная высота котораго — саженей 20. Они сидятъ въ твердой, сѣрой и красноватой, трубчатой каменной массѣ, по одному или разсѣянные въ небольшомъ количествѣ, иногда и по нѣскольку штукъ вмѣстѣ въ глинистыхъ гнѣздахъ, между разщелинами; у подошвы горы, гдѣ разбивались обвалы утесовъ, они часто выпадаютъ.

«*Мареканскіе* круглые камни находятся верстахъ въ 30 отъ Охотска у маленькой озерной бухты, въ которую впадаетъ рѣчонка Мареканка, у самаго устья, гдѣ ширина долины не болѣе 50 до 80 саженей. Горы, съ двухъ сторонъ окружающія долину, довольно круты, высотою отъ 15 до 23 саженей, покрыты мхомъ и стелющимися малорослыми кедрами *(Слоницами)*, и выдаются тамъ и сямъ нагими утесами, похожими на витые стволы деревьевъ. Направо отъ устья, къ сторонѣ Охотска, эти горы пресѣкаются, образуя какъ бы крутой берегъ, а горная порода перловаго цвѣта распадается какъ песокъ.

«При отвѣсной раскопкѣ обнаруживаются разныя жилы и слои толщиною въ аршинъ, а въ нихъ находятся извѣстные красноцвѣтные, прозрачные, круглые *Мареканскіе* камни. Не-

прозрачные, красные и пестрые камни находятся также на поверхности мѣстъ, обнаженныхъ отъ *тундры* (торфа). На вершинѣ широкая торфяная поверхность, поросшая низкимъ лиственничнымъ кустарникомъ. Передъ упомянутою крутою каменною стѣною лежатъ на равнинѣ холмики, кверху съ незначительною поверхностью и какъ будто обсыпанные пескомъ; тамъ и сямъ торчатъ скалы трубчатой каменной породы, красноватаго цвѣта.

«Въ продолженіе всего этого лѣта, я странствовалъ сколько былъ въ состояніи. Я помѣстился въ кожаной байдаркѣ [616]), съ тремя казаками, 7 коряками и двумя ихъ женщинами, которыя также употребляются въ качествѣ гребцовъ, и съ Богомъ отправился въ море. Къ счастью моему, погода почти весь мѣсяцъ была постоянная. Мы на веслахъ прогребали каждый день по 50 и даже по 70 верстъ вдоль береговъ, приставали къ берегу въ полдень, чтобы варить кушанье, а ночью отдыхать. Пища моихъ коряковъ состояла главнымъ образомъ изъ тюленей *(Nerpa)*, которыхъ въ достаточномъ количествѣ убивали у береговъ. Кромѣ того, на разстояніи 2 до 8 верстъ отъ берега, мы на скалахъ набирали множество яицъ разныхъ морскихъ утокъ, гренландскихъ голубей, гагаръ, глупышей и др. Много этихъ птицъ мы даже каменьями убивали, потому что онѣ взлетаютъ со своихъ гнѣздъ такими густыми стаями, что едва виденъ бываетъ дневной свѣтъ; крикъ ихъ страненъ.

«На четвертый день мы прибыли къ тому заливу [617]), гдѣ прежде шихтмейстеръ Гаузе наткнулся на новую *Ртутную руду* (твердую, часто кристаллическую киноварь). Еще предки моихъ коряковъ сдѣлали это открытіе и пользовались имъ для окрашиванія своихъ метательныхъ копій, но потомъ опять забыли о немъ. Шихтмейстеръ Гаузе случайно увидѣлъ кусокъ этой киновари въ Гижигинскѣ, спросилъ, гдѣ его нашли, и когда коряки показали ему мѣсто, то онъ не могъ нахвастаться, что открылъ его. Также хвастаетъ онъ и тѣмъ, что смотрѣлъ въ жерло огнедышащей горы въ Камчаткѣ и нашелъ его подобнымъ пропасти ада.

«У меня были съ собою тѣ же люди, которые провожали Гаузе къ мѣсту. Коряки собираютъ здѣсь киноварь осенью,

послѣ того, какъ озеро во время сильныхъ бурь наотрываетъ кусковъ отъ берега. Этотъ берегъ, возвышаясь надъ поверхностью воды не болѣе какъ на одну сажень, составляетъ подошву горъ, образующихъ совершенно отвѣсные утесы вышиною отъ 35 до 40 саженей. Здѣсь я пробылъ два дня и распорядился о съемкѣ берега. Я нашелъ только разбросанными маленькіе кусочки киновари въ глинѣ, смѣшанной съ каменнымъ мусоромъ, на столько еще мерзлой, что мы заступами, ломами и лопатами своими ничего почти не могли подѣлать. Какъ народъ говорилъ мнѣ, что Гаузе былъ здѣсь гораздо раньше весною, когда снѣгъ еще лежалъ на землѣ, а край залива былъ покрытъ льдомъ, то я спросилъ—какимъ же образомъ онъ досталъ штуфы? Оказалось, что нѣкоторые изъ проживавшихъ тамъ коряковъ уступили ему штукъ 20 киновари, ими собранной осенью.

«Оставивъ моихъ коряковъ и одного казака для продолженія работъ, я отправился съ двумя казаками на прогулку по мысу Тайгоносу, по этому коряцкому Херсонесу. Не доходя до крайней оконечности, я повернулъ прямо къ Пенжинскому морскому заливу и вверхъ по заливу до жилищъ коряковъ[618]), откуда я въ прямомъ направленіи черезъ мысъ возвратился къ моей байдарѣ. Этотъ походъ продолжался 15 дней безпрерывно. При возвращеніи я нашелъ, что работники мои набрали фунтовъ шесть киновари.

«Лѣсу на Тайгоносѣ вовсе нѣтъ, за исключеніемъ малорослаго кустарника. Коряки повели меня дальше къ берегу, поросшему торфомъ, версты три вверхъ по ручью, гдѣ въ буеракѣ на глубинѣ саженей пяти встрѣчаются, также въ глинѣ, слѣды прекрасной *мѣдной лазури*[619]). Мы не могли набрать болѣе 3 фунтовъ. Нанесши на бумагу Тайгоносъ съ его ручьями, я возвратился въ Гижигинскъ.

«Черезъ двѣ недѣли послѣ этой поѣздки я отправился со своими тунгузскими проводниками на западъ, къ источнику ручья Вархалаамъ, впадающаго въ морской заливъ. Отсюда я переѣхалъ черезъ многіе маленькіе притоки Гижиги до самой этой рѣки, которой достигли, проѣхавъ верстъ 50 ниже ея источника. Здѣсь по моему приказанію былъ сдѣланъ плотъ изъ тополевыхъ бревенъ и на немъ я безъ малаго въ трое сутокъ

доѣхалъ до Гижигинска. Во всю эту поѣздку я лишь на одной горѣ нашелъ кучу каменьевъ; они похожи на окаменѣлое дерево, довольно хрупки, а въ изломѣ стекловидны; присовокупляю нѣсколько образцовъ [620]).

«Въ настоящемъ году я еще намѣренъ посѣтить водою маленькіе острова Апутской, Похачинской, Олуторской и Хатырской. Только 4 кита въ этомъ году убито у Гижигинска. У Паренскаго острожка при устьѣ рѣки Пареной, впадающей въ Пенжинскій заливъ, поймали 9, у Каменнаго острожка 15, да кромѣ того 8 погибли вслѣдствіе бурной погоды». Если вникнемъ въ отношенія того времени, то поѣздка Адама Лаксмана окажется гораздо опаснѣе, нежели какъ можно судить по его письму. Самъ Биллингсъ, экспедиція котораго въ это самое время шаталась то сюда, то туда, осторожно избѣгалъ Гижигинска [621]), хотя мѣсто это было удобнѣйшее для сношеній съ его главною станціей Охотскомъ, какъ черезъ верховья Анадыри внизъ до Колымы и Ледовитаго моря, такъ и черезъ Камчатку къ Тихому океану; сверхъ того мѣсто это было точно обозначено въ его инструкціи. Но онъ боялся (какъ дѣйствительно трусливый) коряковъ и чукчей. Они дѣйствительно волновались, м. пр. потому, что вслѣдствіе начальническихъ интригъ въ 1786 г. былъ удаленъ любимый ими надзиратель, старый капитанъ-исправникъ Шмалевъ [622]), добродушный характеръ котораго эти дѣти природы, такъ же какъ и Кукъ и другіе образованные путешественники, умѣли по достоинству оцѣнить.

Замѣстившій Шмалева городничій (слѣдовательно высшее лицо) въ Гижигинскѣ, асессоръ Гагенъ, старался возстановить спокойствіе, чего ему однакожъ еще весною 1788 года, при посѣщеніи его Лессепсомъ, не удалось. Немного раньше Шелиховъ, возвращаясь изъ Америки, находился въ крайней опасности, попавши въ руки ордъ, кочевавшихъ между Тигилемъ и Гижигою, и еще въ концѣ 1789 года чукчи обнаружили свое враждебное расположеніе вышеописаннымъ нападеніемъ [623]) на бывшій на Анадыри складъ Баранова, компаньона Лаксмана — отца по талцынскому стеклянному заводу. Разумѣется, Адамъ Лаксманъ сообщалъ отцу извѣстія не только о

предпріятіяхъ Биллингса и его помощниковъ, но также и о другихъ тамошнихъ обстоятельствахъ, хотя мы по извѣстнымъ причинамъ не можемъ ожидать, чтобы всѣ свѣдѣнія были сообщены также и Палласу.

Кажется даже, что Палласъ, по почину котораго экспедиція Биллингса и была предпринята, при отпечатаніи письма Адама Лаксмана, уже сердился на встрѣчавшіяся въ немъ язвительныя слова противъ члена или помощника ея—шихтмейстера и расправника Гаузе въ Гижигинскѣ. Ему дали нѣкотораго рода удовлетвореніе, публикуя вмѣстѣ съ письмомъ также и списокъ[624] «Замѣчательнымъ фоссиліямъ, найденнымъ около Пенжинской губы и на Камчаткѣ», какъ говорится, — шихтмейстеромъ Гаузе и другими». Хотя и правда, что Гаузе въ началѣ 1787 года собралъ множество естественныхъ продуктовъ на Камчаткѣ[625], но что онъ на Тайгоносѣ большой добычи сдѣлать не могъ, ясно видно изъ письма. Подъ словомъ «другіе» подразумѣвается тѣмъ скорѣе Лаксманъ junior, что какъ не только изъ списка, который начинается окаменѣлостями, поименно перечисленными въ письмѣ (при которомъ также и посылка была отправлена), но также и изъ другихъ источниковъ[626] извѣстно, что петербургскіе кабинеты множествомъ минераловъ изъ этой мѣстности были обязаны отцу и сыну Лаксманамъ.

Главное вниманіе привлекали геогностическія новинки съ окрестностей Охотска, которыя также и въ письмѣ впервые упоминаются. *Ониксъ* съ горы у Урака, кварцовая порода, близко родственная съ халцедономъ, былъ уже довольно извѣстенъ и распространенъ Лаксманомъ старикомъ, котораго потому и считали открывателемъ его[627], хотя онъ въ той мѣстности еще не бывалъ. Относительно же ископаемаго съ Марекана находились въ самой большой неувѣренности; въ нѣкоторыхъ коллекціяхъ считали ее дымчатымъ топазомъ. Но теперь дѣло постепенно стало разъясняться.

Палласъ почти одновременно получилъ два письма по этому предмету, а именно сперва (1789 $\frac{5}{9}$) отъ находившагося также въ услуженіи Биллингсовой экспедиціи охотскаго фельдшера Алегретти, а нѣсколькими мѣсяцами позже (1790 $\frac{10}{1}$), какъ мы выше видѣли, отъ Лаксмана младшаго. Разногласія, встрѣчаю-

щіяся въ свѣдѣніяхъ корреспондентовъ, впрочемъ весьма незначительныя, онъ приписываетъ ихъ неопытности въ наблюденіяхъ; и все-таки въ отдѣльномъ сочиненіи [628]) «Von den Marekanischen Steinen und deren Bergart» онъ придаетъ особенное значеніе этой находкѣ и присовокупляетъ анализъ, сдѣланный Ловицемъ (кремнезема 74, глинозема 12, извести 7, магнезіи 3, желѣза 1).

Раздѣленные между минералогами въ Россіи и за границею, эти круглые и очень твердые, хотя при обшлифовкѣ хрупкіе камни, отчасти дымнаго, отчасти кирпичнаго цвѣта, иногда съ черными пятнами, прилежно описывались [629]). Нѣкоторые называли ихъ просто «вулканическими стеклянными шарами изъ Охотска», другими «стеклянною яшмою и шлаковымъ зеолитомъ»; Севергинъ называлъ горную породу «zéolithe en masse», а минералъ то «zéolithe écailleuse», то «silex marecanensis». Наконецъ минералъ этотъ, по возобновленномъ изслѣдованіи Клапрота (преимущественно для опредѣленія содержанія калія и натрія), обыкновенно называется *мареканитомъ*, какъ отдѣльный видъ обсидіана, со многими видоизмѣненіями относительно цвѣта, прозрачности и пр.

XXVIII.

1790 годъ.

Письмо о нахожденіи ископаемой головы носорога. Планы путешествія. Сиверсъ въ Иркутскѣ. Поѣздка по Ленѣ и Вилюю. Открытіе новыхъ минераловъ. Вилюйскій гіацинтъ и Вилюйскій гранатъ.

Путь литературныхъ сношеній Лаксмана шелъ теперь, когда сынъ его поселился на берегу Охотскаго моря, уже черезъ всю Азію, съ главною станціею въ главномъ городѣ Сибири, — чтобы въ скоромъ будущемъ распространиться еще далѣе. И однакожъ, какъ незамѣтными дѣлаются,—разсматриваемыя черезъ телескопъ мысли,—всѣ разстоянія въ пространствѣ

и во времени, какъ легко сближаются и смѣшиваются событія въ прошломъ!

Въ то же время, какъ младшій Лаксманъ изъ Гижигинска отправилъ къ отцу своему въ Иркутскъ только что сообщенное нами описаніе экскурсіи по Тайгоносу, этотъ сообщилъ оттуда своимъ корреспондентамъ въ Петербургъ, а тѣ далѣе по всему свѣту, другую новость по естествознанію. Дѣло касалось на этотъ разъ палеонтологической находки. Извѣстіе о томъ показалось ему достаточно интереснымъ, чтобы сообщить его какъ начальнику горной экспедиціи, такъ и Палласу.

Сохранилось только письмо къ послѣднему, весьма короткое; оно слѣдующаго содержанія: «Иркутскъ, 16-го января 1790 г. Нѣсколько недѣль тому назадъ крестьяне Граниповщины, копая колодецъ, нашли на глубинѣ четырехъ саженъ *голову носорога* безъ нижней челюсти. Деревня находится отсюда верстахъ въ 30 на якутской дорогѣ и почти на такомъ же разстояніи отъ Ангары. Сегодня рисунокъ съ головы посылаю генералу Соймонову, прося сообщить его вамъ».

Ученые въ Петербургѣ придали этому извѣстію такое значеніе, что оно было опубликовано не только въ Beiträge Палласа, но также, вмѣстѣ съ рисункомъ черепа, и въ Актахъ академіи [630]). Находка, особенно замѣчательная по мѣсту нахожденія, дополняетъ другія, подобныя находки въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Лаксману самому это дало возбудительный толчокъ тѣмъ, что его мысли съ этого черепа невольно направились на хранившіеся въ иркутскомъ музеѣ, съ 1770 годовъ, замѣчательно полные остатки большого носорога, и далѣе—къ мѣсту нахожденія его, у Вилюя, притока Лены. Одно сцѣплялось съ другимъ. Его прошлогодній планъ поѣздки, тогда по неизвѣстнымъ причинамъ оставленный, не отлагался долѣе. Онъ приготовился привести его въ исполненіе, какъ только рѣки скинутъ свой ледяной покровъ.

Время ожиданія по особому поводу для него сдѣлалось пріятнымъ и назидательнымъ. Именно въ концѣ апрѣля ученый и даровитый ботаникъ И. Сиверсъ пріѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ и пробылъ около полутора мѣсяца. Посланный С.-Петербургскимъ медицинскимъ управленіемъ, чтобы сдѣлать еще окончательное усиліе къ открытію на сибирской почвѣ или хоть

къ разведенію на ней настоящаго ревеннаго растенія, онъ о своемъ странствованіи доносилъ хорошо написанными письмами, которыя и были напечатаны [631]). Участіе, съ какимъ читаемъ его теплыя описанія, можетъ лишь увеличиваться при грустномъ воспоминаніи, что онъ, съ такимъ усердіемъ искавшій цѣлительнаго средства для человѣчества, при возвращеніи своемъ кончилъ дни свои тѣмъ, что изготовилъ для себя самого отравленный напитокъ. Напрасно возгласилъ онъ, восхищенный величественною уединенностію Сибири: «Zu den Nomaden, und die Langeweile entflicht!»

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Сиверсъ началъ свои странствованія, продолжавшіяся болѣе 5 лѣтъ, у восточнаго края ихъ, потому что тамъ онъ могъ воспользоваться совѣтами и сообщеніями, полученными отъ знатока. Лаксманъ вѣдь уже давно весьма живо интересовался рѣшеніемъ все еще неопредѣленнаго ревеннаго вопроса, и путь, по которому онъ прежде слѣдовалъ, — отъ Барнаула черезъ Иркутскъ, до Селенгинска, Кяхты, рѣки Чикоя и границы Монголіи, — избралъ дѣйствительно и Сиверсъ, хотя въ противоположномъ направленіи. Кромѣ сходства въ стремленіяхъ, кажется, и нѣкоторое сходство характеровъ влекло другъ къ другу этихъ двухъ естествоиспытателей. Ихъ сочувствіе къ окружавшей ихъ первобытной природѣ высказывается въ словахъ и дѣйствіяхъ съ такою же откровенностью, съ какою они оба отзываются о пріятности и облагораживающемъ вліяніи одинокой созерцательной жизни.

Въ письмахъ Сиверса [632]) часто встрѣчается имя Лаксмана, но еще чаще они говорятъ о немъ, не упоминая имени его. Это объясняется словами Сиверса: «Жизнь мою въ Иркутскѣ услаждали блаженные часы, проведенные мною у ученаго господина надворнаго совѣтника Лаксмана. Излишне говорить что-либо въ похвалу этого достойнаго мужа; одно упоминаніе имени его должно быть достаточнымъ для ученаго свѣта». Остановимся однакожъ на нѣкоторыхъ изъ разбросанныхъ изреченій, которыя какъ будто переносятъ насъ въ общество этихъ двухъ изслѣдователей природы и къ тысячамъ вопросовъ, служившихъ предметомъ взаимнаго обмѣна ихъ мыслей.

Однажды разсматривали многолѣтнія метеорологическія за-

15

писки Лаксмана; въ нихъ для Иркутска показано высшимъ стояніемъ барометра 28″10‴ и сильнѣйшимъ градусомъ мороза 34—36, и это по Реомюрову термометру! Разговаривали о стекляномъ заводѣ Лаксмана въ Талцынскѣ; изъ разговора узнаемъ, что еще не удалось найти средства противъ разрыхленія стекла на воздухѣ; полагали, что это неудобство происходило отъ минеральной соли.

Сиверсъ, хотя и не спеціалистъ по предмету, но не можетъ оставаться равнодушнымъ къ минералогическому кабинету своего друга; онъ замѣчаетъ тамъ много штуфовъ съ окрестностей Байкала, но, что довольно странно, восе умалчиваетъ о Култукѣ и утверждаетъ, вѣроятно только по ошибкѣ памяти, что *Lapis lazuli* (одно изъ крупнѣйшихъ открытій) «былъ найденъ пока только въ видѣ валуновъ, и то рѣдко вполнѣ синяго цвѣта». Это противорѣчитъ тому, что́ мы выше узнали, хотя и было возможно, что рудники уже сдѣлались пустыми, какими они оказались и въ новѣйшее время. За то слѣдуетъ полагать, что его сообщеніе о *джигитаѣ* (дикомъ ослѣ), въ 1785 году прирученномъ въ Иркутскѣ, основывается на томъ, что́ онъ видѣлъ у самого Лаксмана, который, какъ намъ извѣстно, занимался этимъ животнымъ и сверхъ того производилъ зоологическія изслѣдованія надъ живыми экземплярами.

Въ ботаникѣ оба были весьма свѣдущи. Тѣмъ не менѣе столь мотивированное въ письмахъ напоминаніе о необходимости того, чтобы изслѣдованія были доведены до Удскаго и до океана, безъ сомнѣнія, вышло отъ Лаксмана, тѣмъ болѣе, что онъ уже давно выразилъ это мнѣніе. Да къ тому же Сиверсъ странствовалъ пока только по окрестностямъ Иркутска; онъ разсказываетъ, между прочимъ, что весенняя флора м. пр. подарила ему *Veronica*, которую онъ называетъ *minuta Laxmani*, — вѣроятно скорѣе по собственному желанію, нежели по почину послѣдняго. Помона, говоритъ онъ далѣе, неблагосклонна къ Сибири: разведеніе плодовыхъ деревъ подвигается тамъ медленно, даже въ такихъ мѣстностяхъ, отъ высоты полюса которыхъ можно бы ожидать не того; единственное исключеніе, прибавляетъ онъ (не изъ одной ли вѣжливости?), составляютъ «нѣкоторыя цвѣтущія вишневыя, персиковыя и яблонныя деревья, которыя я видѣлъ

въ оранжереѣ господина Лаксмана, и которыя, можно надѣяться, современемъ будутъ приносить плоды». Путешественникъ, гораздо позже проѣзжавшій тамъ, Миддендорфъ, признаетъ рѣшеннымъ, что желаніе Сиверса и Лаксмана не сбылось.

5-го іюня Сиверсъ отправился изъ Иркутска къ югу, а Лаксманъ вѣроятно одновременно предпринялъ такъ давно имъ задуманную поѣздку къ сѣверу. Они болѣе не встрѣчались. Первый впродолженіе многолѣтнихъ странствованій своихъ хоть и часто посѣщалъ Иркутскъ, но все въ такое время, когда Лаксмана тамъ не было. Да и біографъ съ тѣхъ поръ только рѣдко находитъ его дома: поѣздки его съ этого времени становятся все обширнѣе, какъ по времени, такъ и по пространству.

Что касается такой разнообразной и затруднительной поѣздки Лаксмана, какая была произведена лѣтомъ 1790 года, то невозможно не пожалѣть въ высшей степени, что онъ, сколько намъ извѣстно, не оставилъ о ней подробнаго описанія. Именно въ то время Вилюйская область, равно какъ и теперь, особенно что касается до внутренней части ея, была одною изъ наименѣе изслѣдованныхъ во всей Сибири, хотя между болѣе древними путешественниками уже Витсенъ и шведъ Страленбергъ слышали разсказы о (выдуманной) огнедышущей горѣ и обильныхъ соляныхъ источникахъ у рѣки Вилюя, а также Гмелинъ въ 1736 году изъ Олекминска отправилъ тогдашняго студента Крашенинникова для изслѣдованія послѣднихъ, которые онъ и нашелъ у ручья Каппиндей (Кемпендей). Не смотря на то, по истеченіи цѣлаго столѣтія, топографія и гидрографія мѣстности еще были такъ ненадежны, что упомянутый ручей Спасскимъ, и на губернской картѣ въ 1826 году, выдается за истокъ Вилюя. Относительно другого водяного пространства, къ которому Лаксманъ спеціально направился, до сегодня не сошлись вполнѣ даже въ названіи, ибо Лаксманъ постоянно пишетъ Ахтарагда, а другіе Антарагда, третьи Ахтаранда, и наконецъ Ахтрында.

Главная цѣль поѣздки Лаксмана была геогностическая, и увѣнчалась, какъ вскорѣ увидимъ, открытіемъ двухъ драгоцѣн-

ныхъ минераловъ. Однакожъ, довольно странно, даже и это обстоятельство не вызвало охотниковъ послѣдовать его раннему и счастливому примѣру. Всѣ останавливались на томъ, что предлагали этотъ затруднительный путь другимъ [633]). Такъ напр. докторъ Крузе, обревизовавшій въ 1832 году городокъ Вилюйскъ, довольствуется однимъ намекомъ на богатство дорогихъ камней, скрывающихся въ «печально-болотномъ эльдорадо» якутовъ, по собственнымъ ихъ разсказамъ. Русскій акушеръ Уклонскій, побывавшій нѣсколькими годами позже въ той же мѣстности, полагаетъ, что находка Лаксмана произошла довольно случайно, такъ какъ охотники иногда привозятъ *опалы, аметисты, топазы* и *аміанты* съ верхняго теченія Вилюя, гдѣ однакожъ (прибавляетъ онъ довольно осторожно) эти природные минералоги лишь рѣдко скитаются, потому что ловъ звѣрей тамъ не обиленъ. Даже свѣдущій Геденстремъ, побывавшій далеко въ Сибири, не знаетъ на Вилюѣ никакихъ другихъ минераловъ, кромѣ: 1) *Вилюита* или *Везувіана*, онъ же *Идокразъ* или *Вилюйскій гіацинтъ*, и 2) *Желтозеленаго граната*, *Олинтолита* или *Гроссуляра*, «открытыхъ давно уже усопшимъ достойнымъ профессоромъ Лаксманомъ».

Наконецъ даже забыли открывателя или же умолчали о немъ. Меглицкій [634]) разсказываетъ въ описаніи своего геогностическаго путешествія къ Ленѣ въ 1850 году: «Посредствомъ тщательныхъ разспросовъ (!) я узналъ, что мѣсто нахожденія *Везувіана* и *Гроссуляра* относится къ долинѣ рѣки Мархи, и что порода, заключающая эти минералы, явно указываетъ на мѣстныя волканическія изверженія», слѣдовательно, ничего о Лаксманѣ, а о самомъ предметѣ не довольно точно. Въ составленныхъ въ 1871 году Мейнсгаузеномъ Nachrichten über das Wilui-Gebiet, читаемъ о рѣкѣ, имъ называемой Ахтрындою или Ахтарандою: «Здѣсь встрѣчаются *вилюитъ*, *гроссуляръ*, *аметистъ* и *известковый шпатъ*, а ради прекрасныхъ и разнородныхъ минераловъ стоило бы труда изслѣдовать рѣку съ ея притоками». Вотъ и все.

Изложенное положеніе дѣла придаетъ инициативѣ Лаксмана тѣмъ болѣе важности. Надобно полагать, что онъ придерживался своего первоначальнаго плана [635]), который, кажется, состоялъ въ

слѣдующемъ: отправиться внизъ по Ленѣ до впаденія Витима, оттуда сухимъ путемъ до Вилюя и по этой рѣкѣ до находящихся тамъ соляныхъ и минеральныхъ горъ. На этомъ основаніи и такъ какъ самою крайнею цѣлью были притоки Вилюя, Кемпендей и Ахтарагда, его маршрутъ можно представить себѣ слѣдующимъ: изъ Иркутска по почтовому тракту 240 верстъ до Качуской пристани, гдѣ Лена дѣлается судоходною; потомъ въ лодкѣ мимо Киренска 790 в. до Витима 430 в., гдѣ онъ нашелъ *аквамарины* и *бериллъ;* снова по почтовой дорогѣ 650 в. до Олекминска, гдѣ добылъ растеніе Monotropa hypopithys; затѣмъ верхомъ[636]) въ сѣверномъ направленіи 360 в. до слободы Сунтаръ; — т. е. всего около 2,500 верстъ, большею частью черезъ пустыни якутовъ.

Отъ Сунтара, при устьѣ Кемпендея, или скорѣе во время ѣзды туда, онъ легко могъ посѣтить какъ *Соляную гору*, лежащую у рѣки (57 в.), такъ и мѣсто упомянутого выше открытія *носорога.* Отсюда оставалось еще отъ 200 до 300 верстъ до Ахтарагды. Можетъ быть, онъ также побывалъ и въ городкѣ Верхневилюйскѣ, ибо здѣсь, на землѣ, растаевающей лишь фута на два, по его распоряженію и его инструментами были сдѣланы наблюденія термометра[637]), а также, кажется, докторъ Меркъ[638]), дѣлая естествоиспытательную экскурсію, уклонился отъ пути большой экспедиціи и проникнулъ сюда, то Лаксманъ навѣрно не желалъ быть хуже соперника своего, предпочтеннаго коммодоромъ Биллингсомъ.

Чтобъ кто-либо не подумалъ, что эта поѣздка только здѣсь «составлена», укажемъ на то, что кромѣ уже приведенныхъ намековъ есть и фактическія указанія, хоть и немногія. Такъ, самъ Лаксманъ пишетъ секретарю стокгольмской академіи наукъ Вильке 1791 $\frac{7}{9}$: «Въ прошломъ году я проѣхалъ бо́льшую часть земли якутовъ. Удивительна имѣющая 80 саженъ отвѣсной вышины *Соляная гора*, хрустальной прозрачности, у Кемпендея и рѣки Вилюя на безмѣрной равнинѣ, гдѣ немногіе уединенные утесы (острова первобытнаго времени) тамъ и сямъ едва возвышаются надъ полемъ, состоящимъ изъ *флеца* и валуновъ. Многіе источники свидѣтельствуютъ, что земля замерзаетъ лишь на глубинѣ нѣсколькихъ саженей»; а въ 1794 $\frac{22}{8}$ онъ пишетъ:

«Хотя я не имѣлъ чести получить отвѣтъ на мое письмо отъ 91-го года, которое, можетъ быть, затерялось, однако же считаю своею обязанностію поднести королевской академіи наукъ нѣсколько призматическихъ гранатообразныхъ камней. Они найдены въ рѣкѣ Вилюѣ, въ четырехъ верстахъ ниже устья рѣки Ахтарагды. Они тамъ сидятъ въ одинокой горѣ, которая, вѣроятно, въ незапамятную древность была островомъ, принадлежавшимъ тогда, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, къ архипелагамъ Ледовитаго моря, которые впослѣдствіи соединены въ огромную равнину потопомъ, размывшимъ горные хребты Сибири, образовавшимъ озеро Байкалъ и покрывшимъ весь сѣверъ наносами. Можетъ быть что эта каменная порода саксонскими диктаторами по части минералогіи называется *роговою обманкой (Hornblende)*»[638a]). То же извѣстіе онъ въ письмѣ отъ того же числа сообщаетъ прежнему лаборанту своему, тогдашнему экстраординарному профессору Гольмбергу въ г. Або.

Очевидно, Лаксманъ и Академіи и Кабинету въ Петербургѣ рапортовалъ о поѣздкѣ своей, хотя документовъ о томъ не найдено. Вмѣсто того, чтобы, какъ было желательно, опубликовать самый рапортъ, Палласъ[639]) употребилъ его лишь подкладкою для сочиненія, изданнаго въ 1793 году: «Von merkwürdigen *Hyacinthen* und *Granaten* am Wilui». Чисто-топографическое здѣсь ограничивается введеніемъ, которое гласитъ: «Знаменитый господинъ надворный совѣтникъ Лаксманъ, во время поѣздки своей въ 1790 г. на Вилюй, называемый Якутами рѣкою Ирисъ, между прочими замѣчательностями, близъ устья рѣчки Ахтарагды, впадающей въ Вилюй, отчасти въ слояхъ землистой, неровно-скважистой, слоеватой горной породы, отчасти въ находящемся подъ нимъ слоѣ весьма желѣзистаго трапа, нашелъ двѣ кристаллизаціи, которыя достойны быть упомянутыми между ново-открытыми рѣдкостями изъ Сибири». Слѣдуетъ за тѣмъ, составленное безъ сомнѣнія, самимъ Палласомъ описаніе и изображеніе кристалловъ, которые онъ считаетъ: 1) темно-оливковаго цвѣта, лишь мало прозрачные = настоящими, хотя нечистыми *гіацинтами*, родственными тѣмъ, которые были найдены въ Везувіи, и 2) бѣловатые, или

желтозеленые и просвѣчивающіе, иногда наросшіе на первыхъ = *гранатами*.

Отчетъ о «другихъ рѣдкостяхъ», привезенныхъ Лаксманомъ изъ поѣздки, о которыхъ упоминается въ сочиненіи, очевидно не относился къ предмету этого сочиненія. Но, къ сожалѣнію, о томъ свѣдѣній вообще нѣтъ, за исключеніемъ [640]) тѣхъ незначительныхъ, которыя уже выше мимоходомъ были упомянуты или въ другомъ мѣстѣ случайно отмѣчены, какъ-то: пара минераловъ съ Витима, растеніе (только одно!) изъ Олекминска, селитра съ береговъ Лены, образцы соли съ Кемпендея, брекчія съ Вилюя. Новые камни были и остались, сколько извѣстно, главною добычею продолжительной поѣздки.

Читатель видитъ, и если угодно, можетъ считать это доказательствомъ скромности Лаксмана, что онъ въ письмахъ къ своимъ шведскимъ и финскимъ корреспондентамъ даже не упомянулъ о лестномъ для него сочиненіи Палласа. Самъ онъ, кажется, считалъ одно ископаемое, впослѣдствіи названное везувіаномъ, родомъ *шерла*, другое *зеленоватымъ гранатомъ*, какимъ оно и нынѣ называется по роду, хотя по виду теперь именуется гроссуляромъ. Названіе *Горнбленде* онъ употребляетъ лишь въ ироническомъ смыслѣ противъ «саксонскихъ диктаторовъ по минералогіи», какъ мы видѣли изъ письма его къ Вильке, или просто противъ «шарлатановъ» (какъ пишетъ онъ Гольмбергу), подразумѣвая подъ этимъ стараго соперника своего Реновнаца.

Но съ другой стороны, по обыкновенію своему, онъ щедро раздавалъ свои ново-открытые минералы въ публичныя и частныя коллекціи [641]). Они тотчасъ возбуждали всеобщее вниманіе. Однакожъ, прежде еще чѣмъ публика имѣла случай познакомиться съ сообщеніемъ Палласа, вслѣдствіе недостаточнаго знанія мѣстности иностранными минералогами, вкралась ошибка [642]), которая по наслѣдству сохранилась даже до нашего времени. Извѣстно, что Эстнеръ первый назвалъ Камчатку мѣстомъ нахожденія ископаемаго, а потомъ Цаппе вѣрно назвалъ Вилюй, но полагалъ, что эта рѣка течетъ по Камчаткѣ, въ чемъ и другіе вторили ему. Слѣдовательно тутъ перемѣщеніе на нѣсколько ты-

сячъ верстъ, и притомъ въ мѣстность, о которой задолго до Лаксмана знали, что она была волканическая.

Первое химическое изслѣдованіе[643]) оливковозеленыхъ кристалловъ сдѣлано Ловицемъ, котораго «*Hyacinthorum* sibiricorum a cel. Laxmano detectorum analysis» (извести 41, кремнезема 35, глинозема 13, желѣза 6, воды 1), прочитано 3-го ноября 1796 г. въ Петербургской академіи, но цѣлыхъ 5 лѣтъ оставалось ненапечатаннымъ. Между тѣмъ Клапротъ, 1797 г. опредѣлилъ минералъ (кремнезема 42, извести 34, глинозема 16,25, желѣзной окиси 5,5 и слѣды магнезіи) сибирскимъ *Везувіаномъ;* это названіе почти повсемѣстно за нимъ и осталось, хотя Геденстремъ между прочими синонимами помѣстилъ также и названіе *Viluit.*

Названіе *Viluit* употребляется однакожъ чаще о желтозеленыхъ кристаллахъ, которые Голицынъ еще спеціальнѣе хотѣлъ назвать «*Viluit* de Severgin», вѣроятно потому, что онъ полагалъ, что находка была сдѣлана послѣднимъ. Въ анализѣ, сдѣланномъ въ 1807 г. Клапротомъ надъ «оливково-зеленымъ *гранатомъ* сибирскимъ» (кремнезема 44, извести 33,50, глинозема 8,50, желѣзной окиси 12 и со слѣдами марганца), заслуга Лаксмана вновь была оцѣнена, но въ то же время Вернеръ, по поводу вида и цвѣта ископаемаго, похожаго на крыжовникъ, ввелъ названіе *Гроссуляръ*, которое нынѣ самое употребительное. Кобелъ, совершенно вѣрно приписывающій Лаксману открытіе обоихъ минераловъ, упоминаетъ, что они стоятъ близко другъ къ другу, и что пока лишь составъ *Гроссуляра* подтвержденъ (кремнезема 40,58, глинозема 22,55, извести 36,87), но что ни онъ самъ, ни многіе другіе, анализировавшіе *Везувіанъ*, не могли вѣрно опредѣлить его формулу.

XXIX.

1791 годъ.

Взгляды на Восточный океанъ. Поѣздка въ Петербургъ съ японцемъ Кодаемъ. Переписка со Швеціею. Императорскій рескриптъ о посольствѣ въ Японію.

По возвращеніи Лаксмана, вѣроятно въ позднюю осень 1790 г., изъ поѣздки, описанной въ предыдущей главѣ, оказалось что два съ нѣкотораго времени оставленные и до него близко касающіеся вопроса подвинулись порядочно впередъ: его талцынскій компаньонъ отправился на Кадьякъ и въ Америку, а относительно нѣкоторыхъ проживавшихъ въ Иркутскѣ японцевъ, покровительствуемыхъ Лаксманомъ, получены были предписанія изъ Петербурга, о чемъ еще сообщимъ ниже. Переселеніе Баранова, не только съ экономической точки зрѣнія, было важно для Лаксмана, но также и относительно долго имъ питаемаго намѣренія — познакомиться съ природою новаго свѣта; касательно же японцевъ событія принимали направленіе все болѣе и болѣе обращавшее желаніе и взгляды его на Восточный океанъ.

За неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, конечно, невозможно ближе опредѣлить, съ какого именно времени Лаксманъ предался мысли о поѣздкѣ къ болѣе отдаленнымъ берегамъ океана, — мысли, такъ часто мелькавшей у него вмѣстѣ съ представленіемъ о его смерти. Однакожъ многія обстоятельства, и между ними главнымъ образомъ его настойчивость въ замыслахъ, когда дѣло касалось до «Wanderschaft», заставляютъ полагать, что эта мысль зародилась у него очень давно, быть можетъ даже во время его перваго пребыванія въ Сибири.

Да, если между прочимъ вспомнимъ, что онъ уже въ 1765 году, находясь въ Барнаулѣ, приходилъ въ восторгъ отъ разсказовъ о снаряженныхъ тогда экспедиціяхъ Чичагова и Криницына для отысканія морского пути вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири въ Индію[644]); что онъ едва услышалъ о возвращеніи Тунберга изъ Японіи въ 1779 году, какъ уже вызвался содѣйствовать

изданію описанія его путешествія; что шведскіе ученые, на основаніи какого-то слуха, во время второго его переселенія въ Сибирь въ 1781 году, поставили его въ связь съ предположеннымъ изслѣдованіемъ рѣкъ, впадающихъ въ «Сѣверное и Камчатское моря»; что письмо къ Бергіусу отъ 1785 $\frac{15}{10}$ заключаетъ прямыя свѣдѣнія о «давно задуманной» американской поѣздкѣ, или же, наконецъ, что онъ при донесеніи отъ 1790 $\frac{20}{4}$ въ Петербургскую академію представилъ «очень подробную» карту Японіи, составленную рожденнымъ въ Японіи иркутскимъ купцемъ Дайкокуковда[645]), — то эти отдѣльныя частности въ сложности показываютъ интересъ и направленіе, исполненіе и ближайшая форма которыхъ зависѣли только отъ обстоятельствъ.

Болѣе того: такъ какъ приведенное нами письмо къ Бергіусу указываетъ на истоки Уды, на устье Амура, на Сахалинъ, на Курильскіе и Алеутскіе острова, на берегъ Америки до испанской границы (Калифорніи), какъ на главныя мѣста предстоящей поѣздки, то этотъ маршрутъ очевидно находится подъ вліяніемъ составленнаго уже въ 1741 году государственнымъ исторіографомъ Миллеромъ, хотя изданнаго Бюшингомъ только въ 1769 году, описанія рѣчной системы Амура. Въ этомъ, въ свое время весьма важномъ сочиненіи, главною цѣлью котораго, кажется, было объяснить коварство, съ какимъ китайцы ограничивали выгоды русскихъ, предоставленныя имъ нерчинскими пограничными трактатами отъ 1689 года, мы находимъ краснорѣчивое доказательство[646]) именно важности пути черезъ Уду внизъ къ берегу, чтобы оттуда достигнуть Японіи и Америки; а Лаксманъ отъ начала своего литературнаго поприща состоялъ въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ, какъ къ автору, такъ и къ издателю сочиненія, чтобы не послѣдовать его указаніямъ.

Само собою разумѣется, что самое предложеніе развѣдать путь вдоль Уды къ морю, весьма замѣчательно. Эта линія въ то время еще, и пока владѣніе нижнимъ теченіемъ Амура, направляющагося болѣе къ югу, составляло предметъ споровъ между Россіею и Китаемъ, должна была имѣть огромное значеніе для первой, такъ какъ благодаря ему можно было избѣгать чрезвычайно труднаго провоза товаровъ изъ Якутска въ Охотскъ.

Дорога эта, которою уже съ самыхъ давнихъ временъ пользовались якутскіе и тунгузскіе охотники на соболей, которые, скитаясь изъ области якутской, направлялись къ берегу и смежнымъ островамъ,—дорога эта, которая вела по горамъ и черезъ рѣки, была часто проходима также партіями казаковъ, отчасти даже геодезистами, а сверхъ того правительство съ 1787 года имѣло намѣреніе перемѣстить охотскія верфи и гавань къ заливу, гдѣ впадаетъ Уда, и надъ которымъ съ давнихъ временъ находились русскія укрѣпленія. Изъ Якутска можно было достигнуть этого Удскаго острога впродолженіе 4 или 6 недѣль, а изъ Нерчинска пользуясь Амуромъ.

Но болѣе чѣмъ всѣ политическіе и торговые виды, Лаксманомъ руководили научныя цѣли. Онъ былъ того убѣжденія, которое, какъ извѣстно, часто выражалъ онъ и Бергіусу и Сиверсу, что пространство, находящееся между Удою и Амуромъ, было чрезвычайно поучительно въ естествоиспытательномъ отношеніи. Безъ сомнѣнія, онъ пришелъ къ такому заключенію по свѣдѣніямъ о странѣ, мало по малу имъ пріобрѣтеннымъ отчасти посредствомъ собственныхъ экскурсій, какъ во время пребыванія его въ Нерчинскѣ и Шилкинскѣ, а также уже и раньше и позднѣе, а отчасти посредствомъ знакомства съ многоопытнымъ Линденау, да наконецъ и черезъ вполнѣ случайныя извѣстія. Такъ случилось напр. лѣтомъ 1790 года, что одновременно съ пребываніемъ его въ мѣстности Верхневилюйска, туда возвратился эмиссаръ, посѣщавшій Сахалинъ[647]) черезъ Удскій, для ловли звѣрей и собранія рѣдкостей.

Но мысли Лаксмана неслись дальше. Если я буду въ Удскомъ, думалъ онъ, то легко могу, хотя пользуясь морскими теченіями, попасть къ устью Амура и къ Сахалину, въ полуяпонскую, полукитайскую тогда еще территорію, а оттуда потомъ и къ югу черезъ заливъ до Йезо и къ сѣверу по Курильскимъ островамъ и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что планъ его кажется и хорошо обдуманнымъ и оригинальнымъ, по крайней мѣрѣ онъ очень отличается отъ разныхъ проектовъ и попытокъ, до того времени сдѣланныхъ русскими и иностранцами для открытія сношеній съ тогда еще такъ мало изслѣдованными странами къ сѣверу и къ востоку отъ Сибири.

Въ особенности болѣе чѣмъ два вѣка тому назадъ, со времени изгнанія португальцевъ и іезуитовъ изъ Японіи, это царство острововъ было почти замкнуто для европейской любознательности; голландцы, одни лишь имѣвшіе туда хотя и ограниченный доступъ, придерживались системы молчаливости, предписываемой ихъ торгашескою политикою. Сочиненіе Кемпфера о ней, опубликованное въ первый разъ въ 1727 году, составляло еще единственный источникъ. Послѣ него дѣйствительно шведъ Тунбергъ въ 1775—76 годахъ посѣтилъ Нипонъ и даже главный городъ Йеддо; хотя его Flora japonica уже съ 1784 года находилась въ рукахъ ботаниковъ, но описаніе самой страны должно было слѣдовать въ третьемъ томѣ путешествія его (вышедшемъ въ Упсалѣ въ 1791 году).

Только что совершенное плаваніе Ла-Перуза по японскимъ водамъ менѣе всего укрылось отъ вниманія Россіи; но что́ онъ сдѣлалъ, то́ пока до времени оставалось тайною. Можетъ быть, Лаксманъ и другіе знали, что 9-я статья экспедиціи Биллингса предписывала «полезныя открытія въ моряхъ, омывающихъ Курилы и Японію, Китай и Корею», но, несмотря на это, поле дѣятельности было довольно обширно, хотя въ началѣ самой морской экспедиціи никто не могъ предполагать, что храбрый коммодоръ оставитъ безъ вниманія не только эту, но и многія другія изъ его гораздо болѣе легкихъ задачъ.

Еще другой путь, вмѣстѣ и болѣе близкій и болѣе скромный, казался удобнымъ къ достиженію цѣли. Едва русскіе около половины XVII столѣтія основали Охотскъ и немного позже пробрались на Камчатку, какъ уже стали они предпринимать странствія по морю, тутъ ихъ встрѣтившему. Главнымъ образомъ два направленія были избраны ими: восточное по дугѣ Алеутовъ до материка Америки, и южное вдоль Куриловъ къ Японіи. Возникновеніе русско-американской компаніи было слѣдствіемъ перваго; куда послѣднее должно было привести, еще нельзя было предвидѣть. Изъ 22-хъ Курильскихъ острововъ уже 20 находились въ рукахъ русскихъ; два послѣдніе, Итурупъ и Кунаширъ, принадлежали Японіи, равно какъ и слѣдующіе затѣмъ два большіе острова Йезо или Мацмай, и отдѣленный отъ нихъ лишь

заливомъ въ 60 верстъ Нипонъ — именно самая главная мѣстность.

Всѣ эти пріобрѣтенія земли произошли по частному почину. Только одинъ разъ правительство вмѣшалось въ дѣло, именно во время императрицы Анны, когда казенное судно подъ командою датчанина Спангберга, принадлежавшее къ эскадрѣ Беринга, даже приставало къ Мацмаю, а другое осматривало устье Амура. Частная предпріимчивость однакожъ была настойчивѣе; съ каждымъ годомъ рыбачьи и охотничьи суда проникали все дальше и дальше. Наконецъ около 1778 года два купца, Ласточкинъ изъ Якутска и Шебалинъ изъ Иркутска, также пробрались до Мацмая, гдѣ они посѣтили Аткисъ. Хотя они радушно были приняты уроженцами, но намѣреніе ихъ устроить правильный обмѣнъ товаровъ [648]) не удалось. Однакожъ, оба не унывали. Немного позже Ласточкинъ, кажется, пробовалъ путь черезъ Удской, а Шебалинъ былъ вовлеченъ въ предпріятія Лаксмана.

Не только обстоятельства времени, но и мѣсто пребыванія Лаксмана благопріятствовали его цѣлямъ. Иркутскъ занималъ такое положеніе въ свѣтѣ, которое непремѣнно должно было подѣйствовать на характеръ, подобный Лаксманову. Состоя главнымъ образомъ, благодаря энергіи Шелихова, уже въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Америкою, этотъ городъ представлялъ самыя разнообразныя побужденія и пособія къ изученію замкнутаго японскаго царства острововъ. Въ особенности достойно примѣчанія, что въ Иркутскѣ издавна находилась цѣлая колонія японцевъ, купцовъ и мореплавателей, не добровольно сюда прибывшихъ, а спасенныхъ отъ часто случавшихся кораблекрушеній у береговъ. Нѣкоторые состояли даже учителями [649]) въ навигаціонномъ училищѣ города, основанномъ въ 1764 году.

Съ этими островитянами, отчасти перешедшими въ христіанство и изучившими русскій языкъ, обращались ласково и они были весьма обходительны. Лаксманъ познакомился съ ними. Въ особенности онъ снискалъ довѣріе одного корабельщика и купца изъ Мацмая, по имени Кодай или Кодою, обнаруживавшаго большой умъ. Нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства придавали этому скромному человѣку своего рода извѣст-

ность, или, по крайней мѣрѣ, о немъ часто упоминали въ тогдашнихъ сочиненіяхъ о путешествіяхъ, гдѣ однакожъ о судьбѣ его часто разсказывали весьма сбивчиво.

Кодая постигло несчастіе: когда онъ перевозилъ со своего острова на другой партію рису, то сбился съ пути, послѣ чего судно его, скитавшееся впродолженіи 6 мѣсяцевъ, сѣло на мель у острова Амчитки (у Лаксмана: Амизицкаго), одного изъ южныхъ Алеутскихъ островов. Въ 1786 году экипажъ судна, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, съ 70-и человѣкъ уменьшившійся до 9, русскимъ тюленеловнымъ кораблемъ былъ привезенъ въ Камчатку. Здѣсь, въ городѣ Нижнекамчатскѣ, Лессепсъ [650]) въ февралѣ 1788 года видѣлъ претерпѣвшихъ кораблекрушеніе; онъ разсказываетъ, что имъ оказывали радушное гостепріимство и готовились вскорѣ послать ихъ въ Петербургъ. Но сперва повезли въ Иркутскъ, гдѣ къ нимъ были также благосклонны. Генералъ-губернаторъ Пиль, въ 1789 г. занявшій мѣсто Якоби, получилъ наконецъ ожидаемое предписаніе касательно этихъ подданныхъ чужого государства.

Императрица повелѣла отправить Кодая въ Петербургъ. Трудно рѣшить, былъ ли указъ о томъ данъ на подобіе прежнихъ образцовъ [651]), или скорѣе потому, что Лаксманъ уже имѣлъ случай представить предложеніе, о которомъ говорится ниже. Вѣрно только то, что именно онъ получилъ порученіе, быть путеводителемъ дальняго гостя.

Опять мы имѣемъ лишь непрямой намекъ о времени этой, по числу четвертой его поѣздки изъ Сибири въ Петербургъ. 7-го февраля 1791 г. Палласъ представилъ Петербургской академіи наукъ [652]) массу сѣмянъ растеній, увѣдомляя притомъ, что получилъ ихъ отъ Лаксмана, «недавно прибывшаго изъ Иркутска». Неизвѣстно также, когда именно онъ отправился въ обратный путь. Однакожъ, пребываніе обоихъ путешественниковъ въ столицѣ въ ожиданіи высочайшей резолюціи, кажется, протянулось до поздней осени, можетъ быть даже до перваго саннаго пути. Извѣстія, изъ которыхъ мы узнаемъ это, сообщаютъ также нѣкоторыя подробности о томъ, какъ Лаксманъ, въ ожиданіи резолюціи, проводилъ время.

Такъ мы читаемъ въ трудахъ Экономическаго общества [653]):

«Господинъ надворный совѣтникъ Лаксманъ, лѣтомъ 1791 года бывшій въ Петербургѣ, сообщилъ, что картофель, при уходѣ покойнаго профессора Фалька созрѣвшій въ аптекарскомъ саду и имъ высланный въ Сибирь, тамъ, въ Иркутскомъ намѣстничествѣ, очень выродился, за то другой, разведенный изъ сѣмянъ, привезенныхъ имъ туда въ 1787 году, въ нынѣшнемъ поколѣніи далъ гораздо лучшія картофелины. Такой же опытъ произведенъ въ Гижигинскомъ уѣздѣ Якутской области, у Пенжинской морской губы, куда онъ выслалъ сѣмена», — именно вышепомянутому сыну его Адаму[654]).

Пара писемъ Лаксмана въ Швецію относятся также ко времени этой поѣздки. Письма, весьма пояснительныя, какъ въ отношеніи къ болѣе старымъ, уже упомянутымъ происшествіямъ, такъ и относительно разныхъ литературныхъ личностей и новыхъ сношеній, а преимущественно по дѣлу, заставившему его посѣтить престольный городъ; жаль только, что они безъ адреса. Но какъ подлинники ихъ хранятся въ библіотекѣ Стокгольмской академіи наукъ (а старый корреспондентъ Лаксмана П. І. Бергіусъ скончался въ 1790 году), то можно довольно вѣрно предполагать, что они были адресованы тогдашнему секретарю этого общества, преемнику Варгентина, знаменитому физику, профессору К. І. Вильке[655]).

Въ первомъ письмѣ, помѣченномъ «С.-Петербургъ, 7-го сентября 1791 г.», Лаксманъ пишетъ: «Государь мой. Неизвѣстность состоянія нѣкоторыхъ друзей моихъ, вмѣстѣ съ почтеніемъ уже долго мною къ вамъ питаемымъ, побуждаютъ меня затруднить васъ, милостивый государь, этими строками. Я ничего не зналъ о смерти доктора Спармана[656]), и въ концѣ прошлой зимы черезъ одного офицера послалъ ему нѣсколько бездѣлицъ. Въ 1787 году я послалъ господину горному совѣтнику Энгестрему нѣсколько минераловъ, и на это также не получилъ никакого отвѣта. Нѣсколько весьма рѣдкихъ горныхъ породъ, назначенныхъ великому королю шведскому, я тогда оставилъ у барона Нолькена; ящикъ для господина Энгестрема оставленъ былъ у секретаря Бергстедта.

«При своихъ мелочныхъ занятіяхъ возился я съ Mappa Asiae borealis antediluviana. Она вовсе не похожа на нынѣшнюю.

Перемѣна климата около Якутска и нѣкоторыя другія замѣчанія и результаты связаны съ этимъ. Въ прошломъ году я путешествовалъ и т. д. (см. стр. 229) ....замерзшею.

«Если встрѣтите капитана Норберга[657]), бывшаго здѣсь нѣсколько лѣтъ, то прошу засвидѣтельствовать ему мое почтеніе и разсказать: Ея Величество одобрила мой планъ. Японскій купецъ Кодою получилъ ⊙ медаль, 600 рублей, даровую квартиру и столъ и будетъ перевезенъ на фрегатѣ «Слава Россіи» въ Японію. Сынъ мой Адамъ будетъ провожать его туда. Каждому матросу[658]) назначено 200 рублей и содержаніе. На будущей недѣлѣ уѣду отсюда въ Иркутскъ. Письма ко мнѣ прошу посылать Эйлеру. Съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ пребываю, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою вашимъ Э. Лаксманъ. P. S. Другъ господина Норберга, майоръ Кёрбицъ, состоитъ генералъ-аудиторскимъ поручикомъ у фельдмаршала графа Разумовскаго въ Москвѣ. Кабинетъ его не проданъ.»

Второе письмо все еще изъ того же мѣста и сообщаетъ лишь слѣдующее короткое извѣстіе: «Государь мой. Приложенное у сего письмо заключаетъ коллекцію японскихъ монетъ, полученную мною отъ японца, который потерпѣлъ кораблекрушеніе у Алеутскаго острова Амизицкаго, и теперь будущей весною, въ сопровожденіи сына моего, отправится изъ Охотска на родину. Считая своею обязанностію продолжать пересылку рѣдкостей Тихаго океана, прошу о надежной передачѣ приложеннаго, съ почтительнѣйшею скромностію, и пребываю съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ покорнѣйшимъ слугою вашимъ Эрикъ Лаксманъ. С.-Петербургъ, 25-го сентября 1791 года.»

Что касается до главной цѣли поѣздки, то она была достигнута полнѣе, нежели Лаксманъ, можетъ быть, даже отваживался думать. Ему было предоставлено счастіе передать императрицѣ подробное мнѣніе по дѣлу. Не удалось отыскать первоначальный документъ даже въ архивѣ петербургскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ хранятся различныя бумаги, касающіяся до экспедиціи Лаксмана; но изъ нижеприведеннаго высочайшаго отвѣта явствуетъ достаточно, что главное содержаніе его было слѣдующее: Островитяне, претерпѣвшіе кораблекрушеніе, отпра-

вляются на казенный счетъ на свою родину; а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ воспользоваться представляющимся удобнымъ случаемъ для установленія сношеній съ государствомъ недоступнымъ для всѣхъ европейскихъ народовъ, кромѣ голландцевъ, при чемъ не должны быть оставлены безъ вниманія интересы естествознанія.

Какъ видно также изъ напечатаннаго ниже письма старшаго Лаксмана отъ 1793 $\frac{30}{11}$ къ вліятельному статсъ-секретарю, графу А. А. Безбородко, котораго сама Екатерина[659]) называла своимъ «фактотумомъ», предложеніе Лаксмана было одобрено во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ, преимущественно благодаря предстательству графа. Лишь одинъ пунктъ, т. е. тотъ, въ которомъ Лаксманъ, согласно мнѣнію, какъ намъ извѣстно, его занимавшему, предложилъ, чтобы сообщеніе по рѣкѣ Амуру тогда же было осуществлено, считался, на основаніи подробно указанныхъ политическихъ причинъ, неисполнимымъ.

На одно мѣсто всемилостивѣйшаго рескрипта, въ нѣкоторомъ смыслѣ характерное, стóитъ предварительно указать. Въ немъ упоминается также Биллингсъ, но такъ, какъ будто отъ него и не ожидали прямого содѣйствія устройству сношеній Россіи съ Японіею. Одно судно, если это окажется удобнымъ, должно быть взято изъ его эскадры, но въ начальники его не дозволялось назначить (если будетъ признано нужнымъ выбрать для того иностранца) ни англичанина (т. е. земляка Биллингса), ни голландца. Дополнительное условіе свидѣтельствуетъ, если не о чемъ другомъ, то по крайней мѣрѣ о томъ, какія націи русское правительство считало опаснѣйшими соперницами своими. Но оно получаетъ нѣкоторое значеніе и потому, что Лаксманъ, какъ вскорѣ увидимъ, въ представленіи своемъ намекнулъ, что имѣетъ сыновей свѣдущихъ въ естествознаніи, которымъ начальство надъ экспедиціею можетъ быть ввѣрено. Какъ бы то ни было, Палласъ свидѣтельствуетъ[660]), по счастливомъ окончаніи предпріятія, что оно «ganz allein durch die eifrigen Bemühungen des verdienten H. Hofrath Laxman veranlasst worden ist» — свидѣтельство, получающее еще большее значеніе тѣмъ, что по крайней мѣрѣ, согласно собственному только что упомянутому письму Лаксмана къ графу Безбородко, какъ въ Петербургѣ, такъ и

въ Иркутскѣ находились лица, которыя изъ корыстолюбія старались разстроить все предпріятіе.

Помянутый рескриптъ входитъ въ полное собраніе русскихъ законовъ. Мы тѣмъ охотнѣе сообщаемъ выписку изъ него, — за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ не интересныхъ подробностей, — что онъ служитъ къ исправленію разныхъ невѣрностей, кое-гдѣ проявляющихся, какъ по поводу самого дѣла, такъ и относительно причинъ его. Вообще нѣкоторыя лица[661]) приписали генералъ-губернатору Пилю (такъ какъ рескриптъ данъ на его имя) или даже Шелихову гораздо большее, а отцу Лаксману гораздо меньшее участіе въ приведеніи въ дѣйствіе этой первой россійской экспедиціи въ Японію, нежели то согласно съ истиной и справедливостью. Документъ[662]) гласитъ:

«№ 16985. Сентября 13-го 1791-го года. Именный, данный генералъ-поручику Пилю. *О установленіи торговыхъ сношеній съ Японіею.*

Вамъ извѣстно какимъ образомъ японскіе купцы, по разбитіи мореходнаго ихъ судна, спаслись на Алеутской островъ, и сначала тамошними промышленниками призрѣны, а потомъ доставлены въ Иркутскъ, гдѣ и содержаны были нѣкоторое время на казенномъ иждивеніи. Случай возвращенія сихъ японцевъ въ ихъ отечество открываетъ надежду завести съ онымъ торговыя связи, тѣмъ паче, что никакому Европейскому народу нѣтъ столько удобностей къ тому, какъ Россійскому въ разсужденіи ближайшаго по морю разстоянія и самаго сосѣдства. Въ семъ видѣ указали мы у надворнаго совѣтника и профессора Лаксмана, который привезъ сюда съ собою начальника тѣхъ японцевъ, именемъ Коодая, относительно заведенія съ Японіею торга взять объясненіе, съ коего выписка здѣсь прилагается. Принявъ въ уваженіе представленія его, и предъусматривая могущую отъ того произойти пользу для государства нашего, возлагаемъ на попеченіе ваше планъ его произвести въ дѣйство, повелѣвая вамъ: 1) для путешествія къ Японіи или нанять на казенный коштъ у Охотскаго порта одно надежное мореходное судно съ искуснымъ кормщикомъ и потребнымъ числомъ работниковъ и служителей довольно въ плаваніи искусившихся, или же, буде къ тому времени флота капитанъ Биллингсъ, въ извѣстной

вамъ экспедиціи находящійся, съ эскадрою своею обратно туда прибудетъ, вмѣсто вышесказаннаго найма употребить одно изъ его судовъ исправное, со всѣмъ нужнымъ экипажемъ, наблюдая только, чтобъ начальникъ онаго былъ изъ природныхъ россійскихъ, а по неимѣнію изъ таковыхъ способнаго, хотя и изъ иностранныхъ, но не изъ англичанъ и голландцевъ; 2) На семъ суднѣ отправить на всемъ казенномъ содержаніи помянутыхъ японцовъ, оставляя однакожъ двухъ изъ нихъ христіанскій законъ воспріявшихъ, объ употребленіи коихъ нижесказано будетъ; 3) Для препровожденія тѣхъ японцовъ въ ихъ отечество, употребить одного изъ сыновей означеннаго профессора Лаксмана въ Иркутскомъ намѣстничествѣ при должностяхъ находящихся, имѣющихъ познанія астрономіи и навигаціи, поруча ему какъ въ пути, такъ и въ бытность въ японскихъ областяхъ дѣлать на водахъ, островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія наблюденія и замѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ; 4) Для установленія порядка и управленія сей экспедиціи составить начальнику ея ясное и подробное наставленіе, заимствуя къ тому совѣты и нужныя объясненія отъ помянутаго профессора Лаксмана, который довольно о сей части познаніе имѣетъ; 5) При семъ обратномъ отправленіи японцовъ, вы долженствуете отозваться открытымъ листомъ къ Японскому правительству съ привѣтствіемъ и съ описаніемъ всего произшествія, какъ они въ россійскія области привезены были, и какимъ пользовалися здѣсь призрѣніемъ, что съ нашей стороны тѣмъ охотнѣе на оное поступлено, чѣмъ желательнѣе было всегда здѣсь имѣть сношенія и торговыя связи съ Японскимъ государствомъ, увѣряя, что у насъ всѣмъ подданнымъ японскимъ, приходящимъ къ портамъ и предѣламъ нашимъ, всевозможныя пособія и ласки оказываемы будутъ; 6) Для большаго еще обласканія Японскаго правительства, употребить изъ казны до 2000 рублей на покупку разныхъ приличныхъ товаровъ, кои вы отъ имени своего въ Японію въ подарокъ послать можете; 7) При сей самой экспедиціи стараться склонить кого-либо изъ лучшихъ нашихъ иркутскихъ купцовъ отправиться самимъ, или изъ ихъ прикащиковъ, для опыта на томъ же отъ Охотска посылаемомъ суднѣ въ Японію

съ нѣкоторымъ количествомъ отборныхъ товаровъ для жителей той страны потребныхъ, по продажѣ коихъ могли бы они купить японскихъ товаровъ, дабы изъ сего опыта удобно было получить просвѣщеніе ради будущихъ нашихъ торговыхъ предпріятій въ Японію; 8) Что касается до упоминаемаго въ планѣ профессора Лаксмана предложенія о изысканіи новаго пути по рѣкѣ Амуру, оное по извѣстнымъ нашимъ съ китайцами обстоятельствамъ почитается на настоящее время [663]) неудобнымъ, а потому, дабы подобнымъ съ нашей стороны движеніемъ не возбудить большаго въ Китайскомъ правительствѣ вниманія, и въ переговорахъ нашихъ объ открытіи взаимнаго торгу не подать поводу къ новымъ затрудненіямъ, означенное предложеніе оставить безъ исполненія; 9) Какъ изъ числа помянутыхъ японцевъ двое приняли христіанскій нашъ законъ, и слѣдовательно въ отечество свое уже возвратиться не могутъ, то употребить ихъ у насъ для обученія японскаго языка, который при установленіи торговыхъ съ Японіею сношеній весьма нуженъ будетъ; чего ради и возлагается на разпоряженіе ваше, дабы они помѣщены были при народномъ училищѣ въ Иркутскѣ съ соразмѣрнымъ жалованьемъ, а на первый случай отдать имъ для обученія японскаго языка пять или шесть мальчиковъ, нарочно къ сему выбранныхъ изъ тамошнихъ семинаристовъ, дабы они современемъ могли служить и переводчиками, когда произойдетъ у насъ желаемая связь съ Японскимъ государствомъ, и распространить ученіе столь нужнаго къ тому языка японскаго; 10) О потребной суммѣ на жалованье начальнику экспедиціи и прочимъ чинамъ и служителямъ, которое долженствуетъ назначено быть достаточное на снаряженіе сей экспедиціи всѣмъ для нея нужнымъ, на чрезвычайные притомъ расходы и на содержаніе въ пути японцовъ, учиня исчисленіе представить намъ, дабы мы могли объ отпускѣ тѣхъ денегъ, кому слѣдуетъ, дать повелѣнія; а между тѣмъ на первоначальныя и благовременныя приготовленія заимствовать нужное число изъ суммъ, принадлежащихъ въ высылку остаточнымъ нашимъ казначействамъ; 11) Сверхъ назначаемаго японцамъ содержанія въ пути, производить оное и здѣсь по разсмотрѣнію вашему изъ казны нашей до того времени, покуда они отправлены будутъ, а при томъ отправленіи

выдать еще имъ подарокъ, назначенный въ росписи при семъ прилагаемой, въ которой написанныя начальнику ихъ, часто упоминаемому Коодаю, деньги и вещи получилъ онъ уже здѣсь изъ Кабинета нашего. Мы надѣемся въ прочемъ на усердіе и радѣніе ваше, что все тутъ предписанное исполните вы съ наилучшею точностію, пребывая вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Роспись награжденію, назначенному японцамъ при отправленіи ихъ въ отечество.

Начальнику ихъ Коодаю 150 червонныхъ и золотая медаль, и сверхъ того Ея Императорское Величество пожаловать изволила золотые часы.

Тремъ купцамъ съ нимъ возвращающимся каждому по 50 червонныхъ и по серебрянной медали.

Двумъ японцамъ, принявшимъ вѣру православнаго исповѣданія и здѣсь остающимся, каждому по 200 рублей».

XXX.

Годы 1792—1793.

Лаксманъ опять въ Иркутскѣ. Сынъ его Адамъ посланникомъ въ Японіи. Старшій Лаксманъ устраиваетъ экспедицію и отправляется въ Охотскъ. Переписка съ Японіею. Письма къ Палласу, Крафту, Иноходцеву и въ Экономическое общество. О съѣдобной землѣ. *Typha Laxmani.* Задуманное изслѣдованіе устья Лены и Ледовитаго моря. Экскурсія къ горѣ Хатъ-чуръ.

Весьма довольные результатомъ поѣздки своей, Лаксманъ и Кóдай въ концѣ 1791-го или въ первыхъ числахъ 1792-го года возвратились въ Иркутскъ. По высочайшему рескрипту генералъ-губернаторъ Пиль былъ, конечно, уполномоченъ отправить всю задуманную экспедицію и въ особенности письмо и подарки японскому правительству, — императрица въ своей особѣ не хотѣла подвергаться возможности отказа, — но постановленіе также гласило, что онъ долженъ былъ совѣтоваться о томъ съ Лаксманомъ, «имѣющимъ полнѣйшее разумѣніе въ семъ дѣлѣ», а вмѣстѣ

съ тѣмъ одному изъ сыновей его слѣдовало дать порученіе сопровождать японцевъ, отправляющихся на родину.

На такомъ основаніи и по совѣщаніи съ отцомъ, это лестное, хотя и весьма щекотливое, порученіе было возложено на упомянутаго уже гижигинскаго исправника, Адама Лаксмана. Гдѣ этотъ, лишь 26-лѣтній армейскій поручикъ, хотя впрочемъ имѣвшій весьма основательныя познанія въ естественныхъ наукахъ, согласно требованію рескрипта, также научился астрономіи и навигаціи, не извѣстно, но можетъ быть онъ участвовалъ въ китовой ловлѣ, упомянутой въ нѣсколькихъ изъ его писемъ. Объ этомъ дѣлѣ онъ, вѣроятно, былъ предувѣдомленъ своимъ отцомъ изъ Петербурга. Такимъ образомъ, предписаніемъ [664]) генералъ-губернатора отъ 10-го января 1792 года, которое онъ получилъ 4-го числа слѣдующаго апрѣля, ему было приказано быть готовымъ отправиться въ путь; болѣе подробную инструкцію онъ долженъ былъ получить впослѣдствіи. По разнымъ причинамъ, ниже изложеннымъ, этотъ выборъ начальника экспедиціи подвергся порицанію, къ тому же въ этомъ видѣли вліяніе пристрастной отеческой любви [665]), но судя по исходу экспедиціи, молодой человѣкъ умно и ловко выполнилъ возложенное на него порученіе.

Между тѣмъ главное веденіе всѣхъ предварительныхъ распоряженій лежало на старшемъ Лаксманѣ. Потому можно считать за вѣрное, что онъ излагалъ мнѣнія и надежды свои относительно этого замѣчательнаго путешествія въ письмахъ, весною 1792 года, какъ извѣстно, имъ написанныхъ въ академію. Прочитанныя тамъ [666]) 31-го мая и 15 іюня, они однакожъ, по обыкновенію, упоминаются лишь потому, что къ нимъ были приложены посылки, — именно въ первый разъ *шпатъ* съ слюдою и шерловыми кристаллами съ южной стороны Байкала, а въ другой: *кварцъ*, усыпанный листовымъ, гибкимъ и блестящимъ молибденомъ, «состоящій изъ флогистона и углеродной кислоты», изъ мѣстности около Селенгинска. Но факты довольно ясно указываютъ направленіе его мыслей и намѣреній.

Сумма, назначенная на покупку подарковъ для японцевъ, была не велика. По представленію Лаксмана императрица сочла полезнымъ, чтобы это нѣсколько сомнительное предпріятіе

получило болѣе частный и непритязательный характеръ. Но за 2,000 рублей все-таки можно было купить порядочное количество огнестрѣльныхъ оружій, ножей и другихъ желѣзныхъ вещей, тканей, стекляннаго товара (безъ сомнѣнія изъ Тальцынскаго завода) и другихъ образцовъ русской промышленности. Кромѣ того уговорили двухъ иркутскихъ купцовъ, въ томъ числѣ уже упомянутаго Шебалина, примкнуть къ экспедиціи, съ отборомъ товаровъ назначенныхъ для мѣнового торга.

Мая 19-го числа 1792 года генералъ-губернаторъ подписалъ инструкцію Адаму Лаксману, и получивъ ее, отецъ Лаксманъ, черезъ два дня, пустился въ путь, чтобы на мѣстѣ наблюдать за приготовленіями по предмету снаряженія экспедиціи и посадки ея на корабль. Нельзя не сожалѣть о неудачѣ всѣхъ попытокъ отыскать упомянутый документъ: хотя онъ конечно и былъ составленъ въ духѣ императорскаго рескрипта, должно однакожъ полагать, что онъ содержалъ многія свѣдѣнія относительно способа и средствъ, которыми въ то время оффиціально надѣялись успѣшнѣе всего открыть сношенія съ замкнутымъ царствомъ острововъ. Какъ ни привыченъ былъ Лаксманъ къ перенесенію тягостей путешествія, но онъ сознается, что поѣздка въ Охотскъ была весьма затруднительна. Однакожъ онъ поѣхалъ не одинъ. Его сопровождали Кодай, трое другихъ японцевъ, двое купцовъ, двое чертежниковъ картъ изъ Иркутскаго навигаціоннаго училища, да сверхъ того прислуга. Въ началѣ, или по крайней мѣрѣ отъ Качуги, поѣздка могла конечно быть удобною въ лодкѣ по рѣкѣ Ленѣ, до Якутска. Но отъ этого города вплоть до океана, путь, мѣстами проложенный, идетъ по мѣстностямъ (слишкомъ 1000 верстъ) самымъ ненаселеннымъ и непроходимымъ во всемъ Русскомъ царствѣ,—именно по той странѣ, которой по проекту Лаксмана относительно дороги къ Амуру, должно было избѣгать. Читатель можетъ видѣть снимокъ съ этой своеобразной дороги въ книгѣ Сарычева [667]). Всѣ сообщенія совершаются тамъ верхомъ, да вьюками на лошадяхъ.

Безъ особенныхъ приключеній маленькій караванъ достигъ Охотска 1-го августа. Лаксманъ съѣхался здѣсь съ сыномъ своимъ, который уже 20-го мая изъ Гижигинска отправился сюда, вѣроятно потому, что, согласно полученнымъ предписа-

ніямъ, здѣсь долженъ былъ принять свою инструкцію, или же по поводу распоряженій къ предстоящей поѣздкѣ. Однакожъ судно, на которомъ его посольство должно было отправиться далѣе и котораго ожидали изъ Тигиля [668]), на западномъ берегу Камчатки, запоздало около мѣсяца. Этимъ судномъ былъ гальотъ «Екатерина», которымъ пользовались также Креницынъ въ 1768 г. во время своей не удавшейся поѣздки къ Ледовитому морю, а впослѣдствіи талцынскій компаньонъ Лаксмана Барановъ, для переѣзда въ Кадьякъ (и Ситку) [669]). Изъ эскадры Биллингса теперь, когда командиръ самъ отправился въ Якутскъ, «Слава Россіи», упомянутая въ письмѣ Лаксмана изъ Петербурга 1791 $^{7}/_{9}$, была свободна, но она послѣ великихъ своихъ подвиговъ отдыхала разснащенною въ Петропавловской гавани. А бригъ Биллингса «Черный орелъ», подъ предводительствомъ Сарычова, лишь въ концѣ августа прибылъ въ Охотскъ; вслѣдствіе противнаго вѣтра, придерживаясь съ начала іюля мѣсяца къ Курпламъ, онъ не произвелъ предписаннаго ему изслѣдованія фарватера по берегамъ Китая [670]). «Черный орелъ» прибылъ слѣдовательно какъ разъ во́-время, чтобы видѣть, какъ «Екатерина» готовилась плыть по тѣмъ водамъ, по которымъ Биллингсъ, согласно инструкціи, долженъ былъ пройти, но никогда не проходилъ.

Труднѣе, чѣмъ Лаксманъ предполагалъ, было найти годныхъ матросовъ. Впослѣдствіи онъ самъ изумлялся, что съ тѣмъ экипажемъ, который ему удалось собрать, все кончилось такъ благополучно. Какъ по рескрипту капитаномъ корабля долженъ былъ состоять русскій, то онъ для того выбралъ охотскаго начальника порта Григорія Ловцова. Этотъ, хотя въ свое время принималъ участіе въ разныхъ приключеніяхъ, — въ 1771 году, напр., онъ былъ замѣшанъ въ смѣломъ заговорѣ ссыльнаго поляка Бенёвскаго и въ побѣгѣ его изъ Камчатки черезъ Японію [671]), — но не пріобрѣлъ никакихъ высшихъ познаній въ морскомъ дѣлѣ. Онъ имѣлъ однакожъ то преимущество передъ другими, что былъ трезвъ, чѣмъ не особенно отличались болѣе искусные кормщики Олесовъ, извѣстный по экскурсіи Шелихова (1783 и слѣд. годовъ), и Мухоплёвъ.

Остальной экипажъ состоялъ изъ 20 матросовъ, отчасти ка-

зенныхъ, отчасти наемныхъ, и 4 солдатъ: «Екатерина» была вооружена для непредвидѣнныхъ столкновеній. Затѣмъ упоминаются въ качествѣ пассажировъ, кромѣ японцевъ, купцы и чертежники картъ, переводчикъ Туголуковъ и молодой человѣкъ, сопровождавшій экспедицію ради собственнаго своего удовольствія, сынъ асессора Коха, п. д. охотскаго коменданта. Итакъ все число отправившихся подъ начальствомъ Адама Лаксмана составляло приблизительно сорокъ человѣкъ. Наконецъ все было готово къ отплытію и «Екатерина» пустилась въ путь на всѣхъ парусахъ съ Охотскаго рейда 13-го сентября 1792 года, слѣдовательно въ тотъ самый день, какъ въ предыдущемъ году рескриптъ, касающійся этой первой русской экспедиціи въ Японію, былъ подписанъ императрицею. Разсчитывали, что проѣздъ этотъ продлится около года, и этотъ расчетъ оказался довольно вѣрнымъ.

«Екатерина», чего менѣе всего можно было ожидать, послужила и носительницею писемъ на своемъ неизвѣстномъ пути, именно на ней было отправлено три письма Лаксмана старш. къ японскимъ ученымъ въ Едо [672]). Имена ихъ неизвѣстны. Онъ пользовался только случаемъ расширить свою переписку съ отдаленными странами. При этомъ мы конечно догадываемся, что при составленіи этихъ сообщеній Кóдай служилъ переводчикомъ и каллиграфомъ. Вниманія заслуживаетъ, что Лаксманъ и теперь, вѣрный своему обыкновенію, приложилъ нѣсколько подарковъ изъ своихъ запасовъ, а именно три термометра (конечно собственнаго изготовленія) и разные рѣдкіе минералы. Можетъ быть, еще настанетъ день (если онъ не насталъ уже), когда оригинальныя мысли европейскаго естествоиспытателя будутъ служить предметомъ изслѣдованій какого-нибудь японскаго ученаго.

Тотчасъ послѣ прощанія съ сыномъ, Лаксманъ старшій отправился въ обратный путь. Онъ уже имѣлъ достаточно времени оглядѣться въ мѣстности около Охотска, интересовавшей его въ высшей степени. Относительно возвратнаго пути извѣстно только, что онъ 8-го октября находился на половинѣ дороги, т. е. въ Якутскѣ, откуда онъ въ этотъ день при письмѣ физику Крафту въ С.-Петербургъ отправилъ метереологическія наблю-

денія своего сына, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ уже упомянуто[673]), а затѣмъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Иркутскъ.

Долго отдыхать онъ себѣ однакожъ не позволялъ. Опять новыя и далёкія путешествія! Они обозначаются въ письмѣ къ Палласу отъ 19-го января 1793 года, въ которомъ онъ пишетъ[674]): «Отправленіе японской экспедиціи дало мнѣ случай осмотрѣть мѣстность у Восточнаго моря, около Охотска. Путешествіе мое продолжалось отъ 21-го мая до начала ноября; разныя трудности его были въ значительной мѣрѣ облегчены многими замѣчательными обстоятельствами. Приложенныя сѣмена составляютъ часть моей жатвы.»

«13-го сентября 1792 г. сынъ мой Адамъ покинулъ охотскій рейдъ, и я полагаю, что онъ теперь уже на мѣстѣ. Въ августѣ 1793 года, если все кончится благополучно, онъ вернется назадъ, и можетъ быть привезетъ съ собою нѣкоторыя рѣдкія вещи и интересныя свѣдѣнія. Ко́дай и прочіе некрещенные японцы разстались со мною выражая свою благодарность: они плакали какъ дѣти. Я съ своей стороны, не жалѣя и собственныхъ средствъ, сдѣлалъ что могъ для удовлетворенія этихъ островитянъ.»

«Мѣстности около Восточнаго моря нравятся мнѣ чрезвычайно, и я намѣренъ, при болѣе свободномъ времени, еще разъ посѣтить ихъ. Такъ какъ я въ настоящемъ году не буду въ состояніи сдѣлать этого, то намѣреваюсь объѣхать устье Лены, а также острова передъ Яною, Индыгиркою и далѣе къ востоку. Для того я у Качуги[675]) велѣлъ построить два судна своеобразной конструкціи.»

Къ послѣднему предмету онъ возвращается въ письмѣ отъ 26-го января 1793 года: «Лѣто нынѣшняго года я намѣренъ посвятить устью Лены и островамъ между этою рѣкою и Ковымою (или Колымою) и еще дальше къ востоку. Богатства цвѣтовъ тамъ никакого не можетъ быть, и если иного рода диковинки не сдѣлаютъ эту странную увеселительную поѣздку поучительною, то ее, равно какъ и многія другія изъ моихъ поѣздокъ, можно причислить къ безплоднымъ стараніямъ. Можетъ быть, на ледяныхъ горахъ тамъ найдется что-нибудь осо-

бенное. Для этой цѣли я построилъ три баркаса, потому что считаю эти суда удобнѣйшими въ тѣхъ водахъ. Какъ только Лена освободится ото льда, отправлюсь въ путь.»

По порядку здѣсь сперва слѣдовало бы дать отчетъ объ ученой добычѣ отъ охотской поѣздки Лаксмана. Эта добыча состояла главнымъ образомъ изъ ботаническихъ и минералогическихъ предметовъ. Относительно первыхъ было бы умѣстно, еслибъ Палласъ заблагоразсудилъ, хоть въ примѣчаніи къ опубликованному имъ письму, упомянуть о сѣменахъ растеній, которыя онъ при томъ получилъ. Но получавшіе отъ Лаксмана такіе подарки не брали на себя труда упоминать объ нихъ въ своихъ сочиненіяхъ, на что онъ впрочемъ и самъ не разсчитывалъ. Исключенія дѣлались лишь въ томъ случаѣ, если они отъ него получали новый матеріалъ для своихъ собственныхъ изслѣдованій и сочиненій. Оттого и теперь нѣтъ другого исхода, какъ по возможности набирать лишь случайно встрѣченныя отмѣтки.

Такихъ отмѣтокъ не много. Онѣ ограничиваются главнымъ образомъ цитатами, встрѣчающимися въ спискахъ Георги [676]), что въ петербургскія коллекціи отъ Лаксмана получены или заявлены экземпляры столь распространеннаго въ Сибири *Rhododendron chrysanthum*, *Swertia corniculata*, *Andromeda ericoides* и *Rhodiola rosea*, найденные отчасти въ другихъ мѣстахъ, а также и въ мѣстности, въ послѣднее время изслѣдованной, отъ Лены до Охотска. Спеціально, мѣстность у береговыхъ ручьевъ Охоты и Марекана оказывается, по Лаксману, мѣстомъ нахожденія не только помянутой *Rhodiola*, но и одного прежде неизвѣстнаго водяного растенія, двумя годами позже описаннаго Лепехинымъ *Typha* [677]), котораго видовое названіе и теперь еще *Laxmani*.

Но даже о его минералогической добычѣ ничего особеннаго не упоминается, хотя, вѣроятно, она-то и была причиною, что онъ остался доволенъ «мѣстностью у Восточнаго океана». Вѣдь здѣсь онъ между прочимъ самъ имѣлъ случай, въ самой близости Охотска, посѣтить мѣста нахожденія какъ *Мареканита*, такъ и *Оникса* съ Урака, каковыми минералами онъ уже раньше, по поводу изслѣдованій и коллекцій сына своего, самъ занимался и также интересовалъ корреспондентовъ своихъ. Но, вѣроятно, онъ

хотѣлъ теперь, равно какъ и часто передъ тѣмъ, сберечь свои наблюденія до задуманной поѣздки туда. Истинный собиратель никогда не бываетъ вполнѣ доволенъ.

Какъ бы то ни было, мы считаемъ чистою случайностью или упущеніемъ со стороны самого Лаксмана или другихъ, что имя его упоминается лишь по поводу нѣкоторыхъ сравнительно незначительныхъ наблюденій, могущихъ быть отнесенными къ вышеозначенному посѣщенію Охотска и поѣздкѣ туда. Къ нимъ, сколько извѣстно, принадлежатъ лишь тѣ, которыя служатъ основаніемъ сообщеній [678]), что *селитра* собирается въ скалахъ у береговъ Лены, что къ сѣверу отъ Алдана *соляныхъ источниковъ* не встрѣчается и о такъ называемой *съѣдобной землѣ*. Послѣднюю онъ даже описалъ въ отдѣльной статьѣ, переданной въ трудахъ [679]) петербургскаго Экономическаго общества слѣдующимъ образомъ:

«23-го марта 1793 года г. Лаксманъ прислалъ образцы необыкновенно мягкой земляной породы, употребляемой тунгузами и ламутами въ пищу. Она встрѣчается вокругъ Охотска, какъ на гранитныхъ пластахъ, такъ и на краяхъ древнихъ вулканическихъ горъ, небольшими флецами. Названные народы ѣдятъ эту землю вмѣстѣ съ оленьимъ молокомъ, угощаютъ ею и знатныхъ гостей, считая ее лучшимъ изъ своихъ лакомствъ.

«Лаксманъ нашелъ эту тонкую и мягкую землю у Мареканскаго кратера и у рѣки Уракъ. Въ обоихъ мѣстахъ она появлялась флецами въ $^3/_4$ аршина толщиною, немедленно подъ поверхностью чернозема, въ довольно большихъ пластахъ. Въ природномъ состояніи она бѣла какъ снѣгъ и мягка какъ тѣсто. Если часть ея прилипаетъ къ подошвѣ, то трудно отдѣлаться отъ липкой массы. Пять пудовъ этого вещества при сушкѣ, продолжавшейся 3 недѣли въ обыкновенной печи, дали всего $6^1/_2$ фунтовъ мягкой и красноватой земли.

«У подошвы Мареканскаго флеца вещество это, повидимому, образуется изъ стекловидной, на воздухѣ вывѣтрившейся лавы, а на гранитномъ берегу Урака изъ вывѣтрившагося гранита, одинаковаго съ тѣмъ, который итальянцы называютъ *Granito minuto*. Она вѣроятно однородна съ швейцарскою альпійскою землею, происшедшею изъ Гейберскаго камня. Если кто-нибудь

несчастнымъ образомъ увязнетъ въ глубокій слой флеца, то гибель его неминуема. Несмотря на большое количество воды, въ ней заключенной, этотъ минеральный продуктъ держится такимъ густымъ, что остается въ мѣшечномъ холстѣ, не выпуская жидкости.»

Это вещество и прежде было нѣсколько извѣстно: подъ названіемъ *Erdsahne* оно упоминается уже Штеллеромъ въ его сибирскомъ путешествіи. Но посылка Лаксмана подала поводъ къ первому ученому анализу его, который 2 годами позже былъ сдѣланъ Ловицемъ [680]). Оказалось, что составная часть минерала глиноземъ съ большою примѣсью кремнезема, и слѣдовательно онъ составляетъ для человѣческаго организма неудобоваримое вещество. Сходство со «съѣдобною землею» изъ Персіи, химически изслѣдованною Гёбелемъ (1862), кажется почти полнымъ (кремнеземъ, глиноземъ, вода и слѣды калія).

Гораздо болѣе важное значеніе имѣло намѣреніе Лаксмана, выраженное въ его письмахъ, объѣхать Лену и Ледовитое море, которое кромѣ того вѣроятно уже занимало его во время послѣдняго переселенія его въ Сибирь (сравн. стр. 156 и 233). Его неугомонно-пытливый умъ не могъ не прельщаться задачею прослѣдовать по тѣмъ путямъ, и, если возможно, расширить ихъ, по которымъ Челюскинъ и Лаптевъ въ 1740 г., Шалауровъ въ 1760 и Ляховъ въ 1770 году, шагъ за шагомъ преодолѣвали препятствія у береговъ и мысовъ сѣвернаго берега Сибири. Онъ желалъ проникнуть отъ Лены, мимо Колымы, еще далѣе къ востоку и, можетъ быть, даже до Шелягскаго мыса, который въ 1791 г. Биллингсу не удалось обогнуть. Что касается до поѣздки внизъ по Ленѣ, то она представляла особенный интересъ, потому что рѣка недавно (1785) по всему теченію была снята на карту свѣдущимъ геодезистомъ Лосевымъ [681]). У Индигирки же прежній корреспондентъ Лаксмана, датчанинъ I. Банéръ [682]) состоялъ въ должности исправника въ Зашиверскѣ. Къ тому же онъ вѣроятно зналъ, что сей послѣдній близъ города нашелъ цѣлую гору съ прекраснѣйшими кристаллами, но что докторъ Меркъ, затрудняемый снѣгами, безуспѣшно старался поближе изслѣдовать ее [683]). Какъ бы побудительны эти и подобныя причины ни были для Лаксмана, онъ однакожъ могъ совершить

лишь весьма незначительную часть задуманной поѣздки. Уже 30-го іюля онъ опять находился въ Иркутскѣ, какъ видно изъ письма, которое онъ въ тотъ день написалъ академику Иноходцеву[684]). Хотя тамъ и сказано, что онъ, «возвращаясь изъ минералогическихъ экскурсій своихъ», въ 120 верстахъ отъ города замѣтилъ сильные толчки отъ землетрясенія, но этотъ возвратный путь во всякомъ случаѣ былъ сдѣланъ не отъ устья рѣки. Еслибъ даже Лена, имѣющая болѣе 4000 верстъ длины, также и въ томъ году, какъ это иногда случается, уже въ началѣ мая была свободна ото льда отъ Качуги до Витима (1200 верстъ), то всетаки нельзя ожидать того же для ея нижняго теченія отъ Алдана до моря (1600 верстъ), гдѣ ледъ обыкновенно еще крѣпокъ и послѣ Иванова дня. На поѣздку водою до Якутска требовалось обыкновенно 3 недѣли, а оттуда до устья по крайней мѣрѣ 2 недѣли. Равнымъ образомъ онъ, насколько извѣстно, не сообщалъ никакихъ свѣдѣній о флорѣ на крайнемъ сѣверѣ, за исключеніемъ отдѣльнаго сообщенія [685]), что *Astragalus Laxmani* произрастаетъ до Колымы.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что письмо отъ 30-го іюля даже не упоминаетъ, что возвратный путь сдѣланъ съ сѣвера, а скорѣе можно предполагать, что рѣчь идетъ объ экскурсіи въ противоположную сторону, по горамъ къ югу отъ Байкала. Въ сообщеніи своемъ Экономическому обществу [686]) въ исходѣ года онъ разсказываетъ объ открытіи новаго вида Berberis, Шара-модо монголовъ, который онъ описываетъ «pedunculis unifloris, spinis palmatis, multifidis, horridis» оказывающагося совершенно отличнымъ отъ растущаго на Алтаѣ и взятаго, по словамъ его, на Хатхурѣ (Chathur), между рѣками Джиддою и Темникомъ, которыя обѣ впадаютъ въ Селенгу *).

На основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также согласно выраженному предварительно самимъ Лаксманомъ опасенію, хотя въ иномъ смыслѣ, предположенную поѣздку къ Ледовитому морю можно причислить къ его «безплоднымъ стараніямъ». Задуманное имъ предпріятіе не осуществилось до 1808—1814 годовъ, когда оно съ такимъ отличнымъ успѣхомъ было исполнено

*) *Berberis sibirica* Pall.

М. Геденстремомъ. Мы упоминаемъ объ этомъ тѣмъ охотнѣе, что этотъ заслуженный и ревностный изслѣдователь, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ [687]), былъ финнъ или шведъ, имѣлъ проводникомъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ поѣздки своей, одного изъ сыновей Лаксмана, неизвѣстно котораго. Они, какъ сообщаетъ Эрманъ [688]), вмѣстѣ изслѣдовали особенную ледяную пещеру Шербинскъ у берега Лены, между Киренскомъ и Олекминскомъ.

Лаксманъ говоритъ, что онъ ждалъ возвращенія японской экспедиціи въ августѣ 1793 года. Въ самомъ дѣлѣ «Екатерина», послѣ 361-дневнаго отсутствія, бросила якорь въ гавани Охотска 9-го сентября. Немедленно послѣ того молодой начальникъ сообщилъ главныя событія поѣздки въ Иркутскъ отцу своему, который не замедлилъ распространить радостныя извѣстія. Уже 30-го ноября онъ написалъ объ этомъ въ академію и графу Безбородко письма, содержаніе которыхъ мы считаемъ удобнѣйшимъ сообщить немного ниже. Сперва бросимъ взглядъ на задачу, исполненную Адамомъ Лаксманомъ по распоряженіямъ его отца.

XXXI.

1792 — 1793 годъ, продолженіе.

Краткое описаніе [688a]) путешествія Адама Лаксмана въ Японію. Письмо отца о томъ въ академію 1793 $^{30}/_{11}$. Пріѣздъ сына въ Иркутскъ.

«Екатерина» отплыла изъ Охотска 13-го сентября 1792 г. Выйдя въ открытое море или вѣрнѣе — на Охотское море, которое длиннымъ полуостровомъ Камчатки и согнутою грядою Курильскихъ острововъ какъ бы отгорожено отъ Тихаго океана, но по туманамъ, быстринамъ и прихотливымъ вѣтрамъ своимъ получило дурную славу, — судно вдругъ взяло южное направленіе къ скалистому острову Св. Іоны, мимо котораго прошли къ востоку на четвертыя сутки. 26-го числа показался первый (по другому счету девятнадцатый) островъ.

Направивъ затѣмъ путь къ юго-западу, послѣ двухъ сутокъ

замѣтили сѣверный берегъ Кунасири*) съ вершиною Пико, покрытою снѣгомъ. Потомъ понемногу опять направились къ югу до устья пролива между Кунасирой и Мацумаемъ (котораго никто еще не переходилъ). Но застигнутые непогодою, должны были искать другого прохода. Съ такою цѣлью ходили по морю до 6 октября, когда наконецъ обогнули самый восточный мысъ Кунасири. Гальотъ достигъ до того узкаго пролива, который Головнинъ [689]), совершившій кругосвѣтное плаваніе, назвалъ проливомъ Екатерины въ честь Лаксманова судна. По восточному берегу Кунасири затѣмъ прошли къ юго-востоку, до губы на его южномъ концѣ, гдѣ былъ брошенъ якорь.

Однакожъ дно оказалось здѣсь до того плохимъ, что уже на слѣдующій день должны были искать якорной стоянки у сѣвернаго берега противолежащаго Мацумая, или Езо. Была отправлена лодка для рекогносцировки. Косматые мацумайскіе уроженцы, которыхъ по Лаксману японцы называютъ Езо Цзихосто, а сами они называютъ себя Айносами, при видѣ корабля убѣжали съ берега, но потомъ ихъ убѣдили воротиться; когда Шебалинъ заговорилъ съ ними на ихъ собственномъ языкѣ, то они были готовы вымѣнивать табакъ на рыбу.

На слѣдующее утро, послѣ новыхъ развѣдокъ, при устьѣ ручья Нисибѣцу было найдено таможенное и складочное мѣсто торговли японцевъ съ курильцами. Тутъ встрѣтились первые японцы, которые, найдя на русскомъ кораблѣ земляковъ, были готовы на всякія дружескія услуги. Увѣдомивъ, что на южной сторонѣ восточнаго мыса этого острова находится прекрасная гавань Аткиси, они однакожъ совѣтовали иностранцамъ, такъ какъ проѣздъ туда былъ очень затруднителенъ, лучше избрать якорное мѣсто близъ Нисибѣцу у деревни Нимуро. Они имъ дали туда лоцмановъ.

Когда «Екатерина» 9-го октября утромъ пристала у Нимуро [690]), у того залива, которому Зибольдомъ не безъ причины дано было имя Лаксмана [691]), рѣшили, принимая во вниманіе позднее время года, тамъ перезимовать, изслѣдовавъ однакожъ

*) Правописаніе всѣхъ японскихъ названій въ нашемъ переводѣ принято на основаніи указаній, данныхъ однимъ изъ чиновъ японскаго посольства въ С.-Петербургѣ и русскимъ консуломъ въ Японіи.

передъ тѣмъ подробно всю гавань. Лаксманъ и не догадывался, что готовилъ себѣ и спутникамъ своимъ что-то въ родѣ гражданскаго ареста почти на восемь мѣсяцевъ.

Японскій староста деревни выказалъ необыкновенную услужливость; онъ не только предлагалъ свою помощь при постройкѣ помѣщеній для начальства и казармы для экипажа, но также, для большей безопасности чужестранцевъ отъ дикихъ аиносовъ, вызывался остаться на мѣстѣ со своею командою, хотя впрочемъ на зиму переѣзжалъ въ главный городъ острова, также называвшійся Мацумаемъ. Сначала русскіе имѣли полное основаніе быть довольными.

Насколько подозрительные взгляды японцевъ дозволяли, Лаксманъ прилежно предпринималъ экскурсіи для изслѣдованія естественныхъ произведеній страны; коллекціи, которыя онъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ собралъ, были затѣмъ отправлены въ С.-Петербургскую академію. Въ его описаніи обращено большое вниманіе на торговыя дѣла, а также и на все, что относится къ этнографіи и географіи. Но онъ касается лишь внутренняго судоходства японцевъ и ихъ мѣновой торговли съ угнетенными аиносами, такъ какъ главная торговля находилась исключительно въ рукахъ голландцевъ. Русскимъ всякая торговля была запрещена, но недостатка они не терпѣли, потому что были хорошо снабжены съѣстными припасами, да сверхъ того подъ видомъ обоюдныхъ подарковъ, всѣ потребности могли быть удовлетворены.

Прискорбнѣе всего было то, что продолжительная бездѣятельность въ Нимуро́ имѣла пагубное вліяніе на здоровье экипажа. Оставивъ нужныхъ сторожей на кораблѣ, экипажъ 17-го ноября переселился во вновь построенную казарму. Между людьми распространилась цынга, жертвою которой весною сдѣлались одинъ изъ привезенныхъ японцевъ, по имени Коицп, и одинъ изъ матросовъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ путешественниковъ [692]) разсказываетъ, какъ характерную черту японцевъ, что они тайкомъ скопировали надгробную надпись, начертанную Ловцовымъ на деревѣ надъ его умершимъ землякомъ, и еще двадцать лѣтъ спустя заставляли пріѣзжающихъ русскихъ читать ее для того, чтобъ удостовѣриться въ ихъ національности.

Сверхъ того умеръ въ Нимуро́ также одинъ японскій чиновникъ, и это обстоятельство дало Лаксману случай подробно описать церемоніи при его погребеніи.

Причиною необыкновенно продолжительнаго пребыванія экспедиціи въ Нимуро́ служили исключительно японцы, всячески старавшіеся вывѣдывать русскихъ, прежде чѣмъ пустить ихъ дальше. Уже 12-го октября, Лаксманъ письмомъ, которое было обнародовано [693]), просилъ губернатора въ главномъ городѣ Мацумая, увѣдомить правительство въ Едо о его прибытіи и намѣреніяхъ. Осторожнымъ образомъ онъ въ немъ упомянулъ лишь о желаніи своемъ передать спасенныхъ и привезенныхъ японцевъ, но ни слова о другихъ дѣлахъ. Лишь 12-го декабря получено было извѣстіе изъ Мацумая, отстоящаго на 300 «ри» [694]), что на просьбу его послѣдовало согласіе (ри = 1848 саж.).

Затѣмъ нѣсколько разъ, — 22-го и 29-го декабря 1792 г., 30-го марта и 9-го апрѣля 1793 г. то изъ Мацума́я, то изъ Едо прибывали японскіе посланные, всѣ чрезвычайно учтивые и любопытные. Съ величайшимъ интересомъ они скопировали карты и глобусъ русскихъ, снимали модели съ ихъ корабля и даже съ находившагося на немъ токарнаго станка съ его принадлежностями, разспрашивали о величинѣ, положеніи и фабрикахъ Россіи и пр.; они хотѣли знать, былъ ли Лаксманъ посланъ самою императрицею, или кѣмъ либо изъ ея чиновниковъ, и т. д. О голландцахъ и ихъ стараніяхъ очернить всѣхъ прочихъ европейцевъ, и въ особенности русскихъ, они отзывались такимъ образомъ, что легко можно было заключить, что они сознавали, что торговыя сношенія съ послѣдними были бы выгоднѣе нежели съ первыми. Поэтому Лаксманъ, несмотря на свое нетерпѣніе, жилъ въ надеждѣ, что поѣздка его увѣнчается успѣхомъ.

Наконецъ 29-го апрѣля 1793 года въ Нимуро́ прибыло многочисленное посольство, болѣе 200 японцевъ и куриловъ изъ Едо, принося съ собою давно ожидаемое императорское отвѣтное письмо. Содержаніе его, прочитанное въ конференцзалѣ послѣ изобильнаго угощенія, не было особенно отрадно Лаксману, такъ какъ тамъ было сказано, что дозволяется въ сопровожденіи посольства, т. е. подъ карауломъ, отправиться въ городъ Мацумай для сдачи претерпѣвшихъ кораблекрушеніе.

Лаксманъ, этимъ весьма недовольный, заявилъ по совѣту Ловцова, что и безъ дозволенія намѣренъ сдѣлать поѣздку водою до Хакода́те, ближайшаго портоваго города отъ Мацума́я. Напрасны были всѣ возраженія японцевъ; имъ удалось лишь продлить время до конца мая, но намѣренія молодого поручика они не поколебали [695]). Также получили они отказъ въ просьбѣ своей, чтобы Лаксманъ по крайней мѣрѣ воспользовался японскимъ судномъ. Посланнымъ ничего другого не оставалось, какъ на своихъ собственныхъ корабляхъ сопровождать русскихъ, когда тѣ наконецъ 4-го іюня отплыли изъ Нимуро́.

Послѣ одномѣсячнаго, иногда довольно опаснаго, плаванія по неизвѣстнымъ водамъ, проѣхавъ 17-го іюня мимо Юрури́ и 23-го мимо Кида́би, двухъ маленькихъ островковъ, и посѣтивъ 24—29-го числа портовый городъ Атки́си, гдѣ замѣченъ былъ подземный ударъ, и проѣхавъ 2-го іюля мимо Эдомо̀, «Екатерина» 4-го іюля бросила якорь на рейдѣ Хакода́те.

Мѣстный «дайка́нъ» (дай большой, канъ чиновникъ) явился на корабль, предлагая свои услуги, и немедленно сдѣлалъ распоряженіе о буксированьи заграничнаго гальота въ гавань 30-ю лодками.

На берегу, гдѣ были выставлены караулы для предупрежденія слишкомъ сильнаго стеченія народа, Лаксманъ съ большимъ торжествомъ былъ привѣтствованъ главными особами города и чиновникомъ изъ Едо. Послѣдній обязанъ былъ доставить пріѣхавшихъ въ Мацумай; онъ просилъ предписаній относительно отъѣзда и велѣлъ угостить экипажъ Екатерины японскимъ спиртовымъ напиткомъ «Са́ки».

Въ 9 сутокъ, прожитыхъ Лаксманомъ въ Хакода́те, ему оказываемо было много вниманія. Купальня дайка́на предоставлена въ его распоряженіе. Одинъ знаменитый купецъ пригласилъ его на пиръ въ прекрасно меблированный домъ, надъ дверьми котораго была надпись «Русскій домъ». Начальство русскаго судна было отведено туда торжественною процессіей. — Чтобъ изготовить ящики для сухопутнаго путешествія присланы были столяры. Для надобностей судна назначенъ особый магазинъ. Но при всемъ томъ русскимъ запрещалось ходить по городу; матросамъ не позволялось даже мыть свое бѣлье на берегу. Только часть сѣвернаго, необыкновенно хорошо

воздѣланнаго берега гавани у деревни Хамéди была для нихъ доступна.

13-е іюля назначено для отъѣзда въ Мацумáй. За день передъ тѣмъ Лаксманъ, со своею свитою, состоявшею изъ 12 человѣкъ, помѣщенъ въ гостиницѣ, которая должна была служить сборнымъ мѣстомъ. Съ этой поры русскихъ считали почетными гостями, которымъ японское правительство взялось доставлять угощеніе и всѣ удобства. На слѣдующее утро, послѣ завтрака, длинный поѣздъ двинулся въ путь.

Лаксману, Ловцову и молодому Коху указаны мѣста въ крытыхъ носилкахъ, называемыхъ «Нóримонó». Каждую несли четыре носильщика, которые каждые полчаса, безъ малѣйшей задержки, смѣнялись четырьмя другими, шедшими возлѣ. Кромѣ того на каждой сторонѣ носилокъ шелъ служитель, а сзади два конюха вели осѣдланнаго коня — на случай, еслибы Лаксманъ вздумалъ для разнообразія воспользоваться имъ. Весь кортежъ состоялъ изъ 450 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ. Впереди ѣхали верхомъ два чиновника, окруженные копейщиками. Всѣ дороги, мосты, привалы и ночлеги, каждый съ надписью «русскій домъ», были въ наилучшемъ видѣ.

Въ три дня пути пройдены мѣста остановокъ [696]): Моянзи, Изумисáва, Кикoнá, Муркудúси на рѣкѣ Кокоя́, Хикусúма, Сирицúса, Юсёга, Рефигé, близъ которой перешли черезъ высочайшую гору острова и наконецъ Осáмаруса. На послѣдней станціи примкнулъ къ кортежу отрядъ въ 600 человѣкъ. Посольству указано занять мѣсто среди отряда и въ такомъ порядкѣ 17-го іюля въ 3 часа дня совершено вступленіе въ столицу, убранную торжественно. Лаксману и его свитѣ приготовлено было помѣщеніе въ домѣ, устроенномъ по европейски и передъ которымъ поставлено 60 солдатъ. Губернаторъ прислалъ привѣтствовать чужестранцевъ. Императорскіе уполномоченные, два офицера пятаго класса (Шеп-инши?), ждали уже въ городѣ.

Затѣмъ 9 дней продолжались подробнѣйшіе переговоры, перемежаясь пирами и другими любезностями. Въ первый вечеръ приказали доложить о себѣ два знатные японца для разсужденій о церемоніалѣ при представленіи. Они думали, что Лаксманъ

долженъ явиться босикомъ и лежа — или на колѣняхъ, или же бокомъ на животѣ — излагать уполномоченнымъ свое дѣло. Но они уступили, когда Лаксманъ отклонилъ это предложеніе [697]) и вмѣсто того потребовалъ, чтобы каждая сторона слѣдовала обычаямъ своей родины.

Но во всемъ прочемъ были гораздо менѣе сговорчивы. Уже во время первой конференціи письмо генералъ-губернатора Пиля, привезенное Лаксманомъ, при весьма странныхъ церемоніяхъ было возвращено съ объявленіемъ, что оно было непонятно вслѣдствіе ошибочнаго перевода.

Также и въ другомъ засѣданіи, къ которому письмо, при помощи японскихъ переводчиковъ, было исправлено, уполномоченные на отрѣзъ отказались принять его, такъ какъ оно не было адресовано къ нимъ лично.

Напрасны были всѣ возраженія, что вѣдь въ Россіи не могли знать именъ всѣхъ этихъ господъ. Добились только того, что уполномоченные наконецъ позволили прочитать имъ письмо и такимъ образомъ офиціально узнали о желаніи русскаго правительства заключить дружественный и торговый союзъ съ японцами. Затѣмъ, недолго до отъѣзда, Лаксманъ отъ своего собственнаго переводчика узналъ, что японцы тайкомъ потребовали и также отъ него получили исправленный переводъ того самаго письма, которое было главнымъ документомъ посольства. Согласно съ содержаніемъ его, Лаксманъ хотя и держалъ весьма энергичную рѣчь, которую читаемъ въ отчетѣ его объ этомъ путешествіи, но отъ письменнаго изложенія онъ ожидалъ болѣе сильнаго успѣха.

Во всемъ своемъ поведеніи японцы обнаруживали странную смѣсь добродушія и лукавства. Въ высшей степени гостепріимные, они отпускали гораздо бóльшіе запасы съѣстныхъ припасовъ чѣмъ сколько нужно было русскимъ для пищи. Непріятное впечатлѣніе, произведенное возвращеніемъ письма, они старались изгладить подаркомъ цѣлой сотни мѣшковъ рису. Эти мѣшки были сложены въ кучу въ самой конференцъ-залѣ, за передвижной стѣною, которую вдругъ отодвинули. Лаксманъ самъ получилъ отъ японскаго императора 3 почетныя сабли, уложенныя въ ящикѣ, 20 ящиковъ листового табаку, нѣ-

сколько ящиковъ японской бумаги, фаянсовыя чашки и пр. — Объ этихъ сабляхъ подробности ниже (стр. 282).

Онъ раздавалъ также отдарки, состоявшіе изъ пистолетовъ, платковъ, зеркалъ, стекляной посуды и другихъ предметовъ русской промышленности. Большая часть была передана отъ имени генералъ-губернатора Пиля. Письма къ японскимъ ученымъ въ Едо, которыя вмѣстѣ съ тремя термометрами и множествомъ естественныхъ произведеній были посланы Лаксманомъ старшимъ, также были переданы въ Мацума́ѣ для дальнѣйшаго отправленія.

Подъ вѣжливостью японцевъ скрывалась глубокая недовѣрчивость. Пріѣзжихъ постоянно упрекали въ томъ, что они на перекоръ «законамъ государства» пристали къ его берегу. Не требовалось особенной проницательности для того, чтобы видѣть, что человѣколюбивая цѣль миссіи, или сдача претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, служила только предлогомъ для болѣе дальновидныхъ плановъ. Выгодность торговыхъ сношеній съ Россіею передъ такими же съ Голландіею островитяне сознавали очень хорошо, но они не могли отказаться отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ. Потому они не позволили Шебалину даже выставить свой товаръ; это, говорили чиновники, стоило бы намъ жизни.

Мнительность японцевъ въ особенности возросла, когда Лаксманъ въ упомянутой уже рѣчи своей изъяснилъ данныя ему предписанія въ такомъ смыслѣ, что онъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе долженъ доставить въ главный столичный городъ Едо и передать ихъ «его величеству Тензи́нъ-Кубо́». Уполномоченные рѣшительно воспротивились этому, увѣряя, что встрѣча съ ними была то же самое, что встрѣча съ самимъ императоромъ.

Его упрекали уже очень строго за то, что онъ безъ разрѣшенія присталъ къ берегу у Хакода́те, вмѣстѣ съ тѣмъ уговаривая его тотчасъ выслать приказаніе о перемѣщеніи «Екатерины» въ болѣе восточную гавань, находившуюся у залива Эдомо́ и назначенную мѣстомъ его стоянки. Противъ отговорки Лаксмана и Ловцова, что корабль только подъ ихъ руководствомъ можетъ отправиться въ море, они ничего не могли возразить, но умоляли ихъ какъ можно скорѣе отправиться вонъ.

Одинъ чиновникъ стращалъ ихъ угрозою: «Не считайте себя здѣсь одинаково свободными какъ въ курильскихъ предѣлахъ въ Нимуро́!» Даже въ личномъ свиданіи съ губернаторомъ въ Мацумаѣ, о которомъ Лаксманъ просилъ для выраженія благодарности своей за доставленное гостепріимство, отказали, отговариваясь тѣмъ, что этотъ господинъ «ребенокъ», что̀, по объясненію переводчика, значитъ, что онъ былъ глуповатъ.

Встрѣчая вездѣ упорство или отказъ на свои предложенія, Лаксманъ считалъ, что настадъ часъ для сдачи претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, которыхъ теперь, по смерти третьяго, было лишь двое — Ко́дай и Исоки́ци. Это случилось въ прощальной конференціи въ Мацумаѣ 23-го іюля. Никакихъ особенныхъ церемоній при томъ не было; японцы не обнаружили даже и малѣйшаго слѣда благодарности. По свидѣтельству позднѣйшаго путешественника судьба возвратившихся сдѣлалась довольно печальною [698]). Одно то обстоятельство, что они побывали въ Россіи, было причиною, что надъ ними учредили строгій надзоръ въ Едо; имъ даже не дозволили отправиться въ свои собственныя дома къ семействамъ своимъ. Опасались, что они шпіоны. Ко́дай отличался особенно любовью къ наукамъ; между прочимъ онъ изъ Петербурга взялъ съ собою ариѳметику для начальныхъ училищъ, переводомъ которой на японскій языкъ занимался одинъ изъ уроженцевъ, когда Головнинъ [699]) въ 1812 году содержался подъ стражею въ Мацума́ѣ.

Несмотря на всѣ затрудненія, Лаксману въ весьма значительной мѣрѣ удалось исполнить порученія своего правительства. Этому очевидно содѣйствовала личная симпатія, имъ вызванная. Еще два десятилѣтія послѣ его посѣщенія [700]) *японцы* дружески говорили о немъ и его товарищахъ: какъ онъ для общаго увеселенія заставлялъ матросовъ пѣть и плясать, какъ матросы раздавали ножи и другіе подарки, тщательно сберегаемые. Его платье и напудренная фризура, или какъ они говорили, его волосы, покрытые массою муки, они умѣли описать. Вѣеръ, на которомъ одинъ изъ моряковъ начертилъ русскую пѣсню, хранился какъ святыня, и т. д.

Только сановники, повидимому, были недовольны упрямствомъ и самовластіемъ Лаксмана [701]). Но какъ бы то ни было,

а эти-то качества привели его къ цѣли. Онъ могъ похвалиться, что до своего отъѣзда получилъ отъ осторожныхъ островитянъ три довольно важные офиціальные документа для представленія своему правительству.

Первымъ была только квитанція[702]) о передачѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Другой, хотя и заключалъ внушеніе за его дерзость, что посѣтилъ запрещенныя гавани, и предостереженіе русскимъ не возобновлять попытки, но во многихъ отношеніяхъ онъ былъ характеренъ. Сверхъ того строгость этого документа достаточно смягчалась третьимъ, по поводу требованія его быть представленнымъ самому императору въ Едо и по которому русскимъ на будущее время предоставлялось право, до того принадлежавшее исключительно голландцамъ, посѣщать гавань Нагасáки.

Внушеніе, согласно реферату, приведенному Лангсдорфомъ[703]), было приблизительно слѣдующаго содержанія: «Съ древнѣйшихъ временъ законы въ японскомъ государствѣ считались ненарушимыми и никогда не могутъ быть измѣнены. Тѣмъ не менѣе онъ (Лаксманъ) доставилъ ввѣренныхъ ему людей, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, въ запрещенное мѣсто. Законъ предписываетъ въ такихъ случаяхъ, что на чужія суда, сколько бы ихъ ни было, и въ особенности если они вооружены, немедленно должно быть наложено запрещеніе. Голландцы, хотя и имѣютъ доступъ въ Нагасаки, но они никогда не посѣщаютъ внутреннихъ частей государства.»

«Онъ же, нисколько не зная Японіи, отважился на это, и сверхъ того еще на вооруженномъ кораблѣ. Слѣдствіемъ того должно бы быть запрещеніе когда-либо возвратиться въ свою землю. На этотъ разъ однакожъ мы хотимъ помиловать его потому, что онъ дѣйствовалъ по невѣдѣнію и имѣлъ доброе намѣреніе возвратить нѣкоторыхъ изъ подданныхъ государства на родину ихъ, а также потому, что онъ съ добросовѣстностью исполнилъ порученіе свое. При семъ дѣлается однакожъ то условіе, чтобъ такой поступокъ не возобновился.»

«Такъ какъ японское правительство съ Россіею никогда не состояло въ дружескихъ сношеніяхъ и потому не можетъ знать бóльшаго или меньшаго достоинства этого государства, тѣмъ

болѣе что изъ нѣкоторыхъ строкъ въ письмѣ нельзя заключить о нравахъ и обычаяхъ въ Россіи, то также неизвѣстно, согласуются ли понятія о дозволенномъ и предосудительномъ въ обоихъ государствахъ. Единственный отвѣтъ, который желаемъ дать на письмо, состоитъ въ томъ, что претерпѣвшіе кораблекрушеніе принимаются; но по этому дѣлу другихъ объявленій дѣлать не допускается.»

«Относительно дружескаго союза съ Россіею, то никакого совѣщанія о томъ не можетъ быть въ этой гавани (въ Мацумаѣ), а также запрещенъ доступъ въ столичный городъ Едо. За то дозволяется открыть гавань въ Нагаса́ки для нихъ (русскихъ), но лишь по предъявленіи довѣренности, выданной въ такомъ смыслѣ.»

Помянутая довѣренность, написанная на императорскомъ дипломѣ и подписанная полномочными, съ приложенными тремя императорскими печатями, была слѣдующаго содержанія [704]): «Доступъ въ Нагаса́ки разрѣшается одному кораблю великаго русскаго государства, съ условіемъ, чтобъ въ другихъ мѣстахъ не приставали и съ объявленіемъ, что христіанская вѣра не терпится въ нашемъ государствѣ, а потому въ продолженіе посѣщенія никакое богослуженіе отправлять не дозволяется; если же впредь какой-нибудь договоръ будетъ заключенъ, то каждое противузаконное дѣйствіе, какъ мы уже предписали, будетъ запрещено. Для соблюденія сего мы передаемъ это удостовѣреніе Адаму Лаксману.»

Исполнивъ такимъ образомъ все, что при настоящихъ обстоятельствахъ казалось возможнымъ, и изъявивъ благодарность свою за благосклонность ему оказанную, Лаксманъ и съ нимъ всѣ русскіе 24-го іюля вечеромъ отправились изъ Мацумая. Обратный путь совершенъ тѣмъ же порядкомъ и черезъ тѣ же промежуточныя станціи какъ и прежде, до Хакода́те, куда прибыли 30-го іюля и были введены въ прежнее жилище.

5-го августа Лаксманъ и спутники его опять перебрались на «Екатерину» и поѣхали по рейду. Противный вѣтеръ дулъ нѣсколько дней. Наконецъ, 11-го августа, могли выйти въ море. Японцы до того желали убѣдиться во всѣхъ его намѣреніяхъ,

что выслали два корабля, которые въ продолженіе 5 сутокъ слѣдили за всѣми его движеніями, требуя объясненія причины пушечной пальбы, и т. д. Плаваніе шло счастливо и скоро, 15-го августа проѣхали Кунасúри; 19-го находились въ заливѣ между Итурýпомъ и Урýпомъ, слѣдовательно въ другомъ направленіи чѣмъ во время поѣздки туда. Отсюда направились къ сѣверу въ открытое море. Высоты у Марекана видиѣлись 3-го сентября; 5 днями позже «Екатерина» бросила якорь въ Охотскомъ рейдѣ. Лаксманъ немедленно отправился на берегъ, чтобы о возвращеніи посольства донести полковнику Виттену, новому коменданту, назначенному въ его отсутствіе. 9-го сентября гальотъ былъ вбуксированъ въ самую гавань. Экспедиція въ Японію тѣмъ и кончилась.

Выгрузка съ корабля, осмотръ экипажа и другія дѣла задержали Лаксмана въ Охотскѣ до 4-го октября, когда онъ отправился въ Иркутскъ, чтобы письма и журналъ японскаго правительства передать генералъ-губернатору. Тотчасъ по возвращеніи своемъ онъ однакожъ, какъ уже въ предыдущей главѣ упомянуто, сообщилъ о томъ отцу своему, который 30-го ноября отправилъ извѣстіе о томъ въ Петербургъ [705]). Адамъ Лаксманъ самъ прибылъ въ Иркутскъ лишь 21-го января 1794 г., изъ чего можно заключить, что онъ сперва навѣстилъ свою семью въ Гижигинскѣ. Его рапорты приняты благосклонно. Вся экспедиція стóила 23,217 руб. 64 коп. [705 a]). Отецъ и сынъ для болѣе подробнаго устнаго отчета были вызваны въ Петербургъ. Они прибыли туда въ началѣ слѣдующаго мая мѣсяца.

Прежде чѣмъ будемъ говорить о пребываніи обоихъ Лаксмановъ въ столицѣ Россіи, посвятимъ особую главу на сообщеніе и разборъ отзывовъ объ этихъ только-что описанныхъ первыхъ переговорахъ Россіи съ Японіею.

XXXII.

Результатъ посольства.

Письмо старшаго Лаксмана къ графу Безбородко 1793 $^{30}/_{11}$. Сравненіе между экспедиціями Резанова и Лаксмана. Литература о послѣднемъ. Карты.

Главная цѣль экспедиціи, снаряженной старшимъ Лаксманомъ и руководимой сыномъ его, была коммерческая, т. е. установленіе сношеній между Россіей и Японіею. Къ этому однакожъ присоединилась, съ другой стороны, ученая цѣль поближе узнать особенности и природу царства острововъ. Вліятельныя лица не замедлили найти, что цѣль предпріятія въ обоихъ этихъ отношеніяхъ не была достигнута, и это свидѣтельство осталось въ литературѣ до нашего времени [706]). Однакожъ съ другой стороны не могли не подивиться [707]) равнодушію правительства, что оно не тотчасъ же воспользовалось полученными изъ Японіи документами; такимъ образомъ ему было бы легко получить перевѣсъ надъ голландцами, — упущеніе, объясняющееся лишь исключительнымъ вниманіемъ, которое французская революція обратила на себя въ первые годы.

Оба эти мнѣнія, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ другъ другу противоположныя, несправедливы и должны быть опровергнуты. Послѣднее мнѣніе будетъ исправлено простымъ изложеніемъ событій по пріѣздѣ Лаксмановъ въ С.-Петербургъ [708]). Первое же по происхожденію и распространенію болѣе запутано. Для объясненія его мы должны перенестись на одно десятилѣтіе впередъ, т. е. ко времени посольства Резанова въ Японію.

Между тѣмъ довольно важно узнать мнѣніе старшаго Лаксмана по этому дѣлу, какъ оно выясняется документомъ прежде неизвѣстнымъ, но по особенной благосклонности мнѣ сообщеннымъ [709]). Онъ заключается въ письмѣ его къ преемнику Н. И. Панина, графу Александру Андреевичу Безбородко, слѣдующаго содержанія:

«Ваше сіятельство милостивый государь!

«Какъ ваше сіятельство сами были первымъ покровителемъ Японской экспедиціи, такъ васъ преимущественно я и обязанъ

поздравить съ благополучнѣйшимъ окончаніемъ и желаемымъ успехомъ оной, поднеся у сего письма копію возвратившагося отъ толь сына, моего, съ котораго вы яснѣе начало дружества и знакомства Россіи съ Японіею усмотреть можете; и первое мое желаніе, какъ скоро оной изъ Охотска сюда прибудетъ, со всевозможною скоростію для обстоятельнейшего известія, представить съ орегиналами персонално къ вашему сіятельству, ежели какихъ паче чаянія препонъ отъ сдѣшняго началника [710]) сему не послѣдуетъ.

«Провидѣніе увенчевающее вся премудрія предпріятіи философически царствующей Великія Екатерины, которой врѣменамъ и сія экспедиція предъоставлена была, удивительными успехами оную ощастливило.

«Не было сыну моему нужды отърекатся отъ имени Христіянина и ругатся надъ крестомъ, не было надобности подвергатся насмешкамъ или представлять шута, какъ то съ Голландцами случилось, но былъ припятъ съ нарочитымъ уваженіемъ. Кто бы могъ думать, что бы Россійское судно до шести недель промежъ Тыгилемъ [711]) и Охотскомъ путешествующее, изъ Хакодадской гавани могло перебѣжать въ три недели въ Охотскъ.

«Сіе щастливое плаваніе более меня удивляетъ, потому что штюрмана мнѣ довольно сумнительными казались, а некемъ переменить было. Олесовъ и Мухопліовъ, науку хотя знаютъ, но за слабымъ поведеніемъ и склонностію къ пьянству, отъданы были въ команду почти ничего незнающему Ловцову, только затемъ что онъ трезвее, и такъ Богъ управлялъ.

«Сверхъ сего я в' Охотске выбралъ лучшихъ людей сколько тамъ возможно было, взирая на поведеніе, стараясь чрезъ сіе при первомъ шаге показать сумнительнымъ Японцамъ общество порядочнаго поведенія.

«Хотя въ седмой статье Высочайшаго Рескрипта [712]) предписано было что бы съ сими путешествующими отъправить Иркутскихъ купцовъ или ихъ коммисіонеровъ для некоторыхъ торговыхъ опытностей, однако Рылской имянитой гражданинъ Шелиховъ имѣющій сильное влияніе въ здешнемъ начальнике, сей пунктъ в' свою выгоду привлекъ, и сколько я примечаю то и нынѣ монополическимъ окомъ взираетъ на будущую первоначалную Япон-

скую торговлю. А мнѣ кажется что сіи первые шаги предприняты должны быть съ великодушною предъосторожностью, то есть съ ходственно съ волею Ея Величества.

«Гдѣ частные выгоды перевесъ имѣютъ, тутъ богачамъ нетрудно свои намеренія исполнять, по сѣверо восточному океану почти все коммерческіе дѣла, которыя съ ходственнее грабежемъ называть можно, в' рукахъ помянутаго Шелехова. Котораго промышленники состоятъ изъ ядра развратнейшихъ иркутскихъ буйственниковъ и мошенниковъ, и хозяинъ ихъ довольно имѣетъ всебѣ той жестокости, которую мы о Гишпанцахъ читаемъ въ древней американской исторіи, когда онъ могъ надъ бѣдными Алеутами пробовать свою саблю, пистолету и винтовку.

«Достойной капитанъ Биллингсъ и честные его сопутники дѣлавшые много важные и полѣзные отъ критіи, о подобныхъ всякое вѣроятіе превосходящихъ, варварствахъ о кориcто пристрастіяхъ, словъ ненайдутъ къ описанію оныхъ. По сей причине онъ чрезъ здѣшняго началника старается весь тотъ край отъ веденія Правителства укривать, и такъ бѣдные Алеуты и сѣвернейшіе Американцы, которыхъ уже нынѣ едва половина остается, в' малое время все истреблены будутъ.

«В' столицахъ обыкновенно таковымъ дальнѣйшимъ промысламъ, дѣлаются приятнейшыя картины, и сію севѣровосточную торговлю, скряга Никита Демидовъ [713]) и другіе ему подобные, лучшими красками описываютъ, кажется слѣдовало бы со стороны Правительства имѣть тамъ нѣкоторое бдѣніе.

«На послѣдокъ и того умолчать недолжно, что нетокмо все иностранные купцы но и большая часть господъ сіе Японское Предприятіе яко невозможное, всячески критиковали, такъ что я въ тербурге (sic!) столко же былъ предмѣтомъ насмѣшки какъ здесь ненависти и гоненія.

«На сихъ дняхъ ежеминутно ожидаю прибытія сына моего, котораго со всеми бумагами и редкостями, сколько собрать возможности было, постараюсь неудержавъ отъ править, пребывая съ глубочайшымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства милостиваго государя покорнѣйшіи слуга

Кирила Лаксманъ».

«30-го ноября 1793 году. Иркутскъ». (Читано предъ ея императорскимъ величествомъ февраля 12-го 1794 года.)

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ и не сохранилось болѣе ничего кромѣ этого изложенія Лаксмана, то уже изъ него, зная впрочемъ обстоятельства того времени, можно заключить объ его откровенномъ и мужественно честномъ характерѣ. Шелиховъ[714]), противъ котораго онъ обратилъ слова свои, вовсе не былъ незначительнымъ лицомъ: хотя онъ и былъ лишь купецъ, но посредствомъ ума, богатствъ и своихъ владѣній въ незнаемомъ мірѣ Восточнаго океана, да наконецъ и черезъ свои связи въ Иркутскѣ и Петербургѣ, онъ былъ вліятеленъ и могучъ, какъ немногіе. Но объ этомъ болѣе въ слѣдующей главѣ.

Тутъ мы сперва, для означенной цѣли, бросимъ взглядъ на послѣдующую русскую экспедицію въ Японію.

Въ январѣ 1803 г. собрались въ Петербургѣ: министръ коммерціи графъ Румянцовъ, морской министръ адмиралъ Чичаговъ, тайный совѣтникъ камергеръ Резановъ и директоръ русско-американской компаніи, управленіе которой въ 1798 г. изъ Иркутска было переведено въ столицу государства. Они совѣщались о подробностяхъ[716]) большого путешествія вокругъ свѣта, предпринимаемаго для открытій, которыя императоръ Александръ рѣшился осуществить подъ начальствомъ Крузенштерна у американскихъ владѣній Россіи. Эти лица согласились въ мнѣніи, что для расширенія торговли вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало отправить посла въ Японію. Обсудивъ основательно дѣло, они заключили, что причины незначительнаго успѣха послѣдней японской экспедиціи состояли въ томъ, что у Лаксмана не было собственноручнаго письма отъ государыни къ Японскому императору, что розданные имъ подарки были слишкомъ незначительны, и главнымъ образомъ что Лаксманъ самъ не имѣлъ значенія при дворѣ, а былъ человѣкомъ низкаго происхожденія и слишкомъ простъ въ обращеніи, чтобы націи столь падкой на внѣшній блескъ и пышность, какъ японская, внушить уваженіе къ себѣ.

Согласились также въ томъ, что удобнѣйшимъ лицомъ для исполненія этого щекотливаго дипломатическаго порученія былъ именно Н. П. Резановъ. Дѣйствительно императоръ, взявъ

на себя всѣ издержки по снаряженію корабля, назначилъ Резанова полномочнымъ посломъ, и поручилъ ему въ сопровожденіи блестящей свиты, передать его Японскому величеству собственноручное письмо отъ русскаго царя, а сверхъ того драгоцѣнные подарки какъ императору, такъ и министрамъ его. Для вящщей увѣренности въ благосклонномъ пріемѣ были и на этотъ разъ взяты на корабль, для доставленія ихъ на родину, нѣкоторые японцы, въ 1796 г. занесенные вѣтромъ къ азіатскимъ берегамъ Россіи.

Резановъ былъ гордый и властолюбивый человѣкъ и сверхъ того, посредствомъ брака съ дочерью упомянутаго Шелихова, онъ сталъ владѣльцемъ огромнаго имущества, состоявшаго главнымъ образомъ изъ акцій американской компаніи. Если желали имѣть надменнаго посла, то дѣло удалось какъ нельзя лучше. Уже во время продолжительнаго морского плаванія онъ далъ почувствовать Крузенштерну и всѣмъ прочимъ лицамъ, бывшимъ на кораблѣ, всю тяжесть своего достоинства, какъ представителя императора. И едва бросили якорь, 3-го октября 1804 г., передъ Нагасáки, какъ ему пришлось ознакомиться съ японскими нравами.

Японская лодка пришла изъ гавани къ кораблю, чтобъ узнать флагъ и цѣль его. Резановъ предъявилъ документъ, выданный Лаксману, и настойчиво требовалъ открытія внутренней гавани. Но этимъ японцы нисколько не спѣшили. Снявъ копію съ документа, они пожелали узнать, почему русскіе только теперь, по истеченіи 12 лѣтъ, воспользовались даннымъ имъ дозволеніемъ, хотя въ Японіи цѣлыхъ четыре года сряду объявляли объ немъ, постоянно ожидая прихода русскаго корабля [717]). На это Резановъ не далъ никакого объясненія, но за то сообщилъ [718]), что онъ съ своей стороны имѣетъ передать письмо отъ императора, что долженъ изъявить благодарность своего государя за пріемъ, сдѣланный Лаксману въ Японіи въ 1793 г., что онъ привезъ подарки и образцы русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, и наконецъ, что съ нимъ прибыли четыре японца, спасенныхъ отъ кораблекрушенія.

Непреклонные и хитрые японцы, впустивъ корабль и от-

ведя Резанову крѣпко оберегаемую квартиру въ городѣ, постоянно находили новыя препятствія [719]). Такъ губернаторъ требовалъ самаго подлинника выданной Лаксману довѣренности. Резановъ долженъ былъ согласиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же чиновникъ заявилъ претензію на выдачу ему и императорскаго письма. Резановъ объявилъ, что самъ намѣренъ передать его по высочайшему адресу, но далъ копію съ него, о которой японцы сказали, что не понимаютъ ея, какъ написанную простонароднымъ языкомъ и дурнымъ почеркомъ. На настоянія отвѣчали всевозможными вымышленными отговорками. Медленность открытія гавани, такъ губернаторъ заявилъ однажды [720]), произошла лишь вслѣдствіе важнаго сана посла; еслибъ онъ былъ «маленькій господинъ», какъ поручикъ Лаксманъ, то не встрѣтилъ бы препятствія, но какъ онъ «великій господинъ», то считали нужнымъ испросить предписаніе отъ Двора и устроить ему въ Нагасаки приличную встрѣчу.

Такъ и сидѣлъ Резановъ какъ подъ стражей въ квартирѣ своей. Между прочими унижeніями онъ долженъ былъ вынести и то, что губернаторъ не принялъ привезенныхъ японцевъ, а сказалъ [721]), что какъ Резановъ медлилъ, тотчасъ по своемъ прибытіи, по востребованію сдать людей, то можетъ и держать ихъ пока послѣдуетъ предписаніе изъ Едо, куда о дѣлѣ донесено. Лишь на канунѣ отъѣзда своего онъ отдѣлался отъ этихъ тягостныхъ провожатыхъ. Что же касается до главной цѣли его путешествія, то она вовсе не была достигнута.

Документы [722]), послѣ шестимѣсячнаго нетерпѣливаго ожиданія врученные Резанову въ торжественной аудіенціи, на которую онъ долженъ былъ явиться босикомъ и безъ шпаги, заключали вѣчное запрещеніе для каждаго русскаго корабля когда либо опять посѣтить Японію. Если, такъ было сказано далѣе, впредь японцы опять будутъ занесены вѣтромъ къ берегамъ Россіи, то слѣдуетъ ихъ передать голландцамъ, которые черезъ Батавію отправятъ ихъ въ Японію. Притомъ не приняли не только подарковъ, но и письма отъ императора. Японцы при этомъ невѣжливомъ отказѣ ссылались на то, что въ противномъ случаѣ японскій императоръ обязанъ сдѣлать взаимные подарки и также черезъ посольство отправить ихъ въ Петер-

бургъ, но въ законахъ государства каждому японскому подданному строго запрещено когда-либо отлучаться изъ своего отечества. «Вотъ (такъ заключаетъ Крузенштернъ свое сообщеніе) конецъ посольства, отъ котораго имѣли право ожидать столь многаго; мы не только не получили никакихъ новыхъ выгодъ, но потеряли и тѣ, какія имѣли отъ выхлопотаннаго Лаксманомъ дозволенія посѣщать Нагасаки».

Неудача Резанова была очевидна; но предъ смертью своей (послѣдовавшей въ мартѣ 1807 г.) онъ вдобавокъ совершилъ дѣло, окончательно уронившее русскихъ въ глазахъ Японіи. Стыдясь возвратиться въ Петербургъ, онъ утолилъ свою ненависть къ упрямымъ островитянамъ, выславъ въ 1806 году изъ Америки, куда онъ удалился, корабли компаніи для разоренія японскаго поселенія на Курильскихъ островахъ, — нарушеніе международнаго права, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго была месть японцевъ, когда они въ 1811 году взяли въ плѣнъ русскаго кругосвѣтнаго плавателя Головнина, вышедшаго на берегъ Кунашира чтобы взять воды. Этотъ случай здѣсь упомянутъ главнымъ образомъ потому, что Головнинъ въ интересномъ описаніи [723]) своего трехлѣтняго плѣна часто, и на основаніи того, что самъ въ Японіи узналъ, говоритъ о столь различномъ поведеніи Резанова и Лаксмана и о столь различныхъ заслугахъ ихъ для отношеній между Россіей и Японіей.

Между тѣмъ какъ все это происходило на крайнемъ востокѣ, на отдаленномъ западѣ выказывали смѣлыя надежды на экспедицію Крузенштерна и на дипломатическую миссію Резанова. Первымъ, получившимъ свѣдѣнія о совѣщаніи по поводу отправленія посольства въ Японію, былъ, какъ кажется, петербургскій академикъ Шторхъ, и онъ повѣствуетъ объ этомъ въ извѣстномъ своемъ журналѣ [724]) такъ же высокомѣрно, какъ и сами участники совѣщанія. Его изложеніе было воспроизведено Бертухомъ [725]) въ Веймарѣ въ 1805 г., а сообщеніе послѣдняго Эйріесомъ (Eyriès [726]) въ Парижѣ въ 1807 г. Такъ распространилось по всей Европѣ свѣдѣніе, что Резановъ долженъ былъ исполнить то, чему помѣшало низкое званіе Лаксмана.

Когда въ 1810 г. вышло описаніе путешествія Крузенштерна, то вслѣдствіе радости отъ плюса, которымъ онъ самъ

превысилъ всѣ ожиданія, не такъ строго смотрѣли на минусъ, который уже тогда можно было записать на долю Резанова. О Лаксманѣ, легкомысленно поставленномъ слишкомъ далеко въ тѣни, для того чтобы блескъ слѣдовавшихъ за нимъ былъ тѣмъ ослѣпительнѣе, осталось мнѣніе, что предпріятіе его въ главномъ не удалось [727]). Кажется, отъ незначительнаго поручика уже въ 1792 году требовалось то же самое, что лишь въ роковыхъ для развитія Японіи 1853—1856 годахъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, озаренныхъ блескомъ дипломатіи и оружія, удалось исполнить американскому коммодору Перри, англійскому адмиралу Стирлингу и русскому адмиралу Путятину, т. е. что царство микадо, скрытое въ продолженіе вѣковъ, было открыто для чужихъ націй.

Главную ошибку, которую желали найти въ устройствѣ первой русской экспедиціи въ Японію, именно — что такое незначительное лицо было назначено начальникомъ ея, если это въ самомъ дѣлѣ была ошибка, слѣдовало конечно поставить въ вину старшему Лаксману, по почину котораго эта экспедиція и была предпринята. Могло даже показаться, что онъ дѣйствовалъ лишь изъ пристрастія къ своему сыну [728]). Онъ однако не только не заслуживаетъ такого упрека, но мѣры имъ принятыя доказываютъ проницательное разумѣніе народныхъ предразсудковъ и міросозерцанія у японцевъ.

Какъ хорошо обдумана была непритязательность перваго появленія русскихъ, и какъ безумно хвастлива была вторая экспедиція въ Японію, видно ясно изъ отрывка описанія Головнина о плѣнѣ своемъ, лишь въ наше время спасшагося изъ рукъ цензуры, и который мы сообщаемъ въ примѣчаніи [729]). Свидѣтельство это имѣетъ тѣмъ бо́льшую доказательную силу, что оно во всѣхъ отношеніяхъ удостовѣряется первымъ авторитетомъ на этомъ поприщѣ, знаменитымъ путешественникомъ по Японіи въ наше время — Зибольдомъ. Отъ него мы удостовѣряемся не въ томъ, что предпріятіе это Лаксману не удалось или почему оно не удалось, а напротивъ, въ томъ, что русскіе уже черезъ него получили выгоду, которой они затѣмъ по своей собственной винѣ опять лишились болѣе чѣмъ на полвѣка, — а именно доступъ въ Японію.

Позднѣйшее путешествіе Резанова, да замедленное опубли-

кованіе поѣздки Лаксмана и ея результатовъ, помѣшали ему быть оцѣненнымъ по справедливости. Перечневой отчетъ объ исходѣ поѣздки, представленный старшимъ Лаксманомъ академіи письмомъ отъ 30 ноября 1793 года, былъ опубликованъ не раньше какъ въ 1801 году [730]) въ историческомъ отчетѣ этого ученаго общества за 1794 годъ. До того имѣлись объ этомъ дѣлѣ лишь весьма краткіе и неясные газетные слухи [731]). Оттого и Шторхъ въ главѣ о морскихъ поѣздкахъ въ Японію, написанной имъ въ 1801 году [732]), ничего не могъ сообщить о посольствѣ Лаксмана, кромѣ скромныхъ догадокъ, напередъ указывая всѣмъ любопытнымъ на ожидаемое капитальное сочиненіе Биллингса.

Лишь послѣ 1803 года, когда стали думать о новой экспедиціи, извлекли изъ архивовъ рапорты о первой. Отдѣльные и краткіе отрывки сообщались въ 1804 г. по-русски въ одномъ московскомъ журналѣ [733]) и по-нѣмецки въ изданіи Шторха [734]). Послѣднее, со своимъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, касательно Лаксмана весьма скуднымъ введеніемъ, проникло за границу, гдѣ и было единственнымъ источникомъ по этому вопросу.

Въ Россіи между тѣмъ въ 1805 г. вышла въ Москвѣ брошюра in 4°, толковавшая [735]) о «Первомъ русскомъ посольствѣ въ Японію подъ начальствомъ поручика Адама Лаксмана». Особеннаго вниманія этотъ маленькій трудъ не могъ привлечь къ себѣ со стороны публики, ожидавшей гораздо лучшаго результата отъ знаменитаго Резанова. О томъ, что распространеніе брошюры было очень ограничено, я заключаю изъ того, что еще въ 1806 году она была неизвѣстна въ Петербургѣ, гдѣ Мартыновъ изъ полученнаго экземпляра рукописи Лаксмана сообщилъ [736]) довольно подробную выписку, а равно изъ встрѣченной мною трудности, получить эту брошюру. Лишь въ 1822 году отчетъ о поѣздкѣ Лаксмана былъ изданъ вполнѣ Берхомъ [737]), но вѣроятно въ очень небольшомъ заводѣ, чѣмъ и объясняется необыкновенная рѣдкость этой книги.

По слогу нескладные, а по содержанію однообразные отчеты Адама Лаксмана объ его экспедиціи не привлекательны для большинства публики. Но они проникнуты любовью къ истинѣ [738]), свидѣтельствуютъ о наблюдательности автора, и вообще гово-

рять въ пользу его. Будучи въ ученомъ отношеніи гораздо ниже приводимыхъ имъ иногда Кемпфера и Тунберга [739]), онъ тѣмъ не менѣе сообщаетъ многія поучительныя и важныя свѣдѣнія о природѣ и населеніи Японіи, вслѣдствіе чего описанія путешествій его знаменитыхъ предшественниковъ дополняются тѣмъ существеннѣе, что онъ посѣтилъ часть замѣчательнаго царства островозъ, которой они не видѣли [740]).

Къ труду Лаксмана принадлежали также карты и виды, отчасти имъ собственноручно изготовленные, которые восхваляются Зибольдомъ, видѣвшимъ нѣкоторые изъ нихъ, но они остаются неизданными, скрываясь въ пыли архивовъ. [741]). О той участи, которая по винѣ другихъ постигла весьма значительныя коллекціи по всѣмъ тремъ царствамъ природы, имъ привезенныя, будетъ объяснено въ слѣдующей главѣ. Вообще у безпристрастнаго критика остается впечатлѣніе, что экспедицію Лаксмана, по возвращеніи его, преслѣдовали разныя неблагопріятныя обстоятельства — впечатлѣніе, нисколько не ослабляемое тѣмъ таинственнымъ мракомъ, который со временемъ покрылъ его личную судьбу.

XXXIII.

1794 годъ.

Лаксманы въ Петербургѣ. Ихъ подарки Академіи Наукъ. Рѣшеніе японскаго вопроса затруднено вслѣдствіе интригъ Шелихова. Императрица награждаетъ Лаксмана и сына его, но не рѣшаетъ ихъ дѣла. Колеблющаяся торговая политика.

Послѣ того, какъ младшій Лаксманъ, какъ уже было упомянуто [742]), 21-го января 1794 г. прибылъ въ Иркутскъ, прошло по крайней мѣрѣ еще полтора мѣсяца, пока тамъ получили отвѣтъ на сдѣланное $1790\frac{30}{11}$ отцомъ его представленіе графу Безбородко. Наконецъ однакожъ отецъ и сынъ были вызваны въ столицу и вѣроятно тотчасъ же отправились въ путь: по при-

веденному ниже частному письму, они, хотя задерживаемые самою скверною распутицею, уже 2-го мая достигли мѣста своего назначенія. Отцу, который теперь въ пятый разъ пріѣхалъ изъ Сибири въ Петербургъ, уже не суждено было увидѣть еще разъ домашній очагъ и родныхъ своихъ въ Иркутскѣ.

По нижеизложеннымъ причинамъ путешественники цѣлые мѣсяцы, даже болѣе года, должны были дожидаться пока практическая, въ настоящемъ случаѣ важнѣйшая, часть ихъ дѣла подверглась надлежащему обсужденію и рѣшенію. Многія связи и сношенія, которыя отецъ имѣлъ на мѣстѣ, облегчили ему, по крайней мѣрѣ первоначально, время ожиданія. Хорошо принятый во вліятельныхъ русскихъ кружкахъ, онъ пользовался не меньшимъ расположеніемъ со стороны земляковъ и начальника шведскаго посольства, привѣтливаго графа Стединга и прочихъ чиновниковъ. Благодаря случаю, онъ могъ сверхъ того возобновить знакомство со свѣдущимъ и предпріимчивымъ шведскимъ инженеромъ Норбергомъ [743]), который теперь, какъ и въ 1791 г., находился въ Петербургѣ.

Въ Академіи Наукъ, гдѣ было большинство знакомыхъ Лаксмана, со времени переселенія его случились многія перемѣны, но не всѣ къ лучшему. Директорство, въ пору отнятое у придирчиваго Домашнева, было теперь въ рукахъ умной и энергической княгини Дашковой. Къ сожалѣнію, она однакожъ была до того скупа, что не только всѣ болѣе значительныя ученыя предпріятія были оставлены, но даже обычныя собранія сдѣлались непріятными и потому рѣдко посѣщались членами, такъ какъ (по Массону) въ зимнее время не отпускалось достаточно дровъ для отопленія конференцъ-залы.

Изъ бывшихъ товарищей Лаксмана знаменитѣйшіе уже скончались; это были: астрономы Л. Эйлеръ и Лексель, историкъ Миллеръ, натуралисты Гмелинъ, Гюлденстедтъ и др. Въ штатѣ ея оставались, и къ нимъ присоединились многіе заслуженные ученые, какъ-то: физикъ І. А. Эйлеръ, секретарь Академіи, Эпинусъ и Крафтъ, астрономы Румовскій, Иноходцевъ и Шубертъ, химики Георги и Ловицъ, минералоги Севергинъ и Германъ, естествоиспытатели Палласъ и Лепехинъ, историки Штриттеръ и Буссе и др. Но изъ нихъ

нѣкоторые — Эпинусъ, Палласъ, Германъ — исходатайствовали себѣ право проживать въ другихъ мѣстахъ, и часто имъ пользовались (Палласъ вскорѣ навсегда). Дѣйствительную прочность и высшее значеніе доставилъ Академіи новый уставъ 1803 г. Этимъ оправдывается приведенный ниже слишкомъ строгій отзывъ Лаксмана.

Между тѣмъ легко представить себѣ, что эта ученая корпорація, въ собраніи которой 1794 $\frac{21}{1}$ было прочитано [744]) предварительное сообщеніе Лаксмана объ исполненной экспедиціи, тѣмъ съ бо́льшимъ уваженіемъ. должна была привѣтствовать стараго ревностнаго товарища и его окончательныя цѣли, что онъ, по обыкновенію своему, и на этотъ разъ привезъ съ собою приращенія академическимъ музеямъ [745]). Первое мѣсто занимали коллекціи изъ Японіи, въ которыхъ перечислено 60 раковинъ и зоофитовъ, 18 рыбъ и насѣкомыхъ, сохраненныхъ въ спиртѣ, гербарій изъ 65 поростовъ и водорослей, а затѣмъ столько же альпійскихъ и садовыхъ растеній, — всего 206 померовъ. Сверхъ того упоминаются коллекціи сѣмянъ изъ Сибири, Японіи и съ Восточнаго океана, произведенія домашней промышленности курильцевъ, алеутовъ и японцевъ, а равно минеральные штуфы, остовъ уродливаго щенка съ тремя задними и тремя передними ногами и мн. др.

Эти пріобрѣтенія въ области естественныхъ наукъ, прежде вовсе неизвѣстныя, никакъ не могли считаться маловажными, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣми, числомъ 232, которыя въ то же время отъ имени коммодора Биллингса были представлены Палласомъ, какъ добыча восьмилѣтняго дорогого путешествія въ азіатско-американскихъ водахъ. Вѣроятно это обстоятельство не уменьшило того неудовольствія, которое Палласъ, тогда знаменитѣйшій членъ Академіи, съ этого времени не опасался заявлять даже предъ земляками [746]) Биллингса о своемъ прежнемъ протеже, нѣкогда столь ревностно поддерживаемомъ въ ущербъ Лаксману. Тѣмъ не менѣе, именно въ силу обязанностей, лежавшихъ на Палласѣ въ этомъ отношеніи, коллекціи Биллингса впослѣдствіи были обработаны самимъ Палласомъ, а между тѣмъ коллекціи А. Лаксмана, подобно многимъ изъ собраній отца его, вслѣдствіе недостаточнаго вниманія и над-

зора, большею частью затерялись. Въ актахъ [747]) Академіи дѣйствительно находится «Enumeratio Testaceorum aliorumque tam regni animalis quam vegetabilis Oceani Japoniam alluentis productorum Subcenturioni Imperiale Adamo Laxmanno in itinere, anno MDCCXCIV (читай: 1792—1793) lectorum, adjectis nominibus Japonorum»; позднѣе этотъ каталогъ, какъ говорятъ, былъ разсмотрѣнъ адъюнктомъ естественныхъ наукъ при Академіи Севастьяновымъ, слѣдовательно около 1800 года. Встрѣчающіяся въ немъ японскія названія животныхъ и растеній достойны вниманія интересующихся филологовъ, почему они и перечисляются въ примѣчаніи [748]). Но самыхъ предметовъ, по словамъ Рупрехта [749]), нѣтъ уже болѣе. И объ этнографическихъ вещахъ не осталось никакого свѣдѣнія. Прямую пользу наукѣ оказали, какъ кажется, лишь сѣмена, привезенныя старшимъ Лаксманомъ изъ различныхъ мѣстъ Сибири: извѣстно, что изъ нихъ получились нѣкоторые новые виды растеній, которые ниже подробнѣе указаны.

Ученыя дѣла, вызванныя позднѣйшимъ пребываніемъ Лаксмана въ Петербургѣ, легко были справлены, но не такъ скоро рѣшался вопросъ, по которому онъ находился тамъ. Замедленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что упомянутое его донесеніе графу Безбородко, по отмѣткѣ сдѣланной на подлинникѣ, уже 12 февраля 1794 г. было доложено императрицѣ. Можно было предположить, что пріобрѣтенными для русской торговли выгодами поспѣшатъ воспользоваться, или же если это тогда же было неудобоисполнимо, то Лаксмана не слѣдовало напрасно удерживать отъ его служебныхъ обязанностей.

Но въ дѣйствіи были постороннія силы [750]). Извѣстный Шелиховъ, упомянутый и въ письмѣ къ Безбородко, понималъ, что его намѣренія были слишкомъ близко задѣты планами Лаксмана, чтобъ ему оставаться пассивнымъ. Его слово значило много, и по справедливости, потому что починъ этого дѣла несомнѣнно принадлежалъ ему. Если бы даже и не придавать важности тому, что Шелиховъ уже участвовалъ въ снаряженіи катера Наталья (Николай?), который около 1778 г., слѣдовательно гораздо раньше Лаксмана, хотя и безуспѣшно, посѣтилъ Мацумай, то энергія, съ какою онъ, часто съ большими пожертво-

ваніями, стремился къ достиженію патріотической цѣли, одна уже достойна величайшаго уваженія. И на Курильскихъ островахъ предпріятія его въ продолженіе многихъ лѣтъ не удавались. Не падая однако духомъ, онъ основалъ новыя торговыя общества и на трехъ верфяхъ въ Охотскѣ строилъ корабли, которые ходили къ Алеутскимъ островамъ. Тутъ было основано складочное мѣсто въ Кадьякѣ, откуда затѣмъ русско-американская компанія, образовавшаяся изъ соединенія нѣсколькихъ частныхъ обществъ, расширила, подъ ближайшимъ руководствомъ Баранова, свои владѣнія до материка Америки.

Обширная дѣятельность Шелихова тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что онъ не только привелъ въ подданство Россіи многія спорныя земли, населеніе которыхъ онъ значительно преувеличивалъ, но также сумѣлъ въ предпріятіяхъ своихъ съ огромными капиталами заинтересовать русскихъ родовыхъ и денежныхъ аристократовъ, и наконецъ онъ не замедлилъ издать въ печати описаніе путешествій и подвиговъ своихъ [750a]). Послѣдствія не заставили себя ждать. Уже въ 1788 году императрица наградила его драгоцѣнною брильянтовою медалью на лентѣ андреевскаго ордена, почетною саблею и милостивымъ рескриптомъ въ поощреніе его похвальныхъ стараній о русской торговлѣ.

Съ этого времени Шелиховъ могъ достигнуть почти всего, чего желалъ. Прославленный и обласканный въ Иркутскѣ генералъ-губернаторами Якоби и Пилемъ, онъ въ Петербургѣ пріобрѣлъ еще болѣе могущественныхъ покровителей въ особѣ великаго князя Павла и въ любимцѣ императрицы, соперникѣ графа Безбородко, въ графѣ П. Зубовѣ, по имени котораго онъ назвалъ острова, открытые штурманомъ его Прибыловымъ, которые теперь съ бо́льшимъ правомъ называются именемъ открывателя. Симпатіи къ этому необыкновенному купцу достигли апогея, когда онъ въ 1793 г. также оказалъ христіанское участіе къ бѣднымъ алеутамъ и другимъ язычникамъ, выхлопотавъ у правительства отправленіе на казенный счетъ миссіи изъ 10 духовныхъ лицъ (между ними одно изъ Валаамскаго монастыря на Ладожскомъ озерѣ) на островъ Кадьякъ, гдѣ тогда же было устроено епископство.

Таково было положеніе дѣлъ, когда счастливый исходъ Лаксмановой экспедиціи сдѣлался извѣстенъ. Шелиховъ немедленно же возобновилъ свои давно уже оставленныя намѣренія относительно Куриловъ[751]). Если 18-й островъ ихъ, Урупъ, могъ быть колонизованъ компаніею, то онъ вовсе не сомнѣвался, что оттуда могутъ быть устроены торговыя сношенія. Въ связи съ этимъ планомъ, въ который онъ посвятилъ и Баранова, бывшаго съ нимъ однакожъ не одного объ этомъ мнѣнія, подана имъ просьба генералъ-губернатору Пилю о разрѣшеніи ему на свой счетъ изслѣдовать путь по Амуру внизъ до моря.

Въ новомъ письмѣ къ Баранову онъ даже изъявилъ надежду на постепенное расширеніе связей компаніи, кромѣ Японіи, съ Китаемъ, Индіею и Филиппинскими островами.

Интересно наблюдать, съ какою внимательностью онъ слѣдилъ за всѣми дѣйствіями Лаксмана. Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ (можетъ быть при помощи иркутской канцеляріи) онъ одновременно съ самимъ Лаксманомъ получилъ свѣдѣніе объ успѣхахъ сына его въ Японіи и имѣлъ копію съ его путевого отчета, картъ и пр. Оказалось даже, что онъ сносился объ этомъ съ самимъ наслѣдникомъ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Мы знаемъ только краткій и милостивый отвѣтъ[752]), послѣдовавшій 1-го января 1794 г., а собственное письмо Шелихова осталось неизвѣстнымъ. Что онъ однакожъ изложилъ въ немъ новые виды относительно торговли съ Японіею, это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ то же время онъ представилъ экономическому обществу въ С.-Петербургѣ образцы риса, ячменя и другихъ японскихъ хлѣбныхъ растеній[753]), а сверхъ того великій князь въ послѣдующемъ письмѣ[754]) отъ 21-го мая изъявляетъ благодарность свою, какъ за полученныя карты «курильскихъ острововъ, такъ и за свѣдѣнія о поѣздкѣ поручика Лаксмана въ Японію». Въ началѣ слѣдующаго августа мѣсяца онъ даже могъ переслать Баранову[755]) копіи со всѣхъ дѣловыхъ бумагъ, касавшихся японской экспедиціи, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что Лаксманы тогда находились въ Петербургѣ, гдѣ вѣроятно состоится рѣшеніе о новой экспедиціи: подробности еще неизвѣстны, но полномочный, отправляемый Шелиховымъ въ С.-Петербургъ, своевременно о томъ донесетъ.

Если сравнить со всѣмъ этимъ упомянутое письмо Лаксмана къ Безбородку, то оказывается весьма вѣроятнымъ, что Шелиховъ главнымъ образомъ намѣревался для себя, какъ можно независимѣе отъ контроля правительства, эксплуатировать новую торговую область, которая теперь открывалась. Можетъ быть, онъ такимъ образомъ сдѣлался содѣйствующею причиною того отвращенія ко всякому вмѣшательству правительства въ торговыя дѣла на востокѣ, которое, какъ говорятъ, Павелъ, будучи императоромъ, питалъ нѣсколько лѣтъ. Лишь въ 1799 г. одержало побѣду, въ тогда утвержденномъ уставѣ для русско-американской компаніи, то мнѣніе, которое уже ранѣе проводилъ Лаксманъ, что правительство должно имѣть надзоръ за администраціею этихъ отдаленныхъ земель.

Противъ подобныхъ вліяній трудно было даже такому вліятельному человѣку, какъ графу Безбородко, вести съ успѣхомъ дѣло Лаксмана. Императрица задерживала рѣшеніе. Наконецъ вниманіе къ дѣлу обнаружилось тѣмъ, что указомъ отъ 10-го августа [756]) повелѣно выразить высочайшее благоволеніе членамъ экспедиціи. Къ этому былъ еще и тотъ поводъ, что генералъ-губернаторъ Пиль въ рапортѣ своемъ отъ 1792 $\frac{11}{12}$ хвалилъ Лаксмана старшаго за его распоряженія, донося вмѣстѣ съ тѣмъ, что 13,100 рублей изъ ассигнованной суммы въ 36,318 рублей сбережены впредь до дальнѣйшаго назначенія. Адамъ Лаксманъ былъ произведенъ въ капитаны арміи, Ловцовъ и другіе получили повышеніе въ чинахъ, или денежныя награды. Старшій Лаксманъ [757]), виновникъ всего предпріятія, былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и вскорѣ затѣмъ, въ день годовщины учрежденія ордена св. Владиміра (22-го сентября) получилъ его знаки 4-го класса, — отличіе, имѣвшее тогда еще большое значеніе. А когда Лаксманъ поднесъ императрицѣ три почетныя сабли, полученныя сыномъ его отъ японскаго императора (ср. стр. 262), то ея величество повелѣла, чтобы онъ на семейной печати своей изобразилъ эту эмблему [758]). Недостатка въ доказательствахъ императорской милости слѣдовательно не было.

Однакожъ относительно главнаго вопроса — какъ устроить сношенія съ Японіею, какимъ образомъ воспользоваться разрѣшеніемъ посѣщать Нагасаки и т. д., императрица не дала

опредѣленной резолюціи. Казалось, будто она склонялась къ мнѣнію Шелихова. Въ ея недавно изданной перепискѣ съ извѣстнымъ французскимъ энциклопедистомъ Ф. М. Гриммомъ, встрѣчаемъ именно [759]) отъ 29-го августа 1794 г. слѣдующее: «Vos bulletins sont fort bons: par-ci, par-là j'y ai trouvé des nouveautés intéressantes. Eh bien, qu'est-ce que l'histoire de ce Japonais naufragé? Il a fait naufrage, et on l'a renvoyé chez lui: elle est bien courte, ce me semble; le fils de Laxmann l'y a accompagné, et il est revenu remportant des brimborions qu'on nous a étalés cette année à Tsarsko-Sélo et dont je ne donnerai pas dix sous; y fera commerce qui voudra, mais ce ne sera pas moi».

Весьма возможно, что равнодушіе императрицы было лишь притворное, тѣмъ болѣе, что обстоятельство въ столь значительной мѣрѣ способное привлечь на себя вниманіе и зависть за границею, какъ заведеніе хорошихъ отношеній къ Японіи, требовало осторожности, а кромѣ того мы увидимъ, что она въ слѣдующемъ году перемѣняетъ тонъ. Несмотря на отсутствіе прямыхъ офиціальныхъ источниковъ [760]), нѣтъ недостатка въ намекахъ на то, что тогдашнее правительство еще не установило своей политики на отдаленномъ востокѣ, гдѣ положеніе дѣлъ тѣмъ болѣе запутывалось, чѣмъ болѣе было государствъ, обращавшихъ туда свои взоры и предпріятія.

Вліяніе французовъ, котораго нѣсколько времени опасались, теперь положительно можно было считать отстраненнымъ. Слѣдствія, могшія произойти отъ экспедиціи Ла-Перуза, были достаточно предупреждены предпріятіемъ, только что совершеннымъ подъ начальствомъ Биллингса. Въ Парижѣ сверхъ того вспыхнула революція и дала Франціи достаточно занятій болѣе близкихъ, Россіи же поводъ указомъ 1793 г. закрыть свои гавани для всякихъ сношеній съ Франціею. Слухъ, распространившійся немедленно послѣ посѣщенія Петропавловска французскимъ торговымъ судномъ «Ла Флави» [761]), о которомъ было донесено иркутскимъ генералъ-губернаторомъ Пилемъ, что лѣтомъ 1794 г. придутъ два французскія военныя судна занимать Камчатку, естественно могъ показаться совѣту императрицы весьма плохою шуткою.

Но болѣе дѣйствительныя опасенія внушали голландцы и англичане. Оттого и были приняты мѣры предосторожности уже при устройствѣ перваго японскаго посольства (ср. стр. 241). Въ самомъ дѣлѣ письмо Резанова [762]) намекаетъ, что вскорѣ послѣ помянутой экспедиціи, восточно-индійская компанія изъ Батавіи отправила судно, чтобы на Сахалинѣ и на южныхъ Курилахъ отыскать удобную гавань, — предпріятіе, о которомъ затѣмъ однакожъ ничего не было слышно. Извѣстно было, что въ тогдашнее время, въ 1793 и 1794 годахъ, два англійскіе военные фрегата, Дисковери и Чатамъ, подъ командою Ванкувера и Броутона, прилежно разъѣзжали по водамъ между Азіею и крайнимъ сѣверомъ Америки. Они появлялись нерѣдко у американскихъ береговъ Россіи, изъявляя правда чувства дружбы, но такъ основательно изслѣдуя все и возобновляя между тѣмъ притязанія временъ Кука, что Шелиховъ, — напр. въ письмѣ 1794 $\frac{1}{8}$, — не находитъ достаточныхъ упрековъ своему замѣстителю Баранову за услужливость [763]) имъ оказанную.

При такихъ обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ трудностью на столь огромномъ разстояніи точно слѣдить за ходомъ происшествій, легко понять, что на Кабинетъ въ Петербургѣ производили сильное впечатлѣніе мнѣнія того человѣка, который посредствомъ связей, энергіи и свѣдѣній сумѣлъ соединить всѣ нити вопроса въ своихъ рукахъ. Несогласіе въ мнѣніяхъ между покровителями Шелихова и Лаксмана, безъ сомнѣнія, служило главною причиною противнаго вѣтра, которому планы послѣдняго подвергались. Оба мнѣнія согласовались въ томъ, что сношенія съ Японіею должны быть поддерживаемы, но спорили о томъ — офиціальнымъ ли путемъ, или частнымъ?

XXXIV.

1794—1795 годъ, продолженіе.

Лаксманъ задержанъ въ Петербургѣ. Какъ время проходитъ. Письма къ Вильке въ Стокгольмъ, Тунбергу въ Упсалу и Гольмбергу въ Або. Хлопоты въ пользу Гольмберга. Пишетъ «о селитрѣ» и объ изготовленіи стекла и т. д. Другія сообщенія изъ его коллекцій.

Мы имѣемъ нѣсколько собственноручныхъ писемъ Лаксмана, относящихся къ этому времени неизвѣстности. Онъ однакожъ не счелъ нужнымъ изложить въ нихъ причину своего продолжительнаго пребыванія въ столицѣ. Но ученое и личное содержаніе писемъ дѣлаетъ ихъ довольно важными въ біографическомъ отношеніи. Одно изъ этихъ писемъ, отъ 22-го августа 1794 г., адресованное къ секретарю академіи наукъ въ Стокгольмѣ, профессору Вильке, выше уже почти цѣликомъ напечатано (стр. 229 и слѣд.). Здѣсь мы присовокупляемъ лишь строки, тогда исключенныя. Содержаніе ихъ слѣдующее: «*(Hornblende)*. Насколько время мое и небольшія свѣдѣнія дозволятъ, буду имѣть честь засвидѣтельствовать мое уваженіе королевской академіи наукъ высылкою небольшихъ новинокъ изъ Иркутска, куда я опять въ скоромъ времени отправлюсь. Прошу подѣлиться камнями съ господиномъ горнымъ совѣтникомъ Энгестрэмомъ».

Въ это же время или немного позже онъ переписывался также съ Тунбергомъ въ Упсалѣ. Переписка эта, въ которой безъ сомнѣнія затрогивалась какъ только что оконченная, такъ и вновь предпринимаемая экспедиціи въ Японію, къ сожалѣнію однакожъ, какъ кажется, затерялась.

Два другія письма Лаксмана — къ его прежнему лаборанту въ С.-Петербургской академіи наукъ, Гольмбергу [764]). Этотъ, — послѣ того какъ онъ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, вслѣдствіе заявленія Лаксмана лишился помянутаго мѣста, — достигъ необыкновенными путями назначенія на должность экстраординарнаго профессора химіи въ Або. Никто лучше Лаксмана не зналъ его малыхъ способностей и большой самоувѣренности, но память о знакомствѣ съ нимъ въ молодые годы пробудилась съ новою

силой и тѣмъ легче привела Лаксмана къ сближенію перепискою, что ему вмѣстѣ съ тѣмъ открывался случай освѣжить и другія давнія знакомства на родинѣ.

Болѣе раннее сообщеніе отъ того же числа какъ и письмо къ Вильке 1794 $\frac{22}{8}$, отчасти также одинаковаго содержанія, слѣдующее: «Благородный г. профессоръ. Отъ шведскаго пастора г. Сигнеуса[765]) а также отъ придворнаго хирурга Линдстрема я узналъ, что вы здоровы и желаете имѣть свѣдѣнія о томъ какъ я поживаю. Очень благодаренъ за добрую память и честь имѣю сообщить, что со 2-го мая, уже въ пятый разъ прибывши изъ крайняго востока Сибири, нахожуся здѣсь. Уже прошло 15 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ жалкую академію наукъ, въ которой за тѣмъ день ото-дня становится печальнѣе. Вмѣсто того, чтобы дѣлать опыты, профессоръ химіи на публичныхъ лекціяхъ рисуетъ vasa chemica мѣломъ на черной доскѣ, потому что ни копейки не даютъ на опыты, такъ что ихъ вовсе и не дѣлаютъ (ср. выше стр. 277). Я имѣю счастье зависѣть лишь отъ несравненной философской государыни и состою непосредственно при кабинетѣ ея императорскаго величества. Оттого незначительныя дѣла мои тотчасъ же дѣлаются извѣстными. Въ прошломъ году я имѣлъ счастье познакомить великую государыню мою съ японскимъ императоромъ. Сынъ мой Адамъ былъ тамъ, его приняли хорошо, и по его возвращеніи здѣсь царски наградили. Какъ скоро дѣла мои кончатся, я опять отправлюсь въ Иркутскъ. При семъ честь имѣю препроводить родъ призматическихъ темныхъ *гранатовъ*, взятыхъ мною съ уединенныхъ древнихъ горъ у рѣки Вилюя, въ 4 верстахъ ниже впаденія въ нее рѣки Ахтарагды. Саксонскіе шарлатаны кажется называютъ эту каменную породу «*Hornblende*». Оставьте часть ихъ у себя, но отдѣлите также нѣсколько академическому музею[766]) и господамъ Гадду и Геленіусу. — Хотя я могъ бы многое сказать вамъ, но не знаю съ чего начать и чѣмъ покончить; таково мое положеніе сегодня, и потому хочу сказать только, что мое здоровье хорошо. Я теперь чувствую себя гораздо лучше чѣмъ лѣтъ 20 слишкомъ тому назадъ; хорошій моціонъ, прекрасный аппетитъ и постоянная работа служатъ тому причиною. — Я надѣялся весною, что скоро буду отпущенъ, но въ Петербургѣ все

идетъ медленно, а потому въ нынѣшнемъ году мнѣ не представится случая лазить по прелестнымъ сибирскимъ альпамъ. Итакъ цѣлый годъ потерянъ! Имѣю честь съ почтеніемъ пребывать, г. профессоръ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Э. Лаксманъ.

С.-Петербургъ 22-го августа 1794 г.»

Полтора мѣсяца позже, онъ пишетъ все еще изъ того же мѣста: «Ст. Петербургъ 7-го октября 1794 г. Ваше высокоблагородіе, г. профессоръ! Только что имѣлъ удовольствіе распечатать письмо ваше отъ 24-го сентября. Меня необыкновенно радуетъ, что вы поживаете хорошо и я надѣюсь, что здоровье ваше останется и впредь такимъ. Мои постоянныя поѣздки такъ укрѣпили меня, что относительно здоровья, у меня нѣтъ причинъ жаловаться, — чувствую себя такимъ какъ лѣтъ 25 тому назадъ». «Все мое семейство[767]) находится въ Иркутскѣ и всѣ здоровы: старшій сынъ мой Густавъ состоитъ стряпчимъ при тамошнемъ надворномъ судѣ. Адамъ былъ шарже д'аферъ въ Японіи, а теперь находится здѣсь. 5 младшихъ сыновей Мартынъ, Аѳанасій, Іосифъ, Касьянъ и Константинъ состоятъ сержантами въ гвардіи Преображенскомъ полку, и въ нынѣшнемъ году нѣкоторые изъ нихъ будутъ выпущены въ армію офицерами. Дочери моей Маріи теперь 12 лѣтъ, а старушка мать моя умерла уже 19 лѣтъ тому назадъ».

«За долговременную службу мою ея величество императрица произвела меня въ коллежскіе совѣтники и наградила меня орденомъ святого Владиміра. По поводу экспедиціи въ Японію, куда по трактатамъ, заключеннымъ сыномъ моимъ, ежегодно отправляютъ торговое судно, я теперь здѣсь, и вовсе не знаю какъ долго мнѣ придется оставаться здѣсь; впрочемъ я совершенно готовъ къ отъѣзду и, при первомъ намекѣ на то, отправлюсь въ Охотскъ. Санного пути, по законамъ нашего климата, не долго ждать».

«Но зачѣмъ вы ссоритесь съ г. Гаддомъ[768]), моимъ стариннымъ другомъ, который теперь уже весьма старъ? Письмо къ господину Дальгрену я передалъ на комиссію пастору Сигнеусу и не сомнѣваюсь, что оно дойдетъ».

Относительно естественныхъ произведеній и азіатскихъ рѣдкостей, имѣющихся у кочующихъ народовъ, могу сказать, что

такія всегда будутъ къ вашимъ услугамъ безъ малѣйшаго затрудненія, потому что я во время пребыванія моего здѣсь имѣлъ честь познакомиться съ отличными господами, состоящими въ шведскомъ посольствѣ. Но теперь я здѣсь бѣденъ такими предметами, потому что отправился въ дорогу въ самую распутицу изъ Иркутска. А потому прошу имѣть терпѣніе, и пребываю съ искреннимъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Э. Лаксманъ».

Годъ кончился, а ожидаемаго «намека» все еще не появлялось. Судя по одному мѣсту въ упомянутомъ письмѣ, было однакожъ разрѣшено, чтобы одно судно вновь отправилось изъ Охотска [769]) въ Японію подъ начальствомъ Лаксмана. Норбергъ даже сумѣлъ по догадкамъ сказать, когда это случится: онъ писалъ Тунбергу 1794 г. 22 авг. (2 сент.): «Господинъ коллежскій совѣтникъ Лаксманъ теперь здѣсь для подачи мнѣнія своего о вновь предполагаемой японской экспедиціи, которая вѣроятно состоится въ будущую осень около этой поры изъ Охотска, такъ какъ въ это время года вѣтры самые благопріятные». Однакожъ никакихъ свѣдѣній о снаряженіи ея и пр. не дошло до насъ.

Не сознавая еще всей правды, заключавшейся въ его только что приведенныхъ словахъ: «въ Петербургѣ все идетъ медленно», Лаксманъ предвидѣлъ однакожъ замедленіе на цѣлые мѣсяцы и устроился согласно съ тѣмъ. Лишенный пріятностей домашней жизни и опредѣленной работы, вдали отъ своихъ «красивыхъ сибирскихъ альповъ», онъ старался найти возмездіе въ развлеченіяхъ, представлявшихся обстоятельствами. Такимъ образомъ этотъ послѣдній годъ его жизни во многихъ отношеніяхъ сдѣлался перечнемъ воспоминаній и стремленій прошлыхъ дней; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чаще, нежели во многіе изъ минувшихъ годовъ, посылалъ о себѣ извѣстія на родину прежнимъ своимъ знакомымъ. Передъ вѣчной разлукой онъ опять сблизился съ ними.

Въ самомъ началѣ новаго года его переписка съ Гольмбергомъ привела его къ переговорамъ, возбуждавшимъ нѣкоторое вниманіе въ университетскихъ кружка́хъ въ Або. Недовольный своимъ положеніемъ и въ особенности раздраженный противъ Гадда, Гольмбергъ заявилъ желаніе опять принять соотвѣт-

ственное мѣсто въ Россіи. Лаксманъ вскорѣ могъ предложить ему таковое. 27-го января 1795 г. онъ сообщилъ любезнымъ письмомъ, написаннымъ по-нѣмецки[770]), что лейбъ-медикъ великаго князя Павла, статскій совѣтникъ Фрейгангъ, ищетъ управителя для придворной аптеки въ Гатчинскомъ дворцѣ: жалованья обѣщали 400 рублей, при казенной квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ; если Гольмбергъ приметъ это предложеніе, то о деньгахъ на переѣздъ можетъ условиться съ Лаксманомъ, или прямо съ Фрейгангомъ, отъ котораго было приложено письмецо.

Три недѣли спустя, Гольмбергъ уже въ Петербургѣ. Поѣздку свою онъ описалъ въ презабавныхъ замѣткахъ своего дневника, приведенныхъ нами въ примѣчаніи[771]) не столько ради его самого, сколько ради упоминаемыхъ имъ многихъ лицъ, начиная съ Лаксмана и Фрейганга до самого великаго князя, графа Стединка, академиковъ Палласа, Георги и др. Отъ Портана[772]), весьма удивившагося намѣренію Гольмберга, мы однакожъ узнаемъ, что во время этой первой поѣздки никакого соглашенія не послѣдовало, почему она и была возобновлена въ концѣ мая, и также безуспѣшно. Опасаясь, въ случаѣ неудачи, лишиться и своей пенсіи въ Або, Гольмбергъ самъ счелъ за лучшее своевременно отретироваться.

Какъ ни безуспѣшно было для Гольмберга посѣщеніе имъ Петербурга, но Лаксману, томившемуся отъ скуки вынужденнаго отдыха, это доставило не только удобный случай опять познакомиться съ событіями и лицами на родинѣ, но и снова возвратиться къ давно уже оставленной имъ авторской дѣятельности. Ближайшимъ поводомъ къ тому послужила розданная Гольмбергомъ въ Петербургѣ, впрочемъ совершенно маловажная, брошюра[773]), подъ названіемъ «Описаніе селитрянаго сарая употребительнаго въ Остроботніи.»

Лаксманъ давно уже интересовался этимъ техническимъ вопросомъ. Уже въ 1766 г. въ Барнаулѣ онъ занимался относящимися къ нему опытами, потомъ въ Петербургѣ онъ продолжалъ ихъ до 1777 г., когда они, вслѣдствіе упадка академической лабораторіи, были прерваны; но затѣмъ, послѣ второго его поселенія въ Сибири, они опять были возобновлены. Глазъ

наблюдателя умѣлъ находить поучительное и въ пустынѣ. «Благодѣтельная природа, говоритъ онъ, ничему не даетъ пропадать безъ пользы»: даже отъ помета стадъ, бродившихъ тысячи лѣтъ по равнинамъ Россіи, происходитъ полезная селитряная земля, какъ мы видимъ на кочевьяхъ отъ Днѣстра до Урала: у болгаръ на Волгѣ, у татаръ на Енисеѣ, у якутовъ на Ленѣ и Вилюѣ, у монголовъ на Аргуни, Ононѣ, Чикоѣ, Удѣ и Баргузинѣ; берега Ангары, Лены и Вилюя будто устланы селитрянымъ слоемъ. Смѣшныя предложенія Боме въ Парижѣ, Симона въ Дрезденѣ, Бертранда и др. приготовлять селитру изъ купороса, поваренной соли и т. п., оказываются особенно въ этихъ мѣстностяхъ лишенными всякаго значенія.

Основываясь на своей многолѣтней опытности и при дружескомъ воспоминаніи о старомъ прапорщикѣ Линденау, добывшемъ селитру въ Балаганскѣ, Лаксманъ написалъ нѣсколько практическихъ наставленій о собираніи и обработкѣ этого вещества, такъ важнаго для промышленности. Онъ сравнилъ пять различныхъ способовъ. Употребляемыя въ Швеціи «селитряныя ямы», а еще болѣе описанные Гольмбергомъ селитряные сараи, рѣшительно предпочитаются русскимъ «селитрянымъ буртамъ», наваливаемымъ иногда на вольномъ воздухѣ, а иногда подъ навѣсами. Но еще лучше прусскія «селитряныя стѣны» вслѣдствіе обширныхъ поверхностей для дѣйствія воздуха. Удобнѣйшими однакожъ слѣдуетъ считать «селитряные своды», особенно въ мѣстахъ, гдѣ есть остатки старыхъ домовъ. Изданное отдѣльною брошюрою и получившее похвальный отзывъ въ ноябрьской книжкѣ того же года «Journal von Russland», изд. Буссе, это сочиненіе Лаксмана тремя годами позже, подъ названіемъ «О селитрѣ»[774]), вошло въ труды Экономическаго общества, для которыхъ это сочиненіе первоначально и было назначено.

Еще одинъ трудъ Лаксмана возникъ въ эти дни ожиданія. Побуждаемый свѣдущими друзьями и преимущественно Палласомъ, который только что собирался переселиться въ Крымъ (что̀ и случилось 12-го августа того же года), онъ наконецъ написалъ короткую историческую замѣтку

о своемъ, уже выше упомянутомъ открытіи плавить стекло минеральною солью вмѣсто поташа. Это поучительное сообщеніе [775]) мы читаемъ по-нѣмецки въ Nordische Beiträge Палласа (1796), которые этимъ и закончились, а также по-русски въ трудахъ В. Э. общества (1798).

Все настроеніе въ этомъ послѣднемъ произведеніи пера Лаксмана достаточно показываетъ, какъ охотно мысли его издали обращались къ дорогому для его сердца Талцынскому заводу, къ этому свидѣтелю прекраснѣйшихъ успѣховъ его изслѣдованій. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что достигнутые тамъ результаты, измѣняя стеклодѣліе, проложатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новые пути въ близкихъ съ нимъ производствахъ. «При неимовѣрной», — такъ выражается онъ, — «громадности залежей горькой соли во многихъ озерахъ, болотахъ, долинахъ и поляхъ вездѣ по всей Россіи, въ особенности же на низменныхъ равнинахъ у Волги, Дона и Днѣпра, остается только желать, чтобъ наши торговцы поташемъ, теперь хладнокровно глядящіе на истребленіе лѣсовъ, сдѣлались патріотами, открывъ новую отрасль торговли не только заграничной, но также и для нашихъ стеклянныхъ заводовъ, наносящихъ такой ущербъ лѣсамъ». Его самого оживляютъ многіе виды на будущность. «Я желаю», пишетъ онъ, «при будущемъ, болѣе благопріятномъ случаѣ и при большемъ спокойствіи услаждать осень моей жизни» посредствомъ полезныхъ открытій. И опять, со взглядомъ, обращеннымъ на спеціальный предметъ сочиненія: О преимуществѣ фабриката, выплавленнаго минеральною солью, передъ такимъ же щелочною солью изъ царства растеній, я впредь намѣренъ изложить доказательства». Человѣчески суетныя исчисленія! Не только это «впредь» никогда не сбылось, но даже когда обѣщанье о томъ сдѣлалось общеизвѣстнымъ, то давшій его уже не находился болѣе въ живыхъ.

Впрочемъ эта невольная задержка доставила ему и утѣшеніе. Лаксманъ, всегда ревностно и добросовѣстно собиравшій произведенія природы, имѣлъ теперь удовольствіе вкусить плоды своихъ неутомимыхъ трудовъ. Когда лѣтомъ 1795 г. многія новыя растенія, выросшія изъ сѣмянъ, имъ недавно привезенныхъ, украшали ботаническій садъ академіи, Лепехинъ взялся описать ихъ, и между ними главнымъ образомъ красивый видъ Poly-

gonum, которому онъ «in tesseram amicitiae gratique animi» далъ имя прежняго товарища своего, *P. Laxmanni*[776]). Въ другой области изданная въ томъ же году статья Севергина[777]) «Lapidis cornei lamellosi nova species a Laxmanno juxta Baikal detecta» освѣжила память объ успѣшныхъ трудахъ его въ Култукскихъ горахъ. Въ то же время объ одной изъ его находокъ у дальняго Охотска[778]) читали въ трудахъ Экономическаго общества статью Ловица «Chemische Untersuchung einer von Herrn Laxmann eingesandten sogen. essbaren Erde». — Еще можно бы упомянуть здѣсь о двухъ сочиненіяхъ по части естествовѣдѣнія, для которыхъ онъ сообщилъ матеріалъ и о предметѣ которыхъ были съ нимъ совѣщанія во время его пребыванія въ Петербургѣ, хотя они только въ слѣдующемъ году были опубликованы. Слѣдовательно не могъ онъ жаловаться, что заслуги его не признаются.

XXXV.

1795—1796 годъ, продолженіе.

Препятствія устранены. Планы путешествія, отчасти новые. Поѣздка въ гористую страну между Иртышемъ и Бухарою, а потомъ въ Японію. Характеристическое письмо Лаксмана къ Йервелю. Шелиховъ умираетъ. Проектъ Шевалье д'Огара. Императрица соглашается. Отъѣздъ Лаксмана. Смерть его на дорогѣ въ мѣстности около Тобольска.

Такъ проходили мѣсяцы за мѣсяцами, а дѣло, по которому Лаксманъ прибылъ въ Петербургъ, все не рѣшалось. Это испытаніе терпѣнія было для него и его друзей по естествовѣдѣнію тѣмъ досаднѣе, что интересъ къ странамъ на крайнемъ Востокѣ и спеціально къ Японіи уже усиливался. Этому главнымъ образомъ содѣйствовали экспедиціи, отправленныя туда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ многими европейскими державами. Притомъ знаменитѣйшій въ то время путешественникъ по Японіи, Тунбергъ въ Упсалѣ, незадолго передъ тѣмъ (1791 и 1793 г.) издалъ относившіяся къ тому части описанія своего путешествія;

и какъ только въ шведской печати появились первыя свѣдѣнія о поѣздкѣ Лаксмана, Тунбергъ поспѣшилъ войти въ прямыя сношенія съ петербургскою Академіею наукъ (въ октябрѣ 1794 г.)[779]. Этому же ученому учрежденію не долго спустя, въ январѣ 1795 г., другой шведскій путешественникъ, докторъ А. Штюцеръ[780]) препроводилъ свой дневникъ, веденный во время посѣщенія имъ Еддо, почти одновременно съ пребываніемъ русскаго посольства въ Мацумаѣ, и поручилъ поднести самой императрицѣ коллекцію японскихъ произведеній природы. Доказательствомъ участія къ ожидаемому отъ русскихъ новому путешествію, можетъ служить еще пара выписокъ изъ писемъ Нордберга. Такъ онъ пишетъ Тунбергу 25-го января (5-го февраля) 1795 г.: «Господинъ коллежскій совѣтникъ Лаксманъ все еще здѣсь и безъ разрѣшенія относительно японской экспедиціи; отъ имени вашего, г. профессоръ, я передалъ ему всѣ четыре части японскаго путешествія, въ увѣренности, что, вернувшись домой, получу ихъ обратно». И $\frac{13}{24}$ апрѣля: «Задуманная здѣсь японская экспедиція все еще сомнительна и Лаксманъ остается на мѣстѣ безъ дѣла и въ недоумѣньи.»

Однакожъ къ исходу весны 1795 г. надежды на дѣло Лаксмана стали свѣтлѣе. Важнѣе всего было то, что правительство наконецъ покинуло свое выжидательное положеніе. Главною причиною тому послужило вѣроятно опять то, что вліятельные государственные люди въ Петербургѣ почувствовали себя свободнѣе послѣ того, какъ вышеупомянутая флотилія Ванкувера покинула русско-американскія воды и отправилась домой. Къ этому присоединилось обстоятельство, которое хотя было совершенно частнаго и личнаго характера, но весьма значительно ускорило рѣшеніе вопроса.

Въ письмѣ Нордберга 1795 г. $\frac{13}{24}$ апрѣля за вышеприведенною выпискою непосредственно читаемъ: «Искусный ботаникъ аптекарь Сиверсъ скончался нѣсколько дней тому назадъ. Такая потеря трудно замѣнима. Онъ имѣлъ привычку принимать опій, и досада на то, что экспедиція, которую подъ его начальствомъ предполагали отправить въ *Тибетъ*, не состоялась и т. п., причинила вѣроятно то, что онъ принялъ слишкомъ большую порцію, именно въ тотъ самый день, который былъ назначенъ для его

возвращенія въ Сибирь и Кяхту, гдѣ онъ состоялъ ревеннымъ браковщикомъ». Акты же Петербургской Академіи наукъ сообщаютъ [781]): I. Сиверсъ, ганноверецъ, бывшій аптекаремъ въ Иркутскѣ, умеръ 6-го апрѣля 1795 г. Назначенный для совершенія поѣздки въ Бухарію и Тибетъ..... онъ въ качествѣ путешествующаго естествоиспытателя по этимъ плодоносным и мало извѣстнымъ странамъ могъ, казалось, оказать величайшія услуги Академіи, избравшей его 5-го марта въ свои корреспонденты, но наканунѣ своего отъѣзда онъ въ умопомѣшательствѣ окончилъ свою жизнь.»

Если, повидимому, приходится вѣрить скорѣе первому, чѣмъ послѣднему изъ этихъ двухъ сообщеній, то можетъ возникнуть вопросъ, не былъ ли Сиверсъ оставленъ въ сторонѣ ради Лаксмана? Хотя они и были добрыми друзьями съ давнихъ поръ (ср. гл. XXVIII), но правительство могло имѣть причины считать Лаксмана болѣе годнымъ для означеннаго порученія. Извѣстно только то, что предисловіе [782]), написанное самимъ Сиверсомъ въ мартѣ 1795 г., вовсе не упоминаетъ о предстоящей ему поѣздкѣ въ Бухарію или Тибетъ, а только объ отъѣздѣ въ Сибирь. Но за то оказывается, что Лаксманъ вскорѣ послѣ смерти Сиверса приготовляется къ экспедиціи, весьма близко [783]) соотвѣтствовавшей той, которая первоначально была предназначена для Сиверса. Объ этомъ мы получаемъ извѣстіе изъ вовсе неожиданнаго источника — изъ протокола [784]) Абоскаго университета отъ 19-го мая 1795 г.

Одинъ параграфъ въ немъ гласитъ: «Профессоръ Портанъ заявилъ, что письмомъ отъ горнаго совѣтника Нордберга, нынѣ проживающаго въ Петербургѣ, онъ былъ увѣдомленъ, объ открытой тамъ подпискѣ для коллежскаго совѣтника и кавалера Эрика Лаксмана, чтобы дать ему средства во время предстоящей поѣздки въ гористую мѣстность между Иртышемъ и Бухаріею собрать болѣе значительныя коллекціи по естественной исторіи въ пользу подписчиковъ, а потому профессоръ представилъ на обсужденіе академіи (т. е. Абоскаго университета), не желаетъ ли она участвовать въ подпискѣ акціею въ 50 рублей; и рѣшили ассигновать 30 рейхсталеровъ ассигнаціями изъ сбереженныхъ суммъ для препровожденія ихъ въ Петербургъ».

Роспискою отъ 14-го іюня Лаксманъ призналъ полученіе этихъ денегъ [785]).

Итакъ Лаксманъ вдругъ занятъ двумя отдѣльными планами путешествій вмѣсто одного! Нѣтъ сомнѣнія, что состоявшійся позже планъ былъ непосредственно вызванъ первымъ. Уже въ іюньской книжкѣ 1795 г. изданія Historisk och Statistisk tidning [786]) Йервель именно имѣлъ случай записать: «Въ газетахъ этихъ за 1794 годъ сообщено о поѣздкѣ г. Лаксмана въ Японію. Теперь же по письмамъ изъ Петербурга мы имѣемъ случай сообщить о настоящемъ состояніи этой замѣчательной поѣздки, которую въ скоромъ времени предприметъ естествоиспытатель, урожденный шведъ. Это не сынъ, а самъ отецъ, коллежскій асессоръ (читай: совѣтникъ) и кавалеръ, господинъ Эрикъ Лаксманъ, членъ королевской академіи наукъ въ Стокгольмѣ, который вмѣстѣ съ чертежникомъ и прочими лицами предприметъ двойное путешествіе. Сперва онъ поѣдетъ по обширнымъ землямъ, находящимся по другую сторону рѣки Иртыша, къ Бухаріи, которыя еще не посѣщены ни однимъ естествоиспытателемъ, и сдѣлавъ здѣсь всѣ открытія, какія окажутся возможными, онъ отъ одной изъ русскихъ гаваней на Камчаткѣ отправится въ Японію, чтобы тамъ послѣ Кемпфера, Тунберга и Штюцера собрать новыя жатвы для науки; а торговые виды правительства на открытіе этого новаго судоходства между Россіею и Японіею вѣроятно будутъ оспариваемы другими государствами.»

Это свѣдѣніе важно, какъ полнѣйшее по этому предмету. Въ немъ обнаруживается знакомый со всѣми обстоятельствами человѣкъ, отъ котораго получены эти свѣдѣнія, скорѣе Нордбергъ, тщательно слѣдившій за предпріятіями друзей своихъ, чѣмъ самъ Лаксманъ, хотя онъ въ эту пору по временамъ переписывался со Швеціею. Непонятно лишь то, что, какъ кажется, никакихъ русскихъ источниковъ по этому дѣлу нѣтъ. Слѣдующее изложеніе и большая часть изо всего того, что далѣе повѣствуется до смерти Лаксмана, основано такимъ образомъ дѣйствительно лишь на предположеніяхъ и соображеніяхъ, очевиднаго правдоподобія которыхъ нельзя отрицать, хотя они и не могутъ замѣнить недостатка въ фактической достовѣрности.

Что же касается поѣздки въ мѣстность около верхняго Иртыша, то она безъ сомнѣнія находилась въ какой-нибудь связи съ слѣдующими событіями, хотя Лаксманъ при томъ не упоминается. Уже 23-го марта 1794 года Государственный совѣтъ [787]) совѣщался по поводу рапорта, представленнаго генераломъ Страндманомъ изъ Омска о томъ, что повелитель Ташкента и Большой Киргизской орды, ханъ Юнусъ, черезъ посланныхъ имъ въ Петропавловскую крѣпость, на Ишимѣ, притокѣ Иртыша, предлагая торговую связь, справлялся, есть ли въ Россіи люди, способные разработывать гору (Шитикъ), недавно открытую близь Ташкента, обильную золотомъ и серебромъ? На это послѣдовала между прочимъ такая резолюція: торговыя сношенія охотно принимаются, но слѣдуетъ Страндману черезъ нарочныхъ развѣдать заявляемое богатство металловъ, не обѣщая однакожъ рудокоповъ, пока, по особенной просьбѣ хана, вопросъ не будетъ рѣшенъ въ Петербургѣ. Послѣдовали новыя совѣщанія [788]) по этому дѣлу 15-го января 1795 г. Письмомъ отъ Страндмана было именно извѣщено, что двое унтеръ-офицеровъ, посланныхъ имъ черезъ Бухарію къ Юнусу, вслѣдствіе смятеній были принуждены возвратиться съ бухарскимъ посломъ, а Юнусъ, на этотъ разъ, черезъ посланнаго въ Устькаменогорскъ заявилъ свою готовность отправить большой торговый караванъ изъ Ташкента, если русскіе обяжутся встрѣтить его у горы Чингизъ, въ степи, 200 верстъ къ югу отъ Семипалатинска. Бригадиръ Аршеньевъ въ Устькаменогорскѣ согласился на это, что̀ теперь и совѣтомъ было одобрено.

Связи съ вышеупомянутыми землями имѣли для Россіи большое значеніе какъ въ политическомъ, такъ и въ коммерческомъ и ученомъ отношеніяхъ. Уже издавна Бухарія считалась мѣстомъ производства многихъ драгоцѣнныхъ предметовъ; оттуда туземцы привозили золотой и серебряный песокъ, дорогіе камни, между прочимъ лазуревый камень, а также ревень и пр., съ одной стороны въ Оренбургъ и Астрахань, съ другой въ Тобольскъ и Кяхту [789]). Лѣтъ за десять передъ тѣмъ знали въ Петербургѣ драгоцѣнный минералъ [790]), — мнимый восточный *Изумрудъ*, *Аширитъ* нашего времени, привезенный бухарскимъ

купцомъ въ Семипалатинскъ изъ Киргизской степи между Иртышомъ и Балхашомъ, изъ горы, о которой говорили, что она была совершенно зеленою отъ этого камня, для отысканія котораго англичанинъ Бентамъ уже сдѣлалъ поѣздку въ Барнаулъ, хотя неудачно. По временамъ петербургскія коллекціи, вслѣдствіе счастливыхъ случайностей, получали разныя естественныя новинки изъ этихъ почти недоступныхъ мѣстностей, какъ напр. недавно музей Экономическаго общества [791]). По ревеннымъ дѣламъ въ настоящее время велъ переговоры не только генералъ-губернаторъ Сибири съ бухарцами [792]), хотя и безуспѣшно, но также и Сиверсъ во время предыдущей поѣздки своей дѣлалъ много поисковъ и надѣялся продолжать ихъ на самомъ мѣстѣ.

Если Сиверса устранили, чтобы дать мѣсто Лаксману (что однакожъ не вполнѣ извѣстно), то это навѣрно случилось на основаніи болѣе многостороннихъ свѣдѣній послѣдняго, особенно по дѣлу горной науки и ради занимаемаго имъ офиціальнаго положенія при императорскомъ кабинетѣ. Лаксманъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ весьма основательныя свѣдѣнія объ этой области. Во время службы своей въ Барнаулѣ онъ предпринималъ экскурсіи къ верхнему теченію Иртыша близъ пограничныхъ постовъ Усть-каменногорска и Семипалатинска и подымался на Алтай [793]). Горное пространство, которое подъ именемъ Альгинска, какъ тогда полагали, къ югу отъ Киргизскихъ степей соединяло Алтай съ Ураломъ, имѣло много заманчиваго для него. Еще ни одинъ естествоиспытатель тамъ не бывалъ; такъ далеко не проникали ни Рычковъ, ни Барданесъ (въ экспедиціи Фалька), когда они въ 1771 г., каждый съ своей стороны, отправились съ колоннами, посланными для остановки бѣгства волжскихъ калмыковъ въ Джунгарію. Какихъ минералогическихъ и ботаническихъ жатвъ можно было ожидать! Назовемъ хоть одну: можетъ быть, наконецъ на старости лѣтъ ему предстояло удовлетвореніе увидѣть настоящую родину ревеннаго растенія и lapis lazuli, этихъ двухъ любимыхъ предметовъ, составлявшихъ мечту юности и грезы зрѣлыхъ лѣтъ его!

Продолженіе отважной поѣздки, такъ было предположено, должно было привести его въ Японію. Легко понять, какъ

обширный планъ путешествія возбуждалъ желаніе въ друзьяхъ его узнать подробности о его предшествовавшей жизни. Уже въ началѣ его ученой карьеры, какъ намъ извѣстно, Йёрвéль старался черезъ Портáна и Калоніуса добыть біографическія свѣдѣнія о немъ [794]). Теперь, когда онъ опять устраивалъ обширную поѣздку для открытій, тотъ же самый Йёрвель, много лѣтъ спустя, съ подобною же просьбою обратился къ нему самому.

Отвѣтъ Лаксмана, послѣднее письмо его пера, написанъ въ Петербургѣ 5-го іюля 1795 г. въ такихъ словахъ: «Милостивый государь, г. асессоръ и королевскій библіотекарь! Чрезвычайно пріятно было мнѣ получить письмо ваше отъ 12-го числа минувшаго мѣсяца. Письмо отъ столь знаменитаго ученаго, великія научныя заслуги котораго уже давно снискали мое восторженное уваженіе, было для меня величайшимъ сюрпризомъ. Чтобы описывать свою собственную судьбу, свои заслуги и цѣли, для того нужно особенное хладнокровіе, или надобно быть Бартомъ (Barth) или героемъ съ мѣднымъ лбомъ. — Я жилъ весьма скромно и уединенно; но должно быть, жизнь моя кому-нибудь изъ многочисленныхъ вѣрныхъ друзей моихъ достаточно извѣстна, и вѣроятно отъ нихъ вы можете узнать множество болѣе странныхъ, чѣмъ значительныхъ или полезныхъ анекдотовъ объ ней. Нѣкоторыя обстоятельства указываютъ на Провидѣніе или судьбу, или, какъ сильные умы выражаются, предопредѣленіе. Величайшая заслуга моя состоитъ въ томъ, что я писалъ весьма мало, никогда не имѣлъ покровителей, никогда не просилъ ничего для себя, имѣю нѣсколько благородныхъ друзей и порядочную толпу завистниковъ. — Имѣю честь съ величайшимъ почтеніемъ оставаться, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Э. Лаксманъ». Такой отзывъ совершенно согласовался съ невысокимъ мнѣніемъ, какое Лаксманъ всегда имѣлъ о себѣ. Однакожъ возможно, что также и нѣкоторая неопредѣленность, все еще лежавшая на предстоящемъ планѣ путешествія, отчасти мотивировала его молчаливость.

Согласно только что сообщеннымъ газетнымъ рефератамъ, экспедиція, долженствовавшая наконецъ отправиться въ Японію, предполагалась изъ какой-нибудь гавани на Камчаткѣ, преслѣдуя двѣ разныя цѣли: ученую подъ управленіемъ Лаксмана

и торговую, отдаваемую въ «другія руки». Достовѣрны ли эти сообщенія? Разсказъ о предстоящемъ отправленіи изъ Камчатки, вмѣсто раньше задуманнаго и обыкновеннаго изъ Охотска, могъ быть не ошибкою, а морскія обстоятельства тогда могли того требовать. Относительно же заявленныхъ цѣлей предпріятія, каждая изъ нихъ основывалась на разумныхъ причинахъ и согласовалась съ тѣмъ, что прежде было одобрено правительствомъ. Наконецъ, выраженіе «другія руки» тому, кто помнитъ обстоятельства того времени, непремѣнно приводитъ на мысль часто упомянутаго Шелихова и существовавшій между нимъ и Лаксманомъ антагонизмъ, какъ причину означеннаго раздѣленія, если бы начальникамъ пришлось пользоваться однимъ или разными судами и временемъ отъѣзда.

Какъ бы то ни было, однакожъ на содѣйствіе Шелихова въ скоромъ времени уже нельзя было разсчитывать. Этотъ лишь 48-лѣтній человѣкъ скончался внезапно въ Иркутскѣ 20-го іюля 1795 г. Извѣстіе о томъ, полученное въ Петербургѣ въ началѣ сентября, не могло не остаться безъ вліянія на распоряженія относительно предполагаемой поѣздки. Такимъ образомъ Лаксманъ стоялъ теперь на первомъ планѣ; а его мнѣніямъ и совѣтамъ поблагопріятствовало еще случившееся и тогда же обстоятельство, въ значительной мѣрѣ усилившее вниманіе императрицы къ сношеніямъ на Восточномъ океанѣ.

Между тѣмъ, какъ японскій вопросъ обсуждался властями въ Петербургѣ, независимо отъ того былъ составленъ [796]) въ Эрфуртѣ для передачи императрицѣ «Un mémoire écrit dans les mois May, Juin et Juillet (1795) sur le commerce du Japon en particulier et en général sur les intérêts de S. M. Impériale dans le Nord-Est de l'Asie». — Сочинитель, Mr. Juan Dominique Chevalier d'Augard состоялъ прежде французскимъ генеральнымъ консуломъ въ Малой Азіи, но вслѣдствіе нежеланія служить республикѣ, эмигрировалъ въ Германію. Увѣдомленная о существованіи этого сочиненія, Екатерина II, письмомъ отъ 3-го ноября 1795 г., дала уже упомянутому своему корреспонденту, энциклопедисту Гримму, слѣдующее порученіе [797]): «Il réside à Erfurt un chevalier Augard, qui m'a fait dire qu'il avait

à me communiquer un mémoire qu'il voudrait que passât à moi par des mains sûres. Je lui ai fait dire qu'il vous envoyât ses papiers à Gotha et que vous me les feriez passer par le premier courrier russe qui vous tombera sous la patte. Je vous avertis donc que, quand vous recevrez du chevalier Augard des lettres ou paquets, vous me les envoyiez de la manière susdite. Il me paraît que ce pourrait bien être un rêve creux, mais il faut entendre, et puis juger.»

Дальнѣйшій ходъ дѣла: Д'Огаръ 22-го декабря прислалъ выписку изъ своего мемуара вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ напиралъ на «la nécessité de profiter d'une circonstance qui ne se présentera plus pour s'emparer du commerce le plus avantageux qui existe, du commerce du Japon, qui dans ce moment n'appartient réellement à personne.»

Уже 5-го января слѣдующаго года императрица выразила о томъ свое мнѣніе въ письмѣ[798]) къ Гримму слѣдующаго содержанія: «Il m'est venu une très-longue pancarte du ch. Augard. Si tout son portefeuille est garni de pièces aussi solides que ce qu'il écrit sur le commerce du Japon, il n'y aura pas de quoi s'en occuper beaucoup; car sur ce commerce du Japon, selon moi, il n'a pas ombre d'idée sur le local; mais cependant, puisqu'il faut entendre par devoir tout ce qu'on présente comme important, vous aurez la bonté de lui mander que vous avez trois cents ducats à lui remettre de ma part. S'il se résout à venir ici, cet argent vous sera remis tout de suite; entre nous soit dit, je crois que ce ch. d'Augard, malgré toutes les recommandations, est un des premiers fous de l'Europe».

Въ какомъ отношеніи стоялъ проектъ д'Огара къ тому дѣлу, о которомъ совѣщались въ Петербургѣ, намъ неизвѣстно, потому что онъ не оставилъ на то ни малѣйшаго намека. Довольно достовѣрнымъ слѣдуетъ считать, что онъ не могъ быть вполнѣ несвѣдущимъ объ исполненномъ и теперь предстоящемъ путешествіяхъ Лаксмановъ въ Японію. Что по крайней мѣрѣ слухъ о возвращеніи претерпѣвшихъ кораблекрушеніе островитянъ распространился по дипломатическимъ кружкамъ Европы, видно не только изъ вышеприведеннаго письма императрицы 1794 $\frac{29}{8}$, но также изъ выраженія въ «Vie de Catharine II», изданной

г. Кастера двумя годами позже, гдѣ, послѣ очень спутаннаго разсужденія о посѣщеніи Лаксманомъ («un habitant d'Irkutsk») вмѣстѣ съ Кодаемъ Петербурга и о торговыхъ намѣреніяхъ Россіи на Японію, мы читаемъ такое предсказаніе [799]): «Cette entreprise n'a pas encore eu un grand succès; mais il n'est pas douteux que la Russie ne partage tôt ou tard les grands profits que les Hollandais font au Japon.»

Когда «pancarte» д'Огара была получена въ Петербургѣ, Лаксманъ уже находился въ пути. Несмотря на всю свою недостаточность, новый проектъ не могъ не усилить готовность императрицы поддерживать Лаксмана. Если бы относительно совѣтовъ, которые свѣдущій въ торговыхъ дѣлахъ эмигрантъ, при ожидаемомъ прибытіи въ Петербургъ, изустно долженъ былъ изложить, и потребовались нѣкоторыя добавленія въ инструкціи Лаксману, то они могли легко быть ему сообщены, прежде чѣмъ онъ проѣдетъ далекое разстояніе черезъ всю Азію до той гавани, откуда онъ долженъ былъ отправиться въ море. Такъ могли думать императрица и другія особы, отъ которыхъ дѣло окончательно зависѣло.

Отъ самого Лаксмана ничего болѣе не было слышно послѣ письма его отъ 5-го іюля. Можетъ быть, онъ еще на колесахъ [800]) отправился въ Москву, но оттуда онъ навѣрно не тронулся въ Сибирь, пока не установился санный путь, слѣдовательно въ началѣ декабря. Можно представить себѣ маршрутъ его слѣдующимъ образомъ: черезъ Казань, Екатеринбургъ, Тюмень, Тобольскъ, Омскъ и Барнаулъ въ Семипалатинскъ на Иртышѣ. Отсюда Барданесъ началъ свою экскурсію, отсюда вѣроятно и Лаксманъ по одному изъ путей, по разсказамъ уроженцевъ уже болѣе или менѣе вѣрно описанному, хотѣлъ добраться до Киргизскихъ степей, Алгинскихъ горъ и Бухарской границы. Послѣ среднихъ чиселъ іюня мѣсяца вѣроятно послѣдовалъ бы отдыхъ на одну или на двѣ недѣли у домашняго очага въ Иркутскѣ. Около конца сентября онъ былъ бы готовъ къ отъѣзду въ Японію отъ одной изъ гаваней на берегу океана.

Много затрудненій пришлось побѣдить, прежде чѣмъ планы Лаксмана достигли того успѣха, которымъ они наконецъ увѣнчались. Теперь все казалось тѣмъ свѣтлѣе и надежнѣе.

Тѣлесно онъ чувствовалъ себя, по собственному выраженію[801]), болѣе здоровымъ и «легче на подъемъ», чѣмъ даже въ дни молодости. Несомнѣнно его оживляла мысль, что скоро, послѣ отсутствія, продолжавшагося цѣлые два года, онъ опять увидитъ семейство и своихъ домашнихъ. Его страсть къ «Wanderschaft» и богатая опытность, пріобрѣтенная имъ въ странствованіяхъ, представлявшихся ему всегда задачею жизни, должны были, и теперь служить порукою счастливому окончанію начатаго предпріятія. Къ тому Восточному океану, уже давно составлявшему предметъ его горячихъ желаній, берегъ котораго онъ недавно привѣтствовалъ съ обѣтомъ возвратиться при первомъ удобномъ случаѣ, — туда долженъ быть направленъ путь его. Передъ тѣмъ короткое посѣщеніе того самаго Барнаула, куда влекли его воспоминанія молодости, и затѣмъ прогулка по горамъ новыхъ, прежде не изслѣдованныхъ мѣстностей. Чего *могъ* онъ *желать* болѣе?

Весело и быстро мчатся сани по гладкому зимнему пути — черезъ хребты Урала, по безграничнымъ пространствамъ Сибири. Еще въ Тобольскѣ, 3000 верстъ отъ Петербурга, не было никакой помѣхи, не появлялись грозные предвѣстники: иначе вѣдь было бы необъяснимо продолженіе пути его въ страну, которая дѣлалась все пустыннѣе.

Но прошелъ лишь одинъ день, или можетъ-быть еще часть слѣдующаго утра. У одной ямской станціи, въ 118 верстахъ отъ Тобольска, надо было перемѣнить лошадей. Сани остановились. Ѣздокъ не показывается. Его выносятъ изъ саней умирающимъ, а можетъ быть и умершимъ. Съ нимъ случился апоплексическій ударъ. Это было 5 (16) января 1796 года.

Болѣе этого нельзя было разузнать о кончинѣ Лаксмана[802]) изъ современныхъ отрывочныхъ, но согласныхъ между собою извѣстій. Изъ показаннаго свѣдѣнія о разстояніи можно почти съ полною достовѣрностью заключить, что онъ умеръ на станціи Дресвянской, находившейся у рѣчки Вагай, впадающей въ Иртышъ; по подробному офиціальному исчисленію[803]), разстояніе отсюда до Тобольска составляетъ зимою 119 верстъ.

Мѣстность повсюду кругомъ носитъ уже ясно сибирскій характеръ: мрачная и мало населенная, она представляетъ привольный просторъ для зимнихъ бурь. Можетъ быть однакожъ, Дресвянская, подобно большинству русскихъ деревень, имѣетъ свою маленькую часовню, а возлѣ нея мирное кладбище. Можетъ быть, онъ покоится тамъ, этотъ неутомимый путешественникъ. Вѣрно, къ сожалѣнію, то, что могила его подъ холодными снѣгами Сибири такъ же неизвѣстна и забыта, какъ и доставшаяся земляку его Форсколю въ горячемъ пескѣ Емена. Но такъ же вѣрно, что благодарное воспоминаніе о ихъ жизненныхъ трудахъ и задачахъ никогда не умретъ въ потомствѣ.

XXXVI.

Послѣ смерти Лаксмана.

Исходъ его послѣдней экспедиціи. Сужденіе современниковъ: «ein träger Schriftsteller»; насколько они правы. Преобладающая практическая дѣятельность его какъ изслѣдователя, путешественника и собирателя. Мужъ инициативы. Произведенія природы, названныя по немъ. Замѣчаніе.

Недостатокъ болѣе подробныхъ свѣдѣній относительно послѣднихъ минутъ Лаксмана указываетъ на то, что при немъ не было никого, близкаго къ нему или къ его цѣлямъ: хотя, по упомянутому газетному реферату, «одинъ рисовальщикъ и другія лица» должны были сопутствовать ему, но этихъ помощниковъ онъ вѣроятно не хотѣлъ избрать, пока не прибудетъ въ Барнаулъ и Иркутскъ, куда онъ направлялся. Сынъ его Адамъ, находившійся также въ Петербургѣ, вѣроятно по производствѣ своемъ получилъ отпускъ, и для своего собственнаго переселенія, а также и для исполненія дѣлъ отца своего, отправился черезъ Иркутскъ и Охотскъ въ свое прежнее мѣстопребываніе Гижигинскъ, на Камчатской границѣ.

Сильнѣйшимъ доказательствомъ тому предположенію, что участники этого двойнаго путешествія еще не были назначены, можетъ служить совершенное прекращеніе предпріятія, проис-

шедшее по смерти ея начальника. Караваны, въ послѣдующіе затѣмъ годы снаряжаемые изъ Семипалатинска въ мѣстность къ югу отъ верхняго Иртыша, имѣли цѣлью лишь обмѣнъ товаровъ [804]). Когда же потомъ въ 1820-хъ годахъ естествоиспытатель Эверсманъ съ ученою цѣлью сопровождалъ экспедицію Негри изъ Оренбурга въ Бухару [805]), то это случилось совершенно независимо отъ уже забытыхъ плановъ Лаксмана.

И японская экспедиція тоже не состоялась. Правда, что императрица еще 7 мѣсяцевъ послѣ смерти Лаксмана, письмомъ отъ 1796 $\frac{5}{8}$ къ Гримму [806]), о д'Огаровомъ интермеццо выражается: «Je vous dirai du chevalier d'Augard ce que je penserai quand je l'aurai vu; son projet sur le Japon serait fort bon, s'il connaissait le local; d'ailleurs nous y trafiquons et n'y sommes plus sans relations, et nous nous renvoyons les naufragés très-amicalement». Изъ этого ясно видно, что она считала продолженіе сношеній, установленныхъ во время жизни Лаксмана, дѣломъ вполнѣ естественнымъ. Болѣе замѣтный интересъ къ дѣлу чувствуется также въ томъ любезномъ вниманіи, преимущественно къ произведеніямъ съ острововъ Восточнаго океана [807]), которое именно въ то время оказалъ тогдашній гость при дворѣ, графъ Гага (Густавъ IV Адольфъ), при посѣщеніи петербургскихъ музеевъ. Но какъ Екатерина II черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того скончалась (1796 $\frac{6}{11}$), то ея виды на Японію были забыты тѣмъ скорѣе, что они въ Шелиховѣ и Лаксманѣ лишились своихъ ревностнѣйшихъ ходатаевъ.

Тѣмъ не менѣе идеи, возбужденныя Лаксманомъ, продолжали занимать умы еще въ теченіе трехъ десятилѣтій. Правда, что императоръ Павелъ въ началѣ царствованія своего устранилъ вопросы о морской внѣшней торговлѣ, почему и д'Огаръ, между тѣмъ переселившійся въ Петербургъ [803]), какъ кажется оставилъ свои незрѣлые планы. Но уже и то было въ духѣ Лаксмана, что правленіе русско-американской компаніи въ 1798 г. было переведено въ столицу. Оказывается также, что снаряженная затѣмъ вторая экспедиція въ Японію (1803 г.) была прямымъ послѣдствіемъ предыдущей — Адама Лаксмана. Тутъ надо прибавить, что неудача Резанова въ свою очередь побудила одного изъ младшихъ сыновей Лаксмана въ 1826 году

хлопотать о третьей такой же экспедиціи, — предложеніе, которое ему однакожъ не удалось привести въ исполненіе за неимѣніемъ свѣдѣній и вліянія его покойнаго отца[809]).

Извѣстіе о кончинѣ Лаксмана получено въ Петербургѣ только черезъ полтора мѣсяца, вѣроятно отъ Тобольскаго губернскаго правленія. 11-го февраля, когда Лепехинъ въ Академіи наукъ докладывалъ о «Polygonum Laxmanni», онъ еще не зналъ, что лицо открывшее это растеніе уже переселилось въ вѣчность, но 10 дней спустя о томъ было заявлено въ протоколѣ Академіи[810]). Неожиданная потеря возбудила большое участіе. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже года, товарищи усопшаго безпрестанно вспоминали его заслуги[811]), какъ-то: Севергинъ, упоминая объ окиси изъ Урака, Ловицъ при анализѣ Вилюйскихъ кристалловъ, Лепехинъ въ описаніяхъ кипрея (Epilobium) изъ Камчатки и рогоза (Typha) изъ Забайкалья. Краткій некрологъ, въ обычномъ годовомъ отчетѣ составленный вѣроятно Эйлеромъ, упоминалъ о главныхъ происшествіяхъ его жизни[812]). Старый антагонистъ его Георги написалъ его характеристику, какъ ученаго, въ своемъ тогда издаваемомъ сочиненіи (1797 г.).

О характеристикѣ Георги[813]) нельзя упоминать безъ оговорки. Она вообще производитъ то нехорошее впечатлѣніе, что съ намѣреніемъ лишь на половину придерживается правды. Никто не сомнѣвается въ томъ, что Лаксманъ «имѣлъ хорошія познанія въ естественныхъ наукахъ», но эта школьная отмѣтка достойна ли мужа, которому наука обязана цѣлымъ рядомъ новыхъ изысканій и открытій? Вѣрно также, что онъ «предпринималъ обширныя поѣздки», но не только къ «Бѣлому и Охотскому морямъ», а также къ Черному морю и въ мѣстности близъ Каспійскаго моря, и между этими крайними границами въ разныя мѣста, ни прежде, ни послѣ не посѣщенныя другими. Георги даже не упоминаетъ о Японіи. А если далѣе говорится: «свою минералогическую коллекцію онъ продалъ уже въ 1786 году», то можно подумать, что она была его единственною, и что онъ послѣ того сидѣлъ сложа руки; между тѣмъ какъ онъ однакожъ снова составлялъ многія драгоцѣнныя коллекціи (о чемъ вслѣдъ за симъ болѣе). Выраженіе: «если онъ велъ днев-

никъ, то онъ долженъ быть богатаго содержанія» сказано только для того, чтобы заявить сомнѣніе. Сущность сужденія, къ которому мы еще возвратимся, заключалась очевидно въ словахъ: «онъ былъ лѣнивый писатель.»

Эти посмертныя сужденія вмѣстѣ съ случайными отмѣтками[814]) уже въ 1767 г. Бюшинга и въ 1780 г. Бернульи о первоначальной дѣятельности Лаксмана какъ пастора, педагога и академика, заключаютъ все, что современники занесли въ лѣтопись его жизни. Больше этого и не знали. Всегда охотнѣе забываемый, нежели замѣченный, онъ, въ особенности послѣ поселенія своего въ Нерчинскѣ и Иркутскѣ, совершенно пересталъ «versari in celebritate»; публика послѣ этого едва по временамъ слышала его имя, между тѣмъ какъ корреспонденты его только урывками узнавали, что онъ находился въ живыхъ и скитался по «живописнымъ сибирскимъ альпамъ» своимъ, или обдумывалъ планы новыхъ странствій. Тѣмъ все и кончалось. Скудныя послужныя отмѣтки [815]), составленныя о немъ Мёйзелемъ (Meusel) въ 1808 г. и Ротермундомъ въ 1810 г., до нашего времени лишь изрѣдка получали небольшія и то обыкновенно невѣрныя дополненія.

Если такимъ образомъ память объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ изслѣдователей прошлаго столѣтія затерялась въ отрывочныхъ и ненадежныхъ подробностяхъ, безъ личнаго фона и индивидуальнаго рельефа, то нельзя отрицать, что Лаксманъ самъ былъ главнымъ виновникомъ этого злополучія, если можно такъ выразиться. Виною тому было его, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ, замѣтное равнодушіе, чтобы не сказать боязнь публичности. Нужно ли тому другое свидѣтельство, кромѣ того отвѣтнаго письма Йёрвелю, въ которомъ онъ отказывается дать автобіографическія свѣдѣнія и считаетъ «величайшею своею заслугою», что «писалъ весьма мало». Это выраженіе, сдѣлавшееся послѣднимъ въ его жизни, удивительно согласуется съ тѣмъ, что онъ саркастически-шутливо замѣтилъ въ дни молодости своей о «свирѣпствующей въ Гёттингенѣ болѣзни печатанья».

Такое отвращеніе отъ публичности является тѣмъ болѣе неожиданнымъ въ ученомъ Лаксманѣ, съ его глубокими и обширными познаніями, съ его рѣдкою способностью къ наблюденію

и богатою опытностью. Тѣмъ не менѣе оно легко объясняется, какъ уже во введеніи къ этому сочиненію упомянуто, частію непріятностями при его первомъ авторствѣ, частію и преимущественно главнымъ направленіемъ его способностей и развитія. Особенныя обстоятельства жизни съ самой ранней молодости побуждали его сосредоточиваться въ самомъ себѣ, тогда какъ его восхищенный взоръ носился все дальше по великолѣпію міроздаиія. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ страстныхъ и пытливыхъ умовъ, для которыхъ достаточно искать и находить, а разглашать о найденномъ, особенно для невѣжественной толпы — непріятно. Безмолвный и безкорыстный трудъ, при углубленіи въ него до самозабвенія, составляетъ ихъ чистѣйшее наслажденіе и высшее честолюбіе.

Несмотря на все это, отзывъ Георги объ авторской лѣни Лаксмана требуетъ значительной поправки. Крупнаго ученаго труда онъ не оставилъ. Но за то каждое изъ его не малочисленныхъ, хотя обыкновенно весьма краткихъ разсужденій, сочиненій и очерковъ, имѣетъ то преимущество передъ многими толстыми томами, что всегда содержитъ что-нибудь новое и свое. Приведемъ вышеупомянутыя въ разныхъ мѣстахъ его сообщенія. Составленныя на четырехъ различныхъ языкахъ, — латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и шведскомъ, они большею частью напечатаны подъ приведенными уже заглавіями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; здѣсь мы сдѣлаемъ имъ лишь краткій перечень.

Часть своихъ изслѣдованій онъ самъ опубликовалъ, а именно: a) въ трудахъ Петербургскаго Вольнаго экономическаго общества 1768 г.: «*Neue Mittel zur Befestigung des Flugsandes*», о чемъ сравн. примѣч. 157; въ 1769 г.: *Вступительная рѣчь*, прим. 212; *Экономическое описаніе Олонца*, прим. 217; *Засѣваніе деревъ въ сибирскихъ степяхъ*, прим. 215; въ 1771 г.: *О квасцахъ и содѣ изъ Оренбурга*, прим. 302; *О маслѣ изъ Amygdalus nana*, прим. 303; въ 1774 г.: *О посѣвѣ древесныхъ сѣмянъ въ сѣверныхъ странахъ*, прим. 344; въ 1793 г.: *О съѣдобной землѣ*, прим. 679; въ 1795 г.: *О селитрѣ*, также отдѣльно, прим. 744; b) въ актахъ шведской Академіи наукъ за 1769 г.: *Описаніе Hirundo daurica*, прим. 223; въ 1773 г.: *Описаніе Mus myospalax*, прим. 341; c) въ актахъ Петербургской Академіи наукъ,

въ 1770 г.: *Новыя породы насѣкомыхъ*, прим. 271; въ 1771 г.: *Новыя породы растеній*, прим. 306; въ 1773 г.: *Сибирскія растенія*, прим. 343; въ 1774 г.: *Серебряная роговая руда съ Алтая*, также и отдѣльно, прим. 363, 365; въ 1785 г.: *Sorex caecutiens*, прим. 534; въ 1789 г.: *Новая порода альпійскаго растенія*, прим. 598; въ 1790 г.: *Окаменѣлый черепъ носорога*, прим. 630; d) въ журналѣ Палласа, въ 1781 г.: *О Нерчинскихъ рудникахъ* (?), прим. 456; въ 1795 г.: *Новый способъ плавки стекла*, прим. 775; e) въ магазинѣ Леске, 1781 г.: *О горахъ въ Европейской Россіи*, прим. 413; f) въ 1769 г.: *Сибирскія отдыхи*, отобрано, см. стр. 58, 67, прим. 229.

Другіе естественно-историческіе труды изданы по его перепискѣ и коллекціямъ: a) Де-Гортеромъ 1764 г.: *Дополненія къ флорѣ Ингерманландіи*, см. прим. 55; b) Шлёцеромъ 1765 г.: *Метеорологическія свѣдѣнія изъ Барнаула*, прим. 98; въ 1769 г.: *Сибирскія письма*, стр. 68; c) Гаддомъ 1763 г.: *О путешествіи въ Молдавію*, прим. 323; d) Эйлеромъ 1784 г.: *О ртути на морозѣ*, прим. 487; *О жилахъ въ гранитныхъ скалахъ у Байкала*, прим. 507; въ 1793 г.: *Объ экспедиціи въ Японію*, прим. 705; e) Бергіусомъ 1785 г. *О предполагаемой поѣздкѣ къ Восточному океану*, прим. 538; f) Спарманомъ 1791 г.: *О поѣздкѣ къ Вилюю*, до 229-й стр.; g) Палласомъ 1780 г.: *О поѣздкѣ къ Бѣлому морю*, прим. 412; въ 1786 г.: *О находкѣ lapis lazuli*, прим. 559; въ 1789 г.: *О поѣздкѣ къ Карагассамъ*, прим. 603; *О поѣздкѣ на Бѣлую*, прим. 607; въ 1790 г.: *О поѣздкѣ А. Лаксмана на Тайгоносъ*, прим. 613; въ 1793 г.: *О гіацинтовыхъ кристаллахъ*, прим. 639; *О поѣздкѣ въ Охотскъ*, прим. 674; *О предполагаемой поѣздкѣ къ Ледовитому морю*, стр. 250; h) Севергинымъ 1795 г.: *Lapidis cornei lamellosi nova species a Laxmanno detecti*, прим. 777; i) Ловицемъ 1795 г.: *Chem. Untersuchung einer von Laxmann eingeschickten sogen. essbaren Erde*, прим. 679; 1796: *Hyacinthorum a cel. Laxmanno detectorum analysis*, прим. 643; k) Лепехинымъ 1796 г.: *Polygonum Laxmanni*, прим. 776; *Epilobii species nova*, и въ 1797 г.: *Typha Laxmanni*, прим. 677.

Эти печатныя работы служатъ однакожъ лишь весьма неполнымъ выраженіемъ его авторской дѣятельности. Вѣрный

своему, уже въ молодости [816]) избранному девизу «nulla dies sine linea», онъ прилежно записывалъ, безъ намѣренія однакожъ щеголять тѣмъ передъ другими. Его литературное наслѣдство было значительно; къ сожалѣнію, оно однакожъ, согласно достовѣрному сообщенію [817]), пропало во время пожара въ 1812 году, свирѣпствовавшаго въ его бывшей квартирѣ. Можетъ-быть, тамъ находились, кромѣ другихъ бумагъ, также и черновыя тѣхъ сочиненій, которыя онъ обѣщалъ издать, хотя это обѣщаніе однакожъ никогда не было исполнено [818]), какъ-то сибирская энтомологія, отъ составленія которой онъ, какъ слышно, отказался, чтобы не помѣшать Палласу; учебникъ естественной исторіи Россіи, описаніе поѣздки въ Молдавію и пр.

Переписка его намъ лучше извѣстна. Удалось отыскать весьма значительные остатки ея, которые, можетъ-быть, впредь будутъ пополнены новыми находками. Весьма многіе изъ его донынѣ обнаружившихся корреспондентовъ, финляндцы: П. А. Гаддъ, П. Кальмъ, Н. К. Гелленіусъ, Х. Г. Портанъ, И. Лагусъ, М. Гольмбергъ; шведы: К. Ф. Линней, І. П. Фалькъ, П. І. Бергіусъ, П. В. Варгентинъ, І. К. Вильке, А. Р. Рецiусъ, К. Ф. Меннандеръ, Г. Ф. Энгестремъ, А. Спарманъ, А. Тунбергъ, К. К. Йёрвель; въ Петербургѣ, Германіи и въ иныхъ мѣстахъ: А. Л. Шлёцеръ, І. Бекманъ, А. Ф. Бюшингъ, І. Кр. Д. Шреберъ, А. Алліони, Н. Г. Леске, П. С. Палласъ, І. А. Эйлеръ, І І. Лепехинъ, Г. В. Крафтъ, П. Б. Иноходцевъ; Сибиряки: І. Баннѐръ, А. Лаксманъ и др., а также А. А. Барановъ въ Америкѣ и нѣкоторые японскіе естествоиспытатели въ Іеддо; изъ нихъ многіе были передовыми дѣятелями науки. Имъ, конечно, сообщались не пустячки. Тѣмъ досаднѣе, что лишь сообщенія Бекману, Бергіусу, Меннандеру и Палласу достались намъ въ цѣлости, почти всѣ остальныя лишь отрывочно. Въ особенности должно сожалѣть о потерѣ многихъ писемъ, адресованныхъ Гадду въ Або, Эйлеру и Палласу въ Петербургъ, потому что въ этихъ мѣстахъ онъ въ особенности держалъ своихъ корреспондентовъ au courant. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ удостоенъ переписки съ самою императрицею, почтившей его

собственноручными письмами[819]), которыя, къ сожалѣнію, сдѣлались добычею пламени при помянутомъ пожарѣ Москвы.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на болѣе оффиціальныя донесенія, по службѣ или другой причинѣ имъ представленныя разнымъ учрежденіямъ въ Петербургѣ, какъ-то академіи, горному управленію и императорскому кабинету. По всему, что видно изъ этихъ актовъ, большею частью скрывающихся въ весьма недоступныхъ архивахъ, они обыкновенно касались интересныхъ вопросовъ науки. Для примѣра мы назовемъ: трактатъ о качествахъ соли на холоду (стр. 58, 65), мнѣніе о занятіяхъ по металлургіи (стр. 106), предложеніе по горнымъ дѣламъ (стр. 150), планъ поѣздки къ Бѣлому морю (стр. 159), отчетъ о работахъ въ Култукѣ (стр. 198), проектъ устройства купоросной фабрики (стр. 210), мнѣніе его передъ отправленіемъ Японской экспедиціи (стр. 240) и отчетъ объ исполненіи ея, представленный Безбородку (стр. 267 и слѣд.).

Поэтому никакъ нельзя назвать Лаксмана врагомъ пера, и менѣе всего приписывать ему при этомъ лѣнь или эгоизмъ, хотя авторство въ обыкновенномъ смыслѣ не имѣло для него ничего привлекательнаго. Сильнѣйшая сторона его, отличительное свойство цѣли его жизни, кроется въ другомъ. Однимъ словомъ, его слѣдуетъ оцѣнивать не столько какъ теоретика, а гораздо болѣе какъ эмпирика, въ прекраснѣйшемъ значеніи этого слова. Самостоятельными наблюденіями и новыми фактами расширять точное знаніе природы, или, какъ онъ самъ любилъ выражаться, «красоту и цѣлесообразность творенія», — вотъ въ чемъ видѣлъ онъ свое призваніе, и еще въ большей мѣрѣ, если къ тому же присоединялись и виды на практическую пользу. Онъ принимался за дѣло, одаренный зоркимъ окомъ, вѣрною рукою, твердымъ шагомъ, основательными свѣдѣніями и рѣдкою силой воли. И такъ исполнились пророческія слова Линнея въ первомъ его письмѣ къ нему[820]): «Да осѣнитъ васъ Всевышній своею милостью, чтобъ вы могли видѣть чудеса Его и открывать ихъ свѣту!»

Сами по себѣ достопримѣчательными представляются неутомимыя старанія Лаксмана, — его многія и далекія путешествія, его прилежные опыты въ области физическихъ наукъ, —

лично имъ задуманные и исполненные. Можно бы назвать многихъ, совершившихъ одинаковыя и бо́льшія дѣла, но едва ли найдется другой, кто бы сдѣлалъ столько при такихъ скудныхъ пособіяхъ и на новомъ, еще не проложенномъ пути. Онъ болѣе любилъ ходить одинокимъ. Когда въ концѣ его земного странствованія слышится сознаніе, «что онъ жилъ довольно уединенно», то причину тому слѣдуетъ искать въ упомянутой особенности. Это чувство собственнаго достоинства, чтобы не сказать самодовольства, имѣло, конечно, то слѣдствіе, что онъ по временамъ, несмотря на свой тихій и скромный нравъ, возбуждалъ противъ себя въ житейскихъ мелочахъ, но съ другой стороны оно придавало его стремленіямъ силу и просторъ, хотя также и ограничивало ихъ. Совокупными стараніями и совѣтами, еслибъ нравъ его былъ склоненъ къ тому, онъ безъ сомнѣнія совершилъ бы гораздо болѣе; но весьма сомнительно, совершилъ ли бы онъ именно то, въ чемъ онъ неоспоримо первый открылъ дорогу. А это не бездѣлица.

Безъ справедливаго удивленія вѣроятно никто не читалъ о его дѣятельности, открывшей новые пути, въ продолженіе пяти лѣтъ пребыванія его въ Барнаулѣ, когда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ отъ 25 до 30 лѣтъ. Напомнимъ прежде всего, что находки и свѣдѣнія, оттуда имъ посланныя въ Петербургскую Академію, корреспондентомъ которой онъ состоялъ, послужили окончательнымъ побужденіемъ для немедленно послѣдовавшихъ большихъ и знаменитыхъ сибирскихъ экспедицій [821]). Но какая разница! Путешественники Академіи Палласъ, Фалькъ, Георги, одинъ за другимъ слѣдовавшіе по его стопамъ, путешествовали вельможами; они избирали главныя дороги и мѣста; они могли требовать отъ мѣстныхъ канцелярій нужныя справки и необходимую помощь; въ болѣе затруднительныя экскурсіи посылались разные помощники; матеріалъ накоплялся и требовалъ лишь небольшого приведенія въ порядокъ для наполненія цѣлыхъ томовъ. Лаксманъ самъ долженъ былъ пробивать себѣ дорогу, получая корреспондентскаго жалованья 100 рублей въ годъ! Тѣмъ не менѣе уже въ этомъ раннемъ періодѣ, вопреки противорѣчіямъ [822]) епископа Ульмана и нѣкоторыхъ другихъ, ему подобаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ

науки. Когда еще въ наше время, такой человѣкъ какъ К. Риттеръ, не зная хорошенько, кто былъ Лаксманъ, привѣтствуетъ его измѣреніе высоты Алтая, какъ первое, имѣющее ученое достоинство (прим. 177), или Мочульскій придаетъ ему эпитетъ перваго русскаго энтомолога (прим. 109), или Карманъ съ его опытовъ въ 1764 г. начинаетъ считать одну изъ важнѣйшихъ реформъ стеклодѣлія (стр. 181), или Миддендорфъ восхваляетъ его метеорологическія наблюденія и опыты, какъ послужившія основаніемъ этого дѣла (стр. 27, прим. 533), — то изъ этого уже составляется прекрасный списокъ заслугъ инниціатора. Но это еще не все.

Чтобы исчислить всѣ находки и наблюденія, сдѣланныя уже тогда и слѣдовавшія затѣмъ въ продолженіе почти безпрестанныхъ путешествій его, пришлось бы добавить еще нѣсколько листовъ къ этой книгѣ. Таково ужъ было свойство его духа, что онъ не могъ довольствоваться старымъ и уже найденнымъ. Поэтому достаточно привести здѣсь нѣсколько болѣе общихъ сужденій, высказанныхъ спеціалистами. «Hic indefessus vir», пишетъ Лепехинъ [823]), «in itineribus suis mineralogicis juga altissimorum Sibiriae montium multoties peragrans, ipsorum penetralia, *aliis non adeunda*, introspexit», — сужденіе, вѣрность котораго и въ наше время еще неоспорима. Риттеръ [824]) называетъ его просто «открывателемъ замѣчательной Култукской мѣстности», этого пробнаго поприща настойчивости послѣдующихъ геологовъ. Палласъ же и многіе современники утверждаютъ, что безъ Лаксмана первая русская экспедиція въ Японію навѣрно не состоялась бы [825]), что́ видно изъ того, что слѣдующій планъ такой же поѣздки рушился съ его смертію. Предъ столь значительными результатами его страстная охота къ странствованію является чѣмъ-то совершенно инымъ, а не просто любопытствомъ и безцѣльнымъ безпокойствомъ обыкновеннаго туриста.

Общею цѣлью постоянныхъ поѣздокъ Лаксмана было самостоятельное изученіе посѣщаемыхъ мѣстностей, преимущественно въ минералогическомъ и ботаническомъ, но также и въ зоологическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ. Чисто-географическія или этнографическія и историко-статистическія описанія интересовали его гораздо менѣе. Въ предпріятіяхъ своихъ

онъ главнымъ образомъ былъ наблюдателемъ и собирателемъ. Врожденная любовь къ природѣ возбуждала въ немъ потребность видѣть себя постоянно окруженнымъ ея произведеніями. Съ нею сливалась постоянно мысль о Плиніевомъ «posteros juvandi praemium», о чемъ онъ мечталъ уже въ молодости [826]); эта мечта, осуществившаяся въ такой обильной мѣрѣ, неразлучна съ памятью объ немъ. Ему была совершенно чужда эгоистическая скрытность или недоступность, нерѣдко бывающая у собирателей. Онъ дѣлился своими находками такъ охотно и щедро, что этому нельзя не сочувствовать.

Собственно для себя онъ уже въ годы своей молодости [827]) составлялъ разныя коллекціи, а во время службы при Академіи изъ его коллекцій образуется знаменитый кабинетъ. Но ихъ невозможно было взять съ собою при переселеніи въ Нерчинскъ, и потому онѣ большею частью были проданы въ 1786 г. (ср. стр. 123 и слѣд.). Немедленно были начаты новыя, окончательная судьба которыхъ однакожъ неизвѣстна. Лишь относительно минералогической коллекціи мы случайно узнаемъ, что она въ 1804 году состояла изъ 300 окаменѣлостей и 860 раковинъ, и была куплена за 3,500 рублей для иркутскаго городского училища. Свѣдѣніе это сообщено Мартосомъ [828]), Гофманъ же ничего о томъ не упоминаетъ.

Какова бы ни была судьба частныхъ коллекцій Лаксмана, но его щедро раздаваемые подарки приносили большую пользу наукѣ. Тридцать лѣтъ слишкомъ его переписка касалась главнымъ образомъ подобныхъ пожертвованій. Получатели были частью публичныя учрежденія, — преимущественно Петербургская и Стокгольмская Академіи наукъ, да Абоскій университетъ, — также Вольное экономическое общество въ Петербургѣ, физіографическое въ Лундѣ и др., частью лично многіе ученые, какъ-то Линней, Бергіусъ, Реціусъ, Гаддъ, Бекманъ, Шреберъ, Палласъ и мн. др. Знаменитѣйшіе ученые еще и въ наше время признавали цѣнность и тщательный подборъ подарковъ Лаксмана. Спеціально говоритъ А. Норденшельдъ объ ископаемыхъ, доставшихся Стокгольмской Академіи, «что они большею частью еще и въ наше время оправдываютъ свое мѣсто въ новѣйшей коллекціи минераловъ». Что уже Де-Гортеръ и другіе совре-

менные естествоиспытатели не рѣдко этимъ путемъ получали матеріалъ для своихъ сообщеній, было выше упомянуто. Тѣмъ болѣе достойно порицанія, что посылки его такъ часто, даже въ публичныхъ музеяхъ, не были достаточно предохраняемы отъ растратъ [829]).

Чрезвычайно обширная и безкорыстная собирательская дѣятельность Лаксмана, можетъ-быть, выше всѣхъ прочихъ заслугъ его, и несмотря на то, что онъ самъ охотно оставался въ тѣни, она доставляла ему много заявленій уваженія и признательности. Такъ, по ботаникѣ [830]), на которую онъ уже въ отроческомъ возрастѣ обратилъ свое прилежаніе и любовь свою, весьма значительное число предметовъ было названо по немъ знаменитыми спеціалистами. Первая *Laxmannia* принадлежитъ семейству Rubiaceae въ 1771 г. по *С. Г. Гмелину*, другая — къ Ambrosiaceae въ 1775 г. по Форстеру, который однакожъ въ 1789 г., увидѣвъ себя предупрежденнымъ, перемѣнилъ названіе на Spilanthus (Petrobium Броуна (Brown) 1816 г.). Такъ какъ однакожъ экземпляръ Гмелина остался неопубликованнымъ въ его гербаріи, то Шреберомъ въ 1791 г. введена была *Laxmannia* вмѣсто Форстеровой Acronychia въ семейство Rutaceae, а Броуномъ въ 1810 г. въ семейство Liliaceae, между тѣмъ Фишеръ въ 1812 г. призналъ за особенный родъ *Laxmannia*, (Coluria Броуна 1823 г.) въ семействѣ Rosaceae. Сибирскій видъ описанъ Гертнеромъ въ 1788 г. подъ названіемъ *Geum Laxmanni*. Итакъ, не менѣе 5 различныхъ родовъ растеній были названы именемъ скромнаго ихъ собирателя. Съ бо́льшимъ успѣхомъ оно присвоено столькимъ же или еще большему числу видовъ растеній, а именно въ 1774 г. Линнеемъ растенію *Teucrium Laxmanni* (= *Ajuga Laxmanni* Benth., *Phleobante Laxmanni* Jacq.), въ 1776 г. Жакеномъ (Jacquin) и Палласомъ *Astragalus Laxmanni*, въ 1788 г. Гертнеромъ *Geum Laxmanni*, въ 1796 г. *Polygonum Laxmanni* и въ 1797 г. *Typha Laxmanni* Лепехинымъ. Если къ этому присовокупить всѣ виды, первоначально собранные и описанные, въ сѣменахъ или для акклиматизированія далеко распространенные Лаксманомъ, то достаточно ясно, что небольшое число строкъ, посвященныхъ ему Шпренгелемъ [831]) въ исторіи ботаники, вполнѣ имъ заслужены.

Такая же честь была ему оказана и на другихъ поприщахъ. Его заслуги по энтомологіи были засвидѣтельствованы названіемъ *Gryllus Laxmanni*, которое Палласъ въ 1772 г. по справедливости перенесъ на тотъ видъ, который Линней въ 1767 г. по экземпляру, полученному отъ Лаксмана, — вообще первое сибирское насѣкомое, въ наукѣ извѣстное—слишкомъ неопредѣленно назвалъ *sibiricus* [832]). Равно и минералогія уже нѣсколько лѣтъ имѣетъ свой *Лаксманитъ*, такъ названный въ память о его многолѣтней дѣятельности на этомъ поприщѣ. Такъ А. Норденшельдъ [833]) въ 1867 г. обозначилъ новое ископаемое, которое Лаксманъ лѣтъ за 100 передъ тѣмъ подарилъ въ стокгольмскія коллекціи, приславъ вмѣстѣ съ хромовокислою свинцовою окисью изъ Березовска у Екатеринбурга. Другое воспоминаніе о его безпрестанныхъ минералогическихъ и геогностическихъ экскурсіяхъ хранитъ мѣстное преданіе, одобренное самимъ Лаксманомъ, въ освященномъ авторитетомъ Риттера названіи мѣстности около Байкала — *Лаксмана* [834]). Наконецъ и употребленное Зибольдомъ названіе *Лаксмановъ проливъ* [835]) въ отдаленномъ Восточномъ океанѣ, напоминаетъ энергическую и успѣшную дѣятельность отца и сына на поприщѣ открытій.

Съ другой стороны слѣдуетъ отмѣтить, что Лаксманъ не избѣгъ порицанія и пренебреженія. Онъ самъ говоритъ о завистникахъ, но уже независимо отъ этого мы многократно [836]) имѣли причину подозрѣвать существованіе подобнаго рода людей. Вообще, живя очень уединенно, онъ писалъ слишкомъ мало и болѣе обозначалъ слегка, нежели обработывалъ и опредѣлялъ открытія свои, такъ что желавшіе могли весьма удобно, прямо или непосредственно, умалчивать о нихъ, или даже присвоивать ихъ себѣ. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что подвижной Георги, котораго мы такъ часто застаемъ на его слѣдахъ, если только оказывалась возможность, весьма охотно то отрицалъ, то уменьшалъ значеніе его открытій и находокъ. Не такъ ясно, хотя и не выше всякаго сомнѣнія, отношеніе къ нему другихъ современныхъ изслѣдователей. Подобные намеки, безъ достовѣрныхъ доказательствъ, конечно никогда не должны быть принимаемы. Нельзя однакожъ не замѣтить, что въ собственномъ родѣ [837]) Лаксмана

укоренилось мнѣніе, что другіе лишили его славы многихъ открытій, а также и то, что заслуги его были оцѣнены ниже ихъ достоинства.

XXXVII.

По смерти Лаксмана, продолженіе.

Личныя и домашнія обстоятельства. Отрывочныя замѣчанія о его семействѣ, женѣ, дѣтяхъ и потомкахъ.

Легче вообразить себѣ, чѣмъ описать тѣ горестныя чувства, какими было поражено семейство Лаксмана, ожидавшее его въ Иркутскѣ, когда пришло извѣстіе о его внезапной кончинѣ. Наконецъ, послѣ двухлѣтнихъ нетерпѣливыхъ ожиданій, жена и дѣти его уже разсчитывали часъ свиданья и встрѣчи съ нимъ; послѣ благополучно исполненныхъ дѣлъ и по устраненіи многихъ препятствій, онъ долженъ былъ прибыть признанный и уважаемый какъ правительствомъ, такъ и наукою, за свои собственные подвиги и за дѣло молодого сына своего, снабженный новыми, болѣе полными пособіями для исполненія никогда не забываемыхъ, излюбленныхъ плановъ своихъ. Но вмѣсто желаннаго супруга и отца прибыла только вѣсть, что онъ уже никогда не возвратится! Опустѣлъ счастливый до того домъ его; мало-по-малу онъ совершенно распался; члены его исчезли одинъ за другимъ на различныхъ путяхъ жизни.

Все, что намъ извѣстно о Лаксманѣ, какъ о человѣкѣ, частномъ лицѣ и главѣ семейства, внушаетъ намъ участіе и уваженіе. Какимъ Бюшингъ, въ семействѣ котораго онъ находился въ лѣта молодости, въ то время описалъ его, такимъ онъ остался и впослѣдствіи, при всѣхъ перемѣнахъ своей жизни: честнымъ и добросовѣстнымъ, скромнымъ, откровеннымъ, трудолюбивымъ, горячо преданнымъ какъ ближнимъ, такъ и цѣлямъ своимъ. Между тѣмъ какъ на его публичномъ и ученомъ по-

прищѣ, такъ богатомъ событіями, какъ выше было упомянуто, дурныя отношенія и столкновенія не замедлили обнаружиться, его частная жизнь представляетъ очаровательную картину невозмутимаго спокойствія и отрады.

Уже въ началѣ мужескаго возраста унесенный судьбою далеко отъ родины, въ которую онъ впослѣдствіи лишь изрѣдка возвращался, онъ увезъ однакожъ съ собою въ страну, сдѣлавшуюся вторымъ его отечествомъ, неизгладимое чувство любви къ своей отчизнѣ. Оттуда его чистосердечно поддерживаемыя связи съ прежними знакомыми, учителями и покровителями, оттуда его заботы и услужливость, постоянно имъ оказываемыя роднымъ и друзьямъ. Съ сыновнею любовью, какъ скоро внѣшнія обстоятельства ему то дозволили, онъ предоставилъ нуждавшейся матери своей убѣжище у домашняго очага своего на остальные дни ея жизни; подобную же услугу, хотя и не принятую, онъ предлагалъ и старому Линденау. Одному изъ младшихъ братьевъ своихъ, Карлу, онъ выхлопоталъ мѣсто кассира при Гижигинскомъ уѣздномъ правленіи, не думая и не гадая, какъ мало онъ оправдаетъ оказанное ему довѣріе [838]). Вѣроятно тотъ Лаксманъ, о которомъ упоминается [839]), что онъ въ 1775 г., 50 лѣтъ отроду скончался городскимъ хирургомъ въ Москвѣ, былъ тоже родственникъ его, можетъ-быть дядя, поступившій на это мѣсто по ходатайству петербургскаго академика.

Его собственное семейство, какъ мы уже видѣли [840]), въ продолженіе времени сдѣлалось довольно многочисленнымъ; оно состояло, послѣ нѣкоторыхъ происшедшихъ въ немъ смертныхъ случаевъ [841]), на закатѣ дней его, изъ второй жены, изъ 7 сыновей, изъ коихъ нѣкоторые уже были взрослыми, и изъ малолѣтней дочери. Довольно многія, хотя случайныя заявленія въ письмахъ его достаточно свидѣтельствуютъ о сердечной любви, которая соединяла его съ семействомъ; а равно и семейство его, если судить по приведеннымъ уже фактамъ, отплачивало ему взаимною привязанностью. Доказательство ихъ взаимной преданности, и главнымъ образомъ поощрительнаго примѣра отца семейства, представляется особенно въ рѣдкомъ согласіи вкусовъ, занятій и интересовъ, постоянно встрѣчающемся въ

ихъ отношеніяхъ, начиная съ долгаго путешествія, предпринятаго вмѣстѣ съ нимъ его первою, тогда еще молодою женою, до отдаленной Кяхты, гдѣ она и умерла (въ 1766 г.), до японской экспедиціи, исполненной (вторымъ) сыномъ ея. Это согласіе конечно не мало способствовало къ огорченію ихъ при его внезапной кончинѣ. Самая тяжкая доля заботъ досталась пережившей его женѣ, Катеринѣ Ивановнѣ, рожденной Рутъ, уже въ продолженіе 28 лѣтъ раздѣлявшей съ нимъ счастіе и злополучіе.

Хозяйственное положеніе дѣлъ его было, какъ кажется, довольно выгодно; дѣла эти требовали однакожъ многихъ стараній и тщательнаго надзора. Оба сына отъ перваго брака Лаксмана, а также и двое старшихъ отъ второго, уже были пристроены, но за то трое остальныхъ, хотя и записанные сержантами преображенской гвардіи, и дочь Марія оставались на попеченіи домашнихъ. Свѣдѣніе [842]), будто вдова въ 90 годахъ переселилась въ Петербургъ и тамъ держала пансіонеровъ, не подтверждается. Изъ офиціальныхъ свѣдѣній 1799 года видно, что она тогда жила еще въ Иркутскѣ. Тотъ же источникъ сообщаетъ, согласно съ другимъ отъ предыдущаго года, что дѣла при Лаксмановомъ стеклянномъ заводѣ въ Талцынскѣ доставляли много хлопотъ [843]). То же было и съ продажею дорогихъ коллекцій покойнаго. Наконецъ въ 1804 г. часть ихъ была продана [844]). Но случившійся въ 1812 году пожаръ обратилъ въ пепелъ жилище семейства, истребивъ до тла хранившееся тамъ ученое наслѣдіе Лаксмана [845]). Вѣроятно главнымъ образомъ вслѣдствіе этого несчастія, престарѣлая вдова его въ слѣдующемъ году была принуждена продать стеклянный заводъ.

Относительно старшаго сына Лаксмана, Густава, имѣются лишь очень недостаточныя свѣдѣнія, кромѣ помѣщенныхъ выше въ разныхъ мѣстахъ [846]). Въ 1794 году, когда отецъ его проживалъ въ Петербургѣ, онъ получилъ мѣсто стряпчаго иркутскаго надворнаго суда, и занималъ эту должность по крайней мѣрѣ еще два года послѣ того [847]). Но вѣроятно онъ оставался тамъ на службѣ еще долѣе. Насколько можно заключать изъ интереса его къ естественнымъ наукамъ, это былъ именно тотъ Лаксманъ, который въ августѣ 1808 г.

вмѣстѣ съ Геденстремомъ предпринялъ изъ Иркутска уже упомянутую поѣздку въ Щербинскую пещеру у рѣки Лены [848]). Судя по тому, что́ извѣстно, предположеніе это не подходитъ къ его братьямъ.

Второй затѣмъ сынъ былъ выше уже упомянутый Адамъ [849]). О лѣтахъ развитія его и первой дѣятельности нами уже сообщены довольно подробныя свѣдѣнія. Мы оставили его въ 1794 г., когда онъ, возвратившись изъ счастливо оконченнаго посольства въ Японію, былъ награжденъ императрицею чиномъ капитана. Но какъ протекала жизнь его послѣ того? Несмотря на всѣ старанія, ни одного достовѣрнаго свѣдѣнія нельзя было добыть, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Нельзя не пожалѣть, что человѣкъ съ такими заслугами совершенно забытъ.

Если справедливо выраженное нами предположеніе [850]), что Адамъ Лаксманъ изъ Петербурга сперва отправился въ Гижигинскъ, чтобы распорядиться о своемъ переселеніи, то онъ прибылъ туда въ весьма непріятное время. Тамъ съ 1794 года производился очень грязный процессъ противъ дяди его, уже упомянутаго уѣзднаго кассира Карла Лаксмана [851]), продолжавшійся еще въ 1796 году. Адамъ, въ качествѣ бывшаго члена администраціи отдаленной мѣстности, легко могъ какимъ-нибудь образомъ быть замѣшанъ въ это дѣло, но пріятно замѣтить, что его имя ни разу даже не упоминается въ весьма объемистыхъ актахъ. Непонятнѣе однакожъ молчаніе его во время преній о дѣлѣ, которымъ онъ, очевидно, былъ болѣе заинтересованъ, чѣмъ кто-либо другой. Страннаго факта нельзя иначе объяснить какъ тѣмъ, что когда въ 1803 г. разсуждали о новой экспедиціи въ Японію и дѣйствительно осуществили ее [852]), то отъ него не требовали никакихъ свѣдѣній; остается предположить, что его тогда уже не было въ живыхъ. Но въ такомъ случаѣ что́ думать о русскихъ писателяхъ, которые, желая сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о первой экспедиціи въ Японію, все-таки не посвящаютъ ея начальнику даже коротенькаго некролога? Развѣ о немъ въ самомъ дѣлѣ ничего не знали? или думали только о томъ, чего желалъ всемогущій Резановъ?

Мартынъ и Аѳанасій, двое старшихъ сыновей Лаксмана отъ второго брака его, уже во время школьнаго возраста, подобно обоимъ ихъ сводныимъ братьямъ, оказывали склонность къ естественнымъ наукамъ. И имъ дано военное образованіе, и въ 1795 году они надѣли офицерскіе эполеты [853]). Послѣ того Мартынъ совершенно исчезаетъ у насъ изъ виду, а имя Аѳанасія по временамъ мелькаетъ въ дѣлахъ. Кажется, онъ около 1804 года служилъ въ Новгородѣ; по крайней мѣрѣ такъ можно заключать по статьѣ, посланной въ томъ году оттуда [854]) въ одинъ московскій журналъ о путешествіи Адама Лаксмана и написанной вслѣдствіе интереса, почувствованнаго Аѳанасіемъ къ этому дѣлу. Пятью годами позже упоминается онъ какъ чиновникъ 7-го класса въ петербургскомъ кригс-комиссаріатѣ. Дальнѣйшее производство его намъ неизвѣстно. Женившись около 1812 г. на Александринѣ Ламбро, онъ имѣлъ отъ нея сына Александра, о которомъ будетъ сказано ниже, и дочь, о которой извѣстно, что она во время своего пребыванія въ дворянскомъ дѣвичьемъ институтѣ, какъ «внучка знаменитаго Лаксмана», пользовалась особенными милостями покойной императрицы Маріи Ѳедоровны.

Отъ этого Аѳанасія Лаксмана остался намъ въ своемъ родѣ весьма замѣчательный документъ, а именно его прошеніе [855]) въ 1826 г. на имя императора Николая, о порученіи ему начальства надъ новой японской экспедиціей; прошеніе написано напыщеннымъ слогомъ и варварскимъ языкомъ; содержаніе его слѣдующее: «Всеавгустѣйшій Монархъ! Всемилостивѣйшій Госу́дарь! Прозорливая справедливость Мудраго Вашего Императорскаго Величества правленія, созвали Сонмище добродѣтелей около Вашего Трона, пекущихся составленію благосостоянія Государства.

«Коммерція, сія по Истеннѣ Государственная добродѣтель, можетъ почесться душею и подпорою всякаго рода правительства; ибо она часто превращаетъ малыя Династіи въ сильныя Царства. — Дальновидная Монархиня Екатерина, попеченіемъ своимъ, довѣдшая въ свое событіе Державу свою до высочайшихъ почестей свѣта, ни малейше не упуская изъ виду всякой благопріятной случай, могшій бы отнестись на пользу Отечества,

и чрезъ посредство сочиненнаго и организованнаго основательнымъ и достопочтеннымъ мужемъ академикомъ Лаксманомъ секретнаго плана, склонила богатую Японію къ сосношенію съ Россіею: Она благословила сей достохвальный, полезный подвигъ свой и дала оному начало въ 1791 году посланіемъ Ею въ Японію Адама Лаксмана, сына того академика. Посольства (sic!) то вскорѣ явило желаніе Японскаго правительства согласія, сочетаться съ Россіею предложенною дружбою скомерческимъ сосношеніемъ, на сей конецъ Японское правительство дало Адаму Лаксману открытый листъ для однаго токмо коммерческаго Россійскаго Судна, могшагобъ тѣмъ безпрепятственно плыть въ портъ Нангосаки. Въ запечатаніе же новаго знакомства и дружбы Японской Императоръ подарилъ посланнаго тремя саблями на древкахъ (сія печать мѣстнаго ихъ правительства, дѣлается значущемъ особамъ Японскаго Государства). — Отецъ мой академикъ Лаксманъ, сей даръ японскаго императора съ восторгомъ поднёсъ Великой Монархини, заключившей чрезъ то счастливой успѣхъ зачатаго Ея дѣла и въ знакъ своего благоволенія повѣлеваетъ сей гіероглифъ (?) трехъ саблей избрать на гербѣ отца моего и потомства нашаго. Кончина Монархини пресѣкла начатый проэктъ сношенія съ Японіею въ 1803 году. Любезнейшій Братъ Вашего Императорскаго Величества, Императоръ Александръ I-й образовалъ вновь посольство, послалъ Миссіонеромъ Каммергера Резанова въ Японію для возобновленія прежде устроенныхъ съ тамошнимъ правительствомъ сношеній, слѣдствіемъ чего и оказалось, что нетолько не впускать въ гавань Нангосаки русское судно, но даже влеченное туды кораблекрушеніемъ людей заключать въ вечный плѣнъ, будеже по каковомужъ случаю судно ихъ попадется на русскіе берега и Руссія захочетъ людей того судна возвратить Отечеству — и то чрезъ Голландцовъ. Изъ Малой Династіи Голландіи, трудолюбіе и коммерція составила богатѣйшее Государство, управлявшее морями свѣта. Видно, что Она, бывши на высотѣ своего времяни алчная къ користолюбію, дабы не дробить Ея добычу разослала по Японіи дурное и не выгодное мнѣніе объ Россіи, и тѣмъ Японія охладѣла и прекратила всякое сообщеніе съ Россіею.

«А какъ въ сіе междувремеіе сама эпоха жизней Государствъ

доказываетъ, что они получили значительныя измѣненія — Голландія стала днесь въ упадкѣ. Россія же, по добродѣтелямъ своимъ и по колосальному могуществу Вашаго Императорскаго Величества, нынѣ диктаторствуетъ. Повѣли, Всеавгустѣйшій Монархъ! на Охотскомъ морѣ изготовить судно и подарки изъ сукна, зеркаловъ и хрусталя, при открытомъ листѣ сказанномъ Японскимъ, и поручи мнѣ ту экспедицію въ Японію, какъ отраслю извѣстнаго Японскому правительству и Сибири добрыми дѣлами, академика Лаксмана, какъ опытному въ ихъ обращеніи и въ ихъ политикѣ съ коими я жилъ болѣе двухъ лѣтъ при купцѣ Кодаѣ [856]), отправившемся по первой экспедиціи въ свое отечество, какъ имѣющему нѣкоторыя познанія ихъ діалекта и ихъ догмата, какъ служащему Тебѣ Отечеству безпорочно 31 (37?) лѣтъ [857]) и какъ имѣющему душевное рвеніе быть преслѣдователемъ поприщу отца моего и на пользу Отечеству во славу твою, Всеавгустѣйшій Монархъ! Вашего Императорскаго Величества Всеподданнѣйшій Афанасій Лаксманъ.»

Читатель замѣчаетъ въ этомъ донесеніи лишь слишкомъ слабый отголосокъ представленій старшаго Лаксмана отъ 1791 г., такъ хорошо мотивированныхъ и основательныхъ. Оттого по поводу этого документа не послѣдовало другого распоряженія, кромѣ того, что по сношеніи съ графомъ Нессельроде, онъ былъ приложенъ къ дѣламъ.

О прочихъ дѣтяхъ Лаксмана, сыновьяхъ его Іосифѣ, Касьянѣ и Константинѣ и о дочери Маріи, мы имѣемъ только краткія свѣдѣнія, сообщенныя въ вышеприведенныхъ письмахъ ихъ отца (стр. 287) отъ 1794 $\frac{7}{10}$. Предоставляемъ фантазіи читателя вообразить себѣ кого-нибудь изъ нихъ главнымъ лицомъ слѣдующаго загадочнаго событія, призывающаго насъ опять къ отдаленнымъ берегамъ Японіи, такъ часто упоминавшимся при описаніи судебъ Лаксманова семейства.

Русскій путешественникъ вокругъ свѣта, Головнинъ повѣствуетъ [858]) въ запискахъ своихъ о его приключеніяхъ въ плѣну въ Мацумаѣ, въ 1812 году, на стр. 224, что онъ тамъ слышалъ разсказъ о Лаксманѣ, и ему показали тетрадь, написанную по-русски, но съ графами, въ которыя долженъ былъ войти переводъ на языки: англійскій, французскій и голландскій,

и что онъ догадывался, хотя не подавалъ вида тому, что слова были заимствованы изъ русскаго письма, и почеркъ обнаруживалъ европейца, нѣсколько знавшаго русскія письмена, но не языкъ: «Послѣ же, спустя нѣсколько времени, сказывалъ намъ голландскій переводчикъ Теске[859]), что писалъ сію бумагу одинъ голландецъ по имени Лаксманъ, согласившійся добровольно за большую плату никогда не выѣзжать изъ Японіи; онъ живетъ въ японской столицѣ Еддо и занимается астрономическими наблюденіями, и сочиненіемъ картъ», и на стр. 231: «Однажды Теске хотѣлъ намъ разсказать нѣчто о живущемъ у нихъ въ столицѣ голландцѣ Лаксманѣ, но Кумаджеро тотчасъ что-то проворчалъ сквозь зубы, и Теске замолчалъ». Въ другой разъ Головнину былъ показанъ списокъ словъ, написанный тѣмъ же Лаксманомъ, по которому видно было, что онъ зналъ русскую азбуку, но былъ слабъ въ знаніи русскаго языка.

Какъ ни страненъ этотъ разсказъ и какъ ни категорически опровергается правдивость его однимъ голландскимъ путешественникомъ[860]), который въ то же время и затѣмъ долго проживалъ въ Іеддо, но нельзя заподозрѣть, чтобы такой честный и почтенный человѣкъ какъ Головнинъ выдумалъ его. Невозможно также предполагать, чтобъ онъ ошибся въ имени этого проходимца, которое онъ упоминаетъ два раза. Удивительно однакожъ, что сочиненіе его, по крайней мѣрѣ въ редакціяхъ донынѣ обнародованныхъ[861]), не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго замѣчанія къ синонимикѣ между мнимымъ голландцемъ и тѣмъ Лаксманомъ (Адамомъ), о бытности котораго въ Японіи онъ такъ часто упоминаетъ. Я сказалъ «мнимый» лишь относительно національности этого загадочнаго существа: весьма легко могло статься, что незнаніе имъ русскаго языка было лишь поддѣльное,— маска, чтобъ утаить его дѣйствительное происхожденіе.

И опять вонъ изъ Японіи вызываетъ насъ послѣднее извѣстіе, которое остается прибавить; оно переноситъ насъ черезъ огромное пространство стараго свѣта, до крайней оконечности его, у Атлантическаго океана. Тамъ, въ Лиссабонѣ живетъ теперь Александръ Лаксманъ, сколько извѣстно, единственный находящійся въ живыхъ потомокъ Эрика Лаксмана, этого неутомимаго странника. Сынъ упомянутаго Аѳанасія, и вѣ-

роятно рожденный около 1815 г., онъ получилъ воспитаніе свое въ Царскосельскомъ Лицеѣ, исполнялъ затѣмъ разныя дипломатическія порученія и состоитъ нынѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Португаліи.

XXXVIII.

Добавочная глава.

По матеріалу, полученному во время печатанія этого сочиненія *). Письма къ К. Ф. Меннандеру 1773 14/2, 1776 9/2, 20/5, 1778 30/6, 30/11, 1780 4/1, 2/2 и 24/10, и къ А. Спарману 1791 10/3. Тихменевъ противъ Адама Лаксмана. Тяжебное дѣло Карла Лаксмана.

Стр. 3 *прим.* Внукъ Лаксмана, генеральный консулъ въ Лиссабонѣ, Александръ Лаксманъ наконецъ увѣдомилъ меня, что всѣ бумаги, оставшіяся послѣ его дѣда, сгорѣли во время пожара «въ родительскомъ домѣ»; — въ Иркутскѣ, или въ С.-Петербургѣ? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ мнѣ одолженіе, приславъ короткій біографическій очеркъ своего знаменитаго дѣда, напечатанный внизу въ примѣчаніи [862]), который однакожъ оказался такимъ неполнымъ, что, значитъ, я въ добрый часъ задумалъ описывать жизнь человѣка, память о которомъ уже такъ ослабѣла между его внуками.

Стр. 8, *строка* 7. Что Э. Лаксманъ родился въ 1738 г., какъ предполагается также и въ примѣчаніи 22, утверждается упомянутымъ очеркомъ.

Стр. 9, *строка* 4. Въ приведенномъ ниже письмѣ 1778 $\frac{30}{11}$ къ архіепископу Меннандеру, Лаксманъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о семействѣ своемъ и о бѣдномъ отцовскомъ домѣ. Итакъ онъ черезъ Лэвинга, котораго называетъ единственнымъ братомъ его бабушки по матери, состоялъ въ нѣкоторомъ родствѣ также съ профессоромъ богословія и соборнымъ

---

*) Письма эти сообщены мнѣ по благосклонному распоряженію г. главнаго библіотекаря Г. Э. Клемминга въ Стокгольмѣ.

пробстомъ Лауреусомъ, потому что Лэвингъ въ своемъ третьемъ бракѣ былъ женатъ на Маріи Беатѣ Фонти́нъ (см. прим. 36), сестрѣ жены Лавреуса, Катерины Фонтинъ, которыя обѣ были дочерями шведскаго пастора въ Ригѣ Олава Фонтина. Помянутая свояченица Лавреуса, по отмѣткѣ отца моего, въ силу духовнаго завѣщанія отъ 20-го августа 1746 г. и 11-го декабря 1750 года, сдѣлалась единственною наслѣдницею фамиліи Лавреусъ. Весьма вѣроятно, что необыкновенныя приключенія Лэвинга и Лавреуса, — вспомнимъ воинскіе подвиги перваго и плѣнъ послѣдняго въ Сибири (ср. здѣсь *стр.* 75), — въ дѣтствѣ Лаксмана пробудили въ немъ желаніе осмотрѣться въ свѣтѣ, имѣвшее такое важное значеніе для всей его жизни.

Стр. 11, *строка* 12: свѣдѣніе біографическаго очерка, что онъ «занимался науками въ Упсалѣ», несогласно съ другими источниками и не подтверждается матрикулою того университета.

Стр. 12, *строка* 14. По поводу переписки, возникшей впослѣдствіи между Лаксманомъ и Меннандеромъ, можно бы полагать, что они были знакомы уже съ абовскаго времени. Незадолго передъ тѣмъ, какъ Лаксманъ былъ записанъ въ студенты, Меннандеръ сдѣлался епископомъ (въ февр. 1757 г.), а затѣмъ въ 1775 г., и до смерти своей въ 1786 г., былъ архіепископомъ въ Упсалѣ и проканцлеромъ. Меннандеръ былъ добрымъ другомъ Лавреуса, надъ которымъ онъ также произнесъ надгробное слово, и можетъ-быть оказывалъ своему молодому родственнику нѣкоторое покровительство. Его выдающаяся страсть и большое рвеніе къ естественнымъ наукамъ показали этому юношѣ, что въ занятіяхъ ими не было ничего предосудительнаго для лица духовнаго званія. — Ср. мнѣніе епископа Ульмана, прим. 188.

Стр. 13, *строка* 36. Изъ того, что Лаксманъ 1780 $\frac{4}{1}$ говоритъ Меннандеру, что 12 лѣтъ былъ «пасторомъ и учителемъ», слѣдуетъ, что онъ былъ посвященъ въ пасторы въ 1758 году, потому что онъ оставилъ духовный санъ въ 1770 г. при назначеніи его профессоромъ химіи.

Стр. 14, *строка* 11 *снизу.* Прямыя доказательства знанія

Лаксманомъ финскаго языка и интереса его къ этому языку заключаются въ письмѣ его къ Меннандеру 1780 $\frac{24}{10}$.

Стр. 25, *строка* 2. Кое-что о Порошинѣ въ письмѣ Лаксмана къ Меннандеру 1780 $\frac{4}{1}$.

Стр. 27, *строка* 21. Еще 1778 $\frac{30}{11}$ разсказываетъ Лаксманъ Меннандеру о томъ, что изготовлялъ термометры и другіе физическіе инструменты, и ихъ предлагаетъ ему въ подарокъ.

Стр. 52, *строка* 15. Отзывъ о пасторской дѣятельности Лаксмана долженъ быть смягченъ, согласно письму его къ Меннандеру 1780 $\frac{4}{1}$. Изъ него видно, м. пр., что приписанныя ему и такъ порицаемыя слова не были произнесены имъ самимъ.

Стр. 53, *строка* 9. Ее звали Катериною (Ивановною) Рутъ (ср. стр. 179); ея родственныя отношенія мнѣ однакожъ неизвѣстны.

Стр. 65, *строка* 3. Объ этомъ важномъ разсужденіи Лаксманъ говоритъ подробно въ письмѣ къ Меннандеру 1776 $\frac{9}{2}$.

Стр. 67, *строка* 7. Нѣкоторые намеки на эти «Nebenstunden» мы находимъ въ только что приведенныхъ письмахъ.

Стр. 82, *строка* 35. Письмо 1770 $\frac{1}{6}$ теперь цѣликомъ сообщено Эрлингомъ (Ährling), C. von Linnés svenska arbeten (шведскія сочиненія К. фонъ Линнея) 4 книжка, (1879), 409 л.

Стр. 86. По крайней мѣрѣ съ 1771 г. Лаксманъ находился въ сношеніяхъ съ Меннандеромъ; см. письмо къ нему 1773 $\frac{14}{2}$. — Въ Путешествіи Гюльферса (Hülphers) 1760 г. говорится, что Меннандеръ имѣлъ 2 большіе шкафа съ прекраснѣйшими минералами.

Стр. 92, *строка* 4. Лаксманъ самъ пишетъ Меннандеру 1776 $\frac{9}{2}$, что онъ тогда еще ничего не сдѣлалъ въ пользу этого общества.

Стр. 94, *строка* 32. По многократно упоминаемому біографическому очерку, онъ отъ правительства получилъ командировку для этого путешествія.

Стр. 95, *строка* 21. Въ тотъ же день онъ писалъ также къ Меннандеру.

Стр. 98, *строка* 19. Кое-что о молдавскомъ путешествіи Лаксмана въ его письмахъ къ Меннандеру 1776 $\frac{9}{2}$ и 1780 $\frac{4}{1}$.

Стр. 99, *строка* 34. Сюда относится первое письмо, которое мы имѣемъ отъ Лаксмана къ Меннандеру, слѣдующаго содержанія: «С.-Петербургъ, 14-го февраля 1773 г. Преосвященнѣйшій г. епископъ и проканцлеръ, благосклонный покровитель и государь мой! Съ того времени, какъ я сталъ мыслить, я уважалъ въ высокопочитаемой особѣ Вашей, г. епископъ, большого знатока твореній природы и знатнаго покровителя занимающихся столь полезнымъ изслѣдованіемъ, ведущимъ къ познанію Создателя, а потому, всякій разъ, когда я во время путешествій моихъ дѣлалъ какую-либо находку, включалъ Васъ, г. епископъ, въ число тѣхъ, которыхъ я отличалъ какъ моихъ соучастниковъ. Уже два года тому назадъ я постарался исполнить эту обязанность пересылкою маленькой минералогической коллекціи, но узнаю теперь къ сожалѣнію отъ друга моего, господина Лекселя, что благое намѣреніе мое не осуществилось! Теперь я опять посылаю нѣсколько штуфовъ, и просилъ господина Гадда[863]) о передачѣ ихъ въ кабинетъ вашего преосвященства. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнадеживаю Васъ въ будущемъ: какъ скоро нападу на что-нибудь достопримѣчательное, то всегда подѣлюсь имъ съ вашимъ преосвященствомъ. Пребываю со всѣмъ почтеніемъ, преосвященнѣйшій господинъ епископъ и проканцлеръ, благосклонный покровитель и государь мой, Вашъ покорнѣйшій слуга Эрикъ Лаксманъ, Acad. Imp. Petropol. sodalis et professor chym. ord.»

Стр. 100, *строка* 18. Линней въ письмѣ 1774 $\frac{18}{12}$, м. пр., пишетъ Варгентину (у Эрлинга, стр. 450): Безконечная благодарность за пакетъ, лежавшій въ конторѣ академіи наукъ; въ немъ было 200 сортовъ сѣмянъ изъ Сибири»; это относится безъ сомнѣнія къ той коллекціи, о которой, какъ намъ извѣстно, упоминали Лаксманъ (стр. 98) и Лексель (стр. 96). О продолженіи переписки своей съ Линнеемъ пишетъ Лаксманъ также въ письмѣ къ Меннандеру 1778 $\frac{30}{6}$.

Стр. 105, *строка* 25. О бумагахъ Лаксмана см. стр. 4.

Стр. 109, *строка* 32. Лаксманъ говоритъ подробно объ этомъ изслѣдованіи своемъ въ письмѣ къ Меннандеру 1778 $\frac{30}{6}$.

Стр. 118, *строка* 2. О бумагахъ Фалька и о поѣздкѣ

въ Молдавію упомянуто мимоходомъ въ письмѣ Лаксмана къ Меннандеру 1776 $\frac{9}{2}$.

Стр. 120 и 121. Нѣкоторыя подробности о посѣщеніи Густавомъ III въ письмѣ Лаксмана къ Меннандеру 1778 $\frac{30}{6}$.

Стр. 121 — 129. Что тутъ приведено за годы 1776—1778, а также многое изъ болѣе раннихъ періодовъ жизни Лаксмана, становится гораздо полнѣе, благодаря содержанію слѣдующихъ 4 писемъ, написанныхъ имъ къ Меннандеру, всѣ изъ Петербурга:

a) 1776 $\frac{9}{2}$. «Преосвященнѣйшій г. архіепископъ и прокацлеръ, благосклонный покровитель мой. Уже давно я считалъ долгомъ моимъ засвидѣтельствовать вамъ письменно почтеніе мое; весьма часто я думалъ объ этой моей обязанности, и такъ же часто отъ всего сердца испрашивалъ вашему преосвященству благодати и силъ отъ верховнаго Господа нашего на весьма необходимое веденіе дорогого стада, которое въ наше равнодушное и легкомысленное время такъ часто водится небрежно и питается вредными плевелами. Но я не желалъ затруднять ваше преосвященство пустымъ письмомъ, а для пересылки нѣкоторыхъ маленькихъ новинокъ не оказалось случая раньше какъ теперь черезъ господина магистра Авелла́на[864]), котораго я просилъ лично передать вашему преосвященству эти строки вмѣстѣ съ приложеннымъ пакетомъ.

«Обремененный многими дѣлами, требующими времени и силъ, я еще не имѣлъ чести сдѣлать что-либо въ пользу Societas suecana pro fide et christianismo, по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ, а также, несмотря на всѣ старанія, не могъ добиться желаемыхъ свѣдѣній о нынѣшнемъ положеніи этого почтеннаго общества, ни получить всѣ изданныя имъ сочиненія, вѣроятно потому, что корреспондентъ мой, г. профессоръ Бергіусъ, очень занятъ.

«Занятія по химіи въ продолженіе этихъ послѣднихъ двухъ лѣтъ дали мнѣ много работы, а равно разработка моихъ сибирскихъ замѣтокъ и молдавскаго путешествія. Кромѣ того я взялся привести въ порядокъ и издать сочиненія искуснаго, столь страннымъ образомъ умершаго профессора Фалька, написанныя безъ всякаго порядка на болѣе чѣмъ 7000-ахъ листовъ и лоску-

товъ. Дѣйствительно весьма трудная обязанность, которую я принялъ лишь для такого честнаго друга, какимъ былъ Фалькъ.

«Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія моего въ Сибири, я сдѣлалъ счастливое химическое открытіе, состоящее въ рафинированіи и очищеніи *поваренной соли* отъ всѣхъ находящихся въ ней чуждыхъ примѣсей, безо всякихъ расходовъ, однимъ дѣйствіемъ мороза. Это основываетси на томъ, что всѣ прочіе соляные растворы (*Nitrum*, *Alumen*, *Vitriolum*, *Borax* и т. д.) въ сильномъ холодѣ превращаются въ ледъ, растворъ же поваренной соли не замерзаетъ, а сгущается и тѣмъ очищается отъ всѣхъ смѣшанныхъ съ нимъ другихъ соляныхъ породъ, которыми въ Россіи являются *Глауберова соль*, *Натръ* или горькая соль и *Alkali minerale*. Это открытіе весьма важно для Россіи, имѣющей нѣсколько тысячъ соляныхъ озеръ, изъ которыхъ большинство пока безполезно и негодно по причинѣ вышеупомянутыхъ соляныхъ породъ, которыя присутствіемъ своимъ дѣлаютъ поваренную соль горькою и слабительною. Лѣтомъ очищеніе должно производиться химически и съ большими издержками, а зимою сама природа оказываетъ эту важную услугу. Въ 1769 г. я представилъ Ея Императорскому Величеству подробное описаніе моего способа, но тяжкая война и внутреннія смуты помѣшали просвѣщенной императрицѣ думать о немъ. Теперь въ непродолжительномъ времени я намѣренъ испросить себѣ милостивое дозволеніе посредствомъ печати объявить объ этомъ открытіи, а то кто-либо другой можетъ напасть на него и присвоить открытіе себѣ. Я повѣряю это однакожъ вашему преосвященству подъ секретомъ, какъ моему покровителю.

«При этомъ надежномъ случаѣ препровождаю японскую монету, найденную русскими купцами въ 1764 г. у дикарей на Алеутскихъ островахъ, лежащихъ отъ Камчатки далѣе къ востоку. Лишь двѣ штуки тогда были привезены оттуда [865]). Одна, немного короче, болѣе четырехугольная и почти на половину состоящая изъ серебра, была поднесена Ея Императорскому Величеству и затѣмъ при собственноручной запискѣ [866]) ввѣрена храненію Императорскаго монетнаго кабинета, состоящаго подъ надзоромъ академіи наукъ. Эту же другую я получилъ за труды свои при разработкѣ несвязно написаннаго отчета и дневника

упомянутаго купца, что затѣмъ доставило имъ величайшую честь при дворѣ. Я, безъ лицемѣрія и постороннихъ цѣлей искренно уважающій великаго короля Швеціи и настоящаго отца государства, Густава III, прошу ваше преосвященство при удобномъ случаѣ предоставить этой въ Россіи весьма рѣдкой вещи мѣсто въ кабинетѣ Его Королевскаго Величества, какъ небольшое выраженіе глубочайшаго почтенія моего, и передать, что также внѣ границъ Швеціи существуютъ люди, проливающіе слезы умиленія и хвалящіе Бога за поднятіе ее мудрымъ королемъ изъ униженія и смятенія. Впрочемъ я желаю, чтобы это оставалось постоянной тайной, не то подозрительные люди легко найдутъ о чемъ подумать.

«Какъ только мнѣ будетъ дозволено посредствомъ печати опубликовать открытіе мое объ очищеніи поваренной соли, буду имѣть удовольствіе, подъ адресомъ вашего преосвященства, представить весь способъ изслѣдованія со всѣми опытами Его Королевскому Величеству. — Вышеупомянутая монета вложена въ С.-Петербургскій придворный календарь, который имѣю честь поднести вашему преосвященству.

«Поручая себя въ постоянное благорасположеніе ваше, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ, преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ и проканцлеръ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Э. Лаксманъ.»

b) 1776 $\frac{20}{5}$: «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ. Велика была бы радость моя, еслибъ только я былъ осчастливленъ почтеннѣйшимъ письмомъ вашего преосвященства. Но такъ какъ я удостоиваюсь такихъ великолѣпныхъ знаковъ милости великаго короля, какъ полученныя мною двѣ большія золотыя медали [867], то во мнѣ пробуждаются чувства радости, которыхъ я никакимъ образомъ не въ состояніи описать. — Я приписываю это лишь великой милости, съ которою я имѣю счастіе незаслуженно быть вашимъ преосвященствомъ взысканъ. Это Онъ, Создатель свѣта, коего дѣла и непостижимые пути мы здѣсь въ бренности лишь весьма мало постигаемъ, это Онъ согрѣлъ сердце вашего преосвященства въ мою пользу. То же высокое Провидѣніе да дозволитъ этому пламени и впредь горѣть и да сдѣлаетъ меня достойнымъ такой благосклонности и дастъ

мнѣ случай, надѣюсь, дѣйствительно доказать, какъ глубоки чувство и почтеніе, съ которыми я постоянно пребываю вашего преосвященства покорнѣйшимъ слугою Эрикъ Лаксманъ».

c) 1778 $\frac{30}{6}$: «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ, благосклоннѣйшій покровитель мой. Наконецъ-то имѣю честь представить вашему преосвященству мое покорнѣйшее письмо и при немъ послать ящикъ большею частью сибирскихъ минераловъ. Я знаю, что люди, занимающіе важнѣйшія мѣста, слишкомъ часто должны удѣлять бо́льшую часть дорогого своего времени на прочтеніе ненужныхъ, обезпокоивающихъ и льстивыхъ посланій, которыми большая толпа не безъ корыстныхъ умысловъ обыкновенно утруждаетъ ихъ, почему я поставилъ себѣ закономъ не обременять покровителей моихъ письмами, ежели въ то же время не могу доставить нѣкоторое развлеченіе. Это единственная причина, почему я такъ долго не писалъ вашему преосвященству, котораго отъ души уважаю и благословляю.

«Приложенный ящикъ, въ которомъ находится довольно полная коллекція, Екатеринбургскихъ золотыхъ рудъ прошу васъ принять какъ небольшой залогъ глубокаго моего почтенія къ вашему преосвященству! Эти руды весьма замѣчательны тѣмъ, что довольно ясно показываютъ перемѣны, происходящія въ минеральномъ царствѣ. Въ продолженіе 14 лѣтъ я изслѣдовалъ ихъ во многихъ отношеніяхъ и имѣлъ часто невыразимое словами удовольствіе благоговѣйно разсматривать чудеса великаго Творца природы.

«Минералофилы, покупавшіе штуфы у торгующихъ минералами лишь съ намѣреніемъ пріобрѣсти значительную коллекцію, принимали за золото все то, что́ блеститъ и что́ было выдаваемо за золото. Минералоги же, часто изслѣдовавшіе такія золотыя руды, почти всегда находили противоположное тому, что́ было показано. Они слѣдовательно дошли до другой крайности, отрицая присутствіе благороднаго золота въ простыхъ, хотя блестящихъ колчеданахъ; такимъ образомъ они пренебрегали большинствомъ золотоносныхъ породъ, такъ тщательно хранимыхъ въ минералогическихъ кабинетахъ, чему также въ нѣкоторой мѣрѣ содѣйствовалъ предразсудокъ, будто мѣсторожденія золота слѣдуетъ отыс-

кивать въ болѣе благородныхъ породахъ, нежели въ простыхъ песчаныхъ и шиферныхъ горахъ, и въ болѣе жаркихъ климатахъ, чѣмъ въ холодномъ сѣверномъ. Генкель (Henkel[868]), извѣстнѣйшій минералогъ своего времени, но нѣсколько поспѣшный въ сужденіяхъ своихъ, относился къ колчедану по содержанію въ немъ золота, слишкомъ круто, а послѣ него великое число маленькихъ новыхъ описателей минераловъ отнеслись еще круче. Что́ бы теперь сказалъ Генкель?

«Въ то же время, какъ Кронстедтъ издалъ минералогію свою, аббатъ Шапъ (Chappe), возвращаясь изъ Тобольска, привезъ нѣкоторыя изъ этихъ золотыхъ рудъ съ собою въ Парижъ. До того онѣ внѣ Россіи были мало или вовсе не извѣстны. Господинъ Сажъ, французскій химикъ, человѣкъ по легкомыслію весьма похожій на свою націю, болѣе склонный къ выработкѣ спекуляцій за письменнымъ столомъ, чѣмъ къ потѣнью у огня и дыма въ химической лабораторіи, тотчасъ перенялъ мысли Кро́нстедта относительно *серебряной роговой руды*, о которой этотъ маститый минералогъ, per anologiam chemicam, считалъ, что она была превращена въ руду при помощи acidum salis communis, и заключилъ весьма плодотворно: должно ли одно́ серебро имѣть честь быть превращеннымъ въ руду кислотой поваренной соли? Нѣтъ, свинцовый шпатъ, галмей, оловянныя руды, желѣзный шпатъ, кубическая золотая руда и т. д. должны пользоваться тѣмъ же преимуществомъ. И такъ онъ пишетъ въ своихъ opuscul. chemiques, что эта золотая руда посредствомъ кислоты поваренной соли превращена въ руду, и приводитъ массу мнимыхъ опытовъ по обыкновенному химическому шаблону. Господинъ Палласъ[869]), хорошій зоологъ, но слабый ботаникъ и еще худшій минералогъ, описалъ эти минералы по ихъ внѣшнему виду, насколько былъ въ состояніи, и сумѣлъ тутъ одинаково хитро, какъ прежде и послѣ того, воспользоваться трудами покойнаго Фалька и другихъ. Все это вызывало меня въ продолженіе многихъ лѣтъ точнѣйшимъ образомъ изслѣдовать эти золотыя руды. Пока подробное разсужденіе мое объ этомъ появится въ печати, приложенное здѣсь краткое описаніе покажетъ, насколько я дошелъ до истины».

«Вѣроятно еще въ это лѣто, къ осени я буду имѣть честь представить вашему преосвященству и другой ящикъ.

«Мерзкое поведеніе[870]) Ингмана очень обезпокоило меня. Мои физіономическія наблюденія съ перваго дня, когда я увидѣлъ его, сдѣлали его у меня весьма подозрительнымъ, такъ что я уже тогда написалъ о томъ какъ покойному Линнею, такъ и господину Бергіусу. Легкомысленное поведеніе въ министерствѣ никогда не можетъ считаться заслугою. Степеннымъ поведеніемъ искусный человѣкъ можетъ оказывать гораздо болѣе услугъ королю и отечеству своему.

«Во время пребыванія здѣсь Его Величества, я не имѣлъ счастья говорить съ нимъ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ академіи. Я пытался нѣсколько разъ достигнуть этой милости, но меня ни разу не впустили къ графу Шефферу. Можетъ-быть, лакеи находили, что я былъ не довольно изящно одѣтъ.

«Съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ поручаю себя милости вашего преосвященства и пребываю постоянно вашего преосвященства покорнѣйшимъ слугою Э. Лаксманъ.»

«*P. S.* Красивая коллекція шведскихъ минераловъ, подаренная Его Королевскимъ Величествомъ здѣшнему горному училищу, сдѣлалась бы болѣе извѣстною и была бы лучше сохранена, если бы попала въ академію. Русскіе минералы, поднесенные Его Величеству, по здѣшнему неряшливому обычаю, были безъ выбора и вкуса, и къ тому же плохо описаны. Коллекція шлифованныхъ камней, подаренная Бецкимъ[871]) Ея Величеству, мною описана и означена нумерами. Я просидѣлъ цѣлыхъ двое сутокъ надъ нею, краткость времени не дозволила мнѣ сдѣлать лучшее описаніе.»

d) 1778 $\frac{30}{11}$: «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ, милостивый покровитель мой. При возвращеніи моемъ 16-го числа н. мѣсяца изъ 10-недѣльнаго путешествія, предпринятаго на счетъ академіи наукъ къ Бѣлому морю, съ физическою цѣлью, я имѣлъ счастіе получить уважаемое письмо вашего преосвященства отъ 22-го сентября, изъ котораго я съ величайшею радостью узнаю, что каменныя породы, мною лѣтомъ препровожденныя, прибытіемъ своимъ доставили вамъ удовольствіе. Прежде чѣмъ буду имѣть честь представить почтительнѣйшій отвѣтъ мой,

испрашиваю себѣ дозволеніе вкратцѣ разсказать кое-что о моемъ путешествіи.

«Такъ какъ здѣшняя академія наукъ для всеобщаго блага рѣшила издать энциклопедическое описаніе Русскаго государства, и на мою долю выпало описаніе большинства горныхъ странъ государства, какъ-то Сѣверныхъ горъ между морями Ледовитымъ и Балтійскимъ, Карпатскихъ горъ, начинающихся въ Бѣлоруссіи и проходящихъ частью къ Средиземному морю, Mons Alanus древнихъ географовъ или высокій флецъ въ серединѣ Россіи, откуда почти всѣ большія рѣки — Волга, Донъ, Днѣпръ, Двина и притоки Волхова берутъ свое начало, и наконецъ всей Сибирской горной страны, отдѣляющей Китай отъ сѣверной Азіи, начиная съ рѣки Иртыша до Камчатскаго моря и Тихаго океана, — то я счелъ обязанностію своею собственными глазами осмотрѣть поименованныя въ началѣ горы, равно какъ я раньше въ нѣкоторой мѣрѣ осматривалъ прочія.

«Хотя я очень поздно выѣхалъ отсюда, именно лишь 8-го сентября, и во многихъ мѣстахъ долженъ былъ терпѣть разнаго рода непріятности и даже опасности жизни, тѣмъ не менѣе я искренно сознаюсь, что избытокъ удовольствія, доставленный мнѣ созерцаніемъ твореній Создателя въ значительной мѣрѣ усладилъ всѣ затрудненія и превратилъ всю поѣздку въ пріятное препровожденіе времени. Итакъ я теперь видѣлъ почти всѣ горныя страны Россіи, по крайней мѣрѣ частями, и имѣлъ случай собственными руками собирать для себя и друзей своихъ разныя минералогическія мелочи, такого свойства, что всегда было бы напрасно ожидать чего-либо подобнаго отъ горныхъ офицеровъ. Также я въ состояніи исправить разныя басни, распространенныя какъ рудокопами, такъ и неопытными минералофилами, преимущественно относительно этихъ сѣверныхъ горъ, находящихся между Ледовитымъ моремъ и озерами Ладогою и Онегою.

«Такъ какъ рудныя жилы въ нихъ рѣдко доходятъ до значительной глубины, то вся страна названа была наносами — Geschübe, которые будто бы получили свой нынѣшній видъ вслѣдствіе ужаснаго переворота. Другіе называли ихъ флецверками, образованными будто бы Ноевымъ потопомъ, и такъ далѣе.

«Я долженъ сознаться, что я, хотя съ размышленіемъ разсматривавшій многія горныя страны, никогда и нигдѣ не видалъ такъ правильно сформированныхъ горъ, какъ эти сѣверныя. Всѣ онѣ проходятъ параллельно съ сѣвера на югъ и весьма умѣренной вышины, такъ что нигдѣ не найти ни одного глетчера. Со своими нѣсколько болѣе низкими поперечными соединеніями онѣ окружаютъ безчисленное множество большихъ и малыхъ озеръ, такъ что вся мѣстность черезъ это дѣлается похожею на сѣть. Съ величайшимъ умиленіемъ я убѣдился въ томъ, что онѣ одинаковой древности съ нашимъ земнымъ шаромъ. Такъ какъ онѣ вездѣ стоятъ открыто, то ихъ жилы, а въ томъ числѣ и рудныя виды на самой поверхности. Я замѣтилъ, что рудныя жилы, идущія параллельно со своими горными хребтами, болѣе постоянны и надежны, чѣмъ тѣ, которыя пересѣкаютъ хребетъ. Во многихъ мѣстахъ я съ удивленіемъ видѣлъ кристаллически образованныя руды, столь же тонкія, какъ брабантскія кружева, совершенно неповрежденными, роскошно выставляющими и соединяющими жилы свои на самой поверхности горы, гдѣ онѣ не позже сотворены, чѣмъ когда Создатель всемогуще отдѣлилъ воду отъ суши, когда суша вслѣдствіе давленія трескалась и трещины наполнялись разными минеральными соками, выжатыми изъ затвердѣвающихъ болѣе грубыхъ породъ, и давшими осадки по мѣрѣ того какъ ихъ menstrua мало по малу испарялись, каковые осадки и могли удобно принять характеръ, свойственный имъ по закону природы.

«Я изумился, видя, что бушующій потопъ, безъ сомнѣнія разливавшійся черезъ эти скалы въ той же мѣрѣ, какъ и черезъ Альпы южной Европы, натаскавши къ южнымъ берегамъ озера Онеги не только коралловъ и раковинъ собственно Ледовитаго моря, но и африканскихъ слоновъ и морскихъ животныхъ Индійскаго океана, не былъ въ состояніи привести въ безпорядокъ и разрушить вышеназванную красивую сѣть или кружевоподобныя руды, которыя блистали въ своихъ прожилкахъ, проходившихъ туда и сюда черезъ трапповые и гнейсовые холмы. Какъ это возможно, чтобъ этихъ кристаллизацій не могли разрушить тѣ огромные гранитные валуны, которые тогда нагромоздились изъ глубинъ пучины и лежатъ на южномъ гранитномъ основаніи этихъ горъ, начиная съ 61 и до 62 градуса сѣверной широты,

и наполняютъ въ неимовѣрномъ количествѣ всю Новгородскую губернію и бóльшую часть Финляндіи!

«Я не могу не назвать эту сѣверную горную страну минералогическимъ кабинетомъ природы: нигдѣ рудокопъ и минералогъ не можетъ лучше изучить не только простираніе и падені е, лежаніе и висѣніе рудныхъ жилъ и такъ далѣе, но также значеніе первобытныхъ горъ и холмовъ болѣе позднихъ временъ. Никакія окаменѣлости не встрѣчаются раньше, чѣмъ у юго-восточнаго берега Онежскаго озера, гдѣ скелеты слоновъ и произведенія Ледовитаго моря иногда вмѣстѣ выкапываются въ флецахъ въ большомъ количествѣ. Въ желѣзистыхъ водахъ, которыми пользовался императоръ Петръ Великій, мы находимъ въ массѣ желѣзной охры множество минерализованныхъ въ желѣзную руду березъ и другихъ деревъ, но они лишь опустились въ болото, гдѣ увязли и были проникнуты желѣзистою водою. Не хочу болѣе утруждать ваше преосвященство этимъ описаніемъ, такъ какъ въ скоромъ времени надѣюсь имѣть честь поднести описаніе всего путешествія.

«Относительно минераловъ, о которыхъ вашему преосвященству угодно было напомнить, я уже принялъ надлежащія мѣры, и буду имѣть честь представить ихъ въ началѣ лѣта. Тогда же я перешлю полную коллекцію *мрамора*, *яшмы* и породъ *агата* съ другими мелочами. Но надѣюсь еще въ эту зиму имѣть удовольствіе представить вашему преосвященству кое-какія изъ этихъ вещей. — Еслибъ я зналъ, что нѣкоторыми вполнѣ хорошими термометрами своей работы могу услужить вамъ, то переслалъ бы ихъ. Многолѣтнимъ прилежаніемъ я дошелъ до того, что для препровожденія времени изготовляю разные физическіе инструменты, довольно изрядные, соперничая съ англичанами.

«Ваше преосвященство не повѣрите, что я уже давно думалъ о господинѣ Реннерусѣ [872]), преклонность лѣтъ котораго меня очень трогаетъ. Я желалъ бы быть ему полезнымъ. Если Всевышній даруетъ мнѣ нѣкоторый успѣхъ, то первою моею обязанностію будетъ сдѣлать дни старости его беззаботными и довольными. Незадолго до отъѣзда моего въ сѣверную часть Новгородской губерніи, или къ Бѣлому морю, онъ былъ у меня и былъ довольно здоровъ.

«Господинъ профессоръ Лексель находится здѣсь. Болѣе пользы онъ приносилъ бы не въ Або, а въ другомъ университетѣ, болѣе близкомъ къ границѣ. Иностранцы черезъ него могли бы привлекаться въ шведскія академіи, особенно еслибъ также и по другимъ наукамъ находились люди равные ему. Счастливъ господинъ Лексель: еслибъ только ему была оказана малѣйшая несправедливость, онъ можетъ оставить Петербургъ. Онъ вполнѣ достоинъ такого счастія. Я, напротивъ, съ дѣтства обязанный бороться съ бѣдностію и убожествомъ, и безъ малѣйшаго ходатайства покровителей, самъ съ величайшимъ трудомъ пробивавшій себѣ дорогу, принужденъ также и впредь нести свое иго и навсегда оставаться пасынкомъ. Да научитъ меня Господь почитать Его Промыслъ и познавать мое ничтожество!

«Въ прошломъ году въ имѣніи Хомманэсъ, въ одной милѣ отъ города Борго, умеръ единственный дядя моей покойной матери, майоръ Стефанъ Лэвингъ, почти ста лѣтъ отъ роду. Онъ вѣроятно былъ изъ послѣднихъ молодцовъ Карла XII. Можетъ-быть, ваше преосвященство имѣли случай видѣть его у покойнаго соборнаго пробста Лавреуса, который былъ его шуриномъ. Его маленькое наслѣдство досталось одной изъ моихъ непристроенныхъ двоюродныхъ сестеръ, дѣвицѣ Рэслингъ, а я желалъ бы получить его дневникъ, наполненный разными анекдотами о войнѣ; онъ вѣроятно находится въ рукахъ одного изъ лекторовъ въ Борго.

«Всевышній да поддержитъ ваше преосвященство и да укрѣпитъ васъ въ дни наступающей старости! Пребываю съ безграничнымъ уваженіемъ вашего преосвященства покорнымъ слугою Эрикъ Лаксманъ.»

Стр. 126, *строка* 18. О нумизматической коллекціи Лаксмана находится нѣсколько свѣдѣній въ его письмахъ къ Меннандеру 1776 $\frac{9}{2}$ и 1780 $\frac{4}{1}$, $\frac{2}{2}$ и $\frac{24}{10}$.

Стр. 126, *строка* 37 *и прим.* 394. За эти медали благодарственное письмо Лаксмана къ Меннандеру 1776 $\frac{20}{5}$.

Стр. 127, *строка* 34. Относительно этого комитета и послѣдовавшей по этому поводу поѣздки Лаксмана, уже въ 1778 г. (8-го сент. — 16 ноября) предпринятой въ мѣстности между Ладогою, Онегою и Бѣлымъ моремъ, см. его письмо къ Меннандеру 1778 $\frac{30}{11}$.

Стр. 132, *строка* 4. Болѣе объ этой поѣздкѣ (1779$\frac{17}{6}$—$\frac{21}{12}$) см. письмо Лаксмана къ Меннандеру 1780$\frac{4}{1}$.

Стр. 141, *строка* 20. По письму Лаксмана къ Меннандеру 1780$\frac{4}{1}$ эта опасность для его жизни была 6-го (не 5-го) ноября 1779 г.

Стр. 143—150. Отъ 1780 г. имѣются 3 слѣдующія письма отъ Лаксмана къ Меннандеру, всѣ написанныя изъ Петербурга:

1) 1780$\frac{4}{1}$: «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ и проканцлеръ, благосклоннѣйшій покровитель мой! Желаю вамъ въ начавшемся новомъ году много милости и благословенія отъ вѣчнаго Источника здоровья, дарующаго всякое благополучіе. Вождь блаженства нашего да ниспошлетъ дорого купленной паствѣ своей удовольствіе еще долго имѣть въ особѣ вашего преосвященства любимаго и уважаемаго пастыря!

«Нѣсколько дней тому назадъ я возвратился домой изъ поѣздки, продолжавшейся полгода, съ физическою цѣлью, исполненной мною по высочайшему повелѣнію черезъ части губерній: Новгородской, Псковской, Тверской, Московской и Архангельской. Во время этого путешествія болѣе чѣмъ въ 6,000 верстъ и сдѣланнаго въ овалѣ между 55 и 65 градусами широты, я опять имѣлъ случай разсматривать чудеса Творца и радовался ежедневно Его величію. Почти осязательно я позналъ, что возвышенность въ серединѣ Россіи, откуда вытекаютъ Волга, Двина, Днѣпръ, Донъ и множество меньшихъ рѣкъ, есть великое твореніе Всевышняго, лишь потопомъ совершенное, и кажется, здѣсь ранѣе было дно великаго озера или морского залива. Теперь я убѣдился, что едва ли можно считать эту возвышенность уступомъ или прибавленіемъ Скандинавскаго подковообразнаго хребта, окружающаго Шведское государство и теряющагося восточнымъ концомъ своимъ въ глубинѣ большихъ озеръ Ладоги и Онеги: я нашелъ, что эта обширная возвышенность выше всего при истокахъ упомянутыхъ рѣкъ и постепенно опускается на всѣ стороны, наперекоръ показаніямъ новѣйшихъ минералоговъ и ориктографовъ. Уже въ 1772 году, во время поѣздки моей къ Черному морю и Карпатскимъ горамъ, я убѣдился, что она не находится въ связи съ этимъ горнымъ хребтомъ.

«До того я не зналъ хорошенько, на сколько Скандинавскій хребетъ простирается къ востоку, и полагалъ съ нѣкоторыми минералогическими вольнодумцами, что онъ находится въ связи съ Уральскими горами; но лишь теперь, объѣхавши весь его юго-восточный край, я убѣдился, что онъ уже совершенно теряется между озеромъ Онегою и рѣкою того же имени. *Соляные источники* представляютъ вѣрнѣйшее доказательство прекращенія горнаго хребта, а вдоль этой рѣки ихъ множество; да и сама рѣка Онега переливается черезъ известковыя и гипсовыя гряды, намытыя потопомъ, который обильно усѣялъ ихъ остатками различныхъ морскихъ животныхъ. Изъ *соляныхъ источниковъ* у деревень Клещовой, Турчасовки, Владизная и Пегельской, отдаленныхъ отъ Бѣлаго моря на 100 или 150 верстъ, въ изобиліи варится соль, къ величайшему ущербу для лѣсовъ, а между тѣмъ было бы весьма удобно устроить градирни.

«Большинство острововъ и скалъ въ Бѣломъ морѣ состоитъ изъ гранита съ *базальтовыми*, *слюдяными* и *гранатными* жилами. Между свѣтлою, прозрачною *слюдою*, ломаемою у Керета, находится также очень много черно-коричневой, въ большихъ листахъ, обильнѣе всего у южныхъ береговъ. Въ сѣверо-западномъ заливѣ находятся *трапповыя*, *серпентиновыя* и *гнейсовыя* горы съ богатыми рудными жилами на извѣстномъ Медвѣжьемъ острову[873]) и на окрестныхъ островахъ. Съ прискорбіемъ я видѣлъ, какъ морская вода, съ величайшимъ и невознаградимымъ опустошеніемъ лѣсовъ, тамъ варится въ 44 солеварняхъ, а все-таки народъ во многихъ приходахъ съ іюля мѣсяца терпѣлъ большую нужду въ соли, и много рыбы, составляющей его единственную пищу и единственный способъ существованія, портилось и гнило.

«6-е ноября было для меня замѣчательнымъ днемъ: со мною случилось утромъ на разсвѣтѣ такое несчастіе, что ледъ проломился подо мною, въ 3 саженяхъ отъ лодки, въ то мгновеніе какъ я хотѣлъ сѣсть въ нее, чтобы плыть изъ губы рѣчки Шуи къ устью рѣки Кеми. Благоговѣю предъ всемогущимъ Богомъ, который въ этотъ опасный моментъ ободрилъ и подкрѣпилъ меня такъ, что я безстрашно проплылъ между льдинами до лодки, а затѣмъ поддержалъ меня, что я въ продолженіе цѣ-

лыхъ трехъ часовъ былъ въ состояніи мокрымъ вытерпѣть холодъ до скалы Павнаволокъ, въ 15 верстахъ. Здѣсь сперва была затоплена печь въ опустѣлой рыбачьей курной избѣ, а когда почти весь дымъ вышелъ, я влѣзъ туда, раздѣлся, высушилъ платье, согрѣлся и черезъ часъ былъ уже въ состояніи обходить всю скалу и во время продолжавшагося отлива искать морскихъ растеній и животныхъ. Лишь милости Всевышняго я обязанъ тѣмъ, что избѣгнулъ опасности, безъ малѣйшаго неудобства для моего здоровья.

«Во время моего отсутствія отсюда, открылось въ Швеціи и Финляндіи много вакансій, вслѣдствіе смертныхъ случаевъ. До сего я никогда никакой должности не искалъ, но теперь признаюсь, что желалъ бы сдѣлаться преемникомъ Прюсса[874]). Давно желалъ я жить въ землѣ, гдѣ религія и набожность еще почитаются. Цѣлыхъ 12 лѣтъ я былъ пасторомъ и учителемъ. О приходѣ въ Колыванскихъ рудникахъ я пекся съ величайшимъ стараніемъ, но по истеченіи контракта моего долженъ былъ оставить его, такъ какъ генералъ-лейтенантъ Порошинъ счелъ излишнимъ продолжать плату жалованья пастору. Друзья мои[875]) желаютъ мнѣ мѣста недавно умершаго Кальма. Полагаю, что академіи не пришлось бы стыдиться за меня, хотя признаюсь, что охотнѣе всего желалъ бы какого-либо мѣста въ южныхъ провинціяхъ.

«На внимательное разсмотрѣніе вашего преосвященства предоставляю это дѣло. Пока живу, хочу вести себя по волѣ Провидѣнія, а также постоянно и то безграничное уваженіе, съ которымъ пребываю, господинъ архіепископъ и проканцлеръ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Эрикъ Лаксманъ.

«*P. S.* Во время этого путешествія я собралъ болѣе 300 пудовъ минераловъ и окаменѣлостей, такъ что я въ состояніи одолжать друзей и корреспондентовъ своихъ. Тотчасъ по вскрытіи водъ я перешлю вашему преосвященству все то, что́ обѣщалъ. Но до того я еще постараюсь доставить оловянные оттиски всѣхъ русскихъ медалей».

2) 1780 $\frac{2}{2}$: «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ. При семъ вся коллекція медалей, которую въ послѣднемъ письмѣ своемъ обѣщался доставить. Я нахожу, что этотъ способъ го-

раздо удобнѣе, нежели имѣть ихъ изъ бронзы: можно вставлять въ папку обѣ стороны разомъ! Всевышній да ниспошлетъ вашему преосвященству всякое благополучіе! Съ безграничнымъ почтеніемъ пребываю вашего преосвященства покорнѣйшимъ слугою Эрикъ Лаксманъ».

3) 1780 $\frac{24}{10}$: «Преосвященнѣйшій господинъ докторъ и архіепископъ. Вчера я имѣлъ удовольствіе получить письмо вашего преосвященства отъ 18-го сего мѣсяца, изъ котораго усмотрѣлъ, что медали въ исправности получены, что̀ меня очень радуетъ.

«Въ минувшее лѣто я получилъ новыя доказательства чудной заботливости Провидѣнія. Я, желавшій попасть на Западъ для занятія каѳедры въ университетѣ, или мѣста при горномъ вѣдомствѣ въ Швеціи, долженъ совершенно неожиданно ѣхать на Востокъ, къ Тихому океану. По повелѣнію Ея Императорскаго Величества сенатъ спросилъ меня 15-го мая, желаю ли я сдѣлаться горнымъ совѣтникомъ при Нерчинскихъ рудникахъ, послѣ чего я, давъ утвердительный отвѣтъ, 29-го числа того же мѣсяца былъ произведенъ въ горные совѣтники. Начиная съ того времени я былъ очень занятъ и дѣлаю приготовленія для этого 8,000-верстнаго путешествія, которое при первомъ санномъ пути должно быть предпринято. Я опять буду находиться довольно далеко отъ родины, отъ друзей и ученаго міра, но за то могу утѣшаться разсматриваніемъ рѣдкихъ минераловъ и собираніемъ ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ надѣюсь отыскать разнообразные предметы.

«Большое безпокойство, которое по поводу поѣздки каждый день тяготитъ меня, не дозволяетъ мнѣ надлежащимъ образомъ отвѣчать на вопросъ вашего преосвященства относительно племенъ финскаго происхожденія, простирающихся отъ Ботническаго залива до рѣки Енисея, т. е. черезъ всю сѣверную Россію и Азію [876]). Штраленбергъ, Бреннеръ и другіе сказывали объ нихъ правду, что они говорятъ по-фински. Полоса отъ Москвы до Архангельска, наиболѣе заселенная русскими въ продолженіе послѣднихъ двухъ столѣтій, какъ бы перерѣзываетъ земли, населенныя Финнами. Я занимался этимъ вопросомъ и нашелъ остатки Финновъ въ мѣстностяхъ около Вологды и Галича.

«Ихъ языкъ вездѣ очень перемѣнился. Но Финнъ видитъ ясно у Вотяковъ, что *Pilem* и *Pilvi*, *Yi* = *Öö*, *Tyl* = *Tuli*, *Limi* = *Lumi*, *Nim* = *Nimi*, *Syser* = *Sisär*, *Kun* = *Kuningas*, *Nony* = *Nänä*, *Vir* = *Veri* и т. д. тотъ же языкъ, и то же самое у Чувашей, Черемисовъ, Вогуловъ, Остяковъ и т. д. Есть грамматики какъ вотяцкаго, такъ и чувашскаго языковъ[877]), но онѣ составлены, насколько возможно, согласно съ русскимъ языкомъ. Финнъ открылъ бы для публики гораздо больше сходства. Еслибъ вашему преосвященству пришлось попасть въ деревню упомянутыхъ племенъ, то вамъ казалось бы, что вы находитесь въ глубинѣ Тавастландіи или сѣвернаго Саволакса: такъ велико сходство въ постройкахъ, мебели и т. д. Но объ этомъ въ другой разъ! Пребываю съ величайшимъ почтеніемъ, преосвященнѣйшій епископъ, вашъ покорнѣйшій слуга Эрикъ Лаксманъ».

Стр. 145, *строка* 23. Лаксмана предназначали въ преемники Кальму, согласно письму къ Меннандеру 1780 $\frac{4}{1}$.

Стр. 147, *строка* 1. Лаксманъ самъ говоритъ о производствѣ своемъ по службѣ въ письмѣ къ Меннандеру 1780 $\frac{24}{10}$.

Стр. 160 и слѣдующія. Неясный намекъ на эту неудачу по службѣ заключается, какъ кажется, въ письмѣ Лаксмана къ Йэрвелю 1795 $\frac{5}{7}$ (ср. стр. 298).

Стр. 160, прим. 469. Въ новой копіи съ письма Портана, которую я впослѣдствіи получилъ, сказано совершенно ясно «растенія».

Стр. 183, *строка* 18. Здѣсь случилась неясность въ томъ отношеніи, что письмо (вѣрнѣе: письма), которое Лаксманъ будто отправилъ 1786 $\frac{19}{1}$, въ самомъ дѣлѣ въ этотъ день читалось въ академіи, слѣдовательно оно было отправлено въ концѣ 1785 года, хотя безъ обозначенія числа. Это опредѣленіе года утверждается еще и тѣмъ, что 26-го января въ академіи читалось другое письмо Лаксмана отъ 1785 $\frac{2}{12}$, при которомъ онъ представилъ наблюденія надъ высокими градусами мороза, сдѣланныя въ послѣдніе 5 дней ноября, и коллекцію сѣмянъ изъ Даурской пустыни, въ мѣстности рѣки Ононъ. Цитаты въ примѣчаніи 530 должны быть въ послѣдней строчкѣ 13, 14, 20, 28, 31 (вмѣсто 20, 21, 29, 32). — Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ послѣднія письма написаны изъ Талцынска, гдѣ, какъ кажется, онъ въ 1785 и 1786 годахъ большею частью и проживалъ (ср. стр. 197).

Стр. 193 *строка* 2. О помянутомъ письмѣ 1786 $\frac{10}{1}$, см. немного выше.

Стр. 204 *строка* 5, да *стр.* 255, *строка* 4 и прим. 687. На письменный запросъ мой, увѣдомляетъ меня проф. В. Фолькъ въ Дерптѣ, что въ Album studiosorum тамошняго университета значится нѣкто М. Геденстремъ, но что онъ умеръ пасторомъ 1865 г., не бывши въ Сибири. Помянутый естествоиспытатель, слѣдовательно, могъ быть лишь родственникомъ одного изъ многихъ Геденстремовъ, внесенныхъ, хотя подъ другими крестными именами, въ упомянутый альбомъ. Мнѣ не удалось, какъ я надѣялся, получить болѣе подробныя свѣдѣнія о М. Геденстремѣ даже изъ Тобольска, гдѣ онъ въ 1850-хъ годахъ около года находился на службѣ. Ср. стр. 304.

Стр. 217 *строка* 1. Это предположеніе подтверждается вполнѣ тѣмъ, что Карлъ Лаксманъ называется Густафьевичемъ въ письмѣ, приложенномъ къ тяжебному дѣлу (листъ 52), о чемъ подробнѣе въ прим. 851.

Стр. 229 *строка* 32. О поѣздкѣ къ Вилюю Лаксманъ уже 1791 $\frac{10}{3}$ написалъ письмо А. Спаррману (ср. прим. 656), изъ котораго приводится выписка въ еженедѣльной газетѣ Läkaren och naturforskaren (Врачъ и естествоиспытатель). Тамъ мы читаемъ:

«Какъ путешествующій рудокопъ, я не переставалъ дѣлать каждое лѣто обширныя поѣздки по сибирскимъ пустынямъ. Въ прошломъ году я старался познакомиться съ мѣстностью около Якутска и ѣздилъ все лѣто по Вилюю до истоковъ его. Вся эта обширная мѣстность — одинъ флецъ, весьма рѣдко гранитный холмикъ или базальтовая скала поднимаютъ свою вершину надъ наноснымъ пескомъ, иломъ и хрящемъ. Я увѣряю, что mappa Rossiae septentrionalis antediluviana имѣла совершенно иной видъ, нежели нынѣшняя карта: тогда берегъ Ледовитаго моря находился на тысячу верстъ слишкомъ болѣе къ югу, помянутыя гранитныя скалы были островами и болѣе высокіе хребты, между значительнѣйшими рѣками, образовали морскіе заливы.

«Съ того времени, какъ потопъ нанесъ туда массу хряща съ морскими гадами и индѣйскими животными, и такимъ образомъ преобразовалъ эту часть океана въ огромную равнину, гдѣ сол-

нечные лучи, за неимѣніемъ горъ, весьма скудно преломляются, тамошній климатъ, кажется, получилъ свой нынѣшній характеръ. Итакъ я полагаю, что якутскій холодъ начался лишь послѣ потопа. Я замѣтилъ, что поверхность земли промерзаетъ лишь на нѣсколько саженъ въ глубину; видѣлъ, что во многихъ мѣстахъ находились отличнѣйшіе источники подъ мерзлою землею.

«Самый замѣчательный феноменъ мѣстности, это *Соляная гора* у рѣки Кемпендея, въ 120 верстахъ отъ Вилюя, скала изъ кристалловидной соли безъ малѣйшей примѣси, болѣе 80 саженъ перпендикулярной высоты и, можетъ-быть, 40 верстъ въ діаметрѣ. Еще необыкновеннѣе *Соляной источникъ*, 40 верстами ниже у того же Кемпендея, который съ середины декабря до середины марта извергаетъ около 3,000,00 (sic!) пудовъ прекраснѣйшей соли ежегодно, изъ которой снѣгомъ и лѣтними дождями около 2,000,00 (sic!) пудовъ уничтожаются. Растворъ до того насыщенъ, что онъ едва соприкасается съ воздухомъ, какъ тотчасъ кристаллизуется въ кубическіе кристаллы.»

Стр. 274, *строка* 5. Тихменевъ, въ мѣстѣ, приведенномъ (1,109) въ концѣ примѣчанія 727, пишетъ: «Изъ разсказовъ японскихъ чиновниковъ, очевидно сочувствовавшихъ положенію Резанова, видно, что желаніе Русскихъ завязать торговыя сношенія съ Японіею получило бы наилучшій исходъ, если бы прибытіе посольства случилось вслѣдъ за посѣщеніемъ того края Лаксманомъ. Министръ, тогда руководившій государственными дѣлами, былъ совершенно расположенъ къ иноземцамъ, особенно къ такимъ близкимъ сосѣдямъ, какъ Русскіе, и нетерпѣливо ожидалъ возобновленія со стороны Россіи представленій касательно такого сближенія. Всѣ Японцы, особенно торговое сословіе, раздѣляли мнѣніе этого министра. Свѣтскій императоръ выказывалъ тоже при всякомъ удобномъ случаѣ особенную охоту къ торговому союзу съ Россіей. Но увы! Резановъ прибылъ въ Японію при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ и по смерти того министра. Его преемникъ слѣдовалъ совершенно противоположнымъ видамъ и особенно противился отступленію Японіей отъ сдѣлавшейся для нея правиломъ замкнутости отъ всего образованнаго міра. Русское посольство нашло себѣ поддержку только въ любимцѣ свѣтскаго императора, который былъ сердечно пре-

данъ планамъ прежняго министра, и несмотря на сопротивленіе тогдашняго, дѣло Резанова было уже рѣшено въ наилучшемъ для него видѣ въ японскомъ государственномъ совѣтѣ. Новый министръ, который во что бы то ни стало хотѣлъ дѣйствовать посвоему, держался противной стороны. Онъ успѣлъ убѣдить духовнаго императора, что рѣшеніе совѣта грозило неизбѣжною опасностію для истинной религіи, уничтожало укоренившіеся обычаи народа и, слѣдовательно, требовало участія въ дѣлѣ главы религіи. Духовный владыка Японіи, завидовавшій власти свѣтскаго императора и находившій для себя обиднымъ, что безъ его вѣдома прежнее правительство выдало Лаксману позволеніе Русскимъ посѣщать Нагасаки, объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на вредную въ религіозномъ отношеніи связь съ чужеземцами и своею властію запрещаетъ нарушать государственный законъ. Правительство должно было противъ своей воли молчать при такомъ приговорѣ, и Резановъ, котораго со всѣхъ сторонъ увѣряли въ успѣхѣ его предположеній, вдругъ получилъ неожиданный отказъ.»

— Развѣ это значитъ писать исторію? Все лишь однѣ выдумки! Вѣроятно однакожъ Тихменевъ заимствовалъ какойнибудь разсказъ у самого Резанова, но заимствовалъ его безъ критики, лишь для того, чтобъ нанести ударъ Лаксману, болѣе счастливому въ своемъ предпріятіи. Если описанныя здѣсь обстоятельства дѣйствительно существовали, то непонятно, почему ни Крузенштернъ, ни Лангсдорфъ, ни кто-либо другой изъ достовѣрныхъ современныхъ писателей и участниковъ въ этихъ событіяхъ о томъ ничего не знали.

Стр. 305 *строка* 6. Надежда моя изъ Тобольска получить болѣе подробныя свѣдѣнія о смерти Лаксмана не осуществилась. Именно товарищъ мой, проф. А. Альквистъ, въ продолженіе лѣта посѣтившій это мѣсто, увѣдомляетъ меня письмомъ, что тамошній архивъ за болѣе отдаленное время находится въ совершенномъ безпорядкѣ, вслѣдствіе того, что онъ, въ то время, когда губернское правленіе имѣло помѣщеніе свое въ нижнемъ городѣ (теперь оно находится на высокомъ береговомъ валу Иртыша), вслѣдствіе пожаровъ и сильныхъ наводненій рѣки, часто подвергался опрометчивымъ перемѣщеніямъ, а возникавшій отъ того безпорядокъ никогда не былъ отстраняемъ.

Стр. 319 и примѣч. 851. Болѣе подробное изложеніе содержанія этого обширнаго тяжебнаго дѣла (73 лист. folio) было бы, конечно, весьма поучительно, какъ объясняющее соціальное положеніе, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ отдаленныхъ окраинахъ сѣверо-восточной Сибири, но оно слишкомъ далеко отъ задачи настоящаго труда. Я не могу однакожъ не напечатать въ примѣчаніи по крайней мѣрѣ одно изъ писемъ Карла Лаксмана[878]), цѣлью котораго, какъ кажется, было, подъ видомъ рвенія къ общему благу, замаскировать свои корыстныя намѣренія. Также заслуживаетъ замѣчанія, что въ томъ же дѣлѣ встрѣчаются довольно подробные образцы языка Чукчей[879]) съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ, заключающіе въ себѣ переговоры и обязательства, съ которыми старшины Чукчей (между прочимъ въ присутствіи не разъ упомянутаго капитанъ-исправника Шмалева) переходили въ русское подданство.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр. значитъ страница.
с. в. » строка сверху.
с. н. » строка снизу.

1—16. *Стр.* 1. Büsching, Gesch. d. evang.-luth. Gemeinen in Russ. R. II (1767), 151 страница касается, равно какъ и 2 слѣд., лишь службы Лаксмана при Петровскомъ училищѣ и въ Барнаулѣ; Grot, Bemerk. üb. d. Religionsfreiheit im R. R. I (1797), 397; Lemmerich, Gesch. d. evang.-luth. Gemeinde St. Petri II (1862), 99 и слѣд.; Bernoulli, Reisen IV, 25 и слѣд., и V (1780), 24 и слѣд. 153 и слѣд.; Meusel, Lex. d. Schriftsteller. VIII (1808), 90 и слѣд.; Rotermund, Forts. von Jöchers Aug. Gelehrten-Lex. III (1810), 25 и слѣд.; Georgi, Beschr. d. R. R. I (1797), 59; Спасскій, Сибирск. Вѣстн. 1820, ч. X, 267—268, буквальный переводъ краткаго некролога (сочинитель котораго вѣроятно Эйлеръ, см. примѣч. 22) въ N. Act. Acad. Petrop. XIII (1827) 9 и слѣд. — томъ этотъ вышелъ уже въ 1802 г. (см. Gött. gel. Anz. 1804, 745), но заглавный листъ его былъ перепечатанъ въ 1827 г., хотя безъ заявленія о томъ, а за то заглавный листъ отъ 1802 г. весьма рѣдокъ; Евгеній, Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей I (1845): «Лаксманъ» придерживается, равно какъ и большинство новѣйшихъ, главнымъ образомъ некролога въ актахъ петербургской академіи; Rosenhane, Ant. t. vet. akad. hist. Stockh. 1811, 124. 412. 502. 521; P. Wieselgren, Sv. biogr. lex. VII (1841), 313 и сл.; O. Hjelt въ Finsk. vet. soc. bidrag X (1868), 196 сл.; Berg, Repert. d. Litt. üb. d. Mineralogie Russlands (1862), 165. 202; Poggendorff, Biogr.-literar. Handwörterb. I (1863), 1396; Meyer, Das grosse Conversat.-Lex. XIX (1851).

17. *Стр.* 1. Такъ сказано напр. у Мейера l. c.: «Erich Laxmann geboren 1730 zu Abo, † als Landes-Hauptmann unweit Tobolsk 1786», при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что Л. родился *не* въ 1730 г. и *не* въ Або, и умеръ *не* въ 1786 г., а также и *не* земскимъ капитаномъ. Подобныя же ошибки мы находимъ у Pierer'a, Univers.-Lex. 5. Aufl. X. У Oettinger'a, Moniteur des dates I (1866), s. v. онъ именуется даже «finnischer Staatsmann». — Между журналами: Hannöv. Magaz. 1765; Leipz. Zeit. v. gel. Sachen 1769; Jenaische Zeit. v. gel. Sachen 1769; Beckmann, Physik. ökon. Bibl. I—XXXIII (Götting. 1770—1808); Bacmeister, Russ. Bibl. I—XI (St. Pet. 1772—89); Busse, Journ. v. Russl. I—VI (St. Pet. 1794—96); Pallas, Neue nord. Beitr. I—VII (St. Pet. 1771—96); Tidn. af ett sällsk. i Åbo 1773; Uppfostr. sällsk. tidn.; Hist. o. stat. tidn. и мн. друг. приведенные на своихъ мѣстахъ.

18. *Стр.* 2. Такъ J. Grimm (D. Rechtsalterth.) признаетъ въ себѣ «eine unüberwindliche Neigung immer lieber fort zu untersuchen, als das Untersuchte darzustellen». Georgi просто называетъ Л. «ein träger Schriftsteller», (— «und ich glaube mit Recht», прибавляетъ, другой изъ друзей молодости его, Бекманъ), и это въ сочиненіи, въ которомъ цитаты изъ сочиненій Лаксмана простираются до нѣсколькихъ сотъ. Такимъ же образомъ выражается Malte-Brun, Précis de la géogr. éd 2, III, 410: «On regrette extrêmement qu'il ait si peu écrit», а однакожъ основываетъ множество детальныхъ свѣдѣній лишь на его авторитетѣ. — Это указываетъ на характеръ человѣка.

19. *Стр.* 6. О томъ ниже.

20. *Стр.* 8. Такъ написана фамилія въ метрикѣ прихода Семиге и въ матрикулахъ Боргоской гимназіи, финляндскаго университета и его выборгскаго отдѣла студентовъ, а равно и Бюшингомъ, Розенгане и вообще всѣми шведами и финнами, но впослѣдствіи имъ самимъ и современниками его, Палласомъ, Георги и др. чаще Laxmann. У Meusel'я онъ, вслѣдствіе опечатки, называется Lakman, въ Hannöv. Mag. (1765), 1276: Erich Capmann; въ Георги Beschr. d. R. R. онъ, вслѣдствіе опечатки, названъ сперва Capmann (I, 4), затѣмъ Lapmann (I, 42. 43. 55), но затѣмъ въ безчисленныхъ цитатахъ — настоящимъ именемъ его. Въ нѣмецкомъ изданіи петерб. экон. общ., Auswahl и т. д. I, 177, Lacksmann—транскрипція русскаго Лаксманъ. На заглавномъ листѣ одного изъ своихъ русскихъ сочиненій онъ пишетъ имя свое Кириллъ, въ замѣну скандинавскаго Эрикъ (также въ мѣсяцесловѣ съ росписью чиновныхъ особъ поперемѣнно: Эрихъ и Кириллъ, напр. 1781, 1788, 1789 и пр.). Часто встрѣчающаяся въ исторіи финляндскихъ епархій фамилія Lacmannus и Lackman принадлежитъ другому роду.

21. *Стр.* 8. Мѣстомъ рожденія его показывается также и г. *Або*

(Bernoulli, Meusel, Rotermund, Berg, Евгеній, Oettinger, N. Act. Петерб. академіи и Tableau général 1872, стр. 414, и отмѣтка въ архивѣ прихода Св. Петра), и *Кексгольмъ* Бергіусомъ въ Uppf. sällsk. tidn. 1786, № 18 (ср. 1785, № 57, здѣсь далѣе), Розенгане, Визельгреномъ и Ельтомъ. Онъ однакожъ не записанъ въ метрикахъ этихъ приходовъ. Кексгольмъ, кромѣ того, былъ русскимъ владѣніемъ гораздо раньше Лаксманова времени, а онъ самъ называетъ себя «природнымъ шведомъ» (смотр. письмо его 1769 $^{13}/_{4}$), что также засвидѣтельствовано Бюшингомъ, Гротомъ и др. Непостижима ошибка Бергіуса и Визельгрена, что Л. родился «шведскимъ подданнымъ въ Кексгольмѣ, прежде чѣмъ городъ этотъ сдѣлался русскимъ владѣніемъ» (!). Что *Нейшлотъ*, прежде никѣмъ не упоминаемый, былъ настоящимъ мѣстомъ его рожденія, выясняется положительно изъ многихъ сопоставленій. Въ пользу того служитъ свѣдѣніе, сообщенное Калоніусомъ, товарищемъ его по гимназіи. Сверхъ того древняя, теперь затерянная метрика прихода Семинге (къ которому принадлежитъ Нейшлотъ), согласно сообщенію, сдѣланному мнѣ проф. Акіандеромъ, гласитъ за 1739 годъ: «Мѣщанинъ Густавъ Лаксманъ и жена его Елена Фабриціусъ; онъ скончался 1756 г.; дѣти ихъ: Марія род. 1739 г. $^{18}/_{2}$, Густава род. 1741 $^{15}/_{1}$, Ларсъ род. 1742 $^{27}/_{9}$, Іоганъ род. 1745 $^{14}/_{1}$, Авраамъ род. 1749 $^{28}/_{8}$, Карлъ род. 1751 $^{17}/_{11}$, Елена Шарлотта род. 1753 $^{6}/_{8}$, Кристіанъ род. 1756 $^{15}/_{1}$. Списокъ этотъ, хотя и не упоминаетъ о сынѣ Эрикѣ, но причину тому слѣдуетъ полагать въ томъ, что въ помянутую метрику вошли вѣроятно лишь рожденные послѣ 1739 г. За то нельзя полагать, что семейство во время рожденія его проживало въ другомъ мѣстѣ (какъ я долго думалъ), ибо по сообщеніямъ заслуженнаго нашего сенатскаго архиваріуса, доктора Бомансона, въ поголовныхъ спискахъ Нижняго Саволакскаго уѣзда значится между жителями предмѣстья Нейшлота: Густавъ Лаксманъ въ годы 1733—1737, а въ 1738 году купеческій приказчикъ Лаксманъ съ ж. (= съ женою) и служанкою; что купеческій прикащикъ Густавъ Лаксманъ въ предмѣстьи и дѣвица Елена Фабриціусъ тамъ же» 24-го іюня 1737 г. «были женихомъ и невѣстою, здѣсь въ приходѣ Семинге и въ Нейшлотскомъ предмѣстьѣ, уплатившіе гербовую пошлину за огласительный билетъ на бракъ въ 1737 г.» (согласно приложенному пасторомъ П. Крогіусомъ списку, съ обозначеніемъ мѣста выдачи билета: «Семинге, Пихлаяньеми, 17-го января 1738 г.»); что въ 1751 г. Лаксманъ, вмѣстѣ съ педагогомъ Іог. Бушманомъ и др. подведены подъ графу «служащіе при школѣ», платящіе подушную подать за 3 человѣкъ (2 мужчинъ и одну служанку), а въ 1756 г. лишь за одну служанку; въ 1757 г. между жителями «Нейшлотскаго предмѣстья» упоминается «вдова Густава Лаксмана»; ея имя встрѣчается въ этихъ

спискахъ въ послѣдній разъ въ 1763 г. (вѣроятная причина тому указана въ прим. 63). Съ этими свѣдѣніями очень хорошо согласуются упоминаемыя въ протоколѣ Фридрихсгамской консисторіи (хранящемся въ г. Борго), что «Нейшлотскій купецъ Лаксманъ 1749 $^{22}/_{8}$ съ казною заключилъ условіе на постройку тамошняго зданія для педагогіи», а затѣмъ правительство въ 1750 $^{28}/_{11}$ обдумывало, какъ бы его, оказавшагося оплошнымъ, «лучше всего заставить исполнять свою обязанность». Впрочемъ, Лаксманъ самъ въ письмѣ отъ 1770 $^{9}/_{10}$ называетъ себя «двоюроднымъ братомъ» тогдашняго лектора, впослѣдствіи епископа М. I. Алопеуса, этимъ намекая вѣроятно на родство, въ которомъ они состояли, по крайней мѣрѣ вслѣдствіе того, что бабушка отца Алопеуса происходила изъ рода Фабриціусовъ, равно какъ и мать Лаксмана (ср. прим. 24). Что Л. «kein Schwede, sondern ein Finne war» повторяетъ Бекманъ многократно, сообщая о немъ въ своей Phys. Bibl XI, 263. XX 547. Ясно, что имя отца его было Густавъ, такъ какъ онъ самъ называется Густавовичемъ въ большинствѣ изданій Петербургскаго мѣсяцеслова.

22. *Стр.* 8. Этотъ годъ и число означены секретаремъ Петербургской академіи наукъ, въ біографической отмѣткѣ въ N. Act., которой слѣдуютъ Евгеній, Бергъ и др.; можно полагать, что она основывается на достовѣрномъ источникѣ. Калоніусъ (ср. прим. 33) по памяти заявляетъ, что Лаксманъ родился въ 1736 г. По заявленію Бернулли, съ которымъ согласуются Мёйзель, Ротермундъ и отмѣтка въ архивѣ церкви Св. Петра «um d. Jahr 1730». На основаніи свѣдѣній изъ поголовныхъ списковъ, сообщенныхъ въ прим. 21, является желаніе перенести рожденіе его на 1738 годъ.

23. *Стр.* 8. Калоніусъ. Ср. прим. 21, 33.

24. *Стр.* 8. Ср. прим. 21. Родъ Фабриціусовъ (Fabritius, Fabricius) широко развѣтвленъ по Финляндіи. Можетъ-быть, она была внучкою капеллана Іог. Лаур. Фабриціуса, находившагося въ Семиге отъ 1652 до 1663 г., а гдѣ прежде и послѣ того — неизвѣстно. Хранящійся въ Ганебергѣ, прихода Іоккасъ, послужной списокъ капеллана въ Молѣ, потомъ пастора въ Бьёркъ-ӭ (1697—1706) П. Фабриціуса, объ ней не упоминаетъ.

25. *Стр.* 8. Или «19 лѣтъ тому назадъ», какъ онъ самъ сообщаетъ въ письмѣ 1794 $^{7}/_{10}$.

26. *Стр.* 8 с. н. 19. По Калоніусу Ср. прим. 21. 33.

27. *Стр.* 8. Имя Лаксманъ, согласно свѣдѣнію, сообщенному докторомъ П. Тикканеномъ, встрѣчается между крестьянами прихода Рантасальми.

28. *Стр.* 8. См. его біографію въ Borgå tidn. 1843, № 50.

29. *Стр.* 9. Ср. прим. 21. О школьныхъ годахъ его, Калоніусъ.

30. *Стр.* 9. Изъ актовъ Боргоской консисторіи усматривается,

что помѣщеніе суда въ Рантасальми было предоставлено въ распоряженіе школы, но осенью 1749 г. было назначено для другой цѣли, почему и воспитанники должны были обучаться у своихъ учителей на дому; въ 1750 г. многіе изъ «самыхъ бойкихъ» учениковъ, за неимѣніемъ помѣщенія, оставили школу; что новое школьное зданіе было готово лишь въ 1752 г.; что крестьяне въ приходахъ Исальми, Куопіо, Леппевирта, Іоройсъ и другихъ въ 1754 г. взялись построить особое зданіе возлѣ школьнаго дома для учащейся молодежи; что еще въ 1756 г. слышны жалобы на недостатокъ въ помѣщеніяхъ, почему учителя или пропускали уроки, или же съ учениками отправлялись въ другія мѣстности (напр. Агандеръ, даже до Исальми); что, несмотря на все это, въ школѣ еще въ 1754 г. считалось: въ ректорскомъ классѣ 5, въ конректорскомъ 8, въ классѣ collegae superioris 11, collegae inferioris и apologistae также 11, или всего 35 учениковъ. — Сообщено коллегою, магистромъ I. М. Саленіусомъ.

31. *Стр.* 9. с. н. 5. Согласно матрикулу Боргоской гимназіи.— Фабриціусы были внуки Бьеркэскаго пастора, упомянутаго въ прим. 24.

32. *Стр.* 10. Калоніусомъ.

32a. *Стр.* 10. См. исторія Боргоской гимназіи, сост. Алопеусомъ, стр. 174.

33. *Стр.* 10, с. н. 3. Въ письмѣ къ Йёрвелю, заключающемъ различныя біографическія свѣдѣнія о Лаксманѣ, большинство которыхъ ему было сообщено Калоніусомъ. Какъ Портанъ, такъ и Калоніусъ заявляютъ, что принимали мѣры къ полученію болѣе подробныхъ свѣдѣній о Лаксманѣ отъ Лекселя, объ отношеніи котораго къ Лаксману ниже сообщаются многія свѣдѣнія.

34. *Стр.* 11. Калоніусъ находился въ гимназіи съ 1750—1757 г.: былъ записанъ въ Выборгское отдѣленіе студентовъ 1757 $^{7}/_{3}$. Хотя онъ свои неувядаемые лавры стяжалъ на совершенно иномъ поприщѣ, слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что онъ въ молодости своей занимался ботаникою и въ качествѣ доцента экономіи читалъ лекціи объ ней. Объ этомъ есть выписка, сдѣланная моимъ отцомъ изъ письма современнаго путешественника (Іог. Линдваля) отъ 1772 $^{8}/_{12}$: «М. Калоніусъ, секретарь Академіи и доцентъ экономіи, читаетъ лекціи, однакожъ только объ экономической пользѣ растеній, но не сообщаетъ основаній науки; впрочемъ, онъ великій геній, хотя знаетъ только травы, растущія въ Финляндіи, и сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ у него никакой коллекціи; въ своей мѣстности онъ слыветъ ученымъ, каковъ онъ и дѣйствительно, только не по естествовѣдѣнію».

35. *Стр.* 11. Ср. прим. 33.

36. *Стр.* 11. Вѣроятно черезъ одну изъ женъ Лэвинга (род.

1689 † 1777 г.), который былъ трижды женатъ: 1) на Кристинѣ Магдал. Альсеніусъ, 2) на Еленѣ Уггла, 3) на Маріи-Беатѣ Фонтинъ; отецъ же его, констапль Левингъ, переселился изъ Нарвы въ Кексгольмъ. Собственноручная біографія Лэвинга, —выписка изъ которой помѣщена въ Borgå tidn. 1843, № 18 и слѣд. — не сообщаетъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Онъ жилъ въ десяти верстахъ отъ г. Борго, въ имѣніи Хомманэсъ, пожалованномъ ему вмѣстѣ съ годичною пенсіею въ 120 талеровъ серебромъ за его заслуги во время войнъ.

37. *Стр.* 11. См. прим. 33.

38. *Стр.* 11. Сколько извѣстно, онъ въ печати былъ названъ «магистромъ» только на заглавномъ листѣ изданныхъ Шлецеромъ «Sibirische Briefe» (1769), а затѣмъ ошибка эта была распространена Мейзелемъ, Ротермундомъ и др. Въ письмахъ часто привѣтствовали его такимъ образомъ, напр. Бергіусъ 1767 $^{18}/_{8}$ (см. ниже прим. 144). Но Калоніусъ говоритъ положительно: «Никогда онъ не защищалъ диссертаціи и не получалъ степени магистра», и Портанъ прибавляетъ: «Онъ находился здѣсь въ университетѣ лишь нѣсколько недѣль; по бѣдности онъ не могъ оставаться долѣе; та же причина мѣшала ему посѣщать какой-либо другой университетъ». Но если вспомнимъ, что молодыхъ священниковъ въ Финляндіи часто называютъ магистрами, то намъ будетъ ясно, почему это званіе было придаваемо и Лаксману.

39. *Стр.* 12, с. н. 17. При вступленіи въ С.-Петербургское экон. общ. (1769), напечатано въ «Abhandlungen» общества, XI, № 6, и переведено на русскій языкъ въ «Трудахъ» его 1769 г., ч. IX, 76—85.

40. *Стр.* 13. Что описанія съ финской стороны нисколько не преувеличены, доказывается согласными свидѣтельствами иностранцевъ, напр. Busch, Material. z. Gesch. u. Stat. d. Kirchen- u. Schulwesens d. ev.-luth. Gemeinden in Russl. (1862), 102 и слѣд. Lemmerich I, 68. 138 и слѣд. 164. II, 235: «Das Gouvernement Wiburg so weit es durch den Nystädter Frieden an Russland abgetreten war, hatte unter den Drangsalen des Krieges so furchtbar gelitten, dass es fast einer Wüstenei glich u. Jahre dazu gehörten, bis sich wieder Einwohner sammelten. Das alte, berühmte, von der Königinn Christine gestiftete, Wiburgsche Gymnasium, welches schwedische Cultur über die Grenzen Finnlands hinaus bis an die Newa u. nach Ingermannland verbreitet hatte, war nach Eroberung der Stadt von den Schweden nach Borgo verlegt, u. mehr als ein Viertel-Jahrhundert verging, ehe auch nur irgend eine Schule wieder ins Leben gerufen werden konnte».

41. *Стр.* 13. Рукописной исторіи шведскаго и финскаго приходовъ въ С. Петербургѣ до 1783 г., составленной пасторами И. Хугбергомъ и Эман. Индреніусомъ, изъ которой можно бы почерп-

нуть свѣдѣнія объ этомъ, болѣе не существуетъ. — Нарвская консисторія тоже экзаменовала пасторовъ, желавшихъ поступить въ финскіе приходы въ Россіи.

42. *Стр.* 14. Сдѣлавъ въ этихъ мѣстностяхъ, куда я обратился вслѣдствіе намековъ у Бюшинга, нѣсколько тщетныхъ распросовъ, я имѣлъ основаніе предположить, что онъ, можетъ-быть, служилъ въ какомъ-нибудь приходѣ Олонецкой губерніи.

43. *Стр.* 14, с. в. 12. Бюшингъ и Леммерихъ.

44. *Стр.* 14, с. н. 6. Бюшингъ и Леммерихъ. Петръ назначилъ 7-ое іюля для похода противъ Даніи; въ тотъ же день происходили его собственныя похороны.

45. *Стр.* 15. Бергъ называетъ его невѣрно: «директоромъ» училища.

46. *Стр.* 15. См. его Grundr. eines Unterrichts wie Lehrer u. Hofmeister.... sich verhalten müssen, 2 Aufl. (1763), въ особенности главу о «Tugenden, welche er besitzen muss» (: Aufrichtigkeit, Demuth u. Bescheidenheit, Ehrbarkeit u. Wohlanständigkeit, Friedfertigkeit, Unterwürfigkeit u. Gehorsam, Mässigkeit, Keuschheit, Enthaltung vom Spiel, Sparsamkeit, Arbeitsamkeit u. Fleiss, Unerschrockenheit, Zufriedenheit, Gottselige u. Christliche Gesinnung, Gewissenhaftigkeit u. Treu, Weisheit u. Klugheit).

47. *Стр.* 15. Такъ какъ Бюшингъ первый публично высказался о Лаксманѣ, и то на основаніи близкаго личнаго знакомства, то сдѣлаемъ здѣсь болѣе подробную выписку изъ упомянутаго уже сочиненія его Gesch. d. evang.-luth. Gemeinden im Russ. Reich, II (1767), 193 и слѣд.: «Erich Laxman... Dieser fromme und geschickte Mann ist ein geborner Schwede, der auch die finnische Sprache verstehet, und einige Jahre lang Pastor Adjunctus eines finnischen Landpredigers gewesen ist. Solche Adjuncturen... Herr Laxman hatte auch eine solche Stelle gehabt... Herr L. meldete sich bey mir, um Lehrer bey der Schule zu werden, die ich 1762 zu St. Petersburg stiftete und eröfnete. Ich bestellete ihn, nachdem er in der deutschen Sprache sich ziemlich gut auszudrücken gelernet hatte, vornemlich zum Lehrer der Naturhistorie, weil er auf dieselbe, insonderheit auf die Botanik, vielen Fleiss verwandt... Er war zugleich Hofmeister in der mit der Schule verbundenen Pensionsanstalt, und erwarb sich nicht nur meine Liebe und Hochachtung, sondern auch überhaupt einen guten Namen... Das ist erfreulich, dass er ausser denen oben genannten 3 Sprachen, auch die russische verstehet, spricht u. schreibt, und dieserwegen, ob er gleich ein Schwede ist, mehr Nutzen schaffen kann (in Barnaul) als ein Prediger, der unmittelbar aus Deutschland kommt.» Въ 1789 г. пишетъ Бюшингъ (Beytr. zu der Lebensgeschichte denkw. Personen, VI, 400) о Лаксманѣ: «Jener, ein geborner Schwede und armer Capellan pro persona bey einem finnischen Prediger, der

ihm für grosse Arbeit jährlich 24 Rubel (1 R. weniger als seinem Grossknecht) gab, konnte noch wenig deutsch, brachte mir aber seinen deutschen Entwurf von der Naturhistorie zur Correctur, u. kam bald so weit, dass er darüber catechisiren konnte, ist auch nachher der gelehrten Welt bekannt geworden.» Касательно словъ Леммериха (II, 100): «Bald lernte er die deutsche Sprache *vollkommen*», я долженъ сдѣлать оговорку относительно послѣдняго слова: не только въ первыхъ, но и въ послѣднихъ его нѣмецкихъ письмахъ, встрѣчаемъ столько погрѣшностей противъ языка, что ясно видно, что роднымъ языкомъ его былъ другой (т. е. шведскій). Также и познанія его въ русскомъ языкѣ никогда не сдѣлались полными, хотя и слѣдуетъ скорѣе приписать Шлецеру, нежели Лаксману, смѣшной переводъ слова «Часовня» нѣмецкимъ «Uhr»; въ Sib. Briefe, 39. Ср. Götting. Anz. 1769, стр. 83 (in fine).

48. *Стр.* 16, с. в. 11. Gelehrte Abhandl. von d. Schule b. d. evang. St. Peterskirche, Lpzg. 1754, 1765.—Въ это сочиненіе входятъ м. пр. подробная исторія первыхъ годовъ училища (I, 1, 123—140) и многія статьи Бекмана. По выбытіи Бюшинга и Бекмана изъ Петербурга, журналъ этотъ прекратился.—Относительно того, что Бюшингъ въ описаніи своемъ Кюменегорск. пров., сочиненномъ въ 1764 г. (вошедшемъ въ его Magaz. IV, 1770), стр. 479 говоритъ: «Was ich hier beibringe, habe ich aus Unterredung gesammelt»,—весьма вѣроятно, что и Лаксманъ былъ однимъ изъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія. Бюшингъ, самъ посѣщавшій приходъ Лумеки, состоялъ въ перепискѣ съ пасторомъ Орреусомъ въ приходѣ Тайпальсари.

49. *Стр.* 16, с н. 12. Онъ былъ начитанный человѣкъ и умеръ пасторомъ въ приходѣ Якимвара въ 1804 году.

50. *Стр.* 17, Онъ получилъ это предложеніе въ 1765 г., когда Кальмъ въ Або не принялъ вызова. Ср. Письма Кальма 1774 $^4/_4$ ниже упомян.

51. *Стр.* 17, с. в. 7. Ср. стр. 53 и мн. др.

52. *Стр.* 18. Reise, Th. 1—4. Götting. 1751—1752, Flora Sib. I (1749), II (1749), III (1768), IV 1769.

53. *Стр.* 18, с. н. 17. Ср. ниже стр. 50, 57 и др.

54. *Стр.* 18. Бюшингъ; Бекманъ въ Hannöv. Mag. 1765, стр. 1276 и пр.—«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, изъ Канцеляріи Академіи Наукъ, въ Академическое собраніе. По Ея Императорскаго Величества Указу въ Канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: въ силу представленнаго отъ Академическаго собранія мнѣнія призвать господина пастора Лаксмана во оное собраніе и объявить ему чрезъ господина Конференцъ-секретаря и профессора Миллера, что Академія пріемлетъ его себѣ корреспондентомъ, и когда пересылкой полезныхъ извѣстій окажетъ

дѣйствительные опыты своего трудолюбія и искусства, то тогда какъ о дачѣ ему диплома, такъ и о пристойномъ награжденіи Академическая канцелярія надлежащее опредѣленіе учинить не оставитъ. Генваря 19 дня 1764 г. Подписали: Иванъ Таубертъ, секретарь Михайло Гурьевъ, подканцеляристъ Самойло Морозовъ».

55. *Стр.* 19. Онъ писалъ о томъ Бекману изъ Барнаула 11-го февраля 1765 г. «Ich dachte, die Kräuter, die ich um St. Petersburg fand, und die in der Flora Ingrica fehlen, wären längst vergessen. Desto mehr freut es mich, dass Hr. Leib-Medicus von Gorter solche in seinem Supplement zu dieser Flora der Vergessenheit entrissen hat. Ich werde suchen diesem patriotischen Gelehrten dankbar zu werden, so bald ich etwas wichtiges in der Botanik entdecke». См. Sibir. Briefe, 93. Объ append. Лаксмана см. Georgi, Vers. e. Beschr. St. Petersb. 179, стр. 495, 506 и слѣд. и Vers. e. Beschr. d. St. Petersb. Gouvern. 1790, стр. 54 и слѣд. Ср. Ruprecht, Flora ingr. (1860), p. XXIV, 13, 60 etc. Его коллекція насѣкомыхъ окрестностей Петербурга, о которой Георги упоминаетъ въ томъ же сочиненіи, стр 544 и 103, относится къ болѣе позднему времени.

56. *Стр.* 19. Въ метрикѣ церкви Св. Петра мы читаемъ: «Erich Laxmann, berufener evangelischer Prediger bei den Kolivan-Woskresenskischen Bergwerken, ist mit seiner Braut Jungfrau Christina Margaretha Runnenberg, ältester Tochter des Obristen Gust. Runnenberg, am Sonntag nach Neujahr und am Fest Offenbarung Christi proclamirt, und am 13 Februar 1764 copulirt worden von Pastor Büsching». Тутъ, однакожъ, должно быть, описка, потому что 13 февр. новобрачные уже находились въ пути.

57. *Стр.* 19, с. н. 5. Въ Gesch. et cact. относительно переселенія Лаксмана въ Барнаулъ онъ говоритъ слѣдующія слова: «Gott lasse die Gemeine durch ihn sehr erbauet werden, und segne seinen dazu gefasseten Vorsatz... Wie sehr ist zu wünschen, und Gott zu bitten, dass er den Herrn Pastor Laxmann stärken wolle, um dieser kleinen verwilderten Gemeine zum richtigen Erkenntniss d. Heilsordnung, u. zum wahren Christenthum beförderlich zu seyn».

58. *Стр.* 20, с. в. 3. Это видно изъ того, что она послѣ 1763 г. выселилась изъ Нейшлота (см. прим. 21) и по крайней мѣрѣ въ 1770-хъ годахъ проживала у сына послѣ возвращенія его изъ Сибири. Сверхъ того Лаксманъ упоминаетъ о своихъ «Reisegefährten» во время путешествія въ Барнаулъ (ср. стр. 19).

59. *Стр.* 20, с. в. 10. Sib. Briefe, 57.

60. *Стр.* 20. Ср. стр. 22 и 23.

61. *Стр.* 21. Sib. Briefe, 68. Рукопись Лаксмана о Волгѣ, упоминаемая Георги, относится вѣроятно къ болѣе позднему времени.

62. *Стр.* 21. Sib. Briefe, 86 и слѣд. Городъ имѣетъ въ настоящее время 10,000 жителей. О Барнаулѣ можно читать у Риттера,

Erdk. II, 848 и слѣд. и у Ледебура (Reise durch d. Altai, B. 1, 2); въ атласѣ Ледебура находится подробная карта всего округа и планъ города съ рисунками главныхъ зданій.

63. *Стр.* 21. Ср. Pallas, Reise III. Vorrede.

64. *Стр.* 21. Если Бюшингъ (Gesch. 153) въ видѣ предисловія къ переходу Лэйба говоритъ: «die würdige Verkündigung des Evangeliums, und der Unterricht der Kinder, war seine Sache nicht; die Officiers am Irtischstrom geben ihm das Zeugniss, dass er ein rechter Soldatenprediger sey, und keine Gewissensscrupel errege», но за-то хвалитъ набожность Лаксмана, — то эти сужденія дѣйствительно заключали сердечное убѣжденіе: онъ самъ въ 1765 году отказался отъ требованія оставить пасторскую должность, чтобы занять мѣсто въ петербургской Академіи наукъ (см. автобіографію его въ Beytr. zu der Lebensg. VI, 493); но можно однакожъ видѣть мщеніе судьбы въ томъ, что именно такое же сужденіе впослѣдствіи было произнесено надъ Лаксманомъ (ср. пр. 188). Л. ничего не говоритъ объ отношеніи своемъ къ Лэйбе. Замѣчательно, что этотъ мало по малу сдѣлался ревностнымъ естествоиспытателемъ, неизвѣстно — вслѣдствіе ли вліянія Лаксмана, или Фалька, Палласа, или другихъ путешественниковъ того времени. Также впослѣдствіи упоминается и о хирургѣ Шангинѣ въ Змѣиногорскѣ, какъ о ревностномъ ботаникѣ.

65. *Стр.* 21. Sib. Briefe, 56, 88. Бюшингъ. Во время пребыванія Ледебура въ Барнаулѣ пудъ говядины стоилъ тамъ 60—80 коп. (мѣдью), 1 пудъ пшеничной муки 70 коп., ржаной муки 25—40 коп. и т. д.; смотри его Reise durch Altai I (1829), 386. Еще болѣе дешевыя цѣны упоминаются Кокрэномъ, Fussreise (1820) durch Russl. u. Sibir. etc. Aus d. Engl. Weim. 1825, стр. 99. 105.

66. *Стр.* 22. Sib. Briefe, 85. 87.

67. *Стр.* 22. Büsching.

68. *Стр.* 22. Sib. Briefe, 59—66, см. о томъ ниже главу X. Господа естествоиспытатели другъ у друга часто списываютъ цитату изъ письма Линнея къ Лаксману («Insecta ex omnibus fere orbis terrarum partibus... nonnulla eorum mitteres»), не замѣчая и не указывая, что мѣсто это сперва самимъ Лаксманомъ было переведено на латинскій языкъ (въ N. Com. Acad. Petrop. XIV, 593), именно изъ письма, приводимаго нами цѣликомъ. Такъ поступаютъ м. пр. Ельтъ вслѣдъ за Мочульскимъ и др.

69. *Стр.* 23. Edit. Petropoli 1742, 8°. О томъ говоритъ Линней въ Diss. de promov. hist. nat. in Rossia (Upsal. 1766), 15 sq.: «Dum Museum laudatum pervolvo tot oculis meis repraesentantur objecta regni animalis, indigena Sibirica; Mamalia scil. Aves, Amphibia, Pisces, Insectave, quae a nullo adhuc mortalium visa prius vel delineata, etiamnum tenebris obducta jacent... Quis, quaeso, intelligat cognoscat-

que ex solo nomine ignoto animalia imperfecte determinata? Dic mihi, et eris mihi magnus Apollo, qualia sint illa mamalia et aves, quae descripta in Museo nostro, sub nominibus... *Mustela daurica... Mus cauda carens... Noctua daurica... Pica daurica.... Hirundo daurica»* etc.

70. *Стр.* 24, с. в. 6. Ср. прим. 91. Впослѣдствіи, по опредѣленіи своемъ въ Нерчинскъ и Иркутскъ, Лаксманъ встрѣтился тамъ съ этимъ Карамышевымъ, воспитанникомъ Екатеринбургскаго горнаго училища; онъ изучалъ естественную исторію и химію въ Упсалѣ подъ руководствомъ Линнея и Валлеріуса; былъ учителемъ кадетскаго училища въ Петербургѣ, директоромъ Иркутскаго банка, временнымъ директоромъ Нерчинскихъ рудниковъ (1780); въ 1790 г. въ званіи коллежскаго совѣтника опредѣленъ къ императорскому кабинету горныхъ и заводскихъ дѣлъ; въ 1779 г. избранъ въ корреспонденты Академіи наукъ; † 1791 $^{22}/_{11}$.

71. *Стр.* 24. Такъ какъ Л. отъ себя объяснилъ это изреченіе такъ, что ботаники по большей части собирали тѣ растенія, которыя «an die Nase stossen», то это 17 лѣтъ позже послужило Палласу поводомъ отдѣлать его въ Nord. Beitr. II, 363 и слѣд.; строки эти однакожъ были имъ написаны въ дурномъ расположеніи духа; ср. ниже прим. 89.

72. *Стр.* 24. Sib. Br. 30.

73. *Стр.* 24, с. н. 1. Sib. Br. (отъ 17 ноября 1764 г.), 66. 89.

74. *Стр.* 25. Андрей Ивановичъ (начальникомъ здѣсь 1753—1769 г. † 1784 г.), отецъ Семена Андреевича П., отъ котораго имѣются подробныя поденныя записки о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, руководителемъ котораго въ его юности онъ былъ.

75. *Стр.* 25. Поѣздка Фалька (Beyträge etc.) I, 306. 309.

76. *Стр.* 25. Слѣдуетъ вспомнить объ экспедиціяхъ Чичагова изъ Колы въ 1765 и 1766 годахъ для открытія фарватера къ сѣверу отъ Сибири до Индіи, которыя до 1783 г. (когда Мюллеру дозволили описать ихъ; см. Pallas N. Nord. Beitr. V) относились къ таінамъ адмиралтейскаго архива. Ср. что́ сказано о поѣздкѣ Биллингса въ отдѣльной главѣ немного ниже.

77. *Стр.* 25. Sib. Briefe, 29, 35 слѣд. 79, 92 слѣд.

78. *Стр.* 25. Sib. Briefe, 79; можетъ-быть, подобное мнѣніе относилось къ опытамъ пастора приготовить фосфоръ изъ мочи, о чемъ онъ самъ съ большимъ удовольствіемъ говоритъ, *Sib.* Br. 91. Спасскій начинаетъ свое примѣчаніе (Спб. Вѣстн. 1820, X, 273 или 55) къ этому мѣсту слѣдующимъ образомъ: «Сіе написано Лаксманомъ, вѣроятно, въ минуту какого-нибудь огорченія, ибо Колыванскіе заводы, къ числу коихъ принадлежитъ и Барнаулъ, были всегда, такъ сказать, разсадникомъ горныхъ чиновниковъ, отличныхъ знаніями и поведеніемъ» etc. Спасскій самъ служилъ въ Барнаулѣ.

79. *Стр.* 25. Sib. Briefe (1767 $^{26}/_{12}$), 29 и слѣд.: «Ja hier in Barnaul werde ich von — — gelästert und verfolgt, und ich müsste ganz unterliegen, wenn nicht Gott das Herz des vortrefflichen Cabinets-Ministers... Olsufjew zu mir geneigt hätte. Dieser Herr ist mein wirklicher Mäcen».

80. *Стр.* 26, с. в. 2. Sib. Briefe, 67 и слѣд. 82. 90. О Ползуновѣ († 16 мая 1766 г.; ср. ниже прим. 118) упоминаютъ также Фалькъ, Палласъ и въ особенности Спасскій въ примѣчаніи къ письму Лаксмана въ Спб. Вѣстн. 1820, X, 276 (58). О Брантѣ см. ниже, стр. 35, 40. Также и Кристіани, см. стр. 20 и др.

81. *Стр.* 26. Sib. Briefe, 56: «Meine Regel ist: *Nulla dies sine linea.* Bald nehme ich was mineralisches, bald was chymisches, bald was physisches u. s. w. vor. Nur muss ich vieles unterlassen, das sonst geschehen könnte, weil mein kleines Gehalt nicht weit reichet. Non erant... emerunt. Mit 400 Rubeln könnte ich recht gut auskommen, wenn ich nicht mehr thäte, als die Aerzte und andere in Sibirien thun; aber um der Naturkunde nützlich zu werden, und doch dabei zu leben, fordert wenigstens noch einmal so viel».

82. *Стр.* 26. Sib. Briefe (1765 $^{11}/_{2}$) 92: «Zu künftigen naturhistorischen Untersuchungen habe ich gute Anstalten gemacht; und damit mir nichts fehlen möge, habe ich mir Wagen und Pferde angeschafft. Dies kostet in Petersburg etwas beträchtliches, hier ist es eine Kleinigkeit». Ср. прим. 65.

83. *Стр.* 26. Въ этомъ путешествіи Лаксманъ велъ ученую переписку по крайней мѣрѣ съ слѣдующими знаменитостями: съ Линнеемъ, Бергіусомъ, Гаддомъ, Фалькомъ, Бекманомъ, Шлецеромъ, Бюшингомъ, также съ упомянутымъ Брандтомъ въ Кяхтѣ, по переселеніи его туда. Ср. Sib. Briefe, 9, 57, 59, 66, 68, 79, 84, 89, 90, 102, 103 и ниже весьма часто.

84. *Стр.* 26. Hermann, Mineralog. Reisen in Sib. (1783—96), I, 326. Хотя этотъ говоритъ о гортикультурѣ Лаксмана: «ob solche jemal zu Stande gekommen, ist mir unbekannt», но Л. самъ разсказываетъ о томъ и Сиверсъ упоминаетъ (1790) о такомъ же учрежденіи Лаксмана въ Иркутскѣ; см. Pallas, N. Nord. Beitr. VIII, 177 (ср. ниже). Что яблони и вишневыя деревья, разсаженныя въ Барнаулѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ тамъ приносили плоды, о томъ разсказываетъ Спасскій (1818), хотя Миддендорфъ почти сомнѣвается въ томъ, Sib. Reise, IV, 581. — Палласъ превозноситъ воздухъ въ Барнаулѣ, какъ гораздо болѣе теплый, нежели въ мѣстностяхъ, находящихся южнѣе въ горахъ; тамъ принимаются артишоки, арбузы и др.

85. *Стр.* 26. Sib. Br. 67: «Tausend Dank für die artigen Neuigkeiten, mit denen Sie mich zu erfreuen belieben; o! wie süss schmecken solche in Sibirien! Schreiben Sie mir doch selbst immer lange Briefe

und mahnen Sie auch andere meinen Freunde darum»; 89: «Die Freude, die ich bei Eröffnung» etc.; 57: «Wenn Sie in der Wüste lebten, wie ich, so wüssten Sie auch wie angenehm es ist von Freunden aus der gelehrten Welt Briefe zu erhalten».

86. *Стр.* 26. Mant. Plant. (1767), 24. Syst. Nat. II (1767), 57. 242. Sib. Br. 77 и слѣд.; N. Com. Acad. Petrop. XV. XVIII, 526 и слѣд. Pallas, Reise, II (1773), 38 прим. (до мая 1770 г.) въ Башкиріи и на Уралѣ (гора Чжиггертавъ): «Ich fand auf diesem Berge einige wenige, dem Untergang schon nahen Blumen, die ich nachher vor das neuentdeckte Ornithogalum uniflorum erkannt habe» (предисловіе къ этой въ 1773 г. напечатанной части подписано въ Селенгинскѣ 1772 г. апрѣля 19); II, 518 (у Красноярска): «die schöne Veronica pinnata wächst hier nur sparsam», съ примѣчаніемъ: «Diese in des Hrn. v. Linnée Mant. plant. also benannte Pflanze wächst auf sonnigen, felsigten Höhen, die gegen Süden u. Westen gelegen sind, häufig u. scheint Flor. Sib. III, p. 222, n: o 38 gemeint zu seyn».

87. *Стр.* 27. *Cimicifuga* (*fœtida*); Syst. Nat. (1767), 659. Уже Мессершмидтъ и Амманъ, но преимущественно Линней — Usus hist. nat. (1766), 27 и слѣд. съ рисунками и потомъ въ особой диссертаціи Planta Cimicifuga (1774), — обращали на нее большое вниманіе. Также и болѣе молодые естествоиспытатели, какъ-то Фалькъ и др. разспрашивали Лаксмана объ этомъ растеніи; Sib. Briefe, 68. Ritter, Erdk. II, 870, упоминаетъ, что Л. раньше Палласа замѣтилъ это растеніе, характеристичное для сѣвероалтайской флоры; то же самое онъ могъ бы сказать и о *Trollius asiat.*

88. *Стр.* 27. Sib. Briefe, 68. 102. По замѣчанію Бекмана, это растеніе затѣмъ было посѣяно въ Упсалѣ. Ср. предыдущее примѣч.

89. *Стр.* 27. Sib. Briefe, 83. «Die grossen Kräuter, die einen an die Nase stossen, wenn man in den Wäldern herum läuft, sind von den bisherigen Kräuterkennern ziemlich genau beschrieben worden; aber die kleinen u. unansehnlichen haben sie übersehen, weil sie zu viel Aufmerksamkeit forderten» говоритъ Лаксманъ о предшественникахъ своихъ, Sib. Briefe, 78. Ср. выше прим. 71.

90. *Стр.* 27. Sib. Briefe, 68, 78, 84, 89, 94, 104. Ср. многія мѣста ниже. Лаксманъ выхлопоталъ себѣ дозволеніе отправлять посылки свои съ отходящимъ ежегодно изъ Сибири серебрянымъ караваномъ; Sib. Br., 56. 78. Бекманъ упоминаетъ, что ему м. пр. была выслана *Fumaria bulbosa*, взятая у Синей сопки (Phys. Bibl. III, 345)

91. *Стр.* 27. De necessit. promov. hist. nat. in Rossia. Вышло въ 1766 г. подъ предсѣдательствомъ Линнея, подобно какъ и диссертація другого русскаго, Аѳонина, подъ заглавіемъ: De usu hist. nat. in vita com. (Upsal. 1766). Хотя объ Лаксманѣ ни въ той, ни въ другой изъ этихъ диссертацій и ни въ одновременной Siren

Lacertina (Upsal. 1766) не упоминается, однакожъ ясно, что переписка съ нимъ повліяла, если не на самое составленіе этихъ сочиненій, то по крайней мѣрѣ на многія свѣдѣнія, сообщенныя въ нихъ. Если мы прочтемъ его вышеприведенное письмо отъ 1764 года, то придемъ къ мысли, что онъ уже тогда рѣшился заставить Карамышева защищать диссертацію по какому-либо предмету изъ естественной исторіи Сибири, для чего онъ черезъ Лаксмана хотѣлъ собрать матеріалъ. То, что́ онъ въ Siren lacertina (8) говоритъ о *Sorex minutus*, согласно точному объясненію Бекмана (прим. къ Sib. Briefe, 74), основано на сообщеніи Лаксмана. Относительно Карамышева ср. прим. 70. Болѣе старые русскіе ботаники (напр. Амманъ) рѣдко заявляли мѣстности нахожденія растеній; весьма незначительно было и то, что́ имѣли изъ Сибири; см. о томъ Галлеръ (1772) въ Очеркѣ Рупрехта, стр. 140.

92. *Стр.* 27, с. в. 11. Ср. прим. 52.

93. *Стр.* 27. См. его Reise I, 330. II, 596. IV, 15 и слѣд. и Flora Sib. p. XI и слѣд.

94. *Стр.* 27. N. Acta Acad. X, 474 и слѣд. Georgi, Reise I, 29. и слѣд.

95. *Стр.* 27. Sib. Briefe. 29, 92.

96. *Стр.* 27. См. прим. 98.

97. *Стр.* 27. Sib. Briefe, 92. Когда Лаксману сказывали, что морозъ никогда еще не былъ такъ великъ, какъ въ утро новаго года 1765, то онъ спрашиваетъ въ письмѣ своемъ: allein wie weiss man dieses? denn niemand hat ja Beobachtungen angestellt».

98. *Стр.* 27, с. н. 7. Sib. Briefe, 29: «Wäre die Akademie der Wissenschaften», пишетъ онъ 1767 $^{26}/_{12}$ къ Шлецеру, «mit meteorologischen Beobachtungen gedient: so könnte ich derselben mit einem Tagebuche von 4 Jahren aufwarten. Ich mache die Instrumente selbst; und es ist schon keine Stadt in ganz Sibirien, wo man nicht einige von meinen Thermometern und Barometern hätte: allein man ziert nur Wände damit, und beobachtet nicht das geringste. Ich machte diesen Aufwand, der mich auf mehr als 100 Rubel steigt, in der Absicht, um die Leute zum Beobachten und Naturaliensammeln anzureizen; allein vergebens» и къ Бекману уже 1764 $^{17}/_{11}$ (Sib. Briefe, 81 f.): «Meteorologische Beobachtungen habe ich auch angestellt: aber die Wind- und Barometer Observationen sind noch nicht vollständig. Ich habe mir selbst zwei sehr richtige Barometer gemacht: das eine hängt in der Kälte beim Thermometer, das andere aber habe ich in meiner Stube. Auch habe ich etliche Thermometer gemacht, und eine Flagge so eingerichtet, dass ich den Wind in meiner Studierstube observiren kann. Mit der Zeit kann ich Ihnen also mit etwas vollständigem in der Art aufwarten... Polsunov (ср. п. 80) macht und hat auch allerlei meteorologische In-

strumente, aber mehr zu Zierde». Въ наше время Барнаулъ сдѣлался одною изъ главныхъ станцій Россіи для магнитныхъ наблюденій.

98b. *Стр.* 27. Стр. 1276—1279, гдѣ между прочимъ сказано: «Die mir und andern bekannte Genauigkeit des Herrn Beobachters lässt an der Richtigkeit der Beobachtungen nicht zweifeln». Наблюденія также и въ Sib. Briefe, 97 и слѣд.

99. *Стр.* 27. Georgi Reise. I, 427.

100. *Стр.* 27. Pallas, Reise. III, 419. Словцовъ, Историч. обозрѣніе Сибири (St. Pet. 1844), стр. 308, слѣд.: о Лаксманѣ и его термометрахъ, употребляемыхъ Щукинымъ (съ 1820 года).

101. *Стр.* 28. Палласъ писалъ (11-го мая 1768 г.) за нѣсколько дней до начала его большой сибирской поѣздки: «Instat amplissima observationum messis, e qua, si salvum me fortuna reduxerit, praesertim Zoologiae haud exiguum incrementum accessurum fore confido, quum cognitio animalium Imperii Rutheno-Asiatici indigenorum apprime manca hucusque manserit»; Spicil. Zool. V, 2.

102. *Стр.* 28. Sib. Br. 69. Какъ о полученныхъ отъ Л. Бекманъ упоминаетъ о *Mus jaculus*, *Lepus pusillus*, *Gryllus telligonia Laxmani*, о *Мускусовомъ* животномъ и пр.

103. *Стр.* 28. Sib. Br. 69—71.

104. *Стр.* 28. Sib. Br. 74—77 Georgi, Beschr. III, 1577.

105. *Стр.* 28. Sib. Br. 72 и слѣд. и Спасскій, Спб. Вѣстн. X, 272; ср. Radde, Reisen. I, 125. Уже въ 1765 г. Бекманъ въ предисловіи къ своимъ Anfangsgr. d. Naturhist., и затѣмъ Линней въ Syst. Nat. I (1766), 73 и слѣд., воспользовались этимъ открытіемъ Лаксмана; «dass aber daselbst sein Gewicht unrichtig angegeben ist, ist nicht meine Schuld» прибавляетъ Бекманъ въ примѣч. къ Sib. Br. 74. Въ 1769 г. Палласъ нашелъ у Енисея и во многихъ другихъ мѣстахъ, имъ т. н. *Mus subtilis*, «von Linné's Sorex minutus gänzlich verschieden u. das allerkleinste unter allen bisher bekannten vierfüssigen Thieren», см. его Reisen II (1771), 664. 705. Оно затѣмъ вообще пользовалось названіемъ *Sorex exilis*, для вида отдѣльнаго отъ Лаксманова *pygmaeus* = *Minutus* Linn.; см. Schreber, Säugeth III (1778), 577. Gmelin, ed. XIII. Syst. Linn. I (1788), 115. Georgi, Beschr. III (1798), 1549. Но Палласъ перемѣнилъ свое мнѣніе; въ послѣдующемъ за тѣмъ сочиненіи, Zoogr. rosso-asiat. I (1811), 134 онъ утверждаетъ, что на экземплярѣ, привезенномъ Лаксманомъ (1769), замѣтилъ «caudae abruptae vestigum», почему и отвергаетъ рисунокъ его, сдѣланный Шреберомъ, и подводитъ его подъ названіемъ *exilis*, въ чемъ ему слѣдуютъ, съ оговоркою, Фишеръ, Zoognosie III (1814), 152 и Брандтъ, Bemerk. üb. d. Gatt. *Sorex*, въ Mélanges biol. (1853), стр. 453 и въ Учен. Зап. акад. наукъ по I и III отдѣл. I (1852), 292; и Шренкъ опредѣляетъ хвостъ жи-

вотнаго, которое онъ называетъ *Sorex pygmaeus Laxm.* въ 36—45 миллим., см. его Reisen u. Forsch. im Amurlande, I (1858), 107 и слѣд. и сравн. Radde, Reisen im Süden v. Ost.-Sib. I (1862), 125. При этой тождественности слѣдуетъ однакожъ замѣтить: 1) что Палласъ l. c. дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, также и другую ошибку, называя себя виновникомъ названія *S. pygmaeus*, ибо оно вовсе не встрѣчается въ его Reisen III, append., на которое онъ ссылается (и по немъ Фишеръ III, 152); 2) что Лаксманъ, по своему обычаю, держалъ животное живымъ, прежде нежели описывалъ его; 3) что онъ Бекману, который первый обнародовалъ открытіе своего друга, вѣроятно впослѣдствіи выслалъ и шкурку животнаго, ср. его Phys. Bibl. V (1774), 127; 4) заявленіе Шребера, что получилъ отъ самого Лаксмана экземпляръ имъ изображенный (l. c. стр. 578, не 187 какъ Палласъ, или стр. 178 какъ Гмелинъ и Фишеръ приводятъ), и 5) что Фишеръ также видѣлъ экземпляръ безъ хвоста («ecaudata») въ Москвѣ. Наконецъ хотѣли подвести подъ одно съ *pygmaeus* также и открытое впослѣдствіи Лаксманомъ (1785) *S. caecuticus*; см. о томъ ниже.

106. *Стр.* 28. Sib. Br. 74 и слѣд., ср. съ его письмами къ Бергіусу 1770 $^{9}/_{10}$ и 1773 $^{25}/_{1}$ (см. эти годы) и статью *Mus myospalax* въ Sv. vet. ak. handl. XXXIV (1773), 133—139, а также Hist. des découvertes, I (Berne 1779), 79 и слѣд. Бекманъ, Phys. Bibl. V, 336. XI, 426. Спасскій приводитъ Георги, Beschr. III, 1577. Шренкъ, I, 144. — Онъ полагалъ также, что нашелъ новую *Anemone*, пока не разъяснилось, что это была *A. sylvestris* Линнея; ср. примѣчаніе Бекмана къ Sib. Br. 104.

107. *Стр.* 29. См. крит. разборъ въ Phys. Bibl. Бекмана. I (1770), 5.

108. *Стр.* 29. Sib. Briefe, 35. 79. 103; ср. Бернульи, Reisen, IV, 25 слѣд. и ниже.

109. *Стр.* 29. Онъ говоритъ въ статьѣ: Die Coleopterologischen Verhält. und die Käfer Russlands, Moscou 1846 (въ Bullet. de la Soc. des Naturalistes de Moscou, III), 3 ff.: «namentlich beschäftigte sich damit (mit Insecten) der evangel. Prediger Laxmann in Barnaul. Der Sohn des letzteren Professor Erich Laxmann, ein Zeitgenosse Linnés, beschrieb einige südrussische u. sibirische Käfer, viel früher als Fabricius sein System bekannt machte», и въ примѣчаніи къ этому мѣсту: «Es ist also nicht Pallas, sondern Laxmann, als unser ältester Entomolog anzusehen, da sein Aufsatz sich in den N. Com. Acad. im Bande XIV befindet u. dieser Band d. Commentarii 1770, ein Jahr früher als Pallas seine Reisen herausgeben begann, erschien. Merkwürdig sind dabei folgende Worte Linnés aus seinem Briefe an Laxmann: «Insecta... mitteres».

Тутъ нужно однакожъ исправить нѣкоторыя небольшія ошибки:

1) барнаульскій пасторъ тождественъ съ упомянутымъ за тѣмъ профессоромъ; 2) приведенные Комментаріи составлены «pro anno 1769»; раньше Лаксмана былъ кромѣ того и Кольрейтеръ, на котораго онъ самъ ссылается (Scarabaei americani» въ Com. Acad.) въ перечнѣ къ статьѣ своей въ N. Com., стр. 49; 3) коллекціи Лаксмана, какъ мы видѣли, уже прежде возбудили вниманіе; 4) относительно письма Линнея см. выше прим. 71. Съ мнѣніемъ Мочульскаго можно сравнить отзывъ Георги (Beschreib. etc. III, 1984) «Unsere frühern Naturhistoriker, Messerschmidt, Gmelin, Steller, übergingen die Insekten fast ganz; die spätern sammleten, verschoben âber die Bestimmung der Arten oft, worüber die Sammlungen zerstört wurden u. das Beschreiben unterblieb. Dieses war der Fall mit den Falckschen, Güldenstädtschen u. a. Nur Pallas, Laxmann u. Lepechin sammleten mit Fleiss u. benutzten ihre Sammlungen zur Bereicherung der Russischen Entomologie».

Потому и кажется страннымъ мнѣніе Геблера, ниже въ прим. 175.

110. *Стр.* 30. Sib. Briefe, 80; онъ жалуется въ особенности на *Dermestes lardarius* и *Dermestes clavicornis*.

111. *Стр.* 30. Sib. Briefe, 30. 36.

112. *Стр.* 30. Sib. Briefe, 95 и слѣд. Также и въ этомъ отношеніи онъ не боялся издержекъ; «Ich habe mir», говоритъ онъ, «eine Menge gläserne Gefässe von allerhand Grösse u. Gestalt bei der hiesigen Glashütte zu diesen Beobachtungen machen lassen.

113. *Стр.* 30. Sib. Briefe, 48—55. Въ концѣ этого длиннаго изслѣдованія онъ говоритъ: «Keine Insekten sind so schwer zu futtern, als diese, denn sie lassen sich durchaus nicht einsperren: entweder sie laufen weg, oder sie sterben aus Mangel der Luft und von ihren eigenen Ausdünstungen». Одинъ рецензентъ (въ Gött. Anz. 1769, іюля 13) очень превозноситъ способъ Лаксмана, въ особенности относительно насѣкомыхъ (также и другихъ животныхъ онъ еще въ позднѣйшее время держалъ у себя живыми; ср. N. St. Pet. Journ. 1783, III, 27). Впрочемъ, Бекманъ въ одномъ примѣчаніи говоритъ, что *Bl. daurica* Лаксмана (ср. Phys. Bibl. VIII, 38) и есть уже извѣстная Линнею *Bl. germanica*. Middendorff (Sib. Reise, IV, 895), оказавшій справедливость изслѣдованіямъ Лаксмана о прусакахъ, говоритъ между пр. «Dass die kleine Schabe, Prussak, ihren system. Namen *germanica* mit Unrecht erhalten u. es weit besser gewesen wäre, sie ihre ursprünglichen Benennungen *Bl. daurica Laxman* od. *Bl. asiatica Pallas* beibehalten zu lassen».

114. *Стр.* 30. Upsala 1767, стр. 702: *Gryllus sibiricus*, стр. 1005: *Conops petiolata*. Первое называется Палласомъ *Gryllus Laxmanni*, и присовокупляется объясненіе: «haec species a nemine praeter Laxmannum observata fuit; Spicil. Zool. X (1772), 19. Ср. Риттеръ, Erdk.

II, 756. Бекманъ, Phys. Bibl. V, 593 Георги, Beschr. III, 2056. Геблеръ въ Reise Ледебура II, 17.

115. *Стр.* 30. Sib. Briefe, 32—35. 79, Палласъ говоритъ въ Spicil. Zool. IX (1772), 17 съ похвалою о представленной Лаксманомъ въ академію «copiosa et pulchra insectorum collectio», изъ которой онъ публикуетъ 3 вида *Gryllorum* «notatu dignissimas» и *Oniscus cancellus*, котораго Лаксманъ самъ называлъ *Cancer baikalensis* — насѣкомое, тогда еще не встрѣченное внѣ Сибири. Ср. Бекманъ, Phys. Bibl. V, 286. 593. Georgi, Beschr. прив. мѣсто

116. *Стр.* 31. «Novae insectorum species» въ N. Com. Acad. Petrop. (1769), стр. 593—604; см. прим. 109 и ниже.

117. *Стр.* 31. Sib. Briefe, 83. 85—88, хотя и заключаютъ описаніе Колыванскаго и другихъ заводовъ, но крайне не полное. Лаксманъ былъ предупрежденъ въ своемъ намѣреніи Фалькомъ, Палласомъ и др.

118. *Стр.* 31. Sib. Briefe, 82. 91. (ср. выше прим. 80); Фалькъ, I, 330; Палласъ, II, 633 и Германъ, I, 324 ошибочно называютъ его Ползимовымъ. Ледебуръ, Reise I, 370 удостовѣряетъ, что машина Ползунова была «die erste Dampfmaschine, welche es in Russland gegeben hat». (?)

119. *Стр.* 31. Sib. Briefe, 83. Письмо къ Бергіусу 1769 $^{13}/_{4}$; см. ниже стр.

120. *Стр.* 31. Когда я узналъ, что знаменитый другъ мой А. Э. Норденшельдъ прозвалъ имъ описанный новый минералъ по общемъ нашемъ землякѣ: *Лаксманитомъ* (въ Öfversigt af Sv. vet. ak. förhandl. 1867. Stockholm 1868, стр. 655—660), я испросилъ его мнѣніе о коллекціяхъ, въ подарокъ присланныхъ Лаксманомъ въ Стокгольмъ. Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 1871 $^{2}/_{5}$ Норденшельдъ сообщаетъ, что упомянутыя коллекціи «отличаются рѣдкимъ подборомъ штуфовъ, такъ что можно бы полагать, что онѣ относятся къ гораздо позднѣйшему періоду. Минералогическія коллекціи съ тѣхъ временъ состоятъ обыкновенно изъ разной дряни: изъ образцовъ кремнистыхъ породъ и известняка, диковинокъ и т. п. А Лаксмановы вещи почти всѣ или большею частью еще и теперь удержатъ мѣсто свое въ любой новѣйшей коллекціи». Уже Гаддъ называетъ Лаксмана «искуснымъ минералогомъ»; см. письмо его отъ 1770 г.

121. *Стр.* 31 с. н. 18 Sib. Briefe, 85. Ср. Георги Beschr. III, 379. 499. Спасскій упом. сочин., Шлецеръ, Münz etc. Gesch. d. R. R. (1791) стр. 159 и слѣд. Указъ о томъ былъ данъ въ концѣ 1763 г. а приведенъ въ исполненіе въ 1765 г. Эта т. н. Сибирская монета, которая была въ ходу только отъ Тобольска къ востоку, чеканилась разной цѣнности отъ $^{1}/_{4}$ до 10 копеекъ изъ мѣди, изъ которой при барнаульскомъ рудникѣ не умѣли окончательно выдѣлять золото и серебро; этому научились только въ 1789 г., и

тогда упомянутая монета прекратилась, а стали чеканить изъ пуда мѣди 16 рублей (вмѣсто прежнихъ 25 руб.); ходила же она по всей Россіи. О соображеніяхъ самого Лаксмана относительно чеканки денегъ смотр. отдѣльную главу.

122. *Стр.* 31. Ср. письма отъ $1769^{13}/_{4}$, $1770^{10}/_{10}$, $1771^{1}/_{4}$, $1773^{5}/_{7}$, $1776^{30}/_{12}$ нижеупомянутыя. Въ Sv. Biogr. Lex. мы читаемъ, что Минералогія Валлеріуса (1747 г.) была переведена на латинскій, нѣмецкій, англійскій и французскій языки; слѣдуетъ дополнить: также и на русскій, вице-президентомъ горной коллегіи и монетнаго дѣла фонъ Шлаттеромъ, С.-Петербургъ 1763 г. 8:° Его авторитетъ въ Россіи былъ довольно значителенъ.

123. *Стр.* 31. Sib. Briefe, 79. 91.

124. *Стр*, 31. Sib. Briefe, 88. Ср. ниже также и Палласа Reise II, 633.

125. *Стр.* 32. Смотр. письмо Лаксмана въ Nord. Beitr. Палласа VII, 439 и слѣд. Сравн. Георги, Beschreib. III, 25, который однакожъ здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, дѣлаетъ хронологическую ошибку, упоминая о Палласѣ и о себѣ прежде, чѣмъ о Лаксманѣ: изслѣдованія послѣдняго производились гораздо ранѣе, нежели ихъ обоихъ и даже раньше изслѣдованій Фалька (II, 42).

126. *Стр.* 32, с. в. 15. Ср. стр. 58.

127. *Стр.* 33. См. Novae insectt. spec. (въ N. Com. Acad. Petrop. T. XIV), 598. 600. 601; Novae plantt. spec. (l. c. T. XV, 533; Сравн. Георги III, 647. 2056. 2061. Mém. IX. 390 и слѣд).

128. *Стр.* 33. Sib. Briefe, 67. 68. 69. 92; сравн. ниже.

129. *Стр.* 33. Смотр. Мальте-Брунъ, Précis de la Géorg. (ed. 2. T. III, 387) безъ обозначенія источника. Согласно Георги, Beschr. III, 580, Л. привезъ бурый каменный уголь съ мѣстности у рѣки Лебидь, слѣдовательно изъ Кузнецкаго округа, сдѣлавшагося потомъ такъ извѣстнымъ по этому драгоцѣнному топливу. Объ Ирбинскѣ — откуда было привозимо все желѣзо въ Колывань — говоритъ Л. лишь мимоходомъ.

130. *Стр.* 33. Sib. Briefe, 86 и т. д.

131. *Стр.* 33. Смотр. его статью «Minera argenti cornea chemice examinata et descripta» въ N. Com. Acad. Petrop. T. XIX.

132. *Стр.* 33. Смотр. его статью: Наилучшій способъ и т. д. въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества Ч. XII (1769). Не только на болѣе древнихъ, но и на картѣ Гмелина мы еще не находимъ Убы или Ульбы, но она показана на тѣхъ, которыя приложены къ Путешествіямъ Палласа и Фалька; первыя изданы въ 1771—1776 г.; послѣднія въ 1785—1786 г.

133. *Стр.* 33. Sib. Briefe 12. — Палласъ не дошелъ до Усть-каменогорска, и только поручилъ Соколову изслѣдовать мѣстность II. 540. и слѣд.

134. *Стр.* 33. Novae insectt. spec. 602.

135. *Стр.* 34. Сравн. Sib. Briefe, 67.

136. *Стр.* 34. См. письма его у Палласа, Nord. Beitr. VII, 439 и слѣд.

137. *Стр.* 35. Избранъ въ нее во время юбилея 1776 г.; см. письмо Лаксмана объ этомъ нѣсколько ниже.

138. *Стр.* 35. Рукопись.

139. *Стр.* 35. Ср. Бекманъ къ Варгентину: Упсала 25 марта 1766 г. «J'ai reçu une lettre de Petersb., mais le courrier qui doit venir tout l'hiver de Sibérie n'est pas encore arrivé, parceque la neige est tombée fort tard cette année en Sibérie. Mais je suis sûr que j'aurai bientot un paquet de Mr Laxman» (рукопись въ Шведской акад. наукъ).

140. *Стр.* 35. Простираются между Косоголомъ и Байкаломъ, называются также Саянскими. Ср. Raddes Bericht въ Baers & Helmersens Beiträge XXIII, 23. 149 и слѣд. 559.

141. *Стр.* 35. Подробная карта о томъ въ Petermanns Mittheilungen 1860.

142. *Стр.* 36. Ср. Sib. Br. 81. 90. Смотр. также Бекманъ Phys. Bibl. IV, 39, гдѣ восхваляются старанія Лаксмана рѣшить важный ревенный вопросъ.

143. *Стр.* 36. Ritter, Erdkunde II, 179 и слѣд. 1033 по Georgi, Reise I, 148. 210 и слѣд.

144. *Стр.* 37. Рукоп. «Стокгольмъ 18 авг, 1767 г. Многоуважаемый и высокочтимый господинъ магистръ. Надѣюсь, что всѣ письма, написанныя мною къ вамъ, господинъ магистръ, дошли до васъ. Послѣднее я отправилъ въ конвертѣ русскаго резидента Стахіева. Чрезвычайно дальнее разстояніе, и вслѣдствіе того затрудненныя почтовыя сношенія, безъ сомнѣнія служили причиною тому, что я не получалъ отвѣта. Это дѣйствительно весьма прискорбно, если имѣть въ виду тѣ замѣчательныя извѣстія, которыхъ могу ожидать отъ столь свѣдущаго и опытнаго человѣка какъ вы, г. магистръ. Я припоминаю.... пойдетъ! (см. текстъ). Господинъ Бекманъ сдѣлался сверхштатнымъ профессоромъ въ Геттингенѣ; это обстоятельство весьма обрадовало всѣхъ его друзей. Говорятъ также, что онъ тамъ счастливо женатъ и получилъ богатую невѣсту. Его ἔργον, безъ сомнѣнія, естественная исторія, въ которой онъ здѣсь въ Швеціи получилъ основательныя познанія.—Старикъ Линней сталъ замѣтно дряхлѣть. Онъ не читаетъ болѣе публично и едва даже частно. Его послѣднее изданіе Systema naturae, которое теперь находится въ печати, вѣроятно будетъ и послѣднимъ. Старикъ начинаетъ утомляться отъ неустанной работы. Почту своею обязанностью выслать вамъ все это сочиненіе, когда оно будетъ готово. Мои Plantae Capenses будутъ готовы осенью; если представится случай

для посылки въ Петербургъ, не премину тотчасъ же послать ихъ. Четырнадцать новыхъ видовъ я установилъ между этими растеніями.—Status botanicus въ Европѣ нынѣ таковъ: Жакенъ (Jacquin), redux ex America, во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, издалъ изящный фоліантъ о растеніяхъ южной Америки, вмѣстѣ съ observationes botanicae in folio разныхъ видовъ, американскихъ и европейскихъ, и сверхъ того его Enumerationes plantarum austriacarum. Кранцъ (Crantz) въ Вѣнѣ недавно издалъ свои Institutiones botanicae, именно Линнея Spec. plant. скопированныя и сокращенныя; сверхъ того онъ продолжаетъ издавать свои Fasciculi plantarum austriacarum. Онъ другой Зигесбекъ (Siegesbeck) въ отношеніи къ Линнею. Скополи, Kramer (Scopoli, Kramer) сверхъ того дѣятельны въ Австріи, но жаль что Жакенъ (Jacquin) переведенъ въ Венгрію и сдѣлался inspecteur des mines. Шреберъ (Schreber) въ Лейпцигѣ трудится надъ агростографіею, о которой полагаю, что она будетъ полна. Ёдеръ (Oeder) въ Копенгагенѣ продолжаетъ свои Icones plantarum. Асканіусъ (Ascanius) началъ изданіе Icones animalium. Соважъ (Sauvages) въ Монпелье умеръ и Гуанъ (Gouan), прославленный своими Hortus и Flora monspeliaca, назначенъ его преемникомъ. Этотъ Гуанъ трудится надъ сочиненіемъ о рыбахъ. Въ Италіи Сегье (Seguier), Алліони (Allioni), Маратти (Maratti), нашедшій flores et semina in herbis dorsiferis или filicibus и мн. др. извѣстные своими сочиненіями. Адансонъ (Adanson), членъ парижской академіи, въ Парижѣ чуть ли не единственный, но онъ ботаническій еретикъ въ своей книгѣ, называемой Familles des plantes. Старикъ фанъ Ройенъ (van Royen) въ Лейденѣ еще живъ; 80-ти лѣтній возрастъ дѣлаетъ его заштатнымъ. Бурманнусъ — отецъ (Burmannus pater) также живъ; Бурманнусъ—сынъ (Burmannus filius), говорятъ, работаетъ надъ Plantas Capenses. Кёльпинъ (Kölpin) въ Грейфсвальдѣ подаетъ надежду, что будетъ дѣятеленъ; здравый умъ и охота къ коллекціямъ выпали на его долю. Гилъ (Hill) въ Лондонѣ пишетъ много, но онъ компилируетъ и выдумываетъ. Изображеніе Thea viridis, которое Линней bona fide цитировалъ, говорятъ, выдумано. Гудзонъ (Hudson) изряденъ, также и Ли (Lee) (hortulanus); затѣмъ и госпожа Моусонъ (Mouson), весьма интересующаяся коллекціями. Соландеръ (Solander, Svecus) работаетъ ежедневно въ Лондонѣ въ Royal museum, но онъ лѣнивъ и можетъ-быть слишкомъ поверхностенъ. Въ Кью (Kew) учреждается дорогой ботаническій садъ на счетъ вдовствующей королевы, который въ непродолжительномъ времени будетъ красивъ. Въ Нюренбергѣ Тревъ (Trew) издаетъ рисунки цвѣтовъ, высылаемыхъ ему Эретомъ (Ehret) изъ Лондона; эти изображенія изящнѣйшія изъ всего вышедшаго. Палласъ извѣстный своею Зоологіею, говорятъ, сдѣлался профессоромъ естеств. ист. въ Петербургѣ. Роландеръ (Rolander), ученикъ Линнея,

отправившійся въ Суринамъ, возвратился домой однакожъ не много помѣшаннымъ; онъ теперь на островѣ Винѣ (Hween), гдѣ бургомистръ Шавъ содержитъ его. Здѣсь въ Стокгольмѣ мы учреждаемъ ботаническій садъ, котораго я состою префектомъ. Если вы, г. магистръ, можете мнѣ выслать свѣжія сѣмена, то окажете большую услугу. Я собираю книги in scientia naturali и растенія вмѣстѣ съ моимъ братомъ, служащимъ въ банкѣ, и долженъ сознаться, что мы оба брата, живущіе вмѣстѣ и имѣющіе все общее, съ чрезвычайнымъ стараніемъ занимаемся наукою. Надѣюсь, что вы, г. магистръ, подадите намъ руку помощи и снабдите насъ своими коллекціями. Увѣряю васъ, что болѣе благодарныхъ, честныхъ и надежныхъ корреспондентовъ вы никогда не найдете. Коллекціи, которыя вамъ угодно будетъ послать, могутъ быть сданы здѣсь въ Стокгольмскомъ пакгаузѣ, подъ адресомъ инспектора Экебома, для передачи мнѣ. Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

145. *Стр.* 37. Онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ бергмейстеру Кронстедту (Cronstedt) $1756^{14}/_{26}$, $1757^{26}/_{5}$ и $1764^{20}/_{4}$: «при этомъ посылаю настоящія ревенныя сѣмена, полученныя мною отъ проф. Гортера, лейбъ-медика импер. Елизаветы». Рукоп. Далѣе въ Rön o. am. om. utt. växter. försökte i finskt Climat» во многихъ мѣстахъ.

146. *Стр.* 38. Рукоп.; ср. до 1790 г.

147. *Стр.* 38. Состоялъ при ревенной коммиссіи въ Кяхтѣ; см. Палласъ, Reis. III, 157.

148. *Стр.* 39. Сиверсомъ, см. ниже.

149. *Стр.* 40. Sib. Briefe, II.

150. *Стр.* 40. Описаніе (Hirundo daurica) въ трудахъ Шведск. акад. наукъ III, 210.

151. *Стр.* 40. См. N. insect. sp. и N. plantt. sp.
Georgi, Beschr, III, 1174 приводитъ *Robinia spinosa*, не упоминая о Лаксманѣ, но за то Палласъ, который однакожъ называетъ растеніе *Robinia ferox*, присовокупляетъ, что Лаксманъ доставилъ «eine ganz unverbesserliche Beschreibung dieses schönen Strauchs» (Reise III, 752). Для *Trifolium d.* онъ однакожъ цитируетъ Лаксмана (l. c. 1198). Онъ замѣчаетъ (въ Перечнѣ), что *Robinia sp.* всѣми предшественниками смѣшивалась съ *R. pygmaea.*

152. *Стр.* 40. Sib. Briefe, — 13—28.

153. *Стр.* 41. Онъ подразумѣвалъ сочиненіе Мюллера De scriptis tanguticis in Sib. repertis (Com. X, 420—468).

154. *Стр.* 41. «Hrn Laxmanns Nachrichten... stimmen mit denjenigen, die man von ganz andern Orten her hat, vortrefflich überein... Dies macht zugleich ein gutes Vorurtheil für die Richtigkeit der meteorologischen, naturhistorischen und andern Beobachtungen unsers Verfassers»; Sibir Briefe, 17. Ср. Риттеръ (Erdk. II, 746), который, по поводу изложенія вопроса Фурмономъ (Fourmont), напоминаетъ:

ein schreckliches Exempel der französischen Windmacherei jener Zeit!» О поѣздкѣ Лаксмана къ Джидѣ упоминаютъ также Спасскій Спб. Вѣстн. 1821, XIII, 73 и Штукенбергъ (Stuckenberg), Hydrogr. d. russ. R. VI, 162.

155. *Стр.* 41. Sibirische Nebenstunden. Смотр. о томъ ниже въ главѣ X. Уже Гмелинъ (I, 833 и сл.) и Мюллеръ обращали большое вниманіе на монгольскіе религіозные обычаи.

156. *Стр.* 41. См. ниже.

157. *Стр.* 41. «Neue Mittel zur Befestigung d. Flugsandes», помѣщено въ Abhandl. d. freyen ökon. Gesellsch. T. VIII № 6 (ср. Ausw. ökon. Abhandl. I, 5) и по-русски Новые нѣкоторые способы etc. въ Трудахъ вольнаго эконом. общества 1768, Ч. VIII, 60—66.

158. *Стр.* 41. Если онъ подразумѣвалъ его Fundamenta Astrographiae, 7 f., то его литературная переписка производилась живо: диссертація Линнея была отъ 7 іюня 1767 г., а его собственное сочиненіе подписано — Барнаулъ, 26-го декабря того же года.

159. *Стр.* 42. Sib. Briefe, 10.—Въ то время здѣсь еще не существовало прекраснаго учрежденія англійской миссіи, о которомъ мы находимъ достойное вниманія описаніе у Мартоса, Письма о восточной Сибири (Москва 1827), стр. 67 и слѣд.

160. *Стр.* 42. Ср. Палласъ, Flor. ross. I, 44. Георги, Beschr. III, 955.

161. *Стр.* 42. Ср. до 1781 года.

162. *Стр.* 43. Reisen. I, 36 — 48. Объ этихъ источникахъ стоитъ прочитать у Риттера (Ritter Erdkunde III, 67. Гессъ (Hess), Geogn. Beob. (въ Leonhards Zeitschr. II, 326 и слѣд.). Эрманъ (Erman, Reise um d. Erde, I, 184 и слѣд. Геденстремъ (Hedenström), Отрывки о Сибири (С. П. 1830), также и въ нѣмецкомъ переводѣ: Fragmente od. etwas üb. Sib. (St. P. 1842), стр. 185. Спасскій Спб. Вѣстн. 1820, X, 337 и слѣд. 1822, XVIII, 129 — 148. Какъ объ этомъ, такъ и вообще о байкальскихъ и нерчинскихъ мѣстностяхъ смотр. изслѣдованія, въ 1855 — 59 г.г. порученныя, по рекоммендаціи знаменитаго земляка моего Христ. фонъ Стевена, петербургскимъ геогр. обществомъ г-ну Радде, и были имъ такъ успѣшно исполнены, Reisen im Süden и Ost.-Sib. I, и Berichte 172. 335 и слѣд. 665.

163. *Стр.* 43. Не Мессершмидтомъ ли? Не печатно?

164. *Стр.* 43. Георги, упоминающій также объ этомъ озерѣ и находящемся на немъ островѣ, обозначаетъ длину его только въ 12 верстъ. Reisen. I, 143.

165. *Стр.* 45. И Георги упоминаетъ тоже лишь о 7 источникахъ. Въ наше время открыто гораздо большее число, Штукенбергъ (Stuckenberg), Hydrogr. II, 491.

166. *Стр* 46. Erdkunde, III, 138.

167. *Стр.* 46. Итансой называется рѣка не только Палласомъ

(Reisen, III, 104), но также и Гмелиномъ (II, 147), Георги (I, 325) и Лаксманомъ. Штукенбергъ забылъ эту рѣку.

168. *Стр.* 46. Штукенбергъ, Hydrogr. VI, 161 по Спб. Вѣстн. Спасскаго 1820, № 5, стр. 20.

169. *Стр.* 47. Напр. въ Gmelins Reise, II (1752), Fischers Sibir. Gesch. II (1768), Falcks Beytr. I (1785), Pallas, Reise, III, 1776.

170. *Стр.* 47. Georgi, Reise, I, 48 и слѣд. 146. Ritter, Erdk. II, 1033. III, 10. Слѣдовательно не совершенно вѣрно, что́ Штукенбергъ II, 521 говоритъ: Von Steuermann Puschkarev ward 1772 und 1773 die erste Karte des Baikals zusammengesetzt, также и въ Descr. du lac Baikal, trad. du russe par Klaproth, помѣщ. въ Nouv. Ann. des Voy. T. XXVII (1825), 293. О Фрауэндорфѣ, отъ собственной руки котораго находится карта въ Петерб. академіи наукъ, см. Middendorff, Sib. Reise, IV, I, 1 (1859, стр. 46), о Брильской картѣ тамъ же, стр. 197.

171. *Стр.* 47. Ср. Риттеръ, Erdk. II, 820. 839.

172. *Стр.* 47. См. о томъ Falcks Beytr. I, 298. 307. Hermann, Mineralog. Reisen in Sib. I. 323. Ritter, Erdk. II, 587.

173. *Стр.* 47. Онъ однакожъ составилъ собственный гербарій, употребляемый Фалькомъ, II, 174, 205. Упоминается также Палласомъ III, Vorrede, и N. Nord. Beitr. IV, 397. 399 и слѣд. Германномъ (Hermann), Min. Reisen, I. 323 Masson, Mémoires, III, 73.

174. *Стр.* 48. Для сравненія упомянемъ о поѣздкахъ академическихъ путешественниковъ въ эти мѣстности. Гмелинъ описываетъ какъ что-то особенно величавое свою и Мюллерову поѣздку (1734; ср. Пекарскій, Истор. Акад. Н. I, 324) въ Устькаменогорскъ (до Алтая они вовсе не дошли), I (1751), 223: «Weil die Jahreszeit noch gut war, und die Reise durch eine gute Bedeckung ziemlich sicher gemacht werden konnte, so entschlossen wir noch bis Ustkameno-gorskaja Krepost zu gehen. Allein es ereignete sich ein neuer Zweifel. Man stellte uns die Wege so böse dar, dass man weder mit Wagen noch mit Karren durchkommen könnte, und schrieb die Ursache davon den vielen Flüssen und Bergen zu, über welche man gehen muss. Indessen hatten wir unsere Geräthschaft bey uns, und überdem zweifelten wir, ob wir die Reise zu Pferde, als in diesen Übungen unerfahrne Leute, auch würden ausstehen können. Wir entschlossen uns jedoch das letztere zu wagen, indem es in unserem Willen stund die Reise langsam oder geschwinde zu thun. Wegen der Geräthschaft aber erachteten wir es für nöthig, unsere Gesellschaft zu theilen. Wir, die Mahler, der Dollmetscher, der Unterwundarzt, der Berghauer und vier unserer Soldaten nebst dem Corporal wollten zu Pferde nach Ustkamenogorsk gehen. Weil wir aber die Lebensmittel mit uns führen musten, so nahmen wir noch vier Karren mit uns, und traten den 7-ten Aug. nachmittags um 3 Uhr nebst einer

Bedeckung von 20 Mann, die von einem Lieutenant geführet wurden, unsere Reise an. Zu gleicher Zeit fertigten wir den Feldmesser, die drei Studenten und den Schmied, nebst den vier übrigen Soldaten, dem Trommelschläger, zehn Mann zu Pferde und zehn bei den Karren mit unserer Geräthschaft ab... Wir erfuhren zu Gnüge, wie beschwerlich eine solche Reise sey».—Фалькъ (1771), который имѣлъ при себѣ трехъ студентовъ, фельдшера, живописца и двухъ солдатъ (и еще Георги помощникомъ), дошелъ отъ Барнаула къ югу не далѣе какъ до Змѣиногорска. Палласъ также самъ не посѣтилъ ни Синей Сопки, ни Алтая, а только посылалъ туда студента Соколова съ егеремъ и нѣкоторыми казаками, и подробно описываетъ ихъ «mühsame Reise» въ (юлѣ 29 — 31); причемъ онъ однакожъ, достигши истоковъ Тигеряка «besonders in Ermanglung kundiger Begleiter sich nicht zu tief in ein unbekanntes Gebürge wagen durfte» (Reise, II, 561. 567 и слѣд.). Потому Риттеръ и говоритъ, Erdk. II, 583: Des Studenten Sokolofs Excursion in jenes Schneegebirge von Tigeräzkoi, die Pallas mittheilt, ist unbedeutend zu nennen». О барометрахъ и измѣреніяхъ высоты эти офиціальные изслѣдователи совершенно умалчиваютъ.

175. *Стр.* 48. Sib. Br. 12. 30. Еслибъ это сочиненіе было извѣстно Ледебуру, то онъ не дозволилъ бы себѣ скептическаго выраженія въ Reise durch d. Altai-Gebirge, I (1829), 4: «Über Laxmanns (vielleicht) angestellte Reise in den Altai ist nichts bekannt»; и это выраженіе дѣлается тѣмъ болѣе двусмысленнымъ, что онъ читалъ же хоть Риттера объ Алтаѣ, I, 271 а во второй части его сочиненія напечатана статья Геблера, въ которой на стр. 3 сказано: «Laxmann, der so lange in Sib. lebte, mochte wohl einige Insekten entdeckt haben, wenigstens sammelte er sie, als er Prediger in Barnaul; doch war der grosse Pallas der erste, der reichere Schätze in diesem Lande vermuthen liess, u. zuerst so manches schöne Insekt desselben beschrieb». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ цитируетъ Pallas N. nord. Beitr. (гдѣ однакожъ не встрѣчаемъ ни одного слова объ этомъ предметѣ!).

176. *Стр.* 48. Скорѣе: Бѣлки (бѣлая или снѣжная гора=albi=альпы). Названіе Малый Алтай однакожъ еще въ употребленіи, хотя неодобрено Гумбольтомъ, Риттеромъ, Щуровскимъ (Геологич. путешествіе по Алтаю. Москва 1846, стр. 362 прим.).

177. *Стр.* 48. Онъ говоритъ, Erdk. II, 808. (Ср. Мальте Брунъ III, 338), о восхожденіи Лаксмана на гору: «Dass allerdings in den früheren Zeiten die Benennung Maloi Altai in den nächsten Umgebungen des Schlangenberger Begreviers im Gebrauch war, ergiebt sich aus des dortigen Pastor M. Erich Laxmann Briefe vom Jahre 1767 an Schlözer, in welchem er die aller ersten Barometermessungen mittheilt, welche er daselbst angestellt, nämlich in Barnaul 377 Fuss über d. M., Schlangenberg 1548, und auf den höchsten

Spitzen derjenigen Altaischen Gebirge, die nach ihm Maloi Altai genannt werden, welche die damalige Messung, nach Bouguers Formel, als eine Höhe von 6559 Fuss angab, woraus sich ergiebt, dass unter diesem Namen die Tigeräzkoi Bielki höchst wahrscheinlich gemeint waren, die zunächst von dort aus zu erreichen sind und sich zu dieser Höhe erheben», и далѣе, II, 865 сл., сравнивая болѣе позднія измѣренія: «Patrin erstieg gegen Süd denjenigen Theil des Hochgebirges, der die Hochthäler der Bjelaja im W. und des Tigeräk im Osten scheidet, bis zum hohen Rassypnoy Kamen, dem höchsten gemeinsamen Gipfel der Tigeräzkoi Bielki (Maloi Altai bei Laxmann genannt; 6559 Fuss üb. d. M.), der nach Patrins Angabe, einer Messung des Bergbeamten Ridder zu Folge, zu welcher Renovanz in Tigeräk und Leube in Schlangenberg correspondirende Barometerbeobachtungen gemacht hatten, nur 6177 Fuss über das Meer sich erheben soll. Doch konnte Ridder mit dem Barometer, bei dieser Messung, nicht die höchste Spitze erreichen. Ob Laxmann, der erste, der, nun (1830) schon vor 65 Jahren, hier die so verdienstliche Barometermessung am Altai in Gang brachte, ganz dieselbe Felspyramide mass, ist nicht näher bestimmt». Также и по другимъ вопросамъ (напр. III, 11. 69) Риттеръ предпочитаетъ показанія Лаксмана «des trefflichen Beobachters», позднѣйшимъ; какъ кажется, онъ въ особенности не довѣрялъ измѣреніямъ высоты Ренованца, а равно и Патрена (II, 839). Энгельгардтъ тоже не придавалъ никакого значенія описанію Алтая Реновацемъ въ Reise I, 421 Ледебура. При описаніи восхожденій своихъ на Алтай Патренъ (1781) и Шангинъ (1786) не сочли даже нужнымъ упомянуть о Лаксманѣ; ср. N. nord. Beitr. II, 365 слѣд. IV 163 и слѣд. VI, 27 и слѣд. Палласъ же, какъ кажется, готовъ считать измѣренія Лаксмана ненадежными (N. nord. Beitr. II, 363 и 368 въ примѣчаніяхъ), но когда писалъ это, былъ немного сердитъ на стараго друга своего; ср. ниже до 1780 г.

178. *Стр.* 48. См. Georgi, Beschr. III, 937. 1356. Nachtr. 261. 269. 294. 296.

179. *Стр.* 48. N. Plantt. spec. (въ N. Com. XV и XVIII). Ср. о *Spiraea alt.* (*laevigata*) Georgi, Beschr. III, 1020; *Gentiana grandifl.* (*altaica, uniflora*) Georgi III, 833. Pallas, Flora ross. II, 109; *Sibbaldia alt.* Georgi III, 866. *Ornith. alt.* Georgi III, 905, взята въ той же мѣстности и упоминается съ именемъ Лаксмана, Патреномъ, согласно письму его 1782 $^{10}/_{2}$ въ N. nord. Beitr. IV, 183; *Ranunc. alt.* Georgi III, 1069; *Dracoceph. alt.* Georgi III, 1095, въ послѣдствіи также взятая Шангинымъ (1786) въ той же мѣстности, см. N. nord. Beitr. VI, 55, *Ornith. unifl.* Georgi III, 903; *Polyg. sib.* Georgi III, 944. Ср. Radde, Berichte 409.

180. *Стр.* 49. N. insectt. sp. (въ N. Com. XIV.

181. *Стр.* 50. Ср. выше прим. 157.

182. *Стр.* 50. Рукопись.

183. *Стр.* 50. Смотри примѣчаніе его къ Sib. Br. 104. Лаксманъ самъ пишетъ: So gern ich Ihnen auch einige Insecten schicken wollte, so wage ich doch bei dieser Gelegenheit nicht, weil Überbringer dieses nicht wieder nach Kolyvan zurück kommen wird.

184. *Стр.* 51. Дивизіоннымъ пасторомъ Западной Сибири К. Августомъ (C. August).

185. *Стр.* 51. Ср. прим. 57, 64.

186. *Стр.* 51. См. прим. 47.

187. *Стр.* 52. Лёйбе (Leube), см. Фалькъ здѣсь ниже въ прим. 233. О Лаксманѣ: Палласъ N. nord. Beytr. II, 364 и Reise во многихъ мѣстахъ; Фалькъ, Beytr. I, 296 и слѣд.

188. *Стр.* 52. Ullmann, Mittheilungen u. Nachrichten für die Evangel. Geistlichkeit Russlands, VIII, 81 слѣд. пишетъ: «Nachdem Leube sein geistl. Amt niedergelegt hatte, verwaltete Erich Laxmann von 1764—1768 dasselbe, wo er nach einer Bemerkung im Barnaulschen Kirchenbuch nach Petersb. reisete und sagte, dass kein Pastor bei der kleinen Gemeinde nöthig sei. Auch er ging in Staatsdienste über, was wohl deutlich zeigt, dass er am Seelsorgeramte keinen Gefallen hatte. Dieses geht auch daraus hervor, dass er sich mit naturhistorischen Gegenständen des Landes beschäftigte, wodurch die ungetheilte Aufmerksamkeit u. Wirksamkeit für das Seelenheil seiner weit im Gebirge u. in den Ebenen zerstreuten u. durch Dienstverhältnisse vereinzelten Gemeinde verloren ging. Seine Beobachtungen im Bereiche der Geographie sind durch gleichzeitige übertroffen u. die Gemeinde wollte für dieselben ihm nicht salariren». По этому отзыву Лаксманъ былъ бы безсовѣстнѣйшимъ человѣкомъ! — Иначе судилъ о немъ Шлецеръ въ предисловіи къ Sib. Br. Ср. также ниже прим. 230.

189. *Стр.* 52. Бакмейстеръ (Bacmeister), Russ. Bibl. I, 151 говоритъ ошибочно, что онъ прожилъ 6 лѣтъ въ Сибири.

190. *Стр.* 53. Сообщено г. старшимъ пасторомъ А. В. Фехнеромъ въ Москвѣ. — Георгъ — описка вмѣсто Эрикъ.

191. *Стр.* 53. Ср. прим. 61. Также и во время поѣздки въ Сарепту (1770) мы встрѣчаемъ его у Волги; ср. глав. XII.

192. *Стр.* 53. Beytr. zur topogr. Kenntn. d. R. R. 1, 6, присовокупляя: «Ohne Krankheit also wäre dieser der angenehmste und nützlichste unter allen meinen vorigen Wintern gewesen». Онъ оставался въ Москвѣ съ конца сентября до начала весны 1770 г.

193. *Стр.* 53. 1769 $^{17}/_{7}$, Рукоп.

194. *Стр.* 55. Пекарскій, 663 и 551. Reimers, St. Petersb. I, 282 слѣд. II (1805), 391. Ходневъ, Краткій обзоръ столѣтней дѣятельности Вольнаго эконом. общества съ 1765 до 1865 года (въ Трудахъ 1865).

195. *Стр.* 55. Первые 11 томовъ были изданы по-русски и по-нѣмецки подъ названіями: «Труды вольнаго экономическаго общества». С. П. 17 — 1769, 8° и «Abhandlungen d. freyen ökonomischen Gesellschaft». St. Pet., Riga u. Lpzg. 1767 — 1776, 8°, но слѣдующіе только по-русски, однакожъ такимъ образомъ, что изъ нихъ перепечатывали разныя болѣе замѣчательныя подлинныя статьи подъ заглавіемъ «Auswahl ökonom. Abhandl., welche d. fr. ökon. Ges. in St. P. in teutscher Spr. erhalten hat», Bd. I — IV. St. P., gedruckt beym k. adeligen Landkadettenkorps 1790 — 93 8°. Также и другія сочиненія обнародованы Обществомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что русская и нѣмецкая редакціи тѣхъ же статей иногда расходятся, — что нерѣдко бываетъ и съ другими сочиненіями, издаваемыми на нѣсколькихъ языкахъ.

196. *Стр.* 56. См. Ходневъ, 266. 363.

197. *Стр.* 57. Сочиненіе изданное Бергіусомъ; ср. выше прим. 144.

198. *Стр.* 57. См. прим. 223. Объ этомъ Лаксманъ въ тотъ-же день (1769 $^{13}/_{4}$) писалъ секретарю Шведской академіи наукъ, астроному Варгентину: «Имѣя честь быть шведскаго происхожденія, считаю обязанностью своею услужить корол. акад. наукъ этою неизвѣстною птицею. Какъ только представится надежный случай, перешлю партію рѣдкихъ минераловъ съ надлежащими описаніями. Надѣюсь вскорѣ имѣть это удовольствіе, такъ какъ баронъ Риббингъ (см. стр. 54 и т. д.) обѣщался помочь мнѣ въ этомъ. «Между тѣмъ пребываю» и т. д. Вмѣсто «шведскаго происхожденія» онъ конечно могъ бы написать «финскаго», тѣмъ болѣе, что и Варгентинъ черезъ отца своего происходилъ изъ Финляндіи. Варгентинъ, род. 1717 г., † 1783 г., былъ тоже членомъ петербургской акад. наукъ.

199. *Стр.* 57. Это случилось въ первый разъ въ слѣдующемъ, 1770 году; затѣмъ повторялось. Ср. Розенгане (Rosenhane) Antt. стр. 124 и слѣд.

200. *Стр.* 57. Ср. прим. 122.

201. *Стр.* 58. Ср. прим. 120.

202. *Стр.* 58. Ср. прим. 126. 222. — О подобномъ трудѣ, составленномъ Юнкеромъ (Juncker) для сената, упоминаетъ Пекарскій, II, 297 прим.

203. *Стр.* 58. Ср. прим. 211. 215.

204. *Стр.* 59. См. текстъ, стр. 66 и слѣд.

205. *Стр.* 59. См. текстъ, стр. 66.

206. *Стр.* 60. Ср. сочиненіе въ прим. 217. Въ нѣмецк., но не въ русской редакціи раза два положительно ссылаются на 1769 годъ, но за то въ послѣдней (а не въ нѣмецк. текстѣ) читаемъ, что большинство растеній уже «отцвѣли». Между намеками относительно

этого путешествія укажемъ на слѣдующіи. Въ одномъ примѣчаніи въ нѣмецк. редакціи читаемъ, что статья эта: «scheint den berühmten Hrn. Hofrath Erick Lacksmann (ср. прим. 20) zum Verfasser zu haben, und nicht auf Befehl des Gouvernements, sondern aus blosser Neigung zur Kenntniss seines Vaterlandes, in welchem er auch lange gewesen, beyzutragen, entstanden zu seyn». Это конечно небрежно сказано; м. пр. слово «scheint» кажется совершенно неосновательнымъ, такъ какъ фамилія Лаксмана поставлена подъ русскимъ текстомъ, гораздо раньше изданнымъ. Тутъ однакожъ подъ словомъ «Vaterland» вѣроятно должно подразумѣвать Финляндію (въ противоположность къ Россіи, а не Россію въ противоположность къ Сибири, гдѣ Лаксманъ опять находился въ то время, когда замѣчаніе было написано), хотя конечно Л. самъ называетъ Россію, въ обширномъ смыслѣ «unseres Vaterland»; смотр. выписки изъ рѣчей его, здѣсь стр. 62; неосновательность причисленія къ Финляндіи Олонца, населеннаго карелами, едва заслуживаетъ вниманія.

207. *Стр.* 60. Георги, Beschr. I (1797), 59.

208. *Стр.* 60. См. стр. 82.

209. *Стр.* 60. Въ только что упомянутой нѣмецк. редакціи.

210. *Стр.* 61. Ср. прим. 105.

211. *Стр.* 62. Онъ самъ говоритъ въ письмѣ 1769 $^2/_6$ (см. прим. 203): «Die Kenntn. einheimischer Naturalien» и «Von den Vorzügen des Brennholzes», которыя однакожъ не находятся между его напечатанными статьями, но можетъ быть онъ подъ первымъ подразумѣваетъ свою вступительную рѣчь.

212. *Стр.* 62. См. Рѣчь произнесенная г. пасторомъ Лаксманомъ въ собраніи вольнаго эконом. общества, въ Трудахъ XI, 76—85 и «Rede d. Hrn. Pastor L.» въ Abhandl. XI (въ Beckmanns Phys. Bibl. VIII, 287).

213. *Стр.* 62. См. его собственныя слова выше, стр. 12.

214. *Стр.* 63. Общество издало на русск. и нѣмецк. языкахъ 1 часть постановленнаго наименованія естественныхъ произведеній подъ редакціею Нартова, съ заглавіемъ «Словарь минералогическій» и «Mineralogisches Wörterbuch», 8° стр. 106, большею частью по Валлеріусу (ср. здѣсь выше, прим. 122); но имѣлъ ли Лаксманъ, тогда уже выселившійся изъ Петербурга, въ немъ какое либо другое участіе, кромѣ приглашенія къ нему, мнѣ неизвѣстно. Мимоходомъ упомянемъ, что на обученіе воспитанниковъ дворянскаго сухопутнаго корпуса естественной исторіи нѣсколько лѣтъ было употреблено большое стараніе, совершенно согласно тому, какъ предложилъ Лаксманъ.

215. *Стр.* 63. Ср. письмо 1769 $^2/_6$ (прим. 203). Только по русски: «Наилучшій способъ сѣять древесныя сѣмена для произращенія

лѣсовъ въ сибирскихъ степяхъ» въ Трудахъ, ч. XII, 67 — 84. Ср. Auswahl ökon. Abhandl. I (1790), 5 и Ходневъ, 280. 282.

216. *Стр.* 64. См. 1774 годъ.

217. *Стр.* 64. Въ «Auswahl» и т. д. I (1790), 177—204, и ранѣе по-русски: Экономическіе отвѣты, касающіеся до хлѣбопашества въ лежащихъ около рѣки Свири и южной части Олонца мѣстахъ» въ Трудахъ 1769 года, ч. XIII, 7—43. Ни объ этой, ни о послѣдующей поѣздкѣ Лаксмана (1779 г.) не упоминаютъ ни Кампенгаузенъ (Vers. e. Beschr. d. Statthaltersch. Olonez, St. Pet. 1792) ни Бергштрессеръ, Опытъ описанія Олонецкой губерніи (Спб. 1838), а между тѣмъ въ сочиненіи Кампенгаузена есть особое литерат. ист. введеніе.

218. *Стр.* 64. «Von der Nothwendigkeit einer nähern Kenntniss des Ackerbaues u. der Landwirthschaft d. verschiedenen Gegenden des Reichs, mit 65 Fragen, deren Beantwortung dieses Bedürfniss befriedigen können». Ср. Ходневъ, 267.

219. *Стр.* 64. Эту заслугу ему приписываетъ даже Георги, Beschr. II, 34.

220. *Стр.* 64. Съ досадою восклицаетъ Лаксманъ, постоянно ходатайствовавшій объ уходѣ за лѣсами, говоря о дурномъ обычаѣ, что деревья часто рубятся, но затѣмъ, при недостаткѣ средствъ къ исполненію дѣла, остаются гніющими: «Ist dieses nicht die Handlung eines Bösewichts? Ist es nicht sich um die Wette zu bestreben die Holzungen auszurotten?»

221. *Стр.* 64. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ мы читаемъ, стр. 198: «wo jetzt kleine Fahrzeuge gebaut werden», а въ русскомъ переводѣ, «гдѣ нынѣ не строятъ никакихъ судовъ», слѣдовательно «keine» вмѣсто «kleine».

222. *Стр.* 65. Ср. Ловицъ, Obss. circa salis communis crystallisationem ope frigoris (1792) въ N. Act. VIII, 364 слѣд. XI. 271 слѣд. и въ Auswahl etc. II, 129 слѣд. подъ именемъ Георги: Abh. von den Küchensalzarten russ. Landseen u. der best. Art ihrer Reinigung, eine Preisschrift.

223. *Стр.* 65. См. прим. 198. Сообщено въ Sv. vet. akad. handl. 1769, XX, 3, 209 — 213 и Abhandl. d. schwed. Ak. XXXI.

224. *Стр.* 66. Онъ ссылается при этомъ на «Cat. Mus. Petrop.». См. мнѣніе Линнея въ прим. 69.

225. *Стр.* 66. Zoogr. Rosso-asiat. I (1811), 534. Georgi, Beschr. III (1798), 1861, упоминаетъ м. пр. О Палласѣ, но не о Лаксманѣ.

226. *Стр.* 67. Въ статьѣ «Наилучшій способъ» и т. д. (см. прим. 219) онъ говоритъ, стр. 80, упоминая о «*Mus myospalax*», описано въ первой части «моего Сибирскаго сочиненія», подъ которымъ можно лишь подразумѣвать Sibir. Nebenst., хотя они тогда еще не вышли.

227. *Стр.* 67. Рукоп.

228. *Стр.* 67. См. письмо въ текстѣ, стр. 82.

229. *Стр.* 67. Georgi, Beschr. I, 42, упоминаетъ о Sib. Nebenst. Лаксмана (ср. прим. 20), но умалчиваетъ довольно странно объ этомъ сочиненіи на стр. 57, гдѣ между прочими сочиненіями Эрика Лаксмана перечисляются «Sibir. Briefe». Едва ли можно думать, что Георги въ обоихъ мѣстахъ подразумѣвалъ послѣднее сочиненіе: гдѣ бы онъ нашелъ названіе перваго, которое впрочемъ упоминается только въ перепискѣ Лаксмана?

230. *Стр.* 68. Совершенно иначе нежели Ульманъ (ср. прим. 188) судитъ Шлецеръ о естествоиспытательномъ рвеніи Лаксмана: «der, ungeachtet er ein Geistlicher ist, u. einen Kirchsprengel mehr als 200 deutsche Meilen lang hat, gleichwol auf die Betrachtung seiner Welt, auf die Erforschung der Natur u. auf die Einsammlung neuer Kenntnisse mehr Zeit verwendet, als mancher europäische Pfarrherr, der alle seine Schäflein in einem Dorfe beisammen hat».

231. *Стр.* 68. Въ письмѣ 1770 $^{9}/_{10}$; см. ниже.

232. *Стр.* 68. Bernouilli, Reisen IV (1780), 25. Meusel, Bd. VIII (1808), 91, говорятъ, что эти письма «sind selten, weil sie wider sein Wissen herauskamen, und er so viel Exemplare, als er nur konnte, einzog»; Trautvetter, Grundr. e. Gesch. d. Botanik in Bezug auf Russl. (S. P. 1817), стр. 16 цитируетъ письма Л., не видавъ ихъ; Шлецеръ самъ упоминаетъ въ своемъ Leben, стр. 119 лишь то, что онъ во время своего пребыванія на вакаціяхъ въ Геттингенѣ издалъ эти письма съ примѣчаніями, но ничего болѣе. Референту извѣстны въ Финляндіи по крайней мѣрѣ 2 экземпляра, а также нѣсколько другихъ въ библіотекахъ въ Швеціи и Россіи. Письма также переведены. Письма, относящіяся до Сибирскаго края, отъ Линнея къ Лаксману и отъ Лаксмана къ Шлецеру и Бекману, помѣщены въ Сибирскомъ Вѣстникѣ Спасскаго: IX и X (внизу стр. 151 — 166, 197 — 210, 249 — 266, на верху стр. 1—48), съ примѣчаніями издателя къ письмамъ Линнея и 3 первымъ Лаксмана (стр. 267 — 283) и къ примѣчаніямъ Шлецера при 7-омъ письмѣ Лаксмана (стр. 327 — 342, 67—82); этотъ русскій переводъ внѣ Россіи еще бо́льшая рѣдкость чѣмъ подлинникъ.

233. *Стр.* 69. Кромѣ того, что́ выше сказано, прибавимъ тутъ двойное предположеніе, что не только вышеприведенная замѣтка въ барнаульской церковной книгѣ, но также и непонятная молчаливость Фалька и Палласа, посѣтившихъ Барнаулъ лишь два года по отъѣздѣ оттуда Лаксмана и восхвалявшихъ ученое рвѣніе многихъ тамъ живущихъ рудокоповъ (Лёйбе, Гана и другихъ), несмотря на то, относительно столь замѣчательной дѣятельности Лаксмана въ томъ же мѣстѣ, должны считаться репрессаліями за Sib. Br. послѣдняго. Если исключить, что въ путешествіи Фалька (II, 160) Лаксманъ

упоминается за описаніемъ Ornithogalum uniflorum (однакожъ невѣрно: N. Com. Acad. Petrop. XVII вмѣсто XVIII), тамъ встрѣчается (II, 200 и III, 432) лишь слѣдующая злостная тирада при рѣчи о Cimicifuga (ср. выше прим. 82): Das Vermögen dieses Krautes die Wantzen durch den Geruch zu vertreiben, ward in Barnaul sehr bezweifelt, da der Herr Hofrath Laxmann, als er daselbst Prediger war, es einzuführen gesucht, aber in seiner eigenen Wohnung viel Kraut in allen Winkeln und noch weit mehr gesunde fruchtbare Wantzen in allen Ritzen hinterlassen hatte», — свѣдѣніе, коего правдоподобность кажется сомнительною, по поводу того, что Лаксманъ самъ пишетъ о семъ растеніи. За то о Лаксманѣ не упоминается даже при исчисленіи такихъ естественныхъ произведеній, которыя явно имъ открыты, а между тѣмъ даже надоѣдаютъ постоянныя ссылки, на Палласа часто съ весьма пышными эпитетами (хотя не въ собственныхъ Bemerkungen Георги!). Этого конечно нельзя прямо приписать Фальку, а оно скорѣе произошло отъ издателя его путешествія (1785 — 1786 г.) Георги, съ которымъ Лаксманъ (отчасти именно вслѣдствіе этого изданія, см. ниже) не состоялъ въ особенно пріятныхъ отношеніяхъ (ср. стр. 16 и т. д.). Что касается до Палласа, то онъ дѣйствительно два раза съ похвалою упомянулъ объ изслѣдованіяхъ Лаксмана въ Дауріи (см. выше прим. 98 и 151), но о пребываніи его въ Барнаулѣ знаетъ такъ же мало какъ и Фалькъ, хотя оба они весьма подробно говорятъ объ этомъ городѣ.

234. *Стр.* 69. Разныя статьи эти были вѣроятно: 1. Beschr. d. Silberzerze = Minera argenti etc (см. главу XV), 2. Mus subterraneus = Mus myospalax (см. главы XII, XIV и прим. 106, подъ этимъ названіемъ вида имъ показанный не только въ Sib. Br. 1764, см. выше, но и въ русской статьѣ 1769 въ прим. 226), 3. Sorex minutus = S. caecutiens (см. п. 105), 4. Spiraea altaiensis = Sp. alt. «elegantissimus suo generi frutex», которую онъ уже самъ подробно описываетъ въ N. Com. XV (см. п. 309).

235. *Стр.* 69. Какъ-то Götting. Anz. v. gelehrten Sachen, 83. St. 13-го іюля 1769; Jen. Zeit. v. gel. Sachen 1769, 523 и слѣд.; Leipz. Zeitung v. gel. Sachen, Dec. 1769, 823; Allm. tidningar, Sth. 1770, 70 слѣд. Allg. deutsche Bibl. XV, 1771, стр. 584.

236. *Стр.* 70. См. выше письмо 1769 $^{13}/_{4}$ въ IX главѣ.

237. *Стр.* 72. Примѣрно въ тяжбѣ господина Нартова и его сообщниковъ противъ каверзника Шумахера; въ плачевно успѣшныхъ доносахъ интригана Теплова на дѣятельнѣйшаго и преданнѣйшаго члена академіи, историка Мюллера; даже, и главнымъ образомъ, въ гоненіяхъ столь благороднаго впрочемъ писателя, химика Ломоносова противъ Тауберта, во всемъ, кромѣ хитрости, ему далеко уступавшаго. См. о Нартовѣ: Пекарскій, Исторія Имп. академіи наукъ, I (С. П. 1870), 34 слѣд. II (1873), IV, IX; о ссорѣ

Теплова съ Мюллеромъ: Пекарскій I, 349 — 364 и Бюшинга біографію (Beytr. zu d. Lebensgesch. denkw. Personen, III, 51 и слѣд.). Объ отношеніяхъ Ломоносова къ Тауберту (и вообще ко всѣмъ иностранцамъ, находившимся при академіи) Пекарскій произноситъ слѣдующее сужденіе: «У обоихъ была необыкновенная охота всячески унижать другого. Въ этихъ распряхъ принимали участіе также и прочіе члены, придерживаясь то стороны Ломоносова, то Тауберта. Все это имѣло конечно крайне печальныя послѣдствія для ученаго учрежденія и нисколько не содѣйствовало преуспѣванію его, хотя въ этой ссорѣ часто говорилось объ интересахъ наукъ, просвѣщенія и общаго блага». Ср. также Я. Гротъ, Очеркъ академ. дѣятельности Ломоносова. С. П. 1865, стр. 24.

238. *Стр.* 72. Ср. Бюшингъ, Beytr. zu d. Lebensgesch. III, 22. Ученыя Зап. Акад. Наукъ по I и III отдѣлен. I (1852). Введен. XIX.

239. *Стр.* 72. Пекарскій I, 550. II, 24.

240. *Стр.* 73. Пекарскій I, 292 слѣд. Онъ передалъ тогда императрицѣ одинъ «Plan d'un rétablissement de l'académie», который перепечатанъ Пекарскимъ I, 303 — 308.

241. *Стр.* 73. Директоромъ 1766 — 1774 г., † 1832 г. Пекарскій I, 668. II, LVIII.

242. *Стр.* 74. Schlözers Leben. стр. 103.

243. *Стр.* 74. См. выше стр. 17.

244. *Стр.* 74. Леммерихъ, см. выше въ прим. 40.

245. *Стр.* 75. См. о томъ Пекарскій I, XVIII слѣд. и Алопеусъ, Borgå gymn. hist. 528.

246. *Стр.* 75. О Лауреусѣ см. I. I. Тенгстремъ (I. I. Tengström). Fort. o. Ant, стр. 214. Эннесъ (Ennes), Karl XII's. krigare I, 501. Относительно подобной же дѣятельности другихъ финновъ въ Россіи, какъ-то Витстока (Wittstock), Норгрена (Norrgren), П. Ельма (P. Hjelm) и др., см. Алопеусъ, стр. 396, 528, 534, Тенгстремъ 170. О Штраленбергѣ и его извѣстн. сочиненіи: «Nörd.- u. östl. Theil von Europa u. Asia», Sth. 1730, 4° см. вообще Sv. biogr. lex.—Объ этомъ предметѣ заслуживаетъ быть прочитанною интересная статья Полянова «О присягѣ иноземцевъ и т. д.», напечатанная въ Русск. Архивѣ 1869, въ которой сообщаются свѣдѣнія между прочимъ о Іог. Шмидтѣ изъ Выборга, Яковѣ Рихертѣ изъ Сконе, I. Шлеттерманѣ изъ Стокгольма, объ I. В. Мюллерѣ, Д. Яхимсонѣ, генералѣ Шлиппенбахѣ, Карлѣ Принценштернѣ и др.

247. *Стр.* 75. I, XXIII слѣд., 200 слѣд., Ср. также Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго I, 161 о копіяхъ съ шведскихъ законовъ Петра.

248. *Стр.* 75. Былъ артиллеріи полковникомъ въ ноябрѣ 1724 г., когда отправленъ въ Швецію, гдѣ пробылъ до 1726 г. и познакомился со многими шведскими учеными, о которыхъ онъ говоритъ въ своей извѣстной hist. I, 508.

249. *Стр.* 76. Въ томъ, что Пекарскій (I, 724), противорѣча Сигесбеку, пересчитываетъ опубликованное Гледичемъ въ 1740 году «Consideratio» и т. д. ранѣе «Examen» Броваллія, заключается ошибка: послѣднее сочиненіе было издано раньше и уже критически разсмотрѣно въ Act. litt. Sveciae 1739 г., но было перепечатано въ 1743 г.

250. *Стр.* 77. Извѣстія о немъ сообщенныя Пекарскимъ I, 577, должны быть дополнены тѣмъ, что мы читаемъ у Алопеуса, стр. 536 и у В. Г. Лагуса, Progr. till juris dokt. prom. 1840, стр. 42. Не его ли сынъ тотъ К. Мэрлингъ (Meurling), о которомъ упоминается въ реестрѣ писемъ Гельсингфорскаго университета 1778 $^{26}/_{6}$?

251. *Стр.* 77. Пекарскій I, 697 и слѣд.

252. *Стр.* 77. Потому что настроеніе на этой сторонѣ было не очень-то дружелюбно и по featurekoзнямъ Симолина сдѣлалось еще болѣе враждебнымъ. Такъ проф. М. Валленіусъ пишетъ изъ Або къ Йёрвелю 1757 $^{15}/_{10}$: «Русскіе сильно подозрѣвали народъ въ возмущеніи, почему въ то время и были многіе подозрѣваемы, а Кампенгаузенъ грозилъ висѣлицею и страшною карою, въ особенности лицамъ духовнаго званія. И подозрѣніе было таки не безъ основанія (но молчите объ этомъ!), и подтвердилось бы, еслибъ сраженіе при рѣкѣ Корпо было лучше подготовлено. И сохрани Богъ, еслибъ вспыхнуло возстаніе, то бѣдная Финляндія, совершенно забытая, поплатилась бы за все. Помнится, въ рѣчи проф. Гасселя по случаю рожденія принца Густава было нѣсколько задористыхъ изреченій о предположеніяхъ и увлеченіяхъ того времени».

253. *Стр.* 77. Въ Sv. biogr. lex. ошибочно показано: 1768.

254. *Стр.* 77. См. выше стр. 55.

255. *Стр.* 78. Онъ писалъ объ этомъ Йёрвелю въ Стокгольмъ: «Або, 4 апрѣля 1764 г. Отъ нашего общаго друга г. профессора Валленіуса я недавно узналъ, что вы, г. библіотекарь королевской библіотеки, желали имѣть свѣдѣніе о предложеніи, которое мнѣ было сдѣлано въ нынѣшнюю зиму съ русской стороны. Вслѣдствіе того имѣю честь сообщить, что неожиданно получилъ письмо 12-го числа прошлаго января, написанное въ С.-Петербургѣ 15-го декабря 1763 г. (вѣроятно стараго стиля), содержаніе котораго видно изъ прилагаемой копіи. Я тѣмъ менѣе ожидалъ чего-либо подобнаго, что не имѣю тамъ ни одного хорошаго знакомаго и никогда въ Петербургъ ни одного письма не писалъ. Когда я сообщилъ это моимъ здѣшнимъ друзьямъ, то нѣкоторые совѣтовали мнѣ принять предложеніе, но большинство отсовѣтовали; мое же рѣшеніе было принято тотчасъ по вскрытіи письма, а именно: оставайся жить въ своей отчизнѣ! я научился искренно дорожить неоцѣнимою шведскою свободой. 31-го числа слѣдующаго января я отправилъ отвѣтъ такого содержанія, что хотя мнѣ не извѣстно какъ велико жа-

лованье профессора ботаники въ Петербургѣ, и хотя бы оно было въ 2, въ 3 или въ 4 раза больше мною здѣсь получаемаго, но все-таки, къ сожалѣнію, не могу принять мѣста, а долженъ предоставить его другимъ, по той причинѣ, что здоровье мое въ послѣдніе годы не столь крѣпко какъ было въ молодости, и я особенно долго страдалъ глазною болѣзнью, которая хотя теперь и сноснѣе прежняго, но не дозволяетъ мнѣ такъ основательно и прилежно изслѣдовать русскія растенія и произведенія природы, какъ нужно бы и какъ того требовала бы моя обязанность. (О прочихъ причинахъ, которыя мною упомянуты не были, вы, г. библіотекарь, легко можете догадаться). Затѣмъ я вкратцѣ описалъ мой способъ самому изучать естественную исторію и другихъ научать ей, а именно во всемъ тѣсно связывать съ нею хозяйство и медицину, и что я постоянно придерживался и придерживаюсь того еретическаго убѣжденія, что одна естественная исторія, безъ связи съ пользою, ею приносимой въ человѣческой жизни, ничто иное какъ одна болтовня и нисколько не лучше чѣмъ пропасть метафизическихъ глупостей. Въ заключеніе, въ знакъ благодарности я обѣщалъ имъ диссертаціи, здѣсь защищенныя подъ моимъ предсѣдательствомъ, и образцы собранныхъ мною въ Сѣверной Америкѣ растеній и горныхъ породъ. Затѣмъ я получилъ третьяго дня, т. е. 2-го числа н. мѣс., изъ Петербурга отвѣтъ отъ 9-го марта (вѣроятно стараго стиля), изложенный въ прилагаемой копіи, которую имѣю честь препроводить къ Вамъ, г. библіотекарь. Одна изъ главныхъ причинъ, не дозволившихъ мнѣ принять это предложеніе, была (будь это между нами сказано), что въ 1744 г. во время путешествій моихъ по Россіи я тамъ нашелъ цѣлыя мѣстности извѣстной горной породы и возлѣ нея обильныя лѣса, каковая горная порода ежегодно приноситъ Швеціи изрядныя деньги, но пока еще лежитъ мертвою въ Россіи. Еслибъ я перешелъ туда, то сдѣлавшись подданнымъ ея, долженъ былъ бы заявить о томъ; а открытіе ея навѣрно разорило бы наши учрежденія для той же горной породы; ибо тамъ достаточно лѣсу и рабочихъ силъ, пищи и т. д. по гораздо болѣе сходной цѣнѣ чѣмъ у насъ. Однакожъ замѣчаю, что остаюсь вѣрнымъ старому моему обычаю — никогда не кончать пока бумага не напомнитъ о томъ. Имѣю честь пребыть съ почтеніемъ и т. д. P. S. Препровождаю у сего копію съ письма русской академіи наукъ, чтобы вамъ, г. библіотекарь, обстоятельства дѣла были ясны, однакожъ не знаю, понравится ли имъ, еслибъ оно было напечатано».

256. *Стр.* 78. См. выше прим. 50.

257. *Стр.* 78. Приглашенія были въ 1765 и 1767 годахъ; см. Тенгстрёмъ (стр. 247) и выписку изъ его собственнаго письма ниже до стр. 80.

258. *Стр.* 78. Для біографіи этого знаменитаго финляндца я въ продолженіе многихъ лѣтъ собиралъ матеріалъ, который, если Богу будетъ угодно, въ свое время будетъ обработанъ.

259. *Стр.* 79. Ср. выше стр. 55 и 56.

260. *Стр.* 79. Протоколы академіи (въ первое время писанные по-латыни, а затѣмъ, такъ какъ Орловъ этого языка не понималъ, по-нѣмецки) гласятъ за 26 февраля 1770 г. «Art. 1. Auf Verlangen Sr. Erlaucht des Herrn General-Directoris wurde der Herr Pastor Laxmann zum Academico vorgeschlagen und darauf in Betracht seiner Verdienste und bekannten Gelehrsamkeit von der gantzen Versammlung einmüthig zu einem ordentlichen Mitgliede erwählet und aufgenommen. Dem Conferenz-Secretair wurde demnach aufgetragen dem Herrn Pastor Laxmann seine Aufnahme schriftlich kund zu thun und für die Ausfertigung des Diploma zu sorgen. Dem Herrn Pastor Laxmann aber soll bis auf weitere Verordnung die bey der Academie vorfallende chymische und öconomische Arbeite aufgetragen und zu diesem Ende das Laboratorium somit allen dazu gehörigen Instrumenten überliefert werden». Нѣкоторыя болѣе подробныя постановленія мы встрѣчаемъ въ журналѣ коммиссіи отъ 3-го числа слѣдующаго марта мѣсяца: «Ст. 150. Пастору Г. Лаксману, который въ бывшемъ 26 числа прошедшаго февраля академическомъ собраніи, въ разсужденіи извѣстнаго его знанія въ наукахъ, единогласно отъ всѣхъ академиковъ признанъ и принятъ въ ординарные члены, производить съ того числа по шестисотъ рублей въ годъ жалованья, и по приведеніи его къ присягѣ велѣть ему до дальняго учрежденія отправлять случающіяся при академіи химическія и экономическія дѣла; чего ради и отдать ему на руки химическую лабораторію со всѣми къ оной принадлежащими инструментами, а потому и лаборатору Клемке быть въ его г. Лаксмана совершенномъ послушаніи». Назначенный въ академики, Лаксманъ по Высочайшему рескрипту (Пекарскій II, 268) обязанъ былъ представить свою собственноручную біографію, но я не нашелъ, чтобъ это было имъ исполнено.

261. *Стр.* 79. Обыкновенное жалованье въ то время (ср. Пекарскій II, XXXI. 371). Такъ какъ Лаксманъ, согласно сообщенію, сдѣланному имъ одному изъ друзей своихъ въ Финляндіи (см. ниже), получалъ 800 рублей, то 200 р. вѣроятно составляли случайный доходъ. Четырьмя годами позже штатное жалованье его было увеличено до 800 рублей, какъ то видно въ письмѣ Лекселя отъ 1775 $^{10}/_{21}$. О квартирѣ его см. письмо Лекселя отъ 1772 $^{6}/_{12}$ и Бернульи, Reisen IV, 26. Въ томъ же домѣ жилъ по возвращеніи своемъ Лепехинъ; вѣроятно это тотъ самый домъ, гдѣ проживалъ и Ломоносовъ, по 2 линіи Васильевскаго острова; ср. Куникъ, Сборникъ матеріаловъ и т. д. II, 401.

262. *Стр.* 80. Первое свѣдѣніе въ N. Act. XIII, 9, послѣднее (болѣе вѣрное, ср. прим. 260 и письмо Лекселя) въ Tableau général I (1872), 414.

263. *Стр.* 80. См. выше стр. 63.

264. *Стр.* 80. Въ Russ. Bibl. I (1772) Бакмейстера, стр. 289 мы впервые читаемъ: «Herr L. wurde zum ordentl. Mitgliede aufgen. u. ihm die bey d. Akad. vorfallenden chem. u. ökon. Arbeiten aufgetragen», а затѣмъ его называютъ «Prof. in d. Ökonomie» I, 293. IV. 462; также и по Бернулли IV, 25, а по Бекману, Phys. Bibl. I (1770), 630: «Prof. d. Chemie und Ökonomie», по Гадду: проф. химіи (см. письмо на стр. 82); по Лагусу (см. ниже): минералогіи; Коксъ (Coxe) (1778—1779 въ Петерб.), Voyage (Genève 1786) II, 365: «en agriculture». Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Калоніусомъ Портану (ср. прим. 33), мы читаемъ о Лаксманѣ: «По возвращеніи своемъ изъ Барнаула онъ былъ принятъ въ Петербургскую академію наукъ, не членомъ однакожъ; впослѣдствіи онъ покинулъ пасторскую должность» и такъ сказать сложилъ съ себя духовное званіе.

265. *Стр.* 81. Въ августѣ 1770 г. онъ вышелъ въ отставку и осенью поѣхалъ въ Германію; Бакмейстеръ I, 249.

266. *Стр.* 81. Однакожъ, вѣроятно, не до Астрахани; ср. п. 329.

267. *Стр.* 81. Фалькъ I, 8. Лепехинъ, Tagebuch I, 198, 207. Палласъ, Reise I, 132 и слѣд.; ср. Рычковъ, Orenb. Topographie въ Büschings Mag. VII, 116.

268. *Стр.* 81. Ср. Георги, Beschreib. III, 100. Источники находятся въ 9 верстахъ отъ Сарепты и въ 18 отъ Царицына.

269. *Стр.* 82. Георги, Beschr. III, 71 и въ Petersb. Journ. 1776, II, 18—32 и Auswahl ökon. Abh. I; Гебель (Goebel) I, 222, Веревкинъ и др.

270. *Стр.* 82. = *Sc. bipunctatus* у Георги, который однако называетъ Палласа и Лепехина прежде Лаксмана, и вовсе не упоминаетъ объ немъ при слѣдующемъ.

271. *Стр.* 82. Въ N. Com. XIX, 593—604 и его перечнѣ (Summarium) стр. 49 и слѣд. Этотъ томъ «pro a. 1769», но вышелъ въ 1770 г. О статьѣ Лаксмана объявляетъ Бакмейстеръ I, 151.

272. *Стр* 82. Ср. прим. 109. См. о *Attelabus ircutensis* и *dauricus* и *Gryllus dauricus* стр. 40, о *Leptura altaiensis* и *Myrmeleon kolyvanense* стр. 49, о *Gryllus sibiricus* и *Ichneumon gigas* стр. 33, объ *Aranea singoriensis* стр. 33.

273. *Стр.* 82. Хотя письмо это касается также и другихъ предметовъ, кромѣ тѣхъ, которые непосредственно здѣсь интересуютъ насъ, однакожъ намъ кажется, что оно заслуживаетъ быть подробнѣе изложеннымъ. Содержаніе его слѣдующее: «Ловиза, 1770 $^{28}/_{3}$. Теперь имѣю честь сообщить, что объясненіе боргоской консисторіи съ этою почтою препровождается.... Дѣло интересуетъ меня

чрезвычайно и земное счастіе мое зависитъ главнымъ образомъ отъ его рѣшенія. Судьба была бы слишкомъ несправедлива, еслибъ назначенный въ прошломъ году магистръ docens Алопеусъ, который подалъ жалобу, былъ предпочтенъ мнѣ, въ продолженіе 14 лѣтъ состоявшему на общественной службѣ. Хотя онъ въ нѣкоторыхъ наукахъ и стоитъ выше меня, а именно въ mathesis pura, но я имѣю преимущество въ другихъ предметахъ и достаточныя свѣдѣнія въ математикѣ, согласно собственному заключенію консисторіи. Учителя младшихъ училищъ должны получать приличное производство и поощреніе, а не быть унижаемы тѣмъ, что молодые люди, едва кончившіе воспитаніе, предпочитаются имъ, если имѣютъ достаточныя познанія и похвально исполняли свои обязанности. Очевиднымъ слѣдствіемъ того будетъ, что какой-нибудь изъ учениковъ вашихъ, изучавшій какую-либо отрасль науки, съ тѣмъ же правомъ при замѣщеніи должности долженъ быть предпочтенъ вамъ по истеченіи 5 или 6 лѣтъ. Не могу быть доволенъ и тѣмъ, что консисторія пристрастно помирволила адъюнкту гимназіи Солитандеру. Различіе мнѣній въ общественныхъ вопросахъ не заслуживаетъ преслѣдованія. Долго было бы развивать причины, на которыхъ основываю убѣжденіе, что консисторіи слѣдовало бы измѣнить свое представленіе о назначенія Солитандера лекторомъ. Могу только сказать безъ хвастовства, что я конечно болѣе нежели кто-нибудь изъ моихъ соискателей люблю науку естествовѣдѣнія, если и не обладаю лучшимъ знаніемъ предметовъ, къ нему относящихся. Объ этомъ вы, г. профессоръ могли бы дать мнѣ письменный вашъ отзывъ. 24-го нын. мѣс. получилъ я письмо отъ Лаксмана, съ извѣстіемъ, что онъ 26-го февраля сдѣлался ординарнымъ членомъ императорской академіи наукъ, какъ профессоръ минералогіи, съ жалованьемъ по 800 руб. при казенной квартирѣ, и что онъ уже получилъ обыкновенный дипломъ и пр. Графъ Орловъ... (см. текстъ). Докторъ Гюльденстедтъ, создавшій въ прошломъ году одну *Orlovia*, впослѣдствіи неодобренную, задумалъ было создать новый родъ *Krascheninnikovia*, но профессоръ Фалькъ доказалъ, что то была *Axyris* (?), и потому Гюльденстедтъ сообщилъ академіи, что отказывается отъ своей мысли. Лаксманъ пишетъ, что нашелъ нужнымъ изъ *Dryas* 5 *petala* сдѣлать новый родъ (genus). Экономическое общество намѣрено награждать золотою медалью каждаго сочинителя статьи, помѣщенной въ его «Трудахъ». Золотая медаль во 100 рублей, за рѣшеніе вопроса: «Nach Beschaffenheit des Clima und nach Verschiedenheit der Gegenden und Ländereien im coporischen Kreise die leichtesten und das Vermögen und die Kräfte der Bauern nicht übersteigenden Mittel ausfindich zu machen, das Land bey Ermangelung der Mistung, ohne Kittis, das ist ohne es zu brennen, fruchtbar zu machen, und in der Fruchtbarkeit zu erhalten; zugleich aber deut-

lich darzuthun, dass die Kosten darzu den Werth der zu erwartenden Ausbeute nicht übersteigen». «Если вамъ, г. профессоръ, угодно будетъ письма ваши къ Лаксману препроводить сначала ко мнѣ, то увѣряю, что они вѣрно доідутъ по адресу. Съ того времени, какъ братъ мой Ауреніусъ въ прошломъ году получилъ пасторатъ Леппявирта, я состою здѣсь ректоромъ. Конректоромъ моимъ состоитъ магистръ Портáнъ, бывшій доцентъ Абовскаго университета. За исключеніемъ двухъ ректоратовъ, бывшихъ вакантными, спорное лекторство представляетъ первую вакансію по учебной части, занятіе которой могло бы меня осчастливить». Относительно вопроса о замѣнѣ должности, весьма неполно изложеннаго Акіандеромъ (Finl. minnesv. män II, 53 и слѣд.), см. п. 292.

274. *Стр.* 82. См. прим. 228.

275. *Стр.* 82. Кажется, что поѣздка на этотъ разъ не простиралась до Чернаго моря (какъ то было 2 годами позже). — Подъ названіемъ Царицынской линіи подразумѣвался земляной валъ, простиравшійся отъ Волги у Царицына до Дона.

276. *Стр.* 82. Продолженіе письма гласитъ: «Не стоитъ ли труда познакомиться съ Гэртнеромъ? — Вблизи Бьернеборга случился такой казусъ, что многолѣтнія (если не ошибаюсь 7 л.) дѣтскія кости посредствомъ звуковъ сообщили о предстоящемъ открытіи. Опасаюсь, что какъ пасторы, такъ и многіе очевидцы были обмануты, а какимъ образомъ — покажетъ время. Исторія именно та, что нѣкая мать убила дитя свое и спрятала его подъ поломъ въ избѣ. Дѣло обнаружилось будто такимъ образомъ, что невидимый духъ звуками и шумомъ обезпокоивалъ жившихъ тамъ людей. Предполагаемая мать не созналась въ преступленіи. Когда получу болѣе подробныя извѣстія оттуда, то сообщу вамъ, г. профессоръ. Пребываю и т. д.»

277. *Стр.* 83. Изъ весьма интересной и поучительной переписки Лекселя сообщаю въ этомъ трудѣ лишь то, чтó касается до Лаксмана, оставляя прочее для его собственной біографіи.

278. *Стр.* 83. Гаддъ, какъ кажется, видѣлъ въ этой поѣздкѣ продолженіе путешествія его въ Олонецъ въ 1769 г.

279. *Стр.* 83. См. выше прим. 269.

280. *Стр.* 83. Ср. напримѣръ Бекманъ, Phys. Bibl. I, 630, гдѣ онъ говоритъ, что онъ черезъ Лаксмана получилъ *Lepus pusillus*, найденный на поляхъ при Волгѣ.

281. *Стр.* 83. Мнѣ извѣстны два болѣе древніе списка съ этого письма, одинъ (изъ коллекц. Бергіуса), согласный съ тѣмъ, чтó здѣсь сообщено въ текстѣ, другой одинаковаго содержанія, но оканчивающійся словами: «нашему Мелле не всегда можно вѣрить» и помѣченное 5-го сентября 1773 г. — годъ и число, не согласующіеся съ содержаніемъ, между пр. потому, что Орловъ съ іюня

1771 г. до 23 авг. 1773 г. находился за границею, по Бакмейстеру I, 290. II, 225.

282. *Стр.* 83. Ср. письмо 1769 $^{17}/_{7}$ выше, стр. 59.

283. *Стр.* 84. Еранъ (Jöran), К., фонъ. коммис. секр. шведскаго посольства въ Петерб. (1767—1778 г.; род. 1743 г., † коммерціи совѣтникомъ въ Стокгольмѣ (въ 1792 г.). Упоминается часто въ этой біографіи.

284. *Стр.* 84. Именно 1770 г.

285. *Стр.* 84. Ошибка! См. собственное письмо его 1769 $^{13}/_{4}$ на стр. 57.

286. *Стр.* 84. Ср. стр. 30 и др.

287. *Стр.* 84. Въ письмѣ отъ 1769 $^{13}/_{4}$.

288. *Стр.* 85. Иначе въ письмѣ отъ 1771 $^{1}/_{4}$, см. ниже.

289. *Стр.* 85. Врачъ и испытатель природы, по которому Линней назвалъ траву *Bäckea*, род. въ 1713, † 1795 г.

290. *Стр.* 85. Вѣроятно сочиненіе его: Unters. üb. d. gegenw. Methode Kinderblattern einzuprопfen. Lpzg. 1768.

291. *Стр.* 85. Врачъ въ С.-Петербургѣ?

292. *Стр.* 85. Ср. стр. 58, 78 и др., и письмо въ прим. 273.— Чтó затѣмъ тутъ въ текстѣ слѣдуетъ, имѣетъ въ виду характеристичное для того времени дѣло о производствѣ I. Лагуса въ то время въ ректоры училища въ Ловизѣ (род. 1733, напослѣдокъ докторъ богословія и пробстъ въ Иденсальми 1771, † 1806 г., отецъ канцеляріи совѣтника В. Г. Лагуса и черезъ него дѣдъ канцеляріи совѣтника I. I. В. Лагуса), вмѣстѣ съ М. I. Алопеусомъ, тогдашнимъ абовскимъ доцентомъ (род. 1743 г., напослѣдокъ докторъ богословія и Боргоскій епископъ, † 1818 г.) добивался мѣста лектора математики въ Боргоской гимназіи. Алопеусъ 17 мая 1770 г. былъ опредѣленъ королемъ къ мѣсту, затѣмъ сеймомъ отрѣшенъ, но компромиссомъ опять назначенъ 4-го іюля 1770 г., а Лагусъ былъ вознагражденъ обѣщаніемъ на доходную пасторскую должность (въ слѣдующемъ году имъ дѣйствительно полученную). О родствѣ Алопеуса съ Лаксманомъ ср. выше въ концѣ прим. 21. Если диссертація Алопеуса (De retrogradatione aliisque adparentiis motus planetarum, Aboae, 1766) дѣйствительно была написана Валленіусомъ (отличный математикъ, проф. въ Або 1758 г., † 1773 г.), то это случилось не въ первый разъ, что перо его помогало другимъ: уже 1761 $^{14}/_{4}$ пишетъ Малле (Mallet) Варгентину: «Я почти предсказалъ, что Валленіусъ былъ авторомъ препровожденной статьи».

293. *Стр.* 85. Это вѣроятно на тотъ разъ не состоялось; ср. стр. 87.

294. *Стр.* 86. См. письма 1794 $^{22}/_{8}$ и 1794 $^{7}/_{10}$ ниже въ своихъ мѣстахъ.

295. *Стр.* 87. Ср. прим. 288.

296. *Стр.* 87. Ср. немного ниже относительно этой поѣздки.

297. *Стр.* 88. Протасова.

298. *Стр.* 89. А именно 1772 $^{6}/_{12}$, см. ниже стр. 97.

299. *Стр.* 89. Кёльрейтеръ (Koelreuter); ср. стр. 90 и слѣд.

300. *Стр.* 89. Ср. Рупрехтъ, Зап. акад. наукъ, V (1864), 2, 141: «Лепехинъ въ продолженіе 35-лѣтней своей службы ничего не сдѣлалъ для ботаники и запустилъ коллекціи».

301. *Стр.* 90. Сообщается здѣсь вполнѣ изъ журнала акад. коммиссіи: «Ст. 368. Академика Лаксмана, который приглашенъ будучи отъ генералъ-маіора артиллеріи г. Меллиссина минцъ-директоромъ въ заводимый имъ при Хотинѣ монетный дворъ для передѣлу мѣдныхъ турецкихъ пушекъ въ монету, объявилъ на то свое желаніе и просилъ объ отпускѣ его туда, уволить на годъ съ продолженіемъ ему нынѣшняго отъ Академіи жалованья; и сіе въ томъ только намѣреніи и съ такимъ условіемъ, чтобъ онъ, г. Лаксманъ, сообщалъ Академіи чинимыя имъ при семъ случаѣ въ тамошнихъ мѣстахъ ученыя свои по натуральной исторіи открытія. Что же касается до предложенія его, г. Лаксмана, чтобы его снабдить при томъ отъ Академіи такъ, какъ испытателя натуры, нарочно особливою Экспедиціею, по примѣру прочихъ академиковъ, путешествующихъ для натуральной исторіи: то объявить ему, г. Лаксману, что Академія не только что по неимѣнію потребныхъ теперь къ тому людей и денегъ, но и по причинѣ другихъ посторонныхъ политическихъ обстоятельствъ, препятствующихъ совершенно такому предпріятію, учинить сего никакъ не можетъ. Въ разсужденіи же порученной въ его смотрѣніе химической лабораторіи, которая по отбытіи его останется праздна, требовать отъ его, г. Лаксмана, чтобъ онъ прежде отъѣзда своего подалъ въ коммиссію находящимся нынѣ въ оной лабораторіи матеріаламъ и инструментамъ обстоятельную опись».

302. *Стр.* 90. Стр. 106 — 114: «Извѣстіе о хорошихъ квасцахъ и содовой или травной соли, для которой матеріалъ родится въ Оренбургской губерніи». Приводится въ подробномъ, Всеволодовымъ (Спб. 1849) составленномъ Указателѣ къ Трудамъ какъ два отдѣльныя сочиненія. — Съ 1766 правительство ревностно поощряло отысканіе квасцовъ и соды; см. Ходневъ, 363, не упоминавшій о Лаксманѣ между лицами, занимавшимися въ эконом. обществѣ этимъ вопросомъ.

303. *Стр.* 90. 210 — 214: «О россійскомъ бобовникѣ и приготовляемомъ изъ него маслѣ», также и по-нѣмецки «Von dem gepressten Oel aus den russ. Steppenmandeln», въ Auswahl и пр. изъ 18 части. Ср. Палласъ, Reise I, 81. Лепехинъ I, 70. Гмелинъ младш. I, III.

304. *Стр.* 90. Ср. о томъ письмо въ прим. 273.

305. *Стр.* 90. Въ N. Com. XV, 553 — 562 и въ его Summarium стр. 45 и слѣд. Объявлено Бакмейстеромъ I, 351, Бекманомъ V, 341, и м. др.

306. *Стр.* 90. Въ N. Com. XVI, 561—564 и въ перечнѣ его стр. 49. Объявлено Бакмейстеромъ, II (1774), 24, и мн. др. Цитируемый XVI томъ «pro a. 1771», но изданъ въ 1772 г. Подъ тѣмъ, что онъ тамъ говоритъ о «proxime praeterlapsa aestas», онъ могъ лишь подразумѣвать лѣто 1771 года, ибо въ 1772 году его въ Петербургѣ не было. Бакмейстеръ говоритъ, что садъ имѣлъ отъ этого растенія три маленькія деревца, изъ которыхъ одно цвѣло «въ жаркое лѣто 1770 г.», должно быть 1771 года?

307. *Стр.* 90. Ср. Рупрехта Очеркъ исторіи ботаническаго музея, въ Зап. акад. наукъ V, 2, 139—162, гдѣ въ особенности Амманъ порицается въ помянутомъ отношеніи.

308. *Стр.* 91. Гмелинъ, хотя и хорошій пріятель Линнея, не принялъ однакожъ системы его (а систему Роа (Roy), улучшенную Ройеромъ (Royer), въ чемъ ему послѣдовалъ ученикъ его Крашенинниковъ (академикомъ 1745 — 1755 г.). Въ то же время Сигесбекъ (акад. 1742—1748) сталъ извѣстенъ антагонизмомъ своимъ противъ великаго реформатора ботаники (ср. выше прим. 249) и получилъ секунданта въ Гебенштрейтѣ (акад. 1749—1753 г. 1756—1759 г.). Потому и почли нужнымъ въ перечнѣ N. Com. XV, 46 отмѣтить, что Лаксманъ «descriptiones methodo Linneana tradidit». — Въ сочиненіяхъ Палласа, Фалька, Гюлденстедта и прочихъ путешествующихъ ботаниковъ система Линнея вполнѣ оцѣнена, а затѣмъ въ коллекціяхъ академіи.

309. *Стр.* 91. См. относительно *Veronica pinnata* прим. 86; отн. *Spiraea altaiensis* и *Dracocephalum altaiense* прим. 179, отн. *Robinia spinosissima* и *Trifolium dauricum* прим. 151.

310. *Стр.* 91. Этихъ синонимовъ много; см. Бёмеръ (Boehmer).

311. *Стр.* 91. К. Х. Левинъ, Ett hundraårigt minnesblad (столѣтній памятный листъ) 187, стр. 50. Ср. Allm. tidn. 1771, стр. 286. О призывѣ Лаксмана см. Бакмейстеръ II, 225.

312. *Стр.* 93. Род. въ 1739 г. въ Тайпальсари, † въ 1811. Напослѣдокъ русскимъ лейбъ-медикомъ; имъ составлено Descr. pestis quae a. 1770 in Iassia et 1771 in Moscua grassata est, Ptb. 1784, стр. 238. Ср. Reise v. Ptb. nach. d. Moldau 1770—1772 (неизвѣстнымъ сочинителемъ) въ Büschings Mag. VII, 206, 230.

313. *Стр.* 93. См. Büschings Mag. VII, 212. Бакмейстеръ, Russ. Bibl. I, 296.

314. *Стр.* 93. Kurze Beschr. v. Moldau etc. Ptb. 1770.

315. *Стр.* 93. См. Büschings Mag. VII, 208 и выше прим. 301.

316. *Стр.* 93. См. объ этой монетѣ: Лейтцманъ (Leitzmann), Abriss e. Gesch. d. Münzkunde. Erfurt 1828, стр. 169, гдѣ однакожъ Ladogura слѣдуетъ измѣнить въ Sadogura; Шмидеръ (Schmieder), Handwörterb. d. ges. Münzkunde. Halle u. Berlin 1811; Chaudoir., Обозрѣніе русскихъ денегъ, I (1837), 201 и слѣд., II (1841) 194

слѣд.; Reichels Katalog, стр. 177. 178 etc.; Schlözer, Münzgesch. d. russ. Reichs, Götting. 1791, стр. 110, говоритъ о Sadogura: Diese Münzstätte ist seit dem letztern Frieden eingegangen, und der Ort selbst, nebst andern in der Moldau, ist unter Oestreich».

317 — 319. *Стр.* 94. См. Бюшингъ, Mag. VII, 211 и письма здѣсь внизу.

320. *Стр.* 94. Ср. Kgl. br. (1714 $^9/_6$) till kammarkoll. om metallkanoners för-myntn. till plåtar у Штирнмана (Stiernman), Saml. af K. br. etc. VI, 153.

321. *Стр.* 94, См. Бакмейстеръ, Russ. Biblioth. I, 291, это сочиненіе считается официальнымъ источникомъ относительно петербургской акад. (ср. стр. 99). Здѣсь показано 29 февраля, какъ день отъѣзда Лаксмана. Также и по Бернульи IV, 24 порученіе Лаксмана имѣло совершенно частный характеръ.

322. *Стр.* 95. Какъ изъ слѣдующаго видно (см. письмо $^{25}/_1$ 1773 на стр. 99), о *Myospalax*, котораго онъ уже письмомъ 1770 $^9/_{10}$ обѣщалъ (ср. стр. 85), однакожъ тогда забылъ.

323. *Стр.* 95. Печатается тутъ изъ Åbo tidn. за 10 окт. 1773, тѣмъ болѣе, что изданіе этого года принадлежитъ къ тѣмъ, которыя уже довольно рѣдки. Находится также въ Briefwechsel Шлецера V, 25 и слѣд.

324. *Стр.* 96. Навѣрно каждый очевидецъ сознается, что описаніе общаго свойства тогда еще столь неизвѣстной мѣстности, какъ въ восхищенно хвалящихъ, такъ и въ хулящихъ чертахъ своихъ представляетъ вѣрную копію съ дѣйствительности. Кто бы, даже при воспоминаніи печальныхъ дней минувшихъ временъ Карла XII, не восхищался прелестными окрестностями вдоль тѣнистыхъ заливовъ Днѣстра? Но кто, напротивъ, со степи вокругъ одинаково историческаго Измаила внизъ къ устьямъ Дуная, особенно если онъ мчался по ней во время палящихъ іюльскихъ лучей, можетъ унести съ собою иное впечатлѣніе, кромѣ смерти и пустоты? И наконецъ навѣрно каждый, имѣющій воспріимчивую душу, вступитъ въ Аккерманъ, выглядывающій изъ садовъ и виноградниковъ своихъ на обширномъ берегу рѣки своими бѣлыми какъ снѣгъ и уютными домами, съ тѣмъ же чувствомъ ожиданія, какъ и у Лаксмана, особенно если онъ одновременно наслаждался прохладою и гостепріимствомъ въ благоухающихъ дубровахъ швейцарской колоніи Шаба, по близости города.

325. *Стр.* 96. Взято изъ различныхъ рукописныхъ коллекцій.

326. *Стр.* 97. Изъ слѣдующаго видно однакожъ, что и статья и растенія были получены.

327. *Стр.* 97. О немъ болѣе внизу глав. XVI.

328. *Стр.* 97. См. его Briefwechsel, Götting. 1775, I и Йэрвель въ Nya lärda tidn. 1774, 311. Прочее изъ рукописей.

329. *Стр.* 97. Ср. прим. 266. — Въ увѣдомленіи, которое Калоніусъ послалъ Портану, мы читаемъ о Лаксманѣ слѣдующія ошибочныя свѣдѣнія: «Одно время онъ имѣлъ какой-то надзоръ надъ нѣкоторыми рудниками благородныхъ металловъ въ южной части русскаго государства. Напослѣдокъ (слѣдовательно въ 1774 г.) онъ былъ назначенъ для надзора надъ устроенной въ Астрахани чеканкой монеты для надобностей арміи во время турецкой войны. Состоитъ ли онъ еще въ этомъ порученіи, мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ, я истребовалъ изъ Петербурга (а именно отъ Лекселя) полныя свѣдѣнія о его послѣднихъ судьбахъ, и въ непродолжительномъ времени вѣроятно буду въ состояніи дать достовѣрныя извѣстія». Ясно, что тутъ Калоніусомъ сдѣлана ошибка, потому что Лаксманъ, между прочимъ, никогда никакого назначенія въ Астрахань не получалъ. Можетъ-быть, Калоніусу припомнилась поѣздка его, сдѣланная въ 1770 г. внизъ къ Царицыну.

330. *Стр.* 98. Въ Flora rossica II (1788), 110, изъ чего видно, что растеніе тождественно съ *Gentiana uniflora* (ср. прим. 179), хотя гораздо меньше сибирскаго.

331. *Стр.* 98. См. о томъ Бернульи, Reisen, V, 153.

332. *Стр.* 98. По Бакмейстеру I, 256 Лаксманъ возвратился 4-го января.

333. *Стр.* 99. Также и черезъ другихъ онъ напоминалъ: Чёрнингъ (Kjörning) писалъ 1773 22 мая—2 іюня Варгентину: «Имѣю честь препроводить покорнѣйшій поклонъ проф. Лаксмана. Онъ пишетъ, что въ прошломъ году доставилъ статью въ королевскую академію наукъ, о полученіи которой и о дальнѣйшихъ судьбахъ ея онъ желаетъ увѣдомленія. Онъ не знаетъ, вышла ли эта статья уже въ Актахъ академіи; ежели же нѣтъ, то когда онъ будетъ имѣть счастье видѣть ее напечатанною».

334. *Стр.* 99. Лаксманъ этимъ вѣроятно намекаетъ на золотопромышленника, о которомъ см. ниже, стр. 124.

335. *Стр.* 99. Баронъ Дан. Тиласъ (Tilas) скончался 1772 г. и извѣстенъ многими минералогическими сочиненіями, м. пр. его Очеркомъ исторіи минералогіи Швеціи 1765 г., который переведенъ Бекманомъ на нѣмецкій языкъ въ 1767 г.

336. *Стр.* 99. Намѣреніе Фалька впослѣдствіи было въ томъ отношеніи отмѣнено, что онъ черезъ Астрахань поѣхалъ на Терекскія воды и оттуда возвратился въ Казань, гдѣ онъ въ слѣдующемъ году умеръ.—Лепехинъ, русскій академикъ.

337. *Стр.* 99. Ср. стр. 114 и мн. др.

338. *Стр.* 99. Ср. стр. 30 и мн. др.

339. *Стр.* 100. Къ письму принадлежитъ слѣдующій «Verzeichniss der Mineralien, № 1: Gewachsen Gold in einem mit Quarz vermischten ocherhaften Eisenerze aus der Goldgrube Beresowskoi, 15

Werst von Catharinenburg im Uralischen Gebürge. 2: Gewachsen Silber von haarichter Gestalt mit Spath und Krystallen von Glaserz, meist wassergrün durchdrungen ohne Sahlband, von dem Schlangenberge (Smeinogorskoi Rudnik) im Altaischen Erzgebirge, 35 Werst von Kolywan. Das Stück ist eine Schwarte aus der Kluft ohne Hangendes und Liegendes. 3: Eben solches Haarsilber auf drusichten Gesteine mit dem hornsteinichten Sahlbande aus dem Liegenden, ibidem. 4: Gewachsen Silber in blättriger Gestalt, in einem schwärzlich bläulichen Hornstein mit etwas molkichten Spath, Gelf und taubenhalsfarbigen Weissgülden durchdrungen, ibidem. 5: Gewachsen Silber auf einem molkichten, hin und wieder von eingedrungenen Glaserz stahlgrau gewordenen Hornstein, ohne Sahlband, ibidem aus dem Andreas Orte. 6: Glaserz in den Trümmern einer Hornstein-Niere eingedrungen mit etwas Spath, mit einem wappichten Hute, ibidem. Diese Nieren liegen in dem Stockwerke von einförmiger und länglicher Gestalt, in einer mergelhaften, zur Verhärtung an der Luft sehr geneigten Erde, die der Bergmann Wapp nennet. 7: Glaserz in zertrümmerten Hornstein eingedrungen, sehr goldhaltig, besonders wo der rothe Ocher sich zeiget, ibidem von den obern Gegenden des Berges. 8: Glaserz mit einem matt zinober-röthlichen, ocherhaften, sehr güldischen Gemenge in Spath, aus einem grossen Stockwerke am Tage, ibidem. 9: Eben dergleichen Bergart, Erz und Gemenge, nur mehr drusicht und mit zarten Bleispath-krystallchen, ibidem. 10: Weissgülden mit Gelf in den mit Spath belegten Trümmerchen des Hornsteins eingedrungen, ibidem aus Archangelskoi Gesenk. 11: Taubenhalsfarbiges derbes Weissgülden mit dem hornsteinichten Sahlbande, ibidem aus dem Querschlage Streschna. 12: Weissgülden mit Gelf und etwas Bleiglanz an einer Hornstein-Niere, fast über und über mit einem wappichten Hute, ibidem aus Siewernie Raboti, in den Gegenden des Podrijadnoi Stollens. 13: Eben solche Erzarten in einem ganz zertrümmerten und mit Spath durchgeschossenen Hornstein, etwas verwittert, von den oberen Gegenden des Schachtes No. 2, ibidem. 14: Weissgülden mit Gelf und Quarz-Erzstalldrusen (?), mit dem hornsteinichten Sahlbande aus dem Liegenden, in welchem Gelf und Blende, die phosphoreschirt, eingedrungen, ibidem aus der Tiefe. 15: Weissgülden, verwittertes in Wapp, aus einer Kluft ohne Sahlband, aus dem Johannis-Stollen. 16: Gelf mit zartem Bleiglanz drusicht gewachsen ohne Sahlband, aus den Gegenden des vierten Lichtloches ibidem. 17: Phosphoreschirende, zinkische, silberhaltige Blende mit Gelf eingesprengt ohne Sahlband, aus Blagowestchenskoi Gesenk, ibidem. 18: Krystallinisches Kupferglas (8-edrum: Trigonis 8), aus der Nicolaus-Grube am Flusse Uba, 60 Werste vom Schlangenberge und 50 von der Mündung des Flusses Irtisch, oben am Tage. 19: Gewachsen Kupfer in einer mergelichten Erde, aus Gumiäschinskoi

Grube des Raths-Herrn Turtschianinovs, 50 Werst von Catharinenburg im uralischen Gebürge. 20: Rothes Kupferglas, derb und fein krystallinisch mit strahlichten Berggrün, ibidem. 21: Eben solches derbes, etwas mehr ins bläuliche fallendes Kupferglas mit Kupfergrün und einer sehr feinen mergelichten Erde, ibidem. 22: Braunes krystallinisches Kupferglas, in einer sehr eisen-ocherichter Erde, ibidem. 23: Noch brauneres, derbes, sehr eisenschüssiges Kupferglas oder Lebererz mit krystallinischen und strahlichten Berggrün, ibidem. 24: Blättrichtes Kupferglas mit Berggrün und einem quarzigten Sahlbande, ibidem. 25: Stalactitisches Berg- und Kupfergrün aus vielfarbigen Schalen ganz derb übereinandergewachsen, ibidem. 26: Nierenförmiges Kupfergrün, auch stalactitisch gewachsen, ibidem. 27: Derbes Berg- und Kupfergrün von verschiedener Zusammenfügung, ibidem. 28: Derbes Berggrün mit einer glasartigen Erde, ibidem. 29: Krystallinisches Berggrün mit einem blutsteinartigen Eisenerze, ibidem. 30: Eben solches Eisenerz, schwärzlicher von Farbe, mit Drusen und etwas strahlichten Berggrün, ibidem. 31: Ein Stück Asbest, eben daher. 32: Quarz mit krystallinischen rothen Bleispath, aus Beresowskoi Goldgrube, 15 Werst von Catharinenburg. 33: Bleispath, und Bleiocher aus Schlangenberge, goldhaltig.

340. *Стр.* 100. Стр. 66. 76.— Также Палласъ и Лаксманъ для надобности своей учредили подобные сады; ср. St. Ptb. Journal 1776 за апрѣль и Бекманъ Phys. Bibl. X, 364.

341. *Стр.* 100. Томъ XXXIV, за 1773 г., апрѣльская-іюньская тетрадь, стр. 133 — 139; по-нѣмецки въ Abhandl. d. schwed. Acad. XXXV, 126—130. Объ этомъ сочиненіи и предметѣ его см. прим. 160 и пр. и Палласъ, Zoogr. I, 159, и Даурск. Myospalax Laxm. Черскаго, въ Bullet. des Naturalistes de Moscou 1873, стр. 430—433.

342. *Стр.* 101. См. о *Gentiana grandiflora* и *Sibbaldia altaica* прим. 179 и о *Ornithogalum uniflorum*, *Ornithogalum altaicum*, *Polygonum sibiricum* и *Ranunculus altaicus* прим. 86. 179. 233.

343. *Стр.* 101. N. Com. XVIII pro anno 1773, p. 526 — 534. Объявлено Бакмейстеромъ, Russ. Bibl. III. (1775), 115.

344. *Стр.* 101. По-русски: О посѣвѣ древесныхъ сѣмянъ въ сѣверныхъ странахъ, Труды, Ч. XXVII, 1774, майская книжка, стр. 125—168; по-нѣмецки въ Auswahl ökon. Abhandl. II (1791), 1—32, при чемъ слѣдующее замѣчаніе: «Dieser sehr practische Aufsatz von einem ungenannten Verf. erhielt den besondern Beyfall der fr. ökon. Ges. und steht im. 27-sten Theil ihrer Werke». Авторъ легко узнается какъ по слогу, такъ и по содержанію, а кромѣ того онъ названъ подъ русскою передѣлкою. Тѣмъ страннѣе слѣдующее изреченіе на стр. 4: «Man hat mir sogar sagen wollen, dass man

schon eine Bergwerksanlage in einem entfernten Theile d. russ. Reichs von einem sonst vortheilhaften Orte nach einem andern wegen Holzmangel hat verlegen müssen» (при чемъ, какъ кажется, отъ имени редакціи отмѣтка: «In diesem Falle waren schon verschiedene sibir. Hüttenwerke, und bald werden es mehrere seyn»).

345. *Стр.* 102. Часть XI, 456; ср. Учен. Зап. Имп. Акад. Н. по I и III отдѣл. Т. I, Введ. LXXVI.

346. *Стр.* 103. Части 1 и 2 вышли въ Петербургѣ въ 1775 г. Заключаютъ лишь время съ 1772 г., послѣ разлуки съ Фалькомъ. О Лаксманѣ въ «Vorrede».

347. *Стр.* 103. Ср. прим. 162. Также и въ Beschr. III, 78 и слѣд., говоря о Туркѣ, Георги не упоминаетъ о Лаксманѣ.

348. *Стр.* 103. Ср. прим. 233.

349. *Стр.* 103. Такъ замѣчается на стр. 235 по вопросу о *Pinus sylvestris*: «Er ist einer mit von den allervortrefflichsten Blutreinigungen, und macht den mehresten Kräutersäften der Apotheken den Vorzug streitig»; стр. 259: «Die Bogen der Tungusen sind die vortrefflichsten. Sie schiessen zweimal so weit wie die burätischen, und sind so steif, dass ein Burät sehr selten im Stande ist einen tungusischen Bogen zu spannen; стр. 268: «Auf dem Theekastlein kömmt die Nikanische oder eigentliche Chinesische Schrift vor, und die Mandschurische nur zufälligerweise höchst selten, wenn etwas, in Urga oder einem andern in der Mogolei belegenen Grenzort, angezeichnet wird»; стр. 335 при словахъ «Von der Gorbitscha an macht die Schilka die Grenze der Jakuten» замѣчаетъ A: «Nicht so sehr Jakuten, als der Chineser, deren Gebiet von hier anfängt»; стр. 336, вмѣсто «Sardoliche» Л. пишетъ «Karmiole, Onyxe und andre hornsteinartige Flusssteine».

350. *Стр.* 104. То есть въ изд. Beiträge Фалька и т. д.

351. *Стр.* 104. Онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ примѣчаніи къ Beitr. Фалька.

352. *Стр.* 104. См. Йӧрве́ль (Gjörvell), N. lärda tidn. 1774, стр. 367; Бернулли, Reisen V, 153; Hist. des Découvertes I, 12, цитирующаго Büschings Wöchentl. Nachr. 1775, p. 110 и слѣд. Георги пишетъ въ Vorr. къ Beitr. Фалька I, 5: «Im Anfange 1774 Jahres übergab die K. Akad. d. Wiss. die Falckischen Pappiere, Pflanzen u. Insekten dem dermaligen Akademiker Laxman, der die Ausarbeitung der Beschreibung der Reise des Herrn Falcks zwar gern übernahm, aber als er 1780 von der Akademie zum Nertschinskischen Bergetat ging, damit noch keinen Anfang gemacht hatte. Nach dem Herrn Hofrath Laxman trug die K. Akademie mir diese Ausarbeitung auf. Die Pflanzensammlung bestand nur noch in einigen wenigen Bünden; die Insekten hatten ihre Nutzung hierbei

nicht erwartet», Vorr. Bd. III: «Es war einmahl das Schicksal des seel. Falcks, dass ihm seine Reisekollegen mit Bekanntmachung neuer Naturalien meistens zuvorgekommen, und wie von Pflanzen, so sind auch von seiner Insectsammlung nur wenige traurige Uberreste». Это вѣроятно главнымъ образомъ направлено противъ Лаксмана, но впослѣдствіи, когда Георги получилъ болѣе обезпеченное положеніе, онъ упрекалъ также и Палласа, что тотъ вторгался въ область другихъ путешественниковъ «und ihre Erndten kärglicher machte»; Besch. I, 65. Bacmeister XI, 41.

353. *Стр.* 104. 1775 10/21 янв. Варгентину: — «Бумаги Фалька получены и переданы Лаксману, но о томъ была весьма горячая ссора при академіи, въ которой я пошелъ слишкомъ далеко, или по крайней мѣрѣ участвовалъ съ слишкомъ большою горячностью. Извѣстно, что по собственному желанію Фалька, одинъ аптекарь по имени Георги изъ Стендаля былъ причисленъ къ академіи, для сопутствованія Фальку во время поѣздокъ его. Едва этотъ Георги слѣдовалъ за Фалькомъ одинъ годъ, какъ коллежскій совѣтникъ Мюллеръ сдѣлалъ предложеніе объ отозваніи Фалька и о томъ, чтобы примкнуть Георги къ экспедиціи проф. Палласа, и несмотря на возраженія, сдѣланныя Лаксманомъ, мною и еще однимъ изъ членовъ противъ отозванія Фалька, предложеніе это было вполнѣ приведено въ дѣйствіе. Тогда сказалъ нѣкто, знавшій Палласа, что полагаетъ, что это дѣло было затѣяно, можетъ-быть, Палласомъ и Георги, что они пользовались Мюллеромъ для приведенія его въ дѣйствіе. Я съ своей стороны не имѣлъ причины думать о нихъ этого и полагаю, что то мнѣніе справедливо и христолюбиво, что Георги благодѣтелю своему не могъ быть столь неблагодарнымъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ вполнѣ извѣстно изъ собственныхъ писемъ Георги, что Фалькъ очень подозрѣвалъ его откровенность, почему и полное мое убѣжденіе то, что Фалькъ менѣе всего желалъ, чтобы бумаги его были переданы Георги. Однакожъ такая попытка все-таки была сдѣлана послѣ прибытія сюда Георги, хотя Лаксману уже тогда было поручено разсмотрѣть эти бумаги, и попытка эта была такъ ловко устроена, что еслибъ я не обратилъ вниманія на это, то Георги присвоилъ бы себѣ всѣ эти бумаги и никто о томъ ничего бы не зналъ. Было бы слишкомъ подробно излагать всѣ эти козни, устроенныя между Палласомъ, Георги и молодымъ проф. Эйлеромъ. Хочу лишь упомянуть, что я въ этомъ дѣлѣ не руководился не чѣмъ инымъ, какъ только любовью къ самому себѣ: я дѣйствовалъ именно такъ относительно къ Фальку, какъ желалъ бы, чтобъ дѣйствовали относительно меня послѣ моей смерти, и полагаю, что желаніе это не будетъ тщетно. Можетъ-быть, Георги невиноватъ въ подозрѣніи, которое Фалькъ возымѣлъ на него, но достаточно того, что

другимъ извѣстно, что Георги полагалъ, что лишился дружбы Фалька. Я не могу найти ничего другого, кромѣ того, что Георги этою попыткою страшнѣйшимъ образомъ оскорбилъ память Фалька». — Мальте-Брунъ (Malte-Brun: Précis. III, 411) называетъ Фалька «savant respectable, victime des intrigues et de la jalousie».

354. *Стр.* 104. Томы I — III, Петерб. 1785—86, in 4°, съ картами и гравюрами.

355. *Стр.* 105. См. жизнь Форсколя въ моихъ Strödda blad (Разбросанныхъ листкахъ), I, 30.

356. *Стр.* 108. Баронъ Карлъ Риббингъ, полковникъ, впослѣдствіи генералъ-майоръ и начальникъ Нюландской и Тавастгусской губерній, † въ Петербургѣ 1773 $^{1}/_{3}$, гдѣ его преемникомъ былъ баронъ Ф. Ф. Нолькенъ (1774—1788).

357. *Стр.* 108. Попалъ въ плѣнъ къ Хайтакерхану и умеръ во время плѣна въ Ахметкендѣ 1774 $^{27}/_{6}$.

358. *Стр.* 109. Его путешествіе издан. съ предисловіемъ Палласа, въ Петербургѣ, I въ 1770 г., II въ 1774, III въ 1774 и IV въ 1784 г., 4°.

359. *Стр.* Ср. выше стр. 91.

360. *Стр.* 109. Густавъ, заслуженный минералогъ, впослѣдствіи горный совѣтникъ, род. 1738, † 1813 г.

361. *Стр.* 109. Можетъ-быть однакожъ, что Гмелинъ до отъѣзда своего въ іюнѣ 1770 г. изъ Астрахани, въ мѣстности около Царицына и Волги встрѣтился съ Лаксманомъ (см. выше прим. 329), хотя никто изъ нихъ о томъ не упоминаетъ.

362. *Стр.* 109. Онъ говоритъ въ Mém. de l'Ac. de St. Pét. VI, 492: «Hanc ex Rubiacearum familia plantam elegantissimam a Gmelino *Laxmannia fasciculata* dictam, in ejus hereditate botanica saepius videre mihi contigit, — sed ob analogiam plantae nostrae cum Crucianellis maximam ab harum tribu eam dissociare non ausus sum, etsi staminum numerus, ceteroquin in pluribus Crucianellae speciebus quinus, limbusque non unguiculatus sejunctionem suadere videantur». Затѣмъ о томъ De Candolle, Prodr. IV, 587, который приводитъ: ex Spreng I p. 99. Другіе виды (genera) Laxmanni см. ниже.

363. *Стр.* 109. N. Com. XIX, 482—496 и Summar. p. 57; объявлено Бакмейстеромъ IV, 59—64 и Креллемъ (Crell), Chem. Annalen I, 275 и слѣд.

364. *Стр.* 110. Онъ называется «insignis ille metallurgus, cui omnem auri argentique culturam Kolyvanensem debemus»; ср. выше стр. 20. Тѣ же заслуги Палласомъ, Фалькомъ и др. присвоиваются напротивъ Лэйбе.

365. *Стр.* 111. «Серебряная роговая руда, химическими опытами изслѣдованная и описанная». С. П. при Имп. Акад. Н. 1775 8°;

стр. XVI, 22. Объявлено Бакмейстеромъ IV, 249 — 252. Бернульи, Reisen IV, 26.

366. *Стр.* 111. Въ Examen chymique de différentes substances minérales, Paris 1769. Также и по-нѣмецки, см. Бекманъ, Phys. Bibl. VI (1775), 147.

367. *Стр.* 111. Сочинители, взятые въ соображеніе въ текстѣ, слѣдующіе: Sommer, Abh. v. Hornerze, Lpzg. 1774 (ср. Beckmann VII, 381); Woulfe, Experiments etc Lond. 1777 (по-нѣмецки ср. Beckmann IX, 89); Klaproth, Analyse des Hornerzes, въ Berl. Akad. Abhandl. pro 1788 et 89, стр. 21 и слѣд., и Beitr. zur chem. Kenntn. d. Mineralkörper, Posen u. Berlin. Bd. I (1795), 127 слѣд.; Gmelin, Gesch. d. Chemie III (1799), 397. 591. 676; Reuss. Lehrb. d. Mineralogie II (1803), 3, 330; Hochheimer II, 18; Kobell, Gesch. d. Mineralogie, Münch. 1864, стр. 578, 574; Leonhardi ed. von Macquets Chym. Wörterb. VI (1790), 116. 119, и др.

368. *Стр.* 113. Данныя къ біографіи Гольмберга (записанныя какъ по бумагамъ вмѣстѣ съ библіотекою своею, имъ завѣщанною боргоской гимназической библіотекѣ, такъ и по дѣламъ петербургской академіи и другимъ источникамъ) еще слѣдующія: 1774 $^{30}/_{6}$ Лаксманъ противъ Гольмберга, см. слѣд. прим. 369-ое. —1774 $^{7}/_{7}$ резолюція комиссіи, тамъ же. — 1774 $^{11}/_{22}$ пишетъ Лексель Бергіусу: «Надѣюсь теперь, что маленькая коллекція растеній, нѣсколько времени тому назадъ отправленная мною черезъ шкипера Олава Гуннарсона, подъ адресомъ секретарю Варгентину, дошла до васъ, г. профессоръ; если она заключаетъ что-либо новое, вамъ еще не сообщенное проф. Лаксманомъ, то это меня очень обрадовало бы, но едва смѣю надѣяться этого. При собираніи этихъ растеній лаборантъ химической лабораторіи при академіи г. Гольмбергъ, родомъ шведъ и честный человѣкъ, охотно помогалъ мнѣ; а потому честь имѣю особенно рекомендовать его вамъ, г. профессоръ; онъ заявилъ свое желаніе искать мѣста аптекаря, какъ слышно, учреждаемаго въ Свеаборгской крѣпости. Вѣроятно мѣсто это будетъ замѣщено королевскою медицинскою коллегіею, въ такомъ случаѣ осмѣливаюсь просить васъ, удостойте Гольмберга благосклоннымъ вниманіемъ, какъ отсутствующаго земляка, заслуживающаго во всѣхъ отношеніяхъ опять быть помѣщеннымъ на родинѣ. Согласно указанію, сообщенному комиссіонеромъ Гольмберга, прошеніе должно было подать генералу Спарре, начальнику Свеаборгской крѣпости, что́ и сдѣлано Гольмбергомъ; но былъ ли это вѣрный путь, не знаю, а также и Гольмбергъ впослѣдствіи никакихъ извѣстій не получилъ. И такъ осмѣливаюсь просить васъ благосклоннѣйше сообщить мнѣ извѣстіе объ этомъ мѣстѣ и на какихъ основаніяхъ учреждается аптека: на счетъ ли казны, при чемъ аптекарь только получаетъ извѣстное жалованье, или же онъ обязанъ

учредить ее на свой счетъ, и въ такомъ случаѣ получитъ ли онъ отъ казны какой-нибудь задатокъ, или же нѣтъ?»—Съ 1774 $^{24}/_{7}$ Гольмбергъ въ отставкѣ отъ должности лаборатора при петербургской академіи. — 1774 $^{26}/_{7}$ аттестатъ Лаксмана въ прим. 370. — 1774 $^{14}/_{25}$ авг. пасторское свидѣтельство, выданное Гольмбергу шведскимъ пасторомъ Исаакомъ Гугбергомъ въ С.-Петербургѣ. — 1774 $^{16}/_{27}$ авг. открытое свидѣтельство, выданное Гольмбергу Лекселемъ, напечатанное въ текстѣ.—1774 $^{22}/_{8}$ письмо фонъ Чэрнинга къ Варгентину, приводимое въ текстѣ. — 1774 $^{3}/_{14}$ окт. пишетъ Лексель Варгентину: «Не думаю, чтобы Гольмбергъ былъ теперь въ Стокгольмѣ: хоть онъ и возвратился, но намѣревался сперва оставаться въ Нюландіи у своихъ братьевъ, преимущественно у того, который состоитъ Боргоскимъ вице-бургомистромъ. — 1776 $^{8}/_{19}$ апрѣля пишетъ Лексель къ Варгентину: «Гольмбергъ нынѣ лабораторствующій въ Або, просилъ меня рекомендовать его канцлеру для полученія жалованья».—1776 $^{8}/_{4}$ свидѣтельство, выданное П. А. Гаддомъ о Гольмбергѣ. — 1776 $^{24}/_{6}$ Г. опредѣленъ винокуреннымъ надсмотрщикомъ въ Улео. — 1776 27 мая, 7 іюня пишетъ Лексель Варгентину: «Если Г. можетъ получить назначеніе при винокурняхъ, то это доходнѣе, чѣмъ быть лабораторомъ». — 1779 $^{14}/_{6}$ въ Nya lärda tidn. (нов. учен. газетѣ) Йэрвеля сказано, что Г., по возвращеніи своемъ изъ Петербурга предложившій отечеству свои услуги, имѣлъ «отличнѣйшія свидѣтельства, какъ отъ петербургской академіи, такъ и отъ господъ профессоровъ Лекселя и Лаксмана».— 1779 $^{15}/_{6}$ Г. назначенъ сверхштатнымъ адъюнктомъ химіи, фармаціи и пробирнаго искусства при Абовскомъ университетѣ, съ жалованьемъ въ 133 рихсдалера и 16 шиллинговъ, изъ кассы короля, по разрѣшенію канцлера графа У. Шеффера. — 1779 $^{26}/_{10}$ пишетъ П. А. Гаддъ Варгентину: «...Отъ канцлера я много лѣтъ получалъ обѣщаніе о назначеніи мнѣ въ помощь лаборанта по химіи, при извѣстномъ жалованьѣ. Я переписывался съ дѣльнымъ молодымъ человѣкомъ, маг. Авцеліусомъ въ Упсалѣ, о которомъ проф. Бергманъ отзывается съ большою похвалою; я приглашалъ его сюда состоять при химической лабораторіи, и онъ былъ этимъ доволенъ; но между тѣмъ, отставной винокуръ Улеоской казенной винокурни, служившій нѣкоторое время передъ тѣмъ въ Петербургѣ, былъ отъ его королевскаго величества назначенъ сюда адъюнктомъ химіи, хотя онъ весьма плохой человѣкъ по своему поведенію и величайшій невѣжа въ наукѣ. Въ отношеніи къ извѣстнымъ заслугамъ, принесеннымъ по политическимъ сплетнямъ, въ которыхъ, какъ слышно, онъ участвовалъ въ Петербургѣ, этотъ человѣкъ удостоился такого благосклоннаго вниманія, что ему вмѣстѣ съ тѣмъ было назначено жалованье въ 2400 рихсдалеровъ. Что́ дѣлать съ вѣтренымъ невѣжею, срамящимъ меня и науку?» — 1780 $^{1}/_{6}$ пи-

шетъ Лексель Гадду: «Меня очень поразило извѣстіе, что Гольмбергъ сдѣлался адъюнктомъ въ Або, но еще болѣе то обстоятельство, что я могъ содѣйствовать этому свидѣтельствомъ, выданнымъ мною при моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга: это было сдѣлано мною лишь ради несправедливости, оказанной ему Лаксманомъ. Но чтобъ свидѣтельство это могло служить доказательствомъ его свѣдѣній въ химіи, я никогда не думалъ.... Очень удивляюсь королевскому секретарю Фреденгейму, который, по словамъ Гольмберга, болѣе всего содѣйствовалъ этому назначенію: какъ могъ онъ такъ ошибиться относительно этого свидѣтельства? Я питаю великую дружбу къ Гольмбергу, но еслибъ онъ былъ даже братъ мой, я, по убѣжденію, еслибъ меня спросили, никогда не могъ бы рекомендовать его къ такому назначенію. И онъ самъ весьма глупо сдѣлалъ, оставивши такое хорошее занятіе, какое онъ имѣлъ въ Улео, соотвѣтственное его свѣдѣніямъ, а для чего? чтобъ отправиться въ Або, гдѣ онъ никогда не можетъ или по крайней мѣрѣ не долженъ имѣть никакого производства, вслѣдствіе своихъ слабыхъ познаній. Это онъ самъ долженъ былъ сознавать — не дѣлаетъ чести Фреденгейму».—1784 г. послѣ смерти Бергмана въ Упсалѣ, Г. домогался его мѣста и права, имъ и полученнаго — специминировать безъ презуса. — 1784 $^{4}/_{9}$ пишетъ Портанъ архіепископу Меннандеру (отцу Фреденгейма!): «Здѣсь говорятъ, что кромѣ адъюнкта химіи Рэринга и магистра Гадолина, также и нашъ адъюнктъ Гольмбергъ добивается каѳедры химіи въ Упсалѣ; это было бы безсовѣстно со стороны бѣжавшаго аптекарскаго подмастерья и такого полнаго неуча». — 1792 $^{27}/_{7}$ Г. дѣлается сверхштатнымъ профессоромъ химіи въ Або (ср. прот. консист. 1793 $^{21}/_{6}$ 4). — 1795 съ марта до мая, Г., по рекомендаціи Лаксмана, назначенъ великокняжескимъ придворнымъ аптекаремъ въ Гатчинѣ близъ Петербурга, но не состоитъ, какъ то значится, и профессоромъ фармаціи при тамошнемъ медицинскомъ заведеніи (ср. ниже, а также прот. консист. 1795 $^{17}/_{3}$ § 5). — 1795 возвратился въ Або. — 1804 $^{6}/_{11}$ Г. подалъ прошеніе неизвѣстнаго содержанія «русской императрицѣ».—1805 $^{9}/_{9}$ Г. членъ-корреспондентъ Петербургскаго экономическаго общества. — 1813 $^{9}/_{5}$ Г. умеръ въ Або. Составилъ статью «Om bästa sättet att bränna bränvin» («лучшій способъ гнать водку»), Петербургскимъ экон. общ. награжденную серебряною медалью и въ 1799 г. напечатанную въ трудахъ общества, а кромѣ того небольшія статьи въ актахъ шведской академіи наукъ и (о селитрѣ?) въ журналѣ финскаго экономическ. общества; сверхъ того остались отъ него рукописныя, весьма забавныя ежедневныя записки о поѣздкѣ его въ Петербургъ и о тамошнемъ житьѣ его въ 1795 г. (изъ которыхъ приводимъ нѣсколько выписокъ).

369. *Стр.* 113. Слѣдующаго содержанія: «An die Kommission der kaiserl. Akademie der Wissenschaften Rapport. Als ich den Laborator Holmberg der Kommission vorstellte, versprach er allen Fleiss und Gehorsam. Ich merkte aber schon im ersten Jahre, dass er sein Versprechen schlecht hielt und im Herumlaufen weit mehreren Eifer zeigte, als in der Verrichtung seiner Geschäfte. Unterdessen ertrug ich manche Nachlässigkeiten mit Geduld und ertheilte ihm die gehörige Wahrnungen. Diese letzten anderthalb Jahren ist er vom Tag zu Tag schlimmer geworden und hat sich zu allen gegebenen Ermahnungen ganz frech und muthwillig bezeigt, als wenn ers mir zum Trotz machte. Er hat also lange nichts gethan, ich kann ihm auch nichts anvertrauen, weil ers durch Nachlässigkeit verdirbt. Auch ist er zu seinen eigentlichen Verrichtungen ungeschickt, weil er in drey Jahren gar nicht Russisch und höchst wenig Deutsch gelernt hat. Dazu giebt er durch seine grobe Aufführung fast täglich Anlass zum Verdruss. Da ich nun durch einen so nachlässigen Menschen in meinen Geschäften ungemein zurückgesetzt werde, indem ich selber auch seine Geschäfte verrichten muss und also viele Zeit, besonders bei dem jetzigen Collegio Chymico unnütze verliere, so finde ich mich genöthigt solches der Kommission zu melden, und bitte mich von diesem faulen, groben und undankbaren Menschen zu befreyen. Ich gestehe, dass nur durch seine Nachlässigkeit schon viele Versuche verdorben worden sind und zu meinem grossen Leidwesen manchmal solche, die ich wegen Mangel an seltenen Naturalien nicht wiederhohlen kann. 30 Іюня 1774. E. Laxmann».—Резолюція:... «отрѣшить (Голмберга) отъ Академіи, выдавъ ему по день его отрѣшенія заслуженное жалованье».

370. *Стр.* 115. Слѣдующаго содержанія: «Dem, bey dem chymischen Laboratorio der kaiserl. Akademie der Wissenschaften, etwas über drey Jahre als Laborator im Diensten gestandenen, Herrn Michael Holmberg, habe auf sein Verlangen folgendes, zum wohlverdienten Zeugniss, zu ertheilen nicht ermangeln können: dass derselbe nicht nur in der medicinischen Chymie und Arte pharmaceutica, sondern auch in der Chymia physica überhaupt und in der Metallurgie insonderheit, hübsche Kenntnisse und Fähigkeiten besitzet, und also mehr, wie die gewöhnlichen Beflissenen der Apothekerkunst, beydes bey Apotheken und den eigentlichen chymischen Laboratorien, recht sehr zu gebrauchen ist. Zu mehrerer Gewissheit habe dieses mit der eigenhändigen Unterschrift meines Namens und Beydruckung meines Insiegels bestätigen wollen. St. Petersburg den 26 Julii 1774. Academicus E. Laxmann». (L. S.)

371. *Стр.* 116. См. ихъ письма въ прим. 368.

372. *Стр.* 116. Ср. прим. 33 и мн. др.

373. *Стр.* 117. Онъ самъ говоритъ о томъ въ своемъ «Разсужде-

ніи о селитрѣ» (въ Трудахъ Вольн. Экон. Общ. 1798, LII, 251 и слѣд.). Вода поднялась 10 сент. 1777 г. на десять футовъ выше ея обыкновеннаго уровня.

374. *Стр.* 118. Ср. прим. 331 Бернульи IV, 25 и слѣд. и прим. 108, 214 и мн. др.

375. *Стр.* 118. См. письмо его отъ 1776 $^{6}/_{16}$ внизу и списокъ членамъ берлинскаго общества, приведенный въ прим. 396. Объ основаніи его см. Hupel—Üb. Ingermanl. und Staatsverf. I, 652.

376. *Стр.* 118. Заключается изъ того, что его коллекціи хранились тамъ послѣ его отъѣзда; ср. N. Act. III, 11.

377. *Стр.* 118. Rotermund III, 25. Backmeister II, 153. IV, 659. Bernoulli IV, 25. — Лаксманъ читалъ лекціи еще въ 1779 г.; см. Бакмейстеръ VI, 110. 308 и прим. (369). 405. Впослѣдствіи за лекціи получалась плата; см. Бакмейстеръ VI, 524. Буссе, Journ. v. Russl. I, 416, 417. N. Act. VII, 4. VIII, 8. XIII, 43.

378. *Стр.* 119. Ср. прим. 405 и письмо отъ 1794 $^{22}/_{8}$ здѣсь внизу.

379. *Стр.* 120. Въ письмѣ къ Варгентину 1777 $^{30}/_{1}$ (странная ошибка при выставленіи числа!). Годовщина праздновалась 1725—1775 г. постоянно 27-го декабря, но съ 1776 года 29-го декабря, такъ какъ императрица отложила день, чтобы сама могла присутствовать; Пекарскій XXXIX съ частными описаніями празднества Лекселемъ сравн. офиціальныя, составленныя Бакмейстеромъ. Т. IV, 454 и въ St. Pet. Journ. Bd. III, 373.

380. *Стр.* 120. До 1730 г., съ продолженіемъ до 1743 г. Стриттера (Stritter), рукоп. въ 200 листовъ находится въ академіи во многихъ экземплярахъ. Ср. о томъ составленную Бюшингомъ біографію Мюллера, стр. 98 и слѣд. 155, и Пекарскаго I, 397 и сл. 428 и сл.

381. *Стр.* 120. О поѣздкѣ Густава см. Schinkelsminnen (Воспоминанія Шинкеля) I, 381 слѣд. Я. Гротъ въ интересной статьѣ «Екатерина II и Густавъ III» (Древняя и Новая Россія, № 2, стр. 105—129). О посѣщеніи имъ академіи, ея Acta I, 1, 3 и слѣд.; Бакмейстеръ IV, 659. V, 161; Реймерсъ I, 310; Гротъ, стр. 113. Письмо изъ Дротнинггольма 1777 $^{28}/_{8}$, Acta I, 2, 6.

382. *Стр.* 121. Лексель Варгентину 1777 $^{14}/_{7}$... и «При томъ случаѣ, когда здѣсь распространилась первая вѣсть о пріѣздѣ сюда Е. В. шведскаго короля, кто-то предложилъ нашему директору, чтобъ я прочелъ что-нибудь объ этой замѣчательной кометѣ (1770 года), если король удостоитъ академію своимъ посѣщеніемъ; это предложеніе было одобрено директоромъ, но онъ впослѣдствіи нашелъ, что этотъ предметъ былъ недостаточно интересенъ, почему чтеніе и было отмѣнено, а проф. Палласъ былъ удостоенъ чести прочитать о предметѣ дѣйствительно весьма инте-

ресномъ; но онъ читалъ такъ тихо, что никто его чтенія не слыхалъ. Нашъ директоръ прочиталъ очень пышную и нарядную рѣчь, которую я на будущей недѣлѣ пошлю на кораблѣ, но ее уже можно получить отъ архіатера Дальберга. Въ той же рѣчи онъ удостоилъ меня нежданной чести: упоминаетъ обо мнѣ съ большою похвалою, вѣроятно чтобы тѣмъ, какъ истый царедворецъ, снискать себѣ благосклонность того, передъ кѣмъ онъ говорилъ: мнѣ впрочемъ хорошо извѣстно, что г. Домашневъ питаетъ ко мнѣ столько же дружбы, какъ я къ нему почтенія. Архіатеръ Дальбергъ обѣщалъ по прибытіи въ Стокгольмъ предложить его въ члены шведской академіи наукъ; я забылъ тогда сказать архіатеру, что, надѣюсь, академія немедленно пріиметъ его, подобно тому, какъ былъ принятъ князь Куракинъ, не дожидаясь законами предписаннаго срока, по крайней мѣрѣ, г. Домашневу будетъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ скорѣе эта почесть будетъ ему оказана. Онъ имѣетъ слабость страдать чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ; недовольствуясь полученнымъ имъ орденомъ Вазы, онъ къ тому желалъ получить и орденъ Меча, въ чемъ ему однакожъ было отказано. По поводу посѣщенія академіи его величество имѣлъ милость дать золотыя медали тремъ членамъ ея, а именно старику проф. Эйлеру, проф. Палласу и мнѣ. Какъ ни лестно было для меня получить этотъ знакъ милости короля, однакожъ признаюсь, что почти также охотно я остался бы и безъ него: замѣчаю, что многіе изъ моихъ товарищей полагаютъ, что я не имѣю бо́льшаго права на такую честь, чѣмъ они сами. Сказать правду, я сознаю, что не можетъ быть другой причины удостоенію меня такой чести, кромѣ того, что я имѣю счастье быть урожденнымъ подданнымъ Его Величества. Маленькое недоразумѣніе со стороны барона Нолькена и неосторожность съ моей стороны дали поводъ къ этой зависти. Въ тотъ же день, когда король посѣтилъ академію, баронъ Нолькенъ сказалъ, что у него было съ собою 4 медали, назначенныя для раздачи тѣмъ, которые состояли членами шведской академіи наукъ. Тогда я замѣтилъ ему, что насъ членовъ шведской академіи наукъ пятеро, и что въ томъ числѣ проф. Эйлеръ не отецъ, а сынъ. Тогда онъ оставилъ у себя медали, тѣмъ болѣе, что между ними были двѣ чеканенныя въ память революціи, которыя могли быть выдаваемы только шведскимъ подданнымъ. Баронъ Нолькенъ воображалъ, что Лаксманъ былъ шведскій подданный. Такъ какъ я тогда думалъ, что дѣло останется при первомъ намѣреніи, то имѣлъ неосторожность намекнуть о томъ Лаксману, но просилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ не говорить болѣе объ этомъ дѣлѣ; этого онъ однакожъ не сдѣлалъ. Впослѣдствіи король измѣнилъ свое намѣреніе, отчасти ради старика Эйлера, которому онъ въ особенности желалъ оказать благосклонность свою, отчасти потому,

что другихъ медалей не было въ запасѣ, кромѣ вычеканенныхъ въ память революціи. Послѣ того какъ первое намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ, я замѣтилъ нѣкоторое недовольство въ тѣхъ, которые разсчитывали на этотъ подарокъ, и одинъ изъ нихъ спросилъ меня прямо объ этомъ дѣлѣ, на что я отвѣчалъ, что не было основанія всѣмъ членамъ шведской академіи наукъ получить медали. Я виноватъ, что разсказалъ о томъ Лаксману; иначе никто бы не зналъ о томъ, а теперь они могутъ подумать, что все по моему почину отмѣнено, мнѣ же это все равно». — Если Лексель этимъ хотѣлъ намекнуть, что Лаксманъ домогался медалей, то онъ ошибся: онъ имѣлъ ихъ уже прежде; ср. прим. 394.

383. *Стр.* 122. Это не сбылось; см. годъ 1785 *S. caecutiens*.

384. *Стр.* 122. Въ Tableau général академіи, стр. 443 ошибочно сказано, что Бергіусъ сдѣлался членомъ лишь 29 дек. 1777.

385. *Стр.* 122. Итакъ Бергіусъ писалъ по новому стилю, а Лаксманъ по старому, что уже и ранѣе могло быть замѣчено.

386. *Стр.* 123. Сколько извѣстно, не смотря на это, въ скоромъ времени переписка Лаксмана и Бергіуса прекратилась до 1784 г.—Въ письмахъ Палласа къ Бергіусу 1776 $^{23}/_{6}$, $^{29}/_{7}$, 1778 $^{10}/_{21}$ авг., а также Бергіуса къ Палласу 1777 $^{29}/_{8}$, 1778 $^{26}/_{11}$ Лаксманъ упоминается лишь мимоходомъ.

387. *Стр.* 123. См. напр. его 1776—1778 изданныя Rön o. anm. om utländska växter försökta i finska klimatet (Опыты и замѣчанія объ иностранныхъ растеніяхъ, испытанныхъ въ финляндскомъ климатѣ), I, 10. 16. 19. II, 8. 10. 14. III, 4. 5. 9. 10. 13. Отъ Лаксмана Абовскій университетъ имѣлъ въ своихъ садахъ *Veronica sibirica*, *longifolia*, *incana* и *multifida*, *Avena sibirica*, *Cornus daurica*, *Anabasis foliosa*, *Rheum palmatum* и т. д., *Sophora lupinoides*, *Amygdalus tartarica*, *Pyrus baccata*, *Bartsia pallida*, *Pedicularis tristis*, *Antrhirinum alpinum*, *Dodartia orientalis*, *Cymbaria daurica*, *etc.*

388. *Стр.* 124. Reisen V, 24—27.

389. *Стр.* 124 Ср. выше стр. 17 и т. д. Издалъ въ 1768 г. большое путешествіе по Сибири, впослѣдствіи нѣсколько разъ перепечатанное.

390. *Стр.* 126. См. N. St. Petersb. Journ. 1783, III, 27.

391. *Стр.* 126. Въ рапортѣ акад. коммиссіи отъ 29 апрѣля 1779 г. онъ говоритъ, что заключилъ контрактъ на 5 лѣтъ (съ 1778 г.) и продолжаетъ затѣмъ: «Weil die kaiserl. Akademie im vorigen Jahre schon die Versicherung hatte, einen neuen u. bequemeren Platz zum botan. Garten zu erhalten, so dachte ich gar bald von mehr bemeldeten erzbischöflichen Platz ganz Meister zu werden, um doch meinen angebornen Triebe zufolge, einige nützliche botanische Versuche auf demselben anstellen zu können. Nur dieses war die Ursache,

warum ich das Haus, welches beides theuer und mit manchem Unangenehmen verknüpft ist, miethete». Онъ проситъ, чтобъ академія, если пожелаетъ пользоваться мѣстомъ, то немного прибавила бы квартирныхъ денегъ, «weil ich alle Scherereien der Policei aushalten muss; sintemal auch die Händler mit Grünigkeiten ganz gerne 75 (Rub.) geben wolten».

392. *Стр.* 126. См. N. Act. III, 11. Реймерсъ I, 309. Георги III, 100, Nachtr. стр. 247. Покупкѣ коллекціи Лаксмана въ особенности содѣйствовалъ генералъ Соймоновъ; ср. Георги, Vers. e. Beschr. v. St. Pet. (1790), стр. 316.

393. *Стр.* 126. Ср. здѣсь прим. 4.

394. *Стр.* 126. Ротермундъ, въ мѣстѣ, которое Бакмейстеръ приводитъ въ IV, 459, говоритъ въ 1777 г. что Лаксманъ, «schon im vorigen Jahre» получилъ медали.

395. *Стр.* 127. Characteres generum plantarum, Lond. 1776. Согласно Boehmeri De plant. in memoriam cultorum nominatis (Lips. 1799) = *Cyminosma* Gaertn. Дальнѣйшіе синонимы см. ниже.

396. *Стр.* 127. Ротермундъ, какъ сказано у Бакмейстера IV, 459, упоминаетъ о Лаксманѣ въ различныхъ сочиненіяхъ общества: Beschäftigungen II (1775) XXI; Schriften VIII. IX; Beob. u. Entdeck. I (1787), 402. III (1789), 198 и слѣд. N. Schrift. II (1799).

397. *Стр.* 127. Ротермундъ и Бакмейстеръ, въ выше указанныхъ мѣстахъ.

398. *Стр.* 127. Йэрвель, N. lärda tidn., стр. 715.

399. *Стр.* 127. Ср. прим. 387.

399[a]. *Стр.* 127. Стокгольмъ 1778 г. Т. 1 и II. Сверхъ того посвященъ Бергману, Муррею (Murray), Палласу и мн. др.

400. *Стр.* 127. См. Бюшингъ въ біогр. Мюллера, стр. 102. Георги, Beschr. I, 4 слѣд. Nachtr. 13. Acta acad. petrop. I (1777) 2, 12. II, 1, 1 и слѣд. Бакмейстеръ IV, 454. V, 201, въ особенности VI, 107 и слѣд. и въ приведенномъ тамъ Начертаніи топогр. описанія Россійской имперіи, Спб. 1778. — Домашневъ былъ назначенъ директоромъ въ іюлѣ 1775 г., поѣхалъ въ Берлинъ въ окт. и возвратился въ Петерб. 17 дек. 1776 г. (Бакмейстеръ III, 551. IV 453).

401. *Стр.* 128. Въ біографіи Мюллера.—Пекарскій (I, 417, прим.) представляетъ неодобреніе Мюллера болѣе рѣзкимъ, нежели какъ оно было по его собственнымъ словамъ у Бюшинга.

402. *Стр.* 129. Т. I вышелъ въ 1771, II—VII подъ заглавіемъ Neue Beitr. и т. д. 1781—97; ср. его Vorrede отъ 1780 г., авг. 4.

403. *Стр.* 129. Т. I—IX, Кенигсбергъ 1797—1800, съ Nachtr. 1802 г.; ср. его Vorrede.

404. *Стр.* 129. Beitr. z. Kenntn. d. russ. Reichs IX.

405. *Стр.* 129. Рапортъ Лаксмана слѣдующій: «Unter dem gestrigen Dato erhielt ich eine Resolution der Kommission, in welcher eine Nachricht verlangt wird, wie und durch wessen Versehen der Brandwein, in dem Keller unter das Bonnische (?) Haus, herausgeflossen; worauf zum gehorsamen Bericht folgendes ertheile. In dem chymischen Laboratorio ist kein einziger Ort, wo etwas könnte verschlossen gehalten werden, worüber ich schon vor mehreren Jahren rapportiret habe, und auch gebeten, dass in einer finstern Ecke des Laboratorii ein Чуланъ mögte abgetheilt werden, welches auch den Baumeistern anbefohlen worden, die er aber wegen vieler sonstiger Arbeit nicht haben ausführen können. Warum ich dieses verlangte, geschach nur deswegen, weil ich alltäglich bemerkte, dass die Arbeitsleute in dem offenen Laboratorio, ganz künstlich den Brandwein aus den Tonnen herauszuleeren wussten. Da nun kein Чуланъ erfolgte, so dachte ich in dem Keller mehr Sicherheit zu erhalten, aber hier entstand ein gar zu hohes Wasser, so dass man gar nicht hineinkommen konnte. Ich liess, durch den einen Arbeiter den ich habe, alltäglich ausgiessen, welche Bemühung doch wenig nützte, indem der Zufluss des Wassers aus der überall feuchten Erde und sehr vielen Schnee gar zu stark war. Überdem hatte ich den ganzen Winter zusammt mit dem Laborator wichtigere Geschäfte, wie solches der Kommission bewusst ist, als gemeinen Brandwein zu destilliren, welches Geschäft überhaupt immer nur in Ermangelung nothwendigerer Geschäfte gertrieben worden. Ich hatte einen publiquen Cursum Chemiae metallurgicae, dessen viele Experimenta bey der fleissigsten Arbeit kaum bestritten werden konnten, auch die Untersuchung der Mineralien aus dem Nordischen Gebürge nahm alle Zeit für den Laborator, mit mir zugleich, hinweg. Auch kan ich jetzunter in den tiefen Kellern nichts mehr verschliessen, dieweil alle Thüren ganz verfault und von dem hohen Wasser ausgehoben sind. Den 15 Juni 1779. Akademicus Laxmann». Собственное объясненіе коммиссіи было во всѣхъ отношеніяхъ оправдательнымъ для Лаксмана и показало нелѣпость контроля, требуемаго Домашневымъ (т. е. запрещеніе выдавать что либо изъ принадлежностей академіи безъ обозначенія: «что, кому, на что и когда»).

406. *Стр.* 130. Acta III (pro a. 1779), 86. — Это письмо открываетъ м. пр. тайну, которую Кальмъ еще въ 1764 вслѣдствіе патріотизма счелъ себя обязаннымъ скрывать; ср. прим. 255.

407. *Стр.* 130. Лексель Варгентину 1779 $^{9}/_{20}$ авг.: «Недѣлю тому назадъ я отправилъ 3 ящика съ минералами отъ имени проф. Лаксмана, который теперь поѣхалъ во внутреннюю Россію къ т. н. Валдайскимъ горамъ, чтобы подвергнуть ихъ минералогическому изслѣдованію» — 1 Бергіусу, 1 Гадду, 1 Реціусу. «Считаю излишнимъ увѣдомить Бергіуса о другихъ» (почему это?)

408. *Стр.* 130. Acta III, 88.

409. *Стр.* 130. См. его статью въ N. Com. XII, 41. 391 и слѣд.; ср. Пекарскій II, 842—44.

410. *Стр.* 130. Почти тотъ же путь изъ Петербурга въ Москву, какъ Лаксманъ, сдѣлали и Гмелинъ,填Палькъ и Гюльденстедтъ. Описаніе послѣдняго подробнѣйшее и дополненно Палласомъ, но издано лишь въ 1787 г. Георги, Beschr. I, 126, указываетъ кромѣ Гюльденстедта и Лаксмана также и на Лепехина, какъ на главный источникъ для мѣстности около Алаунскихъ горъ, но это невѣрно, потому что Лепехинъ начинаетъ журналъ свой лишь отъ Москвы. За то помянутая дорога геологически описана Германномъ, Mineralog. Reisen 1783 — 96, St Pet. I (1796), 6 — 11.

411. *Стр.* 131 Реновапцъ, Bemerk. üb. diejenige Fortsetz. d. schwed. Gebirge, welche zwischen dem Weissen Meer u. den Seen Onega u. Ladoga auf russ. Boden eintritt, въ Палласа Nord Beitr. I (1781), 132. Реновапцъ, родомъ изъ Саксоніи, составилъ первый планъ для горнаго училища въ Петербургѣ, гдѣ онъ, для обученія кадетъ, построилъ въ корпусномъ зданіи интересную модель рудника. Онъ былъ одно время оберъ-бергмейстеромъ въ Колывани, а умеръ въ Петербургѣ 1798 г. Взгляды его и Лаксмана расходятся часто.—Дневникъ путешествія Лепехина былъ изданъ: части 1—3 по русски 1771 — 80 и по нѣмецки 1774 — 83, но 4-я только по русски лишь въ 1795 г.

412. *Стр.* 131. T. III (1782), 159 — 177. Въ выпискѣ у Бакмейстера VIII, 275 и сл. свѣдѣнія изъ нея въ Nya lärda tidn. (Новыя ученыя вѣдомости) Йэрвеля 1780 (2 марта), стр. 142 и Uppfostr. sällsk. allm. tidn. (Всеобщій вѣстникъ воспитательнаго общества) 1789, № 19, и Бекманъ XII (1783), 467.—Иначе нежели Палласъ судилъ Георги, который, мотивируя почему онъ не далъ мѣста путешествію Лаксмана на своей картѣ къ Beitr. Фалька, говоритъ I (1785), XI: «Hr. Hofrath Laxman reiste zwar 1779 und 80 auf akademische Kosten über die Quellen der Wolga zum Weissen Meer; da die Akademie aber ausser kurzen Raporten und einigen Mineralien nichts von diesen Reisen hat, durften sie den Raum um so weniger verlangen, da die Herren Lepechin und Güldenstädt fast dieselben Wege hatten». Ср. прим. 411.

413. *Стр.* 131. Въ Leip. Mag. zur Naturk., изданномъ Леске, I (1781), № 6. Ср. Uppfostr. sällsk. allm. tidn. 1782, № 64.

414. *Стр.* 133. Согласно Hydrogr. Штуккенберга (I, 455. VI, 80), до Лаксмана нѣтъ извѣстій о судоходности Явона.

415. *Стр.* 133. Изображеніе въ Путеш. Озерецковскаго на озеро Селигеръ, С. П. 1817.

416. *Стр.* 133. У Палласа: Вахуза, опечатка.

417. *Стр.* 133. Штуккенбергъ V, 171 замѣчаетъ что это свѣдѣ-

ніе имъ приписанное Палласу, не вполнѣ достовѣрно, потому что выше Старицы находятся болѣе низкіе, а ниже до Твери довольно высокіе берега. Спорить о сравнительныхъ понятіяхъ конечно безполезно; но Лаксманъ слишкомъ часто бывалъ на Волгѣ, чтобъ ему могло быть неизвѣстно, что берега рѣки также и кромѣ разстоянія до Старицы кое-гдѣ мѣстами очень высоки.

418. *Стр.* 133. Ср. выше стр. 30.

419. *Стр.* 134. Объ этой теоріи Лаксмана, а также и Палласа, см. Георги, Vers. e. Beschr. Petersburgs 1790, стр. 452 и Vers. e. Beschr. d. St. Petersb. Gouvern. 1790, стр. 8.

420. *Стр.* 135. Правительство въ 1767 г. назначило награду въ 1000 руб. тому, кто первый откроетъ каменный уголь въ новгородской губерніи; см. Ходневъ 363. По Штуккенбергу (I, 357), ссылающемуся на Горный журналъ 1837, стр. 19, «уже Палласъ» упоминаетъ о каменномъ углѣ у Msты.

421. *Стр.* 135. Такъ сказано въ путевомъ отчетѣ, но нѣсколько лѣтъ позже онъ выражается такъ, будто они прослѣдовали до Бѣлаго моря; см. его письма 1785 $^{15}/_{10}$.

422. *Стр.* 135. У Палласа опечатка: Лососиха.

423. *Стр.* 135. Ср. Озерецковскій, Путеш. по озерамъ Ладожскому и Онежскому, С. П. 1792, стр. 231 и слѣд.

424. *Стр.* 136. Штуккенбергъ I, 550 приписываетъ измѣренія глубины въ Онежскомъ озерѣ ошибочно Палласу вмѣсто Лаксмана. Шницлеръ, L'empire des Tsars I (1862), 335, не знаетъ новѣйшихъ измѣреній глубины Онеги кромѣ Лаксмановыхъ.

425. *Стр.* 136. Описывается Озерецковскимъ, стр. 247 и слѣд., который обозначаетъ число жителей на островахъ Онеги въ 1358 человѣкъ: «коихъ бо́льшая часть живетъ на Климецкомъ островѣ».

426. *Стр.* 136. Упоминается лишь мимоходомъ Озерецковскимъ (стр. 252), но вполнѣ умалчивается Кампенгаузеномъ (Vers. e. geogr. stat. Beschr. d. Statthaltersch. Olonez, Götting. 1792), Бергштрессеромъ (Опытъ описанія Олонецкой губерніи., С. П. 1838) и Дашковымъ (Опис. Олонецкой губерн. С. П. 1842). Георги I, 103, ссылаясь на Лаксмана, называетъ его: Фанина. Можетъ быть это тотъ же рудникъ, о которомъ Кильбургеръ (1673, въ Mag. III, 323 Бюшинга) говоритъ: «Bey Alonitz Colonetz nicht weit von der See Onega ist vor 5 oder 6 Jahren eine Grube aufgenommen, und bis Dato vom Zaaren selbst mit vielem Verlust getrieben».

427. *Стр.* 138. Описаніе Озерецковскаго, стр. 285 и слѣд.

428. *Стр.* 139. Штуккенбергъ II, 75 и слѣд. описываетъ по Лаксману теченіе Вига внизъ до моря.

429. *Стр.* 139. О томъ подробно Озерецковскій 259 и слѣд. и N. Act. acad. VII (1793), 346 и слѣд.

430. *Стр.* 139. По Озерецковскому 1737. Также и Бергстрессеръ, стр. 26 и Штуккенбергъ II, 86; но Кампенгаузенъ стр. 51 какъ и Лаксманъ. Палласъ: 1739 и Тарасъ Ивановъ.

431. *Стр.* 139. Можетъ быть вѣрнѣе Палокорга, ибо коргою въ въ этихъ мѣстностяхъ называется подводный камень.

432. *Стр.* 140. Слѣдовательно опасенія Лекселя въ письмѣ его къ Варгентину 1779 $^{29}/_{11}$ излишни: «Лаксманъ еще не возвратился; я не понимаю что́ онъ въ это время по минералогіи можетъ сдѣлать? а тамъ, гдѣ онъ теперь, ему не можетъ быть особенно весело».

433. *Стр.* 140. Это очевидно направлено противъ выраженія Палласа, который по возможности старается объясниться въ обширномъ примѣчаніи въ N. nord. Beitr. II (1781), 366 и слѣд. Онъ на этомъ мѣстѣ не упоминаетъ о Лаксманѣ, но нападаетъ, на стр. 363. 365. 368, какъ бы въ отплату ему, на нѣкоторыя дѣйствительныя или мнимыя ошибки его по другимъ предметамъ. Ср. здѣсь выше прим. 71. и 177 конецъ (гдѣ ошибочно 1780 г. вмѣсто 1779).— Вопросъ интересовалъ геологовъ; см. 1784 г.

434. *Стр.* 141. Георги III, 61 упрекаетъ его, что не изслѣдовалъ солоности Бѣлаго моря.

435. *Стр.* 141. Ср. вторичную опасность, угрожавшую жизни его на Байкалѣ въ 1786 году.

436. *Стр.* 142. Штуккенбергъ II, 51 приводитъ для упомянутыхъ свѣдѣній то Палласа, то Лаксмана.

437. *Стр.* 142. Предположеніе мое, заявленное въ прим. 42, что Лаксманъ въ годы молодости служилъ пасторомъ въ Олонецкой губерніи, кажется, подтверждается его особеннымъ интересомъ къ ней (ср. здѣсь также стр. 57), но не могло быть рѣшено документально разспросами на мѣстѣ.

438. *Стр.* 143. См. Beschr. III, 137. 149. 181. 205. 214. 215. 219. 222. 226. 229. 245. 251. 253. 255. 262. 497. 578. 595. 597. Намеки, сдѣланные въ текстѣ относительно Георги, оправдываются не только тѣмъ, что мы уже знаемъ о немъ, но и тѣмъ, что статья его «Marmorum imperii ross. analysis» (Act. pro 1782) очевидно во многомъ основывается на матеріалѣ, привезенномъ Лаксманомъ, хотя о немъ ни словомъ не упоминается.

439. *Стр.* 145. Интересовало слѣдовательно уже Лаксмана; см. ниже.

440. *Стр.* 145. Act. IV, P. I (30 марта 1780 г.).

441. *Стр.* 145. Act. IV, P. II.

442. *Стр.* 145. Ср. Act. IV, P. II, 116.

443. *Стр.* 146. Stockh. lärda tidn. (Йэрвеля) 1780, стр. 503 и сл. 702. Также и въ Bibl. VI, 560 Бакмейстера при описаніи посѣщенія упоминаются Bemerkungen Лаксмана.

444. *Стр.* 146. Act. IV (1784 pro a. 1780), II, 3—7, 52 и слѣд.

445. *Стр.* 146. Я держусь здѣсь и во многихъ мѣстахъ ниже документовъ, полученныхъ изъ Нерчинска по благосклонному ходатайству петербургской академіи наукъ.

446. *Стр.* 147. 1781 $^3/_{14}$ февр.

447. *Стр.* 147. См. письмо его отъ 1794 $^{22}/_8$.

448. *Стр.* 150. Act. IV, 30. V, I, 8. N. Act. II, 10. XIII, 9. Согласно Tableau général, стр. 427, между «Membres honoraires régnicoles».

449. *Стр.* 150. Выписка изъ Нерчинскихъ актовъ.

450. *Стр.* 151. Бакмейстеръ VII, 177. X, 40. Упомянутая уже Нерчинская рукопись. Траутфеттеръ, Grundr. e. Gesch. d. Botan. in Bezug auf Russl. стр. 15, слѣдовательно невѣрно: «L. ging 1780 nach Irkuzk».

451. *Стр.* 151. Ср. прим. 190.

452. *Стр.* 151. Ср. Риттеръ, Erdk. II, 619. III, 274 и слѣд. Это сочиненіе вмѣстѣ со статьею, приведенною на стр. 256 «Neueste Beschr.» и т. д. (Лаксмана?) составляетъ главный источникъ для слѣдующаго. Изъ подробнаго «Описанія Нерчинскихъ горн. заводовъ (въ Горн. журн. 1834, I—III) для нашей цѣли почти ничего не могло быть извлечено. — Еще въ 1821 г. писалъ Кокрэнъ (Cochrane) Fussreise durch Russl. u. d. sibir. Tatarei. Aus d. Engl.), стр. 405: «Alles was ich zu Nertschinsk sah, flösste mir Verachtung und Unwillen gegen die dortigen Beamten ein».

453. *Стр.* 152. Георги, Reise I, 419. Германнъ, Mineralog. Reisen III, 359 Мессершмидтъ, путешествовавшій съ Дамесомъ (Dames), говоритъ только, что онъ служилъ въ шведской арміи (Палласъ, N. nord. Beitr. III, 129). Ср. Эннесъ, Karl XII: s krigare (Воины Карла XII) I, 556.

454. *Стр.* 153. См. выше прим. 70. 91.

455. *Стр.* 153. Ср. Георги, Reise I, 422. Beschr. III, 394. Schlözer, Münz u. Bergwerks-Gesch. (1791), стр. 204.

455[a]. *Стр.* 153. См. Книга штатовъ II, 2 и 3, стр. 1796 въ Полн. собран. законовъ. Его служебное званіе было: Совѣтникъ горныхъ дѣлъ и для надзиранія за заводами и пріисками; жалованье 1000 р. по Лекселю въ прим. 460, но 1200 по источникамъ приведеннымъ въ прим. 461.

456. *Стр.* 154. T. IV (1783), 199 — 238. 239 — 248. Съ «Verzeichniss» срав. Георги, Reise I, 388 и слѣд.: Mineralien d. Argusinischen Erzgebürges».

457. *Стр.* 154. О геологическихъ познаніяхъ начальника генерала Бёкельмана ничего не извѣстно. Если и допустить, что онъ имѣлъ какое либо участіе въ трудѣ, то конечно при главномъ содѣйствіи

Лаксмана. Также и Бакмейстеръ IX, 346 не знаетъ автора. Нѣтъ ли болѣе подробнаго свѣдѣнія въ «Н. ежемѣсячн. сочиненія» 1788, въ номерахъ 26 и 27, гдѣ статья сколько извѣстно напечатана по русски?

458. *Стр.* 154. Въ Палласовыхъ N. nord. Beitr. II (1781), 359 и сл.; напомнимъ еще, что забайкальскія геогностическія замѣчанія, сообщенныя Спасскимъ (Спб. Вѣстн. 1821, XVI, 406 — 418) по Карамышеву вовсе не упоминаютъ объ этомъ «Beschreibung».

459. *Стр.* 156. Уже 1780 $^{25}/_{9}$ онъ писалъ м. пр. «Comme M:r Laxman va nous quitter, pour être assesseur de la chancellerie des mines de Nertschinsk, je Vous prie de me charger dorénavant de vos commissions en fait de livres et dont il a été jusqu'ici l'agent. J'attends de Sibérie un bon nombre de graines, dont je Vous enverrai bonne part pour votre Société patriotique».

460. *Стр.* 156 Phys. Bibl. XI (1781), 263. — Уже 1780 $^{3}/_{14}$ іюля писалъ Лексель Варгентину м. пр.: «Вѣроятно я въ предыдущихъ письмахъ моихъ забылъ сказать, что проф. Лаксманъ назначенъ горнымъ совѣтникомъ при Нерчинскихъ рудникахъ, съ жалованьемъ въ 1000 рублей, что́ въ томъ мѣстѣ, гдѣ жизненные припасы какъ слышно очень дешевы, довольно выгодно. Онъ вѣроятно отправится туда не раньше какъ въ началѣ зимы.

461. *Стр.* 156. См. пр. Uppfostr. sällsk. tidn. 1781 №º 24 (за 24-ое марта) и N. crit Nachr. Greifsw. 1781 за 24 апрѣля стр. 136.

462. *Стр.* 156. Ср. въ особенности его ниже помѣщенное письмо 1785 $^{15}/_{10}$

463. *Стр.* Георги, Beschr. III. 147. 164. 265. 413. 436 (?) 575.

464. *Стр.* 158. Von Einführ. d. mineral. Laugensalzes» и т. д. въ N. nord. Beitr. VII (1796), стр. 439.

465. *Стр.* 158. Это важное открытіе приписывается обыкновенно Ловицу. Изъ этого мѣста, а также изъ того, на что мы уже стр. 65 намекнули, кажется видно, что починъ также и въ этомъ пунктѣ принадлежитъ Лаксману, хотя его петербургскіе друзья руками его жаръ загребали (что́ впрочемъ съ нимъ случалось весьма часто).

466. *Стр.* 159. Лаксманъ и другіе называютъ Чаганъ-норъ «nicht weit von Doroninsk», но разстояніе составляетъ однакожъ около 200 верстъ. Никакого сомнѣнія не можетъ возникнуть о томъ, что онъ подразумѣваетъ упомянутый Палласомъ (Reise III, 212. 217) и Клапротомъ (Mém. relat. à l' Asie I, 20) вблизи Тарейнора показанный Чаганъ норъ, который русскіе называютъ то Бѣлымъ, то Боловымъ озеромъ (Палласъ III, 254 и N. nord. Beitr. V, 316 и Bericht путешественника Г. Радде въ Beiträge Бэра и Гельмерсена XXIII, 380. 385.). Его должно не смѣшивать съ Чаганъ норомъ или Ангули норомъ, по другую сторону Монгольской границы.

467. *Стр.* 159. N. nord. Beitr. V (1793), 316.

468. *Стр.* 159. См. Горн. журн. 1834, II, 125.

469. *Стр.* 160. Слово неясно; можетъ быть: «минералъ»?

470. *Стр.* 160. Напр. Uppfostr. sällsk. allm. tidn. 1785 № 57 (въ августѣ): «Господинъ Э. Лаксманъ занимавшій мѣсто горнаго совѣтника въ Сибири, недавно отрѣшенъ отъ упомянутаго мѣста и живетъ частнымъ человѣкомъ въ Сибири. Онъ природный шведъ изъ Кексгольма (ср. выше прим. 21); судьбы его были необыкновенны».

471. *Стр.* 161. А именно: «Его (Лаксмана) весьма основательныя предположенія не увѣнчались успѣхомъ, по видимому, въ слѣдствіе несочувствія къ проектамъ Лаксмана мѣстнаго начальника заводовъ генерала Бёкельмана».

472. *Стр.* 161. Опыты были произведены только въ 1788 г. (у Шилкинска), но затѣмъ пріостановлены до 1800 г.

473. *Стр.* 161. Письмомъ отъ 1786 $^{18}/_{11}$.

474 *Стр.* 161. См. м. пр. указъ 1782 $^{25}/_{6}$ (въ Полн. собр. закон. № 15, 400) и (о запущеніи лѣсовъ 1780—1784) Горн. журн. 1834, II, 272 и Германнъ, Miner. Reisen I, 370.

475. *Стр.* 161. См. относительно слѣдующаго Гупель (Hupel) Staatsverf. d. R. R. I. (1791), 422 и Германнъ, Wicht. d. R. Bergb., табл. 9. сл. и его-же Statist. Schild. v. Russl. (1740), стр. 324. Въ наше время выручка отъ нерчинскихъ рудниковъ сдѣлалась совершенно незначительною: около 5 пудовъ; ср. Семеновъ, Географ. Словарь, Т. III (1865), 424 и Шинцлеръ, L'empire des Tsars, IV (1869), 396

476. *Стр.* 162. Въ 1785 г. лишь 29,872 рубля. Въ слѣдующемъ году Бёкельманъ, бывшій начальникъ Лаксмана, былъ замѣненъ другимъ.

477. *Стр.* 162. № 15,613. въ Полн. собр. закон. Т. XXI, стр. 777—780, ср. Гупель, 447 сл.

478. *Стр.* 163. Слѣдующаго содержанія: «Поелику покупка инструментовъ и наобмундированіе офицеровъ суконъ должна быть равно какъ и все по Нерчинскому горному правленію расходы на счетѣ монетнаго департамента, то присутствующій во ономъ господинъ дѣйствительный статской совѣтникъ Нартовъ объявилъ, что ни техъ требуемыхъ инструментовъ, ни суконъ купить позволить не можно» и т. д.

479. *Стр.* 163. Къ сожалѣнью нѣтъ у насъ никакихъ подробностей объ этомъ человѣкѣ и его характерѣ. Можетъ быть онъ былъ финнъ: въ Эстерботніи проживаетъ родъ Бёкельмановъ уже съ начала 1700-ыхъ годовъ. Въ 1782 $^{10}/_{2}$ г. Патренъ (Patrin) хотя и пишетъ (въ Палласъ N. nord. Beitr. IV, 164): «M:r Boekelman est un excellent homme», но лишь по случаю любезности его, что велѣлъ собирать растенія около Нерчинска (впослѣдствіи оказавшіяся негодными).

480. *Стр.* 163. Именно 1783 $^{27}/_{1}$ Золотые и серебряные рудники затѣмъ 1784 $^{27}/_{6}$, а равно и все горное дѣло 1787 $^{5}/_{1}$ были поставлены подъ надзоръ импер. кабинета. См. Полн. собр. закон. № 15,660. Гупель I, 448. Шлёцеръ, Münz- und Bergw. Gesch., стр. 3. 207 и мн. др.

481. *Стр.* 163. Ср. Палласъ, N. nord. Beitr. VI (1793), 253.

482. *Стр.* 164. См. относительно этой мѣстности Риттеръ, Erdk. III, 172. 287 сл. Палласъ, Reise III, 225 и слѣд. Кокрэнъ (Cochrane), 410 и сл. Radde, Reisen I (1862), XV. XVII и т. д.; и Семеновъ. Спеціально о производствѣ соли Спасскій, Спб. Вѣстн. 1821, XIV, 315.

483. *Стр.* 164. Бекманъ, Phys. Bibl. XII (1783), называетъ его «Gouvernements-Beysitzer», а Мейзель (Meusel) VIII, 90: «seit 1783 Ispanauk (sic!) oder Landshauptmann».

484. *Стр.* 164. 1783. $^{2}/_{3}$ и $^{6}/_{3}$ въ Полн. собр. закон. № 15,675 и 15,680; ср. Гупель I, 470.

485. *Стр.* 165. Въ своихъ Sibir. Briefe онъ никогда не говоритъ о мерзлой ртути, которую онъ однакожъ 1765 $^{1}/_{1}$ видѣлъ опустившеюся до 40° Реом.! Какъ могъ Чарлзъ Благденъ (Charles Blagden: Hist. of the congelat. of Qvicksilver, Лондонъ 1784; ср. Крель Crell, Chem. Annal. II, 269) утверждать, что Лаксманъ въ Барнаулѣ наблюдалъ мерзлую ртуть, это весьма странно, если не случилось можетъ быть вслѣдствіе ошибочнаго заключенія изъ того, что онъ прочиталъ у Палласа, Reisen III, 419. Гмелинъ старш. утверждаетъ, что въ Иркутскѣ видѣлъ 240° Де-Лиля, безъ замерзанія ртути. Исленьевъ заявляетъ, что въ Якутскѣ въ 1769 г. видѣлъ мерзлую ртуть при 228° Де-Лиля и 42° Реом. (N. Acta acad. petrop. X, 479). Ср. Бекманъ VIII (1777), 44. Шесть ртутныхъ термометровъ Гелланта (Hellant) въ 1759 г. въ Торнео вѣдь показывали—89° Цельз.! Еще въ 1787 г. Фрисъ нашелъ мерзлую ртуть лишь при 238° Де-Лиля=50° R., см. N. Acta acad. petrop. VI, 10). Прежде чѣмъ точка замерзанія ртути была извѣстна, термометры были градпрованы очень далеко внизъ; ср. Миддендорфъ, Reise IV, 344 сл. Нужно только помнить, что у Де-Лиля точка кипѣнія воды обозначается 0, точка замерзанія ея 150 и т. д., такъ что 210=40 Цельз. и 32 Р.

486. *Стр.* 166. Служилъ на Вилюѣ; см. Георги, Beschr. I, 93 по Лаксману.

487. *Стр.* 166. Письмо Лаксмана было изъ Иркутска къ Эйлеру 1784 $^{18}/_{29}$ мая. Оно было доставлено подъ названнымъ заглавіемъ въ Chem. Annal. Крелля (Crell) I (1795), 244 академикомъ Георги, съ примѣчаніемъ: «Die k. Acad. wird den Hrn Laxman ersuchen, die Braunschen Versuche mit künstlicher Kälte im nächsten Winter mit seinen Thermom. A u. B zu wiederholen; sollte der Merkurius dabey flüssig bleiben, so

fiele die bey reinem Qvecks. angenommene Eigenschaft, in grösser Kälte zu erstarren, völlig weg, und gelte nur noch nicht ganz reinen». Между тѣмъ уже въ янв. 1785 г. въ Allg. Litt. Zeit., стр. 56 напечатано слѣдующее сообщеніе: «Nach Hrn H. R. Lauxmann (sic!) in Irkuzk gefriert d. Qvecks. nie, wenn es von allen fremden Substanzen völlig gereinigt ist.» (!)

488. *Стр.* 166. Опыты, которые академія, по поводу сообщенія Лаксмана, поручила произвести своимъ физикамъ Крафту и Эйлеру въ февр. 1785 г., описываются подробно въ N. Act. III, 60—62. Дошли до результата, что «Les essais que m:rs les académiciens de S:t Pétersb. ont faits à ce sujet, ont pleinement constaté ces observations» (de Laxman),—именно, что уже при 210° Де-Лиля=30° Реом. ртуть замерзала «lorsqu'il n'était pas plus purifié que de coûtume» (par l'antimoine). При употребленіи другимъ образомъ очищеннаго металла находили, что онъ для замерзанія требуетъ 29, 30, 31, 32° Р., и въ послѣднемъ случаѣ онъ вдругъ опускался то до 45°, то до 50° Р. (=236 ½, 243 ¾ по Де-Лилю): «ce qui prouve au moins qu'aucune des susdites espèces de mercure ne demande un froid plus violent que de 50 degrés de Reaumur, pour que sa masse devienne entiérement gelée; d'où les expériences de feu M. Braun sont déjà beaucoup rectifiées». Наконецъ присовокупляется: «on voit au reste par ces dernières expériences que le phénomène de la congélation du mercure est encore enveloppé dans des brouillards très épais». Одновременно д-ръ Гутри (Guthrie) въ Петербургѣ дѣлалъ такіе же опыты, которые Коксъ (Coxe), самъ присутствовавшій, подробно описываетъ въ своемъ N. voy. trad. II (1791), 113 и сл., и при которыхъ опять восхваляли открытіе Лаксмана (стр. 135); ср. N. Act. III, 27.

489. *Стр.* 167. 1785 ⅟₁ пишетъ Патренъ изъ Иркутска къ Палласу относительно этихъ кристалловъ: «La nature a formé par là de très beaux accidents, et l'on voit qu'elle songeoit à votre cabinet; car M. Laxman aiant fait un long séjour dans le voisinage de cette montagne, je ne doute pas que Vous ne soyez abondamment pourvu de ces crystallisations: pour moi je n'ai eu que le plaisir de voir, et le chagrin de ne pas avoir celles dont je parle». См. N. Acta acad. petrop. III, 57 и сл. и относительно т. н. Шерловой горы: Гессъ (Hess) (Geogn. Beob. auf. e. Reise von Irkutzk üb. Nertschinsk nach Kiachta) въ Zeitschr. f. Mineralog. Леонгарда (Leonhard) II (1827), 341, Германнъ въ Chem. Ann. I, 305 Крелля, Геденстремъ, Отрывки о Сибири С. П. 1830, стр. 57, Мартосъ, Письма о восточн. Спб. Москва 1827, стр. 123.

490. *Стр.* 167. Ср. Палласъ, N. nord. Beitr. II, 360 и сл. Георги, Beschr. III, 157.

491. *Стр.* 167. Ср. Георги, Beschr. III, 163. Кажется, что Север-

гинъ смѣшиваетъ этотъ ониксъ (въ N. Act. XII, 318) съ тѣмъ, который найденъ Лаксманомъ въ другомъ мѣстѣ.

492. *Стр.* 167. Именно письмомъ 1786 $^{12}/_{4}$; ср. N. Act. IV, 20, а кромѣ того объ этомъ животномъ: Палласъ, Reise III, 217, N. nord. Beitr. III, 126, Zoogr. 262, Шреберъ, die Säugethiere IV, 272, Радде, Berichte 425. 430 и сл. и Reisen I, 293 и сл. и здѣсь стр. 183.

493. *Стр.* 167. Ср Георги, Beschr III, 769, Nachtr. стр. 277, Палласъ, Flora rossica II, 52. 56.

494. *Стр.* 168. Ср. Гупель, Staatsverf. I (1791), 447 сл.: «Wer mit dem Ausspruche des Senats nicht zufrieden ist, der kann sich an das Cabinet mit einer Supplik wenden; und in diesem Betracht stellt dasselbe das höchste Reichsgericht vor, in welchem die Kaiserin selbst entscheidet. Zuweilen hat man sich veranlasst gesehen, eine Commission zu verordnen, um durch sie die Entwürfe zu wichtigen und neuen Einrichtungen machen zu lassen. Dies that u. a. die Kaiserin vor mehrern Jahren wegen des Bergwerkswesen (*not.* bey welchem sich manche Unordnungen eingeschlichen hatten, denen das Bergcollegium nicht abhelfen konnte). Wer mit dessen (des Senats) Entscheidung unzufrieden ist, dem steht blos der Weg einer Supplik an das Cabinet offen (*not.* Hat nur ein Senateur anders geurtheilt, so ist noch ein Schimmer von Hoffnung vorhanden)».

495. *Стр.* 169. N. Acta XIII, 9 и Мѣсяцесловъ за 1785 г.

496. *Стр.* 169. N. Acta II, 10. Согласно акту въ конференцъ-архивѣ (журналъ канцлеріата отъ 28 авг. ст. ст.) Лаксманъ получилъ пенсію «въ благодарность и для ободрѣнія къ продолженію впредь важныхъ его академіи услугъ производить по примѣру прочихъ почетныхъ оной членовъ».

497. *Стр.* 170. Ср. главнымъ образомъ помянутыя въ прим. 556 сочиненія Зауера и Сарычева, въ 1785—94 годахъ часто посѣщавшихъ Иркутскъ.

498. *Стр.* 170. Зауеръ, стр. 17. (Кастера́, перев. I, 28, Шпренгельсъ, стр. 20).

499. *Стр.* 171. См. N. nord. Beitr. VI, 167 и слѣд. Тихменевъ, Историч. обозр. росс.-америк. компаніи, I (1861), 7. 15 и т. д. и Шелехова біогр. въ «Русскіе Люди». С. П. I (1866), 15 и сл.

500. *Стр.* 171. Reise III, 458.

501. *Стр.* 171. Erdk. III, 77. О Лаксманѣ см. еще прим. 568.

502. *Стр.* 172. Ср. Риттеръ III, 78. Простирается черезъ горный узелъ между Тункинскими и Камардабанскими альпами къ ю.-в. до Кяхты; изображено м. пр. на иркутской губернской картѣ отъ 1826 г., въ Письмахъ Мартоса и лучше всего въ статьѣ Мордвинова въ Зап. спб. отд. географ. общ. 1856, кн. II, ст. 101 и слѣд. Во время пребыванія своего въ Тункинскѣ (1848 г.) Кастре́нъ хотѣлъ совершить путь вокругъ Байкала, «но счелъ однакожъ лучшимъ отказаться

отъ этого путешествія, сопряженнаго съ такими неудобствами, что изнуренное здоровье мое едва ли бы выдержало»; см. его Nord. resor o. forskn. II, 379.

503. *Стр.* 172. Мартыновъ, Voy. pittor. y. Риттера III, 83.

504. *Стр.* 172. Der Baical u. seine Umgeb. въ Verh. d. miner. Ges. zu St. Pet. 1855—56, стр. 110.

505. *Стр.* 173. Berichte, 191 сл.

506. *Стр.* 173. См. Зап. спб. отд. географ. общ., кн. IX и X, 548.

507. *Стр.* 173. Въ Chem. Ann. Крелля I, 265 сл. въ письмѣ къ Эйлеру, безъ обозначенія числа, но послѣ того напечатано 1784 $^{18}/_{29}$ мая.

508. *Стр.* 174. Въ Statist. Schild. v. Russl., стр. 106. сл. Кромѣ того въ докладѣ Георги, Beschr. I, 210.

509. *Стр.* 175. Палласъ, Reise III, 292. Георги, Reise I, 150, ср. относительно Сиверса ниже до 1790 года.

510. *Стр.* 175. См. Риттеръ, Erdk. III, 87 сл. Ср. Radde, Berichte, 160. 162. Меглицкій, 138 и т. д.

511. *Стр.* 175. См. прим. 526.

512. *Стр.* 176. Которыя вмѣстѣ со многими другими актами, по благосклонному ходатайству его сіятельства графа Николая Адлерберга, были изъ Иркутскаго архива выданы мнѣ для пользованія.

513. *Стр.* 177. См. его статью (1796) въ прим. 526.

514. *Стр.* 177. Г. I. Гольмбергъ въ Act. soc. scient. Fenn. VII (1863), 52 и слѣд.: Ethnograph. Skizzen и т. д.

515. *Стр.* 177. Хлѣбниковъ. Жизнеопис. Баранова. С. П. 1835, стр. 3. Онъ однакожъ долженъ былъ знать о Лаксманѣ по крайней мѣрѣ черезъ Головнина, потому что онъ съ нимъ находился одновременно въ плѣну въ Японіи 1812 г. (ср. ниже до поѣздки младшаго Лаксмана 1792 г.). Также и въ біогр. Шелехова въ Зап. спб. отд. геогр. общ., кн. I (1856), стр. 3, гдѣ ошибочно сказано, что Талцынскій стеклянный заводъ былъ основанъ въ 1780 г. Вѣрно у Мартоса, Письма, стр. 138.

516. *Стр.* 178. Ср. выше стр. 171 и о поѣздкѣ Биллингса и намѣреніяхъ Лаксмана слѣдующую главу.

517. *Стр.* 179. Приведено въ прим. 526.

518. *Стр.* 179. Хлѣбниковъ, стр. 208. Тихменевъ, Ч. II, прилож., стр. 91.

519. *Стр.* 179. Германъ, Statist. Schild., стр. 409.

520. *Стр.* 179. У Тихменева II, 124.

521. *Стр.* 179. Ср. прим. 512.

522. *Стр.* 180. Письма стр. 138 и сл.

523. *Стр.* 180. Мартосъ, стр. 218 и сл. Эрманъ, Reise um die Erde I (1835), 2, 61, согласно которому въ Тельмѣ употреблялся поташъ (а не глауберова соль) для производства стекла.

524. *Стр.* 180. Berichte, стр. 245. Ср. Семеновъ, Словарь II (1863), 359.

525. *Стр.* 180. Въ N. Act. IV (1789), 32 и N. nord. Beitr. V (1793), 302, прим.

526. *Стр.* 180. Переводъ въ N. nord. Beitr. VII, 439 и сл. (ср. 165, прим.). Подлинникъ: «О введеніи въ употребленіе щелочной ископаемой соли на стеклоплавильныхъ заводахъ вмѣсто поташа», напечатанное въ Трудахъ Экон. общ. 1798 г. Т. II, 240—251.

527. *Стр.* 180. Beschr. III, 303.

528. *Стр.* 181. Мюнхенъ 1872, стр. 523 и сл.

529. *Стр.* 183. По Vorbericht къ V тому (1793) не существовало списка потерянной рукописи, Т. IV (1783), въ которой заключалась м. пр. статья Лаксмана отъ 1781 г., т. V, его письма отъ 1786 г. и мн. др.; весьма невѣроятно, чтобы онъ въ промежуточное время ничего не сообщалъ Палласу.

530. *Стр.* 183. См. N. Acta III, 29. 31. 36. 195. 285. IV, 13. 14. 20. 28. 31. N. nord. Beitr. ниже.

531. *Стр.* 184. Ср. о Лепехинѣ прим. 300, объ Озерецковскомъ: Брандтъ въ Зап. акад. наукъ VII (1765), 5.

532. *Стр.* 184. Въ Reise Миддендорфа I, 2 (1856), 195.

533. *Стр.* 184. Ср. ниже стр. 226 и мн. др. мѣста. Ср. также съ слѣдующимъ сообщеніемъ Миддендорфа Reise IV, 337 (которое однакожъ надобно исправить согласно тому, что читаемъ выше въ текстѣ, стр. 27 и въ относящихся къ тому примѣчаніяхъ: «Schon im Jahre 1784 richtete der Akademiker Laxman die erste Glasfabrik in Sibirien ein und liess eine Menge Thermometer anfertigen, welche über Sibirien verbreitet wurden. Haben sie uns nur ein einziges Jahresrund von Temperaturbeobachtungen geliefert? Und doch würden uns solche ein unschätzbares, weil leider unersetzbar verloren gegangenes, Material bieten zum Vergleiche zwischen jetzt und früher».

534. *Стр.* 184. N. Acta III, 285 и сл.; ср. 105.

535. *Стр.* 184. N. Acta III, 1959 указываютъ на Reise I, 454 Палласа, гдѣ описывается *Mus minutus*.—Относительно синонимики ср. Палласъ, Zoogr. I, 134. 136. Фишеръ, Zoogr. III, 152. Брандтъ въ Mél. Biol. I (1853), 453. Учен. Зап. по I и III отд. I (1852), 293 и здѣсь прим. 105.

536. *Стр.* 184. Ср. въ особенности Лаксмана Разсужд. о селитрѣ. С. П. 1795, также въ Трудахъ Вольн. Экон. общ. LII (1798), 251 и слѣд.

537. *Стр.* 185. См. стр. 156. По этому поводу послалъ напр. Бергіусъ при письмѣ къ Палласу 1783 $^{24}/_{10}$ для Лаксмана одинъ экземпляръ Ринмана hist. om jernet. (исторія желѣза).

538. *Стр.* 185. Напечатано въ Uppf. sällsk. allm. tidn 1786, № 18 за 2 марта, съ невѣрнымъ свѣдѣніемъ, о которомъ здѣсь въ прим.

21 упомянуто; приводится въ Allg. Litt. Zeit. 1787, январь, стр. 176.

538 а. *Стр.* 186. Именно отъ перваго брака: Густава и Адама, отъ второго: Мартына, Афанасія, Іосифа, Касьяна и Константина. Сына Антона Эрика (см. стр. 53) уже не было въ живыхъ. Но у него была кромѣ того дочь Марія (см. стр. 151). Ср. ниже стр. 216.

539. *Стр.* 186. Забывчивость (ср. здѣсь стр. 132 и 135), равно какъ онъ ошибочно заявляетъ 1778—1779, вм. 1779—1780 (по новому стилю, лишь 1779 г. по старому).

540. *Стр.* 186. Т. е. около сѣверной границы Калифорніи.

541. *Стр.* 186. Русскіе очень хорошо знали, что это былъ островъ, прежде чѣмъ Ла-Перузъ открылъ названный по немъ заливъ. Ла-Перузъ утверждаетъ однакожъ, что Русскіе умышленно распространяли невѣрныя карты, см. письмо въ его Voyage, IV (1798), 214.

542. *Стр.* 186. Между пр. собственный его учитель Кальмъ.

543. *Стр.* 187. Линней младшій † 1783 $^{1}/_{11}$; Варгентинъ † 1783 $^{13}/_{12}$; Вильке, получившій знаменитость опытами своими по электричеству и надъ температурою снѣга при таяніи, † 1796 $^{18}/_{4}$.

544. *Стр.* 187. Ср. м. пр. Предисловіе Гельмерсена къ Berichte Радде, стр. 549 и сл., равно и Voy. à Oudskoï и т. д. Миддендорфа въ Bullet. phys.-nat. IV, за ном. 1 и 2. 15 и 16.

545. *Стр.* 187. Поучительно читать въ Briefe aus Sibir. Сиверса (6 іюля 1791, въ N. nord. Beitr. VII, 204 Палласа): «Ich bin überzeugt, wenn verschiedene Botanisten auf einmal sich in verschiedene Partheien abtheilten und so beynahe mögte ich sagen in Front gegen Osten zu über Nertschinsk, Jakutzk u. am Eismeer hinzögen u. sich dann wieder alle in Ochotzk oder auf Kamtschatka vereinigten, so würden wir noch viel wichtigere Entdeckungen erhalten; besonders, ich bin es überzeugt, stecken die Gebirge hinter Nertschinsk, bey den Tungusen bis nach dem östlichen Ocean hin, u. von Udskoi ostrog bis an den Amur, voller Seltenheiten», другими словами, взглядъ Сиверса тотъ же, что и Лаксмана, и возникъ изъ словесныхъ съ нимъ бесѣдъ; ср. ниже до 1790 г. См. также вообще Риттеръ, Erdk. III, 178.

546. *Стр.* 187. Въ первой статьѣ инструкціи Биллингса (составленной Палласомъ), сказано: «You are to take care not to break your oath of keeping secret the business entrusted to you; and not to exceed, on affairs of secrecy, the ukaze of 1724, of which a copy is annexed for your information. You are not to open yourself on any account to any body about the measures or proceedings of your Expedition, unless ordered so to do; and much less so, to any body, this or any other instruction that may be given to you for the same purpose; you are also to give the most strict orders to all your Command to this effect».

547. *Стр.* 188. Здѣсь употребленъ франц. перев.: Les nouv. découvertes des Russes entre l'Asie et l'Amérique, Paris 1781. 4°.

548. *Стр.* 188. Ср. прим. 489.

549. *Стр.* 189. См. прим. 556.

550. *Стр.* 189. Русское правительство и акад. наукъ въ Петерб. въ іюнѣ 1785 г. изъ Швеціи вызвали врача Седерфорсскаго завода П. Г. Линдрота медикомъ въ Иркутскъ, «чтобы въ качествѣ естествоиспытателя предпринять поѣздку въ Сибирь» (очевидно въ экспед. Биллингса), почему ему 1786 $^{27}/_{8}$ была пожалована въ Або степень доктора (см. проток. Финск. универс. консист. 1786 $^{31}/_{8}$ 13), но затѣмъ онъ отказался отъ предложенія.

551. *Стр.* 189. Зауеръ пишетъ (стр. 16): «Immediately on our arrival at Irkutsk, Professor Laxman offered to accompany the expedition as naturalist and botanist; Captain Billings, however, did not accept the offer».

552. *Стр.* 190. Еще въ 1820 г. Врангель видѣлъ судно «Палладу» у Колымы: «transporté dans un bois par une inondation»; Voyage trad. du russe par Galitzin, I (1843), 187. Reise, I (1839), 221.

553. *Стр.* 190. Ср. здѣсь стр. 199.

554. *Стр.* 191. Ср. ниже въ особой главѣ.

555. *Стр.* 191. Какъ хорошо Русскіе были увѣдомлены о предпріятіяхъ его видно изъ интереснаго предостерегательнаго письма Охотскаго коменданта къ Баранову отъ 16-го августа 1790 г. у Тихменева, ч. II, прилож. 30 и слѣд. Благородное поведеніе экипажа фрегата на Уналашкѣ восхваляется Зауеромъ на стр. 212 и сл. (Кастера (Castéra) II, 22 и сл.). Относительно настоящаго смысла этого изрѣченія Зауера въ этомъ мѣстѣ, имѣющаго, какъ кажется, оскорбительный смыслъ для русскихъ, ср. Сарычевъ, Путеш. II, 22 сл. Въ строгомъ сужденіи своемъ о Зауерѣ Реймерсъ навѣрно высказываетъ также и мысли Палласа (привед. соч. I, 370, прим.).— Экспедиція Русскихъ оставалась для европейской публики почти совершенною тайной, пока нѣкоторые неясные намеки объ ней не появились наконецъ въ описаніи, опубликованномъ Лессепсомъ 1790 г. о возвратномъ пути его изъ Камчатки, гдѣ онъ въ 1787 г. оставилъ эскадру Ла-Перуза, черезъ Охотскъ, гдѣ онъ видѣлъ стоящія русскія суда, и Иркутскъ, гдѣ онъ м. пр. ужиналъ съ самимъ Биллингсомъ, затѣмъ черезъ Петербургъ въ Парижъ. См. Journ. hist. du voy. de M. de Lesseps, II, 194, 291 (о встрѣчѣ съ Биллингсомъ: «Nous nous tînmes l'un et l'autre sur la plus grande réserve; écartant de la conversation tout ce qui pouvait avoir quelque rapport à l'objet de nos missions respectives»). Въ письмѣ отъ 1788 г. къ французскому морскому министру Лессепсъ сообщаетъ все, что могъ разузнать относительно экспедиціи Русскихъ; см. Voy. de la Pérouse IV, 229 сл.

556. *Стр.* 191. Зауеръ, An Account of a geogr. and astron. Expedit. to the Northern Parts of Russia by Commodore J. Billings in the

years 1785 etc. to 1794, London 1802; во французскомъ перев. Кастеры, Парижъ 1802 г. и въ сокращенномъ нѣмецк. перев. Шпренгеля, Веймаръ 1803 г. Сарычевъ, Путешествіе по сѣверо-восточной части Сибири и т. д. Ч. I, II. Спб. 1802. Что Георги, Beschr. I (1797), 71 и сл. сообщаетъ о дѣлѣ часто невѣрно; лучше въ разныхъ сочиненіяхъ Шторха.

557. *Стр.* 191. Ср. сужденія Крузенштерна, Reise um die Welt I (1810), X; Мальте-Брунъ, Précis III, 411; Мартыновъ (въ журналѣ «Лицей» 1806, I, 86): «Биллингсъ не открылъ ничего важнаго, хотя экспедиція сія стоила казнѣ около полутора милліона рублей».

558. *Стр.* 191. Именно стр. 15: объ его стекляномъ заводѣ близъ Байкала; стр. 16 (здѣсь въ прим. 551); стр. 34: небольшое, вѣроятно Меркомъ сообщенное свѣдѣніе о горѣ между истоками Юдамы (впадающей въ притокъ Алдана Малкъ) и Урака (впадающаго тотчасъ къ югу отъ Охотска), («replete with Calcedoni, or what M:r Laxman calls the *Urak onyx*, in a mother of greenish and reddish grey stone. The neighbourhood is extremely mountainous, containing a great variety of agates; and many large stones in the river possess petrifactions and impressions of large shells. Some mountains appear composed of jasper or jade»); ср. объ этомъ самого Лаксмана немного ниже.

559. *Стр.* 193. См. N. nord. Beitr. V (1793), 302—307 и Риттеръ здѣсь въ прим. 584.

560. *Стр.* 194. Относится конечно къ нему самому? Ср. выше прим. 435.

561. *Стр.* 194. Въ настоящее время около 40 дворовъ, по Сельскому.

562. *Стр.* 194. Риттеръ III, 76 замѣчаетъ: «Sonderbar ist es, dass Laxman, der die wunderbare Natur dieses Felsenriffs so besonders hervorhebt, versäumt hat, die Natur seiner Bestandtheile anzugeben»,—онъ именно полагаетъ, что гипотеза о вулканическомъ происхожденіи Байкала имѣла нѣкоторое основаніе; см. однакожъ объ этомъ Лаксмана здѣсь выше стр. 175.

По Злобину и Сельскому весь мысъ между Похабихою и деревнею Култукомъ называется: Шаманскій камень.

563. *Стр.* 195. Слюда, отъ которой названіе рѣки Слюдянка. Изъ этой мѣстности уже въ 1760-хъ годахъ вывозилась слюда.

564. *Стр.* 195. Относительно этого ср. здѣсь стр. 161.

565. 196. Риттеръ III, 178 сожалѣетъ, что Лаксманъ не сообщилъ подробностей о порфировой скалѣ у Чикоя.

566. *Стр.* 196. Прежде того, вслѣдствіе послѣдней перемѣны, лишь золотые и серебряные рудники были ему подвѣдомственны.

567. *Стр.* 197. У Сельскаго (Зап. Спб. отд. географ. общ. IX и X, 550 и сл.) мы читаемъ слѣдующій замѣчательный разсказъ:

«Я видѣлъ очень интересное дѣло, въ которомъ заключается извѣстіе о первоначальныхъ привозахъ изъ Бухаріи золотого песку и лазуреваго камня, требуемыхъ тогда къ нашему Двору. Первое условіе о вывозѣ лаписъ-лазули въ Кяхту сдѣлано съ ревеннымъ поставщикомъ, бухарцемъ Муратомъ, въ царствованіе Екатерины І-й; въ условіи было упомянуто, что камень этотъ индѣйскій, по-бухарски называется ланжевертъ, по китайски чин-чин-шин; послѣдняя цѣна отъ поставщика назначена была слѣдующая: за лазурь 1-го сорта за каждый фунтъ по фунту серебра, 2-го сорта за десять фунтовъ девять фунтовъ серебра и со стороны русской условлено платить бухарцамъ пушными товарами. Лаписъ-лазули бухарцы привозили не каждый годъ, и то небольшими количествами, и требованіе его изъ-за границы продолжалось до конца семисотыхъ годовъ. Въ это время, а именно въ 1796-мъ году, култукскій крестьянинъ Война первый нашелъ кусокъ лаписъ-лазули на отмеляхъ рѣчки Слюдянки и представилъ его Иркутскому губернатору, который и передалъ этотъ камень на разсмотрѣніе жившаго тогда въ Иркутскѣ академика Лаксмана. Оказалось, что это былъ дѣйствительно лаписъ-лазули, найденный въ первый разъ въ Россіи». Вѣроятно 1796 годъ ошибка вмѣсто 1786 г.: сколько извѣстно, Лаксманъ въ первый разъ говоритъ о лазури въ своемъ выше приведенномъ (стр. 183) письмѣ въ академію отъ 1786 $^{12}/_{1}$, но умалчиваетъ о томъ въ статьѣ своей отъ 1784, а также въ письмѣ къ Бергіусу отъ 1785 г. Уже въ 1775 г. Бекманъ, Phys. Bibl. VI, 147, упоминаетъ о «Lasurstein oder Lazuli aus Sibirien», вѣроятно лишь на угадъ, или можетъ-быть онъ подъ этимъ названіемъ разумѣлъ тотъ же минералъ, т. е. лишь мѣдную синь, который уже Штраленбергомъ былъ выданъ за лазурь, найденную у Кунгура.

567ᵃ. *Стр.* 197. «Сообщеніе въ Нерчинскую Горную экспедицію. Для разработки синяго камня лаписъ-лазули на полуденномъ концѣ Байкала по рѣчкѣ Слюдянкѣ способнымъ нахожу я господина шихтмейстера Малафеева, котораго прошу ко мнѣ откомандовать. Чтоже принадлежитъ до мастеровыхъ людей и солдатъ въ силу указа изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, то я надѣюсь, что Горная експедиція по вѣденью своему старается отправить благонравныхъ и трудолюбивыхъ людей. Какъ я по большей части нахожусь въ городѣ Иркутскѣ, то и прошу вышеупомянутаго офицера съ командою прямо сюда комнѣ отправить. Надворный совѣтникъ Кирила Лаксманъ. Апрѣля 17-го дня 1787 году. Иркутскъ». (Sic!)

568. *Стр.* 198. См. выше стр. 172. Измѣренія Байкала, трудами Лосева и Тирпльгина, достигли въ 1790 г. до югозападной и до южной стороны озера, послѣ чего въ 1806 г. вышла новая карта, гдѣ, сколько извѣстно, «Laxmana» въ первый разъ обозначена. См.

также карты въ Спб. Вѣстн. Спасскаго 1821. XIII и Клапрота Descr. du lac Baical (N. Ann. des voy. XXVII, 293). Штукенбергъ, Hydrogr. II, 509, полагаетъ, что подлинная карта издана Клапротомъ, но этотъ лишь копировалъ Спасскаго, не упоминая о томъ.

569. *Стр.* 198. См. Реймерсъ, St. Petersburg am Ende s. ersten Jahrhunderts I (1805), 251. Шангинъ путешествовалъ въ 1786 г. для этой цѣли по Алтаю, Германнъ по Уралу; финскій пасторъ Сам. Алопеусъ въ Петербургѣ издалъ въ 1787 г. весьма достойное вниманія сочиненіе о мраморныхъ и другихъ каменныхъ ломкахъ въ Олонцѣ и Кареліи (Рускеала).

570. *Стр.* 199. Ср. Свиньинъ, Достопамятности С.-Петербурга II (1817), 141 и сл. Пушкаревъ, Опис. С.-Петерб. губерн. IV (1842), 47. 62. 64. Реймерсъ II, 387. Георги, Beschr. III, 181. Клуге, Handb. d. Edelsteinkunde (1860), 429.

571. *Стр.* 199. Ср. Георги, Beschr. III, 118. 121. 150. 180. 181. 188. 190. 221. 241. 247.

572. *Стр.* 199. См. N. nord. Beitr. VI (1793), 146 и сл. N. Acta XI, 19 и сл. Крель, Chem. Ann. 1794, I, 182 и сл.

573. *Стр.* 200. N. nord. Beitr. V, 286 и сл.

574. *Стр.* 200. Реновандъ, въ Chem. Ann. Крелля 1793, II, 21 и сл., говоритъ небрежно, что Лаксманъ нашелъ эту рѣдкую каменную и кристаллическую породу «am Ausflusse des Schamanka-Baches»(!), Севергинъ въ Beitr. zu den Chem. Ann. Крелля 1794 г. V, 406 и сл. и въ N. Act. IX (1795), 188. 307 и сл. и въ Перв. основ. минералогіи I (1798), 177 и сл., 238 и сл.; Стенбергъ въ Samml. phys. Aufs., herausg. v. Mayer, IV (1794), 399 и сл.

575. *Стр.* 201. Въ Schriften d. Berlin. Ges. naturf. Freunde VIII (1786—87), 402. Объ этой «merkwürdige Nachricht» часто упоминается въ докладахъ Бекмана, Phys. Bibl. XIV (1787), 572 и мн. др.

576. *Стр.* 202. T. IX (1788—89), 198.

577. *Стр.* 202. Германнъ, Statist. Schild. v. Russl. (1790), 197; Георги, Vers. e. Beschr. St. Pet. (1790), 423, но за то Beschr. d. R. R. I (1798), 213. III, 181. 247; Клапротъ, Beitr. zur chem. Kenntn. d. Mineral. I (1795), 189 и сл.; Эстнеръ II, (1797), 580; Биндгеймъ въ K. Schr. d. Ges. naturf. Fr. zu Berlin II (1799), 236 и сл.; Севергинъ, Перв. основ. I (1798), 436 сл.; Цаппе, Mineral. Lex. (1804). Между новѣйшими Гартманнъ, Handb. d. Min. I (1843), 414 и мн. др. Затѣмъ еще Штукенбергъ II (1844), 490. 522, который однакожъ принадлежитъ ко времени Реновадца.

578. *Стр.* 202. Въ Bullet. de la Soc. des naturalistes de Moscou XXX (1857), 213 и сл.

578[a]. *Стр.* 203. Précis II (1812, éd. 2), 213. Онъ приводитъ затѣмъ еще Лаксмана въ II, 214. 216. 217; III, 354. 355. 365. 387. 466.

579. *Стр.* 203. См. Геденстремъ, Отрывки о Сибири, С. П. 1830, стр. 44, и Fragmente od. etwas üb. Sibirien von M.von Hedenström, St. P. 1842, стр. 45.

580. *Стр.* 203. Ср. Сельскій, пом. соч., стр. 551.

581. *Стр.* 203. Письма о восточной Спб. Москва 1827, стр. 32 и сл.; говоритъ м. пр. о Култукѣ: «Здѣсь нѣтъ никакихъ минераловъ, исключая худой зеленой слюды», слѣдовательно еще одинаково съ Палласомъ въ его Reise III, 458.

582. *Стр.* 203. Въ Leonhards Zeitschr. f. Min. II (1827), 347.

583. *Стр.* 203. Reise um die Erde I, 2 (1838), 184 сл.; пишетъ м. пр., что съ Слюдянки привозятся преиштовые и авгитовые кристаллы и байкальскій «Lasurstein, welcher nahe verwandt oder identisch ist mit den Hauyn-krystallen, die sich in Deutschland in dem Krater des Laacher-sees gebildet haben. Man hat vergeblich gehofft, dieses Mineral in den granitischen Thalwänden der Sludjanka anstehend zu finden; es ist dem Flussbette in der Nähe des Sees ausschliesslich eigen geblieben, und offenbar sind wohl auch dort vulkanische Massen, von den granitischen bedeckt, nur auf der Sohle der Thäler unter dem Wasser zu finden».

584. *Стр.* 203. Erdkunde III (1833), 73 — 77. Цитируетъ тутъ еще Лаксмана на стр. 10. 11. 69. 178.

585. *Стр.* 204. См. его сочиненія въ прим. 579.

586. *Стр.* 204. См. его Геогностическое описаніе горъ по рѣкѣ Слюдянкѣ, напечатанное въ Горн. Журн. 1832, IV, 169 — 204.

587. *Стр.* 204. По Сельскому.

588. *Стр.* 204. Въ Verhandl. d. mineralog. Ges. St. Petersb. 1855—56, стр. 109—171. — О синихъ камняхъ, покупаемыхъ въ Култукѣ, говорятъ м. пр. живописецъ Аткинсонъ (въ Mittheil. Петермана 1860, стр. 88) и Сельскій, показывающій, что они изъ первыхъ рукъ покупаются по 10 руб. сер. за фунтъ.

589. *Стр.* 205. См. Верзиловъ, Описаніе пріисковъ лазореваго камня въ прибайкальскихъ горахъ, напечатанное въ Зап. Спб. отд. географ. общ. IV (1857), 177—186, и Сельскій, Путь до Култука по направленію въ Тункинскій край, въ томъ же журналѣ IX и X (1867), 527—555. Самыя послѣднія сочиненія Чекановскаго, Дыбовскаго и Годлевскаго не были мнѣ доступны.

590. *Стр.* 205. Труды XLVI, 324 и Ausw. ökon. Abh. III, XXXVI; письмо отъ 1791 $^{7}/_{9}$ ниже; Палласъ, Flora ross. II, 30.

591. *Стр.* 206. Ср. выше стр. 126 и цитату въ прим. 392.

592. *Стр.* 206. Ср. выше стр. 149.

593. *Стр.* 207. G. Forsters Sämmtl. Schr. (Lpzg. 1843), IV, 44. 51 и сл.; VII, 44. 384 — 399; VIII, 5. Тихменевъ I, 16 и сл.: инструкція Муловскаго отъ 17 апрѣля и мнѣніе Якоби отъ 30 ноября 1787 г.

594. *Стр.* 208. Ср. выше стр. 183 и слѣд.

595. *Стр.* 208. N. Act. VI (1790), 9; VII (1793), 24 и сл. 52; VIII (1794), 21.

596. *Стр.* 208. N. Act. VI, 13; VII, 12; VIII, 16. 21.

597. *Стр.* 208. N. Act. VII, 11. 12. 14. 17; VIII, 16. 19. 21.

598. *Стр.* 209. N. Act. VII, 52. 241 и сл.; ср. Mém. V (1815), 528.

599. *Стр.* 210. Документы приведенные на стр. 197 и во мн. др. мѣст.

600. *Стр.* 210. Полн. собр. закон. XXIII, №. 16,823 отъ декабря 1789.

601. *Стр.* 211. Сдѣлалъ много путешествій въ 1772—1781 годахъ для опредѣленія русской границы съ Монголіей у истоковъ Оки, Іи, Уды, Бирюсы и Кана. Его рапорты въ Mag. asiat. I. Клапрота и въ Journ. I, 212 и сл. Буссе. Описаніе Риттера въ Erdk. II, 1039, Resor o. forskn. II, 367—376 Кастрéна.

602. *Стр.* 211. Reise n. d. Goldwäschen Ostsibiriens въ Beitr. Бэра и Гельмерсена XII (1847), 55. Въ первую половину 1842 г. здѣсь было добыто 44½ пуда золота; Штукенберга II, 561, согл. Горному журналу.

603. *Стр.* 211. N. nord. Beitr. V, 307 и сл.

604. *Стр.* 212. Это можно прибавить къ сообщеніямъ о замерзаніи Ангары у Георги, Reise II, 503, и Штукенберга II, 550.

605. *Стр.* 213. Пробирмейстеромъ Харинскимъ 1813, и надв. сов. I. Миллеромъ въ Иркутскѣ сообщено журналу Erheiterungen 1816 г. и изъ него переведено въ Спб. Вѣстн. Спасскаго, 1821, XVI, 352—359. Если это чудо дѣйствительно существуетъ, то нельзя не удивляться, что Лаксманъ могъ проѣхать мимо него, не упомянувъ объ немъ ни слова. Штукенбергъ II, 559 заявляетъ безъ всякой критики, что обѣ пещеры совершенно сходны.

606. *Стр.* 213. Resor och forskn. IV, 89. Ср. Палласъ, Reisen III, 304. 373; Степановъ, Енисейская губерн. С. П. 1835. О языкѣ и происхожденіи народа см. Шифнеръ въ предисловіи къ Koibal. и Karag. Sprachl. Кастрéна. С. П. 1857.

607. *Стр.* 214. N. nord. Beitr. VI (1793), 252 сл.—Тайтурка, деревня между почтовыми станціями Малтинскою и Половинскою; Иреть, вѣроятно, опечатка вмѣсто Ирикъ, который съ востока впадаетъ въ Бѣлую; Бѣльскій острогъ не существуетъ болѣе; Черемховская почтовая станція въ 147 верстахъ отъ Иркутска; Солончаковая степь Аларская?

608. *Стр.* 215. См. Mittheilungen Петермана 1860, стр. 86—93: Der See Kosogol.

609. *Стр.* 215. Berichte üb. Reisen im Süden v. Ost.-Sib. (1855—1859) въ Beitr. Бэра и Гельмерсена XXIII, 84 сл.; Алибертовые графитовые рудники, стр. 32 и сл.; ручей Арехань, стр. 83. 85.

610. *Стр.* 216. Въ русскихъ государственныхъ календаряхъ называется Евстафіемъ.

611. *Стр.* 217, с. в. 1. Pog. 1751 $^{17}/_{11}$, см. выше прим. 21.

612. *Стр.* 217. Ср. прим. 596 и 597 и тамъ приведен. N. Act. VI, 13; VII, 11. 12. 14. 17; VIII, 16. 19. 21 и X, 21, гдѣ Гижигинскъ иногда смѣшивается съ другими мѣстами.

613. *Стр.* 218. N. nord. Beitr. V, 309 и сл.

614. *Стр.* 218. Подобные же опыты изъ этихъ сѣверныхъ странъ подтверждаются также и другими; ср. Миддендорфъ, Reise IV, 699, сл. Штукенбергъ, Статист. труды, С. П. 1860, стр. 45.

615. *Стр.* 218. Девяносто верстъ отъ станціи Юдомокрестовской на Охотской дорогѣ, у горы и къ югу отъ Урака, протекающаго черезъ мѣстность, гдѣ прежде проходили экспедиціи Беринга, а потомъ и Биллингса.

616. *Стр.* 219. Такъ называются употребляемыя тамъ легкія, шкурами крытыя суда.

617. *Стр.* 219. А именно при устьѣ рѣчки Тополевки на Тайгоносѣ; ср. Палласъ, у пом. мѣст.

618. *Стр.* 220. У покинутаго Каменнаго острога, рѣчка Парена и Пентая губа.

619. *Стр.* 220. N. nord. Beitr. V, 271.

620. *Стр.* 221. N. nord. Beitr. V, 271. 273 сл.

621. *Стр.* 221. Потому онъ строго порицается Шпренгелемъ въ введеніи къ перев. Зауера, стр. VII.

622. *Стр.* 221. Извѣстія объ этой милой и интересной личности сообщаются Лессепсомъ I, 3. 138 сл.; Ла-Перузъ, Voy. IV, 234; Зауеръ, Поѣздка Биллингса (англ. изд., стр. 39 и сл. 309, франц. изд. I, 68, 71; II, 211 нѣмецк. 44 сл. 280); Сарычевъ, Путеш. I, 77; Кукъ (Cook), Troisième voy. IV (1785), 153. 158 сл. 212 и сл. Онъ составилъ описаніе Камчатки (въ главное мѣсто ея Нижнекамчатскъ онъ въ 1787 г. былъ отправленъ и гдѣ Биллингсъ часто имъ пользовался), дѣлалъ наблюденія термометромъ, полученнымъ отъ Кука въ 1779 г. См. также Мюллера, въ N. nord. Beitr. Палласа V, 13 сл.

623. *Стр.* 221. Ср. здѣсь стр. 178 и рапортъ Шелехова о путешествіи въ N. nord. Beitr. VI, 195.

624. *Стр.* 222. Въ N. nord. Beitr. V, 271 и сл.

625. *Стр.* 222. Въ Journ. Лессепса I, 221. Также и Мерксъ посѣтилъ Камчатку (но не Тайгоносъ).

626. *Стр.* 222. Георги, Beschr. III, 164. 177. 279. 281. 282. 283. 301, перечисляетъ, какъ взятыя у Пенжинскаго залива: *Ясписпуддингъ* (= конгломератъ) вулканическаго вида, черный съ кварцевыми, горохообразными зернами), *Вулканическая земля* красная, похожая на пуццоланъ, *Ониксъ* въ твердой, сѣрой, лавѣ подобной, горной породѣ; у Охотска: *Образчики солей*, *Левцитъ* или бѣлые вул-

канические гранаты; у Марекана: *Вулканическая земля*, сѣрая, песчаная и стекловатая, съ подошвы горы, *Лава* перловаго цвѣта, стекловатая, очень хрупкая. Экономическое общество имѣло изъ нихъ: *Ртутые* образчики съ Тайгоноса, *Киноварь* въ глинѣ и др.; см. Труды XLVI (1792), 324. Auswahl ökon. Abhandl. III, XLIX, IV, XCIX.

627. *Стр.* 222. О мѣстоположеніи Урука см. прим. 615. Севергинъ пишетъ 1796 въ Expos. systém. des Pierres (N. Act. XII, 318) о минералѣ имъ называемомъ *Argille et Calcédoine*: «l'argille est verte et endurcie à face terreuse avec des glandes de calcédoine brun et brunâtre des environs du fleuve Ourack en Nertschinsk, découverte par feu m:r le conseiller de cour Laxmann». Объ его смѣшиваніи ср. прим. 491.

628. *Стр.* 223. N. nord. Beitr. V, 290 и сл. 314 сл.

629. *Стр.* 223. См. Бекманнъ, Phys. Bibl. XX, 458. Цаппе s. v. Мареканъ. Севергинъ въ N. Act. XII, 327 и Перв. основ. минералогіи I, 427 и сл. I. Ф. Гмелинъ, N. Act. XIV, 459 и сл. Клапротъ, Beitr. zur Kenntn. d. Mineralien VI, 353 и сл. Эрманъ, Reise I, 3, 46. 77. 86 и сл. и въ одной монографіи. Гартманнъ, Handl. I, 370 и сл. Кобель, Gesch. d. Mineralogie. Мюнхенъ 1864, стр. 453.

630. *Стр.* 224. N. Act. VIII, 19: Лаксманъ: «Deux dessins d'une tête de Rhinocéros fossile et sans machoire inférieure». N. nord. Beitr. V, 309. О болѣе старыхъ находкахъ ср. N. Com. XIII (1769), 436 и сл.; XVII (1773), 576 и сл. Acta 1778, стр. 81 и сл.; 1780, стр. 210 и сл. Палласъ, Reise III (1776), 97 и сл. Миддендорфъ, Reise IV, I, 272 сл.

631. *Стр.* 225. Въ N. nord. Beitr. VII (1796), 143—370.

632. *Стр.* 225. Мѣста, на которыя сдѣланы ссылки, находятся на стр. 159, 160, 161 (ср. о его метеорол. набл. выше, стр. 27 и мн. др.). 173 (о Талцынскѣ выше въ гл. XXIII). 183 (lapis lazuli въ гл. XXV). 185 (о садоводствѣ Лаксмана ср. выше прим. 84 и сомнѣніе Миддендорфа въ его Reise IV, 581). 213 (выше прим. 545). 224 (о джигетаѣ выше стр. 167).

633. *Стр.* 228. Ср. Крузе (Kruhse) въ Дерптѣ. Jahrb. I (1833), 525 и сл. Геденстремъ, Отрывки о Спб., стр. 86 и нѣмецк. перераб. стр. 90. Уклонскій, Обозр. Вилюйскаго округа (въ Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1841, 80—106), которымъ Штукенбергъ II, 615 конечно пользовался осторожнѣе, потому что дѣйствительная связь дѣла о минералахъ, открытыхъ послѣ Лаксманова времени, ясно видна изъ Крузе, стр. 536.—Новѣйшія изслѣдованія Крапоткина и Павловскаго.

634. *Стр.* 228. Меглицкій, Geogn. Bemerk. auf e. Reise in Ost-Sib., напечатаны въ Verh. d. min. Ges. St. Petersb. 1850—51, стр. 122. Мейнсгаузенъ, Nachr. üb. d. Wilui-Gebiet, въ Beitr. Бэра и Гельмерсена XXVI (1871), 15.

635. *Стр.* 228. Въ письмѣ отъ 1789 $^{23}/_{5}$; ср. N. Act. VII, 14.

636. *Стр.* 229. Почтовой дороги туда нѣтъ; ср. Эрманъ, Reise I, 2 (1838), 238.

637. *Стр.* 229. Баннéромъ; ср. стр. 166.

638. *Стр.* 229. Ср. Зауеръ, стр. 102, перев. Кастеры I, 190; переводъ Шпренгеля опять неточенъ, стр. 110.

638ª. *Стр.* 230. Вульгарный рудокопный терминъ, употреблялся м. пр. вмѣсто темнозеленаго шерла; ср. Цаппе, Mineralog. Lex., стр. 226.—Послѣднія слова письма здѣсь въ гл. XXXIV.

639. *Стр.* 230. N. nord. Beitr. V (1793), 282 сл.

640. *Стр.* 231. Ср. Георги, Beschr. III, 147. 311. 953. Ausw. ök. Abhandl. III (1791), XLIX. Труды XLVI (1792), 324.

641. *Стр.* 231. Какъ-то: Петербургская и Стокгольмская академіи наукъ (см. выше), Абовскій университетъ (см. ниже 1794 г.), Экон. общ. въ Петербургѣ (см. Ausw. ök. Abh. III, XLIX; IV, XCIX. Труды l. c.), Севергинъ и графъ Аполл. Мусинъ-Пушкинъ (N. Act. XII, 300. 302), Гаддъ и Гелленіусъ въ Або; мн. др.

642. *Стр.* 232. Эстнеръ (Estner), Mineral. II (1795, янв.), 184 сл. Странно, что онъ говоритъ о темнозеленыхъ кристаллахъ какъ о найденныхъ въ Камчаткѣ, а о свѣтлозеленыхъ какъ о найденныхъ у Лены. Цаппе, Miner. Lex. (1804), стр. 518, s. v. Везувіанъ, Гартманнъ, Handl. d. Mineral. II (1843), 36. 45. Можетъ быть, смѣшиванье съ вулкан. горою Ключинская сопка въ Камчаткѣ.

643. *Стр.* 232. Въ N. Act. XII (1801), 300 и сл. Клапротъ, Beitr. II (1797), 33 и сл.; IV (1807), 319 и сл. Галицынъ въ Traité de minéralogie 1792 и 1796; сочиненіе это мнѣ не было доступно). Кобель, Gesch. d. Mineral. стр. 435. 437.

644. *Стр.* 233. Ср. Sibir. Briefe (15 февр. 1765), стр. 94. Спб. Вѣстн. 1820, X, 283.

645. *Стр.* 234. N. Act. VIII, 21. Ср. выше стр. 208. Сохранилась ли карта? Крузенштернъ пишетъ еще въ 1810 г. (Reise um die Welt I, 279): «Kaempfers Copie von einem schlechten japanischen Plan ist der einzige, den man kennt». Абовскій университетъ до постигшаго его пожара имѣлъ японскую карту пространства между городами Оосака и Едо (Кіото), подаренную канцлеромъ ея, графомъ Шефферомъ; см. прот. консист. 1776 г., авг. 9, § 3.

646. *Стр.* 234. Въ Mag. Бюшинга II, 517 онъ говоритъ пророчески: «Die bequeme Lage des Amur-Flusses leget billig einem jedweden den Wunsch in den Mund, dass Russland desselben wieder theilhaftig werden, oder wenigstens eine freye Schiffahrt durch denselben nach der kamtschatkischen und japonischen See erhalten möge. Man kann mittelmässige See-Fahrzeuge und Transport-Schiffe in der Nachbarschaft von Nertschinsk bauen, dieselben mit allerley Krieges- und Mund-Provision daselbst versehen, und mit denselben den Amur ab- und aufwärts ohne Hinderniss befahren. Die Beschwerlichkeiten des

Transports von Jakutzk nach Ochozk würden mithin ein Ende nehmen, denn die Mündung des Amur-Flusses ist dem Lande Kamtschatka gerade gegenüber und ohngefähr mit Bolscheretzkoi Ostrog in einer Höhe. Von Lande zu Lande möchte daselbst mit gutem Winde nicht über 2 Tage-Reisen betragen. So würden auch die Absichten mit Japon und denen zu hoffenden americanischen Entdeckungen viel leichter zu ihrer Erfüllung kommen, u. eine Handlung nach Indien füglich können eingerichtet, ja auch mit China selber, entweder zur See oder vermittelst des Flusses Schingal bequemer als bisher gehandelt werden»; объ Удѣ стр. 493 и сл., 514 и сл. Еще въ 1794 г. Шелеховъ предложилъ отправить на свой счетъ экспедицію для изслѣдованія пути черезъ Удской, Тихменевъ I, 47; II, 39. Ср. Эрманъ I, 2, 422 и далѣе К. Ф. Нейманъ, Ost-asiat. Gesch. Lpzg. 1861, стр. 234 сл. и Линднеръ, Entdeck. d. Ins. Jesso u. d. Halbins. Sagalien, въ Allg. geogr. Ephem. XXXVIII (1812), 249 и сл. 393, и сл. См. также слѣд. прим.

647. *Стр.* 235. См. въ Reise Миддендорфа IV, 102 сл. интересныя свѣдѣнія изъ Удскихъ архивовъ.

648. *Стр.* 237. Ср. N. nord. Beitr. IV, 113 и сл. и предыд. прим.

649. *Стр.* 237. Ср. о японцахъ въ Иркутскѣ: Георги, Reise I, 2 сл.—который такъ плохо зналъ Японію, что думалъ будто Езо и Нипонъ составляютъ одинъ островъ; Мартосъ, Письма, стр. 165 и сл. (гдѣ однакожъ много невѣрностей); Шторхъ, Russl. u. Alex. d. ersten II (1804), 459; Кокрэнъ, Pedestrian Journ. II, 122.—Словцовъ, Истор. обозр. Спб. II, 30, годомъ основанія навиг. школы называетъ 1754 г.

650. *Стр.* 238. См. его Journ. du Voy. I (1790), 208 и его офиціальное письмо отъ 1788 $^{31}/_{10}$ въ Voy. Ла Перуза IV (1798), 232. Когда онъ говоритъ, что главный изъ японцевъ, которыхъ онъ встрѣтилъ и съ которыми онъ разговаривалъ, былъ Кодай (Kodail), то я полагаю, что онъ тождественъ съ Кодаемъ (Kodai) или Кодою (Kodoju у Лаксмана). Изъ этого получается вѣрная хронологія событій этого кораблекрушенія, часто смѣшиваемыхъ съ другими такими же. Ср. противорѣчивыя свѣдѣнія у Георги, Reise I, 3. Кастера, Vie de Catherine II (1797), 294. Шторхъ, Gemälde d. R. R. VI (1801), 273 сл. и Russl. unter Alex. II, 461. Тихменевъ I, 100. Лангсдорфъ, Reise um die Welt (1812), стр. 180. Мартосъ, Письма 169. Другъ просвѣщенія IV (1804), статья «О первомъ росс. посольствѣ въ Японію подъ начальствомъ Лаксмана», стр. 250 (что кораблекрушеніе случилось 1790 г.!). Головинъ говоритъ въ своихъ Зап. о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ въ 1811—13 годахъ (С. П. 1816), I, 14, что кораблекрушеніе Кодая случилось «слишкомъ за тридцать лѣтъ предъ симъ», при чемъ онъ очевидно считалъ со времени печатанія труда своего, а не съ плѣна своего,

но, несмотря на то, мы читаемъ это выраженіе, безъ всякаго объясненія, не только въ переводахъ этого сочиненія на нѣмецкій языкъ Шульца 1817, стр. 21 и на французскій Эйріе (Eyriès) I, 21, а также и въ новыхъ изданіяхъ его. С. П. 1851, стр. 10 и С. П. 1864, стр. 10. 1786 годъ опредѣляется вѣрно въ выпискѣ изъ журнала младш. Лаксмана, помѣщенной въ Сѣверн. Арх. Булгарина, ч. I, 245 и сл.

651. *Стр.* 238. Напр. когда японцы, претерпѣвшіе кораблекрушеніе у Камчатки въ царствованіе Анны, были отправлены въ Петербургъ и тамъ воспитаны и сняты съ нихъ портреты для импер. кабинета (Кукъ, Troisième voy. IV, 352. Крашенинниковъ и мн. др.), или когда въ 1770 г. вышеупомянутый Шмалевъ привезъ Алеута, чтобы показать его Петербургскому двору (Мюллеръ въ N. nord. Beitr. V, 13.

652. *Стр.* 238. См. N. Acta IX (1795), 17.

653. *Стр.* 238. Auswahl III, XXXVI. Въ трудахъ XLVI, стр. 324 главнымъ образомъ то же самое, но невѣрно отнесено къ 1790 году и съ упоминаніемъ Шретера вмѣсто Фалька.

654. *Стр.* 239. Ср. выше стр. 218.

655. *Стр.* 239. Котораго Лаксманъ зналъ, сравн. стр. 187.

656. *Стр.* 239. Андерсъ Спарманъ, р. 1748 † 1820, проф. Стокгольмской академіи наукъ, знаменитый естествоиспытатель и путешественникъ къ мысу Доброй Надежды и къ южному полюсу (съ Форстеромъ и Кукомъ), возвратился въ Стокгольмъ со своей первой поѣздки въ 1777 г. и со второй (въ западную Африку) въ 1789 г. Молва о его смерти невѣрна. Письмо Лаксмана къ нему 1791 $^{10}/_{3}$, см. стр. 229. Э. Бергстедтъ, род. 1760, секретаремъ посольства въ Петербургѣ 1786 — 87, путешествовалъ 1794 — 97 въ М. Азіи и Египтѣ, † статсъ-секретаремъ 1829 г.

657. *Стр.* 240. Іог. Эрикъ Норбергъ р. 1749, † дѣйств. статскимъ совѣтникомъ въ Петербургѣ 1818. Служилъ первоначально въ Стокгольмской горной коллегіи, но покинулъ Швецію въ 1783 г., куда онъ возвратился лишь около 1790 г. былъ произведенъ въ горные совѣтники и пр., но поступилъ въ 1804 г. опять въ русскую службу. Отличный механикъ; составилъ м. пр. планъ по строенію гавани въ Ревелѣ. Подписывался часто Нор. Бергъ.

658. *Стр.* 240. Именно экипажемъ Кодая.

659. *Стр.* 241. Lettres de Catherine II à Grimm (1774 — 1796), изд. Я. Гротомъ (С. П. 1878) и во мн. др. мѣстахъ.

660. *Стр.* 241. N. nord. Beitr. VI (1793), 253.

661. *Стр.* 242. Нѣкоторые изъ писателей, приведенныхъ въ прим. 650 и др. Тихменевъ I, 100: «Отецъ поручика Лаксмана, одинъ изъ германскихъ (!) ученыхъ, находившійся въ Иркутскѣ на службѣ при какомъ-то заводѣ (!), по внушенію Шелехова (!), предста-

вилъ императрицѣ проектъ объ отправленіи японцовъ на родину, съ цѣлію попытаться вступить въ сношенія съ Японіей».

662. *Стр.* 242. Полное собраніе законовъ, Т. XXIII.

663. *Стр.* 244. Недалеко были тѣ годы, когда англійскіе государственные и ученые люди горячо обсуждали возможность, не только совершенно вытѣснить Русскихъ изъ Китая, но даже колонизировать южные Курильскіе острова, и такимъ образомъ привлечь японскую торговлю къ Англіи. Ср. Gemälde Шторха VI, 240 и сл.

664. *Стр.* 246. Свѣдѣніе объ этомъ, а также о многихъ другихъ подробностяхъ этой главы, взяты изъ рапорта А. Лаксмана по окончаніи экспедиціи.

665. *Стр.* 246. Ср. вступительныя слова къ Путешествію поруч. А. Лаксмана, въ Сѣв. Архивѣ I (1822), 246.

666. *Стр.* 246. N. Acta X (1797), 14. 15.

667. *Стр.* 247. Путешеств. I, 122.

668. *Стр.* 248. Ср. письмо къ Безбородку, немного ниже.

669. *Стр.* 248. Ср. Хлѣбниковъ, стр. 24. 65.

670. *Стр.* 248. Ср. Зауеръ, изд. Кастера II, 161.

671. *Стр.* 248. Зауеръ, изд. Кастера I, 261 сл., 326 сл. Лессепсъ, Journ. II, 203. Сказочное описаніе Беневскимъ его отважной поѣздки возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ въ Японіи; Мальте-Брунъ, Précis III, 469, старается доказать, что такъ дѣйствительно было, что и Зибольдъ, Nippon, I, 1, 67, допускаетъ. Головнинъ видѣлъ въ Мацумаѣ японскій переводъ описанія путешествія этого польско-венгерскаго удальца; ср. ниже приведенное сочиненіе. — Побѣгъ Бенёвскаго далъ Коцебу содержаніе для его Verschwörung in Kamtschatka». О немъ и о Ловцовѣ м. пр. въ Абовской газетѣ Mnemosyne 1822.

672. *Стр.* 249. См. путевой журналъ А. Лаксмана въ Другъ просвѣщенія IV, 267.

673. *Стр.* 250. Стр. 218. Въ N. Act. X, 21 сказано, что письмо было изъ Якутска, но тамъ же чтеніе письма въ академіи перемѣшано съ числомъ его составленія.

674. *Стр.* 250. N. nord. Beitr. VI, 253 сл.

675. *Стр.* 250. Гавань, гдѣ Лена дѣлается судоходною, 240 верстъ отъ Иркутска.

676. *Стр.* 251. Beschr. 830. 955. 957. 1356.

677. *Стр.* 251. «Typha Laxmanni» Лепехина, въ N. Act. XII, 335 сл. Георги, Beschr. Nachtr. 307.

678. *Стр.* 252. Которые кромѣ того частью могли быть отнесены къ другому времени; ср. стр. 229. 231. Георги, Beschr. III, 301. 306.

679. *Стр.* 252. Труды XLIX, 400. Ловицъ «Chem. Unters. einer von Laxmann eingeschickten sogen. essbaren Erde», напечатано въ

Preisschriften и Abhandl. общества I (1795), 127 и сл. Ср. Бекманъ XIX, 419 —Штеллеръ (Steller) въ N. nord. Beitr. V, 292 сл.

680. *Стр.* 253. Ср. предыдущ. прим. Статья Гебеля (Goebel) «Üb. d. Erde-Essen» встрѣчается въ Bullet. петерб. акад. наукъ V, 397 и сл. Въ ней ничего нѣтъ о Лаксманѣ.

681. *Стр.* 253. Одинъ изъ помощниковъ Лаксмана по метеорологіи. Его «Генер. карта р. Лены 1785» пользуется еще и теперь уваженіемъ; Штукенбергъ, Hydrogr. II, 583. Миддендорфъ, Reise IV, 197. Словцовъ, Ист. обозр. Спб. II, 214. 308.

682. *Стр.* 253. Ср. стр. 165, прим. 637 и Хлѣбникова, стр. 66. Мѣсяцесловъ 1788 и сл. Переселился въ Америку.

683. *Стр.* 253. Сарычевъ I, 108. Зауеръ (изд. Кастера) I, 95 сл. Какъ кажется, ни Злобинъ, ни Меглицкій этой горы не посѣщали.

684. *Стр.* 254. N. Acta XI (1798), 10. Въ немъ упомянутое землетрясеніе можно прибавить къ списку у Риттера III, 86.

685. *Стр.* 254. Георги, Beschr. Nachtr. 296.

686. *Стр.* 254. Труды L (1795), 423, между Извѣстіями за послѣдніе мѣсяцы 1793 г. Темникъ, равно какъ и Джида, впадаютъ слѣва въ Селенгу, недалеко отъ города Селенгинска.

687. *Стр.* 255. Между пр. А. Норденшельдомъ въ его письмахъ о путешествіи съ мѣста замерзанія Веги 25 ноябр. 1878 г. Потомки рода Геденстремъ находятся какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи, но объ немъ, въ «Жизни Сперанскаго, Корфа» II, 168, говорится какъ о дерптскомъ.

688. *Стр.* 255. Reise um die Erde I, 2, 230. Ср. Словарь Семенова III, 29.

688[a]. *Стр.* 255. Согласно собственнымъ запискамъ А. Лаксмана, сравненнымъ съ трудами Крузенштерна, Лангсдорфа и Головнина, заглавія которыхъ показаны ниже. Авторъ уже прежде въ сочиненіи, сообщенномъ въ петербургскомъ международномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ 1876 году и затѣмъ напечатанномъ въ его Travaux (St. Pét. & Leyde 1879, II, 41—58), называемомъ «Quelques remarques et une proposition au sujet de la première expédition russe au Japon», вкратцѣ изложилъ предметъ, но это не помѣшало ему въ этой и въ слѣдующей главѣ возвратиться къ нему. Для читателей, не имѣющихъ упомянутыхъ Travaux, слѣдуетъ можетъ-быть сказать, что «проектъ автора имѣетъ цѣлью, согласно примѣру Зибольда (ср. здѣсь прим. 691), закрѣпить за проливомъ между курильскимъ островомъ Кунасири и Эзо или Мацумаемъ названіе «Лаксманова». Въ Архивѣ Государств. Совѣта (1768—1769), С. П. 1869, I, 2, 671 сл. заключаются два рапорта о Лаксмановой экспедиціи генералъ губернатора Пиля въ Государственный Совѣтъ; во второмъ (отъ 11 дек. 1792), главнымъ образомъ трактующемъ объ

издержкахъ, ошибочно сказано, что отъѣздъ изъ Охотска произошелъ 13 октября (вм. сентября) 1792 г.

689. *Стр.* 256. Сокращ. зап. о плаваніи его, напечатанная въ его Сочиненіяхъ I (С. П. 1864), 325 и его Карта Сахалинскаго моря. Справедливо напоминаетъ однакожъ Шренкъ, Reise II, 778, что заливъ уже въ 1643 г. былъ объѣзженъВрисомъ (Vries) и названъ «заливомъ Пико (Picosund)».

690. *Стр.* 256. Правописаніе собственныхъ именъ очень измѣняется въ отдѣльныхъ выпискахъ изъ журнала Лаксмана. Мальте-Брунъ, Précis III, 466, замѣчаетъ относительно Киморо Лаксмана—ибо такъ онъ пишетъ (вѣроятно по N. Acta XII, 25 и сл.), хотя онъ ссылается на выписку Шторха, въ которой значится Нимуро—что оно не отыскивается между 200 названіями мѣстностей у Тицинга (Titsingh). Прежнія описанія Японіи — въ Welth. übers. v. Semler XXV (Галле 1763), 347 и сл. Шнегассъ, Üb. d. Kunde von Japan въ Allg. geogr. Ephem. XVII (1805), 13—55, Линднеръ, Entdeckungsgesch. d. Insel Jesso и т. д. (упомянуто ранѣе), Гаспари, Гассель и мн. др. Vollst. Handb. d. Erdbeschr. XV (1822), 512 и сл.—почти всѣхъ этихъ мѣстностей не обнимаютъ. Зибольдъ пишетъ Неморо. Карты къ реляціи Лаксмана заключали бóльшее число мѣстныхъ именъ нежели текстъ; ср. прим. 741.

691. *Стр.* 256. Проходъ между Кунасири и Езо (Нимуро) называется у Крузенштерна «Strasse von Jezo», но «eigentlich sollte sie den Namen von Laxmann führen, der sie zuerst besucht hat»: Зибольдъ, Gesch. d. Entdeckungen im Seegebiete von Japan. Leyden 1852, стр. 33 и Ниппонъ I, 1, 86 (ср. 79).

692. *Стр.* 257. Головнинъ, Зап. о приключ. его въ плѣну у Японцевъ I (1816), 233; франц. перев. I (Парижъ 1818), 322. Въ видѣ приложенія къ послѣдующему II, 285 — 447: «Relation du voy. de M. Ricord», который спасся при взятіи въ плѣнъ Головнина, да затѣмъ спасъ и его; здѣсь лишь вкратцѣ о путешествіи Лаксмана.

693. *Стр.* 258. Въ Сѣв. Архивѣ I, 248 и сл.

694. *Стр.* 258. Одинъ «Ри» по Лаксману=2160, по Головнину=2000 русскихъ саженъ, а по свидѣтельству нынѣшн. русскаго консула въ Нагасаки — 1848 саженей.

695. *Стр.* 259. Булгаринъ пишетъ по этому поводу (въ Сѣв. Арх. I, 254): «читатель, я думаю, вознегодуетъ вмѣстѣ со мною на него, и согласится, что ежели бы онъ не отрекся отъ слѣдованія сухимъ путемъ изъ Немуро въ городъ Матмай, то доставилъ бы намъ гораздо любопытнѣйшія свѣдѣнія о малоизвѣстной странѣ сей, нежели помѣщенныя нынѣ въ его журналѣ, и едва ли не выписанныя изъ Тунберхова или Кемпферова описанія о Японіи». Совершенно напрасное «едва ли»!

696. *Стр.* 260. Ср. относительно правописанія именъ прим. 690.

Оно приводится большею частью иначе въ рефератѣ Шторха, которому слѣдуютъ Линднеръ и мн. др., и на картахъ (ср. прим. 741).

697. *Стр.* 261. Булгаринъ размышляетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ (въ Сѣв. Арх. I, 263): «Лаксманъ на предложенія сіи никакъ не согласился, и довелъ японцевъ, по продолжительномъ спорѣ, до того, что соглашаются на то, что ему угодно. Хотя настойчивости Лаксмана и нельзя приписать твердости его духа, однако же замѣчательно, какъ снисходительны были въ то время японцы къ россіянамъ. Всѣ бывшіе послѣ Лаксмана въ странѣ сей, не могутъ похвалиться равнымъ торжествомъ». Не имѣлъ ли онъ въ виду пріемъ Резанова? См. ниже.

698. *Стр.* 263. Письмо Крузенштерна 1805 г. къ Шторху, въ его журналѣ VIII, 205, и Reise um die Welt I (1810), 312 и Лангсдорфа, Reise um die Welt I (1812), 195 сл. Политика, которой сначала держались Русскіе, а затѣмъ и другіе (напр. Гюцлавъ), чтобы получить доступъ въ Японію, именно возвращеніемъ подданныхъ ея, имѣла впослѣдствіи еще меньшій успѣхъ.

699. *Стр.* 263. Зап. о приключ. его II, 112; франц. перев. II, 155.

700. *Стр.* 263. Головнинъ, Зап. I, 16. 91. 95. 120. 124. 125. Эти небольшія характеристичныя черты мы находимъ въ французск. перев. I, 23. 131. 142. 181. 183. Весьма забавный анекдотъ объ уборкѣ волосъ доказываетъ охоту японцевъ, чтобъ все было установлено I, 176: «Le commandant demanda si les Russes n'avaient pas changé de religion, puisque Laxman portait une longue queue et beaucoup de cheveux soupoudrés de farine, tandis que nous les avions coupés très-courts. Nous lui répondîmes que la manière d'accommoder les cheveux n'était pas chez nous une affaire de dogme; et les Japonais se mirent à rire en témoignant une surprise extrême de ce qu'il n'y avait pas de loi précise sur ce point». Ср. также: Рикордъ, Berätt. om en resa till japanska kusterna 1812 и 1813, перев. съ русскаго на нѣмецкій съ разсказа Ф. Коцебу и на шведскій Н. Б., Або 1812, стр. 6. 7 и т. д. Подобное же повѣтствуетъ Лангсдорфъ о своемъ посѣщеніи, Reise I, 286.

701. *Стр.* 263. Головнинъ говоритъ во франц. перев. II, 214: «La forme du rescrit remis à Laxman prouve que l'on n'avait pas été très-content de sa conduite. Néanmoins sa mission réussit (ср. ниже!), et il obtint la permission d'aller à Nangasaki pour négocier, ce qui prouve que le gouvernement japonais avait le projet de lier des relations de commerce avec nous, et même le souhaitait». Все это важное мѣсто и вся та часть сочиненія его, къ которому оно относится, не находится въ подлинникѣ, именно не только въ первомъ, по высочайшему повелѣнію напечатанномъ изданіи 1816-го года (ср. II, 156 и сл.), но также и въ другомъ отъ 1851-го года (ср. II, 112 и сл.), а также и въ томъ отъ 1864-го г. (въ его Сочиненіяхъ II, 250

и сл.), которыя всѣ останавливаются на словахъ «я желалъ было, но...». Для объясненія этого и другихъ пропусковъ въ подлинникѣ (уже упомянутыхъ въ предисловіи переводчика, ст. II) ср. ниже прим. 729.

702. *Стр.* 264. Здѣсь было объявлено, что Русскіе могли поступать со спасенными по произволу, т. е. или передать ихъ или увезти ихъ; по существующимъ въ Японіи законамъ люди принадлежатъ той странѣ, куда судьба ихъ забросила; Головнинъ, Зап. I, 16; перев. I, 23.

703. *Стр.* 264. Reise I, 181 — 183. Лангсдорфу, какъ ученому участнику въ путешествіи Крузенштерна и Резанова, были доступны всѣ документы, относящіеся до Японіи. Было бы поучительно сравнить это съ переводомъ актовъ, переданныхъ Лаксману (и Резанову), сдѣланнымъ снова въ 1812 г. въ самой Японіи; объ нихъ Головнинъ говоритъ, что онъ, по освобожденіи и возвращеніи своемъ на родину, представилъ ихъ министерству; см. французскій перев. его Зап. II, 213. То мѣсто, гдѣ онъ въ связи съ тѣмъ разсказываетъ объ исходѣ Лаксмановой экспедиціи (Зап. I, 14 — 17, перев. I, 21—23), совершенно точно согласуется съ самимъ авторомъ. Лаксманъ излагаетъ лишь вкратцѣ результаты переговоровъ своихъ съ японцами, что опять служитъ Булгарину поводомъ къ критикѣ (Сѣв. Арх. I, 265).

704. *Стр.* 265. Ср. Лангсдорфъ I, 183 и письмо старшаго Лаксмана въ N. Acta XII, 38; Шторхъ, Нэйманнъ и мн. др.

705. *Стр.* 266. Письмо въ слѣдующей главѣ.—Письмо къ секретарю академіи Эйлеру приводится въ ея N. Act. XII (1801), 36 и сл. такимъ образомъ: «D'après cette lettre Mr. le lieutenant Laxmann avoit quitté la rade d'Ochotzk le 13 sept. 1792 et y étoit retourné le 9 sept. 1793, après un voyage de 361 jours. Ayant atteint le 8 octobre 1792 la pointe la plus orientale de la 22me des îles Kouriles, il y passa l'hiver dans un port nommé Kimoro (sic!), et employa tout le tems de son séjour dans cette île à faire l'enquête et la description du pays. Ayant apris qu'il appartient à la domination Japonoise, il expédia un exprès au gouvernement le plus proche, pour faire annoncer son arrivée et les motifs de son voyage. D'après Mr. Laxmann toutes les descriptions et cartes que nous avons de ces îles et de leurs côtes sont très défectueuses: il apprit que l'île, où il avoit passé l'hyver et qu'on trouve dans les cartes sous le nom de Jéso, nom que les Japonois donnent à la Chine, s'appelle de nom de son principal port Atkis, et appartient au gouvernement de Matmaï. Le 4 juin il mit à la voile et entra le 5 juillet dans le port de Chacodad, où il resta jusqu'au 13. Ce jour là il quitta le vaisseau et se mit en chemin pour aller par terre à la ville de gouvernement Matmaï, où il arriva le 16. Comme le gouverneur de Matmaï avoit écrit, dès l'arrivée de l'exprès de Mr.

Laxmann, à la cour de Jédo, l'Empereur y envoya deux officiers de la cinquième classe (Schen-Inschi), qui arrivèrent encore avant Mr. Laxmann à Matmaï, pour lui témoigner la satisfaction de l'Empereur sur le motif de sa mission, mais plus encore pour empêcher la continuation de son voyage. Mr. L. resta donc à Matmaï jusq'au 26 juillet et revint à Chakodad le 30, et après s'y être pourvu de toutes les choses nécessaires pour son retour, il quitta la rade de ce port le 11 août. Le 2 sept. il vit les rochers volcaniques de Markan, 25 verstes à peu près au nord d'Ochotsk, et entra dans ce port le 9 sept., n'ayant perdu, pendant tout le voyage, qu'un seul matelot, mort du scorbut à Nimoro (sic!), et un vieux Japonois, nommé Koïtz. Durant son séjour à Matmaï Mr. L. eut trois audiences auprès du gouverneur et reçut trois écrits: le premier contenoit la loi, en vertu de laquelle, de tems immémorial, il est défendu à tout étranger d'aborder dans tout autre port que celui de Nangasaki; le second étoit une quitance sur la livraison de sujets Japonois qu'il avoit ramenés; et le troisième, signé de l'Empereur et muni de trois sceaux impériaux, contenoit la permission d'envoyer annuellement un vaisseau marchand Russe au port de Nangasaki». Какъ видно, между этимъ рефератомъ и выше сообщенными выписками изъ самого путевого рапорта существуетъ несогласіе относительно нѣкоторыхъ чиселъ.

705[a]. *Стр.* 266. По сообщенію генералъ-губ. Пиля, привед. здѣсь въ прим. 688[a].

706. *Стр.* 267. См. ниже прим. 727.

707. *Стр.* 267. Головнинъ, Зап. I, 17, французскій перев. I, 24; письмо Резанова (1806) у Тихменева I, 237; ср. ниже.

708. *Стр.* 267. Въ главахъ XXXIII и XXXV.

709. *Стр.* 267. Сообщено барономъ Фр. фонъ деръ Остенъ-Сакеномъ въ Петербургѣ. Подлинникъ хранится въ главномъ архивѣ Россійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Перепечатано выше въ текстѣ, съ сохраненіемъ правописанія, на стр. 267, 8 и 9-й.

710. *Стр.* 268. Именно генералъ-губернаторомъ Пилемъ.

711. *Стр.* 268. См. относительно слѣдующаго выше стр. 248.

712. *Стр.* 268. Ср. выше стр. 243.

713. *Стр.* 269. Вѣроятно, владѣлецъ акцій въ американской компаніи. Не можетъ быть подразумѣваемъ Никита Акинѳіевичъ Демидовъ, умершій уже въ 1789 г.; этотъ употреблялъ свои богатства вовсе не какъ скряга.

714. *Стр.* 270. О немъ во многихъ мѣстахъ выше, ср. въ особенности стр. 171, 242, пр. 489. 661 и слѣд. главу.

716. *Стр.* 270. Крузенштернъ, Reise I, 3 сл.

717. *Стр.* 271. Reise Лангсдорфа I, 195. 269. Когда Братонъ (Broughton) въ 1797 г. на короткое время приставалъ къ берегу

Мацумая, японцы разсказывали о посѣщеніи Агодадди (=Хакодате?) русскими; см. его Voy. II (Paris 1807), 151 и сл.

718. *Стр.* 271. Лангсдорфъ I, 206.

719. *Стр.* 272. Лангсдорфъ I, 202.

720. *Стр.* 272. Лангсдорфъ I, 213; ср. Эспенбергъ, онъ тоже одинъ изъ спутниковъ Крузенштерна, въ журналѣ Шторха VIII, 210 и сл.

721. *Стр.* 272. Крузенштернъ I, 311.

722. *Стр.* 272. Крузенштернъ I, 315 сл.

723. *Стр.* 273. Сочиненіе, приведенное въ прим. 650 и во мн. др. мѣстахъ. Онъ говоритъ всегда съ похвалою о Лаксманѣ, но холодно или неблагопріятно о Резановѣ; см. Зап. I, 14 сл. 54. 60. 91. 139. 158. II, 155, франц. перев. I, 23. 87. 131. 189. 201. 212. По нѣкоторымъ уваженіямъ онъ въ своихъ Зап. снисходительнѣе къ Резанову, нежели потомъ въ своихъ сочиненіяхъ V, 159. 169 и т. д. Во французскомъ переводѣ I, 188 сл. онъ уже напрямикъ говоритъ правду, а въ рукописи своей выражается еще болѣе рѣзко (ср. прим. 729). Тихменевъ въ своемъ Истор. обозр. I (1861), 105. 109. 162 и во многихъ другихъ мѣстахъ старается по возможности возстановить лучшее мнѣніе о Резановѣ.

724. *Стр.* 273. Russl. unter Alexander I. Bd. II, 459—480: Erste russ. Gesandsch. nach Japan, особенно стр. 461.

725. *Стр.* 273. Allg. geogr. Ephemeriden. Bd. XVII, 162—175: «Üb. d. früh. Reisen d. Russen nach Japan, и стр. 463 сл.

726. *Стр.* 273. «Voyage de Laxmann à Matsmaï», приложеніе къ Voy. Братона (Broughton) II, 317—338.

727. *Стр.* 244. Бертухъ: «Laxmann u. seine Reisegefährten wurden von der Kaiserin belohnt, obgleich der Zweck der Reise nicht erreicht war»—«der Zweck (der Reise) schlug ganz fehl»;—Эйріесъ:—«quoiqu'ils n'eussent pas atteint le but qu'on s'était proposé». Линднеръ (въ сочиненіи, приведенномъ въ прим. 646): «Laxmanns Reise hat der Wissenschaft wenig oder keinen Nutzen gebracht». Виммеръ, Gesch. d. Erdkunde, Wien 1833, стр. 300, говоритъ: «Laxmanns vorgebliche (sic!) Reise nach Japan». К. Ф. Нейманнъ, Ostasiat. Gesch. Lpzg. 1861, стр. 241: «Laxmann musste unverrichteter Sache nach Russland zurückkehren». Сужденіе Булгарина намъ уже извѣстно (прим. 695). Страннѣе всего при всемъ этомъ изложеніе Тихменева (I, 101): «Изъ нѣкоторыхъ источниковъ того времени видно, что Лаксманъ могъ достигнуть гораздо лучшихъ результатовъ въ сношеніяхъ съ Японіей. Во-первыхъ, онъ, по непонятной причинѣ, отказался отъ сухопутнаго путешествія въ Іедо (?), предложеннаго ему японскими чиновниками, пріѣхавшими оттуда къ мѣсту зимовки судна на о. Матсмаѣ для переговоровъ съ русскимъ посольствомъ, и рѣшился слѣдовать въ одну изъ гаваней, ближайшихъ къ столицѣ,

и именно въ Хакодаде, не иначе, какъ на своемъ суднѣ. Во-вторыхъ, отказался итти въ Нагасаки (?) для ходатайства о разрѣшеніи русскимъ торговыхъ сношеній съ Японіей, тогда какъ данный ему отвѣтъ въ Хакодаде и вообще расположеніе, съ которымъ было принято посольство, давало большую надежду на успѣхъ, то есть на исключеніе русскихъ изъ общаго правила Японской имперіи, запрещавшаго сношенія съ иностранцами. Словомъ сказать, Лаксманъ не понялъ нисколько цѣли правительства при отправленіи его въ Японію. Императрица повелѣла снарядить вторичную экспедицію, но это предпріятіе, по неизвѣстнымъ причинамъ, послѣ ея кончины, было оставлено. Изъ тѣхъ причинъ, на которыхъ Т. основываетъ это обвиненіе, видно, что онъ безъ вниманія читалъ путевой отчетъ Лаксмана: тамъ они уже заранѣе опровергнуты. Сверхъ того, его снаряженіе было вѣдь только на одинъ годъ и уполномоченные точно удостовѣряли, что согласіе съ ними было сдѣлано отъ имени императора. Затѣмъ, не Лаксманъ, а Ловцовъ настоялъ на морской поѣздкѣ въ Хакодаде. И въ заключеніе новая экспедиція, на которую намекаетъ Т., не была рѣшена, чтобы исправить то, что было упущено Лаксманомъ, но чтобы, опять подъ руководствомъ отца его, продолжать сношенія, имъ установленныя; см. стр. 292. Тихменевъ, во всемъ своемъ сочиненіи очень заботившійся о томъ, чтобъ выставить Резанова въ лучшемъ свѣтѣ, также и въ этомъ мѣстѣ, кажется, имѣлъ въ засадѣ какую-то апологію, хотя она выражается ясными словами лишь на стр. 109, гдѣ онъ изъ совершенно недоказанныхъ фактовъ хотѣлъ объяснить причину, почему Лаксманъ все-таки имѣлъ большій успѣхъ, чѣмъ Резановъ.

728. *Стр.* 274. Ср. прим. 665.

729. *Стр.* 274. Въ Moniteur des Indes orientales et occidentales, 1847—1848 Мельвиля (Melville), стр. 249, прим. 5, пишетъ Зибольдъ: «Il est curieux de voir, comment s'exprime au sujet de l'échec de l'ambassade russe de M. von Resanoff, un homme, M. Golovnin, à la perspicacité de qui nous devons d'importantes observations sur le gouvernement japonais. Le passage que nous allons citer de ses aventures pendant son emprisonnement chez les Japonais (Begebenheiten in der Gefangenschaft bei den Japanern 1811—1813), a été biffé par la censure à St.-Pétersbourg et n'a jamais été imprimé. 'Quant à la conduite de M. Resanoff, comme ambassadeur, le capitaine von Krusenstern n'en a pas autant raconté sur ce sujet que nous en avons appris des Japonais, mais assez toutefois pour convaincre chacun, que c'est u n i q u e m e n t à ce plénipotentiaire que la Russie doit de n'avoir pu réussir à conclure une alliance commerciale avec le Japon. Qu'il me soit permis d'observer ici, que Resanoff aurait immanquablement atteint le but de sa mission, si, contrairement à ce, qui a lieu parmi nous, au lieu de mettre en avant le haut titre d'envoyé plénipoten-

tiaire du plus puissant monarque de la terre, il s'était contenté du titre plus modeste d'envoyé de la Compagnie russe-américaine. Au lieu du document impérial il aurait dû simplement être porteur d'une lettre, signée des directeurs de la Compagnie; au lieu des gentilhommes d'ambassade et de cette garde d'honneur, il eût été plus utile d'avoir à sa suite quelques marchands bien au fait de ce, qui regarde le Japon. Il aurait dû pousser les négociations d'après les ordres du gouvernement, mais sans jamais nommer une seule fois l'empereur. Cette manière de voir de Golovnin et aussi la nôtre etc». Далѣе, на стр. 349, Зибольдъ говоритъ, что послѣ Лаксманова пріѣзда японцы стали обращать болѣе вниманія на естественныя произведенія Езо.

730. *Стр.* 275. N. Acta XII, 36—38.

731. *Стр.* 275. Наприм. въ Hist o. Statist. Tidn. 1794, авг., стр. 520: «Тутъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ иностранныя газеты разсказываютъ, что русская императрица послала г. Лаксмана, сына г. надворнаго совѣтника Э. Лаксмана, здѣшняго губернскаго асессора (въ Петербургѣ) и члена королевской акад. наукъ въ Стокгольмѣ, въ Японію, чтобы тамъ открыть прямыя торговыя сношенія между этимъ государствомъ и восточными окраинами Россіи, извѣстными подъ именемъ Камчатки. Это въ томъ отношеніи и удалось, что японцы обѣщали каждый годъ на одномъ кораблѣ посѣщать упомянутый русскій берегъ. Это слѣдовательно будетъ новая отрасль торговли для обширной Россіи». Ср. ниже стр. 290.

732. *Стр.* 275. Въ сочиненіи своемъ Hist.-statist. Gemälde d. R. R. VI, 273 сл.

733. *Стр.* 275. Другъ Просвѣщенія, ч. IV, 249—270: «О первомъ россійскомъ посольствѣ въ Японію» (съ примѣчаніемъ: «Сія піэса сообщена изъ Новгорода»).

734. *Стр.* 275. См. прим. 724 и сл.

735. *Стр.* 275. Извѣстіе о первомъ росс. посольствѣ въ Японію подъ начальствомъ поручика Адама Лаксмана, Москва, въ т. Бекетова, 1805, 4°. Ц. 5 р.—Сочиненіе это состоитъ лишь изъ 30 страницъ и объявляетъ о себѣ (стр. 6. 17. 29), что оно лишь выписка изъ журнала Лаксмана. Если не ошибаюсь, эта удивительно дорогая брошюра — только перепечатка приведенной въ прим. 733 газетной статьи.

736. *Стр.* 275. Лицей, періодическое изданіе 1806. Ч. II, кн. 2, 77—90, кн. 3, 74—97. Ч. III, кн. 1, 56—76, кн. 2, 48—71, кн. 3, 48—78.

737. *Стр.* 275. Путешествіе въ Японію Адама Лаксмана, издалъ В. Бергъ, С.-П. въ т. Греча, 1822, 8°. Ц. 2 р.—Приводится Смирдинымъ, Роспись росс. книгамъ, С.-П. 1828. Мнѣ не удалось видѣть ни одного экземпляра этого сочиненія, котораго м. пр. нѣтъ ни въ русской императорской библіотекѣ, ни въ библіотекѣ петерб.

академіи наукъ. Выписка изъ него встрѣчается въ Сѣверн. Арх. Булгарина, Ч. I (С.-П. 1882), 245—273.

738. *Стр.* 275. Свидѣтельствуется Шторхомъ, контролировавшимъ отдѣльныя свѣдѣнія, сравнивая ихъ съ Кемпферомъ (Kaempfer).

739. *Стр.* 276. Часть III путешествія Тунберга, трактующая о Японіи, вышла однакожъ лишь за годъ до отплытія Лаксмана изъ Охотска, а именно въ 1791 г. въ Стокгольмѣ. Ч. IV вышла въ 1793 г. тамъ же.

740. *Стр.* 276. Кемпферъ I (à la Haye 1729), 56 сл. весьма скуденъ относительно Езо или Мацумая, о которомъ онъ самъ говоритъ, что не знаетъ его; его карта весьма недостаточна и показываетъ на островѣ лишь его собственное названіе. Тунбергъ упоминаетъ о Мацумаѣ лишь мимоходомъ III, 169.

741. *Стр.* 276. Гравюры, видѣнныя Зибольдомъ, хранились въ коллекціяхъ петербургскаго адмиралтейства, Ниппонъ I, 1 (1852), 79, но, несмотря на всѣ старанія земляка моего, генерала Гадолина, тамъ не нашлись. Къ рапорту о путешествіи Лаксмана, находящемуся въ петербургскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, принадлежали слѣдующія гравюры: 1) Заливъ Немурò, 2) Мысъ Маіомушири, 3) Гавань Аткùси, 4) Мѣстность отъ Хакодате до Мацумая, 5) Видъ съ залива между 18-мъ и 19-мъ Курильскими островами, и 6) подлинная карта Японіи; изъ этихъ однакожъ вѣроятно лишь 1 и 4 сохранились и присовокупляются здѣсь въ уменьшенномъ размѣрѣ, по копіямъ, составленнымъ по благосклонному распоряженію барона Фр. фонъ Остенъ-Сакена въ С.-Петербургѣ.

742. *Стр.* 276. Ср. стр. 266.

743. *Стр.* 277. Ср. прим. 657 и внизу.

744. *Стр.* 278. N. Act XII (1801) 36 сл.

745. *Стр.* 278. N. Act. X I, 25 сл., 29, 32 сл.

746. *Стр.* 278. См. путешествіе Кларка, изд. Бертуха, стр. 9 сл. (изъ чего также видно, что Безбородко не былъ благосклоненъ къ Биллингсу) и его строгое сужденіе стр. 542 о Биллингсѣ. Это присовокупляемъ къ прим. 557.

747. *Стр.* 279. N. Act. XII, 26 и сл.

748. *Стр.* 279. А именно: Бокáми = ovariae Rajae, Касигáй = Patella vulgata (гай и кай = раковина), Сакунгáй = Ostrea pecten, Мéнгу суригáй = Donax scortum, Эби-хаканà = Cancer (Эби = ракъ), Исонгáй = Ostrea, Исоцубугáй = Chiton, Гани = Turbines (морской ракъ), Кани-гáй = Ostrea edulis (устрица), Хитодé = Asteria (рукообразная), Ахиро-гáй = Pholodes, Кàми-сури-гáй = Solenes (Кàми = волосы, сỳри = брить, гай = раковина), Цýбукóми = Nerita, Курò-гáй = Tellina, Сáку-син-гай и Ман-сингáй = Venus reticulata, Саканà = Syngnathus (саканà = рыба), Юно-

ка́ва = Testa, Ава́би-га́й = Haliotis, Исо̀-моко̀=Nidus Hirundinis esculentae, Исига́й = Arca Noac (и̇си=камень, гай = раковина), Короймъ (ъ=и или у)=Millepora, Цу́бу=Buccina, Murex et Nerita, Ка́ки = Lepades (устрица), Ни́си = Mytilus, Ка́се = Echinus, Томама̀=Trochus, У́мино-куса̀=Spongia (губка (?), у́мино=морская, куса̀=трава), Вака́ме=Fucus, Нама́ко=Vermis (съѣдобный червякъ), Исо́но-куса̀ = Fucus, Не́буто-га́й = Patella, Ика̀ = Sepia, Кай или Гай = Helix (вообще раковина), Уми́но-момо̀ = Actinia, Цуцзинга́й = Sertularia, Исо́нокуса̀ = Serpula, Исо́но-ся́куси-га́й = Serpula, Ме́кура-га́й=Donax (ме́кура=слѣпая), Ха́магосу́ки = Ova Buccini, Товами́н-гуса̀ = Sertularia, Каруси̇=Alcyonium, О́ни-цу́бу = Murex, (о́ни = чортъ, цу́бу=зерно), Ита̀-ита̀-куса̀ = Murex (ита̀ = боль, куса̀ = трава), У́мино-ара́й-момо̀ = Sapo, У́мино-куса̀, Тавара̀н-куса̀, Ко́буно-куса̀, Хана̀-да́мбукъ = Fuci species, Су́суми-га́й = Pholades, Сю́сю-минга́й = Tellina, Тонга́ни-мо̀ци = Madrepora, И́соно-ка́ки = Spongia (ка́ки=устрица), Хи́зики, Су́нги-зу́са=Sertularia, То́а-мин-куса́= Radix Fuci, У́мино-хо̀ке-куса̀ = Corallina officinalis, Хо́ку-ци́ = Agaricus praeparatus (трутъ), Вака́ми = Sipunculus, Айка́ми = Perca orientalis, Ге́си-ге́са = Asteria, Ха́мо=Ammodites, Ха́зе = Blennii species, Иге́=Foetus Rajae clavatae, Ка́ми-су́ри-саканъ я́= Ophidii species.

749. *Стр.* 279. Онъ пишетъ (въ Reise Миддендорфа, приведенномъ выше въ прим. 532), упомянувъ о потерѣ морскихъ находокъ, въ 1785 г. посланныхъ Лаксманомъ въ академію: «Ebenso dunkel ist mir das Schicksal der 65 japanischen Zeichnungen von Zoophyten und Fucus, nebst andern Tangen, die Laxmanns Sohn in Japan sammelte, welche seit dem J. 1794 im Besitze der Akad. sein sollten». Рупрехтъ, кажется, принималъ за *рисунки*: «LXV Folia Japonica zoophyta fucosque exhibentia», которыя согласно N. Act. XII, 28 принадлежали къ «Herbarium vivum hocce itinere collectum».

750. *Стр.* 279. Слѣдующее главнымъ образомъ по источникамъ, приведеннымъ въ прим. 499.

750[a]. *Стр.* 280. Сначала по-русски, а затѣмъ по-нѣмецки въ N. Nord. Beitr. VI (1793), 165—249.

751. *Стр.* 281. Тихменевъ I, 44. 47. Ср. Архивъ Государств. Совѣта I, 2, 666 (1793 $^{19}/_{12}$).

752. *Стр.* 281. У Тихменева I, 101: «Письмо ваше, г. Шелеховъ, я получилъ и съ удовольствіемъ читалъ оное, за что васъ благодарю, пребуду съ моимъ благорасположеніемъ на всегда вамъ благосклоннымъ». Надобно читать въ связи съ письмомъ въ прим. 754, (Въ текстѣ невѣрно 1 янв. вмѣсто 17-го).

753. *Стр.* 281. Труды LI, стр. 237, между Извѣстіями за 1794 (7 февр.).

754. *Стр.* 281. У Тихменева I, 101: «Письмо ваше, г. Шелеховъ, я получилъ и весьма благодаренъ присылкою картъ какъ Курильскихъ островъ, такъ и путешествія поручика Лаксмана въ Японію, за что васъ благодарю и желаю вамъ добраго успѣха, съ благорасположеніемъ моимъ пребуду навсегда вамъ благосклоннымъ».

755. *Стр.* 281. Въ письмѣ къ нему у Тихменева II, Прилож., стр. 74, мы читаемъ м. пр.: «А каковая новость безъ васъ следовала касатѣлно до посолства въ Епонию увидитѣ вы иcприложенныхъ присемъ копіевъ всему, авдобаковъ ктому скажемъ мы вамъ, что здонесениями опосолстве семъ отправлено Адамъ Лаксманъ и Василѣй Федоровичъ Ловцовъ вПитербургъ, по неслышно еще что последовало; упователно токмо что будетъ еще экспедицыя наряжена въ Епонию; господинъ Поломошной неще болѣе ваше удоволствуетъ любопытство ибо онъ ездилъ туда прикащимъ изъ насъ».

756. *Стр.* 282. См. Шторхъ, Russl. unter Alexander, II, 480. Въ рапортѣ Пиля, который приведенъ въ текстѣ, говорится объ удержанныхъ суммахъ: «о коихъ онъ представляетъ, чтобъ не причисляя ихъ въ общіе государственные доходы, оставить въ иркутской казенной палатѣ въ наличности до возвращенія оной экспедиціи, поколику отправленные въ оной особы, хотя и удовольствованы жалованіемъ на годичное время, совершать свое плаваніе можетъ быть будутъ долѣе, и дабы при возвращеніи ихъ также случиться могущіе неожиданные расходы вознаградить можно было». Совѣтъ постановилъ (1793 $^{10}/_{1}$): «Совѣтъ, отчисливъ изъ сей суммы 5,202 р. 75 к. на другіе расходы по Иркутской губерніи, повелѣлъ остающуюся сумму безъ мало 8,000 р. хранить въ Иркутской казенной палатѣ на могущіе еще быть по Японской экспедиціи издержки, которой повидимому будетъ на то достаточно, когда и при самомъ отправленіи отпущенные на непревидимые расходы 3,686 р. 60 к., съ выданнымъ всѣмъ поѣхавшимъ чинамъ и служителямъ годовымъ жалованьемъ и прочими разными издержками, составили токмо 23,217 р. 69$^1/_4$ к.».

757. *Стр.* 282. См. его собственное письмо внизу и Буссе, Journ. v. Russl. II, 1, 299.

758. *Стр.* 282. Въ письмѣ Аѳанасія Лаксмана отъ 1826 г. (см. ниже) читаемъ объ этихъ сабляхъ: «Отецъ мой, академикъ Лаксманъ, сей даръ японскаго императора съ восторгомъ поднёсъ Великой Монархини, заключившей чрезъ то счастливой успѣхъ зачатаго Ея дѣла и въ знакъ своего благоволенія повѣлеваетъ сей гіерогрифъ (!) трехъ саблей избрать на гербѣ отца моего и потомства нашаго». Черезъ г. барона Остенъ-Саккена я получилъ снимокъ съ печати Лаксмана, который изображенъ здѣсь на заглавномъ листѣ. Гербъ раздѣленъ на два поля, на правомъ видны упомяну-

тыя сабли, на лѣвомъ гербъ русскаго государства, а подъ нимъ гербъ великаго княжества Финляндскаго.

759. *Стр.* 283. Lettres de Catherine II à Grimm (С.-П. 1878), стр. 609.

760. *Стр.* 283. Также и Гагемейстеръ, Russlands Territorialvergrösserung (Рига 1834), стр. 34, сѣтуетъ: Schwer auszumitteln ist es, wie weit sich damals das Russische Amerika erstreckte, *da keine Urkunden über die Absicht der Regierung* unter Katharina vorhanden.

761. *Стр.* 283. Владѣлецъ Торклеръ, русскій подданный, проживавшій на Востокѣ, въ 1791 г. черезъ русскаго посланника въ Парижѣ, финляндца Симолина, подъ обѣщаніемъ исполнять всѣ коммерческія и ученыя порученія, касающіяся до Китая и Японіи, какія письменно будутъ ему сообщаемы, выхлопоталъ себѣ рекомендацію къ мѣстному правленію на Камчаткѣ; прибылъ 1792 г. въ сентябрѣ въ Петропавловскъ, оставался тамъ до лѣта 1793 г., но успѣлъ опять отплыть раньше, чѣмъ былъ полученъ приказъ о задержаніи его корабля. См. объ этой нѣсколько таинственной поѣздкѣ Архивъ Государств. Совѣта, I, 1, 878. 2, 664 сл. 668; намеки также въ стокгольмской газетѣ Posttidningen 1794 $^{5}/_{5}$.

762. *Стр.* 284. 1806 $^{15}/_{9}$, у Тихменева, II Прилож., 230. Не смѣшивается ли съ заѣздомъ Братона (Broughton) въ 1797 г. къ Мацумаю? Ср. выше прим. 717.

763. *Стр.* 284. Изъ этого письма другія выписки выше въ прим. 755. Весьма интересно другъ съ другомъ сличить современные и прямые разсказы о встрѣчахъ между русскими и англичанами, у Тихменева, II, Прилож., 44. 63. 65. 74. 83 и сл. (Отвѣтъ Баранова Шелехову 1795 $^{20}/_{5}$). 109 (письмо 1795 $^{22}/_{11}$ вдовы Шелехова къ графу Зубову и т. д. и у Ванкувера, Voyage 1790—1795, Traduction (Paris, An X), T. V, 16. 19. 29 и сл. 35. 37 и сл. 84. 93. 123 и сл. 140. 146 и сл.

763ª. *Стр.* 285, строка 9 снизу. Что таковое упоминается въ спискѣ собранія писемъ Тунберга въ Упсалѣ, но въ немъ не находится, о томъ сообщаетъ мнѣ проф. Нордлингъ оттуда же.

764. *Стр.* 285. См. о немъ выше отдѣльн. главу XVI и прим. 368 и внизу.

765. *Стр.* 286. І. Г. Цигнеусъ (J. H. Cygnaeus), род. 1765 г., сдѣлался послѣ производства Эммануила Индреніуса Фридрихсгамскимъ соборнымъ пробстомъ, пасторомъ шв. прихода Св. Катерины въ Петербургѣ въ 1792 г., † 1814 г. пасторомъ въ Рантасальми. — Придворный хирургъ Линдстремъ неизвѣстенъ мнѣ.

766. *Стр.* 286. Въ протоколѣ Абовской академіи 1794 $^{4}/_{9}$, § 15 читаемъ: секретарь Аланусъ заявилъ, что послѣ того, какъ Лаксманъ, профессоръ въ Петербургѣ, недавно выслалъ профессору и сверхштатн. адъюнкту хим. Мих. Гольмбергу небольшое количество

призматическихъ гранатъ, взятыхъ имъ съ отдѣльно лежащей древней горы у рѣчки Вилюя, 4 версты ниже устья Ахтарагды, то проф. прислалъ секретарю нѣсколько экземпляровъ ихъ для передачи корол. академіи, которые секретарь потому теперь и предъявилъ; эти камни были переданы проф. Гадолину для академической минеральной коллекціи.

767. *Стр.* 287. Ср. выше стран. 216 и далѣе.

768. *Стр.* 287. Гаддъ (род. 1727 г.) былъ весьма недоволенъ назначеніемъ Гольмберга въ Абовскій университетъ. См. прим. 368.

769. *Стр.* 288. Это мѣсто отправленія потомъ, кажется, отмѣнено, ср. ниже стр. 295 и 298.

770. *Стр.* 289. Слѣдующаго содержанія: «Wohlgeborner, Hochgelehrter Herr Professor, Hochzuverehrender Freund. Seiner Kaiserl Hoheit des Grossfürsten Pawel Petrowitsch Leibmedicus, der Herr Staatsrath Freygang, hat mir aufgetragen für die grossfürstliche Hofapotheke zu Gatschina einen chymischen Apotheker zu schaffen. Dieser grossfürstliche Frühlings- und Herbst-Aufenthalt ist 22 Werste von Zarskoje Selo entfernt und paradisisch. 400 Rübel ist der Jahresgehalt nebst freyem Quartir, Holz und Licht, und ich füge hiebey das eigenhändige Bilet des Herrn Staatsraths, der übrigen Umstände wegen. Hätten Sie nicht Lust diese ehrenvolle Stelle als Hofapotheker Sr Kaiserl. Hoheit anzunehmen? Es wird Ihnen nicht geräuen! Wenn Sie Lust haben, so können Sie Sich unverzüglich deswegen schriftlich melden und die nöthigen Gelder zu Ihren Reisekosten verlangen. Schreiben Sie entweder an mich oder an den Herrn Staatsrath Freygang selbst. Ich versichere, dass es eine ehrenvolle Stelle ist. Lassen Sie wissen wie viel Reisegeld Sie brauchen! Mit der aufrichtigsten Verehrung werde immer seyn Ew. Wohlgeboren gehorsamer Diener E. Laxmann. St.-Petersburg den 27 Januarii 1795». Съ подлинника.

771. *Стр.* 289. По подлиннику: «Дневникъ 1795 г. февр. 19-го: я выѣхалъ изъ Або, пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ 20-го, 21-го въ Борго, въ Ловизу 22-го. Въ тотъ же день отправился въ Абборфорсъ, гдѣ остановился у почтъ-директора Гольма; тамъ я переночевалъ: 23-го ч. прибылъ я въ Фредриксгамнъ, былъ весьма ласково принятъ купцомъ Яномъ Брунъ, остался тамъ на ночь, былъ привѣтствованъ и лучшимъ образомъ угощаемъ всѣми моими старыми друзьями. Какъ что-то весьма лестное для меня, могу прибавить, что плацъ-майоръ г. фонъ-Рабенъ самъ написалъ и подписалъ мой паспортъ, и выдалъ мнѣ подорожную на одну лошадь, которой я безъ того не получилъ бы. Помянутый майоръ удостоилъ меня также посѣщеніемъ. NB. Одинъ старинный пріятель молодости въ Фридрихсгамѣ, нынѣ г. Родманъ Книперъ, плакалъ отъ радости и обнималъ меня съ необыкновенно горячимъ чувствомъ. 24-го я выѣхалъ изъ Фридриксгама и пріѣхалъ въ тотъ же день вечеромъ во

время замыканія воротъ, въ Выборгъ. Стремдаль изумлялся всѣмъ гласисамъ, траншеямъ, воротамъ и валамъ, черезъ которые намъ пришлось проѣхать, чтобы попасть въ городъ. Первымъ я посѣтилъ тамъ одного стараго знакомаго, аптекаря Греве (Grefve), имѣвшаго красивый и видный каменный домъ и хорошенькую и чистенькую аптеку. Мой паспортъ и Фридрихсгамская подорожная были тотчасъ отправлены къ губернатору, генералъ-лейтенанту князю Ѳедору Щербатову, у котораго подписыванье паспорта и полученіе новой подорожной длилось довольно долго, вслѣдствіе того, что весь Выборгъ былъ въ движеніи, празднуя праздникъ, состоящій изъ катанья на 70 — 80 саняхъ, всѣ запряженныя 3 или 4 лошадьми. По той причинѣ я долженъ былъ переночевать въ одной изъ слободъ, въ самомъ городѣ былъ большой недостатокъ въ помѣщеніяхъ, вслѣдствіе большого пожара. Я помѣстился въ трактирѣ «Герцогъ», гдѣ получилъ комнатку, болѣе похожую на курятникъ, нежели на спальню. Полсутокъ я оставался тамъ въ холодѣ и грязи, 4 чашки кофе было выпито, 2 мною и 2 моимъ слугою, за что съ меня слупили рубль 55 коп. Наконецъ 25-го числа утромъ въ 10 часовъ я получилъ и мой паспортъ и подорожную на пару лошадей. Теперь прогоны были двойные противъ того, какъ на переѣздѣ отъ Пюттиса до Выборга. Съ удовольствіемъ я отправился 25-го изъ Выборга, проскакалъ въ продолженіе всей ночи цѣлыхъ 120 верстъ, пока не доѣхали до Драницникова, послѣдней станціи предъ Петербургомъ. Здѣсь я долженъ былъ переночевать за недостаткомъ лошадей. Хозяйка сперва выбѣжала и орала во все горло, что теперь во время ночи нельзя было достать лошадей, потому что 8 штукъ ихъ незадолго до пріѣзда моего отправлены въ гоньбу. Хозяйка, жена поручика Расъ, приняла меня хорошо, послѣ того какъ я сталъ привѣтливо говорить съ нею; она была нѣмка и не знала по-шведски. Меня затѣмъ ввели въ порядочно красивую комнату съ билліардомъ, гдѣ было такъ жарко, что можно было жарить селедку на стѣнѣ. И я, бѣдный человѣкъ, ѣхавшій весь предыдущій день и отморозившій половину ноги, потѣлъ и кряхтѣлъ. Хозяйка не дурна собою, была къ счастію немного больна отъ простуды. Она весьма чистосердечно жаловалась мнѣ. Я посовѣтовалъ ей отправиться въ баню и дать тереть себя хорошенько. Я охотно послѣдовалъ бы ея примѣру, еслибъ былъ менѣе уставшимъ и озябшимъ. Между тѣмъ какъ хозяйка моя была въ банѣ, я приказалъ притащить дорожные запасы мои, чтобы поѣсть немного. Потомъ барыня возвратилась изъ бани и увидѣвъ у меня лососину на столѣ, возбудившую ея аппетитъ, намекнула мнѣ на свое желаніе отвѣдать кусочекъ. Я пригласилъ ее откушать, на что она согласилась и угостила меня за то чашею хорошаго, горячаго биркеза и ночлегомъ. Спать мнѣ пришлось однакожъ на полу, потому что въ спальнѣ, назначенной

для меня, дулъ такой сквознякъ, что я боялся какъ бы и меня не протащило сквозь стѣну. За все это она не взяла ни копейки. На слѣдующее утро я поскупился выпить кофе, такъ какъ 3 или 4 чашки стоятъ рубль. NB. А ночью, когда я поѣвши хотѣлъ лечь спать, пріѣхалъ одинъ господинъ съ женою изъ Петербурга; они отправлялись въ Выборгъ. Мы сдѣлались отличными друзьями, маленькая прелестная барынька просила меня по крайней мѣрѣ 10 разъ поѣсть и попить, при чемъ я былъ угощаемъ всевозможными русскими гостинцами. Барыня замужемъ за сенатскимъ чиновникомъ по имени Стуббе, и просила меня остановиться у нихъ при возвращеніи моемъ изъ Петербурга. Наконецъ послѣ многихъ напоминаній мнѣ дали пару хорошихъ лошадей, за которыя я долженъ былъ заплатить двойные прогоны до Петербурга, составлявшіе 2 рубля за $2^1/_2$ шведскія мили (т. е. за 25 верстъ).

«27-го февр. я пріѣхалъ наконецъ въ огромный и блестящій Петербургъ; одинъ разъ я долженъ былъ предъявить подорожную до въѣзда въ городъ. Я прямо поѣхалъ къ шведскому пастору Сигнеусу, но къ моему горю не засталъ его дома. Тутъ я сначала былъ озадаченъ, но потомъ поѣхалъ къ финскому пастору, господину магистру Манделину. Онъ и супруга его, К. Генделіусъ (?) приняли меня съ большою вѣжливостью и учтивостью. Меня здѣсь очень хорошо кормятъ и поятъ, и живу здѣсь почти какъ губернаторъ. Можно представить себѣ, какъ я желалъ бы видѣть этого героя, господина коллежскаго совѣтника и кавалера Лаксмана. Я хотѣлъ прежде всего посѣтить его, но никто не зналъ, гдѣ онъ живетъ. Пришлось посѣтить сначала г. статскаго совѣтника и лейбъ-медика Фрейганга. Онъ принялъ меня, какъ обыкновенно, по придворному. Много прислуги, бѣготня и разная суета предшествовали моему доступу къ нему. Но я былъ въ восторгѣ, когда господинъ коллежскій совѣтникъ Л.(аксманъ) удостоилъ меня посѣщеніемъ въ моей квартирѣ. Я обнялъ его отъ полноты сердца, а также и онъ меня; я онѣмѣлъ. и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ мы другъ другу слова не могли сказать. Будто въ пантомимѣ все совершилось лишь объятіями. Немедленно г. коллежск. совѣтн. предоставилъ въ мое распоряженіе его лошадей и карету; можно представить себѣ, какъ лестно для меня было это предложеніе. Кучеръ съ огромными усами, въ ливреѣ и дюжій гусаръ для услугъ. Его гусарскій ментикъ опускался до колѣнъ. Въ такой пышности мы оба поѣхали засвидѣтельствовать мое почтеніе его превосходительству посланнику Стедингку. Роскошь, вкусъ, великолѣпіе, возвышенное и божественное, — все плѣняло меня. Совѣстно сказать, какъ вѣжливо и милостиво приняли меня. Тотчасъ мы оба — г. к. с. и я были приглашены къ обѣду; но теперь я не успѣю пересказать все какъ было. Словомъ, его превосходительство сіялъ

какъ солнце между маленькими звѣздами, былъ привѣтливъ, снисходителенъ, простъ и внимателенъ въ высшей степени.—Сегодня 18 ч. ст. ст. и 1-го марта н. ст. я имѣю честь обѣдать у Палласа, знаменитаго статскаго совѣтника, профессора и владимирскаго кавалера. За мною прiѣдетъ англiйская карета съ такимъ-же кучеромъ, лошадьми и лакеемъ. Вчера былъ я у него съ визитомъ; я ошеломленъ одною ученостiю. Вести знакомство съ г. колл. с. Л.(аксманомъ) все равно, что читать энциклопедiю или большую Зору (= Sorani thesaurus?). — Марта 2-го я обѣдалъ у статскаго совѣтника и импер. лейбъ-медика г. Фрейганга, вмѣстѣ со многими другими особами, въ томъ числѣ и съ профессоромъ Георги; его впалыя щеки и носъ, а равно фарфоровыя ноги намекаютъ на давнишнюю французскую болѣзнь. Марта 3-го, при моемъ посѣщенiи я былъ приглашенъ къ обѣду нашимъ посланникомъ, ген.-лейт. и ком. ордена Серафимовъ-Стедингкомъ. Все тамъ было дивно хорошо; 8 лакеевъ прислуживали одному десятку гостей. Г. посланникъ вообще живетъ роскошно, на Галерной, надъ Невою, супротивъ Академiи Художествъ, находящейся на другомъ берегу—на Васильевскомъ островѣ. 4-го числа ст. ст. (нов. ст.?) я имѣлъ счастiе быть представленнымъ Его Императорскому Высочеству великому князю Павлу Петровичу. За мною прiѣхала въ 10 часовъ утра карета, запряженная 4 лошадьми, и привезла меня прямо во дворецъ. Послѣ недолгаго ожиданiя въ большой залѣ меня ввели во внутреннiе покои, гдѣ Его Высочество великiй князь принялъ меня весьма милостиво и далъ мнѣ поцѣловать руку. Послѣ того, какъ эта честь была мнѣ оказана, Высочайшая Особа поцѣловала меня въ лѣвую щеку, что́ для меня было совершенно неожиданно. Тотчасъ послѣ аудiенцiи я вмѣстѣ съ другими былъ приглашенъ на угощенье во дворцѣ: подавали кофе, сухари, бѣлый хлѣбъ, ликеръ въ чарочкахъ и разныя сласти, что̀ кому угодно. Изъ дворца я отправился опять прямо къ его превосходительству посланнику, который, послѣ моего разсказа, какъ я былъ принятъ великимъ княземъ, опять милостиво удержалъ меня у себя на обѣдъ. Марта 5-го ст. ст. (н. ст.?) я имѣлъ счастье посѣтить г. статскаго совѣтника, профессора и кавалера ордена св. Владимира—Палласа. Этотъ великiй ученый оказалъ мнѣ большее вниманiе, нежели я ожидалъ. Естественныя произведенiя, великолѣпiе и блескъ окружали его. Я обѣдалъ также и у него; при прощанiи его любезная супруга поцѣловала меня два раза въ губы, послѣ чего я поцѣловалъ ея руку. Г. статскiй совѣтникъ Фрейгангъ, лейбъ-медикъ Его Императорскаго Величества, во все время моего пребыванiя въ Петербургѣ оказывавшiй мнѣ величайшее почтенiе, предоставилъ карету свою въ полное мое распоряженiе.—Профес. Портану кланяется особо г. надворный совѣтникъ

Нордбергъ, а также и епископу Гадолину. Г. пасторъ Манделинъ желаетъ получать Абовскія вѣдомости съ ихъ начала in 4[to]».

772. *Стр.* 289. Изъ его переписки съ Калоніусомъ сообщимъ здѣсь нѣсколько выписокъ, относящихся отчасти къ Гольмбергу, отчасти къ другимъ лицамъ, упомянутымъ въ текстѣ Такъ пишетъ онъ 1795 $^{26}/_{2}$: «Недавно нашъ профессоръ Гольмбергъ получилъ письмо отъ Лаксмана изъ Петербурга, съ предложеніемъ сдѣлаться придворнымъ аптекаремъ великаго князя въ Гатчинѣ, въ принадлежащемъ великому князю дворцѣ близъ Царскаго Села, съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ, кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія. Потому, чтобы подробнѣе ознакомиться съ мѣстомъ и узнать, чего отъ него требуютъ, поѣхалъ онъ туда недѣли на двѣ. Какъ мнѣ показалось изъ письма, желаютъ получить человѣка, свѣдущаго въ химіи (вѣроятно въ ея новомъ видѣ), и вѣроятно воображаютъ себѣ, что Гольмбергъ, состоящій при академіи и получившій званіе профессора, именно такой человѣкъ. Тебѣ извѣстно, что у него нѣтъ недостатка въ хорошемъ мнѣніи о себѣ, да кромѣ того въ немъ довольно дерзости и шарлатанства, а эти качества (вездѣ весьма полезныя), особенно въ Россіи, очень умѣстны. Итакъ онъ считаетъ себя обязаннымъ принять предложеніе, если только получитъ пенсію: онъ достаточно уменъ, чтобы признавать надобность такой оговорки. Увидимъ, какъ все это дѣло ему удастся. Абовская академія очень хорошо обойдется безъ него; и тѣ, кому извѣстны обстоятельства дѣла, не осудятъ насъ за его незнаніе, если оно впослѣдствіи обнаружится. Но можетъ ли онъ удержать свою пенсію? Въ противномъ случаѣ онъ непремѣнно останется. Если онъ попадетъ въ Россію и тамъ уживется, то все же можетъ намъ быть нѣкоторымъ образомъ полезенъ». 1795 $^{16}/_{5}$: «Гольмбергъ возвратился, чванится и болтаетъ; говоритъ, что не можетъ рѣшиться: ѣхать ли ему въ Россію или нѣтъ, хотя дѣйствительно имѣетъ письменное свидѣтельство о призывѣ своемъ, выданное статскимъ совѣтникомъ и лейбъ-медикомъ великаго князя Фрейгангомъ (показанное имъ вчера въ присутствіи Гадолина, который можетъ разсказать о томъ), съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ, съ квартирою, дровами и освѣщеніемъ; называется въ томъ свидѣтельствѣ *der königl. schwed. Professor Pharmaciae* (вѣроятно по собственному заявленію), каковое мѣсто также и въ Россіи за нимъ упрочивается (ср. выше прим. 368), а вмѣстѣ съ тѣмъ великокняжеская аптека въ Гатчинѣ должна быть оставлена за нимъ. Онъ говоритъ однакожъ, что боится существующей тамъ огромной дороговизны, почему опасается, что жалованья не хватитъ ему. Посмотримъ, что̀ онъ будетъ дѣлать; если тамъ представится случай къ побочнымъ доходамъ, то думаю, что онъ сумѣетъ воспользоваться ими, если попадетъ туда, но при томъ необходимо имѣть

много осторожности. Онъ не только намѣренъ просить отъ короля разрѣшенія ѣхать» (ср. прот. Консисторіи 1795 $^{17}/_{3}$, § 5), «но и удержать пенсію за собою; потому что намѣренъ принять русское предложеніе лишь въ видѣ временнаго порученія, и если рѣшится ѣхать, мы вѣроятно вскорѣ получимъ отъ него прошеніе о пособіи и рекомендаціи у канцлера» (уже на слѣд. день получили, см. прот. консист. 1795 $^{17}/_{3}$, § 5). «Однакожъ, чтобы вознаградить себя за расходы на поѣздку, онъ изъ предложенныхъ ему 250 рублей путевыхъ денегъ принялъ 100 рублей, что́, по моему, значитъ вполнѣ вступить въ службу, хотя онъ иного мнѣнія». 1795 $^{19}/_{3}$: «Гольмбергъ, желавшій быть хитрымъ, просилъ акад. консисторію для удержанія пенсіи своей, исходатайствовать ему передъ его превосходительствомъ канцлеромъ отпускъ на одинъ годъ, чтобы ѣхать за-границу; онъ ни слова не упоминаетъ о предложеніи, сдѣланномъ ему изъ Россіи, и мы исполнили просьбу его, такъ какъ онъ намъ здѣсь дѣйствительно не нуженъ и мы весьма согласны на отъѣздъ его: тамъ ему можетъ представиться случай оказать намъ какую нибудь услугу. Гелленіусъ получилъ отъ русскихъ ботаниковъ множество травяныхъ сѣмянъ изъ Камчатки и съ островов между Азіею и Америкою и т. д., а также и обѣщаніе Лаксмана доставить ему сѣмена изъ Японіи, привезенныя оттуда его сыномъ, который служитъ офицеромъ и ѣздилъ туда. Я получилъ отъ нашего, находящагося тамъ въ путешествіи, искуснаго механика, горнаго совѣтника Норберга забавное письмо, съ предложеніемъ исходатайствовать отъ россійской императрицы денежное пособіе на поѣздку, если я желаю посѣтить живущіе въ русскомъ государствѣ различные народы финскаго племени, для изслѣдованія ихъ родства, сходства, языка и нравовъ и т. д. Но за такое порученіе благодарю покорно! Еслибъ мнѣ въ молодости предвидѣлось такое пособіе, то я былъ бы введенъ въ искушеніе... Я желалъ бы однакожъ, чтобы какому-нибудь молодому искусному человѣку былъ предоставленъ случай сдѣлать эту поѣздку прежде, чѣмъ всѣ финскіе народы обрусѣютъ». 1795 $^{4}/_{6}$: «Теперь опять нѣсколько новостей отсюда. Гольмбергъ возвратился нѣсколько дней тому назадъ изъ Россіи; не знаю, на всегда ли, или на короткое время. Я еще не видѣлся съ нимъ. Удивительны его поѣздки... Изъ Петербурга сообщаетъ мнѣ гор. сов. Норбергъ, что Палласъ выходитъ въ отставку, чтобы въ скоромъ времени поселиться въ Крыму, гдѣ онъ отъ императрицы получилъ въ подарокъ большое имѣніе. Удивительная резолюція! Лаксманъ опять предпринимаетъ минералогическую поѣздку» и т. д. см. прим. 784.

773. *Стр.* 289. Напечатано въ Ny journ. f. hushålln. 1795 (янв. и февр. книжка), стр. 32—37. Статья затѣмъ была передѣлана подъ заглавіемъ: «Beskr. på en salpeterladas inrättning, sådan som

den hos allmogen i Österbotten (isynnerhet Nerpes och Vörå) redan är bruklig, med ritning». Sth. 1796. 4°.

774. *Стр.* 290. О селитрѣ, разсужденіе Лаксмана. Спб. 1795 при Имп. Шляхетномъ сухопутномъ кадетск. корпусѣ. 8°, стр. 24. Перепечатано въ Трудахъ Экон. общ. 1798 г. Т. LII, 251 — 268. Объявляется съ большими выписками въ Journ. v. Russl. Буссе I (1796), 276—282. Ср. Георги, Beschr. III, 306. 309. Гмелинъ, Gesch. d. Chem. III, 857.

775. *Стр.* 291. См. здѣсь стр. 180 и прим. 526.

776. *Стр.* 292. Въ N. Act. X (1797), 33. 414 — 416: Polygam. Лаксм., exhib. 11 февр. 1796.

777. *Стр.* 292. Ср. прим. 574.

778. *Стр.* 292. См. прим. 679.

779. *Стр.* 293. Посредствомъ доставленной статьи, изложенной 16 окт. 1794 г., въ N. Act. IX, 157 и сл. Затѣмъ часто.—Ср. прим. 731.

780. *Стр.* 293. Род. 1763 г. въ Стокгольмѣ, докторъ мед. въ Лейденѣ, съ 1786 г. въ голландской службѣ, сдѣлалъ изъ Батавіи двѣ поѣздки въ Японію, поселился затѣмъ въ качествѣ врача на островѣ Цейлонѣ. Объ его подаркахъ въ Петербургъ см. N. Act. XIII, 23. 25.

781. *Стр.* 294. См. N. Act. XIII, 5; ср. V, 369.

782. *Стр.* 294. Въ N. nord. Beitr. VII, 146.

783. *Стр.* 294. Можетъ-быть, Сиверсъ обидѣлся тѣмъ, что поѣздка въ Тибетъ (какъ кажется) вычеркнута изъ путевой программы, объ ней не упоминается болѣе, а между тѣмъ онъ уже раньше выразилъ мнѣніе (N. nord. Beitr. VII, 370), что и эта страна могла бы быть важною относительно ревеня.

784. *Стр.* 294. Также и Портанъ въ выше (прим. 772) приведенномъ письмѣ 1795 $^4/_6$, въ которомъ читаемъ далѣе: «Лаксманъ предпринимаетъ опять минералогическую поѣздку въ пустыню между Иртышемъ и Бухарою; мы послали ему 50 рублей на собираніе для насъ минераловъ, растеній, сѣмянъ и пр. Какъ тебѣ кажется эта идея? Онъ раньше подарилъ намъ разныя сѣмяна изъ Сибири. (Говорятъ, что механикъ Норбергъ женится на москвитянкѣ; онъ въ Россіи на хорошемъ счету, и дѣйствительно онъ по своей части дѣльный человѣкъ).

785. *Стр.* 295. Именно цѣна акціи 25 рейхсталеровъ ассигн. Записка о томъ въ протоколѣ упоминаетъ «о подпискѣ, открытой коллежскимъ совѣтникомъ и кавал. Эрикомъ Лаксманомъ въ С.-Петербургѣ, для осуществленія поѣздки» и т. д. слѣдовательно здѣсь: онъ самъ.

786. *Стр.* 295. Стр. 364. сл. Ср. выше прим. 731.

787. *Стр.* 296. Архивъ Госуд. Сов. I, 2, 637 — 639.

788. *Стр.* 296. Архивъ и т. д. I, 2, 640.

789. *Стр.* 296. Ср. прим. 567.

790. *Стр.* 296. См. N. Act. XIII (1827! но сравн. выше прим. 1—16), 399 и сл. Германа «Descr. d'une nouv. mine de cuivre, nommée Achirite», по имени купца, котораго звали Ахиръ Махмедомъ; ср. Кобель, стр. 592.

791. *Стр.* 297. Ср. Труды LI, 298. 307 сл.

792. *Стр.* 297. Архивъ Госуд. Сов. I, 2, 636.

793. *Стр.* 297. См. выше главу VI.

794. *Стр.* 298. Ср. выше прим. 33.

795. *Стр.* 298. Строка 19-я сверху. Не подразумѣвается ли Гаддъ?

796. *Стр.* 229. Подлинное письмо д'Огара (d'Augard) отъ 1795 $^{22}/_{12}$, хранится въ россійскомъ государственномъ архивѣ; содержаніе его сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ черезъ благосклонное ходатайство барона Фр. фонъ Остенъ-Сакена.—Относительно его замѣтимъ, что онъ въ 1797 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника поступилъ на службу въ русск. имп. библіотеку, въ 1799 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1801 г. усердно участвовалъ при перемѣщеніи библіотеки въ ея новое зданіе, проживалъ за-границею въ 1802—1803 г., вышелъ въ отставку и умеръ 1808 г. Былъ ревностнымъ католикомъ и писалъ стихи. См. затѣмъ Ephémérides Russes IV, 189 и журналъ «Москвитянинъ» 1852 г., № 20, стр. 58.

797. *Стр.* 299. См. ея вышеприведенныя Lettres и т. д., стр. 661.

798. *Стр.* 300. См. Lettres и т. д., стр. 667.

799. *Стр.* 301. Томъ II (1797), 294.

800. *Стр.* 301. Въ N. Act. сказано лишь, что онъ выѣхалъ изъ Петербурга «vers la fin de la dite année» (1795).

801. *Стр.* 302. Ср. стр. 285 и сл.

802. *Стр.* 302. Лаксманъ умеръ, по Георги, «im Schlitten etwan 100 W. hinter Tobolsk»; по N. Act.: «à 118 verstes au delà de Tobolsk»; по Барнаульской метрической книгѣ (привед. здѣсь стр. 51) «auf einer Reise nach Irkutzk im 59 J. am Schlagfluss»; по Мейзелю (Meusel): «auf einer gelehrten Reise nach d. Russ. Tatarey, nicht weit von Tobolsk», = Intelligensblatt d. Allg. Lit. Zeitung, № 99, за 27 іюля 1796 г.; Поггендорфъ показываетъ невѣрно: «diesseits Tobolsk».

803. *Стр.* 302. См. «Почтовый Дорожникъ», С. П. 1842, стр. 7, гдѣ станціи и разстоянія между ними, отъ Тобольска опредѣляются такъ: Бакшеева $34^1/_2$ (30), Старопостская $27^1/_2$, Копотилова $31^1/_2$ ($29^1/_2$), Дресвянская 34 (32), Истяцкая 31, и т. д.

804. *Стр.* 304. Ср. Завалишинъ, Опис. Западн. Спб. III, 83. — Въ 1808 г. полагали, что новоопредѣленный академикъ Лангсдорфъ (японскій путешественникъ) будетъ черезъ Оренбургъ посланъ въ Бухару.

805. *Стр.* 304. Ср. Ольдекопъ, St. Pet. Zeitschr. I, 248 и сл.

806. *Стр.* 304. Lettres и т. д., стр. 689.

807. *Стр.* 304. См. N. Act. XIII и шв. Posttidn. 1796 $^3/_{10}$.

808. *Стр.* 304. Ср. прим. 796.

809. *Стр.* 305. См. ниже, стр. 320.

810. *Стр.* 305. Прот. за 22 февр. 1796 содержитъ относительно Лаксмана лишь лаконическую отмѣтку: «Il mourut en route à 118 verstes au de là de Tobolsk, le 5 janvier». Въ мѣсяцесловѣ на лѣто 1796 онъ болѣе не названъ.

811. *Стр.* 305. N. Act. XI, 370 (15 сент. 1796 г.), XII, 318 (12 мая 1796), 300 (3 нояб. 1796), 335 (15 марта 1797). Тѣмъ, что изданіе этихъ томовъ замедлилось до 1798 и 1801 г., отчасти слѣдуетъ объяснить, что смерть Лаксмана такъ долго оставалась неизвѣстною за границею, такъ какъ объ ней упоминается, сколько извѣстно, въ Швеціи лишь Йёрвелемъ. Переписка I, 1798, 11 между усопшими корреспондентами, въ Берлинскомъ Обществѣ Naturforschender Freunde, 1799 въ ея N. Schr. II, VIII словами: «Der Tod hat uns geraubt... auf deren Besitz wir um so mehr stolz waren, da ihre Namen in der Gesch. d. Wissenschaften mit dem Stempel d. Unsterblichkeit geprägt sind; es waren: ein Laxmann, ... ein R. Forster, ein Green, ein Saussure» etc. Никакого извѣстія объ этомъ случаѣ въ финляндской печати не нашлось, а университетъ называлъ Лаксмана еще гораздо позднѣе въ числѣ своихъ лучшихъ воспитанниковъ; ср. A. I. Лагусъ, Oratio qua Alex. I. beneficia celebr. Ab. 1811, стр. 51.

812. *Стр.* 305. Ср. прим. 8 относительно N. Act. XIII. Хотя Эйлеръ умеръ въ 1800 г. и преемникомъ его по должности секретаря сдѣлался Фуссъ, историческое свѣдѣніе за 1796 г. вѣроятно дано первымъ изъ нихъ.

813. *Стр.* 305. Beschr. d. R. R. I, 59. Полное содержаніе мѣста слѣдующее: «Erich Laxmann aus Finnland, erst Prediger in Kolywan, dann Akademiker in S:t Petersburg, hernach Bergrath in Nertschinsk, hatte gute naturhistorische Kentnisse, und machte seit 1765 in Russland u. Sibirien viele u. weite Reisen, war am Weissen u. am Ochozkischen Meer. Er war ein träger Schriftsteller, u. ausser seinen wenigen Abhandlungen in den Werken d. Akad., seinen Sibirischen Briefen, seinen handschriftlichen Reiseberichten aus Finnland, u. von der Wolga, u. dem was der Ritter Pallas aus Laxmanns Briefwechsel in Pallas Nord. Beyträgen bekannt gemacht hat, wird nichts von ihm seyn. Hat er ein Tagebuch geführt, so muss es vieles enthalten. Seine Mineraliensammlung hatte er schon 1786 an das Bergskadettencorps für 6000 Rubel verkauft. Er starb 1796 im Jenner auf der Reise von S:t Petersburg nach Irkuzk im Schlitten, etwan 100 W. hinter Tobolsk, als Kayserl. Kollegienrath u. Wolodimer-ordensritter». Ср. выше прим. 18.

814. *Стр.* 306. Ср. прим. 1. 4. 388.

815. *Стр.* 306. Ср. прим. 3. 6.

816. *Стр.* 309. Ср. стран. 26.

817. *Стр.* 309. См. прим. 819.

818. *Стр.* 309. Ср. прим. 108. 214. 374 и мн. др.

819. *Стр.* 310. Въ благосклонномъ письмѣ, которое вмѣстѣ съ другими біографическими свѣдѣніями, составленными г. генеральнымъ консуломъ А. Лаксманомъ въ Лиссабонѣ, наконецъ (въ іюнѣ 1880 г.), послѣ многолѣтняго ожиданія, дошло до меня, говорится м. пр.: «Catherine II, de glorieuse mémoire, qui estimait beaucoup Eric Laxman, l'a souvent honoré de sa correspondance, et je suis vraiment malheureux que les lettres de cette grande Souveraine ont péri pendant l'incendie de notre maison (1812), avec bien d'autres documents et toutes les patentes de différentes académies, dont mon grand père était membre».

820. *Стр.* 310. Ср. выше стр. 22.

821. *Стр.* 311. Ср. выше стр. 74.

822. *Стр.* 311. Ср. прим. 175. 188.

823. *Стр.* 312. N. Act. XIII, 335.

824. *Стр.* 312. Ср. прим. 501.

825. *Стр.* 312. Ср. прим. 660.

826. *Стр.* 313. Ср. стр. 26.

827. *Стр.* 313. Ср. стр. 27, 29, 31, 124 и др.

828. *Стр.* 313. См. его часто упомянутыя *Письма*, стр. 171. — По Гофману, въ Beitr. Бэра и Гельмерсена XII, 50, въ 1843 г. въ Иркутскѣ были минералогическія коллекціи только у генералъ-губернатора да у архіепископа.

829. *Стр.* 314. Ср. прим. 531. 533. 749 и мн. др.

830. *Стр.* 314. См. стр. 109 и 127. Мои источники для слѣдующаго главнымъ образомъ: Böhmeri Comment. botanico-litt. de plantis in memoriam cultorum nominatis (Lips. 1799), стр. 133, которому однакожъ извѣстно лишь Форстера и Шребера Genera Laxm., и Штейдель (Steudel) Nomenclator botan. ed. 2 1841), изъ котораго, равно какъ изъ Prodromus Де-Кандоля (въ особенности II, 553. IV, 582. 587. V, 501, 502) и Hist. Nat. des Végétaux Шпаха (Spach) (I, 453. VIII, 378. XI, 356) можно познакомиться съ дальнѣйшими развѣтвленіями синонимики. Большой авторитетъ Броуна (Brown) содѣйствовалъ тому, что его Laxmannia удержалась до нашего времени, какъ показываютъ: Гукеръ (Hooker), The Botany of the Antarctic Voy. II, 1860, стр. 59 сл., Бентамъ и Гукеръ (Bentham & Hooker) Genera pl. I, 1867, 619, Микѐль (Miquel) IV, 550 сл. Декессъ (Decaisse) III, 363 и мн. др. Вѣрнѣе всего было бы, — также и по мнѣнію товарища моего, проф. Секст. О. Линдберга,—возвратиться къ номенклатурѣ Форстера отъ 1775 г.: причина, почему онъ самъ впослѣдствіи (въ Com. Gott. IX, 1789, 66) рядомъ съ нимъ поставилъ новый синонимъ, была скорѣе здѣсь въ текстѣ предполагаемая, чѣмъ въ 1816 г. Броуномъ (въ Transact. of the Linnean

Soc. Vol. XII, по-нѣмецки у Неса фонъ Эзенбека (Nees von Esenbeck, II, 555) заявленная, т. е. что Форстеръ призналъ свое первое описаніе не вполнѣ вѣрнымъ въ подробностяхъ. Для исправленія ошибки Броунъ конечно не нуждался бы въ новомъ имени Petrobium, а могъ бы возстановить первоначальное, еслибъ ему не пришлось въ такомъ случаѣ оставить свою собственную Laxmannia отъ 1810 г. Laxmannia Гмелина, хотя и явилась немного ранѣе, но сколько извѣстно, на этомъ названіи въ печати никогда серьезно не настаивали, потому, а равно и вслѣдствіе сомнѣній Тринія (см. выше прим. 362), кажется, слѣдуетъ оставить безъ вниманія.

831. *Стр.* 314. Gesch. d. Bot. II (1818), 331.

832. *Стр.* 315. Ср. прим. 114.

833. *Стр.* 315. См. его статью «Laxmannit, ett nytt mineral, som åtföljer kromsyrade blyoxiden» (ср. выше прим. 120). Норденшельдъ открылъ этотъ минералъ при подробномъ изслѣдованіи Берцеліусомъ такъ названнаго Вокеленита (Vauquelenit) изъ Березовска: «я убѣдился, пишетъ онъ, что тутъ рѣчь не о какой-либо чисто хромокислой соли, а о двойной соли изъ хромовой и фосфорной кислотъ, слѣдовательно о новомъ минералѣ, для котораго предлагаю названіе Лаксманитъ, по имени извѣстнаго своими путешествіями по Сибири профессора Э. Лаксмана, которому многіе шведскіе музеи обязаны богатыми посылками уральскихъ и алтайскихъ минераловъ. Сверхъ того Лаксманъ вѣроятно былъ первымъ обратившимъ вниманіе на минералы, находящіеся у Березовска; по крайней мѣрѣ шведская академія наукъ уже въ 1773 г. отъ него получила множество красивыхъ штуфовъ какъ красной, такъ и зеленоватой хромокислой свинцовой окиси»,—объ этой посылкѣ см. выше стр. 99 и прим. 339. — Относительно Лаксманита см. м. пр. Кокшаровъ, Materialien zur Mineralogie Russlands, Bd. VI (1870), 241.

834. *Стр.* 315. См. прим. 501.

835. *Стр.* 315. См. прим. 688[a].

836. *Стр.* 315. Ср. прим. 71. 125. 175. 177. 188. 225. 233. 347. 412. 438. 465 и мн. др.

837. *Стр.* 315. Одинъ изъ его внуковъ пишетъ м. пр.: «Eric Laxmann a réussi de faire plusieurs découvertes importantes dans la chimie, mais il y a quelques savans français qui se sont attribué le mérite de ces découvertes». (Не будучи знатокомъ французской химической литературы, я не могу ни утверждать, ни оспаривать этого общаго отзыва; не разумѣется ли Сажъ?), а потомъ—довольно смѣло: «Si l'on comparait les récompenses reçues par l'Amiral Poutiatine... avec l'expédition organisée à Okhotsk, même à une époque bien reculée, et les dangers dont elle était entourée, en se rendant au Japon par une voie encore inconnue alors et chez un peuple encore hostile

à l'égard des européens, on ne pourrait ne pas convenir, en toute justice, que la réussite de la première expédition au Japon méritait d'être récompensée du moins à l'égal de celle de l'Amiral Poutiatine (Comte)».

838. *Стр.* 317. См. ниже прим. 851.

839. *Стр.* 317. Въ метрикѣ стараго лютеранскаго прихода въ Москвѣ, № 2, стр. 191 в. между прочимъ написано слѣдующее: «1775 den 7 November der Staatschirurgus Laxmann an hitziger Krankheit, alt 50 Jahre».

840. *Стр.* 317. Преимущественно въ глав. XXVII и во мног. друг. мѣст.

841. *Стр.* 317. Именно его первая жена Кристина Маргарета, урожд. Руниенбергъ, въ 1766 году (см. стр. 42), и сынъ Антонъ Эрикъ (см. стр. 53).

842. *Стр.* 318. Въ письмѣ къ автору пишетъ Шифнеръ: «Sonst erinnere ich mich nur in einer St. Pet. Zeitung aus den 90ger Jahren gelesen zu haben unter den Privatanzeigen, dass bei Laxmanns Pensionäre zur Verpflegung aufgenommen worden; diese Notiz aufzufinden dürfte nicht nur Stunden, sondern Tage erfordern». Огромная память покойнаго маститаго ученаго въ этомъ случаѣ измѣнила ему.

843. *Стр.* 318. См. выше стр. 179.

844. *Стр.* 318. См. стр. 313.

845. *Стр.* 318. См. стр. 309.

846. *Стр.* 318. См. подъ его именемъ въ указателѣ. Онъ значится въ русскомъ государственномъ календарѣ 1794 — 1796 г.г.: въ Иркутскѣ въ высшемъ надворномъ судѣ въ званіи стряпчаго уголовныхъ дѣлъ и поручика, а до того: въ нижнемъ земскомъ судѣ какъ засѣдатель и поручикъ.

847. *Стр.* 318. По мѣсяцеслову 1796 г. — Я долженъ замѣтить, что даже въ Петербургѣ удалось найти лишь нѣкоторые изъ календарей прошлаго столѣтія, издававшихся академіею наукъ ежегодно

848. *Стр.* 319. Ср. стр. 254 и прим. 687. Геденстремъ выѣхалъ изъ Иркутска 1808 г. 18-го августа и прибылъ въ Якутскъ 13-го сентября. — Эрманъ, которому не удалось попасть въ пещеру (въ мартѣ 1829 г.), говоритъ въ примѣчаніи: «Von Herrn Hedenström in Petersburg, welcher mit Laxmann im August 1808 die Jerbinsker Höhle besuchte, habe ich erfahren, dass deren innere Wände mit spiegelndem Eis bedeckt sind. Die Leichtigkeit des Zuganges, welchen sie antediluvianischen Raubthieren darbot, lässt Knochen darin vermuthen.

849. *Стр.* 319. См. указатель. Упоминается въ русскомъ придворномъ календарѣ до 1795 г.: въ Гижигинскѣ въ нижнемъ земскомъ судѣ какъ исправникъ и поручикъ.

850. *Стр.* 319. Ср. стр. 314.

851. *Стр.* 319. Изъ документовъ, мною приведенныхъ, на стр. 197 и во многихъ другихъ мѣстахъ, видно, что Карлъ (Густафьевичъ) Лаксманъ, какъ испр. должн. гижигинскаго городничаго, обвинялся въ недозволенной торговлѣ съ Чукчами у рѣки Анадыри. Показывая, будто намѣренъ собирать т. н. ясакъ и оказывать помощь торговой компаніи, устроенной купцами Барановымъ и Кричевцовымъ у Анадырскаго укрѣпленія, онъ потребовалъ отъ гижигинскаго военнаго начальства 18 солдатъ при 2 унтеръ-офицерахъ, съ оружіемъ, аммуниціею и провіантомъ, и отправилъ ихъ въ эту отдаленную мѣстность. Во время сильнѣйшихъ морозовъ и въ дикихъ мѣстностяхъ 10 человѣкъ изъ нихъ въ крайне жалкомъ состояніи спаслись на Каменный островъ, относительно же другихъ не знали даже были-ль они въ живыхъ. Изъ слѣдствія, произведеннаго по этому поводу, оказалось, что Лаксманъ заставлялъ солдатъ возить къ чукчамъ водку, табакъ, желѣзныя вещи и т. д. для вымѣна на мѣха, вѣроятно чтобы самому обогатиться. Его объясненія дѣйствительно кажутся неудовлетворительными; онъ старался въ нихъ показать безкорыстную ревность, цѣлью которой будто служило—утвердить за казною подчиненіе этого дикаго и часто ненадежнаго племени и т. д., свидѣтельства упомянутаго каргопольскаго купца Петра Баранова (вѣроятно родственника бывшему Талцинскому компаньону Э. Лаксмана, Александру Андреевичу Баранову, родомъ также изъ Каргополя), богатаго чукчи Гаймуґиркина, самихъ солдатъ и др. весьма вѣски. Дѣлопроизводство не простирается далѣе конца 1796 г., а потому окончательный исходъ дѣла намъ неизвѣстенъ. Въ довольно вялыхъ словахъ прокуроръ Иркутской губерніи требуетъ лишь запрещенія Лаксману производить «незаконную торговлю свою». Послѣ этого времени ничего болѣе не слышно о немъ. Мнѣ встрѣчалось видѣть, что и Адама Лаксмана называли городничимъ въ Гижигинскѣ, но вѣроятно лишь потому, что смѣшивали его съ этимъ его дядею.—Карлъ Лаксманъ въ русскомъ государственномъ календарѣ, по крайней мѣрѣ за 1789—1796 годы, значится: въ Гижигинскомъ уѣздномъ казначействѣ казначеемъ и губернскимъ секретаремъ, а въ приведенныхъ судебныхъ дѣлахъ также и исправляющимъ должность городничаго.

852. *Стр.* 319. См. стр. 263 и сл.

853. *Стр.* 320. См. письмо отца его на стр. 287 и содержаніе примѣчанія 857.

854. *Стр.* 320. Ср. прим. 773.

855. *Стр.* 320. Это примѣч. напечатано въ текстѣ на стр. 320—322.

856. *Стр.* 322. Вѣроятно въ отцовскомъ домѣ; ср. стр. 238.

857. *Стр.* 322. Неясно въ рукописи 31, или 37. Первое число кажется вѣроятнѣе, считая со времени производства въ офицеры

1794 г. (ср. прим. 853). Если 37 вѣрнѣе, то мы получили бы 1787 годъ, какъ первый годъ его службы, а въ такомъ случаѣ онъ вѣроятно считаетъ съ того времени, когда 15 или 16-лѣтнимъ былъ зачисленъ въ гвардію. (Примѣч. переводчика: такъ и всегда считается, слѣдовательно 37).

858. *Стр.* 322. Это примѣчаніе включено въ текстъ на стр. 322 и 323, а во французскомъ переводѣ сочиненія Головнина находится во II т., стр. 310 и 320.

859. *Стр.* 323. Рикордъ (ср. прим. 692. 700) говоритъ, что его звали Штоягъ Мураками-Теске, и что онъ отъ Головнина научился по-русски; шведскій перев. стр. 129 и сл.

860. *Стр.* 323. Согласно сообщенію мнѣ барона фонъ Остенъ-Сакена, въ Воспоминаніяхъ Дёфа о Японіи (Doeff's Herringeringen uit Japan (Haarlem 1833), на стр. 148 стоитъ: «Nog minder is er aan het verhaal van Golownin dat zeker Hollander, Laxman, zich voor eene som gelds in Jedo zou hebben nedergeret en besloten, nimmer naar zyn vaderland weder te keeren. Gedurende mijne drie bezocken te Jedo, in 1086, 1810 en 1814, ja gedurende mijn negentienjarig verblijf in Japan, hep ik nimmer den naam van Laxman hooren noemen. Nimmer heeft in onzen tijd een Hollander besloten, in Japan te blijven, en nimmer zouden de Japanneezen zulksook aan een Hollander toestan». Это заявленіе не можетъ быть совершенно точно относительно имени Лаксмана, потому что оно было очень хорошо извѣстно японцамъ, какъ свидѣтельствуютъ не только Головнинъ, но также и Лангсдорфъ и Крузенштернъ.

861. *Стр.* 323. Ср. прим. 650, 701 и 729.

862. *Стр.* 324. «Erik Laxman né en 1738 (ср. дополненіе къ стр. 8) a fait ses études à l'Université d'Upsala, où il a eu pour professeur le célèbre Carl Linnaeus. Ce dernier, pour preuve de considération et d'amitié qu'il portait à Laxman, a donné le nom de Laxmania à une des plantes qu'il a classifiées.—L'année 1764 Laxman a été fait membre de l'Académie Impériale des sciences (т. е. въ видѣ корреспондента) et en 1769 membre de la Société libre économique. Laxman était également membre des Académies de Stockholm, de Berlin, de Danzig, etc. Il avait une correspondance suivie avec tous les savans de son époque, et l'Impératrice Cathérine II de glorieuse mémoire, l'a honoré plusieurs fois de ses lettres autographes. L'année 1772 il a été chargé par le Gouvernement Impérial de faire une exploration scientifique dans les Carpathes, ainsi que de la description de la Bessarabie. Durant les voyages, qu'il a faits dans ces contrées, il a couru des grands dangers et a maintes fois risqué sa vie. Il a fait également plusieurs voyages scientifiques en Sibérie qu'il a explorée presque dans toutes les directions, aussi il a constamment communiqué au Gouvernement Impérial et à l'Académie des sciences des

données intéressantes sur cette contrée lointaine et jusqu'alors presque inconnue. En même temps il a envoyé un grand nombre d'objets rares d'histoire naturelle et de minéralogie à l'Académie des sciences et au Cabinet Impérial. Il a composé un très grand nombre d'ouvrages du domaine de l'histoire naturelle, de la chimie et de la minéralogie, qui tous ont été imprimés dans les mémoires de l'Académie des sciences. Parmi les découvertes utiles faites par Laxman, on peut citer en premier lieu celle de l'emploi dans la fabrication de la verrerie du sel minéral en remplacement de la potasse. Cette invention a beaucoup contribué à la conservation des forêts».

«L'année 1791 Erik Laxman a présenté à l'Impératrice Cathérine, de glorieuse mémoire, le projet d'établir des relations de commerce avec le Japon. Il a exposé à Sa Majesté, que pour prétexte de l'entrée dans un port japonais on pourrait motiver le repatriement des Japonais naufragés près des îles Kouriles, dont un, nommé Koday, a été amené par Laxman de la Sibérie. Ce projet ayant été gracieusement approuvé par l'Impératrice, Erik Laxman a été chargé par son Auguste Souveraine de rédiger les instructions pour la mission spéciale de l'établissement des relations avec le Japon, ainsi que d'organiser une expédition dans ce but. — Son fils A. Laxman a été nommé chef de cette mission. Pour l'organisation de l'expédition qui devait aller au Japon, E. Laxman a dû se rendre avec son fils à Okhotsk et là même construire un navire. L'organisation d'une expédition dans des parages aussi lointains, ainsi que la construction d'un navire, était une chose très difficile à cette époque. Après avoir surmonté toutes ces difficultés — l'expédition est partie au printemps de l'année suivante 1792, et a touché le port de Nymouro, où, après bien des pourparlers, A. Laxman a atteint le but désiré de sa mission. Il a obtenu l'autorisation du Gouvernement Japonais afin que nos navires de commerce puissent entrer dans le port de Nangassaki».

«Après avoir accompli sa mission, Erik Laxman a présenté son rapport au Gouvernement Impérial, ainsi que le journal de voyage de son fils. Des occupations scientifiques l'ayant retenu en Sibérie pendant quelque temps, ce n'est qu'en 1796 qu'il s'est mis en voyage pour se rendre à St. Pétersbourg, d'ordre exprès de l'Impératrice, mais il est mort en chemin. C'est aussi la même année qu'est décedée son Auguste Souveraine, qui savait apprécier les savants et auprès de laquelle ils trouvaient l'accueil le plus gracieux et le plus encourageant».

863. *Стр.* 327. Именно письмомъ отъ того же числа; ср. выше стр. 95.

864. *Стр.* 328. См. объ немъ въ Указателѣ.

865. *Стр.* 329. Но вѣроятно не при томъ случаѣ въ 1770 г., когда Шмалевъ съ Алеутомъ прибылъ въ Петербургъ; ср. прим. 651.

866. *Стр.* 329. Находилось вѣроятно между бумагами Лаксмана, сгорѣвшими во время пожара въ 1812 г.; см. выше.

867. *Стр.* 330. См. объ этихъ медаляхъ также прим. 382 и 394.

868. *Стр.* 332. I. Фр. Генкель (Henkel), врачъ и металлургъ изъ Фрейберга († 1744 г.), оставилъ по себѣ, кромѣ многихъ извѣстныхъ сочиненій, также и значительную коллекцію минераловъ, попавшую послѣ его смерти въ Петербургъ.

869. *Стр.* 332, строка 10-я снизу. Не впервые Лаксманъ язвительно отзывается о своемъ знаменитомъ товарищѣ. Потому считаю нужнымъ теперь привести нѣсколько выдержекъ изъ переписки Портана съ Менандеромъ: онѣ особенно пригодны для объясненія нѣкоторыхъ внутреннихъ сторонъ въ жизни Петербургской академіи, а также и отношеній Палласа къ окружавшимъ его ученымъ, въ особенности же къ сварливому Домашневу, отъ котораго, кажется, зависѣло перемѣщеніе Лаксмана въ Нерчинскъ (ср. стр. 146). Портанъ, получившій свѣдѣнія свои вѣроятно отъ Лекселя, пишетъ 1782 $^{24}/_{5}$ (въ письмѣ, о которомъ мы упомянули на стр. 160-й, и немедленно послѣ приведеннаго тамъ): «Академія тамъ попала въ тяжкую войну со своимъ директоромъ, г. Домашневымъ, который совершенно деспотически хочетъ управлять ея членами, отъ чего они желаютъ защититься. Несогласія, какъ слышно, такъ велики, что не могутъ быть рѣшены иначе, какъ оставленіемъ должности директоромъ или большинствомъ академиковъ. Въ особенности, сколько слышно, гнѣвъ директора обрушился на проф. Эйлера младшаго, да на Котельникова, котораго онъ безъ объясненій отстранилъ отъ завѣдыванья натур. кабинетомъ и библіотекою. Это не особенно пріятныя новости; а также и то, что коллежскій совѣтникъ Палласъ (такой достойный академикъ и теперь вмѣстѣ съ чиномъ получившій къ прежнему жалованью ежегодную прибавку въ 1800 рублей; съ порученіемъ наблюдать за лѣсами русскаго государства) сталъ на сторону директора противъ всѣхъ своихъ товарищей (съ которыми онъ сначала держался дружно), чтобы присоединить къ своей должности и мѣсто Котельникова». — И опять 1783 $^{25}/_{4}$: «Изъ Россіи мы имѣемъ здѣсь подробныя свѣдѣнія объ освобожденіи академіи наукъ отъ тиранства Домашнева. Онъ самъ накликалъ на себя скорое паденіе письмомъ къ императрицѣ, въ которомъ осмѣлился генералъ-прокурора князя Вяземскаго (столько же полновластнаго господина по внутреннему управленію, какъ Потемкинъ въ дѣлахъ военныхъ и др.) обвинять какъ своего врага и весьма пристрастнаго человѣка. Этому господину, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, было повелѣно разобрать дрязги между академіею и ея начальникомъ. Не сдѣлай Домашневъ этого неосторожнаго шага, могло бы случиться, что онъ остался бы побѣди-

телемъ; вѣдь въ Россіи не легко оставаться правымъ въ ссорѣ съ начальниками! и большая часть иностранныхъ профессоровъ навѣрно вышли бы въ отставку, или получили бы ее. Послѣ того какъ управленіе ввѣрено княгинѣ Дашковой (женщинѣ съ необыкновенными познаніями и предпріимчивостью), произошло много перемѣнъ въ академіи, чѣмъ академики однакожъ не имѣли повода быть недовольными. Георги и Фуссъ сдѣлались ординарными академиками, первый по химіи, второй по математикѣ; какъ послѣдній красивъ собою, то это ему не повредитъ, когда начальницею дама. Докторъ Соколовъ сдѣлался адъюнктомъ химіи (чего онъ не могъ добиться при Домашневѣ), Головинъ сталъ экстраординарнымъ академикомъ, а Иноходцевъ ординарнымъ академикомъ по астрономіи. Ферберъ изъ Митавы получилъ приглашеніе быть академикомъ по химіи въ Петербургѣ; ему назначено 1400 рублей жалованья въ годъ и прекрасное (даровое?) помѣщеніе. Прежде никому такого большого жалованья не платили, кромѣ старика Эйлера, получающаго 3000, да Палласа—1600 рублей. Этотъ послѣдній, котораго характеръ не такъ похваленъ какъ познанія (онъ причудливъ, увертливъ и скрытенъ), по приказанію княгини долженъ былъ переписываться съ Ферберомъ, но и виду не показываетъ, что охотно бы освободился отъ подобнаго соперника. Княгиня приглашала всѣхъ къ прилежанію, такъ и академики, прежде ничего не дѣлавшіе, какъ-то Котельниковъ, Протасовъ и др., должны приняться за сочиненія. Много толковъ вызвало и въ Россіи назначеніе женщины начальницею академіи. Но если Екатерина можетъ управлять всею Россіею, отчего госпожа Дашкова не могла бы справиться съ академіей? Въ своей вступительной рѣчи она обѣщала ходатайствовать объ нихъ передъ императрицею, и по истинѣ академики болѣе того и требовать не могутъ». (Затѣмъ слѣдуетъ то мѣсто о Лаксманѣ, которое помѣщено выше на стр. 160).

870. *Стр.* 333. Ср. относительно этого К. І. Ингмана (Мандерфельдта) и его кражи золотыхъ табакерокъ статью мою въ Öfversigt Финск. учен. общ. XVI, 63 и сл.

871. *Стр.* 333. Вѣроятно И. И. Бецкій, пользовавшійся расположеніемъ Екатерины и умершій 93 лѣтъ.

872. *Стр.* 336. Имя неясно въ письмѣ: можетъ-быть, это тотъ Робертъ Реннѐрусъ, сынъ Якимварскаго капеллана (1729—1748), который, по краткому замѣчанію Акіандера, «переселился въ Петербургъ». Многіе, по имени Реннѐрусъ, учились въ Абовскомъ университетѣ.

873. *Стр.* 339. Островъ на Кандалакской губѣ Бѣлаго моря, гдѣ серебряный рудникъ разработывался около 1740 года.

874. *Стр.* 340. Сам. Прюссъ умеръ профессоромъ богословія въ Абовскомъ университетѣ 1779 $^{26}/_{7}$; Лаксманъ, готовый быть

его преемникомъ, слѣдовательно не охладѣлъ еще къ своему прежнему званію — пастора.

875. *Стр.* 340. Безъ сомнѣнія преимущественно Гаддъ, особенно желавшій противодѣйствовать Креандеру. Такъ онъ уже 1779 $^{26}/_{10}$ писалъ Варгентину: «Кальмъ опасно боленъ; если будетъ какъ хочетъ Фреденгеймъ, то онъ съ Кальмомъ похоронитъ и естественную исторію и экон. профессуру. Но прежде чѣмъ это случится я буду хлопотать о переводѣ меня на каѳедру экономіи; можетъ однакожъ случиться, что меня не предпочтутъ Креандеру. Не пожелаетъ ли Ферберъ занять каѳедру химіи, если я открою эту вакансію своимъ переходомъ на экономическую?» По смерти Кальма (1779 $^{16}/_{11}$) прошло не мало времени пока консисторія составила списокъ кандидатовъ на замѣщеніе его должности, которая однакожъ, по отдѣленіи отъ нея лекцій ботаники, порученныхъ Гелленіусу, была временно занимаема Креандеромъ. Когда консисторія наконецъ послѣ серьезнаго внушенія со стороны канцлера, графа У. Шеффера, составила списокъ кандидатовъ, то оказалось, что желающихъ было не менѣе девяти, а между ними и Креандеръ. Изъ нихъ Гаддъ былъ поставленъ на 1-ое, Гелленіусъ на 2-ое и доцентъ Э. Фёрлинъ изъ Лунда на 3-е мѣсто. Креандеръ подалъ жалобу и дѣйствительно былъ прямо назначенъ на мѣсто 1780 $^{1}/_{6}$; а консисторія получила выговоръ (1780 $^{15}/_{6}$) за исключеніе его изъ списка! Имя Лаксмана вовсе не упоминается во время этихъ внутреннихъ споровъ.

876. *Стр.* 341. Можно думать, что Лаксманъ не оставался равнодушнымъ, когда впослѣдствіи друзья Портана въ Петербургѣ хотѣли склонить его къ предпріятію путешествія для изслѣдованія финскихъ племенъ въ Россіи, о чемъ онъ самъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ 1795 $^{19}/_{3}$ (см. прим. 772).

877. *Стр.* 342. Совершенно вѣрно! Вотяцкая грамматика была издана въ Петербургѣ 1775 г., чувашская въ Москвѣ 1769 и въ Петербургѣ 1775 г., — обѣ по русски in 4⁰.

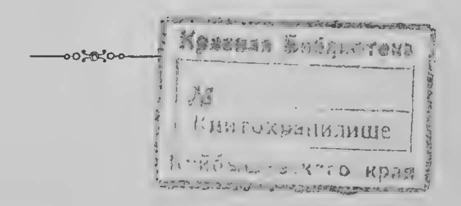
878. *Стр.* 346. Слѣдующаго содержанія: «Секретно. Правящаго должность Гижигинскаго Городничаго Губернского Секретаря Лаксмана въ Гижигинской Нижней земской судъ Сообщеніе. По отъкрывшимся изъ представленныхъ комне отъ Господина Прапорщика Хабарова взятыхъ имъ отъ работныхъ объясненіямъ значится, что при заведеніи купцомъ Кричевцовымъ въ бывшемъ Анадирскомъ остроге крепосцы найденъ имъ въудобномъ месте жителскіи анбаръ съ рыбнымъ заводомъ изверинными ловушками, чемъ и посіе время ползуются; посправкежъ здесь зделами оказалось приразрушеніи Анадырски оставшіе тягости въ 1768 году положены невдальномъ разстояніи отъ показанной крепости въсекретномъ погребу, какъ то артиллерія съ ея припасы, оруженныя и мундирныя вѣщи

и судовыя снаряды подъ прапорщикомъ Клюсовымъ скомандою нетолко подъ присягою, но подъ жестоквы наказаніемъ исмертною казнію скрытно, какъ отъ российскихъ равно и отъ иновѣрцовъ; почему иблаговолитъ нижніи земскіи судъ купца Кричевцова работныхъ его допросить, некоснулисьли оне ихъ секретному погребу; въ которомъ хранится артиллерія съ ей припасы, ичто посему окажется меня увѣдомитъ. Карлъ Лаксманъ. (10-го июня 1795 года)».

879. *Стр.* 346. Я препроводилъ эти образцы языка компетентному лицу — земляку нашему, поручику А. Нордквисту, участвовавшему въ экспедиціи Норденшельда и во время ея сдѣлавшему изслѣдованія надъ Чукчами; прошу его разсмотрѣть ихъ и обнародовать, если они того заслуживаютъ.

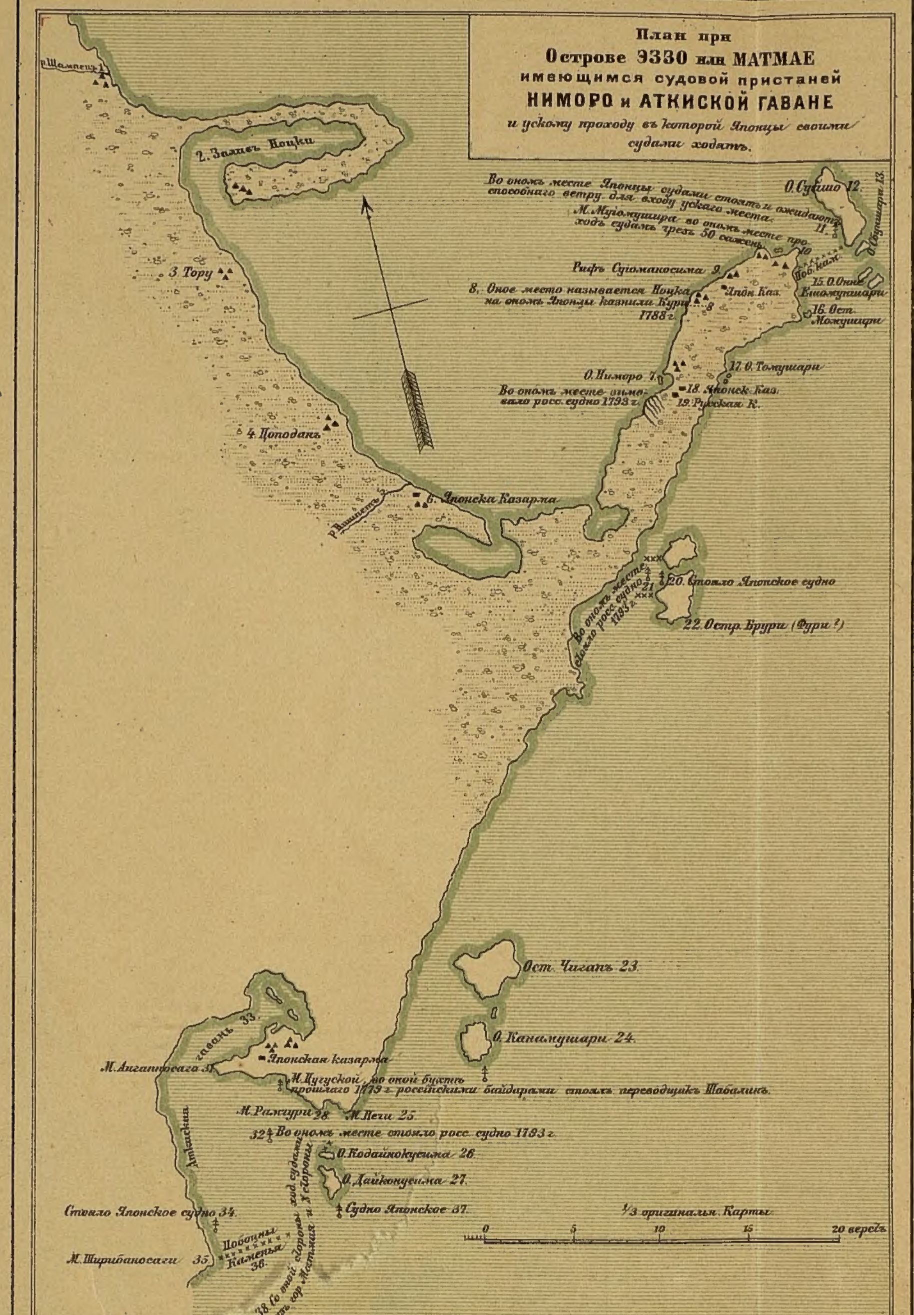
УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ЛИЦЪ, МѢСТЪ, НАРОДОВЪ И ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЭТОМЪ СОЧИНЕНІИ — НА СТРАНИЦАХЪ ТЕКСТА, ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ **(П.)** И НА КАРТАХЪ **(К.)**.

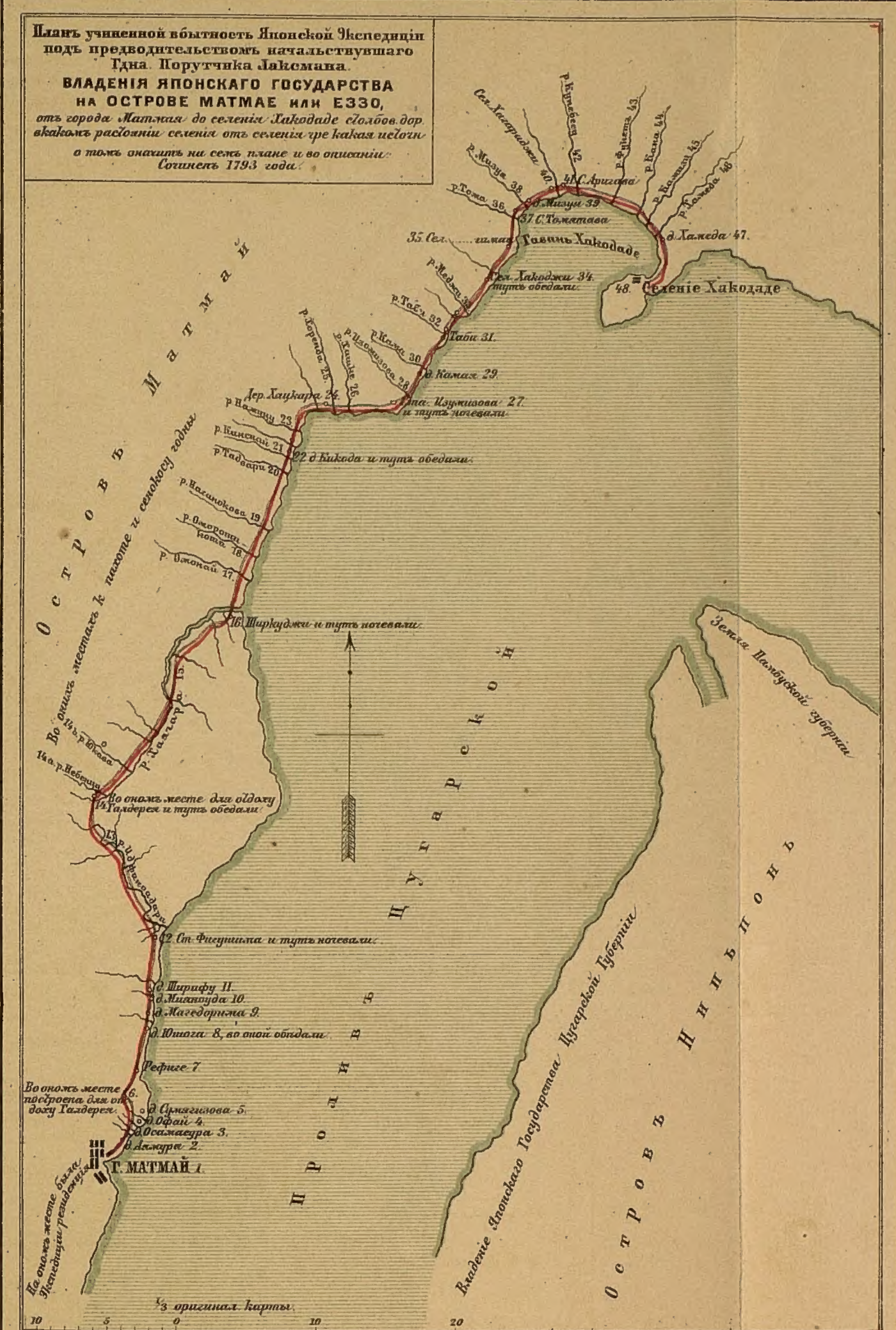

№
Книгохранилище

РАЗЪѢЗДЫ ЛАКСМАНА.

I.
См. примѣч: 741.



II.
См. примѣч. 741.



ОПИСАНІЕ.	Отъ города Матмая.		Отъ селенія до селенія.	
	Версты.	Сажены.	Версты.	Сажены.
Отъ города Матмая до селен. Аямура	1	50	1	50
Отъ Аямура до деревни Осамасура	1	250	—	200
Отъ Осамасура до деревни Орай	1	400	—	150
Отъ Орай до селенія Сумягизова	2	300	—	400?
Отъ Сумягизовой до построенной науторе для отдоху галдерея	4	300	2	—
Отъ Галдерей до селенія Рефиге	7	50	2	250?
Отъ Рефиге до деревни Юшога	10	50	3	—
Отъ Юшога до деревни Магедорима	10	150	—	100
Отъ Магедорима до деревни Мияноуда	12	50	1	400
Отъ Мияноуда до деревни Шрафу	13	50	1	—
Отъ Шрафу до станціи Фигушима	16	50	3	—
Итого	16	50	16	50
Отъ Фигушима до построенной для отдоху и обеда галдерей	26	100	10	50
Отъ оной до станціи Ширкуджи	40	350	14?	250
Итого	40	350	24?	300
Отъ Ширкуджи до деревни Кикода	52	160	11	310
Отъ Кикода до деревни Кацкари	57	160	5	—
Отъ Кацкари до станціи Изумизова	61	160	4	—
Итого	61	160	20	310
Отъ Изумизова до деревни Камая	—	—	3	300
Отъ оной до деревни Миджи	—	—	3	—
До деревни Таби	—	—	2	—
До деревни Моиаджи	—	—	3	—
До деревни Ягимай	—	—	2	—
Отъ оной до Томигова	—	—	3	—
До деревни Мизуя	—	—	—	250
Отъ оной деревни Хехаряжи Харигаца (?)	—	—	2	—
До селенія Хамеда	—	—	8	380
До селенія Хакодаде	—	—	5	300
Итого	95	390	34	230

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.